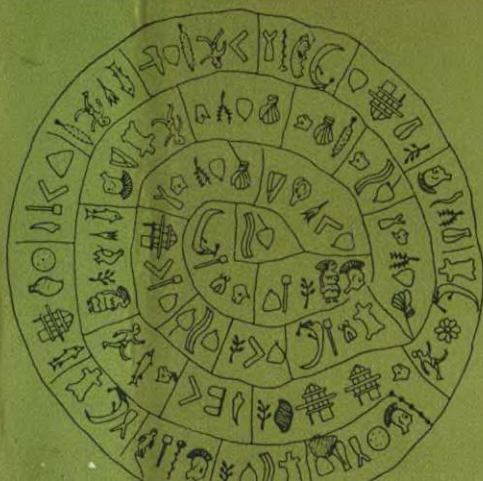

И. Е. ГЕЛЬБ
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПИСЬМА

И. Е. ГЕЛЬБ

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПИСЬМА

И. Е. ГЕЛЬБ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПИСЬМА

И. Е. ГЕЛЬБ

ОПЫТ
ИЗУЧЕНИЯ
ПИСЬМА

1

2

3

4

«Радуга»

Москва

1982

I.J. GELB

A STUDY
OF
WRITING

REVISED EDITION

The University of Chicago Press
Chicago & London
Second Edition 1963

И. Е. ГЕЛЬБ

ОПЫТ
ИЗУЧЕНИЯ
ПИСЬМА

(ОСНОВЫ ГРАММАТОЛОГИИ)

Перевод с английского языка
Л. С. Горбовицкой и И. М. Дунаевской

Под редакцией и с предисловием
И. М. Дьяконова

Рецензенты: д. ф. н. Вяч. Вс. Иванов и д. ф. н. В. П. Нерознак

Редактор М. А. Оборина

Монография известного американского ученого И. Е. Гельба является одной из лучших работ, посвященных развитию письменностей. Эта книга знакомит читателя с историей развития письма во всем ее многообразии и во взаимосвязи с историей цивилизации. Анализируя письменности разных времен и народов, автор показывает, что существенным является не то, как письменности отличаются друг от друга своей графической формой, а то, на основе каких звуковых единиц и комплексов складываются те или иные виды письма. Книга написана увлекательно и снабжена многочисленными иллюстрациями.

Рекомендуется специалистам по истории и теории письма, а также всем, кто интересуется историей древних цивилизаций.

Редакция литературоведения, искусствоведения и лингвистики

© Перевод, предисловие, комментарий — издательство «Радуга», 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление книги И. Е. Гельба "Опыт изучения письма (Основы грамматики)" явилось переломным моментом в научном понимании теории письма и его возникновения. До тех пор существовали либо частные исследования по отдельным письменностям (иногда с теми или иными теоретическими или генетическими построениями), либо всеобъемлющие обзоры по возможности всех или хотя бы всех важнейших видов письма. Историей письма занимались филологи широкого профиля, языковеды или специалисты по палеографии и эпиграфике. Ни одна из работ этого периода не могла удовлетворить читателя, интересовавшегося письмом как своеобразным явлением и как специфической областью человеческой деятельности. Между тем история или тем более теория письма не подведомственна ни лингвисту — поскольку языкознание занимается законами прямой звуковой коммуникации, а письмо обеспечивает непрямую коммуникацию через пространство и время и потому не сводимо к простому воспроизведению звуковой речи, а подчинено своим собственным законам, — ни эпиграфисту или палеографисту, которые занимаются формами начертания письменных знаков, отвлекаясь от внутренних законов самого письма как такового. Часто поэтому объемистые книги — обзоры разнообразнейших видов письма — неизбежно содержали множество фактических ошибок в частности, а отсюда — и в общей оценке теоретических вопросов. И это опять-таки вызывалось тем, что ни один филолог не в состоянии быть компетентным во всех системах письма, создававшихся для самых разных языков, и поневоле авторы должны были брать информацию из третьих рук.

Впервые в работе И. Е. Гельба письмо как специфический тип знаковой системы со своими особыми задачами и законами, как особая отрасль мировой культуры предстало в качестве предмета самостоятельной науки. И. Е. Гельб предложил назвать эту науку грамматологией. Без учета того, что сделано И. Е. Гельбом, теперь нельзя уже серьезно заниматься теоретическими проблемами истории развития письма, а также теорией дешифровки древних его систем. Особенно значительный вклад внес он в понимание самых древних письменных систем, которые он называет "словесно-слоговыми", а также в проблему древнейших алфавитов, оказавшихся

на поверку разновидностью слогового письма, которую мы предлагаем называть квазиалфавитом. Впервые собственно алфавитное письмо как система, ориентированная на передачу согласных и гласных, то есть фонетических элементов речи, и только через них — морфологии и лексики, возникло, как оказывается, лишь у греков (и, добавим мы, возможно, также у фригийцев) в VIII в. до н. э.

Первое издание книги И. Е. Гельба вышло в свет около тридцати лет назад (в 1952 г.) и впоследствии переиздавалось без существенных изменений. Между тем наука о письме, основы которой были заложены проф. Гельбом, не стояла на месте. Это подчеркивает и сам автор в своей новой работе, которая явилась своеобразным итогом изучения им многих письменностей в последующие годы. Эта работа И. Е. Гельба содержит немало новых и оригинальных мыслей и выводов; в ней нашли отражение также и те изменения, которые произошли за последнее время во взглядах автора в области грамматики.

Эта серьезная и интересная работа, любезно предоставленная автором для публикации в нашем издании, помещена в Приложении к настоящей книге.

И. М. Дьяконов

От переводчиков

Настоящее русское издание книги И. Дж. Гельба "Опыт изучения письма (Основы грамматики)" представляет собой перевод второго английского издания 1963 г. В авторизованном немецком переводе английского издания, вышедшем в 1958 г., имеются немногочисленные поправки, которые автор не счел нужным переносить во второе английское издание и которые по этой причине оставлены нами без внимания.

Несколько лет тому назад на материале главы IV данной книги автором специально для сборника "Тайны древних писмен" (М., 1976) была написана статья "Западноевропейские силлабарии", содержащая ряд дополнительных сведений.

Переводчики позволили себе сделать несколько примечаний, опирающихся на литературу, выпущенную после 1963 г., и добавить к библиографии названия некоторых из русских или переведенных на русский язык изданий. Однако в целом библиография к этой книге отражает уровень науки шестидесятых годов. Новейшая литература дается в работе И. Е. Гельба «Принципы систем письма в рамках зрительной коммуникации» (см. Приложение к настоящей книге).

Л. С. Горбовицкой переведены главы II, V, VII, XII и примечания к ним, а также составлены указатели. Остальная часть книги и новая работа И. Е. Гельба переведены И. М. Дунаевской.

Мы благодарны Л. Н. Меншикову за перевод англосаксонской транскрипции китайских слов и имен собственных, встречающихся в книге, в систему транскрипции, принятую в нашей стране.

*Л. С. Горбовицкая,
И. М. Дунаевская*

Предисловие к первому изданию

Эта книга содержит двенадцать глав, но в структурном отношении она распадается на пять частей. В первой главе рассматривается место письма среди различных систем взаимной коммуникации людей. За ней следуют четыре главы, посвященные описательному и сравнительному исследованию различных типов письма, существующих в мире. Шестая глава посвящена эволюции письма от самых ранних ступеней рисуночного письма до собственно алфавита. Дальнейшие четыре главы касаются общих проблем, таких, как будущее письма, связь письма с речью, искусством и религией. Из двух завершающих глав одна представляет собой первую попытку создания исчерпывающей терминологии письма, другая — обширную библиографию.

Задачей этого исследования является возведение фундамента новой науки о письме, которую можно назвать грамматологией. В то время как всеобщая история письма занимается рассмотрением отдельных письменностей главным образом с описательно-исторической точки зрения, новая наука делает попытку установить на сравнительно-типологической основе общие принципы, управляющие употреблением и эволюцией письма. Значение данного исследования заключается в том, что оно является первым систематическим изложением истории и эволюции письма, опирающимся на указанные принципы. Основными результатами этого нового подхода являются: устранение понятия так называемых словесных письменностей и его замена словесно-слоговым типом; отнесение так называемого семитского алфавита к слоговому типу; отнесение так называемых письменностей майя и астеков не к письменностям в собственном смысле слова, а к предписьменностям; вывод о том, что таинственные "надписи острова Пасхи" не представляют собой письма, а являются рисунками, предназначенными для магических целей.

Следует с самого начала подчеркнуть, что данная работа не является всеобъемлющей историей письма. Здесь рассматриваются только те письменности, которые представляют определенные типы или являются стержневыми для понимания определенных моментов развития. Поэтому напрасно было бы искать в данной книге рассмотрения судеб латинского письма в античное время, в сред-

ние века и в новое время, потому что его система не дает ничего нового для теории письма. Короче говоря, мы пишем сегодня точно так же, как это делали римляне, а древнее латинское письмо принципиально идентично письму греков, у которых оно было заимствовано.

Многое в нашей теоретической реконструкции развития письма покажется ересью некоторым ученым, в особенности тем филологам, которые, будучи пропитаны почтением к святости традиций в своих специальных областях, испытывают отвращение к выводам, опирающимся на всеобъемлющее рассмотрение письма *. Показательной для такого отношения является просьба, с которой обратился ко мне один из моих коллег и которая заключалась в том, чтобы я не указывал его имени в связи с выражением признательности за помощь, оказанную им мне в вопросах, связанных с китайским письмом. Я упоминаю здесь о его нежелании видеть свое имя среди "отступников" в надежде, что, прозрев, он еще захочет пойти в Каноссу.

Настоящее исследование опирается главным образом на данные внутренней структуры, доводы же, которые могут быть извлечены на основании данных внешней формы, занимают второстепенное место. Таким образом, для дальнейших исследований в том же направлении еще остаются богатейшие возможности детальной разработки формальных аспектов типологии и эволюции письма. Предметом такого более тщательного рассмотрения в будущем могут послужить писчие материалы, написание чисел, порядок знаков в их перечне, наименование знаков письма и вспомогательных знаков, таких, как просодические знаки, знаки словораздела и т. д.

Над этой книгой я работал более двадцати лет. В главе "Письмо и цивилизация" содержатся разделы, заимствованные из статьи, написанной мною еще в студенческие годы; а глава, озаглавленная "Будущее письма", написана всего лишь два года тому назад. Большая часть книги была закончена в последние несколько лет перед вступлением США во вторую мировую войну. Именно длительность периода вынашивания книги, наряду с тяжким бременем педагогических и административных обязанностей, которое мне пришлось нести в последние годы, вызвала некоторую стилистическую неровность и недостатки композиции, заметные в книге. По этим же причинам я не смог полностью использовать научную литературу, вышедшую в последние два-три года. Из числа важных трудов о письме, которые не были должным образом учтены в данной работе, я хотел бы выделить книги: James G. F é v r i e r. Histoire de l'écriture (Paris, 1948) и G. R. D r i v e r. Semitic Writing from Pictograph to Alphabet (London, 1948).

* Предположение И. Е. Гельба подтвердилось; многие западные ученые старой школы игнорировали его работу; однако сейчас, через тридцать лет, ее положения широко принимаются в науке.— *Прим. ред.*

Чтобы не быть неправильно понятым некоторыми лингвистами, я хочу предупредить, что термин "слоговой знак" употребляется здесь для обозначения единицы письма, которая обязательно содержит гласный (либо как таковой, либо в сопровождении согласного, стоящего перед ним или после него) и которая, кроме того, может, но не обязана содержать просодические признаки (такие, как ударение, тон, количество и т. д.); это определение слога применительно к письму не совпадает с определением слога, используемым некоторыми лингвистами для обозначения единицы речи, которой свойственны в первую очередь просодические черты и которая может, но не обязана содержать гласный.

Одной из самых мучительных проблем в работе такого широкого охвата, как данная, является проблема транслитерации и транскрипции. Никто лучше меня не понимает (поскольку я стремлюсь достигнуть единообразия), что мне не удалось избежать ряда непоследовательностей. Особенно неудачным является, на мой взгляд, параллельное употребление *i*, *j* и *y* (для *y* в английском слове *yes*); действие условных правил, уже укоренившихся в различных языках и письменностях, создало проблему, удовлетворительного решения которой найти не удалось.

Многим в этой книге я обязан прямо или косвенно своим друзьям и коллегам как в моей стране, так и за границей. Рукопись целиком была прочитана и подвергнута конструктивной критике моим бывшим учителем в Римском университете профессором Джорджо Леви Делла Вида (в бытность его в Пенсильванском университете), профессором Джулиано Бонфанте из Принстона, профессором Джоном Лотцем из Колумбии, профессором Томасом Себеком из Индианского университета, профессором Ральфом Маркусом, доктором Ричардом Т. Халлоком, госпожой Эрной С. Халлок и моим бывшим студентом Байроном И. Фаруэллом (все они из Чикаго). Главы I и IX были частично прочитаны профессором Торкильдсом Якобсеном из Чикаго, профессором Анри Франкфортом и госпожой Франкфорт, проживавшими тогда в Чикаго. Большую помощь мне оказали в области шумерского профессор Т. Якобсен, в области египетского профессора Уильям Ф. Эджертон, Кит К. Сил и Джон Э. Уилсон из Чикаго, а в области китайского — профессора Чэнь Мэнцзя и Дэн Сыюй (в бытность их в Чикагском университете). Профессор Йорген Лэссё, будучи в Чикаго, любезно помог мне, сделав рисунки для этой книги. Всем этим ученым и друзьям я приношу здесь мою горячую благодарность и признательность.

И. Е. Гельб

Чикаго, Иллинойс

Июнь 1951 г.

Предисловие ко второму изданию

Настоящее издание книги "A Study of Writing" выходит с целью обновить предыдущие издания, как американское, так и английское, исчезнувшие с книжного рынка. Чтобы не слишком нарушать целостность предыдущего издания, в основном тексте были сделаны лишь краткие поправки, которые можно было внести, не меняя порядка страниц; более пространные поправки и дополнения были отнесены в Примечания, помещенные в конце книги. Из-за многочисленных дополнений в этом разделе Примечания, Библиография и Указатель набраны заново и соответственно в них изменена нумерация страниц. Настоящее издание содержит те же самые рисунки, что и предыдущее, за исключением рисунков 50, 51 и 69, которые заменены более удачными иллюстрациями.

И. Е. Гельб

Чикаго, Иллинойс

Ноябрь 1962 г.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ

Двумя наиболее важными проявлениями человеческого поведения являются самовыражение и коммуникация. Первое относится к тому, что мы могли бы назвать личным поведением, второе — к социальному поведению. Человек имеет много средств, как естественных, так и искусственных, для выражения своих мыслей и чувств. Он может дать естественный выход своей радости, смеясь или напевая, а также своему горю, плача или стона. Он может выражать себя и при помощи искусственных средств, то есть написанного им стихотворения, картины или какого-либо другого произведения искусства. Человек может пытаться передать свои чувства, мысли или понятия, применяя условные и общепринятые образы. Какова же связь между самовыражением и коммуникацией? Существуют ли самовыражение или коммуникация в чистом виде? Не обстоит ли, скорее, дело так, что человек как социальное существо, как *ζῷον πολιτικόν* Аристотеля всегда находится или думает, что находится, в таких условиях, в которых он может выразить себя исключительно при помощи коммуникации? И наоборот, не являются ли великие шедевры искусства или поэзии формами коммуникации, возникшими в результате самовыражения индивидуумов? Мне кажется, что цели самовыражения и коммуникации так тесно сплетены во всех формах человеческого поведения, что обычно бывает невозможно говорить об одной из них, не будучи вынужденным в то же время касаться и другой.

Для того чтобы сообщать мысли и чувства, должна существовать общепонятная система условных знаков или символов, которые, будучи применены одними лицами, оказываются понятны другим, воспринимающим эти знаки или символы. Коммуникация при обычных обстоятельствах предусматривает присутствие двух (или более) лиц, из которых одно (одни) передает (передают), а другое (другие) принимает (принимают) данное сообщение.

Процесс коммуникации состоит из двух частей: передачи и приема. Так как средства передачи сообщения слишком разнообразны и многочисленны, чтобы их можно было подвергнуть какой-либо систематической классификации, нам приходится начинать с рассмотрения приема сообщения. Прием сообщения осуществляется

при помощи наших чувств, из которых зрение, слух и осязание играют наиболее важную роль. Теоретически могли бы учитываться и другие чувства, такие, как обоняние и вкус, но практически их роль чрезвычайно ограничена, и полностью развитой системы знаков на их основе не возникает¹.

Зрительная коммуникация может осуществляться посредством жестов и мимики². Они являются частыми спутниками речи, хотя интенсивность их употребления находится в зависимости от индивидуальных свойств говорящего, от социального слоя или этнической группы. Употребление жестов и мимики для достижения ораторского эффекта или вследствие природного импульса бывает свойственно одним людям больше, другим меньше. В нашем обществе считается дурным тоном "разговаривать руками". Общеизвестно, что в Европе южане, например итальянцы, употребляют как жестикуляцию, так и мимику в значительно большей мере, чем, например, скандинавы или англичане. Сочетание языка и жеста повсеместно играло важную роль в ритуальных действиях. Ограничения, налагавшиеся на употребление устной речи условиями как естественного, так и искусственного характера, привели к возникновению и развитию систем коммуникации, опирающихся на жесты и мимику. Таковы системы, созданные для глухонемых, лишенных природной способности пользоваться естественным языком. Сюда же относится и язык жестов монахов-траппистов, которые из-за данного ими обета молчания были вынуждены создать систему, заменяющую речь. Различные системы языка жестов часто употребляются среди аборигенов Австралии, например вдовами, которым нельзя произносить ни слова в период траура³. Наконец, система языка жестов, употребляемая индейцами прерий, была введена, когда возросла потребность общения между их племенами, говорящими на различных взаимно непонятных языках.

Среди других средств коммуникации, обращенных к глазу, следует упомянуть оптические сигналы, подаваемые при помощи огня, дыма, света, семафоров и т. д.

Одной из простейших форм слуховой коммуникации может, например, считаться свист с целью окликнуть кого-либо. Свист и аплодисменты в театре являются другими простыми примерами такого рода коммуникации. Иногда для подачи акустических сигналов используются искусственные средства, такие, как барабаны, свистки и трубы⁴.

Наиболее важной системой слухового общения является разговорный язык, обращенный к уху человека, получающего сообщение. Язык универсален. На протяжении времени, доступного нашему знанию, никогда не существовало такого человеческого сообщества, которое не обладало бы полностью развитым языком.

Простейшими способами передачи чувств при помощи осязания являются, например, рукопожатие, похлопывание по спине, любовное поглаживание. Полностью развитая система коммуникации посредством знаков, подаваемых касанием рук, употребляется

слепоглухонемыми. Наиболее известным примером является здесь случай Элен Келлер — американской писательницы и педагога⁵.

Средства коммуникации, упомянутые выше, имеют две общие черты: 1) все они обладают мгновенной длительностью и, следовательно, ограничены во времени: едва слово произнесено или едва сделан жест, как их уже нет, и их нельзя восстановить иначе, как путем повторения; 2) они могут употребляться только при общении между людьми, находящимися на более или менее близком расстоянии друг от друга, и, таким образом, эти средства коммуникации ограничены в пространстве.

Потребность найти пути передачи мыслей и чувств в формах, не ограниченных временем и пространством, привела к развитию способов коммуникации при помощи 1) предметов и 2) меток на предметах или на каком-либо прочном материале.

Число зрительных средств коммуникации при помощи предметов неограниченно. Когда человек кладет на могилу груды камней или ставит каменный памятник, он хочет выразить свои чувства к покойному и сохранить память о нем в грядущем. Крест, символизирующий веру, или якорь, символизирующий надежду, представляют собой примеры такого же рода. Другим современным пережитком коммуникации при помощи предметов являются также четки, каждая бусина которых в зависимости от ее местоположения и размера как бы воскрешает в памяти определенную молитву. Мы можем еще упомянуть здесь так называемые «языки цветов и камней», в которых каждый цветок или камень якобы способен передать определенное чувство.

Системы мнемонических знаков для ведения счета при помощи предметов известны по всему миру. Простейшими и наиболее распространенными из них являются так называемые "счетные палочки" для учета скота: это обыкновенные деревянные палочки с зарубками, соответствующими количеству голов скота, находящегося на попечении пастуха. Другим простым способом является учет скота при помощи камешков в мешке. Более сложная мнемоническая система имела хождение у перуанских инков. Это так называемое "письмо *кипу*", в котором данные, касающиеся числа предметов или живых существ, передаются посредством шнуров и узлов различной длины и разного цвета. Все сообщения о предполагаемом употреблении *кипу* для передачи хроник и исторических событий — чистейшая фантазия. Ни перуанское письмо, ни современные узелковые письменности Южной Америки и японских островов Рюкю не имели и не имеют никакого иного назначения, кроме записи простейших данных учетного характера⁶.

Здесь мы должны также упомянуть индейские *вампу*, состоящие из шнуров с нанизанными на них морскими раковинами; эти шнуры часто бывают сплетены в пояса. Вампу служили деньгами, украшением, а также средством коммуникации. Совсем простые по форме разноцветные *вампу*-шнуры употреблялись для передачи сообщений; при этом следовали принятым у индейцев

условным цветам (см. с. 28—29): белые раковины обозначали мир, багровые или фиолетовые — войну и т. д.⁷ Весьма сложные по форме *вампу*-пояса, представляющие целые фигуры и сцены, могут быть с полным правом отнесены к описательно-изобразительной ступени, рассматриваемой в главе II.

Предметы употребляются как помощники памяти для передачи поговорок и песен у негров эве, причем по форме эти мнемонические средства ничем не отличаются от более поздних письменных символов тех же эве (см. с. 56 и сл.). Карл Мейнхоф⁸ рассказывает, что один миссионер нашел в туземной хижине веревку, к которой было привязано много предметов: перо, камень и т. д. В ответ на его вопрос о назначении шнура с привязанными предметами ему было сказано, что каждый предмет подразумевает определенную поговорку. Мери Х. Кингсли⁹ рассказывает о другом обычае, распространенном в Западной Африке среди местных певцов: они носят повсюду с собой сетку с различными предметами — трубками, перьями, шкурками, птичьими головами, костями и т. п., — каждый из которых служит напоминанием о какой-либо песне. Исполнение этих песен сопровождается пантомимой. Слушатели выбирают какой-либо определенный предмет и перед исполнением рядятся о цене, которая должна быть уплачена певцу. Таким образом, сетка певца может рассматриваться как репертуар его песен.

Раковины каури часто употребляются для целей коммуникации. Так, у африканского народа йоруба¹⁰ одна раковина каури означает 'вызывающее поведение и раздор', две раковины рядом означают 'тесные отношения и встреча', а две раковины отдельно одна от другой — 'разлука и вражда' и т. д. Поразительно, что здесь развивается фонетический принцип (см. с. 72—73), проявляющийся в следующих ниже примерах. Шесть раковин каури означают 'привлекательный', потому что слово *eḡa* в языке йоруба имеет значения 'шесть' и 'привлекательный'. Соответственно послание, представляющее собой шнур с шестью раковинами, будучи передано молодым человеком девушке, означает: 'я нахожу тебя привлекательной, я люблю тебя'; а так как слово *eḡo* имеет значения 'восемь' и 'согласен', то ответ девушки молодому человеку, состоящий из шнура с восемью раковинами, означает: 'согласна, я чувствую то же, что и ты'.

Современным примером употребления предметов для целей коммуникации может служить эпизод в рассказе писателя Йокаи¹¹, в котором один человек посылает другому коробку кофе, чтобы предупредить его об опасности, угрожающей ему со стороны полиции. Эпизод может быть понят, если учитывать действие фонетического принципа: по-венгерски кофе — *kávè*, что похоже по звучанию на латинское *cave*, что значит 'берегись!'.

Сообщают о случае, чрезвычайно интересном со сравнительной точки зрения. Он засвидетельствован в той самой стране народа йоруба, где для коммуникативных посланий так часто используются раковины каури. При нападении царя Дагомеи на их город

один из туземцев-йоруба был взят в плен. Поспешив известить жену о своей беде, он послал ей камень, кусок угля, перец, зерно и лохмотья с целью передать ей следующее сообщение: камень означал 'здоровье' — в том смысле, что, 'как камень тверд, так твердо и сильно и мое тело'; уголь значил 'мрак' — 'как черен уголь, так темно и мрачно мое будущее'; перец указывал на 'жжение', что означало: 'как жжет перец, так жжет и у меня внутри из-за мрачного будущего'; зерно означало 'иссохший', и под этим подразумевалось следующее: 'как зерно иссохло при сушке, так и мое тело иссохло, опаленное жаром моего горя и моих страданий'; и, наконец, лохмотья означали 'изношенный', что надо было понимать так: 'каковы эти лохмотья, такова и моя одежда, изношенная и превратившаяся в рвань'¹². Совершенно аналогичное послание описывается у Геродота (IV, 131 и сл.): «Скифские цари ... отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мыш, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, [то они] должны сами понять значение этих даров. Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему [в знак покорности] землю и воду, так как де мыш живет в земле, питаясь, как и человек, ее плодами, лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа [по быстроте] на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрий (один из семи мужей, которые низвергли мага). Он объяснил смысл даров так: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зареетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами». Так персы стремились разгадать значение даров» *. Тем современным историкам культуры, которые захотят возразить против некоторых из моих реконструкций, опирающихся на сравнение древних народов и современных примитивных обществ (см. с. 250, прим. 42), нелегко будет пренебречь значением приведенных здесь обычаев, засвидетельствованных параллельно как в древности, так и в новое время.

Еще одна параллель к двум приведенным выше эпизодам обнаружена в Средней Азии. Речь идет о любовной записке, посланной местной девушкой молодому человеку, в которого она влюбилась¹³. Ее любовное письмо представляло собой мешочек с различными предметами, которые означали следующее: комочек спрессованного чая — 'я больше не могу пить чай'; соломинка — 'потому что я пожелтела от любви к тебе'; красный плод — 'меня бросает в краску, когда я думаю о тебе'; сушеный абрикос — 'я сохну'; кусок древесного угля — мое сердце сгорает от любви; цветок —

* Русский перевод приводится по кн. Геродот История в девяти книгах. Перев. и прим. Г. А. Стратановского: Ленинград, «Наука», 1972. с. 219—220. — Прим. перев.

‘ты прекрасен’; кусок сахара — ‘ты сладостен’; камешек — ‘разве твое сердце — камень?’; перо сокола — ‘если бы у меня были крылья, я бы полетела к тебе’; ядро грецкого ореха — ‘я отдаюсь тебе’.

Все средства коммуникации такого рода по-немецки иногда называются *Sachschrift* или *Gegenstandsschrift*¹⁴, то есть ‘предметное письмо’, на что нет совершенно никаких оснований, так как они не имеют ничего общего с письмом в обычном понимании. Неудобство использования предметов помешало развитию сколько-нибудь полной системы и привело к географической ограниченности способов предметной коммуникации.

Письмо осуществляется не посредством самих предметов, а при помощи меток на них или на любом другом материале. Письменные знаки обычно выполняются двигательными действиями руки, которая либо чертит, либо рисует кистью, либо выцарапывает, либо вырезает. Это нашло отражение в значении и этимологии слова ‘писать’ во многих языках мира. Английское слово *to write* ‘писать’ соответствует древнескандинавскому *rita* ‘вырезать (руны)’ и современному немецкому *reissen, einritzen* ‘разрывать, вырезать, выцарапывать’. Греческое слово *γραφειν* ‘писать’ (ср. интернациональное заимствование “графика”, “фонография” и т. д.) значит также ‘высекать’; ср. нем. *kerben*. Латинское *scribere*, немецкое *schreiben*, английское *scribe, inscribe* и т. п. первоначально значили ‘вырезать’, что очевидно из их связи с греческим *σχάρ-φασθαι* ‘вырезать, выцарапывать’. Готское *mēljan* ‘писать’ первоначально значило ‘рисовать кистью’, что видно и из того, что современное немецкое слово *malen* значит ‘рисовать кистью’. И наконец, славянское *писати* ‘писать’ тоже первоначально было связано с рисованием кистью [ср. русское *живопись*], что подтверждается связью с латинским *pingere* ‘рисовать кистью’¹⁵. Такое же семантическое развитие наблюдается в семитском семье языков. Так, корень *štr* ‘писать’ первоначально должен был иметь значение ‘резать’, о чем свидетельствуют арабские слова *sāṭūr* ‘большой нож’ и *sāṭir* ‘мясник’; корень *ktb* ‘писать’ первоначально значил ‘вырезать, выцарапывать’, на что указывает сирийское *taḳtēbā* ‘шило’; а корень *šhf* или *šhf* в южносемитских языках значил не только ‘писать’, но и ‘выдалбливать’.

Рассмотренные здесь выражения не только раскрывают механику процесса письма, но и указывают на весьма тесную связь между рисунком и письмом. Так оно и должно быть, поскольку наиболее естественным образом передача мыслей посредством зримых меток достигается при помощи рисунка. Именно рисунок, хотя и весьма несовершенным образом, обеспечивал те нужды первобытных людей, которые в новое время удовлетворяются письмом. В дальнейшем рисунок развивался в двух направлениях: 1) как изобразительное искусство, в котором рисунок (или картина) продолжает воспроизводить более или менее добросовестно

предметы и события окружающего мира в форме, не зависящей от языка, и 2) как письмо, в котором знаки, независимо от того, сохраняется их рисуночная форма или нет, превращаются в конце концов во вторичные символы для передачи понятий, выраженных языковыми средствами.

Все случаи устойчивой коммуникации, достигнутой путем осязательного восприятия (например, по системе Брайля) или восприятия слухового (например, при слушании граммофонных пластинок), представляют собой вторичные переносы (см. следующий раздел), развившиеся из систем, созданных на основе зрительного восприятия.

Рисунок 1 в виде таблицы показывает некоторые средства коммуникации, доступные человеку:

Рис. 1. Способы коммуникации идей.

	Мгновенная коммуникация	Стабильная коммуникация
Для зрительного восприятия	Жест; мимика; выражение лица, глаз; чтение по губам; мимический танец; подача сигналов огнем, дымом, светом, семафором.	(а) Предметы: крест и якорь; четки; язык цветов или камней; счетные палочки; камешки; кипу; раковины каури. (б) Начертания на предметах: рисунок или скульптура; письмо
Для слухового восприятия	Свист; пение и напевание; аплодисменты и одобрителный свист; речь; подача сигналов барабанами, свистками, фанфарами.	Граммофонные пластинки или диктофонные цилиндры.
Для осязательного восприятия	Рукопожатие, похлопывание по спине, поглаживание; знаки, подаваемые прикосновением у слепоглухонемых.	Чтение пальцами рельефных или выгравированных надписей; система Брайля.

Рассматривая различные системы взаимной коммуникации людей, не следует упускать из виду необходимости дифференцировать системы первичные и вторичные. Это различие может быть наилучшим образом проиллюстрировано следующим примером. Когда отец подзывает сына свистом, он без использования каких бы то ни было языковых форм выражает свое желание, чтобы мальчик оказался в определенном месте. Его мысль или ощущение прямо и сразу передаются свистом. Это первичный способ коммуникации.

Но когда отец пытается позвать сына, высвистывая буквы азбуки Морзе так, чтобы получилось *с-ы-н*, он пользуется языковым переносом. Его желание, чтобы мальчик оказался в определенном месте, передается свистом не непосредственно, а при помощи языковых средств. Это и есть то, что мы называем *вторичным средством коммуникации*.

Границ вторичным переносам нет. Например, произнесенное слово *сын* является первичным речевым знаком. В написанном слове *сын* перед нами письменный знак, использованный для речевого знака. Если затем это написанное слово *с-ы-н* передать световыми сигналами, то вспышки света будут знаками письменных знаков, которые являются знаками речевых знаков, то есть будут знаками знаков, которые в свою очередь являются знаками знаков. И так *до бесконечности*.

В английском языке нет подходящего выражения, которое бы передавало сразу все условные средства взаимной коммуникации, осуществляемой людьми посредством знаков. Французские лингвисты употребляют в этом смысле слово *le langage*, а язык, воспринимаемый на слух, они называют *langage parlé*, *langage articulé* или просто *la langue*. В англо-американском словоупотреблении *speech* 'речь' обычно употребляется для языка, воспринимаемого на слух, а *language* 'язык' — для любой системы знаков¹⁶. Для универсальной науки о знаках предлагалось несколько терминов, из которых, возможно, наиболее подходящим является термин "семиотика", предложенный Чарльзом Моррисом¹⁷.

Что лежит в основе взаимной коммуникации людей? Что мы подразумеваем, когда говорим, что сообщаем свои идеи, мысли или чувства? Возьмем три конкретных примера из повседневной жизни: что именно сообщается жестом оратора, призывающего к тишине, или звоном будильника, или уличным знаком "стоп"? Для лингвистов бихевиористской школы ответ ясен и прост: все, что мы сообщаем, — язык. С их точки зрения, язык — единственное средство, при помощи которого люди общаются друг с другом, а все прочие способы взаимной коммуникации не более как вторичные заменители языка¹⁸. Даже сам процесс мышления для них не что иное, как «безмолвный разговор», который, как они считают, всегда сопровождается «бесзвучными движениями голосовых органов, заменяющими речевые движения, но незаметными для других людей». Однако как раз в этом пункте хотелось бы отойти от принципиальной догмы лингвистов, принадлежащих к бихевиористской школе¹⁹. Конечно, безмолвный разговор играет важную роль во всех формах мышления, в особенности в случаях напряженных размышлений. Например, обдумываемая ситуация, в которой вы намерены сказать другому человеку: «Выйди вон!», — легко может сопровождаться заметным движением губ, иногда даже озвученным. Но с другой стороны, известно из опыта, подтвержденного специальными психологическими экспериментами, что мы можем думать и при отсутствии беззвучного потока слов²⁰,

а также понимать назначение предметов, слов для которых мы не знаем²¹. Наконец, глухонемые от рождения вполне способны общаться друг с другом без какого бы то ни было голосового фона, и если у них напряженные размышления подчас сопровождаются более или менее заметными движениями рук и лица, то такие рефлексy должны рассматриваться как вторичные и как стоящие в одном ряду с заметными движениями губ в случаях "беззвучной речи" у людей, способных говорить нормальным образом. Немало других примеров приема коммуникации без языкового фона можно найти в нашей повседневной жизни. Когда я вскакиваю с постели поутру на звук будильника или останавливаюсь по дорожному сигналу "стоп", то реакция моя бывает мгновенной и лишенной вмешательства каких-либо языковых форм, звон будильника или вид дорожного сигнала обращены к моему сознанию непосредственно.

Между процессом передачи и процессом приема сообщения часто бывает огромная разница. В то время как процесс медленного письма может сопровождаться беззвучными движениями голосовых органов, эти движения трудно, если не невозможно выявить у лиц, которые могут читать про себя в два или три раза быстрее, чем вслух. Установлено, что многие люди могут читать глазами без промежуточного потока речевых знаков.

Конечно, почти все системы знаков могут быть превращены в какую-либо языковую форму, но это может происходить именно потому, что речь является наиболее полной и развитой из всех знаковых систем²²; однако делать отсюда вывод, что речевые формы представляют собой необходимый фон для любой взаимной коммуникации людей, было бы заблуждением. Ведь никто не станет утверждать, что все в мире — деньги, только лишь потому, что все в мире может быть (теоретически) обращено в деньги.

Даже наиболее консервативные из американских лингвистов не отрицают существования зрительных образов, идей или понятий, не имеющих обязательного фона, состоящего из речевых знаков. Они лишь утверждают, что в лингвистике такие "невоплощенные слова" абсолютно ничего не значат и что для лингвиста, если будет позволено процитировать французское выражение, весьма популярное в Америке²³, «*les idées ne viennent qu'en parlant*» ('мысли возникают только в процессе речи'). Это, может быть, верно для «лингвистической науки, которая от начала до конца имеет дело только со словом, ее единственной реальностью»²⁴.

Но несомненным заблуждением тех, кто так думает, является полное отождествление речи и письма, принимаемое ими как нечто само собой разумеющееся. Они также ошибаются, уверяя, что, подобно тому как лингвист оперирует только речевыми символами, так и историк письма может плодотворно использовать только их, а зрительные образы идей и идеи без слов он должен выбросить в мусорную корзину. На самом же деле письмо в широком смысле слова не может на всех ступенях отождествляться с речью, и исследователь письма не обязан быть лингвистом. Символика зрительных

образов на самых ранних ступенях письма, так же как и символика знаков, передаваемых жестами, в состоянии выражать значения, обходясь без языковых одежд; тем самым и та и другая могут с пользой изучаться лингвистом. Только после того, как письмо развилось в собственно фонетическую систему, воспроизводящую элементы речи, появляется возможность говорить о практическом совпадении письма с речью, а также об эпиграфике и палеографии как разделах лингвистики.

Эта колоссальная разница между *семасиографической* ступенью письма (выражающей значения и представления, лишь слабо связанные с речью) и его *фонографической* ступенью (выражающей речь) должна нами тщательно учитываться, в особенности ввиду полемики, которая постоянно возникает по вопросам, связанным с определением письма. Те специалисты по общему языкознанию, которые определяют письмо как способ передачи речи при помощи зримых знаков ²⁵ и принимают письменный язык за эквивалент его устного двойника, которому он следует пункт за пунктом ²⁶, недооценивают историческое развитие письма и неспособны видеть, что такое определение неприменимо к ранним ступеням письма, на которых последнее лишь слабо отражает устную форму языка. С другой стороны, филологи, которые полагают, что письмо даже после его фонетизации употреблялось для записи или передачи как идей, так и звучания ²⁷, неспособны понять того, что, как только человек открыл способ выражения точных форм речи посредством письменных знаков, письмо утратило свой независимый характер и стало по преимуществу письменным заменителем своего устного двойника.

ДЕФИНИЦИЯ ПИСЬМА

Если неискушенного человека попросить дать определение письма, он, скорее всего, ответит примерно так: «Да нет ничего проще. Всякий ребенок знает, что это один из трех предметов, которым учат с первого класса, а выражение "азбучная истина" обозначает элементарнейшие познания по любому вопросу». Однако дело обстоит не так просто.

Письмо восходит к тем временам, когда человек учился передавать свои мысли и чувства при помощи зримых знаков, понятных не только ему самому, но также и другим людям, более или менее осведомленным о той конкретной системе, в которую входят эти знаки. Первоначально рисунки служили в качестве зримого выражения мыслей человека, причем эта рисуночная форма была в значительной мере независима от речи, выражавшей мысли в слышимой форме. Связь между письмом и речью была на ранних ступенях письма весьма слабой, так как письменное послание не соответствовало определенным формам речи. Всякое послание имело только один смысл и могло быть интерпретировано читателем только одним определенным образом, но "прочитать", то есть выразить его словами, можно было по-разному и даже на разных языках.

В дальнейшем систематическое осуществление так называемой "фонетизации" дало человеку возможность выражать свои мысли в формах, которые соответствовали определенным категориям речи. С этого момента письмо постепенно утрачивает характер независимого средства выражения мыслей и превращается в инструмент речи, в средство, при помощи которого определенные формы речи могли быть запечатлены в устойчивом виде.

В становлении всякого великого достижения человечества всегда можно обнаружить важный и решительный шаг, который коренным образом революционизировал ход его дальнейшего развития. Говоря в другом месте об изобретениях, я ссылаюсь на тот факт, что, хотя и не Уатт "изобрел" паровой двигатель, именно он сделал решительный шаг в его судьбе, первым применив на практике пар как движущую силу (с. 192). Необходимо признать существование подобного решительного шага и в истории письма. Этим шагом, имевшим революционизирующее значение, явилась фонетизация письма. Если мы согласны считать, что паровая машина началась с Уатта, то должны быть готовы допустить, что и письмо началось лишь тогда, когда человек научился с его помощью передавать понятия в языковом выражении. А потому мы готовы были бы признать, что письмо, как и полагают некоторые лингвисты, является именно приемом фиксации речи и что все ступени, на которых письмо не служит этой цели, не что иное, как подходы к письму, а не письмо в подлинном смысле слова²⁸. Однако такого рода ограничение, вводимое в определение письма, не может считаться приемлемым, так как оно не учитывает того факта, что обе ступени имеют одну общую цель: служить средством взаимной коммуникации людей при помощи зримых условных знаков. Далее, совершенно невозможно сваливать в одну кучу все древние или примитивные письменности и рассматривать их как находящиеся на одинаково низком уровне развития. Хотя все древние письменности непригодны для адекватной передачи речи, некоторые из них, как, например, письменности майя и астеков, достигли такого уровня систематизации и такой степени условности, которые в какой-то мере позволяют сравнивать их со вполне развитыми письменностями, такими, как шумерская и египетская.

Так все же, что такое письмо? Письмо — это *система взаимной коммуникации людей при помощи условно применяемых зримых знаков*. Однако из сказанного выше совершенно очевидно, что первобытные люди понимали под письмом совершенно не то, что понимаем мы. Вопрос о том, что лежит в основе письма — слова или понятия, — тот же, что и вопрос, который лежит в основе проблемы взаимной коммуникации людей вообще (см. с. 20 и сл.).

У первобытных индоевропейцев, семитов и индейцев потребность в письме удовлетворялась простым рисунком или рядом рисунков, которые обычно не имели отчетливой связи с каким-либо языковым формообразованием. Так как рисунки понятны *сами по себе*, нет необходимости, чтобы они соответствовали какому-либо знаку раз-

говорного языка. Это и есть то, что мы называем примитивной семасиографией.

Для нас, кто бы мы ни были — дилетанты или ученые, — письмо является *письменным языком*. Спросите прохожего на улице, и он ответит вам так не колеблясь. То же определение дано в поэтической форме французскими авторами: «L'écriture est la peinture de la voix; plus elle est ressemblante, meilleure elle est.» (Voltaire) ('Письмо — это живописная передача голоса: чем более она похожа, тем она лучше.' — *Вольтер*); «Cet art ingénieux de peindre la parole et de parler aux yeux.» (Brébeuf) ('Это прихотливое искусство живописать слово и обращаться к глазу.' — *Бребёф*). Вольтер и Бребёф оказываются здесь в хорошей компании: в своем мнении они могут опираться на авторитет Аристотеля, который много веков тому назад в вводной главе к "De Interpretatione", входящему в его "Логикку", сказал: «Произнесенные слова — это символы умственного опыта, а написанные слова — это символы произнесенных слов.»²⁹.

Я целиком согласен с лингвистами, которые полагают, что собственно письмо превратилось в способ выражения языковых элементов при помощи зримых знаков. Возьмем, например, следующее предложение: "Mr. Theodore Foxe, age 70, died to-day at the Grand Xing Station." ('Мистер Теодор Фокс, семидесяти лет, скончался сегодня в госпитале Гранд-Кроссинг.'). Хотя английское письмо, подобно латинскому, считается алфавитным, совершенно очевидно, что запись приведенного предложения чисто алфавитной не является. Помимо таких букв, как e, o, d, выражающих соответствующие им отдельные звуки, мы имеем здесь диграмму th для спиранта θ, букву x для двух согласных ks, словесный знак 70 для слова 'семьдесят' и, наконец, символ ребусного типа X в сочетании с алфавитным написанием ing для слова Crossing. Хотя письмо в данном случае представляется несистематичным, тем не менее каждый знак или сочетание знаков имеет здесь свое звуковое соответствие в устной речи. Абсурдно рассматривать написание "70" в отличие от фонографического написания "died" как идеограмму, хотя филологи обычно делают это, исходя лишь из того, что такое написание содержит столь разные значения, как 'семь, ноль, семьдесят, семьдесятый' и т. д. На самом деле оба написания, и "70" и "died", в равной мере ассоциируются с соответствующими им словами 'seventy' и 'died' и вызывают представление соответственно о числе и о смерти. Тот факт, что написание "70" — логографическое, а "died" — алфавитное, представляет собой случайный выбор одной из возможностей письма и не должен удивлять нас больше, чем встречающиеся различия в написании других слов, например "Mister" или "Mr", "comrade" или "cf.", "and" или "&". Во всех приведенных случаях в равной мере наблюдается условное употребление определенных знаков для определенных форм речи³⁰.

Если под "языковыми элементами" понимать отрезки предложения, слова, слоги, отдельные звуки и просодические признаки, то

окажется, что предложение, рассмотренное выше, содержит исключительно знаки для слов, отдельных звуков и просодических признаков. Фразеограммы, или знаки для отрезков предложений, в обычных письменностях встречаются редко, но они составляют существенную часть всех стенографических систем. Слоговые знаки³¹, само собой разумеется, характерны для слоговых письменностей. Из числа просодических признаков, таких, как количество (или долгота), акцент (или ударение), тон и паузы, только последние отчасти бывают выражены словоделением, а также знаками препинания в виде запятых. Обычно письмо не передает сколько-нибудь адекватно просодические признаки. Например, в таком предложении, как «Вы идете домой?», вопрос выражен при помощи вопросительного знака, однако определение того, к какому слову этот вопрос относится, — к первому, второму или третьему — оставляется на усмотрение читателя. В отличие от этого в научной транслитерации для передачи просодических признаков часто применяются специальные знаки. Таковы различные диакритические значки или цифровые индексы. Например, в написании *dēmos* (греч.) обозначены количество и ударение, а в написании *k₃* (шумерск.*) обозначен тон. Исчерпывающим образом тон и его повышение и понижение фиксируются только в системе нотной записи. На рис. 2 приводятся в виде таблицы различные способы написания языковых элементов.

Рис. 2. Способы написания языковых элементов

	Письменный знак	Система знаков
Отдельный звук (фонема)	Буква, или алфавитный знак	Алфавит, или алфавитное письмо, или буквенное письмо
Слог	Силлабограмма, или силлабический знак, или слоговой знак	Силлабография, или силлабическое письмо, или слоговое письмо
Слово	Логограмма, или словесный знак	Логография, или словесное письмо
[Фраза	Фразеограмма, или фразовый знак	Фразеография, или фразовое письмо]
[Просодический признак	Просодический знак	Просодическое письмо]

* См. примечание переводчика к стр. 240.— *Прим. перев.*

Рис. 3. Примеры непоследовательности в фонетическом письме

Алфавитные знаки	в функции отдельных звуков	i = i в 'dim'; = ay в 'dime'; = ə в 'dirt' c = s в 'Caesar'; = k в 'cat' x = ks в 'fox'; = gz в 'exam'; = z в 'Xavier' th = θ в 'thin'; = ð в 'them'; = t в 'Thomas';
	в функции слогов	l = lə в диалектном произношении 'elm' как 'eləm' b = bi в ребусных написаниях q = kyuu в необычном написании 'Bar-B-Q' вместо 'barbecue'
	в функции слов	m = 'meter, mile, minute' и т. д. M. = 'Martin, Mary, Majesty, Master, Monday' и т. д. v. = 'см.' e. g. = 'например' No или № = 'номер' α, по-гречески = 'один'
Слоговые знаки	в функции слогов	ma = ma в хеттской силлабографии
	в функции отдельных звуков	ma = m в хеттском написании ta-ma для tam
	в функции слов	ma = ma-pa 'мина' в аккадском
Словесные знаки	в функции слов	† = 'покойный, умер' 2 = 'два, второй' ° = 'градус' & = (восходит к лат. et) = 'и' &c = 'et caetera, и т. д., и т. п.'
	в функции слогов	Изображение стрелы = ti в шумерском = слововому значению ti 7 = septem в сокращении 7ber ('September') & = et в средневековом написании videlicet вместо videlicet
	в функции отдельных звуков	Изображение пчелы ('bee') = b в (английских) ребусных написаниях

Письмо никогда не может рассматриваться как *точный* эквивалент устной формы языка. Такое идеальное соответствие, при котором одна речевая единица выражалась бы одним знаком, а один знак выражал бы только одну речевую единицу, так и не смогло быть достигнуто письмом. Даже алфавитное письмо, наиболее развитая из всех форм письма, изобилует проявлениями непоследовательности в передаче отношений между знаком и звуком. Непоследовательность фонетического письма проиллюстрирована в виде табл. на рис. 3. Приводимая здесь таблица должна одновременно показать различие между историческим и функциональным характером письма.

При всем при том общая констатация того факта, что собственно письмо выражает речь, не означает, что оно не выражает ничего, кроме речи. Любое письмо, даже наиболее развитое фонетическое письмо, изобилует формами, которые, будучи прочитаны вслух, двусмысленны и легко могут быть поняты неправильно. Существование так называемых "визуальных морфем", то есть форм, которые передают значение только на письме, показывает, что письмо может иногда функционировать в качестве средства коммуникации отдельно от речи и в дополнение к ней. Из множества примеров визуальных морфем в английском ³² приведем следующий *: The *sea* is an ocean, and *si* is a tone, as you can readily *see*. — 'Sea [si:] — это 'океан', а si [si:] — нота 'си', как вам нетрудно понять' ('понять' — по-английски *see*, то есть тоже [si:]). Другими примерами, представляющими собой случаи такого различия значений, выраженного написанием слов, являются *check—cheque* ('препятствие' — 'чек'), *cont—roller—comptroller* ('контроллер; контрольный механизм' — 'финансовый контролер; инспектор'), *compliment—complement* ('комплимент' — 'комплемент') ** 33.

В современном употреблении иногда встречаются знаки, не имеющие точных общепринятых речевых соответствий. Например, стрелка, использованная в качестве символа, может иметь разные значения, зависящие от ситуации. В качестве придорожного знака она может значить 'следуйте в направлении, указываемом стрелкой', а у входа в погреб означает 'вход здесь'. Примеры такой символики имеют множество параллелей на семасиографической ступени письма, когда знаки подразумевают именно значения, а не слова или звуки. Символика такого рода находится за пределами нормальной системы письма. Как часть фонетической системы письма знак стрелки с течением времени должен приобрести одно или два недвусмысленных речевых значения вроде 'идти (туда-то), следовать' и т. п.

Сюда же относятся некоторые символы, употребляемые в английских юмористических картинках (*comic strips*) и понятные всем,

* Примеры такого рода практически непереводимы, поэтому мы ограничиваемся одним из числа четырех, предлагаемых автором. — *Прим. перев.*

** Последний из приведенных примеров имеет точное соответствие в русском; в качестве другого русского примера можно указать на написания *компания* — *кампания*. — *Прим. перев.*

несмотря на то что для них не существует принятых условных речевых соответствий. Такими символами, которые Уэстон Лабар ³⁴ называет «сублингвистическими идеограммами», являются, например, замкнутая кривая, окружающая печатный текст со словами лица, изображенного на рисунке, и означающая 'он говорит', отпечатки следов, передающие значение 'идет', изображение пилы, означающее 'храпит, спит', изображение лампочки с исходящими от нее лучами, означающее 'есть идея!', а также знаки] % ! * ' / = #, обозначающие 'неудобопроизносимое'.

За пределами нашей фонетической системы знаков находятся также условные обозначения, употребляемые в математике, логике и некоторых других науках. Хотя в написании такой математической формулы, как

$$y(\lambda) = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n e^{a_{ij}} + \lambda_{b_{ij}},$$

каждый знак имеет или может иметь точное соответствие в речи, значение здесь передается суммой знаков, порядок и форма которых не следуют принятым нормам обычного фонетического письма.

Значение может иногда передаваться на письме не только при помощи условной формы знаков, но также и посредством различных вспомогательных способов, опирающихся на описательные приемы, цвет, позицию и контекст ситуации.

Наиболее древние восточные системы письма, а именно месопотамская, египетская и др., будучи полностью фонетическими, употребляют условные знаки с определенным словесным или слоговым значением. Однако даже в некоторых из подобных полностью фонетических письменностей значение выражается иногда не условными знаками, а изображениями сцен, выполненными при помощи описательно-изобразительного приема (см. с. 38 и сл.). Так, в египетском тексте, описывающем победы Рамессеса II над вражескими странами, почетный титул фараона 'Тот, кто подчиняет чужие народы' не выписан отдельными иероглифами, а дан в виде сцены, изображающей фараона, который связывает чужеземного царя веревками ³⁵. В другом тексте формула 'жертвоприношение, которое приносит царь' выражена рисунком, изображающим царя, который держит циновку с лежащим на ней караваем хлеба ³⁶. Значение этих двух сцен передается в форме, хорошо известной нам по раннему периоду египетского письма, представленному, например, палеткой Нармера, подробно рассматриваемой ниже (см. с. 78 и сл.).

Роль цвета в нашем современном письме как будто несущественна, хотя разные цвета и употребляются иногда с целью более отчетливой дифференциации значений, например в таблицах; все же как в печати, так и в письме от руки нормальным является преобладание черного или темного цвета. В прежние времена, когда все писалось от руки, дифференциация цветов встречалась чаще. Как

в древних мексиканских рукописях, так и в более поздних рукописях индейцев часто встречается окраска знаков. У индейцев чероки белый цвет употребляется для обозначения мира или счастья, черный — для обозначения смерти, красный — успеха и торжества, синий — поражения и беды³⁷. Следует еще упомянуть Полихромную Библию, в которой при помощи цвета обозначены разные источники текста, а также современные пасиграфические системы (см. с. 232), использующие цвет для дифференциации значения. За пределами письма разные цвета используются на картах и при татуировке. И система кипу пользовалась при передаче данных учетного характера вызыванием узлов на шнурах разного цвета. Именно различия в цвете чаще всего лежат в основе использования цветов и камней для передачи определенного рода сообщений.

Значение может иногда передаваться приемом, в основе которого лежит так называемый "принцип позиции", или "принцип позиционного значения". Известно, насколько этот принцип важен в математике, например в написаниях "32" и "32⁴". В то время как сами по себе приведенные цифры значат 'три' и 'два', подразумеваемое значение выражено здесь постановкой знаков в определенную условную позицию по отношению друг к другу. Необычное применение принципа позиции наблюдается при написании египетского слова $m^x h^x n^x w^x$ 'внутри' с помощью двух знаков, размещенных один над другим, то есть знака СОСУД над знаком ВОДА. В слоговом чтении это дает $m^x(w^x)$ 'вода' плюс $h^x(r^x)$ 'под' (соответствующий знак отсутствует) плюс $n^x w^x$ 'сосуд', а в совокупности означает $m^x h^x n^x w^x$ 'внутри'³⁸. Современным примером такого типа является написание WOOD AND JOHN MASS вместо 'John Underwood, Andover, Massachusetts', будто бы обнаруженное на письме в качестве адреса. Словоразделы, часто не обозначавшиеся в старых письменностях, представляют собой другое важное применение принципа позиции. Это видно из различия в значении таких написаний, как see them eat 'видеть, как они едят' и see the meat 'видеть мясо' или a nice box 'хорошенькая коробочка' и an icebox 'холодильник'.

Рука об руку с принципом позиции действует принцип контекста ситуации, если воспользоваться термином, который употребляет Б. Малиновский в своей работе, посвященной изучению проблемы значения в примитивных языках³⁹. Так, вопрос 'Где перо?' обычно бывает вполне понятен слушателю, несмотря на то, что слово 'перо' может иметь такие разные значения, как 'орудие письма', 'птичье перо' и — в воровском жаргоне — даже 'нож'; происходит это по той простой причине, что вопрос задается в определенных условиях, которые обеспечивают однозначность понимания. Таким же образом из контекста без труда выясняется, что сокращение PG в работе, посвященной германской армии, значит Panzergrenadier 'рядовой мотопехоты', а в университетском употреблении — post-graduate 'аспирант'⁴⁰. Принцип контекста ситуации находит применение также и в других знаковых системах, например в системах,

связанных с жестами; так, изображение человека, указывающего пальцем на дверь, может в одних ситуациях значить 'выход!', а в других — просто 'там' или 'в этом направлении'. Значение контекста ситуации хорошо прослеживается в современных карикатурах: политическая карикатура, опубликованная каких-нибудь пятьдесят лет тому назад, почти недоступна пониманию молодого человека, незнакомого с ситуацией и условиями, которые послужили поводом для ее создания ⁴¹.

ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О ПИСЬМЕ

При попытке реконструировать ранние ступени нашей культуры мы опираемся главным образом на источники, относящиеся к Древнему Востоку. Это касается истории письма, может быть, даже в большей степени, чем какого бы то ни было другого важного культурного достижения. Именно там, в странах шумеров, вавилонян, ассирийцев, хеттов, ханаанеев, египтян и китайцев, лопата археолога добыла в течение последнего века тысячи документов, которые невероятно обогатили наши знания и открыли совершенно новые перспективы для исследований. Абсолютно немыслимо пытаться хотя бы примерно представить себе историю письма без учета письменных источников Древнего Востока. Однако в наших знаниях еще немало пробелов. Чем дальше мы уходим в глубь времен, тем меньше источников оказывается в нашем распоряжении. Чрезвычайно интересная проблема "происхождения" письма скрыта во мраке веков, и решить ее так же трудно, как проблему "происхождения" таких важных аспектов нашей культуры, как искусство, архитектура, религия и социальные институты.

Так как древние времена не дают нам ключа к пониманию некоторых существенных моментов развития, мы вынуждены искать данные, которые помогли бы пролить свет на интересующий нас предмет, в другом месте. Приходится пользоваться тем обстоятельством, что еще до сих пор существуют или же существовали в недавние века примитивные ⁴² общества, культурный уровень которых в ряде отношений схож с уровнем давно исчезнувших древних культур. Письменное наследие таких примитивных народов, как американские индейцы, африканские бушмены или аборигены Австралии, сколь далеко оно ни отстоит от того, что мы называем письмом сегодня, тем не менее дает ценную основу, позволяющую понять, каким путем люди научились общаться друг с другом при помощи зримых меток. В наших изысканиях мы не должны пренебрегать искусственными письменностями, созданными аборигенным населением под влиянием европейцев, чаще всего миссионеров. История этих письменностей, самыми интересными из которых являются системы эскимосов Аляски, африканского племени бамум и индейцев чероки, позволяет увидеть разные ступени, через которые они прошли, прежде чем достигли своего окончательного вида. Последова-

тельность этих ступеней во многом сходна с той, которая наблюдается в истории письма при его естественном развитии.

Другой весьма плодотворный метод изучения может быть подсказан исследованием детской психологии. Не раз наблюдалось, что существует сходство между складом мышления младенцев и детей и складом мышления целых обществ, стоявших на самых примитивных ступенях развития. Одним из наиболее важных моментов этого сходства является тенденция к конкретности⁴³. Подобно тому как ребенок рисует вертикальную линию и объясняет, что это дерево, которое растет перед домом, так и примитивный человек часто ассоциировал свои рисунки с конкретными предметами и событиями окружающего мира. Эта тенденция, проявляющаяся в письме и рисунке, проистекает из самого характера языка первобытных людей, которому была свойственна склонность к чрезвычайно конкретным и узким обозначениям. Наблюдения над такими примитивными языками, в которых, например, не употребляются слова 'рука' или 'глаз', а только 'моя рука' или 'правый глаз' (в зависимости от ситуации) и в которых нет общего слова 'дерево', а есть лишь конкретные слова 'дуб', 'вяз' и т. п., можно в значительной мере заменить изучением речи детей, едва научившихся говорить. Другая интересная точка соприкосновения может быть выявлена путем изучения направления и ориентации знаков в детских рисунках и в примитивных письменностях. Замечено, что дети изображают предметы, искажая существующие между ними пропорции, не соблюдая какого-либо порядка и не проявляя сколько-нибудь заметного чувства направления. Даже ребенок, которого уже учат письму, часто изображает буквы то слева направо, то справа налево, не отдавая себе отчета в существовании какой-либо разницы между обоими направлениями. Подобное отношение к направлению и к ориентации знаков наблюдается почти во всех примитивных письменностях.

Тенденция к конкретности и детализации, отмеченная у детей и у первобытных народов, недавно выявлена также и у взрослых, страдающих умственной неполноценностью, проявляющейся по типу амнестической афазии⁴⁴. Наблюдения показали, что эти лица обычно избегают общих выражений, таких, например, как 'нож', употребляя вместо них конкретные обозначения типа 'хлебный нож', 'кривой нож' или 'перочинный нож'. Путь, по которому такие лица заново учат язык, подобен пути естественного языкового развития детей. Таким образом, детальное изучение больных амнестической афазией может способствовать изучению происхождения языка и письма.

ИЗУЧЕНИЕ ПИСЬМА

Исследование письма с точки зрения формы является прежде всего поприщем эпиграфистов и палеографов. Обе специальности часто смешивают, хотя в точном словоупотреблении их следовало

бы строго различать. Эпиграфист интересуется главным образом надписями, высеченными острым орудием на твердом материале — на камне, дереве, металле, высушенной глине и т. п., — тогда как палеограф изучает прежде всего рукописи, выполненные на коже, папирусе или бумаге пером или кисточкой. Эпиграфика чаще занимается более древними периодами истории письменностей, а палеография — рукописями более поздней поры.

По сути дела, эпиграфика и палеография как всеобщие научные дисциплины не существуют. Ни в одной из этих двух областей нет работ, которые рассматривали бы предмет с общей, теоретической точки зрения. Мне, к примеру, не известно исследование, которое представило бы читателю развитие формы знаков от рисуночного состояния до линейного или от округлого начертания до угловатого с учетом всех письменностей мира. Вместо этого мы располагаем исследованиями сравнительно узких областей, например семитской эпиграфики, арабской палеографии, греческой и латинской эпиграфики и палеографии, китайской палеографии, папирологии и т. д., ограниченных определенными периодами времени или географическими ареалами. Все эти относительно узкие области исследования представляют собой разделы более обширных, но специфических областей, таких, как семитская или арабская филология, классическая филология, ассириология, китаеведение и египтология.

Подобно тому как нет всеобщей эпиграфики или палеографии, так нет и всеобщей науки о письме. Тому, кто помнит десятки разнообразных книг, трактующих о письме вообще, такое утверждение может показаться нелепым. Однако следует отметить, что для всех этих книг характерен историко-описательный подход. А такой чисто повествовательный подход к предмету не создает науки. Не рассмотрение гносеологических вопросов "что? когда? где?", а рассмотрение вопроса "как?" и еще прежде "почему?" является основным в создании теоретических основ науки. За вычетом немногих исключений, касающихся отдельных письменностей, названные вопросы если когда-либо и ставились в области письма, то крайне редко. Однако наибольшим недостатком всех работ, посвященных письму, является полное отсутствие систематической типологии. Нельзя сказать, что по отдельным письменностям, таким, как египетская иероглифика или греческий алфавит, нет хороших работ. Но нам недостает теоретической и сравнительной оценки разных типов письма, то есть сопоставительного рассмотрения различных типов силлабариев, алфавитов, словесных знаков и словесно-слоговых письменностей. Существующая ныне путаница в области типологической классификации письменностей может быть проиллюстрирована употреблением термина "переходные" ⁴⁵ по отношению к столь важным письменностям, как месопотамская клинопись или египетская иероглифика, которые просуществовали около трех тысяч лет и чье точное место в классификации письма может быть установлено без большого труда (см. с. 68 и сл.).

Цель данной книги — заложить фундамент подлинной науки о

письме, которую еще предстоит создать. Эту новую науку можно было бы назвать "грамматологией", следуя отчасти термину "грамматогрaфия", примененному несколько лет тому назад в заглавии книги о письме, опубликованной в Англии ⁴⁶. Термин "грамматология" кажется мне более подходящим, чем термин "графология", который мог бы привести к недоразумениям, или чем термин "филогрaфия" (новый термин, созданный в отличие от термина "филология"), который менее точен, чем "грамматология".

В следующих ниже четырех главах будет дано описательное рассмотрение письма. Что касается проблем сравнительной оценки, то они будут обсуждены особо (как правило, в конце каждой главы). Наконец, в главе VI будет рассмотрена историческая эволюция письма от древнейших ступеней семасиогрaфии до развитой фоногрaфии.

II

ПРЕДПИСЬМЕННОСТИ *

Под предписьюменностями мы подразумеваем все те фазы, которые, еще не будучи письмом как таковым, содержат в себе элементы, из которых постепенно развилось подлинное письмо. У немцев есть хороший термин — *Vorstufe*, которым обозначается ступень, предшествующая первой подлинной ступени развития того или иного явления, — скажем, предыстория в противовес истории. В качестве эквивалента для *Vorstufe* я охотно предложил бы слово *forestage* (в буквальном переводе — ‘предступень’), однако, к сожалению, мы не вправе вводить этот термин для своих целей, ибо он уже существует в английском языке, хотя и в устаревшем виде, и обозначает ‘полубак’ или ‘судно с баковой надстройкой’.

ПРИМИТИВНЫЕ РИСУНКИ

Разумеется, было время, когда человек не умел писать. Если собственно письмо определять как способ передачи языковых элементов при помощи зримых условных знаков (см. с. 23), то в этом смысле письмо не старше пяти тысяч лет. Однако еще в самой глубокой древности, десятки тысяч лет назад, человек испытывал потребность рисовать или писать красками на стенах своих примитивных жилищ или на окрестных скалах. В этом доисторический человек был подобен ребенку, который, еще не научившись ползать, начинает выводить на обоях каракули или чертить на песке корявые рисунки.

Во всех уголках земли оставил человек следы своей творческой фантазии — наскальные изображения, охватывающие периоды от древнего, палеолитического, до наших дней. Эти изображения называются петрограммами, если они нарисованы или написаны красками, и петроглифами, если высечены или выгравированы. Обычно на них изображены люди и животные, так или иначе связанные друг с другом. Широко известны рисунки периода палеолита в Европе ¹, с большим сходством воспроизводящие фигуры животных, а также изящные росписи, выполненные бушменами Юж-

* О русском термине «предписьюменности», вводимом для английского *fore-runners of writing*, см. с. 238.— *Прим. перев.*

ной Африки (рис. 4). Огромное количество наскальных рисунков и резных изображений обнаружено у нас в Северной Америке (рис. 5, 6), особенно в горных районах континента². Эти рисунки послужили поводом для поверий, породивших в свою очередь совершенно фантастические реконструкции. Джулиан Х. Стюард в своей интересной и убедительной статье осмеивает домыслы, представляющие собой попытку доказать, что «в древности в Америку вторглись египтяне, скифы, китайцы и великое множество других народностей Старого Света, включая исчезнувшие десять колен Израилевых, участь которых по сей день не перестает глубоко волновать очень многих... [что наскальные рисунки] — это метки, указывающие местонахождение зарытых сокровищ, древние астрологические знаки, летопись исчезнувших народов, символы культов дьявола, творения десницы божией и еще сотни других самых разных вещей, порожденных распаленным воображением». Стюард сообщает также, что «фанатичные ревнители такого рода идей сочиняли объемистые труды, жарко полемизировали друг с другом и даже дрались на дуэлях»³. На самом же деле появление этих рисунков объясняется проще.

Конечно, в большинстве случаев чрезвычайно трудно, а то и невозможно выяснить, что именно заставило человека нарисовать или высечь изображение, так как нам не известны обстоятельства, которые его к этому побудили. Какой смысл заключен в рисунке — магический, культовый, эстетический? Был ли рисунок сделан для того, чтобы обеспечить счастливую охоту, или под влиянием эстетического побуждения? Не исключено, что появление рисунка стимулировалось одновременно несколькими мотивами. Возвратившись домой после удачной охоты или успешного военного похода, охотник или воин ощущал потребность запечатлеть свои переживания в рисунке. Рисунок мог быть создан им в порыве вдохновения, но в то же время и как напоминание о пережитом. Он мог иметь и магическую цель, призывая удачу в новой охоте или в новом набеге. Такие рисунки — еще не письмо, ибо они не являются составной частью определенной системы условных знаков и понятны только тому, кто их нарисовал, или его родне и близким друзьям, которые слышали об изображенном событии.

Рис. 4. Наскальные рисунки из Южной Африки, изображающие ритуал вызывания дождя.

Рис. 5. Петроглифы из штата Орегон.

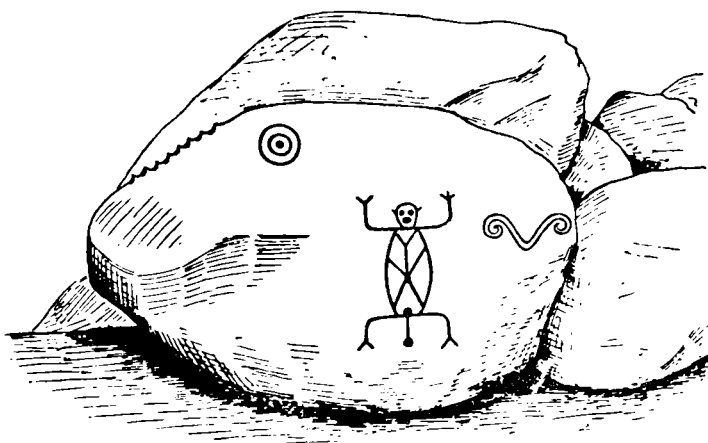

Рис. 6. Петроглифы из северо-западной Бразилии.

Подобно тому как речь развилась из подражания звуку, письмо развилось из подражания форме реальных вещей или живых существ. В основе всякого письма лежит рисунок. Об этом с полной очевидностью свидетельствует не только пиктографический характер всех современных примитивных письменностей, но и тот факт, что все великие системы Древнего Востока, такие, как шумерская, египетская, хеттская, китайская и др., первоначально представляли собой чисто рисуночное письмо.

Конечно, все эти письменности уже на самых ранних ступенях содержат знаки, совсем не похожие на изображения реальных предметов, а скорее напоминающие простые линейные, геометрические фигуры. Такие геометрические знаки засвидетельствованы во всех районах мира от доисторических времен до наших дней. Иногда они встречаются на скалах, но особенно широко распространены на предметах обихода, таких, как глиняная посуда и оружие (*art mobilier*).

У меня нет и тени сомнения в том, что такого рода геометрические знаки — это не абстрактные формы, а результат постепенной схематизации рисунков как таковых. На рис. 7 мы видим ряд примеров, позволяющих сопоставить верхнепалеолитические линейные формы, нанесенные краской на скалах Испании, с более поздними формами, сохранившимися на мелких кусках кремня из пещеры Мас-д'Азиль во Франции. На этих примерах Гуго Обермайер показал, как с течением времени рисунки схематизировались все больше и больше, пока не приобрели форму, под которой уже невозможно распознать первоначальное изображение ⁴. Наиболее поразительной и самой распространенной из всех форм эволюции рисунков является превращение изображения так называемого "аллилуйщика", то есть человека в молитвенной позе, с поднятыми ладонями, в простой линейный знак.

Изучение последовательных ступеней исторического развития любого письма неопровержимо доказывает, что геометрическая форма знаков является результатом схематизации рисунков. Во всех

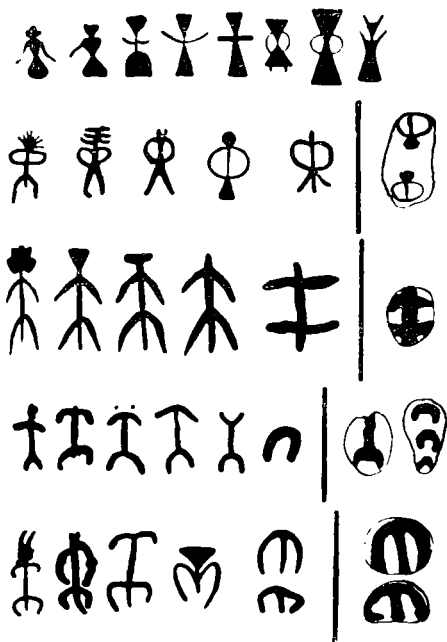

Рис. 7. Линейные рисунки из Испании и Франции.

известных древних письменностях, таких, как шумерское, египетское, китайское и т. д. письмо, с течением времени развивалась линейная, курсивная форма, которая так далеко отошла от первоначальных рисунков, что без знания промежуточных ступеней подчас невозможно установить, к какому рисунку можно возвести ту или иную линейную форму.

ОПИСАТЕЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПРИЕМ

В числе предписменностей наиболее употребительной является группа, обычно называемая дезориентирующим термином "пиктографическое" или "идеографическое" письмо. Этот тип письма лучше всего представлен у индейцев. Прежде чем углубиться в рассмотрение сложной проблемы определений и терминологии, остановимся на нескольких выразительных примерах.

Рис. 8. Индейский наскальный рисунок из штата Нью-Мексико.

Простое сообщение 'прохода нет' обнаружено в штате Нью-Мексико; это наскальное изображение вблизи крутой горной тропы, воспроизведенное в нашей кни-

ге на рис. 8⁵. Рисунок предупреждает всадников, что по этой скалистой тропе может вскарабкаться горная коза, лошадь же свалится.

На трех следующих рисунках приведены примеры передачи индейцами более сложных сообщений.

Рис. 9 воспроизводит сообщение, обнаруженное на скале у озера Верхнего в штате Мичиган; здесь речь идет о военном походе через озеро⁶. Вверху мы видим пять каноэ, в которых сидят пять-

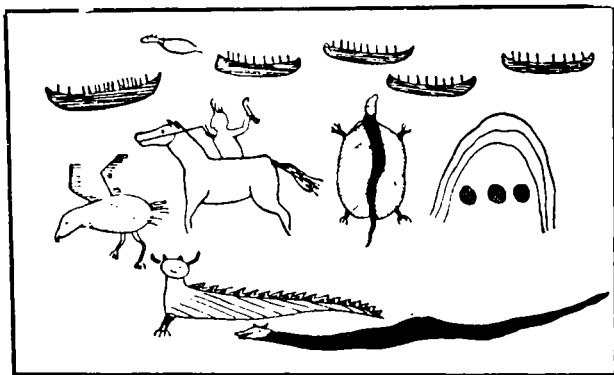

Рис. 9. Индейский наскальный рисунок из штата Мичиган.

десять один человек — люди обозначены вертикальными штрихами. Военную экспедицию возглавляет вождь по имени Кишкемунаси ('Зимородок'), чей тотем или тотемический символ в виде этой прибрежной птицы нарисован над первой лодкой. Поход длился три дня: об этом мы узнаем по изображению трех солнц под тремя дугами, символизирующими небосвод. После благополучной высадки, обозначенной изображением черепахи, отряд быстро двинулся вперед, о чем свидетельствует изображение всадника. Орел — символ отваги — олицетворяет боевой дух воинов. Описание заканчивается изображением ягуара и змеи, олицетворяющих соответственно силу и хитроумие; к ним вождь взывает о помощи в походе.

На рис. 10 воспроизведено письмо, которое один южный чейен по имени Черепаха-Следующая-За-Своей-Женой отправил по почте из агентства Чейен и Арапахо (Индийская Территория) своему сыну по имени Маленький Человек в агентство Пайн-Ридж (Дакота). Письмо было нарисовано на половинке листа обыкновенной писчей бумаги, без единого написанного слова, и запечатано в конверт, на котором кто-то из присутствовавших в первом из вышеуказанных агентств написал обычным способом адрес: "Маленькому Человеку, чейену, агентство Пайн-Ридж". Маленький Человек, несомненно, понял содержание послания, так как он тут же обратился к индейскому агенту агентства Пайн-Ридж д-ру В. Т. Мак-Гилликадди и удостоверился, что на его счет внесена сумма в 53 доллара, предназначенная для оплаты расходов на далекую поездку к отцу в его индейскую резервацию. Д-р Мак-Гилликадди с той же почтой получил от агента

Рис. 10. Письмо индейца-чейена.

Дайера письмо с вложенными 53 долларами, в котором сообщалось о назначении этих денег; последнее обстоятельство дало возможность д-ру Мак-Гилликадди понять также и пиктографический текст письма, имевшего следующий вид. Над фигурой человека, нарисованного слева, изображена черепаха, идущая вслед за своей женой и соединенная линией с головой этого человека, а над фигурой человека справа изображен маленький человек, от которого также проведена линия к голове этого второго человека. Над правой рукой второго человека нарисован еще один маленький человечек, поза которого изображает прыжок или движение в сторону Черепахи-Следующей-За-Своей-Женой, — человека, изображенного слева; от рта этого последнего отходят две линии, загнутые на концах как бы углом или крючком, словно он тянет маленькую фигурку к себе. Эта часть рисуночного послания, очевидно, и составляет содержание письма, то есть означает: 'приезжай ко мне'. Более же крупные фигуры и их личные тотемы обозначают адресата и отправителя. Вверху между двумя крупными фигурами нарисованы пятьдесят три круглых предмета, под которыми подразумеваются 53 доллара. Оба индейца изображены в набедренном одеянии, указывающем на их принадлежность к племени чейенов, которые, как видно из сообщения, не все приобщились к цивилизации и образованию ⁷.

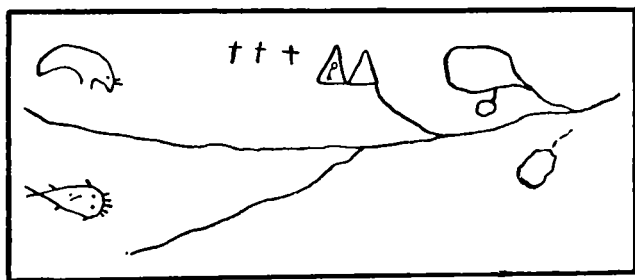

Рис. 11. Письмо девушки из племени оджибва к возлюбленному.

На рис. 11 мы видим письмо девушки из племени оджибва к любимому, содержащее приглашение навестить ее в ее хижине ⁸. Девушка изображена в виде ее тотема — медведя, а юноша в виде его тотема — скрытожаберника. В письме помечена тропа, ведущая к трем озерам, которые обозначены кружками неправильной формы; здесь тропа разветвляется, и одна из новых дорожек ведет к двум хижинам. В них живут три девушки-христианки, которые обозначены крестами. Из одной хижины протянута рука девушки, которая приглашает индейского юношу зайти к ней. Примечательно, что в этом рисунке сочетаются некоторые характерные признаки географической карты, такие, как обозначение тропы и озер, с чисто символическими изображениями, вроде протянутой из хижины руки, выражающей идею приглашения.

Иногда сообщение можно адекватно передавать при помощи последовательного ряда простых рисунков того типа, который немцы называют *fortlaufende Illustration*, то есть 'серийная иллюстрация'. Ярким примером современного использования такого способа служат бестекстовые серийные юмористические картинки (комиксы) типа «Отчаянного грабежа» и даже целые романы, составленные Линдом Уордом из гравюр на дереве ("Головокружение", "Божий человек", "Барабан безумца" и т. д.). Хотя смысл отдельных листов

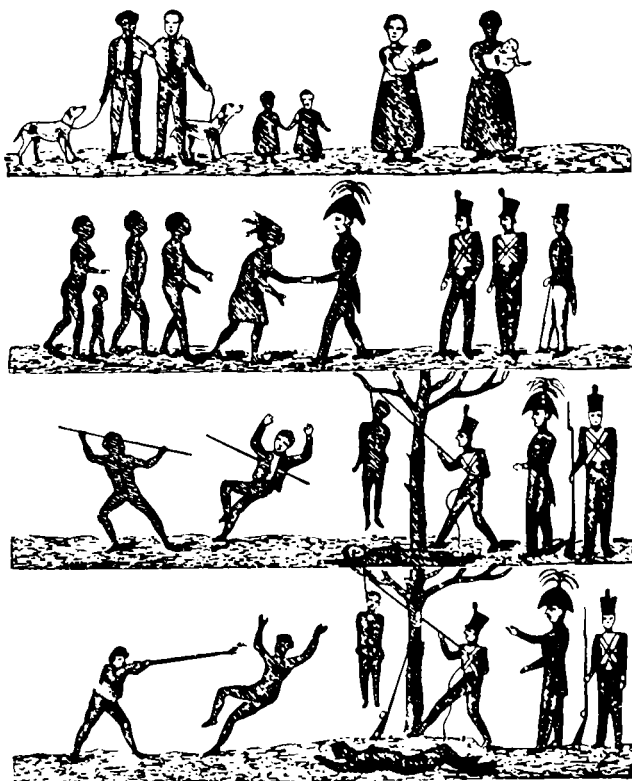

Рис. 12 Декларация губернатора земли Ван-Димена (Тасмания).

понятен и сам по себе, лишь все вместе, расположенные в определенном порядке, они передают содержание.

Еще один, более давний пример такого рода — это декларация, с которой губернатор земли Ван-Димена (Тасмании) обратился к местному населению и в которой был изображен «карательный суд в назидание всем попугаям, опоссумам и чернокожим»⁹ (рис. 12). Первый ряд рисунков призывает белых и черных жить в мире и дружбе между собой. Второй сообщает о заключении мира между

договаривающимися сторонами. Третий предупреждает, что, если туземец убьет белого человека, его ждет казнь через повешение. И наконец, четвертый ряд констатирует, что аналогичному наказанию будет подвергнут белый, если он убьет туземца.

Другие примеры сообщений, в которых рисунки располагаются друг за другом в определенном порядке соответственно логической последовательности передаваемых мыслей, найдены на Аляске. Аборигены Аляски, уходя из дому, извещают при помощи рисунков своих друзей и вероятных посетителей о том, куда и зачем они ушли. Такие рисунки делаются на щепках, которые кладут на видное место у входа в жилище, так, чтобы они указывали, в каком направлении удалились хозяева.

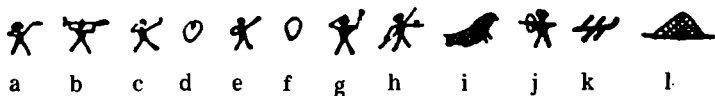

Рис. 13. Письменное сообщение об охоте (Аляска).

Ниже дается объяснение знаков, воспроизведенных на рисунке 13¹⁰: а) хозяин указывает правой рукой на себя, а левой — в направлении своего пути; б) держит весло, отплывает на лодке; в) держит правую руку около головы, что означает 'спать', а левую поднял, вытянув один палец, что значит 'одну ночь'; д) кружок с двумя метками в середине обозначает остров, на котором стоят хижины; е) то же, что и а; ф) еще кружок, обозначающий другой остров, на котором высадились путники; г) то же, что и с, но уже с двумя вытянутыми пальцами, что означает 'две ночи'; h) хозяин держит гарпун...; и) сивуч, которого охотник j) добыл, убив выстрелом из лука; k) лодка и в ней два человека, весла опущены; l) зимнее жилище хозяина.

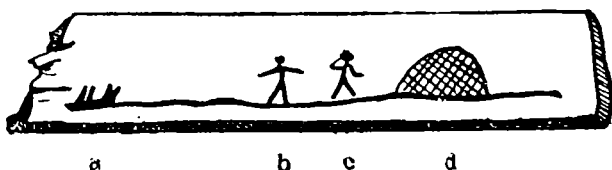

Рис. 14. Письменное сообщение об уходе из дому (Аляска).

Еще один пример такого рода приведен на рисунке 14¹¹. Аляскинские охотники, потерпевшие неудачу на охоте и страдающие от голода, нанесли несколько знаков на кусочек дерева, который воткнули нижним концом в землю в том месте тропы, где этот кусок дерева вероятней всего могли увидеть другие туземцы; при этом наклон воткнутой щепки указывал в сторону их жилища. Ниже приводится информация, которую содержит рисунок: а) каноэ с двумя выступами на носу, в лодке два человека — ее владельцы; б) чело-

век, раскинувший руки в стороны, что означает 'ничего' и соответствует жесту отрицания; с) человек с правой рукой, поднесенной ко рту, что символизирует процесс еды, а его левая рука указывает на хижину, где живут охотники; d) жилище охотников. Все вместе означает, что у двух человек нет в доме еды.

Каково назначение этих изображений? Что они собой представляют — рисунки или письмо? Ответить на поставленные вопросы нетрудно: эти рисунки предназначались для передачи некоего сообщения некими лицами, пользовавшимися способом, понятным тем, кому адресовано послание. Совершенно ясно, что эти изображения не являются рисунками в обычном смысле слова, так как они нарисованы в целях передачи сообщения, а не ради художественно-эстетического самовыражения. Но различие между рисунками такого рода и картинами заключается не только в их назначении, но и в форме исполнения. Эти рисунки, подобно всем изображениям, которые преследуют чисто коммуникационные цели, характеризуются стереотипностью исполнения, а также опущением всех деталей (таких, как трава, горы и т. д.), в которых нет необходимости при передаче данного сообщения. Короче говоря, такие рисунки ничем не украшены и лишены художественного эффекта, присущего произведениям изобразительного искусства.

Выше (на с. 38) мы упоминали, что все только что описанные приемы передачи сообщений от человека к человеку принято называть "пиктографическим" или "идеографическим" письмом — терминами, которые только вводят в заблуждение. Термин "пиктография", означающий "рисуночное письмо", в этом случае неприемлем по той причине, что существует целый ряд систем, таких, как египетская, раннешумерская и другие, которые также выражаются в рисуночной форме, но по своей внутренней структуре ничего общего не имеют с такими примитивными системами, как те, что употребляются индейцами. Мало того, термин "пиктография" характеризует лишь внешнюю форму системы, но ничего не говорит о ее внутреннем развитии. Хотя в работе о письме и не следует пренебрегать проблемами внешней формы, сам я, реконструируя историю письма, склонен исходить в первую очередь из его внутренних характеристик. По этой причине я предпочел бы пользоваться терминологией, которая отражает именно внутреннее развитие письма. Разумеется, можно было бы изобрести новые термины, которые позволили бы провести различие между примитивными системами рисуночного письма индейцев и высокоразвитыми рисуночными письменностями египтян и др., подобно тому как это сделал Артур Унгнад, назвавший первые *Bildschrift*, а вторые — *Bilderschrift*¹², однако терминология такого рода плохо запоминается и чересчур искусственно звучит.

Термин "идеография" вызывает те же возражения, что и термин "пиктография". Сфера приложения этого термина также вышла за рамки примитивных систем и порой распространяется на такие случаи, где он абсолютно неуместен. Востоковеды, усвоившие привыч-

ку называть "идеограммой" обыкновенный словесный знак, или логограмму, так навредили делу, что термин "идеография" стал прямо-таки одиозен в лингвистических кругах. Ввиду этой двусмысленности термина "идеография" я и предпочитаю полностью отказаться от его употребления в настоящей работе.

Подбирая точный термин для рассматриваемых в данной главе средств выражения мыслей, мы должны еще раз остановить свое внимание на том, для каких целей эти средства употребляются и каким путем реализуются. Все приведенные выше примеры являются образцами передачи людьми своих мыслей посредством рисунков, которые, каждый в отдельности или все вместе, подсказывают смысл подразумеваемого сообщения. По указанной причине немцы¹³ иногда называют эту ступень развития письма *Gedankenschrift* ('письмо мыслей'), *Vorstellungsschrift* ('письмо представлений') или *Inhaltsschrift* ('письмо содержания'). Рисунок или серия рисунков показывает глазу увиденное глазом точно так же, как это достигается картиной, которую породила художественно-эстетическая потребность. Разумеется, существует различие между схематическими рисунками, предназначенными для передачи мыслей, и картинами, преследующими художественные цели, однако это различие полностью скрадывается общим сходством тех и других. Таким образом, эту ступень развития предписменностей можно было бы назвать "описательной" или "изобразительной", если принять термин, указывающий на тесную связь между письмом и живописью по технике исполнения.

ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕ-МНЕМОНИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Остановим ненадолго свое внимание на других возможностях взаимной коммуникации людей, которые также могли послужить основой для последующей эволюции собственно письма. Предположим, что первобытный человек нарисовал на своем щите ягуара. Сначала этот рисунок мог играть магическую роль: содействовать тому, чтобы сила и ловкость ягуара перешли к владельцу щита. Но в дальнейшем изображение ягуара на щите стало символом, сообщавшим каждому о факте принадлежности этого щита определенному лицу. Символ ягуара превратился тем самым в знак собственности, имеющий то же назначение, что и утилитарное письмо. Разумеется, изображение ягуара в качестве знака собственности, даже при том, что оно заменяет личное имя владельца и обычно ассоциируется с определенным человеком, еще не является настоящим письмом, ибо не входит в состав какой-либо сложившейся системы условных знаков. Однако оно представляет собой важный шаг на пути к письму.

Аналогичной частью системой такого рода являются геральдические символы: гербы служат опознавательными знаками дворянских родов. К этому же классу относятся знаки различия для обозначения военных чинов и родов войск, а также эмблемы различных

профессий и ремесел, весьма популярные даже в современной Европе, например: ключ как эмблема слесаря, очки как эмблема оптика, рожок как знак почтового ведомства.

Простые линейные, геометрические узоры часто попадаются на предметах повседневного обихода: на глиняной посуде, на разной домашней утвари, оружии, кости, каменных блоках и т. д. Обычай

Рис. 15. Клейма каменотесов из Анатолии.

наносить такого рода метки зародился еще в эпоху верхнего палеолита и дожил до наших дней. О знаках на камешках из пещеры Мас-д'Азиль уже упоминалось выше (см. с. 37). Клейма гончаров часто встречаются на керамических изделиях Египта додинастического и исторического периодов. На рис. 15 мы видим некоторые клейма каменотесов, найденные на турецких зданиях в Анатолии. Знаки, наносившиеся гончарами и каменотесами на свои изделия, а также аналогичные им метки распространены по всему свету, так что число примеров можно увеличить *ad libitum*. Обычай выжигать тавро на животных относится к тому же классу. Во всех этих случаях наносимые знаки служат для идентификации либо владельца, либо изготовителя данного предмета.

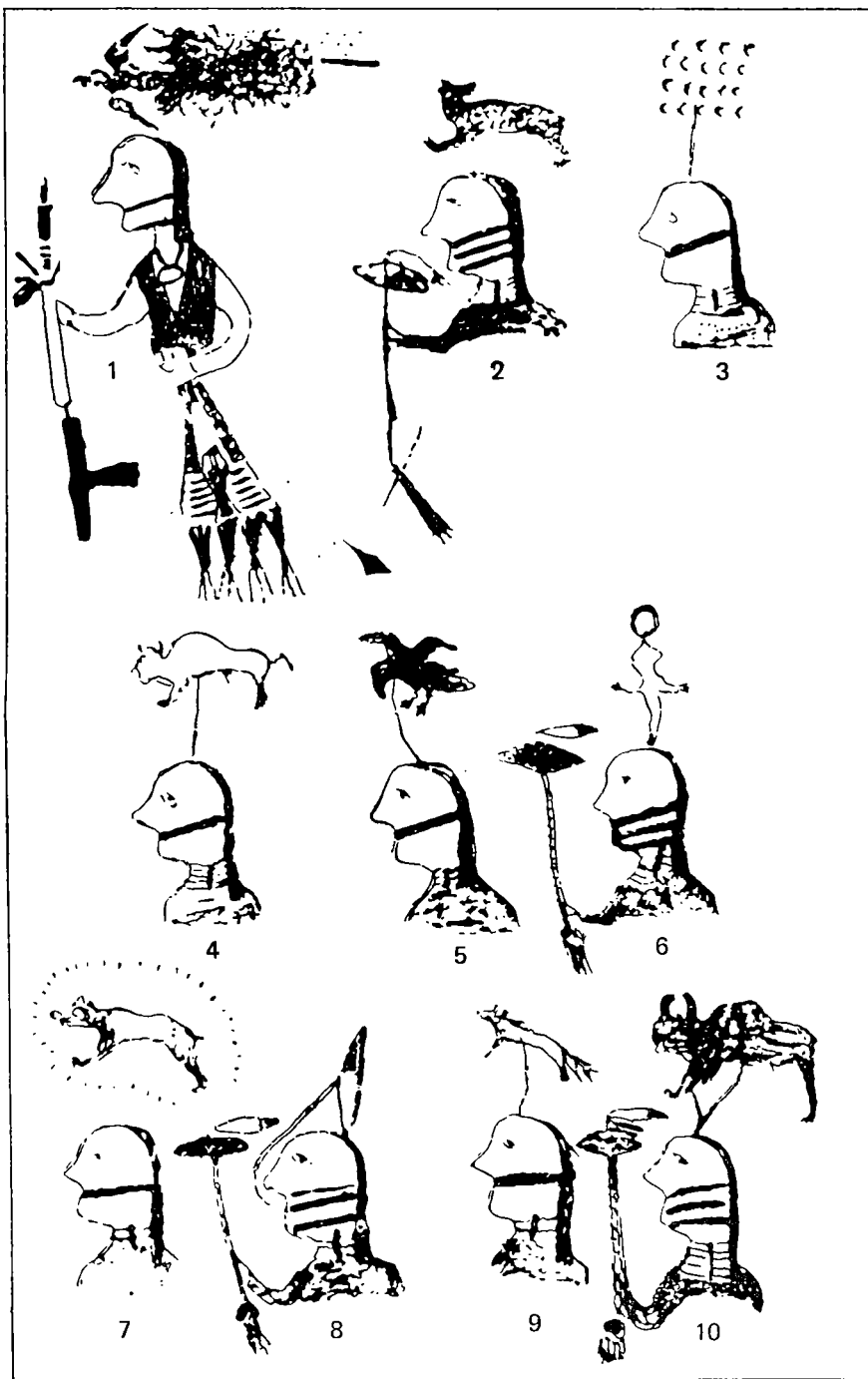

Рис. 16. Имена из Списка оглала.

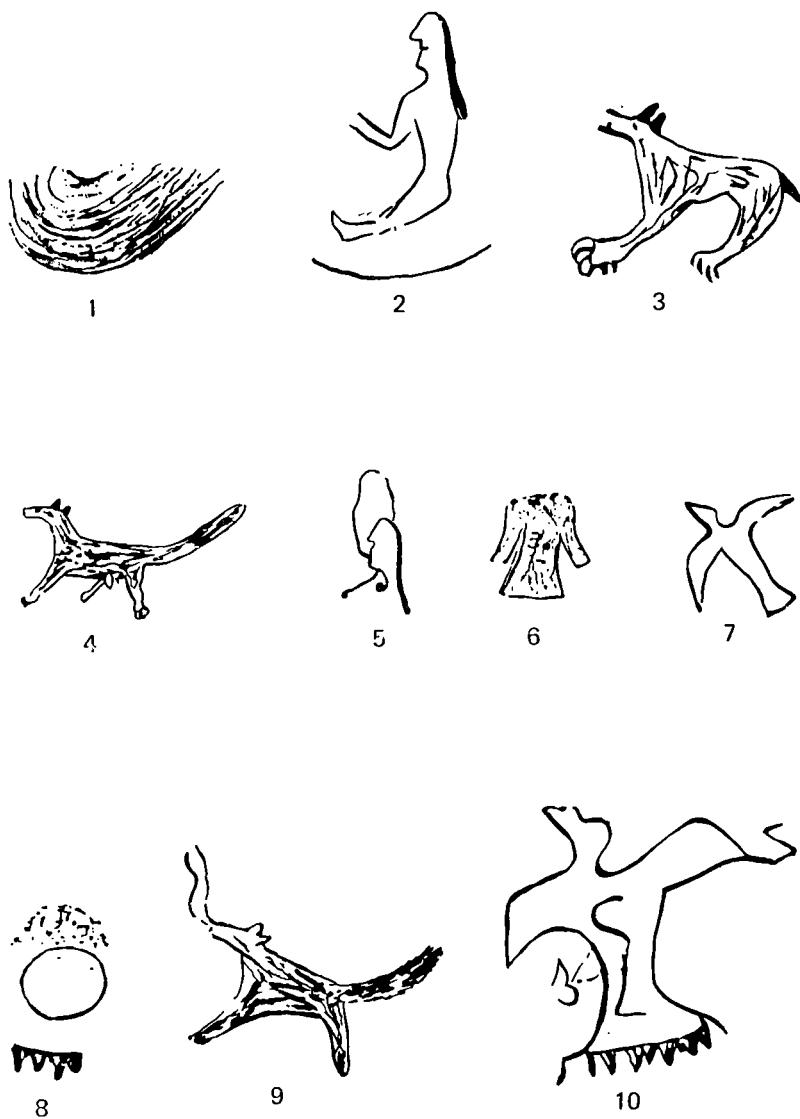

Рис. 17. Имена из Переписи Красной Тучи.

Идентифицирующий способ фиксации имен собственных включает в себя также все разнообразные приемы, какими пользуются индейцы для обозначения личных или родовых имен. Заметим, что индейца можно звать либо его личным или родовым именем, либо именем его тотема.

На рис. 16 (см. с. 46) мы воспроизводим часть так наз. "Списка оглала", в который входят имена восьмидесяти четырех глав семейств родовой группы или же клана вождя Большая Дорога из племени северных оглала ¹⁴. Каждый из вождей первого и второго ранга держит в правой руке эмблему своего поста. Имя во всех случаях указано над головой изображенного человека. Приводим интерпретацию некоторых имен: 1) верховный вождь Большая Дорога. Имя представлено в виде дороги с тропинками. Летящая птица символизирует высокую скорость передвижения по хорошей дороге: вождя часто называли Хорошая Дорога, потому что большая и широкая дорога, по которой удобно ехать, — это хорошая дорога; 2) Оглядывающийся Медведь; 3) Принеси-Домой-Обилие; 4) Белый Бизон; 5) Настоящий Ястреб; 6) Мальчик-Со-Щитом; 7) Останавливается-Медведь; 8) Он-Носит-Перо; 9) Пес-Орел; 10) Краснорогий Буйвол.

Личные имена, представленные на рис. 17 (см. с. 47), взяты из так наз. "Переписи Красной Тучи" ¹⁵. Перепись проводилась около 1884 г. в агентстве Пайн-Ридж индейской резервации в Южной Дакоте под руководством Красной Тучи — вождя племени дакота. В списке значатся не все индейцы этого района, а лишь 289 человек, которые были сторонниками Красной Тучи. Из-за каких-то разногласий агент отказался признать Красную Тучу главой индейцев своего агентства и назначил официальным вождем другое лицо. Индейцы, однако, выразили свою преданность Красной Туче тем, что поставили свои имена на семи листах обыкновенной манильской бумаги, которые были затем отосланы в Вашингтон. Имена интерпретируются следующим образом: 1) вождь Красная Туча; 2) Верховный Человек; 3) Неторопливый Медведь; 4) Кобель; 5) Маленький Вождь; 6) Красная Рубашка; 7) Белый Сокол; 8) Облако-Щит; 9) Добрая Ласка (зверек) (символом доброжелательности служат здесь две волнистые линии, идущие от рта зверька вверх, имитируя знак языка жестов 'доброжелательная беседа'); 10) Испуганный Орел (интерпретация неизвестна). Еще целый ряд личных имен можно найти в другой книге Маллери ¹⁶.

Воспроизводимые на рис. 18 (с. 49) примеры обозначения наименований племен заимствованы из дакотских "счетов зим", о которых речь пойдет на следующих страницах ¹⁷: 1—3) племя ворон (кроу) обозначено изображением людей (или в качестве *pars pro toto*, то есть части вместо целого, изображением человеческих голов) с характерной укладкой волос, которые зачесаны наверх и слегка назад; 4) поскольку "арапахо" на языке дакотов означает 'голубое облако', символом племени арапахо служит голова человека внутри круглого облака, которое в оригинале нарисовано голубой краской;

5) племя арикара, или 'самка турухтана', изображено в виде кукурузного початка, так как индейцы этого племени известны как 'лущители маиса'; 6) ассинибойны, или хока, обозначены рисунком органов речи (верхней губы, нёба, языка, нижней губы, подбородка и шеи) — по той причине, что слово "хока" значит 'голос' или, как утверждают некоторые, 'голос мускусного быка'; 7) индейцы кайова изображены в виде человека, который совершает руками круговые движения, означающие 'пустоголовые крикуны' или 'безумные головы'. Этот знак заимствован из индейского языка жестов, в котором кругообразное движение руки вокруг головы соответствует понятию

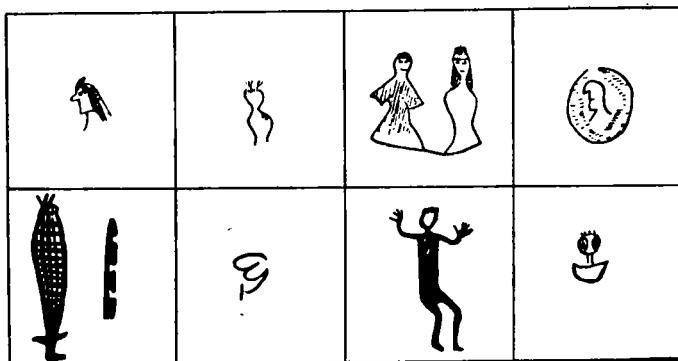

Рис. 18. Обозначения наименований индейских племен.

'безумие'; 8) племя омаха изображено в виде человеческой головы с остриженными волосами и красными щеками.

Аналогичный характер носит и употребление мнемонических знаков, которое, так же как и примеры, приведенные выше, относится к предписывенностям. И этот прием часто использовался индейцами, которые применяли его для учета времени и для записи песен.

Индейцы дакота учитывали время, составляя пиктографические "счета зим"¹⁸, каждой из которых давали название по знаменательному событию прошедшего года, подобно древним шумерам и вавилонянам, которые также отражали в названии года выдающееся событие, случившееся за этот период времени. Дакоты ведут летосчисление по зимам¹⁹ — вероятно, в связи с тем обстоятельством, что в тех местах, где они живут, холодный сезон длится обычно свыше шести месяцев. Прямо противоположный обычай принят, например, у поляков, которые ведут счет годам по тому, сколько раз повторялось лето. Как индейцы выбирали наиболее важное событие того или иного года, Маллери описывает следующим образом:

«Очевидно, следуя совету стариков и вождей своего племени, Одинокый Пес [индеец-дакот, ответственный за ведение счетов зим] постоянно, с самой юности, систематически выделял то событие или то обстоятельство, которое было самым примечательным в истекшем

году, и, приняв такое решение, наносил на плащ из шкуры бизона, заведенный для этой цели, соответствующий символ или эмблему. Время от времени этот плащ из шкуры вывешивался на всеобщее обозрение; таким образом остальные индейцы племени дакота могли выучить знаки, которыми помечены прошедшие годы, и научиться их употреблению, дабы после смерти ведущего учет<...> не был утрачен их смысл <...>. По свидетельству нескольких индейцев, ряд племен владел другими экземплярами этого документа, относящимися к разным периодам его составления; вероятно, они хранились для справок, так как Одинокий Пес со своей бизоньей шкурой часто бывал недосыгаем».

Различные версии дакотских счетов зим в целом охватывают период с зимы 1775/76 г. до зимы 1878/79 г. В основной версии на бизоньей шкуре Одинокого Пса зафиксированы годы с 1800/01 по 1876/77. Хотя по описаниям Одинокий Пес был глубоким стариком, однако зимой 1800/01 г. он наверняка был еще слишком юн, чтобы приступить к отбору событий. Маллер выказал в связи с этим следующее предположение:

«Либо у Одинокого Пса был предшественник, от которого к нему перешли прежние счета или их копии, либо же, став начинателем этого дела уже будучи взрослым, Одинокий Пес сумел собрать сведения у стариков своего племени и сделал записи задним числом до того года, до которого полученные сведения казались ему достоверными...»

Ниже рассматриваются приведенные на рис. 19 примеры записей в дакотских счетах зим. Во всех случаях цифры I, II и III соответствуют разным версиям одного и того же текста.

Для зимы 1800/01 г. главным событием, определившим ее название, явилась гибель тридцати (или тридцати одного) дакотов от руки племени кроу. Эмблемой этого года служат расположенные тремя рядами тридцать параллельных линий, причем крайние линии рядов соединены между собой. Черными линиями всегда обозначаются индейцы дакота, убитые врагами. (О символике красок, в частности черного цвета, обозначающего смерть, см. выше, с. 28—29.) Год 1801/02 отмечен эпидемией оспы, унесшей много жизней. Его эмблема — красные пятна на голове и теле человека. В качестве символа 1802/03 г. выбрана подкова — в знак того, что этой зимой индейцы дакота впервые увидели подкованных лошадей или, согласно другому индейскому преданию, в память того, как дакоты, укравшие нескольких лошадей, обнаружили у них на ногах подковы (которые никогда не видели прежде).

Знаки следующих трех лет в разных версиях не совпадают по своей форме. Обратим внимание на разный поворот лука в эмблеме 1815/16 г. и на различное размещение дымовой трубы и дерева в эмблеме 1817/18 г. Год 1815/16 получил название по большому земляному вигваму, который построили дакоты племени санз-арк (дословный перевод: 'без лука'). Нарисованный над вигвамом лук, возможно, символизировал племя санз-арк, правда, знака отрица-

	1800-01	1801-02	1802-03	1815-16	1816-17	1817-18	1866-67	1867-68	1868-69	1869-70	1870-71
I											
II											
III											

Рис. 19. Дакотские счёты зим.

ния в рисунке нет. Не исключено, что изображение лука следует интерпретировать как перо — намек на имя вождя племени санз-арк Воронье Перо. 1816/17 г. обозначен изображением бизоньей шкуры — в память об изобилии бизонов в этом году. В 1817/18 г. важнейшим событием была постройка помещения для лавки из сухой древесины — о сухости древесины мы узнаем по изображению мертвого дерева.

Приметой 1866/67 г. была смерть вождя дакотов по имени Лебедь: об этом свидетельствует изображение погруженного в воду человека с тотемом — лебедем. Год 1867/68, обозначенный флагом, знаменит заключенным в Форт-Ларами мирным договором с генералом Шерманом и другими. 1868/69 г. запомнился либо тем, что в этом году правительство снабдило индейцев говядиной, либо тем, что туда, где они жили, завезли техасский крупный рогатый скот. Обращает на себя внимание неполное изображение животного в версии I. Аналогичные сокращенные формы имеются и в рисунках, соответствующих другим годам, например 1864/65 г. На рисунке этого года вместо людей изображены лишь их головы.

Иногда наблюдается разноречие в выборе события, определяющего название того или иного года. Так, в версии I знаменательным событием 1870/71 г. считается убийство сына Огня, тогда как в версии II и III таким событием оказывается сражение между племенами ункапов и кроу.

Такой же мнемонический характер носят рисунки, посредством которых индейцы оджибва записывали на бересте свои песни²⁰. Согласно Маллери, эти песни, как правило, связаны с религиозными обрядами и исполняются преимущественно при посвящении новообращенных в тайные культовые сообщества. Слова этих песнопений передаются из поколения в поколение без всяких изменений, так что многие из них уже давно устарели и не входят в лексику живого разговорного языка. Их не всегда понимают даже самые лучшие певцы-шаманы. Но ни одному индейцу не дозволено менять текст этих древних песен, так как это лишило бы их приписываемой им "магической силы".

На рис. 20 приводится подборка Песен меда (шамана) с объяснением первых четырех групп рисунков, предлагаемым Маллери²¹.

«№ 1. Священный вигвам заполнил собой Великий Дух, который, как утверждают, спустился на крыльях с неба, чтобы научить индейцев ритуальным церемониям. Меда, или шаман, поет: „Вигвам Великого Духа — вы слышали о нем. Я войду в него“. Повторяя нарциссы эти слова, шаман встряхивает своим „ши-ши-гвунум“, а каждый член сообщества в безмолвной мольбе простирает вперед ладонь одной руки. Все стоят, никто не танцует. Во время этого вступительного песнопения в барабан не бьют.

№ 2. Новообращаемый индеец, увенчанный перьями, держит опускающийся к его плечу мешок из выдровой шкуры, наполненный ветром, который изображен в виде сильной струи воздуха, вырывающейся из одного конца мешка. Все танцуют, а он в это время поет под аккомпанемент барабана и трещотки, повторяя слова за шаманом: „Я всегда любил то, что ищю. Я иду в новый вигвам из зеленой листвы“.

№ 3. Обозначает перерыв, во время которого вносят пищу, приготовленную для праздничного пира.

Рис. 20. Песни индейцев оджибва.

№ 4. Человек с блюдом в руке; его запястья украшены магическими перьями — в знак того, что он распорядитель пиршества. Все поют: "Я поделюсь с тобой, мой друг!"

На рис. 21 (с. 54) дана запись ряда песен, связанных с церемонией приема новых членов в Мидевивин (Midē'wiwin), или Великое Шаманское Общество ²².

В связи с индейскими письменностями мне хотелось бы обратить внимание читателя на несколько иллюстраций, опубликованных в качестве приложения к книге о языке жестов американских ин-

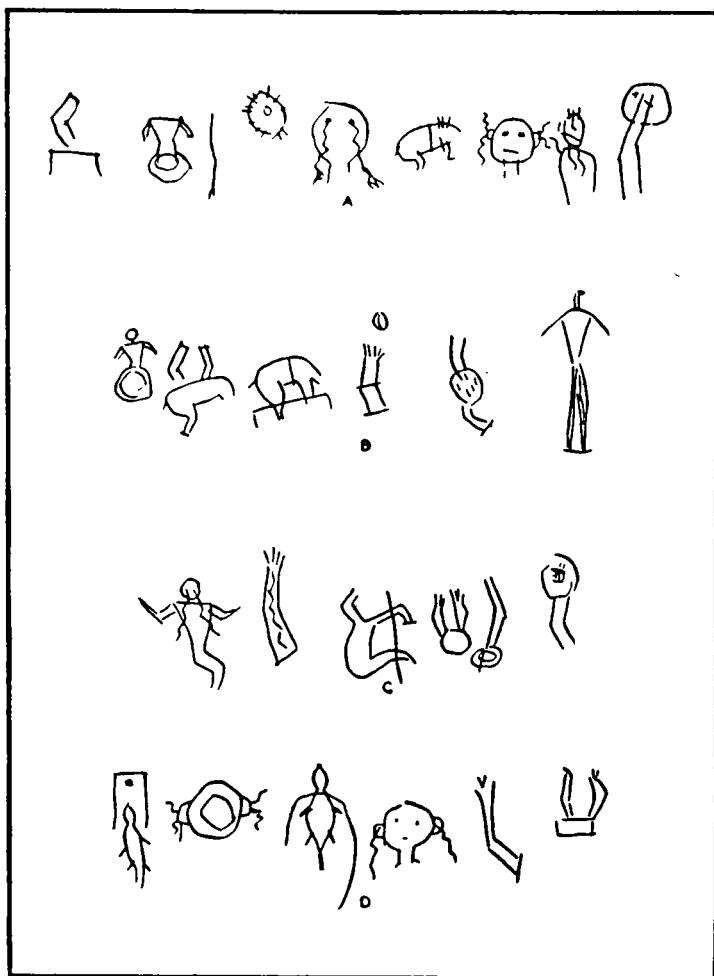

Рис. 21. Песни индейцев оджибва.

дейцев²³. Одну из них, воспроизводимую здесь на рис. 22, Томкинс интерпретирует следующим образом: «Индеец повздорил со своей женой: он хотел пойти на охоту, а она не хотела этого. При помощи знака отрицания муж показал, что не поступит так, как она того требует, взял лук и стрелы и отправился в лес. В пути его захватила метель, и он стал искать убежища. Он увидел две палатки, подошел к ним, но обнаружил там больных: в одной палатке находился мальчик, больной корью, а в другой — мужчина, больной оспой. Он бросился бежать со всех ног и вскоре очутился у реки. В реке он увидел рыб, и тогда он поймал рыбу, съел ее и сделал привал на

два дня. Потом он вновь пустился в путь и увидел медведя. Он выстрелил, убил медведя и на славу попиравал. После этого он двинулся дальше и увидел индейскую деревню, но, обнаружив, что она принадлежит враждебному племени, спасся бегством и бежал до тех пор, пока не достиг маленького озера. Обходя вокруг озера, он увидел оленя. Он выстрелил, убил оленя и приволок его к себе домой, в свою палатку, к жене и маленькому сыну». Изображения расположены по спирали в направлении часовой стрелки, начинаясь в центре знаками, символизирующими индейца и его жену, и заканчиваясь в левом верхнем углу, где изображены знаки для женщины

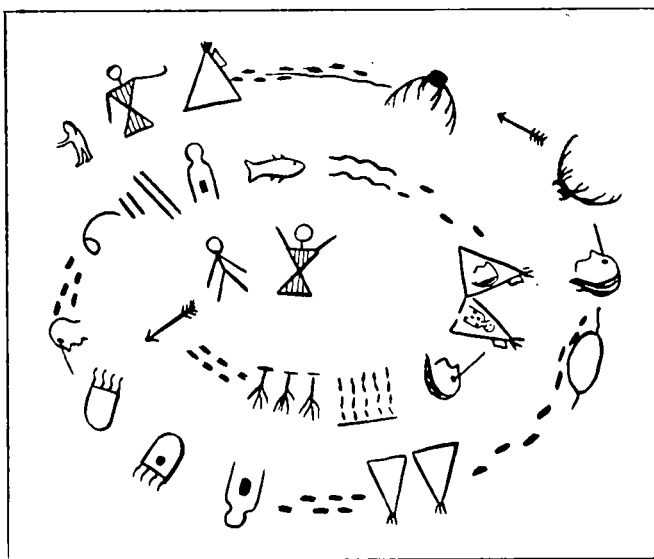

Рис. 22. Рисунок, выдаваемый за образец индейского письма.

и ребенка. Достаточно лишь бегло взглянуть на иллюстрацию, чтобы убедиться в том, что этот пиктографический документ не имеет параллелей среди индейских письменных памятников, о которых шла речь выше, на с. 38 и сл. и на с. 47 и сл. Конечно, большинство символов взято, вероятно, из какой-то системы индейского письма, однако тот факт, что символы расположены необычно и что понятие 'два дня' передается цифрой '2' и символом для слова 'день'²⁴, вызывает подозрение, что автор выдает за документ сработанную им самим фальшивку. Такое предположение подтверждается легковесной манерой изложения, которая характерна для книги в целом, — книги, адресуемой "нашим юным друзьям — бойскаутам". Это обстоятельство должно было насторожить Жака ван Гиннекена, когда он писал свою книгу об индейских письменностях, и помешать ему принять всерьез столь сомнительные материалы²⁵.

Африканцы народности эве из Того, подобно индейцам оджибва, умеют пользоваться мнемоническими знаками для записи своих пословиц. Соответствующие примеры приведены на рис. 23²⁶. Изображение иголки с ниткой передает пословицу "Куда иголка, туда и нитка". Изображение иглы со вдетой ниткой и, кроме того, куса ткани — это запись пословицы "Иголка сшивает большие полотна", которая означает, что маленькие вещи могут создать великое, и по смыслу аналогична русским поговоркам "Мал золотник, да дорог", "Мал, да удал". Пословица "Двум врагам долго не устоять" (потому что одному из них рано или поздно придется уступить) представлена в виде двух человек, вооруженных луками и стрелами.

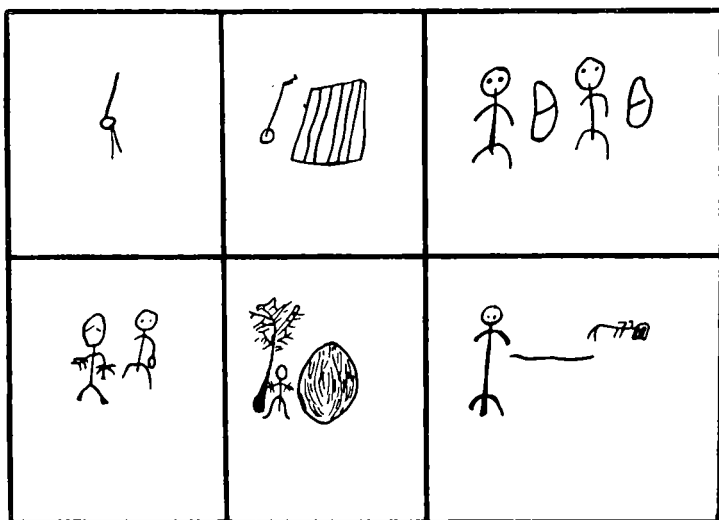

Рис. 23. Поговорки народности эве.

Поговорка "Моя находка и моя вещь — не одно и то же" означает, что найденные вещи следует возвращать их владельцам, как и русская пословица "На чужой каравай рот не разевай!". Эве зафиксировали свою пословицу, изобразив двух человек, один из которых указывает себе на грудь, что означает 'мое', а второй держит в левой руке свою находку. Чтобы выразить пословицу "Мир подобен баобабу", то есть необъятно велик, эве нарисовали человека с распростертыми руками, который стоит между деревом и кружком, символизирующим мир, тщетно пытаясь дотянуться до них. Мнемоника пословицы "Хамелеон сказал: сколько ни торопись, от смерти не убежишь" (и поэтому он ходит медленно) довольно сложна: высокий (и, следовательно, способный быстро бегать) человек, прямая линия — знак передвижения — и крылатый зверь — символ смерти. Божеству смерти нельзя быть медлительным — ведь люди, случается, умирают одновременно в разных местах.

Использование письменных символов в качестве мнемонических средств для записи пословиц известно также из региона реки Конго ²⁷. О применении предметов в аналогичных целях см. с. 15 и сл.

Один существенный признак коренным образом отличает индейское рисуночное письмо от африканского: индейцы достигли ступени систематизации и унификации, абсолютно неизвестной африканским неграм. Вот что говорит по этому поводу Маллери ²⁸:

«Индийским рисуночным знакам присуща весьма характерная особенность: в пределах одной отдельно взятой пиктографической системы, скажем, такой, какую можно назвать племенной, каждый рисунок выполняется всеми индейцами в строго одинаковой манере. Каждый, кто пользуется этой системой, изображая фигуру человека или лошади или какой-либо предмет, мобилизует все свое мастерство, чтобы добиться максимально достижимой для него идентичности с рисунками других людей его племени, и демонстрирует тем самым общность концепции и побудительных мотивов».

У индейцев письменные знаки, начертанные одним из членов племени, обычно понятны всем остальным представителям этого племени. У африканцев же знаки понятны только тому, кто их нарисовал, или в лучшем случае его ближайшим друзьям, которым известен смысл этих знаков.

Кроме только что рассмотренных идентифицирующе-мнемонических систем, существуют системы, которые применяются ограничено в разных частях света. Из них упоминаются заслуживают системы письма индейцев племени куна в Панаме ²⁹ и племени аймара в Боливии и Перу ³⁰, надписи, открытые в Сикасика в Перу ³¹, система "нсибиди", имеющая хождение среди аборигенов Нигерии ³², и, пожалуй, система символов, которой пользуются суданские племена догон, бамбара и другие ³³.

Символы, рассматриваемые в настоящей главе, по-видимому, представляют собой ту ступень письма, которую Мейнхоф называет *Satzschrift* — письмо предложениями или отрезками предложений. Этот термин я считаю совершенно неподходящим. Отдельно взятые символы вовсе не заменяют подлинные предложения или их отрезки как языковые элементы ³⁴, а служат мнемоническим средством, которое помогает людям вспомнить тот или иной год или слова определенной песни. Упоминавшееся выше (см. с. 50—51) изображение лошадиной подковы, соответствовавшее 1802/03 г. по счету племени дакота, само по себе не представляет предложения 'Это год, в котором индейцы впервые увидели подкованных лошадей', а просто является символом, напоминающим о конкретном событии. По этой причине я предпочитаю называть этот класс предписменностей "мнемонической" ("напоминательной"), или "регистрирующей" ступенью.

Системы мнемонических знаков в виде предметов, употребляемых как средство ведения учета, распространены по всему миру (см. с. 15 и сл.). Древние шумеры также ощущали потребность в ведении учета при помощи мнемонических знаков, но вместо того, чтобы пользоваться самими предметами, они избрали метод регистрирования

учета начертательными знаками на глиняных табличках. Это важное новшество, которое подробно рассматривается в главе III, привело впоследствии к развитию подлинного письма.

СИСТЕМЫ ОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

К системам, о которых шла речь на предыдущих страницах, при- мыкает немногочисленная группа письменностей, представленных преимущественно на Американском континенте. Эти письменности также подлежат рассмотрению в настоящей главе. Основное место занимают здесь система письма астеков в Центральной Мексике и система майя на Юкатане, в Сальвадоре, Британском Гондурасе и Гватемале.

Некоторые ортодоксальные филологи, возможно, будут шокированы тем, что столь искусно разработанные системы письма индейцев Центральной Америки мы относим к тому же классу, что и примитивные письменности североамериканских индейцев и африканских негров. Тем не менее, если подойти к проблеме непредвзято, станет ясно, что такая классификация вполне правомерна. При всей стройности внешней графической формы исполненные красоты астекские и майянские рукописи и надписи на камнях по своей внутренней структуре очень мало превосходят уровень развития примитивных систем письма народов Северной Америки и Африки. В письменных памятниках индейцев Центральной Америки сразу же и без особого труда распознаются системы обозначения цифр и астрономических объектов. Кроме того, полностью или частично удается иногда понять и некоторые надписи или их части, однако это происходит лишь по той причине, что рисунки центральноамериканских индейцев бывают порой понятны сами по себе, без посредства какой-либо языковой формы. Хотя как у астеков, так и у майя можно наблюдать зачатки фонетизации, ни у тех, ни у других она даже в малой степени не приблизилась к той ступени фонетического письма, которую мы застаем уже в самых древних шумерских памятниках. Однако, прежде чем продолжить наши априорные рассуждения, бросим короткий взгляд на некоторые типичные надписи индейцев Центральной Америки.

На рис. 24 воспроизведена страница из так называемого "Кодекса Ботурини", повествующего о миграциях астеков³⁶. В левой части изображены четыре человека, представляющие четыре астекских рода ("имена" которых помечены знаками над их головами); эти люди направляются (движение показано изображением следов) к месту, которое носит название *Тамоанчан*, то есть 'Родовой Очаг' (обозначено срубленным деревом и жертвенником), чтобы попрощаться с восьмью родственными кланами. Здесь, пока астеки и их родичи поглощены пиршеством и культовым обрядом (две сцены внизу справа), их вожди совещаются по поводу предстоящего ухода. Два человека,

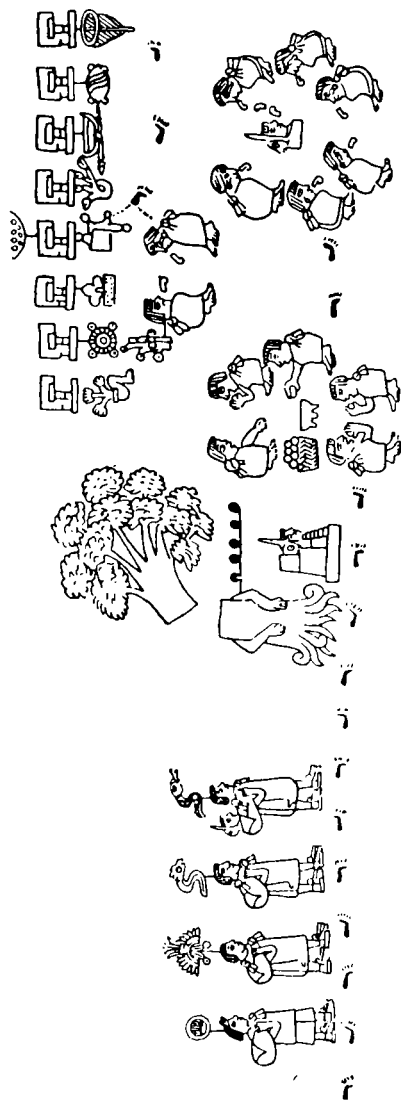

Рис. 24. Образец атекского письма (страница из Кодекса Ботурини).

изображенные над сценами пиршества и культовой церемонии, — это вожди: слева — вождь астеков (помеченный знаками ‘вода’ плюс ‘столб’, что вместе означает ‘Астлан’), а справа — вождь их родичей, принадлежащий к одному из восьми остающихся племен, которые обозначены домами, нарисованными справа вверху, с размещенными под ними “именами”. Вождь, стоящий справа, плачет, о чем свидетельствует знак воды, протянувшийся по его левой щеке от глаза до уха. Обряд совершается ночью: над именами восьми родственных астекам племен нарисовано звездное небо. Следы ног, направленные

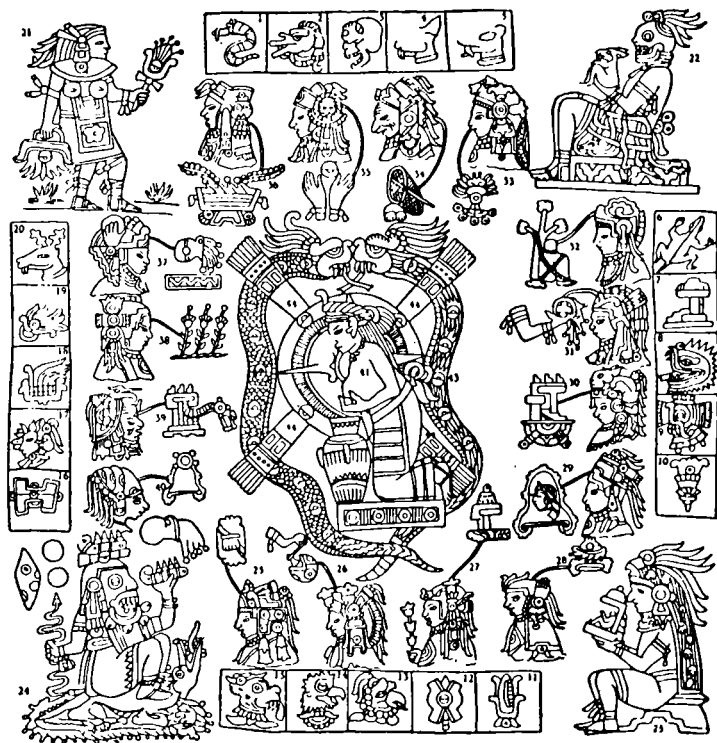

Рис. 25. Образец атекского письма (страница из Гамбургского кодекса).

ные от центра в противоположную сторону, означают, что атекские племена уходят.

На рис. 25 приводится еще один образец атекского письма³⁰. Здесь в симметричном расположении изображено в порядке номеров следующее: № 1—20 обозначают 20 дней (атекский год делится на 13 месяцев по 20 дней в каждом); № 21—24 обозначают четыре главных божества: бога цветов *Шочипилли* (изображен с цветком в

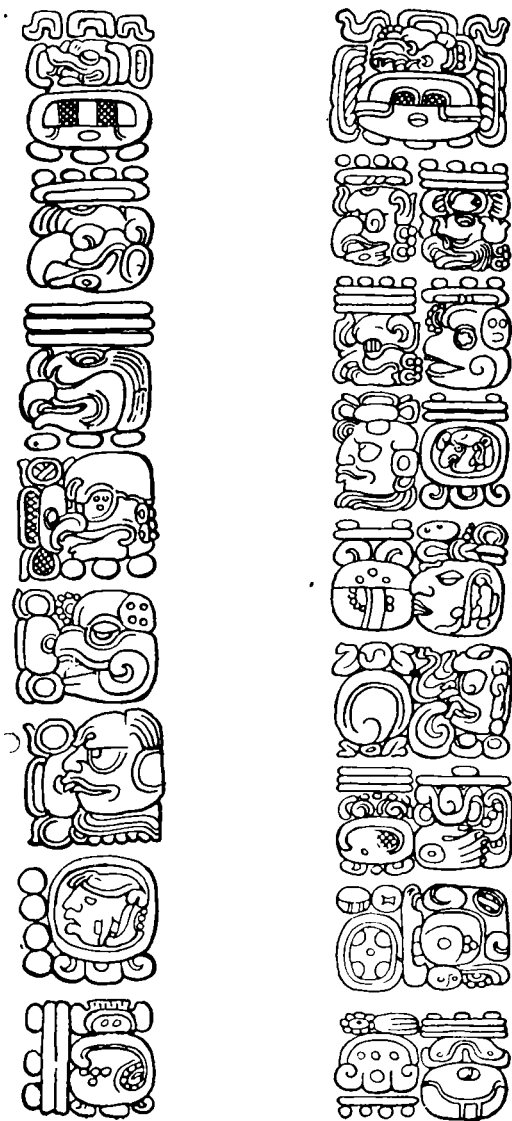

Рис. 26. Майянская надпись из Копана.

левой руке, 21), бога преисподней *Миктлантекутли* (его знаком служит череп, 22), богиню воды *Чальчиухтликуэ* (с ее плеч струится вода с ракушками, 23) и бога бури по имени *Тлалок* (в знак своей разрушительной силы он держит в левой руке нижнюю челюсть, 24); № 25—40 обозначают 16 вождей, имена которых переданы реbusными знаками; № 41 изображает богиню агавы и плодородия *Майяуэль*.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что такие примеры фонетического ребусного письма встречаются редко и почти исключительно при передаче имен собственных. Так, астекское географическое название *Quauhpaуас*, в переводе — ‘Прилесье’, составленное из двух слов: *quauh* ‘дерево, лес’ и *пауас* ‘вблизи, около’ — передается знаками ‘дерево’ (*quauh*) и ‘речь’ (*пауа-tli*); слово *Teocaltitlan* ‘храмовый персонал’ пишут при помощи знаков ‘губы’ (*te-n-tli*), ‘дорога’ (*o-tli*), ‘дом’ (*cal-li*) и ‘зубы’ (*tlan-tli*), оставляя необозначенным только слог *ti*³⁷. Единичные случаи применения фонетического принципа в письме центральноамериканских индейцев не следует воспринимать как показатель высокого уровня его развития, так как фонетизация встречается иногда и у примитивных народов, не обнаруживая при этом ни малейшей тенденции развития в направлении превращения в подлинно фонетическую систему (см. с. 16).

Система письма майя гораздо меньше доступна пониманию, чем письмо астеков (рис. 26)³⁸. Несмотря на многочисленные и разнообразные попытки расшифровать письмо майя, единственное, что удалось в нем твердо установить и отчетливо понять, — это знаки математического и астрономического характера. Кроме них, выяснено небольшое число знаков, передающих имена божеств и некоторые другие слова; эти слова в отдельных случаях, как и у астеков, записаны, по-видимому, фонетическим способом. (Рис. 26 см. на с. 61.)

Как бы мы ни толковали слова испанского епископа Диего де Ланда, который в своей книге, опубликованной в середине XVI в., утверждал, будто в его время на Юкатане употреблялся майянский алфавит из двадцати семи знаков, ясно одно: никому еще не удалось дешифровать письма майя с помощью алфавита де Ланда³⁹. Даже если допустить, что этот алфавит был составлен в XVI веке под испанским влиянием и имел ограниченное хождение в некоторых районах Юкатана, то и из этого отнюдь не следует, что он воспроизводит системы, которыми пользовались индейцы доколумбовой эпохи.

Вернейшим доказательством того, что письмо майя не является собственно фонетической системой, служит тот очевидный факт, что оно до сих пор не дешифровано. Мы неизбежно приходим к этому выводу, если вспомним главное положение теории дешифровки: *фонетическое письмо может быть и в конечном итоге будет дешифровано, если известен лежащий в его основе язык*. Поскольку языки племен майя живут по сей день и, следовательно, хорошо известны, наша

неспособность разгадать майянскую систему письма означает, что она не представляет собой фонетического письма.

Другое доказательство того, что ни одна из систем письма Центральной Америки не может быть названа фонетической, дает анализ текста катехизиса (рис. 27), который был записан в XVI веке под испанским влиянием для нужд мексиканцев, обращенных в католическую веру⁴⁰. Несмотря на то что он содержит ряд знаков, соответствующих словам их языка, рукопись невозможно читать тем обычным способом, какой принят при чтении документов, созданных на основе фонетического письма. Знаки и группы знаков лишь подсказывают содержание текста, которое можно восстано-

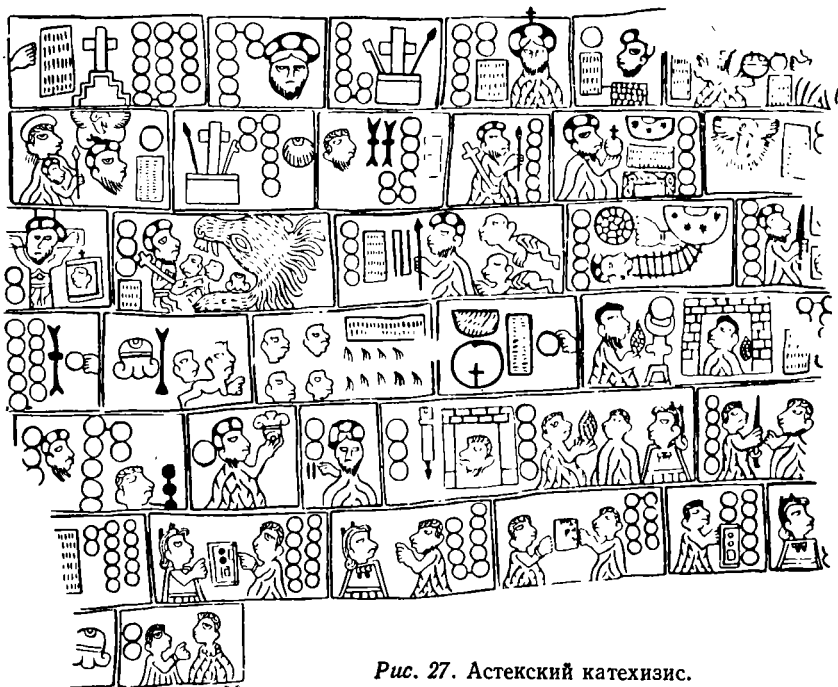

Рис. 27. Астекский катехизис.

вить, только опираясь на предварительное знакомство с католическим катехизисом. Чтобы яснее показать характер текста, попытаемся проанализировать некоторые его части. Изложение семи догматов веры, касающихся Иисуса, начинается со второй группы слева во второй строке: здесь мы видим изображение креста и орудий пытки как символ Иисуса. Догмат первый, гласящий: «Единственный сын Бога, зачатый Святым Духом, рожденный Девой Марией», выражен следующей группой, примыкающей слева: здесь мы видим цифру '1' и изображение листа бумаги, символизирующего догмат, бога (распознаваемого по характерной короне и бороде), святого

духа (обозначенного птицей) и, наконец, Марию с младенцем Иисусом на руках. Поскольку запись выполнена бустрофедоном, то второй догмат следует искать в первой группе третьей строки; имеющийся здесь рисунок означает: 'распят и похоронен'. Начиная со второй группы пятой строки излагаются Десять заповедей. Первая заповедь — «Возлюби Бога превыше всего» — представлена в виде изображения человека с сердцем в руке. Содержание пятой заповеди «Не убий» передается изображением человека, держащего меч, и другого человека в оборонительной позе. Аналогичным образом, при помощи католического катехизиса, можно дешифровать и весь остальной текст, совершенно не зная при этом ни языков, ни письменностей астеков и майя. Этот анализ мексиканского катехизиса совершенно ясно показывает, что он записан не фонетическим письмом, а с помощью приема, который мы уже достаточно подробно рассмотрели выше на многочисленных примерах, относящихся к предписываемостям. А это означает, что если и к шестнадцатому веку, несмотря на испанское влияние, астеки и майя не сумели выработать фонетическую систему письма, то вряд ли можно уверять, что она существовала у них до Колумба.

Нас могут спросить: а не странно ли, что индейцы доколумбовой эпохи, создав высокоразвитую культуру, которую нередко ставят в один ряд с культурами древнего Ближнего Востока, не знали письма, которое по уровню развития было бы сопоставимо с древневосточными системами? Я ответил бы так: строго говоря, к индейским культурам нельзя подходить с той же меркой, что и к культурам Ближнего Востока. Не будучи достаточно компетентен в области археологии Америки, я не претендую на то, что сумею вполне квалифицированно сравнить культуры столь разного происхождения. Я не могу не выразить свое мнение или, вернее, свои догадки по этому поводу. Доколумбовы культуры Америки с такими их особенностями, как ограниченное применение металлов, бедность в отношении орудий труда и оружия, неразвитое земледелие и почти полное отсутствие одомашненных животных, незнание колеса и, следовательно, повозок, а также гончарного круга для изготовления глиняной посуды, массовые человеческие жертвоприношения и каннибализм, не могут выдержать сравнения с древневосточными культурами; для них уже на заре истории были характерны высокие достижения в области обработки меди и бронзы, изобилие разнообразных орудий труда и оружия, высокое развитие земледелия и одомашнивания животных, применение гончарного круга и повозок, почти полный отказ от человеческих жертвоприношений и отсутствие каких бы то ни было следов каннибализма. Создание разработанного календаря — самая яркая особенность индейских культур, которая выглядит уникальным явлением на фоне общей культурной отсталости индейцев. Такого рода взлет в развитии какой-то одной области культуры поразителен, но не является единственным в своем роде. Так, например, замечательные бронзовые творения луристанских мастеров стоят неизмеримо выше всего наследия слаборазвитой

культуры Загра, точно так же как глубоко разработанные этические и религиозные учения библейских евреев далеко опередили их незначительные успехи в области политики, экономики и техники.

Неверно, что во время завоевания индейские культуры были "удушены в зародыше", как это утверждают иные исследователи, по мнению которых письменности индейцев Центральной Америки шли по верному пути формирования собственно письма. К моменту прихода испанских конкистадоров многие майянские города уже лежали в развалинах — неопровержимое свидетельство того, что по крайней мере культура майя уже тогда находилась в состоянии упадка ⁴¹. Даже поверхностное знакомство с письменами астеков и майя не оставляет сомнений в том, что без иностранного влияния* они никогда не смогли бы превратиться в настоящее письмо. Косность графических приемов, не менявшихся на протяжении почти семисот лет ⁴², введение причудливых вариантных форм изображения головы с характерной для них перегруженностью ненужными деталями — существенный порок письма с точки зрения принципа экономии — все это свидетельства перехода на путь вычурности и упадка, ведущих к регрессу.

Относя системы письма астеков и майя к классу предписьменностей, мы считаем необходимым присовокупить по этому поводу еще одно замечание. Не следует думать, что, классифицируя их таким образом, мы ставим системы индейцев Центральной Америки на тот же низкий уровень, на каком находились североамериканские системы, о которых шла речь в начале главы. Даже непосвященному ясно, что систематизация формальных элементов письма у астеков и майя значительно более продвинута, чем у индейцев Северной Америки. Кроме того, нельзя не отметить, что у центральноамериканских индейцев существовала фонетизация, совершенно неизвестная соответствующим системам Севера Америки, а также — и это главное — имелась высокоразвитая система записи чисел, в сравнении с которой все приемы североамериканских индейцев выглядят по-детски наивными и примитивными. Метод написания цифр и предметов счета, принятый у центральноамериканских индейцев, в соответствии с которым '5 человек' обозначаются цифрой '5' и знаком 'человек', идентичен по общей структуре методу, принятому в древневосточных письменностях, и в корне отличен от метода североамериканских индейцев, которые вместо того, чтобы написать '5 человек', рисуют 5 изображений 'человека' ⁴³. Все эти отличительные признаки говорят о более высоком уровне развития письма Центральной Америки по сравнению с североамериканским. Однако это отнюдь не озна-

* Речь идет, конечно, не об испанском влиянии; испанцы не влияли на письменности астеков и майя, а уничтожали их памятники. Автор имеет в виду гипотетический случай любого постороннего влияния, которое он — по нашему мнению ошибочно — считает необходимым для того, чтобы предписьменность подобного рода превратилась бы в подлинное письмо.— *Прим. ред.*

чает, что по своей общей структуре эти системы тождественны какой-либо из древневосточных письменностей. Общность в применении описательно-изобразительного приема, распространенного как в Центральной, так и в Северной Америке, и общее всем индейцам отсутствие *систематической* фонографии — вот те главные характерные свойства, которые позволяют провести резкую грань между всеми американскими системами, с одной стороны, и письменностями Старого Света — с другой. Таким образом, я целиком и полностью присоединяюсь к мнению двух выдающихся американистов, писавших следующее: «Ни одно из племен американских аборигенов не обладало письмом в подлинном смысле слова»⁴⁴; «иероглифы майя никоим образом не являются настоящим письмом в том смысле, как мы его понимаем, и не представляют собой параллели египетским иероглифам»⁴⁵.

III

СЛОВЕСНО-СЛОГОВЫЕ СИСТЕМЫ

Системы собственно письма возникли впервые на Древнем Востоке — обширной территории, простиравшейся от восточного побережья Средиземного моря до западного побережья Тихого океана. Как по историческим, так и по практическим соображениям Египет и примыкающие к нему районы Африки, а также (в период, предшествующий эллинизму) и районы, окружающие Эгейское море, должны быть включены в орбиту древневосточных цивилизаций. В этом обширном ареале обнаружены семь оригинальных развитых систем собственно письма, каждая из которых а priori может претендовать на самостоятельное происхождение. Системы эти следующие:

- шумерская в Месопотамии, 3100 г. до н. э. — 75 г. н. э.;
- протоэламская в Эламе, 3000—2200 гг. до н. э.;
- протоиндская в долине Инда, ок. 2200 г. до н. э.;
- китайская в Китае, 1300 г. до н. э. по настоящее время;
- египетская в Египте, 3000 г. до н. э. — 400 г. н. э.;
- критская на Крите и в Греции, 2000—1200 гг. до н. э.;
- хеттская в Анатолии и Сирии, 1500—777 гг. до н. э.

Хотя число 'семь' и является священным для поклонников культа и кабалистики, а также донаучных представлений о мироздании, тот факт, что нам известно именно семь древневосточных систем письма, является делом чистого случая. Древний Восток и ныне изобилует письменностями, ожидающими своего открытия, и каждые несколько лет благодаря усилиям археологов обнаруживаются все новые письменности. Тем не менее пока не видно, чтобы в наше время могли появиться новые претенденты на присоединение к приведенному списку, состоящему из семи первоначальных восточных систем письма. Протоармянские надписи, открытые недавно в большом количестве в Армении, слишком мало изучены, чтобы ими можно было воспользоваться для сколько-нибудь определенных выводов¹.

Недешифрованные письменности Феста и Библа, скорее всего, являются слоговыми и, таким образом, попадают в класс письменностей, рассматриваемых в главе IV. Таинственные надписи острова Пасхи, на которые многие люди, обладающие богатым воображением, потратили столько усилий, даже не являются письменностями в пря-

мом смысле этого слова, так как, по всей вероятности, представляют собой не что иное, как магические рисунки ². Наконец, индейские системы майя и астеков вообще не могут считаться письменностями в собственном смысле слова, потому что даже на самых высоких ступенях своего развития так и не достигли уровня, характерного для наиболее ранних этапов древневосточных систем (см. с. 58 и сл.).

Ввиду того что три из семи древневосточных систем, а именно протоэламская, протоиндская и критская, до сих пор не дешифрованы или дешифрованы лишь отчасти, в этой главе могут быть конструктивно использованы только данные остающихся четырех письменностей, чьи системы нам понятны полностью. Из них шумерская — наиболее древняя и единственная, дающая достаточный иллюстративный материал для реконструкции самых ранних ее ступеней. По этой причине мы начнем рассмотрение древневосточных систем письма с исчерпывающего описания шумерской системы; затем последуют очерки египетской, хеттской и китайской письменностей; далее будет дано краткое перечисление наиболее характерных черт трех недешифрованных или частично дешифрованных систем; наконец, в заключение мы сделаем попытку окинуть взглядом общие свойства всех древневосточных систем письма в их совокупности.

ШУМЕРСКАЯ СИСТЕМА

Родина клинописи находится в Месопотамии, в бассейне рек Тигра и Евфрата. Это письмо обязано своим наименованием клинообразному виду отдельных мелких штрихов, из которых состоят знаки месопотамского письма. Дешифровка клинописи, начатая в первой половине прошлого века немцем Георгом Фридрихом Гротефендом и англичанином Генри Раулинсоном, продвигалась в последующие годы так быстро, что к концу столетия появилась возможность относительно легко читать различные формы клинописи, которыми писали на разных языках древнего Ближнего Востока. Главными среди этих языков были шумерский в Южной Месопотамии, на котором говорил народ неизвестной этнической и лингвистической принадлежности, и аккадский в Северной Месопотамии — семитский язык, включавший два основных диалекта: вавилонский и ассирийский. К концу третьего тысячелетия до н. э. шумерский язык стал мертвым, уступив место аккадскому.

В результате открытий, сделанных в Месопотамии в XIX веке, оказалось, что, хотя термин "клинопись" вполне применим к месопотамскому письму на протяжении большей части его существования, он совершенно неприемлем для первоначальных ступеней развития этого письма. Было замечено, что знаки на ранних табличках, обнаруженных в ходе раскопок в Южной Месопотамии, не имеют клинописного облика, и вскоре выяснилось, что, чем таблички древнее, тем больше знаки на них походят на настоящие рисунки,

вроде тех, которые известны по многим другим пиктографическим системам, таким, как, например, египетская иероглифика. И так как стало ясно, что месопотамское клинообразное письмо развилось из пиктографического, то вскоре были сделаны попытки детально реконструировать различные последовательные фазы его развития. Работа упростилась благодаря табличкам, которые вскоре были найдены в Уруке (совр. Варка), в Южной Месопотамии. Их оказалось около тысячи, и они дали совершенно ясную картину развития месопотамского письма на его наиболее ранних ступенях³.

Шумерское письмо обязано своим происхождением потребностям, обусловленным экономическими и административными причинами. По мере того как в стране росла продуктивность сельского хозяйства, обеспечивавшаяся контролируемой государством системой каналов и ирригационных сооружений, накопившийся избыток сельскохозяйственной продукции стал направляться в амбары и зернохранилища городов, что вызвало необходимость учета продуктов, доставляемых в города, а также изделий ремесла, направляемых из города в сельскую местность.

Наиболее ранние из известных шумерских документов найдены в Уруке, в так называемом "слое Урук IV". Точная датировка этого слоя, как и датировка древнейших ближневосточных памятников вообще, остается неразгаданной, а промежуток между крайними из предлагаемых дат составляет чуть ли не тысячу лет, так как одни ученые относят начало протописьменного периода к промежутку между концом ХLI и серединой XXXIX в. до н. э.⁴, а другие — к началу III тысячелетия до н. э.⁵ Не располагая конкретными данными, я ничего не могу сказать в пользу той или иной датировки, но как историку письма самая поздняя из них кажется мне наиболее приемлемой.

Постулируемый "длинной" хронологией промежуток свыше тысячи лет между возникновением шумерского письма в начале четвертого тысячелетия и его превращением в собственно письмо около 2500 г. до н. э. всегда казался мне противоречащим реальным данным шумерской эпиграфики, и я, скорее, сочувствовал сторонникам "короткой" хронологии, предлагавшим свести этот интервал примерно к 400 или 500 годам, в соответствии с реконструкцией, весьма близкой к моей и опирающейся на наблюдения над внутренним и внешним развитием шумерского письма. Здесь имеется, однако, верхняя граница, которую нельзя переступать. Она определяется временем наиболее древних египетских иероглифических надписей. Если верно, что египетское письмо возникло, как принято считать, под стимулирующим воздействием шумерского письма (см. с. 205 и сл.), и если древнейшие египетские надписи датируются приблизительно 3000 г. до н. э., то наиболее древнее шумерское письмо нельзя относить к более позднему времени, чем 3000 г. до н. э. Однако мы не располагаем окончательными данными о древнейшей египетской хронологии, и не исключено, что дальнейшие исследования позволят "поднять" дату первой египетской династии, а с

нею и дату появления письма в Египте на несколько веков. Если же это окажется невозможным, то в свете вышеприведенных фактов древнейшее шумерское письмо следует ориентировочно отнести к 3100 г. до н. э.

То обстоятельство, что древние месопотамские письменные памятники принадлежали шумерам, само по себе не означает, что они и были подлинными "изобретателями" месопотамского письма. На самом деле, как стало особенно ясно в последние годы, наряду с шумерами и, может быть, даже до них Месопотамию населял другой этнический элемент, который за отсутствием лучшего термина я называю "элементом Х". И нельзя полностью исключить, что именно этот "элемент Х", а не шумеры, мог впервые ввести то письмо, которое позже стало известно как шумерское.

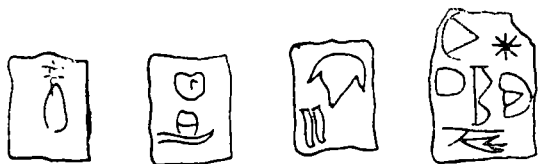

Рис. 28. Древнейшие пиктографические таблички из Урука.

Простейшие формы шумерских письменных памятников представлены бирками, или этикетками, с отверстиями и следами шнура, которым они были первоначально привязаны к какому-то предмету или к группе предметов. На таких бирках, обычно изготовлявшихся из глины, реже — из гипса, не было ничего, кроме отиска цилиндрической печати, то есть знака собственности лица, пославшего предмет, и (иногда) также пометки, указывавшей число посланных предметов; знаков же, которые бы указывали, какие предметы были посланы, не имелось⁶. Ограниченность этой системы очевидна. Конечно, получатель имущества в момент получения знал, к каким предметам относятся бирки, так как они поступали вместе с предметами, но с того момента, как бирку отрывали от предмета, связь между ними мало-помалу утрачивалась и забывалась. Другим ограничивающим обстоятельством было то, что таким способом можно было запечатлеть имена только тех лиц, которые обладали цилиндрическими печатями.

Эти ограничения вскоре заставили расширить систему путем введения написания знаков, обозначающих предметы, а также заметны отисков печатей написанными знаками. Хотя маленькие таблички на рис. 28⁷ и весьма трудны для интерпретации, совершенно очевидно, что знаки на них не могут обозначать ничего, кроме предметов и лиц. Более развитым и более легким для понимания является образец письма, воспроизведенный на рис. 29⁸ и представляющий собой учетную табличку с большим количеством небольших граф на лицевой стороне, каждая из которых содержит число в виде отиснутых половинок круга и личное имя, выраженное одним или

несколькими знаками. Что именно было послано или заприходовано, запечатлено на обороте таблички, где отчетливо читается '54 бык корова', то есть '54 быка (и) коровы' или '54 (головы рогатого) скота'. Связь между отдельными лицами и упомянутыми быками и коровами пишущего, очевидно, не интересовала; не указано также, были ли быки и коровы получены или переданы перечисленными лицами.

Утверждая, что замена оттисков печатей написанием личных имен была важным фактором в развитии шумерского письма, я вместе с тем должен подчеркнуть, что совершенно не разделяю точки зрения, согласно которой шумеры пришли к идее письма якобы через

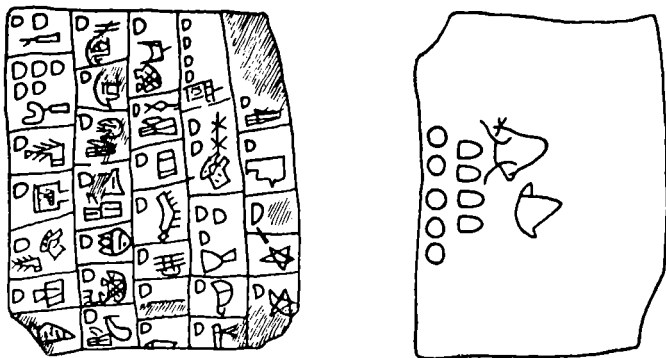

Рис. 29. Учетная табличка из Урука.

употребление цилиндрической печати, которая, таким образом, будто бы может считаться предком письма⁹. Мне кажется, что назначение печатей, с одной стороны, и письма, с другой, а также формы реализации этого назначения на всем протяжении их истории так различны, что трудно себе представить, каким образом употребление печатей могло повлиять на возникновение письма. Назначением печати как знака собственности в обоих его аспектах, утилитарном и магическом, является отождествление собственника, тогда как назначением письма является передача сообщения. Печать изображает сцены, заимствованные из религиозной сферы или из легенд без какой-либо прямой связи с владельцем печати, тогда как письмо использует знаки, то есть рисунки и нерисуночные символы, которые пишущий употребляет с целью передать сообщение. Даже форма отдельных рисунков в письменности раннего Урука и на современных ей печатях во многих случаях оказывается различной, что, например, легко заметить, сравнив знаки для быка и овцы в урукском письме с изображениями этих животных на печатях.

Знаки, употребляемые в древнейшем урукском письме, представляют собой отчетливые словесные знаки, применение которых ограничено выражением числительных, предметов и личных имен.

Перед нами ступень письма, которую мы называем логографией, или словесным письмом, и которую следует четко отличать от так называемой "идеографии", или "идеографического письма"¹⁰. Разницу нетрудно уловить, если дать себе труд сравнить любую из древнеурукских записей с примитивными приемами американских индейцев, описанными выше на с. 38 и сл.¹¹

На наиболее примитивных этапах логографии нетрудно было выразить рисунками конкретные слова, например 'овца' или 'солнце', при помощи рисунка овцы или солнца. Но вскоре пришлось ввести

Рис. 30. Написание имен собственных в период Урука.

и развить метод, с помощью которого рисунками можно было передавать не только слова для предметов, которые они непосредственно изображают, но и слова, с которыми они могут быть связаны вторичными ассоциациями. Так, рисунок солнца можно было применять вторично для передачи слов 'яркий, белый', а позже также и слова 'день'; аналогичным образом рисунки женщины и горы могут быть использованы для слова 'рабыня': такое сочетание рисунков связано с тем обстоятельством, что рабынь обычно доставляли в Вавилонию с окружающих гор.

Логография такого рода имеет, разумеется, свою обратную сторону, будучи неспособна выразить многие части речи и грамматические формы. Это, однако, не столь уж важно, так как подразумеваемое значение часто может быть понято из "контекста ситуации", если пользоваться термином, введенным Б. Малиновским в его работе, посвященной изучению проблемы значения в примитивных языках¹² (см. с. 29). Гораздо более серьезные ограничения, налагаемые этой системой на написание имен собственных. Примитивные способы выражения личных имен, принятые у индейцев (см. с. 47 и сл.), возможно, были достаточны в условиях племени, но они, разумеется, не могли соответствовать требованиям, предъявляемым крупными городскими центрами наподобие шумерских. В индейском племени, где каждый знает каждого, любому индивидууму необходимо особое, неповторяющееся имя. В больших городах, несмотря на сближающие условия жизни, люди могут не знать друг друга, и многие лица, не имеющие между собой ничего общего, носят одно и то же имя. Поэтому в документах такие люди должны дополнительно отождествляться указанием имени их отца и места их рождения. Далее, имена индейского типа, такие, как Белый Буйвол или Большой Медведь, которые относительно легко выразить на письме (их, вероятно, можно обнаружить даже на нашем рис. 30), редко встречались у шумеров; имена же, распространенные у шумер-

ров, образовывались по типу 'Энлиль-Дал-Жизнь', что трудно выразить способами, принятыми у индейцев.

Потребность в адекватной передаче имен собственных привела в конце концов к развитию фонетизации. Это подтверждается письменностями астеков и майя: редко употребляющийся в них фонетический принцип применяется исключительно для выражения имен собственных (см. с. 60—62). Потребность обозначения грамматических элементов не имела большого значения при возникновении фонетизации; это следует из того факта, что даже после полного развития фонетизации письмо еще долгое время обходилось без адекватного обозначения грамматических элементов.

Таким образом, фонетизация выросла из потребности выражать слова и звуки, которые не могли быть адекватно обозначены рисунками или комбинациями рисунков. Принцип фонетизации состоит в ассоциации слов, не поддающихся письменной передаче, со знаками для таких слов, которые похожи на эти слова по звучанию и которые легко изобразить. Применение такой процедуры может привести к полному фонетическому переносу типа того, который имел бы место, если бы для английского языка рисунком колен (по-англ. *knees*, что могло бы обозначать и *kneel*/ni:l/'преклонить колена') можно было выразить личное имя *Neil*/ni:l/, или рисунком солнца (*sun*) — слово 'сын' (*son*), или даже рисунками того и другого — колен и солнца — личное имя *Нилсон* (по-англ. *Neilson*)¹³. Частичный фонетический перенос имеет место при изображении медведя (по-нем. *Bär*) на щите Берлина или монаха (по-нем. *Mönch*) на щите Мюнхена. Фонетические комплементы обычно употребляются, когда необходимо различать слова, которые близки по значению и теоретически могут быть выражены одним и тем же знаком. Допустим, например, что рисунок 'две женщины лицом друг к другу' может по ассоциации употребляться для слов 'разлад, ссора, тяжба'; тогда при необходимости выразить именно слово 'разлад' (по-англ. *discord*) к этому рисунку следовало бы прибавить рисунок веревки (по-англ. *cord*), потому что последний слог слова *discord* похож по звучанию на слово *cord* (в данном случае даже совпадает). Впрочем, слово *discord* можно было бы написать и способом фонетического переноса при помощи двух знаков, из которых один представлял бы собой диск (*disk*), а другой — веревку (*cord*).

Хотя большинство урукских табличек до сих пор не поддается чтению, можно смело утверждать, что принцип фонетизации был разработан здесь очень рано. Сам Фалькенштейн приводит в качестве примера фонетизации знак СТРЕЛА, засвидетельствованный на второй по времени ступени урукского письма (так называемый "слой Урук III")¹⁴. Этот знак употребляется в шумерском для слова *tì* 'стрела', а также для слова *tì* 'жизнь'. Если, однако, учесть, что и на древнейшей ступени урукского письма (так называемый "слой Урук IV") шумерское 'корона' (*meš*) оказывается написанным при помощи знака 'корона' плюс фонетический индикатор *ep*¹⁵, а имя бога Сина — первоначально Зуэн или Зуин — пишется фонетически

su-en ¹⁶, то становится весьма вероятным, что, когда будет достигнуто лучшее понимание ранних ступеней урукского письма, количество примеров такого рода значительно возрастет.

Как только принцип фонетизации был введен, он быстро распространился. Тем самым благодаря ему открылись совершенно новые горизонты в смысле возможности выражения всех языковых форм, независимо от степени их абстрактности, при помощи письменных символов. Введение собственно письма потребовало принятия условных форм и принципов. Пришлось стандартизировать формы знаков, с тем чтобы все писали их примерно одинаково, установить соответствие знаков определенным словам и значениям, а также выбрать знаки с определенными слоговыми чтениями. Потребовалось и дальнейшее упорядочение всей системы в отношении ориентации знаков, установления направления письма, формы и порядка строк. Порядок знаков в целом следовал порядку слов в разговорном языке, чем отличался от условного порядка, характерного для описательно-изобразительного приема, принятого у североамериканских индейцев (см. с. 38 и сл.), астеков (см. с. 58 и сл.) и древних египтян (см. с. 78 и сл.); следует, однако, напомнить, что порядок знаков в пределах отдельных слов и коротких выражений мог меняться по эстетическим и практическим соображениям (см. с. 218 и сл.).

Принятие условных норм в системе письма потребовало не только установления правил, но и прямого заучивания форм и принципов письма. Немногие школьные таблички, найденные в слое Урук IV, приводят списки знаков ¹⁷ и тем самым свидетельствуют о существовании у шумеров уже в то время учебных и научных занятий, в области которых они достигли в дальнейшем ходе своей истории больших успехов.

В первой половине III тысячелетия до н. э. шумерское письмо было воспринято сначала носителями семитского языка — аккадцами, а вслед за ними и их восточными соседями — эламитами. Во II тысячелетии заимствование письма у аккадцев было осуществлено хурритами Северной Месопотамии, а также и хеттами, обитавшими в Малой Азии. Это был период, когда аккадский язык в качестве *lingua franca* Ближнего Востока достиг своего максимального распространения. В первой половине I тысячелетия до н. э. месопотамским письмом пользовались для своего языка урарты, жившие в Армении. Это было последнее по времени заимствование клинописной системы из Месопотамии.

Кроме только что упомянутых клинописных систем, следует указать на угаритскую (см. с. 128 и сл.) и персидскую (см. с. 168 и сл.), представляющих собой независимые местные изобретения, связанные с месопотамской клинописью единственно лишь представлением о том, что знаки можно писать в виде клиньев.

На протяжении всей истории месопотамского письма материалом для него служила преимущественно глина. Так как округлые очертания рисунков наносить на глину при помощи стила было трудно, то знаки независимо от воли пишущих с течением времени при-

ПТИЦА				
РЫБА				
ОСЕЛ				
БЫК				
СОЛНЦЕ				
ЗЕРНО				
САД				
ПЛУГ				
БУМЕРАНГ				
НОГА				

Рис. 31. Развитие рисуночных знаков в клинописные.

обрели угловатую форму, которая образовалась в результате нанесения стилем нескольких отдельных штрихов. Вследствие получавшегося произвольно более сильного нажима на один из краев стили штрихи стали похожи на клинья, что в результате привело к развитию клинообразного письма, или клинописи. Это письмо в дальнейшем употреблялось и на другом материале, таком, как камень и металл. Развитие некоторых клинописных знаков из шумерских пиктографических представлено в виде таблицы на рис. 31. Таково обычное объяснение происхождения клинописи; однако следует отметить, что существуют некоторые данные, указывающие на то, что в Месопотамии в качестве писчего материала применялось также и дерево. А следует сказать, что дерево даже в еще большей мере, чем глина, вызвало бы превращение округлых линий в ломаные. Китайский язык на пороге I тысячелетия н. э. тоже имел "квад-

ратный шрифт“, который мог быть порожден трудностями, связанными с вырезанием округлых линий на дереве. И древнееврейский ”квадратный шрифт“ (*scriptura quadrata*), возможно, обязан своим происхождением сходным причинам.

Шумерский силлабарий и развившиеся из него системы состоят из знаков, которые обычно представляют собой слог, оканчивающийся на гласный или на согласный, или, реже, двусложные образования той же структуры.

Никогда ни один месопотамский силлабарий (см. с. 121) не содержал одновременно знаков для всех возможных слогов, существовавших в языке, для которого он применялся. Принцип экономии, проявлявшийся в стремлении выразить языковые формы минимально возможным числом знаков, приводил к применению различных соответствующих приемов. Ни одна месопотамская система не различает звонких, глухих и эмфатических согласных в том случае, когда знаки кончаются на согласный. Так, например, знак IG имеет чтения *ig*, *ik* и *iq*, а знак TAG может употребляться для *tag*, *tak* и *taq*. Кроме того, некоторые более древние системы, такие, как староаккадская и староассирийская, не указывают качества согласного даже в знаках, начинающихся с согласного. Так, например, в этих системах знак GA имеет чтения *ga*, *ka* и *qa*. Во всех клинописных системах многие знаки, передающие звуко сочетания, оканчивающиеся на *i*, могут употребляться также и в качестве знаков для звуко сочетаний, оканчивающихся на *e*, как, например, LI, имеющее чтения *li* и *le*. В случае, когда в силлабарии для слога нет соответствующего знака, вместо него могут употребляться знаки со сходными согласными, как, например, при написании слога *gin* при помощи знака, нормальным чтением для которого будет *gim*. Слоги, для которых не может быть найдено знаков со сходными согласными, пишутся способом, получившим развитие только в шумерском письме и не имеющим параллелей ни в какой другой слоговой системе, за возможным исключением одной лишь китайской (см. с. 89 и сл.). Так, в месопотамской системе слог *gal*, для которого не существует отдельного знака, пишется *ga-al*, тогда как в других известных слоговых системах этот слог писался бы *ga-l(a)*, *ga-l(e)*, и т. п. Этот метод написания слогов, впервые засвидетельствованный написанием *Ti-ga-aš* для *Ti-gaš* во время Ур-Нанше (около 2500 г. до н. э.), до такой степени наводнил месопотамскую систему письма, что с течением времени стал одним из двух нормальных способов написания слогов, состоящих из согласного плюс гласный плюс согласный. Месопотамское написание *gal* как *ga-al* может быть объяснено действием принципа редукции (с. 107 и 176 и сл.). Дело происходило следующим образом. В случаях употребления полифонических знаков, таких, например, как знак, который читался *gul* или *sup*, написание *gul-ul*, составленное из основного знака *gul* плюс фонетический компонент или индикатор *ul*, имело целью показать, что основной знак должен читаться *gul*, а не *sup*. Написание *gul-ul* могло быть и было в дальнейшем воспринято как *gu(l)-ul*, то есть так, будто знак *gul*

предназначен для одного только гу, а знак ul дополняет чтение до требуемого гуl.

Нормальное месопотамское силлабическое письмо содержит знаки типа da, du, dam, dum и т. п., в каждом из которых указан необходимый гласный. Но наряду с этими знаками существуют и такие, как WA, которое читается wa, wi, we и wu, иными словами, как согласный w плюс любой гласный¹⁸. Другим таким знаком является знак A' или 'A, содержащий слабый согласный ' и любой нужный гласный. Вначале ассириологи часто транслитерировали первый знак как w (без гласного!), а второй знак даже в современной практике часто транслитерируется как ' (без гласного!), что свидетельствует о том, что не все еще достаточно четко усвоили разницу между слоговым и алфавитным письмом. Знак 'A развился из более старой формы, имевшей чтение ah, ih, eh, а позже также uh. К тому же недавно было установлено, что и знак IA в некоторые периоды мог читаться как согласный j плюс любой гласный. Далее зафиксированы такие знаки, как HAR или LAH, которые могут читаться с любым средним гласным, и целый ряд других знаков, таких, как LI/LE, IG/EG, LAB/LIB, DIN/DUN и т. п., для которых возможны чтения с разными гласными.

Если вспомнить, что месопотамское письмо сплошь и рядом неточно выражает также и согласные — ведь оно может иметь одинаковые знаки для звонких, глухих и эмфатических согласных (см. с. 76), — то окажется, что одновременно действуют два метода. Один состоит в точном обозначении согласных, но не гласных (знак WA, WI, WE, WU), а другой — в точном обозначении гласных, но не согласных (знак GA, KA, QA или знак AG, AK, AQ). Из этих двух методов второй является значительно более важным. Таким образом, месопотамское слоговое письмо представляет собой результат слияния двух процессов, имеющих целью достаточно эффективно выразить язык при помощи минимально возможного числа знаков. Это и есть принцип экономии, который можно наблюдать во многих других слоговых системах, таких, как египетская, которая точно передает согласные, но не гласные, или как хеттская, кипрская и старая японская, ко-

Рис. 32. Два месопотамских метода образования слоговых знаков.

Метод I	Метод II
<p>Один знак выражает либо ga, либо ka, либо qa</p> <p>Один знак выражает либо gi, либо ki, либо qi</p> <p>Один знак выражает либо ge, либо ke, либо qe</p> <p>Один знак выражает либо gu, либо ku, либо qu</p>	<p>Один знак выражает либо wa, либо wi, либо we, либо wu</p> <p>Один знак выражает либо ya, либо yi, либо ye, либо yu</p> <p>Один знак выражает либо ah, либо ih, либо eh, либо uh</p> <p>Один знак выражает либо har, либо hir, либо her, либо hur</p>

которые не проводят различия между звонкими, глухими, эмфатическими или аспирированными согласными.

Если теперь попытаться реконструировать оба месопотамских метода создания слоговых знаков в соответствии с принципом экономии, то получится картина, представленная на рис. 32 (табл.) (см. на с. 77).

ЕГИПЕТСКАЯ СИСТЕМА

Название иероглифического письма египтян происходит от греческого *ἱερογλυφία ὑράκινα* и связано с убеждением, что этот род письма употреблялся египтянами главным образом для священных целей, а материалом для него служил камень: *ἱερός* значит 'священный', а *γλύφειν* 'высекать (на камне)'. К 1822 г. иероглифическое письмо было успешно дешифровано французом Франсуа Шампольоном, опиравшимся главным образом на сравнение с греческой версией знаменитого Розеттского камня.

Происхождение египетского письма менее ясно, чем происхождение шумерского. Начало египетского письма засвидетельствовано несколькими палетками из шиферного сланца, найденными в Иераконполисе, расположенном примерно в 50 милях к югу от древнего города Фивы в Верхнем Египте. Для наших целей наиболее интересна так называемая "палетка Нармера" (рис. 33), получившая свое наименование в связи с предположением, что два символа в середине верхней графы на каждой из двух сторон палетки представляют собой знаки, которые на более позднем египетском языке, возможно, читались как 'Нармер'. Имя *Нармер* в египетской истории больше нигде не засвидетельствовано, а слоговое чтение указанных символов, как и отождествление Нармера с Менесом, основателем Первой египетской династии, является чисто гипотетическим.

Взглянем теперь на обратную сторону указанной палетки. Центральная сцена представляет собой изображение египетского царя, который заставляет своего врага склониться перед ним. На сцене рядом изображен сокол: вероятно, он символизирует царя в виде бога Гора; сокол ведет на веревке человека из страны Дельты, что символизируется изображениями человеческого головы и шести стеблей папируса. Все в целом, как предполагают, изображает завоевание Нижней страны (дельты Нила) Менесом, основателем Верхнего египетского царства (это событие, по всей вероятности, имело место около 3000 г. до н. э.). Кроме того, мы видим символы, рассеянные по всей поверхности палетки, как в верхней графе, между двумя головами богини Хатхор, так и около головы низвергнутого врага. Все эти символы, независимо от того, как они читались или понимались, обозначали имена собственные или титулы. Вся структура этой записи, столь сильно отличающейся от того, что мы видели на древнейших ступенях шумерского письма, имеет поразительные параллели в соответствующих примерах атекского письма (рис. 25 и с. 60—62). И здесь и там запись осуществляется описательно-изоб-

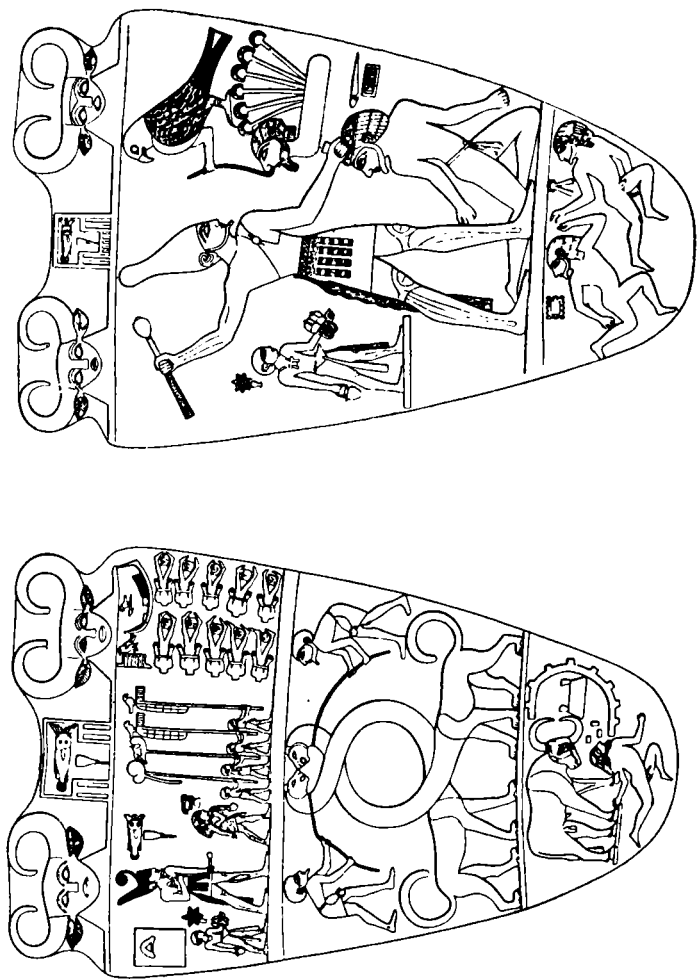
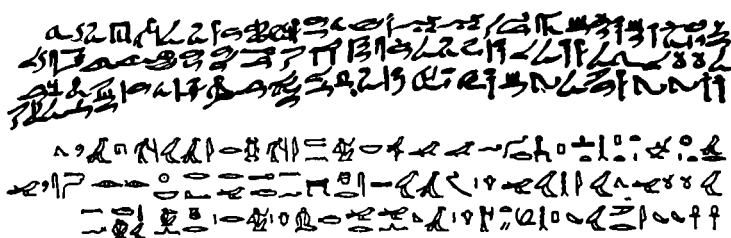

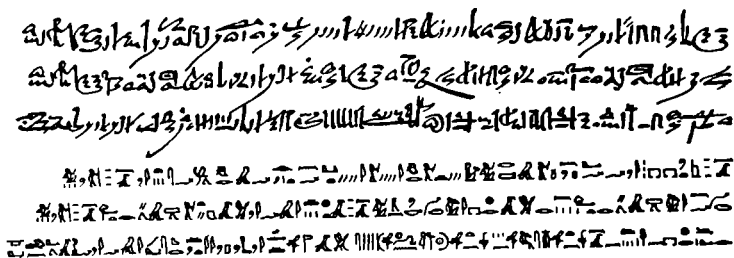
Рис. 33. Палетка Нармера.

разительным приемом при помощи рисунка, отражающего событие, и притом, как это свойственно произведениям искусства, с полным пренебрежением к основной цели собственно письма, то есть к воспроизведению языка и нормального для него порядка слов.

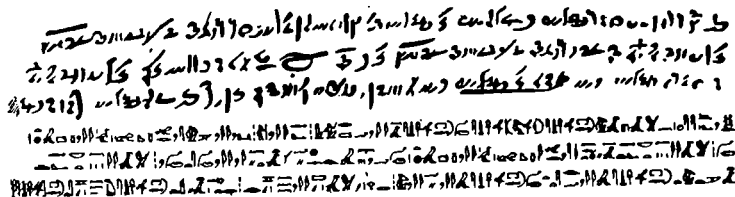
Совершенно очевидно, что имена собственные на палетке Нармера, как и на нескольких других аналогичных памятниках из Иеракон-

Литературная иератика XII династии

Канцелярская иератика XX династии

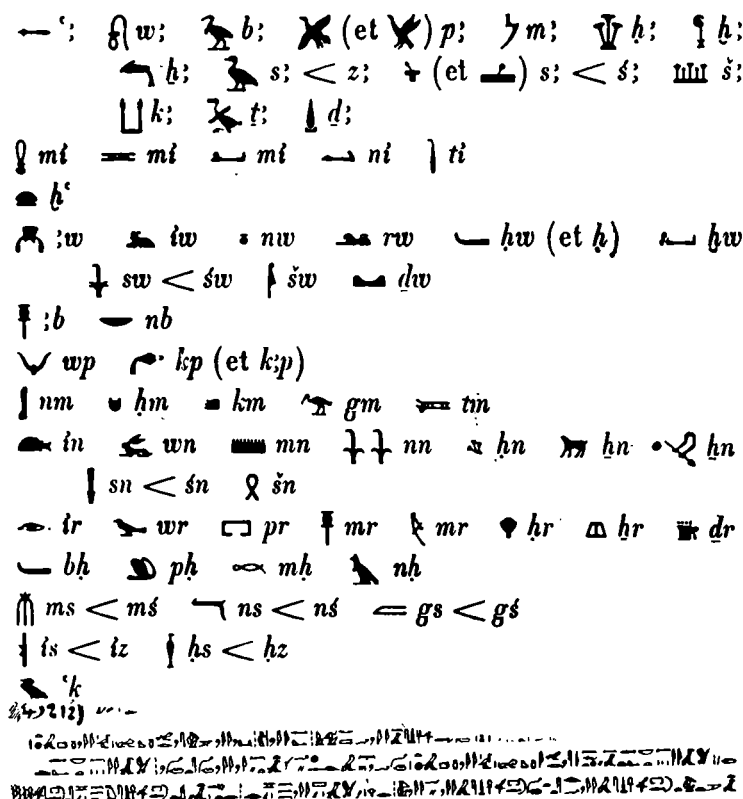
Литературная демотика 3 века до н. э.

Рис. 34. Образцы иератического и демотического письма с иероглифической транслитерацией современным египтологическим почерком.

полиса, написаны ребусным способом, употребление которого зафиксировано у индейцев (см. с. 47 и сл.) и, может быть, у ранних шумеров (см. с. 72 и сл.).

Вскоре после царствования Менеса в Египте развилась система собственно фонетического письма. Возможно, это произошло при стимулирующем воздействии шумерского письма (с. 206 и сл., 210).

После короткого переходного периода (относящиеся к нему надписи, выполненные фонетически, и поныне с большим трудом поддаются интерпретации) появилась развитая египетская система собственно письма, которая в принципе осталась неизменной до самого конца своей истории. Таким образом, на протяжении всего своего существования египетское письмо было словесно-слоговым.

Литературная демотика 3 века до н. э.

Рис. 34. Образцы иератического и демотического письма с иероглифической транслитерацией современным египтологическим почерком.

полиса, написаны ребусным способом, употребление которого за- свидетельствовано у индейцев (см. с. 47 и сл.) и, может быть, у ранних шумеров (см. с. 72 и сл.).

Вскоре после царствования Менеса в Египте развилась систе- собственно фонетического письма. Возможно, это произошло из стимулирующем воздействии шумерского письма (с. 206 и сл., 2-й, 3-й,

например знак m^x , имеющий чтения m^a , m^i , m^e , m^u и $m^{(x)}$ (рис. 36), а также около 80 знаков, каждый из которых состоит из двух согласных плюс любой гласный или любые гласные, как, например, знак $t^x m^x$ с чтениями $t^a m^a$, $t^i m^i$, $t^e m^e$, $t^u m^u$, $t^a m^i$, $t^e m^i$, $t^a m^{(a)}$, $t^e m^{(e)}$, $t^{(a)} m^a$ и т. п. (рис. 37).

- Наименование "силлабарий", которое предложено здесь для фонетических несемантических знаков, следует понимать в его непосредственном смысле, то есть как систему, состоящую из слоговых знаков. Этот термин не имеет ничего общего с идеями тех египтологов, которые делят египетские "фонетические" знаки на два класса: алфавитные знаки типа m и слоговые знаки типа tm ¹⁹. Как правильно заметил Курт Зете, это разделение нельзя считать отражающим действительность, потому что оба выделяемых типа идентичны по структуре, с той лишь разницей, что первый содержит один согласный, а второй — два ²⁰. По этой причине Зете и почти все современные египтологи считают египетские несемантические знаки — как одногласные, так и состоящие из большего количества согласных — знаками согласного письма. Значит, проблема, которая будет рассмотрена ниже, состоит не в том, делятся ли египетские несемантические знаки на алфавитные и силлабические, как полагал первоначально Эрман, а в том, считать ли их все согласными знаками, как принято думать у египтологов, или все слоговыми, как полагаю я.

- Между египтологами, с одной стороны, и мною, с другой, не возникает разногласий, когда мы одинаково утверждаем, что несемантические знаки полностью воспроизводят согласные, но совсем не указывают на различия между гласными. Я совершенно согласен с Зете, например, в том, что знак, транслитерируемый египтологами как mn , может стоять для звуко сочетаний, соответствующих $mn̄$, $mn̄p$, $mn̄p̄$, $mn̄p̄p$ в более позднем коптском ²¹, и можно исходить из того, что те или иные из этих гласных были свойственны словам древнеегипетского языка, в которых употреблялся знак mn . К тому же с практической точки зрения как будто и нет различия между традиционной транслитерацией mn ²², исходящей из восприятия письма как консонантного, и транслитерацией $m^x n^x$, $m^{(x)} n^{(x)}$, $m^{(x)} n^x$ и т. п., связанной с пониманием письма как слогового в том смысле, что оно правильно воспроизводит согласные (m и n) и не воспроизводит гласные ^(x). Однако с точки зрения теории письма различие колоссально. *Египетское фонетическое несемантическое письмо не может быть консонантным потому, что развитие путем перехода от логографического письма к консонантному, постулируемое египтологами, неизвестно и немыслимо в истории письма, и потому, что единственным известным и засвидетельствованным в десятках разнообразных систем путем развития является путь от логографии к слоговому письму* ²³.

Путем развития, засвидетельствованным в древних восточных системах, таких, как шумерская, хеттская и китайская, а также в некоторых системах нового времени, созданных американскими индейцами и африканскими неграми, такими, как чероки, бамум и

многие другие, является путь развития от логографической ступени к слоговой. С психологической точки зрения этот путь развития может считаться наиболее естественным. При анализе слова первым шагом является его разделение на входящие в него слоги, а не на входящие в него отдельные звуки или согласные. Действительно, если учесть, что почти все туземные письменности индейцев и африканцев остановились на слоговой ступени, не развившись в алфавитные системы, то легко сделать вывод, что эти народы испытывали трудности в разделении слов на составляющие их отдельные звуки. Таким образом, признав, что египетское несемантическое письмо было консонантным, мы не только окажемся перед типом развития, совершенно уникальным в истории письма, но и должны будем примыслить египетскому письму ту ступень абстракции, какая — мы покажем это ниже — будет достигнута лишь тысячелетия спустя греческим алфавитом.

Независимо от того, рассматриваем ли мы египетское несемантическое письмо как слоговое или как консонантное, тот факт, что гласные в письме не обозначаются, остается совершенно очевидным. На первый взгляд такое явление кажется уникальным, так как все другие письменности, известные нам — за исключением семитских, которые происходят прямо от египетского письма, — регулярно обозначают гласные. И все же этот феномен не так уж уникален, если вспомнить, что в месопотамских клинописных системах есть несколько знаков, в которых различающиеся гласные никогда не обозначаются, и много других, в которых гласные обозначаются неточно (см. с. 76 и сл.). Так, в этих системах знак, нормально именуемый WA, может читаться как wa, wī, we и wu, иными словами, как wa плюс любой гласный; знак LI может читаться и как lī, и как le, а знак LAB — и как lab, и как lib. В месопотамских системах, помимо знаков, в которых гласные либо вообще не обозначаются, либо обозначаются неточно, есть другие знаки, в которых неточно обозначаются согласные, как, например, знак AG, имеющий чтения ag, ak, aq, или знак GA, имеющий чтения ga, ka, qa. Из двух указанных способов создания слоговых знаков второй играет в клинописи значительно большую роль. В противоположность этому в египетской системе в качестве основы для создания силлабария был избран первый способ. *В обоих случаях идей, лежащей в основе развития, является принцип экономии, в котором воплощено стремление эффективно выразить язык при помощи минимально возможного количества знаков* (см. с. 77 и сл.).

Если спросить, почему египетский язык и его семитские ответвления систематически опускают гласные на письме, то ответ совпадает с объяснением, обычно предлагаемым востоковедами, специалистами по семитологии. Египетский язык, как хорошо известно, относится к семитской группе в широком смысле этого слова, а одной из главных черт морфологии семитских языков является устойчивость согласных и непостоянство гласных. Так, например, абстрактный корень *ktb 'писать' дает kataba 'он написал', katib

‘пишущий’, kitāb ‘книга’, а также много других форм, сохраняющих исходные согласные ktb. Это совершенно не значит, что «гласные в семитских языках менее важны, чем в индоевропейских» или что «гласные играют в греческом более существенную роль, чем в семитских языках», как нередко полагают иные филологи, потому что на самом деле письмо без гласных на языках обеих групп читается, как это видно из следующего примера, с одинаковой легкостью или с одинаковым трудом: пр пмщ чтнй ’тг прдлжнй й дм лчшй дкзтльств тг чт н рскм йзк мжн псть бз глснх (‘При помощи чтения этого предложения я дам лучшее доказательство того, что на русском языке можно писать без гласных’) ²⁴. Дело, скорее, в том, что индоевропейские языки обычно указывают морфологические и семантические различия при помощи окончаний, тогда как семитские языки делают это главным образом при помощи внутренних изменений гласных, проявляющихся в формах, лишь изредка встречающихся в индоевропейских языках, как, например, в немецком: brechen, brach, bräche, brich gebrochen, Bruch, Brüche, или в английском: sing, sang, song, sung, или в русском: *везти, возить, везу, вёз, воз*. Таким образом, относительная стабильность согласных и изменчивость гласных в семитских языках могла на самом деле быть основной причиной того, почему египтяне создали силлабарий, основанный на знаках, точно указывавших согласные, но приносивших в жертву гласные. Дополнительные доводы в пользу слогового характера египетского несемантического письма приведены при рассмотрении западносемитского силлабария (с. 143 и сл.). Так как западносемитское письмо является потомком египетского слогового письма и так как обе письменности абсолютно идентичны с точки зрения их внутренних структурных характеристик, всякий довод, приведенный в пользу слогового характера так называемого семитского “алфавита”, может одновременно служить и доводом в пользу слогового характера египетского несемантического письма.

Выше уже говорилось (с. 82 и сл.), что египетские фонетические знаки, как односложные, так и двусложные, всегда начинались с согласного. Это утверждение противоречит мнению некоторых египтологов, полагающих, что египетское фонетическое письмо было согласным, причем каждый знак представлял собой один или два-три согласных звука плюс любой гласный или любые гласные — начальный, средний или конечный, как, например, знак РОТ, который представлял гă, gā, gē, gē, āg, āg, ēg, ēg и т. д., или знак ДОМ, который употреблялся для rag, rēg, ārg, erg, erga, и т. д. ²⁵ Реконструкция египетских знаков, состоящих из гласного плюс согласный, основывается, по-видимому, на наблюдении того факта, что ряд египетских форм встречается то с начальным слабым согласным, то без него, как это, например, имеет место в предлогах i^hṯ^h или ṯ^h ‘в, от, с’, i^hṯ^h или ṯ^h, ‘что касается’, а также во многих императивах, таких, как i^hd^hd^h или d^hd^h ‘скажи!’, и других глагольных формах. Чередования такого рода написаний позволили сде-

лать вывод, что более кратким написаниям был присущ какой-то (слабый согласный плюс) гласный, а это привело к предположению, что в более кратких написаниях первый знак соответствовал гласно-плюс согласный. Однако в *графическом* толковании здесь нет нужды, потому что во всех случаях протетический 'āleph можно объяснить *фонетически*, как вторичный элемент, введенный перед двумя смежными согласными для того, чтобы облегчить их произношение²⁶. Это объяснение подтверждается такими параллелями из семитских языков, как 'emna или min 'iz', 'uqtul или qutul < *qtul 'убей!' и многие другие. Толкование египетских фонетических знаков как состоящих из гласного плюс согласный окажется приемлемым только в том случае, если будет доказано, что гласные, которые являются начальными по происхождению, как, например, те, что встречаются в именах Амона и Осириса, в классическом египетском письме можно было произвольно опускать.

ХЕТТСКАЯ СИСТЕМА

Дешифровка хеттской иероглифики была осуществлена лишь в тридцатых годах нашего века объединенными усилиями ученых разных стран: Хельмута Т. Боссерта (Германия), Эмиля О. Форрера (Швейцария), Бедржиха Грозного (Чехословакия), Пьеро Мериджи (Италия) и автора настоящей работы (США). Однако эта дешифровка хеттского не настолько еще продвинулась, чтобы можно было сравнить уровень наших знаний о языке хеттской иероглифики с уровнем, на котором находятся знания шумерского или египетского. Хотя в общем система письма достаточно ясна, нужно еще многое сделать для интерпретации отдельных знаков²⁷.

Термин "иероглифика", употребляемый для хеттского письма, заимствован из египтологии и означает только то, что хеттское письмо, подобно египетскому, является рисуночным письмом. Здесь ни в коем случае не имеется в виду, что хеттская иероглифическая система представляет собой заимствование египетской иероглифики или как-либо родственна ей.

Хеттское иероглифическое письмо употреблялось примерно с 1500 по 700 г. до н. э. на обширной территории, простиравшейся от Центральной Анатолии до Северной Сирии. Язык этого письма родствен, но не тождествен так называемому хеттскому клинописному, именуемому так потому, что на нем писали клинописью, заимствованной из Месопотамии. Оба эти языка и обе письменности употреблялись в Хеттском царстве одновременно. Но в то время, как распространение хеттского клинописного ограничивалось районом Богазкёя, столицы царства, и язык этот вымер вскоре после 1200 г. до н.э., хеттский иероглифический употреблялся на территории всего царства и продолжал существовать как живой язык вплоть до 700 г. до н. э.

Происхождение хеттской иероглифики остается для нас совершенно неясным, но все данные свидетельствуют о том, что оно связано с эгейской культурной областью (см. с. 208 и сл.). Рисуночный характер знаков ранних ступеней (рис. 38) сохранился в части надписей классического периода и все еще узнаваем даже в курсивных формах самого позднего периода (рис. 39; перевод к нему см. на рис. 59, с. 116).

Рис. 38. Образец древнего хеттского иероглифического письма.

Рис. 39. Курсивная форма хеттского иероглифического письма.

Структура словесных знаков тождественна или подобна структуре знаков других словесно-слоговых письменностей. Нормальный хеттский силлабарий содержит около шестидесяти знаков типа ра, рі, ре, ри, каждый из которых представляет собой слог, начинающийся с согласного и заканчивающийся гласным (рис. 40). В соответствии с принципом экономии различие между звонкими, глухими и аспирированными согласными не проводится. Под нормальным хеттским силлабарием подразумевается силлабарий, употреблявшийся в Сирии в начале I тысячелетия до н. э. Силлабарии, употреблявшиеся в то же самое время в Анатолии, содержат, кроме того, еще несколько знаков, существовавших лишь на ограниченной территории. Точно так же больше знаков содержится в древних силлабариях, вышедших из употребления после 1200 г. до н. э. Помимо слогов типа ра, имеется также небольшое количество ребусных знаков, употребляемых в качестве слоговых, как, например, знаки tra и ага.

	a	e	i	u
Гласные				
Носовые				
h				
i				
k/g				
l				
m				
n				
p/b				
r				
s				
ś				
t/d				
w				
z(=ts)				
Слоговые знаки неизвестного чтения				

Рис. 40. Хеттский иероглифический силлабарий.

Из четырех главных древневосточных письменностей китайская является единственной, которую не пришлось дешифровывать в новое время, потому что она непрерывно передавалась по традиции от поколения к поколению вплоть до наших дней. Китайское письмо впервые зафиксировано около середины II тысячелетия до н. э., во время династии Шан, в виде уже сложившейся фонетизованной системы. Конечно, по внешней форме это письмо на протяжении своей длительной истории сильно изменилось, но с точки зрения внутренней структуры древние записи едва ли чем-либо отличаются от современных.

Древнейшими китайскими надписями являются гадательные тексты на костях животных (рис. 41) и черепаховых панцирях (рис. 42), а также короткие надписи на бронзовой посуде, оружии, керамике и нефрите. Число знаков в период Шан ограничено — оно не превышает 2500, — и рисуночный характер большинства из них отчетливо проявляется. Но впоследствии знаки приобретают линейную форму, так что в более поздних письменностях первоначальные рисунки, к которым восходят знаки, совершенно неузнаваемы (рис. 43). Китайское письмо не имеет полностью сложившегося силлабария, подобного силлабариям трех других древневосточных систем. Так как слова китайского языка систематически передаются словесными знаками, то необходимость употреблять словесные знаки в функции слоговых возникает только при написании иностранных слов и имен. Так, имя Иисус пишется *Е-су*, слово 'английский' — *Ин-цзи-ли*, 'французский' — *Фа-лань-си*, 'телефон' — *дэ-ли-фэн* и т. д. Здесь нет твердо установленных знаков для определенных слогов, как в ближневосточных системах; так, например, имя Иисус можно также написать *Я-су*, а слово 'телефон' — *дэ-люй-фэн*. Характерная тенденция китайского письма к сокращению проявляется, например, в употреблении *Ин* для слова 'английский' (в числе других — *Ин-го-жэнь* для слова 'англичанин', то есть 'английский-страна-человек'), *Фа* — для слова 'французский' (*Фа-го-жэнь* 'француз') или *Ло* для фамилии Рузвельт (наряду с *Ло-сы-фу*, соответствующим английскому написанию Roosevelt). Часто слова, писавшиеся слоговым образом, со временем приобретали логографическое написание, как, например, вышеупомянутое слово *дэ-ли-фэн* 'телефон', которое теперь обыкновенно пишется *дянь-хуа*, что значит 'электрический разговор'. Сильная привязанность китайцев к своему логографическому письму проявляется и в таком написании иностранных имен, когда отдельные знаки не только соответствуют отдельным слогам, но часто подбираются так, чтобы передать значение, либо содержащееся в имени, которое носит данный человек, либо кажущееся характерным для этого человека. Так, например, имя Stuart может писаться *Си-ту*, то есть при помощи двух фонетических знаков, которые в то же время употребляются для китайского слова, обозначающего должностное лицо, соответствующее английскому 'стюард'. Аналогичным образом фамилия Вудбридж может писаться

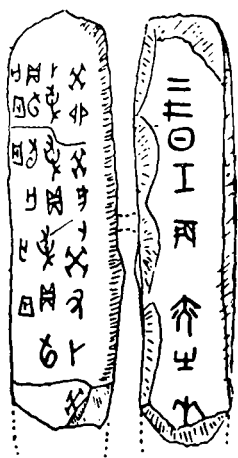

Рис. 41. Китайский гадательный текст на кости животного.

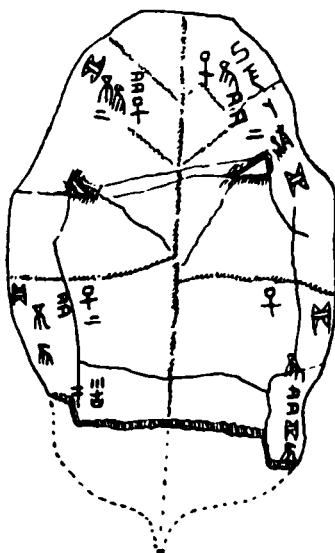

Рис. 42. Китайский гадательный текст на панцире черепахи.

惟十又八年十又二月初
 吉庚寅王才周康穆宮王
 令尹氏友史趙典善夫克
 田人克拜稽首取對天子
 不顯魯休揚用作旅殯惟
 用獻于師尹朋友昏邁克
 其用朝夕享于皇且皇且考其
 口口口口降克多福眉壽永令
 峻臣天子克其日易休無
 彊克其萬年子子孫孫永寶用

Рис. 43. Современное китайское письмо.

(a) 50 инициалей

才	ト	才	才	五	又	又	十	土	厂
撲	ト	木	夫	五	皮	必	米	土	轟
ny	by	my	fy	y	ny	bi	mi	ty	cy
力	ク	ナ	二	ナ	ナ	入	七	又	千
初	蘇	書	粗	都	朱	入	盧	奴	辞
чу	су	шу	цзу	ду	чжу	жу	лу	ну	цы
了	么	才	才	川	么	才	日	之	レ
姿	絲	德	特	遲	之	詩	日	低	題
цзы	сы	дэ	тэ	чи	чжи	ши	жи	ди	ти
レ	イ	ヒ	女	口	尸	尸	シ	于	ム
勒	訥	尼	女	呂	趨	居	須	于	離
лэ	на	ни	ньюй	люй	цюй	цзюй	сюй	юй	ли
上	廿	又	又	才	リ	リ	又	リ	才
基	其	希	衣	孤	劓	乎	戈	科	禾
цзи	ци	си	и	гу	ку	ху	гэ	кэ	хэ

(b) 12 финалей

了	丿	一	乙	一	レ
阿	敖	安(先)	亢	哀	爺
a	ao	ань	ан	ай	е
丿	丨	レ	フ	レ	儿
危(灰)	樞(幽)	恩(金)	翁(東)	我	兒
yǐ(yǎi)	ou(yu)	ēn(yn)	ēn(yun)	э	эр

Рис. 44. Силлабарий китайского письма фань-це.

У-бань-цзяо, где У обозначает фамилию, тогда как бань-цзяо значит 'деревянный мост' (wood-bridge). Здесь можно, кстати, привести китайское имя, которое в шутку дал мне один китайский ученый, а именно: Гэ-эр-бо (= Гельб), где Гэ обозначает фамилию, а эр-бо значит что-то вроде 'изысканный, эрудированный' ²⁸.

Случаи слогового письма, опирающиеся на так называемый "принцип фань-це", впервые появляются в китайском в весьма отдаленное время, в V или VI в. н. э. Этот принцип, сперва употреблявшийся лишь от случая к случаю, чтобы помочь при чтении редких и трудных словесных знаков, в начале XX в. был развит и превращен в сложившуюся систему со своим силлабарием, достигшим первоначально известного признания в провинции Хэбэй, а также отчасти

и в провинции Шандун ²⁹. Этот силлабарий (рис. 44) состоит из шестидесяти двух знаков, которые делятся на пятьдесят начальных и двенадцать конечных знаков. Простые знаки *пу*, *бу*, *му*, и т. д. употребляются, естественно, для соответствующих слогов *пу*, *бу*, *му* и т. д., но когда возникает необходимость выразить слог, для которого в силлабрии соответствующего знака нет, то применяется принцип *фань-це*, и слог пишется тогда при помощи двух знаков, имеющих в силлабрии, — одного начального и одного конечного. Так, например, слог *мин* пишется знаками *ми* + *эн*; *ю* — знаками *и* + *у*; *цзяо* — знаками *цзи* + *ао* и т. д. Слоговые знаки, как это отчетливо видно из рис. 44, представляют собой упрощенные формы нормального китайского письма ³⁰.

ПРОТОЭЛАМСКАЯ, ПРОТОИНДСКАЯ И КРИТСКАЯ СИСТЕМЫ

Общим для трех названных систем является то, что все они до сих пор не дешифрованы или дешифрованы лишь отчасти. По этой причине мы должны ограничиться рассмотрением точно установленных фактов и постараться избежать ненужных спекуляций по поводу внутренней структуры этих систем.

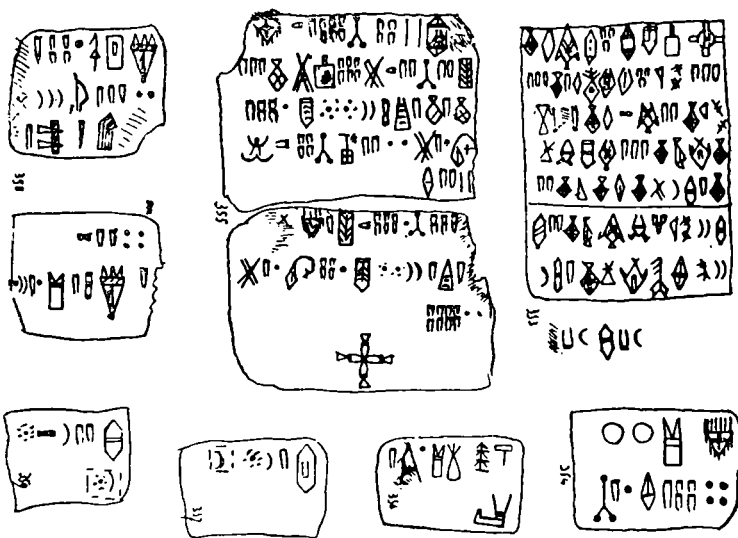

Рис. 45. Древнейший тип протоэламского письма.

Протоэламское письмо впервые предстает перед нами в Сузах — столице древнего Элама; его можно грубо датировать так называемым "периодом Джемдет-наср", относящимся ко времени после 3000 г. до н. э. Самый ранний тип этого письма представлен несколь-

кими сотнями глиняных табличек, имевших, по-видимому, хозяйственное назначение (рис. 45). Ни один из нескольких сот знаков этого письма до сих пор не может считаться окончательно прочитанным. Мало-мальски достоверными результатами дешифровки являются лишь интерпретация группы знаков для числительных и вывод о существовании десятичной системы счисления. Более развитая форма протоэламского письма, также недешифрованная, встречается на дюжине каменных надписей староаккадского периода, датиру-

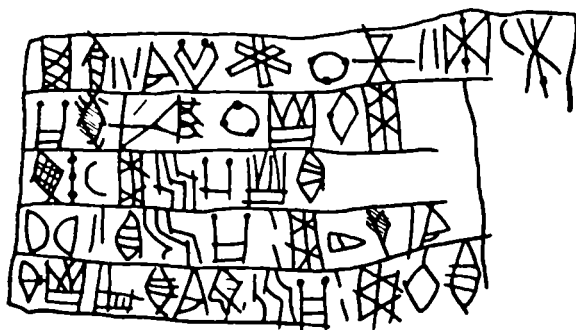

Рис. 46. Протоэламская надпись староаккадского периода.

емых приблизительно 2200 г. до н. э. На рис. 46 приведена часть предположительно двуязычной надписи, написанной, возможно, на староаккадском и протоэламском языках³¹. Этот новый тип письма состоит из очень ограниченного количества знаков — пока их выявлено только пятьдесят пять. Эти знаки сильно отличаются по форме от знаков предыдущего периода.

На протяжении последних пятидесяти лет на разных городищах долины Инда попадались печати со своеобразными знаками, вызвавшими во всем мире оживленный интерес. Но первые систематические раскопки древних городищ, носящих теперь названия Мохенджо-Даро и Хараппа, были предприняты Археологическим департаментом правительства Индии лишь после 1924 г. Именно тогда и было найдено значительное количество текстов. В последующие годы письменные материалы того же типа были обнаружены в Чанху-Даро. На этих городищах были извлечены из земли памятники весьма древних культур, о которых, как ни странно, традиция нам ничего не сообщает. До сих пор не дешифрованная письменность, обнаруженная здесь, состоит приблизительно из 250 знаков, которые

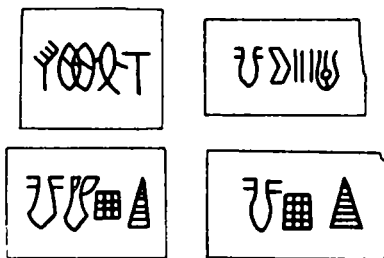

Рис. 47. Протоиндское письмо.

встречаются в кратких надписях на печатях, керамической посуде и медных табличках (рис. 47) ³². Датировка этого протоиндского письма осуществлена при помощи сравнительной стратиграфии с привлечением для сопоставления месопотамских материалов. Рассматриваемое письмо впервые появилось во второй половине третьего тыс. до н. э. и затем, после кратковременного существования, продолжавшегося несколько веков, исчезло так же внезапно, как и возникло.

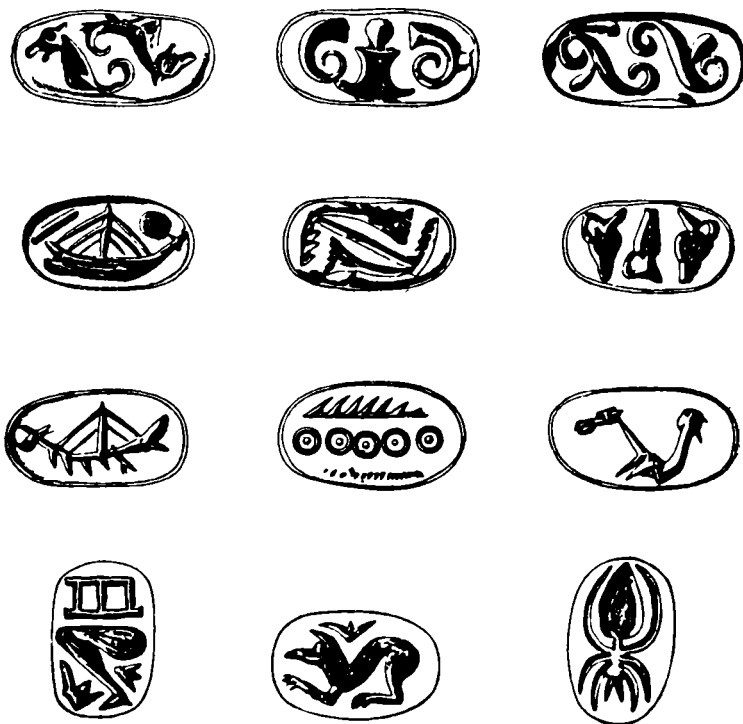

Рис. 48. Критское иероглифическое письмо А.

Происхождение и развитие критского письма лучше всего может быть проиллюстрировано эпиграфическими находками, сделанными на рубеже нашего века сэром Артуром Эвансом в Кноссе, на острове Крит ³³. Другие городища на Крите (Маллия, Агия Триада и др.), в Греции (Микены, Орхомен, Пилос, Фивы, Тиринф и др.) и на островах Эгейского моря также дали эпиграфический материал, оказавшийся весьма полезным для восполнения лакун в наших знаниях, приобретенных на основе материалов, добытых в Кноссе. Хотя критское письмо все еще дешифровано лишь отчасти, мы можем довольно хорошо проследить основную линию его развития. Печати с изображениями предметов и живых существ появляются на самых ранних

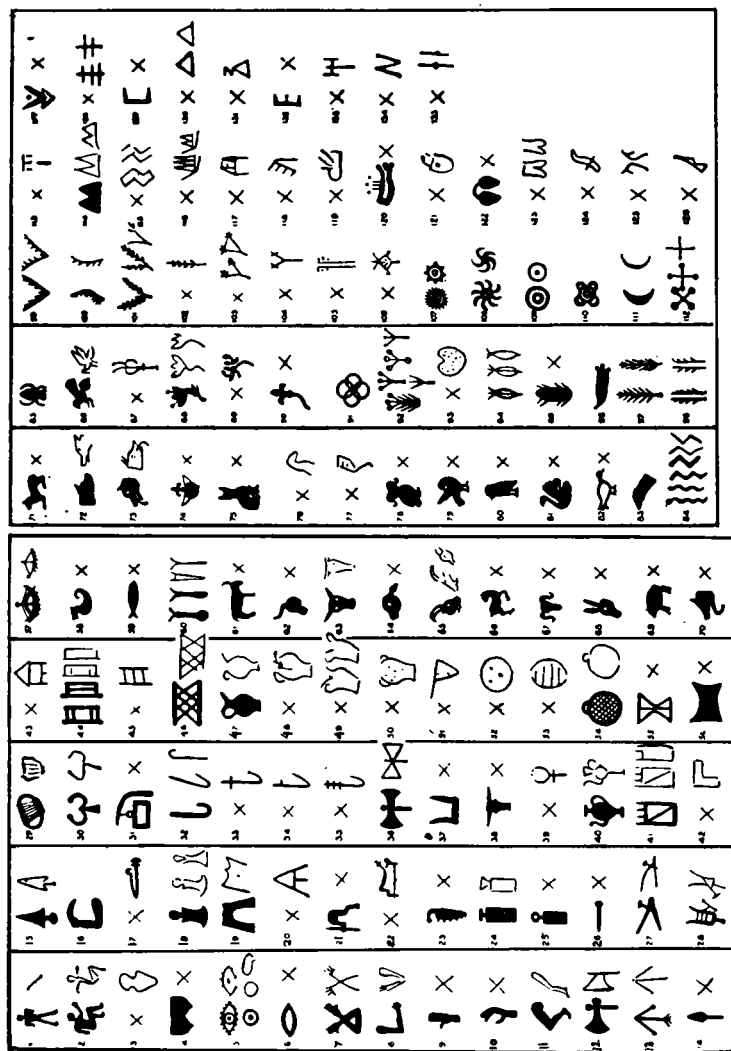

Рис. 49. Критское иероглифическое письмо Б.

ступенях раннеминойского периода. Постепенно, в начале среднеминойского периода I (около 2000—1900 гг. до н. э.), начинают появляться и первые рисуночные формы письма. Именно их Эванс называет «классом А» иероглифического письма (рис. 48), на смену которому в среднеминойский период II (около 1900—1700 гг. до

1 (L 30) da [B 1]	28 (L 78) xi [B 37]	55 (L 91) ge [B 78]
2 (L 23) ro [B 2]	29 (L 44) e? [B 38]	56 (L 101) zu [B 79]**
3 (L 2) pa [B 3]	30 (L 56) pi [B 39]	57 (L 95) ma [B 80]
4 (L 92) ac [B 4]	31 (L 24) wi [B 40]	58 (L 98) ku [B 81]
5 (L 39) lo [B 5]	32 (L 102) de [B 45]	59 (L 96) [B 82]
6 (L 26) na [B 6]	33 (L 81) ju?? [B 46]	60 (L 72 c 94 b)***
7 (L 51) di [B 7]	34 (L 64) pu [B 50]	61 (L 63)
8 (L 52) a [B 8]	35 (L 93 c L 24) du [B 51]	62 (L 50)
9 (L 77) ac [B 9]	36 (L 100) mo [B 52]	63 (L 61)
10 (L 97) u [B 10]	37 (L 75) wa [B 54]	64 (L 79)
11 (L 31) jo [B 11]	38 (L 25) ju? * [B 55?]	65 (L 84)
12 (L 7) ao? [B 12]	39 (L 1) pa? [B 56]	66 (L 63)
13 (L 64) me? [B 13]	40 (L 32) ja [B 57]	67 (L 82) ud??
14 (L 17) do? [B 14]	41 (L 59) ou [B 58]	68 (L 65)
15 (L 62) pa (ba) [B 15]	42 (L 74) ka [B 59]	69 (L 38)
16 (L 23) za [B 17]	43 (L 53) ru [B 60]	70 (L 37)
17 (L 10) zo? [B 20]	44 (L 87) o [B 61]	71 (L 73)
18 (L 67) [B 22?]	45 (L 98 o L 68) [B 65?]	72 (L 85)
19 (L 27 c L 38) ma? [B 23]	46 (L 96) ni [B 66]	73 (L 49)
20 (L 57) me? [B 24]	47 (L 103) ki [B 67]	74 (L 43)
21 (L 55) ru [B 26]	48 (L 6) tu [B 69]	75 (L 71)
22 (L 64) re [B 27]	49 (L 45) ho [B 70]	76 (L 41)
23 (L 34) pa? [B 29]	50 (L 90) pe? [B 72]	77 (L 9)
24 (L 60) ni [B 30]	51 (L 76) mi [B 73]	78 (L 68 b)
25 (L 31) an? [B 31]	52 (L 94) me [B 75]	79 (L 23)
26 (L 12) go? [B 32]	53 (L 56) ra [B 76]	80 (L 14)
27 (L 69) di [B 34]	54 (L 29) ka [B 77]	

Рис. 50. Критское линейное письмо А.

н. э.) приходит "класс Б" иероглифического письма (рис. 49). Прогресс экономической жизни содействовал дальнейшему развитию критского письма. В среднеминойский период III (около 1700—1550 гг. до н. э.) появилось курсивное письмо "линейное А" (рис. 50), которое было в употреблении приблизительно до 1450 г. до н. э., и

курсивное письмо "линейное Б" (рис. 51), употреблявшееся примерно до 1200 г. до н. э. Превращение некоторых иероглифических знаков в линейные показано на рис. 52. Типичная надпись линейным

LN	PT	MY		LN	PT	MY		LN	PT	MY	
1	𐀀	𐀀	da	31	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	sa	61	𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀𐀀	o		
2	𐀁	𐀁	ro	32	𐀁𐀁 𐀁𐀁𐀁	qo	62	𐀀𐀀 𐀀𐀀	pte		
3	𐀂	𐀂	pa	33	𐀀𐀀	ra ³	63	𐀀			
4	𐀃	𐀃	te	34	𐀀𐀀𐀀𐀀	ai ²	64	𐀀 𐀀			
5	𐀄	𐀄𐀄	to	35	𐀀𐀁	"	65	𐀀𐀀𐀀𐀀			
6	𐀅𐀅 𐀅𐀅𐀅	na	36	𐀅𐀅𐀅𐀅𐀅𐀅	jo	66	𐀅𐀅𐀅𐀅	ta ²			
7	𐀆𐀆 𐀆𐀆𐀆	di	37	𐀆𐀆 𐀆𐀆𐀆	ti	67	𐀆𐀆 𐀆𐀆𐀆𐀆	ki			
8	𐀇𐀇 𐀇𐀇𐀇	a	38	𐀇𐀇 𐀇𐀇𐀆	e	68	𐀇𐀇 𐀇𐀇𐀆	ro ²			
9	𐀈𐀈 𐀈𐀈𐀈	se	39	𐀈𐀈 𐀈𐀈𐀈𐀈	pi	69	𐀈𐀈 𐀈𐀈𐀈𐀈	tu			
10	𐀉𐀉 𐀉𐀉𐀉	u	40	𐀉𐀉 𐀉𐀉𐀆	wi	70	𐀉𐀉𐀉𐀉𐀉𐀉	ko			
11	𐀊𐀊 𐀊𐀊𐀆	po	41	𐀊𐀊𐀊𐀊𐀊	si	71	𐀊𐀊𐀆				
12	𐀋𐀋𐀋 𐀋𐀋𐀆	so	42	𐀋𐀋𐀋𐀋𐀋𐀆	wo	72	𐀋𐀋𐀋𐀋𐀆	pe			
13	𐀌𐀌𐀌𐀌𐀌	me	43	𐀌𐀌𐀌𐀆	ai	73	𐀌𐀌𐀌𐀌𐀆	mi			
14	𐀍𐀍𐀆 𐀍𐀍𐀆𐀆	do	44	𐀍𐀍 𐀍𐀍𐀍𐀍	ke	74	𐀍𐀍𐀆 𐀍𐀍𐀆	ze			
15	𐀎𐀆 𐀆𐀍𐀆𐀆	mo	45	𐀎𐀎𐀆 𐀎𐀎𐀆	de	75	𐀎 𐀎 𐀎𐀆	we			
16	𐀏𐀆 𐀆𐀆𐀆𐀆	pa ²	46	𐀎𐀎𐀆 𐀎𐀆	je	76	𐀎𐀆 𐀎𐀆	ra ²			
17	𐀐𐀐𐀆 𐀐𐀆𐀆	za	47	𐀎𐀆		77	𐀐𐀐𐀐𐀐𐀐	ka			
18	𐀑𐀆		48	𐀎𐀆 𐀎𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	nwa	78	𐀐𐀐𐀐𐀐𐀆	qe			
19	𐀒		49	𐀎𐀆		79	𐀐𐀆 𐀐𐀆𐀆				
20	𐀓𐀓 𐀓𐀆𐀆	zo	50	𐀓𐀆 𐀓𐀆𐀆𐀆	pu	80	𐀓𐀓𐀆 𐀓𐀓𐀆	ma			
21	𐀔𐀆 𐀔𐀆𐀆	qi	51	𐀔𐀆𐀆 𐀔𐀆𐀆𐀆	dd	81	𐀔𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	ku			
22	𐀕𐀆 𐀕𐀆		52	𐀕𐀆𐀆 𐀕𐀆𐀆𐀆	no	82	𐀕𐀆𐀆𐀆𐀆				
23	𐀖𐀆 𐀖𐀆𐀆	mu	53	𐀖𐀆𐀆 𐀖𐀆𐀆𐀆𐀆	ri	83	𐀖𐀆𐀆 𐀖𐀆𐀆				
24	𐀗𐀆𐀆 𐀗𐀆𐀆𐀆	ne	54	𐀗𐀆 𐀗𐀆 𐀗𐀆	wa	84	𐀗𐀆				
25	𐀘𐀆 𐀘𐀆𐀆𐀆	a ²	55	𐀗𐀆𐀆 𐀗𐀆𐀆𐀆𐀆	nu	85	𐀗𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆				
26	𐀙𐀆𐀆 𐀙𐀆𐀆𐀆	ru	56	𐀗𐀆 𐀗𐀆 𐀗𐀆		86	𐀗𐀆𐀆				
27	𐀚𐀆𐀆 𐀚𐀆𐀆𐀆	re	57	𐀗𐀆𐀆 𐀗𐀆𐀆𐀆𐀆	ja	87	𐀗𐀆𐀆				
28	𐀛𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	i	58	𐀗𐀆𐀆 𐀗𐀆𐀆𐀆	su	88					
29	𐀜𐀆𐀆𐀆𐀆𐀆	pu ²	59	𐀗𐀆𐀆 𐀗𐀆𐀆𐀆	ta	89	𐀗𐀆				
30	𐀝𐀆𐀆 𐀝𐀆𐀆𐀆	ni	60	𐀗𐀆𐀆𐀆 𐀗𐀆𐀆𐀆𐀆	ra						

Рис. 51. Критское линейное письмо Б,

письмом Б воспроизведена на рис. 53. Публикация обширных материалов, написанных линейным письмом Б, вскоре привела к его успешной дешифровке, которую произвел молодой английский архитектор М. Вентрис. Его дешифровка опирается на ряд приводимых нами здесь постулатов. Таблички представляют собой инвентар-

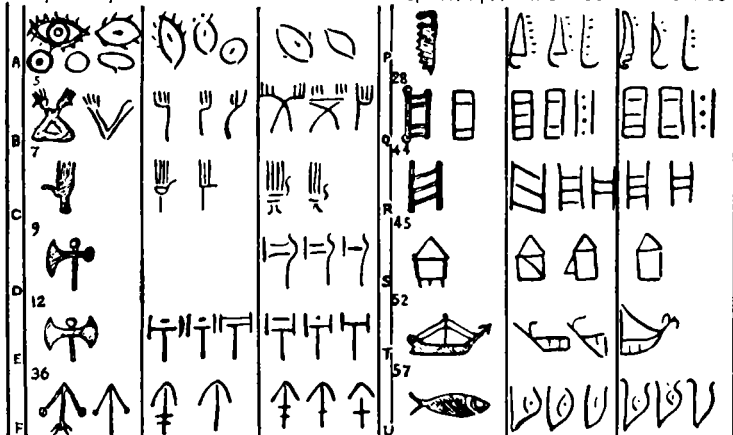

Рис. 52. Развитие критских иероглифических знаков в линейные.

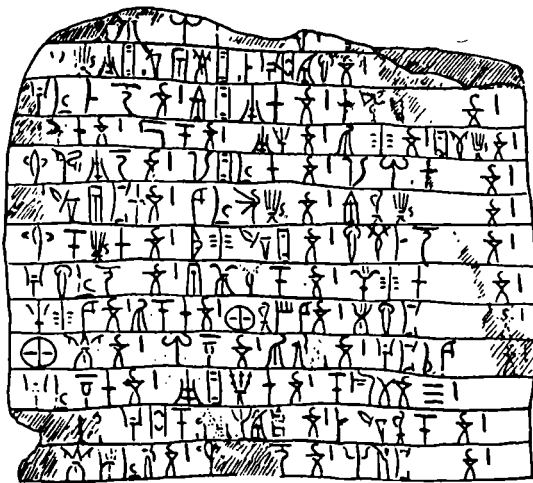

Рис. 53. Надпись линейным письмом Б из Кносса.

ные списки, счета и расписки. Письмо содержит неопределенное количество "идеограмм" (фактически логограмм, употребляемых обычно в качестве детерминативов-классификаторов), которые могут быть интерпретированы на основании того, что они изображают, или по способу группировки, или по способу, каким они дифференцируются. На основании того, что письмо содержит приблизительно восемьдесят восемь различных "фонетических" знаков, можно предположить, что оно является слоговым письмом и имеет силлабарий типа кипрского или хеттского иероглифического, где каждый знак

выражает гласный или согласный плюс гласный. Выяснение встречаемости знаков показало, что некоторые из них повторяются особенно часто, и Вентрис (следуя за Алисой Кобер и Ктистопулосом) решил, что они соответствуют гласным. Наблюдая вариации конечных слоговых знаков в группах знаков, представляющих собой слово, он пришел к выводу, что это письмо выражает изменение флексивных окончаний того же типа, который представлен латинским *bo-ni*, *bo-no*, *bo-nae* и т. д. Это предположение позволило Вентрису начертить экспериментальную решетку с рядами знаков, содержащими либо один и тот же согласный и меняющиеся гласные, либо меняющиеся согласные и постоянный гласный. Опираясь на приведенные постулаты, Вентрис стал придавать знакам слоговые чтения. Путь был нелегким, и ряд попыток, сделанных в этом направлении, оказался неудачным. Однако в результате неожиданного успеха, который принесла интерпретация некоторых географических названий, таких, как *A-mi-ni-so*, *A-mi-ni-si-io*, *A-mi-ni-si-ia* (соответствующих греческим 'Αμνιό-, 'Αμνισίο-, 'Αμνισία-), а также *Ко-по-со*, *Ко-по-si-io*, *Ко-по-si-ia* (соответствующих Κνωσό-, Κνωσίο-, Κνωσία-), Вентрис получил чтение известного количества знаков. Между тем флексивные окончания, встречающиеся в перечисленных здесь названиях, а также и в ряде других, привели его к заключению, что язык, на котором написаны изучаемые им надписи, является греческим ³⁴.

Хотя линейное письмо Б с типологической точки зрения относится к той же группе, что и кипрское и хеттское иероглифическое, оно все же имеет следующие важные отличия: отсутствует передача *i* в дифтонгах *ai* и т. п., тогда как *u* в дифтонгах *au* и т. п. передается; отсутствует передача конечных согласных *m*, *n*, *l*, *g* и *s*; существует ряд знаков со звонким *d*, тогда как для *g* и *b* такие ряды отсутствуют.

Дешифровка линейного письма Б вселяет надежду на успех в деле дешифровки других типов критского письма, в особенности линейного А. Это письмо состоит приблизительно из 80 слоговых знаков, из которых, грубо говоря, примерно половина формально сходна со знаками линейного письма Б, а также из ограниченного числа логограмм. Можно почти с уверенностью утверждать, что линейное письмо А фиксирует негреческий язык. Относительно других родственных письменностей см. с. 149 и сл. ³⁵

О ЗНАКАХ ВООБЩЕ

подавляющее большинство знаков в шумерской, египетской, хеттской и китайской системах письма представляют собой простые рисунки предметов, взятых из окружающей среды. Но создатели знаков редко рисовали их так, как это сделал бы настоящий художник. Задачей письма является создание символов, стоящих вместо слов языка, и оно достигается при помощи мер экономии, заставля-

ПИСЬМО

	Шумерское	Египетское	Хеттское	Китайское
ЧЕЛОВЕК				
ЦАРЬ				
БОЖЕСТВО				
БЫК				
ОВЦА				
НЕБО				
ЗВЕЗДА				
СОЛНЦЕ				
ВОДА				
ДЕРЕВО				
ДОМ				
ДОРОГА				
ГОРОД				
СТРАНА				

Рис. 54. Рисуночные знаки в шумерском, египетском, хеттском и китайском письме.

ющих опускать подробности, которые не являются совершенно необходимыми для понимания данного символа. Художник никогда не стал бы рисовать воду, гору или дом в том виде, в каком они встречаются в письме, так же как он лишь изредка мог бы позволить себе рисовать одни головы вместо целых фигур, следуя условному принципу *pars pro toto* 'часть вместо целого', столь часто применяемому в шумерском и хеттском письме (рис. 54).

Известное количество знаков образовалось не в результате копирования реальных объектов, а путем постепенного введения условных обозначений. Таковы некоторые геометрические фигуры, такие, как штрихи, круги и полукруглости для чисел и других абстрактных выражений, а в более новое время — символы, употребляемые в математике, такие, как плюс, минус или знак корня.

Во всех четырех рассматриваемых здесь системах письма постепенно развились скорописные линейные формы, которые от частого повседневного употребления так сократились и изменились, что в подавляющем большинстве случаев в них невозможно узнать рисунки, к которым они восходят. Но в то время, как шумерская и китайская скорописные системы распространились настоль-

ко, что на их основе вторично сложились монументальные формы, представляющие собой нерисуночные письменности, с египетской и хеттской монументальными системами ничего подобного не произошло: они сохранили свой рисуночный характер до самого конца³⁶.

Когда после периода первоначального внедрения система письма стабилизируется (см. с. 116 и сл.), число знаков в ней становится постоянным и создание новых знаков идет, как правило, либо по пути изменения или дифференциации форм уже существующих знаков, либо путем новых их комбинаций. Весьма поучительны в этом отношении два знака: знак верблюда ANŠE.A.AB.BA, букв. 'осел моря', введенный в клинописную систему после того, как верблюд стал известен жителям Месопотамии, и знак для телефона ДЯНЬ.ХУА, букв. 'электрические разговоры', введенный не так давно в китайское письмо.

Для всех четырех развитых словесно-слоговых систем письма, описанных нами выше, характерно присутствие трех классов знаков:

- (1) логограмм, то есть знаков для слов языка;
- (2) слоговых знаков, созданных из логограмм путем применения ребусного принципа;
- (3) вспомогательных значков или знаков, таких, например, как знаки препинания или, в некоторых письменностях, классификаторы, детерминативы (или семантические индикаторы).

СЛОВЕСНЫЕ ЗНАКИ

Логограммы, или знаки для слов, создаются при помощи разных приемов. Мы можем выделить шесть разных классов (рис. 55), которые отчасти согласуются с традиционной классификацией словесных знаков в китайском³⁷. Строго разделить знаки по классам невозможно, потому что некоторые знаки могут принадлежать сразу нескольким классам, будучи образованы путем применения единовременно более чем одного приема.

Первые три класса включают в себя словесные знаки, созданные при помощи столь простых и естественных приемов, что они встречаются уже и во всех примитивных предписьменностях.

Первичный прием сводится к выражению предметов и действий при помощи рисунков (картинок) предметов или сочетаний предметов.

Второй, ассоциативный, класс включает знаки, которые выражают слова, связанные с первоначальными рисунками по ассоциации значений. Так, например, рисунок солнца, выражающий прежде всего непосредственно слово *солнце*, может также иметь вторичные значения *светлый* или *день*. Аналогичным образом шумеры, жившие в низменностях Южной Месопотамии, пользовались знаком для 'горы' также и применительно к чужой стране — ведь с точки зрения шумеров все чужие страны расположены на возвышенностях.

Рис. 55. Типы словесных знаков в словесно-слововых письменностях

ПИСЬМО				
	ШУМЕРСКОЕ	ЕГИПЕТСКОЕ	ХЕТТСКОЕ	КИТАЙСКОЕ
1. Первичный	СОЛНЦЕ 'солнце' ЗВЕЗДА 'звезда' ГОРА 'гора' ЧЕЛОВЕК + ХЛЕБ 'есть'	СОЛНЦЕ 'солнце' ЗВЕЗДА 'звезда' МУЖЧИНА + ЧАША 'пить'	СОЛНЦЕ 'солнце' ГОЛОВА 'голова' ТОПОР 'топор' ЧЕЛОВЕК + ХЛЕБ 'есть'	СОЛНЦЕ 'солнце' БАШНЯ 'башня' НЕБО + КАПЛИ 'дождь'
2. Ассоциативный	СОЛНЦЕ 'белый; день' ЗВЕЗДА 'божество' ГОРА 'чужая страна' САМЕЦ. ГОРА 'раб'	СОЛНЦЕ 'день' ЗВЕЗДА 'час' КОРОВА, ОГЛЯДЫВАЮЩАЯСЯ НА ТЕЛЕНКА 'радоваться'	ГОЛОВА 'начальник' ТОПОР 'рубить' ЧЕЛОВЕК. ЧЕЛОВЕК 'соглашаться' (или подобное)	СОЛНЦЕ 'день' БАШНЯ 'высокий' СОЛНЦЕ. ЛУНА 'ясный' ЖЕНЩИНА. РЕБЕНОК 'любовь, благо' ЖЕНЩИНА. МЕТЛА 'жена' ЖЕНЩИНА. ЖЕНЩИНА 'ссора' ЖЕНЩИНА. ЖЕНЩИНА. ЖЕНЩИНА 'ложь'
3. Геометрический	ПОЛУКРУГ 'один' КРУГ 'десять' КРУГ 'совокупность; все' ГЧ* ГЧ 'сложить, прибавить' ГРЕЧЕСКИЙ КРЕСТ 'ломать'	ВЧ ** 'один' АНДРЕЕВСКИЙ КРЕСТ 'ломать' ВЧ. ПОЛУКРУГ 'отрезать' КРУГ 'ходить вокруг'	ВЧ 'один' ГЧ 'десять' ВЧ. ПОЛУКРУГ 'возвратить'	ГЧ 'один' ЛАТИНСКИЙ КРЕСТ 'десять' ВЧ. ГЧ 'верх' ГЧ. ВЧ 'вниз' ПОЛУКРУГ. ПОЛУКРУГ 'делить'

ПИСЬМО				
	ШУМЕРСКОЕ	ЕГИПЕТСКОЕ	ХЕТТСКОЕ	КИТАЙСКОЕ
4. Семантический индикатор	ГОРОД. <i>Aššur</i> Ашшур' и БОЖЕСТВО. <i>Aššur</i> Ашшур' ДЕРЕВО. ПЛУГ и ЧЕЛОВЕК. ПЛУГ 'пахарь'	ВЛАДЫКА. МУЖЧИНА '(земной) господин' и ВЛАДЫКА. БОЖЕСТВО '(божественный) господин' <i>d^xm^xi^xg^x</i> ГОРОД 'город' и <i>d^xm^xi^xg^x</i> РУКА 'достигать'	БОЖЕСТВО. ГОЛУБЬ '(божество) Купапас' УЛЕЙ. ГОРОД '(город) Малаатьяр'	КВАДРАТ. ДЕРЕВО 'гра- ница' и КВАДРАТ. ЗЕМЛЯ 'об- ласть' (оба — <i>фан</i>) ВЕРШОК. ДЕРЕВО 'де- ревя' и ВЕРШОК 'вершок' (оба — <i>цунь</i>)
5. Фонетический перенос	СТРЕЛА 'стрела; жизнь' (<i>ti</i>) ЛУК 'лук (растение); давать' (<i>šum</i>)	УТКА 'утка; сын' (<i>s^xx</i>) КОРЗИНА (<i>n^xb^xi^x</i>); 'господин' (<i>n^xb^x</i>)	СТУЛ 'стул; заканчи- вать?' (<i>asa-</i>)	ПШЕНИЦА 'пшеница; приходить' (<i>лай</i>) СКОРПИОН 'скорпион; десять тысяч' (<i>вань</i>)
6. Фонетический индикатор	КОРОНА. <i>en</i> 'корона' (<i>men</i>) УХО. <i>giš.tuk</i> 'мудрый; мудрость' (<i>geš.tuk</i>)	<i>s^x</i> МУЖЧИНА 'мужчина' (<i>s^x</i>) <i>n^x</i> КОРЗИНА. <i>b^xi^x</i> 'корзина' (<i>n^xb^xi^x</i>) <i>r^xz^x</i> МУЖЧИНА '(некое) лицо' (<i>r^xm^xz^x</i>)	ГОСПОДИН. <i>ni-s(a)</i> или ГОСПОДИН. <i>na-ni-s(a)</i> 'господин' (<i>nanis</i>)	ГЛАЗ. <i>gu</i> 'слепой' (<i>gu</i>) РУКА. <i>gu</i> 'нести' (<i>зан</i>) ВОДА. <i>gu</i> 'река' (<i>цзян</i>)

* ГЧ=горизонтальная черта

** ВЧ=вертикальная черта

Третий класс, который мы назовем "начертательным", содержит знаки, которые не восходят к первоначальным рисункам, а созданы произвольно из различных геометрических фигур (с. 100). Как показано выше, знаки для числительных обычно образованы на основе геометрических форм, если только они не созданы путем фонетического переноса (см. ниже). По этой же самой причине абсолютно не выдерживает критики объяснение египетских знаков для дробей, используемых при измерении зерна (см. рис. 56). Это объяснение

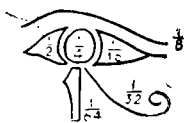

Рис. 56. Знаки для дробей в египетском письме.

восходит к древнему мифу, согласно которому глаз бога-сокола Гора был разорван на мелкие части злобным богом Сетхом³⁸. Дело обстоит совершенно иначе: не части глаза Гора привели к созданию знаков для дробей, а, наоборот, знаки для дробей, первоначально представлявшие собой, скорее всего, геометрические фигуры, были впослед-

ствии соединены изобретательным писцом так, чтобы образовалось изображение этого священного глаза³⁹. Некоторые знаки, имеющие геометрическую форму, возможно, обязаны своим происхождением имитации знаков языка жестов; так, письменный знак для слова 'всё', изображаемый в виде окружности, вполне может восходить к жесту, представляющему собой вращательное движение руки⁴⁰.

Возможно, что эти три простых приема, применяемые для создания словесных знаков, удовлетворяли скромным потребностям примитивных систем письма, но их наверняка было недостаточно для систем, которые требовали выражения более точных оттенков языка. Система собственно письма в поисках новых путей выражения слов при помощи знаков выработала три новых приема, заключавшихся в применении (1) семантических, но нефонетических элементов, (2) фонетического переноса и (3) фонетических, но несемантических элементов.

(1) Первый из этих трех новых приемов (четвертый на нашей табл. (рис. 55, с. 102—103) заключается в применении семантических индикаторов, то есть семантических, но нефонетических элементов, часто называемых в древневосточных письменностях "детерминативами", которые присоединяются к основным знакам, чтобы определить их точное чтение. Так, например, в клинописи, где написание Aššur употребляется как для города Ашшура, так и для бога Ашшура, можно присоединить знак для города, если подразумевается город Ашшур, или же знак для божества, если имеется в виду бог Ашшур. Со временем такие детерминативы стали присоединяться ко всем словам определенного класса, независимо от того, одно или несколько значений имело данное слово, и невзирая на то, как оно писалось — логографически или слоговым образом. Например, в месопотамской клинописи имя богини Иштар пишется либо логографически — как божество Ištar (причем детерминатив божества присоединяется для того, чтобы помочь пониманию словесного

знака как имени божества), либо слоговым образом — как божество Iṣ-tar; хотя второе написание можно прочесть только как Iṣ-tar и понять только как имя хорошо известной в Месопотамии богини, тем не менее оно снабжено детерминативом. В трех ближневосточных письменностях, а именно в месопотамской, египетской и хеттской, семантические индикаторы, или детерминативы, которые первоначально употреблялись только со знаками, имевшими более одного значения, превратились с течением времени в классификаторы, то есть в знаки, указывавшие на принадлежность слова, к которому они присоединялись, к определенному классу или определенной категории. В трех ближневосточных системах классы слов для людей, богов, животных, металлов, камней, растений, городов, стран, гор, рек и т. д. помечаются каждый своим классифицирующим детерминативом. Одна только китайская система из-за своего отвращения к выражению отдельного слова при помощи знака, составленного более чем из двух элементов, сохранила старый характер детерминативов, и в ней так и не развились настоящие классификаторы.

В трех ближневосточных письменностях семантические индикаторы с течением времени приобрели новое свойство, вследствие чего они значительно удалились от своей первоначальной функции. Эти знаки, возникшие как семантические вспомогательные средства для интерпретации словесных знаков, превратились со временем в произносимые вспомогательные пометы, функция которых состояла в том, чтобы вообще облегчить интерпретацию текста. И в самом деле, некоторые ученые, исходя из регулярности появления детерминативов в египетском письме, пришли к выводу, что эти детерминативы выполняют практическую функцию, которая заключается в разделении предложений на составляющие их слова ⁴¹, то есть служат в качестве словоразделителей ⁴². Нет сомнения в том, что в месопотамской и хеттской письменностях существование детерминативов значительно помогает разделению предложения на отдельные слова и тем самым облегчает интерпретацию текста в целом. Это имеет большое значение, особенно в тех письменностях, где разделение слов не проводится регулярно, будь то при помощи специальных пометок или пробелов.

(2) Четырех рассмотренных нами приемов создания знаков для слов, хотя эти приемы и располагают широкими возможностями, все-таки оказывается недостаточно для образования системы собственно письма. Логографическое письмо в указанных границах не имеет шансов оказаться в силах выразить все существующие слова языка, не говоря уже об именах собственных и вновь появившихся словах. Неудача, постигшая письменности, введенные в новое время среди индейцев миссионерами или под их влиянием (см. с. 200 и сл.), может служить прекрасным примером неудовлетворительности таких ограниченных логографических систем. Лишь изобретение фонетического принципа открыло перед историей письма подлинно новые горизонты.

С введением фонетизации был создан совершенно новый прием образования словесных знаков. Им оказался фонетический перенос, называемый теперь "ребусным" приемом. Он заключается в том, что знаки для слов, которые трудно нарисовать, передаются знаками для других слов, которые идентичны или близки им по звучанию и которые легко нарисовать. Так, например, шумерское слово *tì* 'жизнь', которое трудно нарисовать в виде знака, можно, применяя описанный прием, выразить при помощи знака СТРЕЛА, который соответствует в шумерском слову *tì* 'стрела'.

(3) Наконец, последний прием состоит в прибавлении к знаку фонетического, но несемантического элемента, помогающего правильному прочтению этого знака. Так, например, в китайском знак РУКА теоретически может быть употреблен для слов 'рука; обращаться; достигать; нести' и т. п.; поэтому в случае, когда нужно выразить слово *ган* 'нести', к знаку РУКА присоединяют слог *гун*, который указывает, что следует читать именно *ган*. Такие фонетические индикаторы в ближневосточных письменностях называются "фонетическими комплементами". Хотя они и не являются абсолютно необходимыми при написании слова, в системах собственно письма словесные знаки без фонетических комплементов встречаются крайне редко. Фонетические комплементы могут предшествовать словесным знакам или следовать за ними, причем в различных системах на это имеются свои специфические правила и предпочтения. В то время как в египетском письме фонетические комплементы могут окружать словесный знак, в месопотамском и хеттском они обычно следуют за ним. И в отношении протяженности фонетических комплементов также имеют место разные правила. Тогда как в египетском и хеттском письме фонетические комплементы могут повторять слово целиком, в месопотамской системе преобладают частичные фонетические комплементы. В китайской ситуации несколько иная. Там фонетический комплемент, или индикатор, будучи однажды прибавлен к слову, остается с ним навсегда, представляя собой один словесный знак, состоящий из двух элементов. К этому классу принадлежит подавляющее большинство китайских словесных знаков. Создание большого количества знаков этого класса было облегчено преимущественно односложным характером китайского письма и связанной с этим краткостью фонетических индикаторов. Описанный феномен не является абсолютно уникальным в истории письма. И в шумерском можно обнаружить некоторое количество знаков, регулярно выступающих как составные, состоящие из двух элементов — основного и фонетического. Таков, например, случай, когда знак, имеющий вид головы животного, при добавлении к нему слогового знака за читается как *аза* 'медведь', а при добавлении знака *иг*, обозначает слово *иг* 'лев'.

Так называемые "фонетические комплементы" начинали свое существование как фонетические индикаторы, присоединявшиеся к основному знаку для облегчения его чтения, как это было в написаниях *gul^{ul}* или *gul-ul* для *gul* в шумерском и *ṭāb^{ab}* или *ṭāb-ab* для

ṭâb в аккадском. С этой второстепенной позиции фонетические комплексы поднялись до позиции, на которой они оказались равны по значению со знаками, к которым их присоединяли; в конечном же счете присутствие фонетических комплексов привело к сокращению чтения соответствующих слоговых знаков, как это, например, случилось со знаками gul и ṭab, которые стали читаться соответственно gu(l) или gu и ṭa(b) или ṭa. Здесь мы имеем принцип редукции, рассмотренный также на с. 76 и 177 и сл. В египетском присоединение к логограммам полных фонетических комплексов привело со временем к превращению этих логограмм в семантические детерминативы. Именно их египтологи называют "специфическими детерминативами". Примером такого детерминатива может служить написание *s^xh* ЖАТЬ; присутствующий здесь "специфический детерминатив" ЖАТЬ отмечен только в слове 'жать (снимать урожай)', в чем и состоит его отличие от "родовых детерминативов", таких, как ИДТИ, которые встречаются с самыми разными словами, выражающими движение.

Только в заимствованных письменностях имеет место класс знаков, не связанных ни с одним из шести классов, рассмотренных выше. Этот класс знаков, который я называю "аллограммами" *, включает логографические, силлабические и алфавитные знаки или написания одного языка, используемые в качестве словесных или даже фразовых знаков в письме, заимствованном для другого языка. Так, например, шумерский знак lugal 'царь' употребляется вместо аккадского šagrum 'царь'; аналогичным образом шумерские написания in-lá-e 'он отвесит', in-lá-e-ne 'они отвесят' приняты вместо аккадских išaqqal, išaqqalū 'он отвесит, они отвесят', а шумерское igi-lú-inim-inim-та пишется вместо аккадского ina mahar šībī 'при свидетелях'. Существуют сотни примеров словесных и фразовых знаков этого типа. К такого рода примерам весьма подходит название "шумерограммы" ⁴³, поскольку они представляют собой шумерские написания. Подобным же образом аккадские написания регулярно употребляются с той же целью в хеттской клинописной системе письма. Из сотен имеющихся примеров мы можем привести аккадское id-din, стоящее вместо хеттского pešta 'он дал', аккадское a-na a-bi-ia — вместо хеттского atti-mi 'моему отцу' и т. п. Смешанный тип представляет собой написание dingir-lum, в котором шумерское dingir 'бог' плюс фонетический индикатор -lum соответствует аккадскому ilum 'бог', а все написание в целом употреблено вместо хеттского слова šiwanīš с тем же значением. Для этих так называемых шумерограмм и аккадограмм существуют параллели, относящиеся к гораздо более позднему периоду. Речь идет об употреблении арамеограмм в среднеперсидском письме пехлеви, где, например, арамейское написание malkā 'царь' прочитывается по-пер-

* В русской литературе более распространен термин «гетерограмма». — *Прим. перев.*

сидски šāh 'царь'. И в гораздо более позднее время встречаются аналогичные типы написаний, например употребление латинского сокращения *etc.* вместо *и т. д.* В качестве еще одной удачной параллели можно привести использование написания английского слова *god* 'бог' латинскими буквами вместо слова *agauiun* с тем же значением в одной из письменностей, введенных недавно среди эскимосов Аляски ⁴⁴.

Значение может иногда выражаться не только словесными знаками, образованными при помощи различных приемов, но и посредством так называемого "принципа позиции" или "принципа контекста ситуации", которые были подробно рассмотрены выше (см. с. 29 и сл.).

Из нашего краткого обзора различных классов словесных знаков видно, что один и тот же знак может выражать и действительно выражает много разных слов. Один знак может применяться не только для нескольких слов, связанных между собой по значению, но — с появлением фонетизации — также и для слов, сходных по звучанию, однако не связанных по значению. Это простая логография в чистом виде. В противоположность принципу семасиографии, при котором такой знак, как СОЛНЦЕ, передает значение 'солнце' и все связанные с ним понятия, такие, как 'яркий, светлый, ясный, сияющий, чистый, белый, день' и т. п., и даже такие, как 'солнце светит, день наступил' и т. д., в логографии знак имеет лишь столько значений, сколько слов по общепринятому условию ассоциируется с ним. Например, в шумерском знак СОЛНЦЕ выражает, скорее всего, семь слов, причем все они связаны с основным значением 'солнце'; в китайском же знак СОЛНЦЕ сам по себе стоит только для слов 'солнце' и 'день', тогда как слово *цин* 'чистый, ясный' выражается комбинацией знаков для 'солнца' и для 'цвета'; слово *мин* 'яркий, сияющий' — комбинацией знаков 'солнце' и 'луна'; а слово 'белый' — знаком неизвестного происхождения, явно не имеющим связи с солнцем. Также и в египетском слова для понятий 'солнце, день, белый, светлый' выражены рисунком солнца, но слово *šḫꜥꜥ* 'сияющий' пишется знаком, отличным от знака для солнца ⁴⁵. Нет таких логографических систем, в которых один знак употреблялся бы для какого-либо понятия и всех связанных с ним ответвлений, так же как в этих системах практически не известно случаев, когда знаки, будучи написаны, не были бы предназначены для того, чтобы выражать слова, или же, будучи прочитаны или поняты, не соответствовали бы словам языка. Едва ли не все попытки большинства филологов объявить те или иные примеры случаями "идеографии" (см. с. 24 и сл.) оказываются при ближайшем рассмотрении ошибочными. Когда писец намеревается выразить слово при помощи словесного знака, который может употребляться для многих слов, он обычно всеми доступными ему средствами старается добиться гарантии того, чтобы читатель выбрал при чтении знака именно подразумеваемое писцом слово. Прибавление к основному словесному знаку семантических и фонетических индикаторов, применение принципа

позиции и принципа контекста ситуации — вот те приемы, которые ведут к достижению этой цели.

В связи со спором "идеография или логография", который возник в наше время в филолого-лингвистических кругах (см. с. 24 и сл.), нужно отметить следующее: все шумерские и аккадские грамматики пользуются термином "идеография", однако небольшая, но заметная группа ученых, а именно Фалькенштейн, Фридрих (см. с. 72) и Пёбель (последний заявил о своей точке зрения устно), возражает против применения этого термина. Египтологи же все как один отдают предпочтение "идеограмме"⁴⁶. В области хеттологии я сам пользовался сначала термином "идеограмма"⁴⁷, но позже оставил его, отдав предпочтение термину "логограмма"⁴⁸. Что касается китаеведения, то здесь интересно отметить, что еще в давнее время, в 1838 г., проникательный франко-американский ученый Дю Понсо определил китайское письмо как "логографическое" или "лексиграфическое", а не как "идеографическое"⁴⁹. Употребление Х. Г. Крилом термина "идеография"⁵⁰ было подвергнуто критике Питером А. Будбергом⁵¹.

СЛГОВЫЕ ЗНАКИ

Хотя с введением фонетизации появилась возможность выразить на письме все звуки языка, все же ребусный способ письма оказался на практике мало подходящим. И в самом деле, система, которая позволяет, чтобы, допустим, английское слово *mandate* выражалось рисунком человека (*man*) плюс рисунок финика (*date*), или же рисунком человека плюс рисунок финиковой пальмы (тоже *date*), или даже рисунком человека плюс рисунок юноши с девушкой (*date* 'свидание'), может показаться подходящей для наших современных ребусных загадок со свойственным им элементом умственной гимнастики, но такая система непригодна в качестве системы письма, так как для письма всего важнее скорость и точность чтения. По этой причине вскоре пришлось ввести правило, которое преследовало ту цель, чтобы одинаковые слоги в разных словах писались одинаковыми знаками. Так, в нашем примере из всех знаков, с помощью которых можно передать слог *man*, следовало бы выбрать какой-либо один, независимо от того, встречается этот слог в слове *man* или *mankind*, *mandate*, *woman* и т. д. или нет; аналогично и для слова *date* следовало бы выбрать один знак, в каком бы слове этот слог ни встречался — в *date*, или в *mandate*, или в *candidate* и т. д. Разумеется, оставалась бы возможность выразить каждое из этих слов, как прежде, словесным знаком, если таковой существовал в системе, но слоговое написание могло состоять только из знаков, взятых из силлабария, соответствовавшего введенным правилам.

Не следует, однако, думать, что имелось нечто вроде "стандартного" силлабария — шумерского, египетского, хеттского или китайского. На самом деле существовали разные силлабарии — шу-

мерские, египетские, хеттские и китайские,— ограниченные определенным периодом и определенной областью распространения каждый. Так, примерно из двадцати двух шумерских словесных знаков, читавшихся как *du* при разном значении соответственных слов, однажды был отобран один-единственный знак, который было условлено употреблять в качестве слога *du* во всех случаях несемантического написания. Отобранные таким образом слоговые знаки входили в состав силлабария, употребление которого ограничивалось определенным периодом и определенным районом. В другом месте и в другое время в качестве знака для этого слога мог быть выбран другой знак *du*. Смешение влияний иногда приводило к одновременному существованию более чем одного знака для одного и того же слога. Но такие случаи, кроме позднейших периодов, когда развитие письма, встав на путь дегенерации, пошло вспять, относительно редки (см. с. 195 и сл.).

Это категорическое утверждение может показаться фантастическим тому, кто хотя бы поверхностно знаком с месопотамским списком знаков и помнит большое число знаков-омофонов, перечисленных в нем. Утверждение о существовании почти безграничной омофонии могло бы быть справедливо применено ко всему месопотамскому силлабарии в целом, но по отношению к силлабариям отдельных областей и периодов оно, несомненно, неверно. Всякий, кто взял бы на себя труд сосчитать знаки со слоговым значением в пределах одной ограниченной области и в определенный период, как сделал в ряде случаев я, легко пришел бы к выводу, что одинаковые слоги обычно бывают выражены одним-единственным знаком. В качестве примеров могут быть названы силлабарии староассирийского и старовавилонского периодов. Последний, составленный на основе Законов Хаммурапи, представлен здесь в транслитерации в виде таблицы, в которой приведены только односогласные чтения (рис. 57). Многосогласные чтения, что вполне естественно, бывают омофонными чрезвычайно редко. Что же касается использования более чем одного знака для одного звука, как это происходит с сибиллянтами, то оно связано с переходным характером старовавилонского силлабария периода Хаммурапи. Читателю не надо напоминать, что принцип экономии, так часто упоминавшийся в этой книге, недвусмысленно противоречит возможности существования неконтролируемой омофонии знаков.

То, что верно для месопотамских силлабариев, верно также и для других восточных систем. Например, в классическом хеттском иероглифическом силлабарии, употреблявшемся в Сирии около 800 г. до н. э., полностью отсутствует целый ряд слоговых чтений, которые встречаются в более ранних надписях Анатолии. Компактность египетского государства помешала возникновению столь значительных различий, но и в Египте мы также обнаруживаем силлабарии, употребление которых ограничено определенными периодами и областями. Говорить о существовании китайского стандартного силлабария еще труднее.

По сути дела, не только невозможно говорить о «стандартных» силлабариях словесно-слоговых (лого-силлабических) письменностей в целом, но даже решительные заявления о существовании таких силлабариев для различных периодов и областей еще вызывают сомнения. Люди, которые пользовались словесно-слоговыми пись-

a	i	e	ú				
ba	bi	be	bu	ab	ib	eb = ib	ub
da	di	de = di	du	ad	id	ed = id	ud
ga	gi	ge = gi?	gu	ag	ig	eg = ig	ug
ḡa	ḡi	ḡe = ḡi	ḡu	aḡ	iḡ = aḡ	eḡ = aḡ	úḡ
ia	ii = ia	ie = ia	iu = ia	—	—	—	—
ka	ki	ke = ki?	ku	ak = ag	ik = ig	ek = eg	uk = ug
la	li	le = li	lu	al	il	el	ul
ma	mi	me	mu	am	im	em = im	um
na	ni	ne	nu	an	in	en	un
pa	pi = bi	pé = bi	pu = bu	ap = ab	ip = ib	ep = eb	up = ub
qá = ga	qí = ki	qé = ke	qú = ku	aq = ag	iq = ig	eq = eg	uq = ug
ra	ri	re = ri	ru	ar	ir	er = ir	ur úr
sa sá = za	si sí = zi	se = ?	su sú = zu	ás = áš	is = iz	es = ?	ús = uš
ša	ši	še	šu	aš	iš	eš	uš
ša = za	ší = zé ší = zi	še = zé	šú = zu	aš = az	iš = iz	eš = ez	uš = uz
ta	ti	te	tu	at = ad	it = id	et = ed	ut = ud
ta = da	tí = di tí = ti	te = te	tú = tu	aṯ = ad	iṯ = id	eṯ = ed	uṯ = ud
wa	wi = wa	we = wa	wu = wa	—	—	—	—
za	zi	zé	zu	az	iz	ez = iz	uz

Рис. 57. Одногласные знаки старовавилонского силлабария.

менностями, разумеется, различали логографические и силлабические знаки иначе, чем это делаем теперь мы. О своем письме они знали лишь то, что все знаки первоначально стояли вместо слов их языка и что при определенных условиях некоторые из этих знаков могли также употребляться в качестве обозначения слогов. То, что

эти люди, пользуясь лого-силлабическими письменностями, по-видимому, не затрудняли себя составлением списков слоговых знаков, не означает, однако, что на практике они не различали достаточно тщательно словесные знаки, употреблявшиеся исключительно логографически, и словесные знаки, имевшие как логографическое, так и силлабическое употребление. По этой причине небрежность, которую проявили современные филологи, не затруднив себя проведением четкого различия между логографическим и силлабическим употреблением знаков, совершенно непростительна. Исключением явилась только область хеттской иероглифики, где списки слоговых чтений составлялись уже на самых ранних стадиях дешифровки⁵². Что касается клинописи, то теперь имеется несколько списков слоговых чтений, употребляемых в аккадском, но для шумерского подобного списка нет и поныне⁵³. Совершенно очевидна путаница, которая имеет место в учебниках египетского языка, где в списке "фонограмм" (противопоставляемых "идеограммам") наряду с односогласными и двусогласными знаками, которым там надлежит быть, приводятся также и знаки трехсогласные, которые, за некоторыми совершенно нетипичными исключениями, употребляются в египетском только логографически. Даже в китайском должны существовать какие-то общепринятые правила выбора словесных знаков в качестве слоговых, иначе нельзя было бы ни транслитерировать, ни правильно прочесть иностранные имена приведенного ниже типа (с. 118 и сл.).

Совершенно ясно, что слоговые знаки произошли от словесных. Их образование в языках, по преимуществу односложных, таких, как китайский или шумерский, незамысловато, так как здесь нетрудно сделать выбор односложных знаков из односложных слов. Например, в шумерском слог *a* произошел от словесного знака *TI* 'стрела' или 'жизнь', *gal* — от словесного знака *GAL* 'большой'*. В египетском тоже было относительно легко создать слоговые знаки, содержащие два согласных, как в силлабограмме *m^xn^x* — от словесного знака *m^xn^x* 'игральная доска' или *w^xg^x* — от словесного знака *w^xg^x* 'ласточка, большой'. Однако при создании односложных знаков с одним согласным в египетском возникали затруднения из-за того, что в этом языке было очень мало таких односложных слов. Эти затруднения удалось преодолеть путем выбора односложных слов, которые оканчиваются на так называемые "слабые" согласные 'i, y, w или же имеют окончание женского рода -t; и слабыми согласными, и -t при слоговом чтении знака можно было пренебречь. Таким путем словесный знак *g^xx* 'рот' приобрел слоговое чтение *g^x*, а слово *n^xt^x* 'вода' дало слоговой знак *n^x*. Для объяснения происхождения знака *d^xt^x* (более древнее *w^xx^xd^xi^xt^x*) 'змея' и, может быть, также знака *d^x*

* Здесь допущена неточность: в шумерском нет слогового знака *GAL*, он является лишь в аккадской клинописи.— *Прим. перев.*

	ШУМЕРСКИЕ	ЕГИПЕТСКИЕ	ХЕТТСКИЕ	КИТАЙСКИЕ
Знаки для одного открыто- го слога	a	^a ta	a	a да
	i	ⁱ ti	i	и ди
	e	^e te	e	(э) дэ
	u	^u tu	u	(у) ду
	—	—	—	о до
Знаки для одного закрыто- го слога	at	^a tam (или ta - am)	^a t ^a m ^(a) (или t ^a -m ^(a))	ань мань
	it	ⁱ tim (или ti - im)	ⁱ t ⁱ m ⁽ⁱ⁾ (или t ⁱ -m ⁽ⁱ⁾)	инь минь
	en	^e men (или me - en)	^e m ^(e) (или t ^e -m ^(e))	энь мэнь
	ut	^u tum (или tu - um)	^u t ^u m ^(u) (или t ^u -m ^(u))	(унь) гунь
	—	—	—	(онь) (фонь)
Знаки для двух открытых слогов	^{очень редко} aka (или a - ka)	^{очень редко} bala (или ba - la)	^x t ^x m ^x (или t ^x -m ^x)	— (а-ла) (да-ма)

Рис. 58. Типы слоговых знаков в словесно-слоговых письменностях.

из *i^xd* 'рука', вероятно, нужно допустить отпадение начального w или y, весьма часто встречающегося в семитских языках.

Имеющее широкое распространение представление, будто слоговые чтения часто возникали по акрофоническому принципу, причем знаки получали чтение, соответствующее началу соответственного слова, вряд ли может быть справедливо для древневосточных систем письма. Вопреки утверждению Зете⁵⁵ данные об акрофонии в шумерской и мексиканской письменностях отсутствуют. Наличие слогового знака tu наряду со словом tud 'нести' совсем не означает, что tu развилось в соответствии с акрофоническим принципом из tud; наоборот, слово, имевшее первоначально форму tud, могло приобрести и в результате фонетического процесса действительно приобрело произношение tu, из которого и было образовано более короткое слоговое чтение tu. В норме египетское письмо не имеет следов акрофонии; только в так называемых энигматических текстах⁵⁶, относящихся к позднему периоду, когда письмо уже переживало упадок, обнаружены единичные примеры акрофонии. Ради полноты следует еще упомянуть, что в хеттском письме, помимо нормальных случаев, типа знака РУКА, обозначающего ri- 'давать' и употребляемого для слога ri, или знака ПЕЧАТЬ, обозначающего šiya- 'ставить печать' и употребляемого для слога ší, есть также несколько других слоговых знаков, не засвидетельствованных в качестве логограмм. Необычный способ образования слоговых знаков засвидетельствован хеттским знаком ти, представляющим собой сочетание знаков u и те. Наконец, следует сослаться на с. 138 и сл., где рассматривается и решается — в отрицательном смысле — вопрос о предположительном существовании акрофонии в западносемитском слоговом письме⁵⁷.

Унификация силлабариев шла в разных древневосточных письменностях различными путями (рис. 58). Шумерский силлабарий и системы, производные от него, состоят из знаков, которые обычно представляют собой слог, оканчивающийся на гласный или согласный, или, реже, два слога. Египетская система, подобно месопотамской, содержит знаки как для одного, так и для двух слогов, но в отличие от месопотамской она не указывает гласных. Хеттский силлабарий ограничивается знаками для одного слога, оканчивающегося на гласный. Китайский силлабарий сходен с месопотамским, но содержит только знаки для одного слога, оканчивающегося на гласный или на согласный. Ни одна система не содержит знаков для слогов с двумя или более смежными согласными типа amt, tma и т. п. Следует указать, что сочетание ng в английской транслитерации таких китайских слов, как ming, kung (мин, гун) и т. д., выражает не два смежных согласных, а один носовой звук [ŋ]. Для того чтобы выразить в китайском слоги со смежными согласными, пришлось пойти обходным путем, а именно писать для амд — ам-д(а), а-м(а)-д(а) и т. п., а для дма — д(а)-ма и т. п.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

В дополнение к словесным и слоговым знакам во всех четырех древневосточных системах существует еще третья группа знаков, состоящая из вспомогательных знаков, а именно пунктуационных знаков (знаков препинания), и в некоторых системах также детерминативов, или классификаторов (см. с. 104 и сл.). Основное их свойство заключается в том, что они не имеют определенного соответствия в речи, а употребляются на письме в качестве вспомогательных средств, облегчающих при чтении понимание отдельных знаков, или группы знаков, или контекста в целом ⁵⁸.

Роль вспомогательных знаков в древневосточных системах специально не изучалась, и, поскольку эта тема увела бы нас в сторону от основной линии исследования, мы предпочли вообще отказаться от ее рассмотрения.

СЛОВЕСНО-СЛоговое Письмо

Все четыре древневосточные системы письма сходны в том, что на протяжении своей длительной истории они сохранили смесь словесных и слоговых написаний. Однако они различаются по некоторым своим специфическим свойствам. К рассмотрению последних мы сейчас и перейдем ⁵⁹.

Нормальное шумерское письмо состоит как из словесных, так и из слоговых знаков, но, в то время как первые употребляются главным образом для обозначения основ имен и глаголов, вторые чаще используются при написании имен собственных, местоимений и грамматических показателей. Однако такое распределение словесных и слоговых знаков ни в коей мере не является обязательным. Так, особый диалект шумерского *эме-саль* пишется почти исключительно слоговыми знаками. Преобладание слоговых знаков заметно также в некоторых клинописных письменностях, ведущих свое происхождение от шумерского письма, таких, например, как староаккадская и староассирийская системы.

Египетское письмо также сохранило свой словесно-слоговой характер до самого конца. Как и в клинописи, практика употребления словесных и слоговых знаков от периода к периоду испытывала колебания. Например, в раннеегипетском письме, представленном Текстами пирамид, слоговые написания были значительно употребительнее, чем в большинстве более поздних египетских письменностей. Затем мы можем зафиксировать тексты, относящиеся к саисскому периоду, то есть к середине I тысячелетия до н. э., которые из-за почти полного отсутствия словесных и многосогласных слоговых знаков производят впечатление написанных односложным слоговым письмом, почти совпадающим с западносемитским ⁶⁰.

Слоговой характер знаков получил такое преимущество в позднем хеттском письме, что словесные знаки оказались почти полно-

стью вытесненными. Например, короткая надпись из Эркилета (см. рис. 39 на с. 87) написана исключительно слоговыми знаками, форма которых почти совпадает с кипрскими. Ввиду того что хеттские иероглифы дешифрованы лишь недавно, вероятно, будет небезынтересно привести здесь полностью транслитерацию и перевод этого текста, чтобы читатели могли сами судить об успехах, достигнутых в дешифровке (см. рис. 59).

Рис. 59. Хеттская иероглифическая надпись из Эркилета.

ī-wa ī(n)-wa Этот	'a-la-n(a) 'alan памятник	имя-'A-s(a)-ta-wa-su-s(a) 'Asta-wasus Аставасус	tu-t(e) tut установил
ī-pa-wa-te ī(n)-pawa-te его затем	ni ki-a-s(e)-ḫa ni-kiaṣḫa никто	sa-ni-a-ta saniata (пусть не) повредит	

Нормальное китайское письмо в отличие от трех других древневосточных систем является почти исключительно логографическим. Одни только иностранные имена собственные и ocasionальные слова иноязычного происхождения пишутся слоговым образом (см. с. 117 и 119 и сл.).

Заканчивая рассмотрение древневосточных систем письма, сошлемся на таблицу (рис. 60), показывающую численное соотношение словесных и слоговых знаков.

Рис. 60. Количественное соотношение словесных и слоговых знаков в словесно-слоговых письменностях.

Письмо	Число знаков в целом	Слоговые знаки
Шумерское	Около 600	Около 100—150
Египетское	Около 700	Около 100
Хеттское	Около 450+	Около 60
Китайское	Около 50 000	[62 в фань-це]

Считается, что число разных знаков в древнейшем шумерском письме (Урук IV—II) приближалось к 2000 *, тогда как в более позд-

* По новейшим данным, немногим более 1000.—Прим. перев.

ний период Фары оно составляло всего лишь 800 знаков, а в ассирийский период сократилось до 600. Этот процесс хорошо иллюстрируется сокращением числа знаков для слова 'овца' с 31 в период раннего Урука до одного-единственного в позднее время. Убывание количества знаков следует принципу конвергенции, причем ряд словесных знаков исключается и заменяется другими написаниями. Сравнительная статистика для ранних письменностей египтян, хеттов и китайцев отсутствует, но совершенно ясно, что по крайней мере хеттское письмо пользовалось на ранних стадиях своего развития рядом знаков, которые потом полностью исчезли. На ранних ступенях китайского письма процесс мог протекать аналогичным образом, но для дальнейших ступеней можно нарисовать такую картину: около 3000 знаков к 200 г. до н. э., 9353 — к 100 г. н. э. и почти 50 000 знаков в наше время. Такой рост числа знаков, следующий принципу дивергенции, на первый взгляд кажется противоположным процессу, происходившему в шумерском; на самом деле, однако, эти два пути развития не противоположны друг другу. Упомянутые 50 000 китайских знаков не представляют собой разных рисунков, сравнимых с 600 шумерскими знаками, бывшими первоначально именно разными рисунками. Точное число исходных рисунков для 50 000 китайских знаков мне неизвестно, и я не знаю, брал ли кто-нибудь на себя труд выяснить его. В настоящее время существует 214 ключей, в соответствии с которыми классифицируются все китайские знаки. К этому числу были сведены 540 ключей, употреблявшихся в старом китайском словаре, называвшемся Шо-взнь (около 100 г. н. э.). Количество ключей в Шо-взне, по всей вероятности, приблизительно соответствует количеству исходных знаков китайского письма. Все дополнительные знаки не соответствуют новым рисункам, а представляют собой либо сочетания из основных знаков, либо, что бывает чаще, сочетания из основных знаков плюс фонетические индикаторы. В противоположность практике, существующей на Ближнем Востоке, где одинаковые знаки с различными фонетическими индикаторами (комплементами) считаются одним и тем же знаком, сопровождаемым другим знаком, в Китае один и тот же знак с различными фонетическими индикаторами считается несколькими разными знаками. В этом и заключается причина неправдоподобно большого количества китайских знаков.

С целью наглядно представить словесно-слоговое письмо на рис. 61 приводится одно и то же предложение, написанное средствами шумерского, египетского, хеттского и китайского письма. В каждом случае первый ряд представляет собой транслитерацию одного за другим знаков, второй — примерную транскрипцию, третий — перевод одного слова за другим. Семантические элементы, такие, как словесные знаки и детерминативы, транслитерируются при помощи прямых прописных, а фонетические элементы — строчными. При составлении египетского и китайского предложений мне помогли соответственно профессор Уильям Ф. Эджертон и профессор Чэнь Мэн-цзя. Что касается китайского письма, то тут следует отметить, что,

Рис. 61. Одно и то же предложение, написанное автором в соответствии с правилами различных словесно-слоговых письменностей

Шумерское письмо

ШТРИХ. џа-ат-ти-га-би	ГРУДИ ШТРИХ.ЗВЕЗДА. EN. ZU-ти-bal-li-it	
џа-тти-га-ри	dumti Sin-tu-bal-lit	
Хамму-рапи,	сын Син-мубаллита,	
КОРОНА. ЧЕЛОВЕК	ОГРАДА.ЗВЕЗДА-га. СТРАНА	ДОМ
lugal	Babilim	е
царь	Вавилона	храм
		ЗВЕЗДА. Marduk
		Marduk
		Мардука
		ти-КОЛЫШЕК
		mudu
		построил.

Египетское письмо

џ ^х х.эх.м ^х м ^х џ ^х .г ^х .р ^х эх.	МЕТАТЕЛЕЛЬНАЯ ПАЛКА. СЕМИТ	УТКА ШТРИХ	
џхпхгхрх	sx'x	сын	
Хаммурапи,			ВЕЛИКИЙ
Сх-џ ^х .п ^х .ЛУНА.БОГ-м ^х .м ^х џ ^х .б ^х .г ^х .д ^х .	МЕТАТЕЛЕЛЬНАЯ ПАЛКА.-[СЕМИТ	wxgx	царь
Схрхпхбхгхдх			
Синмубалида,			ЭМБЛЕМА.ДОМ.г ^х .СТРОЕНИЕ
п ^х В ^х .б ^х .г ^х .ЧУЖАЯ	СТРАНА	СТЕНА.МУЖЧИНА.г ^х д ^х	џхгх-пхсхгх
пх Вхбхгх	пхдх	построил	храм
Вавилона,			
п ^х џ ^х М ^х .м ^х џ ^х .г ^х .д ^х .к ^х .БОГ			
пхгх Мхгхдхкх			
Мардука.			

Хеттское иероглифическое письмо

ШТРИХ.На-пи-та-ри-s(a) Haputariš Хамурапис,	ШТРИХ.Si-mi-li-t(i)-ša-s(a) Šimpirališas Синмупалитаса	
РУКА.пи-му-ва-ї-s(a) pīmuwaīs сын,	Pa-pi-li-wa-ni-s(a).СТРАНА Pāpiliwanis вавилонский	ТИАРА-ta-s(a) ...tas царь,
ЭМБЛЕМА.Ма-гу-та-ка-ša-s(a) Marutakašas Марутакаса	ЭМБЛЕМА.ДОМ-za ...baza храм(ы)	СТЕНА.РУКА.me-t(i) ...met построил.

Китайское письмо

Ха-му-лай-пи Хамулайпи Хамулайпи,	Синь-му-ба-ли-дэ Синьмубалид Синьмубалида	чжи чжи сын,	МАЛЬЧИК цзы
Ба-би-лунь Бабилунь Вавилон	царь царь, построил	цзянь цзянь	МА-эр-до-гэ Мардок храм. мяо

когда я дал соответствующее английское предложение специалисту по китайскому языку с просьбой передать его китайскими знаками, тот отказался, заявив, что китайская транслитерация имен собственных ввиду логографического характера китайского письма не будет понятной. Тогда я обратился с той же просьбой к профессору Чэню и год спустя показал его транслитерацию другому китайскому ученому, профессору Дэн Сы-юю. Последний совершенно верно понял предложение в целом и правильно прочел все имена собственные, включая и такое, как *Син-му-ба-ли-дэ*, которого он никогда в жизни не слышал. Это, конечно, не означает, что процесс транслитерации иноязычного предложения китайскими знаками так же прост, как средствами других словесно-слоговых письменностей, но все же это свидетельствует о том, что, несмотря на свой предельно логографический характер, китайское письмо располагает некоторым количеством словесных знаков, которые могут быть использованы в определенной слоговой функции для выражения иноязычных слов и имен (ср. с. 114)⁶¹.

IV

СЛОГОВЫЕ ПИСЬМЕННОСТИ

От семи древневосточных письменностей, рассмотренных в предыдущей главе, произошло четыре типа слоговых систем: клинописные слоговые системы, такие, как эламская, хурритская и т. д., — из месопотамской клинописи; западносемитские слоговые системы, такие, как протосинайская, протопалестинская, финикийская и т. д., — из египетской иероглифики; кипрская слоговая система, а также, может быть, пока еще мало известные фестская и библская — из критского письма, и, наконец, японская слоговая система — из китайского письма. Начав с описания различных слоговых систем, мы в дальнейшем перейдем к общим выводам относительно их основных структурных свойств.

КЛИНОПИСНЫЕ СИЛЛАБАРИИ

При рассмотрении месопотамского письма было сделано наблюдение, что в определенные периоды или в определенных районах этому письму были в большей мере присущи свойства слоговой системы, чем словесно-слоговой (см. с. 115—116). Так, например, староаккадские тексты, как и тексты на диалекте *эме-саль* шумерского языка, а также каппадокийские тексты аккадских купцов были написаны в значительной мере слоговыми знаками, а употребление немногих словесных знаков было сведено в них к нескольким наиболее употребительным выражениям. Производные клинописные силлабарии, которые рассматриваются в данной главе, по своему характеру мало отличаются от исходных систем, хотя употребление слоговых знаков в них значительно расширено и систематизировано. Строго говоря, чистого силлабария, который можно было бы сравнить, например, с финикийским или кипрским слоговым письмом, для клинописи не существует. Мы фактически располагаем лишь различными клинописными силлабариями, употребляемыми в сочетании с более или менее ограниченным числом словесных знаков.

К производным клинописным силлабариям можно отнести эламское, хурритское, урартское, хаттское, лувийское и палай-

ское письмо. Все эти системы представляют собой заимствования месопотамской клинописи другими народами, жившими к востоку, северу и северо-западу от Двуречья.

Когда в середине III тысячелетия до н. э. эламиты отказались от собственного протоэламского письма (см. с. 92 и сл.), отдав предпочтение системе, прямо заимствованной из клинописи, они ввели письмо, состоящее из 131 слогового знака, 25 словесных знаков и 7 детерминативов¹. Однако следует заметить, что цифровое соотношение 131 слогового знака к 32 словесным знакам и детерминативам, наблюдаемое в списке знаков, даже приблизительно не отражает фактического преобладания слоговых написаний в самих текстах. Исходить из указанного отношения было бы столь же ошибочно, как если бы мы определяли отношение буквенных и словесных написаний в английском письме как 26 к 10, исходя из того, что у нас имеется 26 алфавитных знаков и 10 цифр (= словесных знаков). Поздняя эламская клинописная система еще более упрощена, так как, по данным Вейсбаха, состоит лишь из 113 знаков, из которых 102 являются слоговыми и 11 — словесными знаками и детерминативами². Преобладание слоговых знаков весьма значительно и в хурритском письме, употреблявшемся в Северной Месопотамии, Сирии и Восточной Анатолии в середине второго тысячелетия до н. э. Даже беглого взгляда на письмо митаннийского царя Тушраты³ достаточно, чтобы обнаружить, как редко употребляются словесные знаки по сравнению со слоговыми написаниями: среди сотен слоговых написаний встречается обычно не более двух-трех словесных знаков. В урартских, или ванских, надписях из Армении, относящихся к первой половине первого тысячелетия до н. э., доля словесных знаков, по всей видимости, несколько больше, чем в хурритском письме. В хаттских, лувийских и палайских текстах, обнаруженных в архивах из Богазкёя, столицы Хеттского царства, используются почти исключительно одни только слоговые знаки. На этих малоизученных языках говорили народы, населявшие различные части Центральной Анатолии*.

Среди письменностей, заимствованных из Месопотамии другими народами, единственным письмом, близко следовавшим своему прототипу в отношении сохранения большого количества словесных знаков, является так называемое "хеттское клинописное". Это письмо тысяч клинописных табличек, обнаруженных в Богазкёе; оно применялось для языка, который наряду с хеттским иероглифическим был официальным языком Хеттского царства. Близость хеттского клинописного письма его месопотамскому прототипу, скорее всего, связана с существованием в Богазкёе письменной традиции, находившейся под сильным влиянием месопотамской цивилизации.

* Своей письменности они не имели. Все богазкёйские тексты написаны писцами хеттской царской канцелярии. — *Прим. перев.*

Термин "семитский" (применительно к письму, алфавиту, силлабарию) употребляется нами исключительно в смысле "западно-семитский" и относится к различным письменностям, которыми пользовались народы, говорившие на северо-западных семитских языках (финикийском, древнееврейском, арамейском и т. д.), а также на юго-западных семитских языках (классическом арабском, южноаравийском, эфиопском и др.). Вместо термина "восточно-семитский" всюду употребляется термин "аккадский".

Прежде чем приступить к обсуждению характера и происхождения семитских силлабариев, следует сперва познакомиться с различными системами письма, возникшими во втором тысячелетии до н. э. на обширной территории расселения семитоязычных народов от Синайского полуострова до Северной Сирии.

Зимой 1904/05 г. на Синайском полуострове, вблизи Серабит эль-Хадема, английский археолог сэр Уильям М. Флиндерс Питри обнаружил несколько надписей на камне, выполненных новым типом письма. Открытие незамедлительно вызвало интерес в научном мире, и на Синайский полуостров было направлено несколько экспедиций для поисков других надписей того же типа. Общее количество надписей, обнаруженных доныне, ограничивается несколькими десятками. Датировка этих надписей все еще остается спорной, хотя большинство ученых сходится на том, что они относятся примерно к 1600—1500 гг. до н. э., причем эта дата предлагается, исходя главным образом из археологических соображений. Специалисты должны иметь в виду, что не следует смешивать письмо протосинайских надписей со значительно более поздним "синайским" письмом, которое рассматривается как связующее звено между набатейским и арабским письмом.

Найденные протосинайские надписи написаны на камне, иногда на статуях богинь. Эти надписи принадлежат, по-видимому, семитам, которые работали в медных и бирюзовых копях в районе Серабит эль-Хадема. Английский египтолог Алан Х. Гардинер, предположив, что четыре знака, обнаруженные на некоторых статуэтках (см. наш рис. 62), следует читать B'lt, тем самым заложил основы дешифровки протосинайских надписей⁴. Правильность чтения имени известной семитской богини *Ba'lat* как будто подтверждается фактом обнаружения среди развалин Серабит эль-Хадема храма египетской богини Хатхор, отождествляемой с *Ba'lat*. Однако прогресс дешифровки протосинайских надписей после публикации работы Гардинера был столь незначительным, что даже сами ее основы, предложенные Гардинером, стали казаться сомнительными. Дальнейшее продвижение дешифровки, помимо

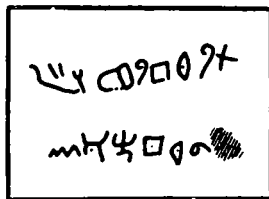
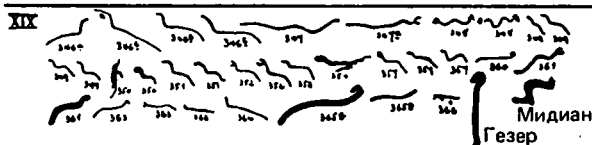
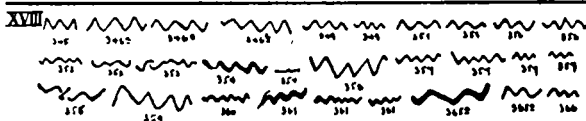
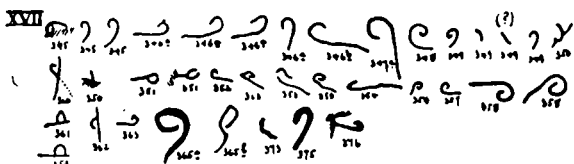

Рис. 62. Протосинайская надпись.

скудости сравнительного материала, было задержано также совершенно фантастическими реконструкциями тех ученых, которые пытались вычитать в этих надписях имена Яхве и Моисея и даже историю исхода евреев из Египта! На самом же деле протосинайские тексты являются не чем иным, как обычными посвятельными надписями. Новая работа У. Ф. Олбрайта⁵ делает заметный шаг по пути к окончательной дешифровке протосинайского письма. Полноты ради упомянем найденные на Синайском полуострове еще две фрагментарные надписи со знаками, непохожими на знаки, обычно употребляемые в протосинайских надписях⁶.

Список знаков, обнаруженных в протосинайских надписях, приводится на рис. 63 — по Лейбовичу⁷.

Продвигаясь дальше к северу от Синайского полуострова, мы попадаем на территорию Палестины. Здесь также были сделаны открытия, имеющие большое значение для истории письма. В таких удаленных друг от друга местах, как Бет-Шемеш, Эль-Хадр, Гезер, Лахиш, Мегиддо, Сихем, Телль эль-Хеси, Телль эс-Сарем и, возможно, также Иерусалим и Телль эль-Аджжул, были найдены различные предметы, главным образом горшки и черепки, с короткими надписями, выполненными знаками, часть которых имеет сходство с протосинайскими, а часть совершенно непохожа на них⁸. Всего известно около десятка таких надписей. Однако ценность палестинских находок заключается вовсе не в количестве надписей, а в количестве мест, где они были обнаружены, так как именно разбросанность находок подводит к важному выводу о широком распространении письма в Палестине еще за несколько веков до вторжения евреев. Даже беглого взгляда на сохранившиеся надписи (рис. 64) достаточно, чтобы увидеть, что они относятся к разным периодам. Хотя, разумеется, точная датировка пока невозможна, мы, вероятно, не слишком ошибемся, если попытаемся датировать фрагменты из Гезера и Сихема (№1 — 2) временем около 1600—1500 гг. до н. э., а некоторые из надписей из Лахиша (№7 — 8, 10 — 11) — временем около 1300—1200 гг. до н. э.⁹ Полного списка знаков, встречающихся в протопалестинских надписях, еще не существует, и даже нельзя определить, представляют ли эти надписи одну систему письма или несколько¹⁰.

Надписи второго тысячелетия до н. э., обнаруженные вне Палестины и до сих пор не поддающиеся чтению, следует упомянуть здесь хотя бы по той причине, что некоторые из них вполне могут представлять собой одну из многих попыток создания систем письма, которые в этот период начинают появляться повсюду, как грибы после дождя.

Сюда относятся в первую очередь загадочные короткие надписи, найденные в Кахуне (Египет, Файюм; см. рис. 65) и предположительно датируемые временем фараонов XII династии, то есть первой половиной II тысячелетия до н. э.¹¹

Другая надпись, также не поддающаяся чтению, была обнаружена недавно на стене из черного базальта в Балу'а (Иордания;

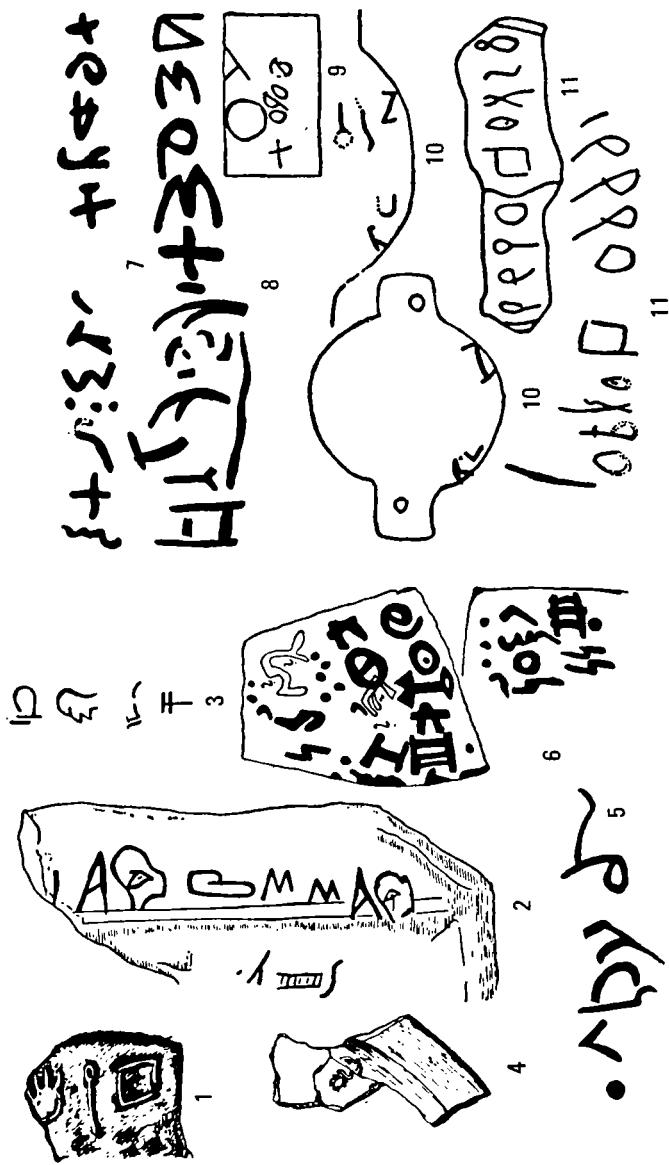

Рис. 64. Протопалеолитские надписи.

см. рис. 66)¹³. По мнению Этьена Дриотона, она датируется временем более поздним, чем правление Рамессеса III (около 1200—1168 гг. до н. э.)¹³.

Загадочная надпись из трех строк была найдена на каменном обломке в Библе (Финикия; см. рис. 67)¹⁴. Ее письмо имеет сходство с библским слоговым письмом, развившимся, как полагают, под эгейским влиянием (рассмотрено нами ниже, см. с. 153 и сл.). Другой, также не поддающийся дешифровке вид письма был обнаружен на одной статуэтке из Библа¹⁵.

Рис. 65. Загадочные надписи из Кахуна в Файюме (Египет).

Одно из величайших археологических открытий всех времен было сделано в конце двадцатых — начале тридцатых годов в захолустной деревушке Рас Шамра (Râs Shamrah), расположенной в нескольких милях к северу от Латакии (древняя Лаодикея), в Сирии. Случайно сделанная в 1928 г. местным крестьянином находка подземного туннеля повлекла за собой систематические раскопки городища, под которым были обнаружены развалины процветавшего в древности города Угарита. С точки зрения истории письма самым важным открытием в Угарите была находка многочисленных глиняных табличек с совершенно особой разновидностью клинописи (рис. 68). Так как найденное письмо состояло из ограниченного числа знаков, а словораздел обозначен специальным зна-

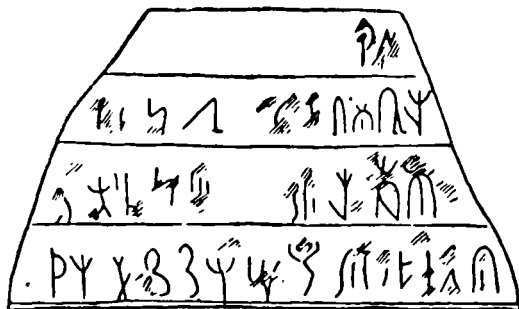

Рис. 66. Загадочная надпись на стеле из Балу'а (Иордания).

ком, дешифровка не представила особых трудностей. Едва были опубликованы первые угаритские тексты, как уже через несколько недель они были прочитаны независимо друг от друга одновременно тремя учеными: Гансом Бауэром, Эдуардом Дормом и Шарлем Виролло. Это была одна из самых быстрых дешифровок во всей истории письменности. Угаритское письмо состоит из 30 знаков, из которых 27 относятся к обычному семитскому типу и выражают согласный плюс гласный. В отличие от других семитских систем в угаритском письме употребляются три знака, передающие соответственно 'а, 'і и 'и (рис. 69). Памятники угаритского письма датируются XIV—XIII вв. до н. э. Оно употреблялось для семитского языка, близкородственного финикийскому и древнееврейскому, а также для хурритского языка, который в этот период был широко распространен на обширной территории Северной Сирии и Месопотамии ¹⁶.

Две надписи, представляющие собой вариант угаритского письма, были не так давно обнаружены в Палестине, в Бет-Шемеше и

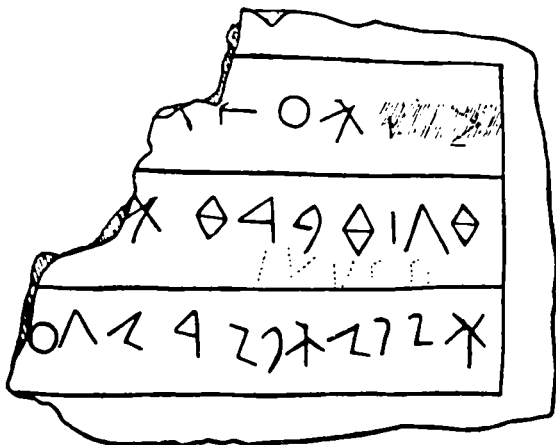

Рис. 67. Загадочная надпись из Библа(Финикия).

на горе Фавор, что дает основания предполагать, что и в Палестине середины II тысячелетия до н. э. существовал тип клинописи, сходный с угаритским¹⁷.

Примерно до середины 20-х гг. считалось, что самой старой из сохранившихся семитских надписей, выполненных так называемым "алфавитным" письмом, является знаменитый Моавитский камень царя Меша', датируемый серединой IX в. до н. э. С тех пор наши знания в области семитской эпиграфики значительно пополнились, главным образом благодаря новым находкам в Библие; теперь можно дать более точную хронологическую классификацию эпиграфического материала ранних периодов.

В настоящее время наиболее древними из семитских надписей, выполненных новой формой письма, являются найденная в Библие надпись на саркофаге царя Ахирама, а также граффито, вырезанное на одной из стен его могилы (рис. 70)¹⁸. Обычно надписи Ахирама датируют XIII в. до н. э., основываясь исключительно на стратиграфических реконструкциях, связываемых с египетскими материалами (см. ниже). Более поздними с точки зрения эпиграфики являются надписи 'Азарба'ла ('Azarba'al)¹⁹ и Йехимилка (Yeḥimilk)²⁰ из Библа, а также надпись на бронзовом наконечнике стрелы из Рувэйсе в Ливане²¹. Наконец, примерно к X в. до н. э. относятся надпись Абиба'ла²² (Abība'al), датируемая по историческим соображениям временем правления египетского царя Шешонка I (около 945—924 гг. до н. э.), и надпись Элиба'ла²³ (Elība'al), относящаяся ко времени Осоркона I (около 924—895 гг. до н. э.), сына Шешонка I. Предлагаемая Дюнаном датировка Шафатба'ла (Šapaṭba'al) и 'Абда'а ('Abda'a) XVIII и XVII вв. до н. э.²⁴ ничем не обоснована²⁵.

В связи с датировкой наиболее древних финикийских надписей необходимо сделать следующее замечание. Эпиграфические различия между самыми ранними надписями, такими, как надписи Ахирама, и более поздними, такими, как, например, надписи Абиба'ла и Элиба'ла, так ничтожно малы, что возникает сомнение в том, что их действительно разделял промежуток в триста лет. А так как датировка надписей Абиба'ла и Элиба'ла примерно X веком до н. э. бесспорна, то с точки зрения эпиграфики целесообразно сдвинуть дату Ахирама и его надписей лет на двести вперед²⁶.

На основании наших знаний о древнейших семитских письменностях можно реконструировать следующую картину.

Протосинайские надписи, относящиеся приблизительно к 1600—1500 гг. до н. э., выполнены при помощи системы, состоящей из ограниченного числа знаков, имеющих отчетливо рисуночный характер (иными словами, предмет, изображаемый знаком, можно в большинстве случаев узнать без особого труда). Общее количество знаков в точности неизвестно, так как число тридцать один, предлагаемое Лейбовичем, возможно, следует несколько сократить, учитывая, что некоторые из знаков, рассматриваемых им как само-

стоятельные, на самом деле могут оказаться вариантами одного и того же знака.

Примерно к тому же времени относятся и протопалестинские тексты из Гезера, Сихема и т. д., но они просуществовали несколько дольше, примерно до 1100 г. до н. э. В то время как отдельные знаки более ранних протопалестинских надписей имеют рисуночный характер, большинство знаков более поздних надписей являются ли-

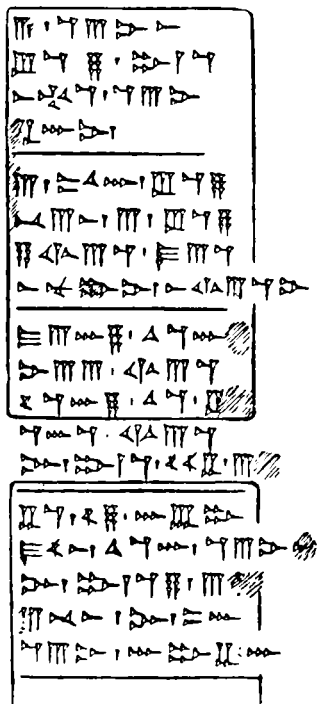

Рис. 68. Табличка из Рас Шамры.

1.	𐎀	ʾa
2.	𐎁	b
3.	𐎂	g
4.	𐎃	h
5.	𐎄	d
6.	𐎅	h
7.	𐎆	w
8.	𐎇	z
9.	𐎈	h
10.	𐎉	t
11.	𐎊	j
12.	𐎋	k
13.	𐎌	š
14.	𐎍	l
15.	𐎎	m

16.	𐎏	d
17.	𐎐	n
18.	𐎑	z
19.	𐎒	s
20.	𐎓	c
21.	𐎔	p
22.	𐎕	š
23.	𐎖	q
24.	𐎗	r
25.	𐎘	i
26.	𐎙	ô
27.	𐎚	t
28.	𐎛	ʾi
29.	𐎜	ʾu
30.	𐎝	š

Рис. 69. Силлабарий табличек из Рас Шамры.

нейными. Общее число знаков не выяснено. Ограниченность материала делает невозможным сравнение протосинайского и протопалестинского письма. Последнее может оказаться результатом одной или нескольких попыток создать систему, аналогичную по внутренней структуре письму протосинайских надписей, но отличающуюся от него формально, то есть по выбору знаков.

Остающиеся до сих пор недешифрованными надписи из Кахуна, Балу'а и Библа, возможно, также представляют собой дальнейшие попытки создания систем, аналогичных по внутренней структуре системе синайских и протопалестинских надписей. Их знаки имеют линейный характер.

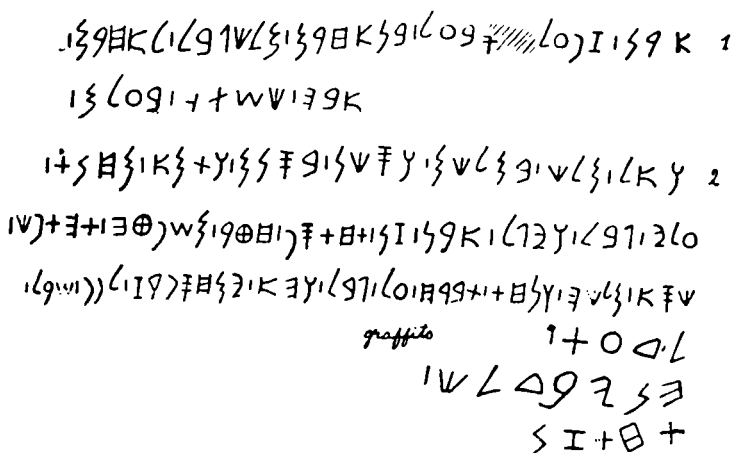

Рис. 70. Надпись Ахирама из Библа.

Угаритское письмо XIV в. до н. э. пользуется клинописными знаками и, следовательно, является по форме линейным. Попытки некоторых ученых вывести угаритскую систему непосредственно из протосинайского письма ²⁷ или из месопотамского клинописного ²⁸

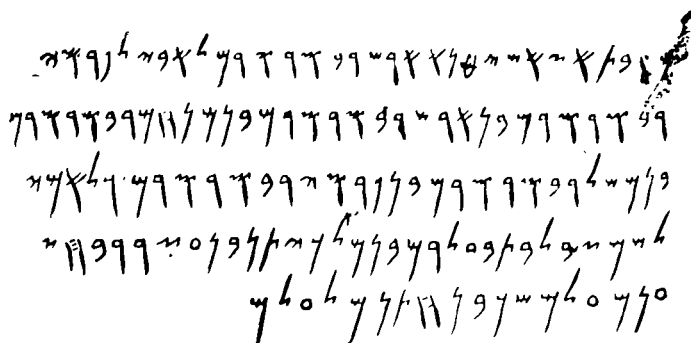

Рис. 71. Финикийская надпись с Кипра.

оказались неудачными. Хотя иноземное влияние и могло сказаться на выборе отдельных знаков, в большинстве случаев форма угаритских знаков является результатом свободного индивидуального творчества.

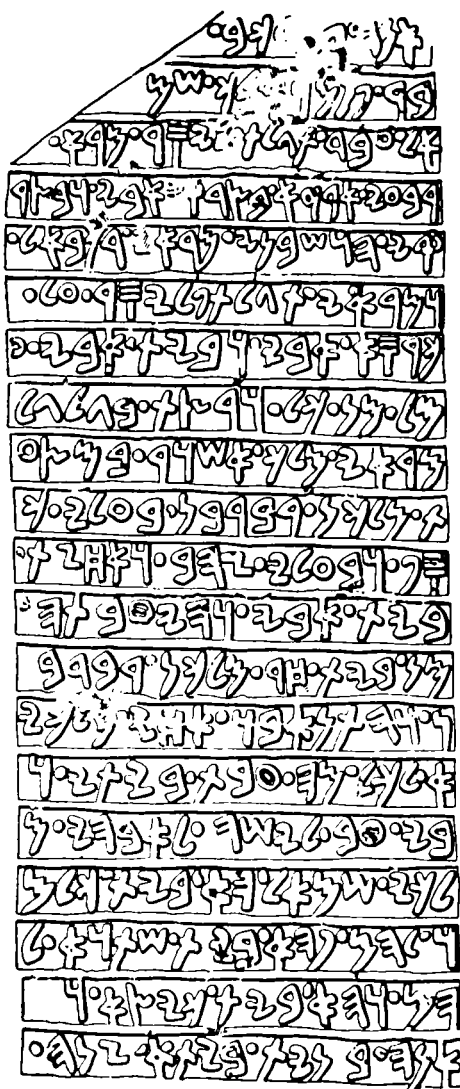
Наконец, около 1000 г. до н. э. появляются самые ранние библские надписи (Ахирама и др.), выполненные при помощи системы письма, состоящей из 22 знаков, чисто линейных по своему виду. Из всех многочисленных попыток создать новое письмо, предпринятых семитскими народами во втором тысячелетии до н. э., эта была, бесспорно, самой успешной. Прямыми ее преемниками —

Рис. 72. Ханаанейская надпись Меша, царя Моава.

как в отношении формы, так и в отношении внутренней структуры — являются три из четырех главных ответвлений семитского письма, а именно финикийская ветвь (рис. 71), палестинская (рис. 72) и арамейская (рис. 73). Четвертое ответвление, представленное южноаравийской ветвью (рис. 74), может восходить к финикийскому прототипу лишь косвенно. Южноаравийские письменности появились, по-видимому, в первой половине первого тысячелетия до н. э., хотя некоторыми учеными предлагаются как более ранние, так и

более поздние сроки ²⁹. В южноаравийском письме 29 знаков. Это число в общем совпадает с числом знаков в угаритском письме, но превышает на семь число знаков в финикийском письме. Форма

1 всех знаков южноара-
вийского письма линей-
ная; несколько знаков
2 идентичны по форме зна-
кам финикийского пись-
3 ма, но большинство зна-
ков создано совершенно
4 независимо. Таблица на
5 рис. 75 представляет
собой попытку свести
6 воедино знаки всех наи-
более важных семитских
7 письменностей и соот-
ветствующие им чтения.
8 Следует обратить внима-
ние на почти полное сов-
9 падение как формы зна-
ков, так и их количества
10 в финикийской, палес-
тинской и арамейской
11 системах. Большее ко-
личество знаков в уга-
12 ритской, южноаравий-
ской, эфиопской и араб-
13 ской системах вызвано
14 тем, что в языках, кото-
рые они представляют,
число фонем больше, чем
15 в других семитских язы-
ках. Возможно, что соз-
дание дополнительных
16 знаков в угаритском
17 письме было вызвано
18 необходимостью переда-
вать чуждые семитам
19 хурритские звуки.

20 Утверждая, что библ-
ское письмо начиная со
времени Ахирама может
считаться прототипом
всех последующих се-
митских систем письма,

Рис. 73. Арамейская надпись Барракиба из Зинджирли.

мы не стремимся представить дело так, будто это письмо было непременно изобретено в Библие или вообще в Финикии. Так случилось, что наиболее древние из сохранившихся надписей,

выполненных этой новой формой письма, происходят из Библа и Финикии, но никто не станет отрицать того, что местом рождения всех семитских письменностей мог быть любой город заселенной семитоязычными народами обширной территории, простиравшейся от Синайского полуострова до Северной Сирии.

Такова вкратце история происхождения семитских письменностей от различных первоначальных попыток середины второго тысячелетия до н. э. до создания собственно системы письма, завоевавшей после 1000 г. до н. э. весь семитоязычный ареал. Следующей нашей задачей является исследование истоков этого семитского письма. Учитывая, что перед нами один из наиболее дискуссионных вопросов востоковедения, легко можно было бы написать по этому поводу целую книгу. Одно лишь перечисление различных точек зрения потребовало бы обширной главы, выходящей за рамки настоящей работы. Поэтому мы лишь укажем, что едва ли существует на Ближнем Востоке и даже за его пределами какое-либо письмо, которое бы не принималось тем или иным исследователем за архетип семитского письма. Среди многих систем, предлагавшихся в качестве исходных, здесь фигурировали египетская во всех ее трех формах (иероглифической, иератической и демотической), ассирийская, вавилонская, шумерская, критская, кипрская, хеттская и южноаравийская и даже германские руны! Наибольшей популярностью пользовалась, однако, "египетская теория". Но подход к вопросу был во всех случаях совершенно одинаковым и опирался исключительно на сравнение форм. Обычно сам процесс возникновения семитского письма мыслился следующим образом: сначала из египетских (иероглифических, иератических или демотических) форм были прямо выведены формы семитского письма, затем значения египетских словесных знаков были переведены на соответствующий семитский язык и превращены в названия этих знаков, и, наконец, семитские чтения отдельных знаков были образованы от их названий по так называемому "акрофоническому принципу". Так, например, сперва семитами был заимствован египетский знак для слова 'дом', затем египетское слово r^*gr^* 'дом' было переведено семитским словом $bêth$ (или подобным) и превращено в название соответствующей буквы, и далее, наконец, знак $bêth$ получил по акрофоническому принципу чтение b . Идея образования семитского письма из египетского подтверждается, по мнению ряда исследователей, тем, что в обоих алфавитах — египет-

$\text{𐤀} \text{𐤁} \text{𐤂} \text{𐤃} \text{𐤄} \text{𐤅} \text{𐤆} \text{𐤇} \text{𐤈} \text{𐤉} \text{𐤊} \text{𐤋} \text{𐤌} \text{𐤍} \text{𐤎} \text{𐤏} \text{𐤐} \text{𐤑} \text{𐤒} \text{𐤓} \text{𐤔} \text{𐤕} \text{𐤖} \text{𐤗} \text{𐤘} \text{𐤙} \text{𐤚} \text{𐤛} \text{𐤜} \text{𐤝} \text{𐤞} \text{𐤟} \text{𐤠} \text{𐤡} \text{𐤢} \text{𐤣} \text{𐤤} \text{𐤥} \text{𐤦} \text{𐤧} \text{𐤨} \text{𐤩} \text{𐤪} \text{𐤫} \text{𐤬} \text{𐤭} \text{𐤮} \text{𐤯} \text{𐤰} \text{𐤱} \text{𐤲} \text{𐤳} \text{𐤴} \text{𐤵} \text{𐤶} \text{𐤷} \text{𐤸} \text{𐤹} \text{𐤺} \text{𐤻} \text{𐤼} \text{𐤽} \text{𐤾} \text{𐤿} \text{𐥀} \text{𐥁} \text{𐥂} \text{𐥃} \text{𐥄} \text{𐥅} \text{𐥆} \text{𐥇} \text{𐥈} \text{𐥉} \text{𐥊} \text{𐥋} \text{𐥌} \text{𐥍} \text{𐥎} \text{𐥏} \text{𐥐} \text{𐥑} \text{𐥒} \text{𐥓} \text{𐥔} \text{𐥕} \text{𐥖} \text{𐥗} \text{𐥘} \text{𐥙} \text{𐥚} \text{𐥛} \text{𐥜} \text{𐥝} \text{𐥞} \text{𐥟} \text{𐥠} \text{𐥡} \text{𐥢} \text{𐥣} \text{𐥤} \text{𐥥} \text{𐥦} \text{𐥧} \text{𐥨} \text{𐥩} \text{𐥪} \text{𐥫} \text{𐥬} \text{𐥭} \text{𐥮} \text{𐥯} \text{𐥰} \text{𐥱} \text{𐥲} \text{𐥳} \text{𐥴} \text{𐥵} \text{𐥶} \text{𐥷} \text{𐥸} \text{𐥹} \text{𐥺} \text{𐥻} \text{𐥼} \text{𐥽} \text{𐥾} \text{𐥿} \text{𐦀} \text{𐦁} \text{𐦂} \text{𐦃} \text{𐦄} \text{𐦅} \text{𐦆} \text{𐦇} \text{𐦈} \text{𐦉} \text{𐦊} \text{𐦋} \text{𐦌} \text{𐦍} \text{𐦎} \text{𐦏} \text{𐦐} \text{𐦑} \text{𐦒} \text{𐦓} \text{𐦔} \text{𐦕} \text{𐦖} \text{𐦗} \text{𐦘} \text{𐦙} \text{𐦚} \text{𐦛} \text{𐦜} \text{𐦝} \text{𐦞} \text{𐦟} \text{𐦠} \text{𐦡} \text{𐦢} \text{𐦣} \text{𐦤} \text{𐦥} \text{𐦦} \text{𐦧} \text{𐦨} \text{𐦩} \text{𐦪} \text{𐦫} \text{𐦬} \text{𐦭} \text{𐦮} \text{𐦯} \text{𐦰} \text{𐦱} \text{𐦲} \text{𐦳} \text{𐦴} \text{𐦵} \text{𐦶} \text{𐦷} \text{𐦸} \text{𐦹} \text{𐦺} \text{𐦻} \text{𐦼} \text{𐦽} \text{𐦾} \text{𐦿} \text{𐧀} \text{𐧁} \text{𐧂} \text{𐧃} \text{𐧄} \text{𐧅} \text{𐧆} \text{𐧇} \text{𐧈} \text{𐧉} \text{𐧊} \text{𐧋} \text{𐧌} \text{𐧍} \text{𐧎} \text{𐧏} \text{𐧐} \text{𐧑} \text{𐧒} \text{𐧓} \text{𐧔} \text{𐧕} \text{𐧖} \text{𐧗} \text{𐧘} \text{𐧙} \text{𐧚} \text{𐧛} \text{𐧜} \text{𐧝} \text{𐧞} \text{𐧟} \text{𐧠} \text{𐧡} \text{𐧢} \text{𐧣} \text{𐧤} \text{𐧥} \text{𐧦} \text{𐧧} \text{𐧨} \text{𐧩} \text{𐧪} \text{𐧫} \text{𐧬} \text{𐧭} \text{𐧮} \text{𐧯} \text{𐧰} \text{𐧱} \text{𐧲} \text{𐧳} \text{𐧴} \text{𐧵} \text{𐧶} \text{𐧷} \text{𐧸} \text{𐧹} \text{𐧺} \text{𐧻} \text{𐧼} \text{𐧽} \text{𐧾} \text{𐧿} \text{𐨀} \text{𐨁} \text{𐨂} \text{𐨃} \text{𐨄} \text{𐨅} \text{𐨆} \text{𐨇} \text{𐨈} \text{𐨉} \text{𐨊} \text{𐨋} \text{𐨌} \text{𐨍} \text{𐨎} \text{𐨏} \text{𐨐} \text{𐨑} \text{𐨒} \text{𐨓} \text{𐨔} \text{𐨕} \text{𐨖} \text{𐨗} \text{𐨘} \text{𐨙} \text{𐨚} \text{𐨛} \text{𐨜} \text{𐨝} \text{𐨞} \text{𐨟} \text{𐨠} \text{𐨡} \text{𐨢} \text{𐨣} \text{𐨤} \text{𐨥} \text{𐨦} \text{𐨧} \text{𐨨} \text{𐨩} \text{𐨪} \text{𐨫} \text{𐨬} \text{𐨭} \text{𐨮} \text{𐨯} \text{𐨰} \text{𐨱} \text{𐨲} \text{𐨳} \text{𐨴} \text{𐨵} \text{𐨶} \text{𐨷} \text{𐨸} \text{𐨹} \text{𐨺} \text{𐨻} \text{𐨼} \text{𐨽} \text{𐨾} \text{𐨿} \text{𐩀} \text{𐩁} \text{𐩂} \text{𐩃} \text{𐩄} \text{𐩅} \text{𐩆} \text{𐩇} \text{𐩈} \text{𐩉} \text{𐩊} \text{𐩋} \text{𐩌} \text{𐩍} \text{𐩎} \text{𐩏} \text{𐩐} \text{𐩑} \text{𐩒} \text{𐩓} \text{𐩔} \text{𐩕} \text{𐩖} \text{𐩗} \text{𐩘} \text{𐩙} \text{𐩚} \text{𐩛} \text{𐩜} \text{𐩝} \text{𐩞} \text{𐩟} \text{𐩠} \text{𐩡} \text{𐩢} \text{𐩣} \text{𐩤} \text{𐩥} \text{𐩦} \text{𐩧} \text{𐩨} \text{𐩩} \text{𐩪} \text{𐩫} \text{𐩬} \text{𐩭} \text{𐩮} \text{𐩯} \text{𐩰} \text{𐩱} \text{𐩲} \text{𐩳} \text{𐩴} \text{𐩵} \text{𐩶} \text{𐩷} \text{𐩸} \text{𐩹} \text{𐩺} \text{𐩻} \text{𐩼} \text{𐩽} \text{𐩾} \text{𐩿} \text{𐪀} \text{𐪁} \text{𐪂} \text{𐪃} \text{𐪄} \text{𐪅} \text{𐪆} \text{𐪇} \text{𐪈} \text{𐪉} \text{𐪊} \text{𐪋} \text{𐪌} \text{𐪍} \text{𐪎} \text{𐪏} \text{𐪐} \text{𐪑} \text{𐪒} \text{𐪓} \text{𐪔} \text{𐪕} \text{𐪖} \text{𐪗} \text{𐪘} \text{𐪙} \text{𐪚} \text{𐪛} \text{𐪜} \text{𐪝} \text{𐪞} \text{𐪟} \text{𐪠} \text{𐪡} \text{𐪢} \text{𐪣} \text{𐪤} \text{𐪥} \text{𐪦} \text{𐪧} \text{𐪨} \text{𐪩} \text{𐪪} \text{𐪫} \text{𐪬} \text{𐪭} \text{𐪮} \text{𐪯} \text{𐪰} \text{𐪱} \text{𐪲} \text{𐪳} \text{𐪴} \text{𐪵} \text{𐪶} \text{𐪷} \text{𐪸} \text{𐪹} \text{𐪺} \text{𐪻} \text{𐪼} \text{𐪽} \text{𐪾} \text{𐪿} \text{𐫀} \text{𐫁} \text{𐫂} \text{𐫃} \text{𐫄} \text{𐫅} \text{𐫆} \text{𐫇} \text{𐫈} \text{𐫉} \text{𐫊} \text{𐫋} \text{𐫌} \text{𐫍} \text{𐫎} \text{𐫏} \text{𐫐} \text{𐫑} \text{𐫒} \text{𐫓} \text{𐫔} \text{𐫕} \text{𐫖} \text{𐫗} \text{𐫘} \text{𐫙} \text{𐫚} \text{𐫛} \text{𐫜} \text{𐫝} \text{𐫞} \text{𐫟} \text{𐫠} \text{𐫡} \text{𐫢} \text{𐫣} \text{𐫤} \text{𐫥} \text{𐫦} \text{𐫧} \text{𐫨} \text{𐫩} \text{𐫪} \text{𐫫} \text{𐫬} \text{𐫭} \text{𐫮} \text{𐫯} \text{𐫰} \text{𐫱} \text{𐫲} \text{𐫳} \text{𐫴} \text{𐫵} \text{𐫶} \text{𐫷} \text{𐫸} \text{𐫹} \text{𐫺} \text{𐫻} \text{𐫼} \text{𐫽} \text{𐫾} \text{𐫿} \text{𐬀} \text{𐬁} \text{𐬂} \text{𐬃} \text{𐬄} \text{𐬅} \text{𐬆} \text{𐬇} \text{𐬈} \text{𐬉} \text{𐬊} \text{𐬋} \text{𐬌} \text{𐬍} \text{𐬎} \text{𐬏} \text{𐬐} \text{𐬑} \text{𐬒} \text{𐬓} \text{𐬔} \text{𐬕} \text{𐬖} \text{𐬗} \text{𐬘} \text{𐬙} \text{𐬚} \text{𐬛} \text{𐬜} \text{𐬝} \text{𐬞} \text{𐬟} \text{𐬠} \text{𐬡} \text{𐬢} \text{𐬣} \text{𐬤} \text{𐬥} \text{𐬦} \text{𐬧} \text{𐬨} \text{𐬩} \text{𐬪} \text{𐬫} \text{𐬬} \text{𐬭} \text{𐬮} \text{𐬯} \text{𐬰} \text{𐬱} \text{𐬲} \text{𐬳} \text{𐬴} \text{𐬵} \text{𐬶} \text{𐬷} \text{𐬸} \text{𐬹} \text{𐬺} \text{𐬻} \text{𐬼} \text{𐬽} \text{𐬾} \text{𐬿} \text{𐭀} \text{𐭁} \text{𐭂} \text{𐭃} \text{𐭄} \text{𐭅} \text{𐭆} \text{𐭇} \text{𐭈} \text{𐭉} \text{𐭊} \text{𐭋} \text{𐭌} \text{𐭍} \text{𐭎} \text{𐭏} \text{𐭐} \text{𐭑} \text{𐭒} \text{𐭓} \text{𐭔} \text{𐭕} \text{𐭖} \text{𐭗} \text{𐭘} \text{𐭙} \text{𐭚} \text{𐭛} \text{𐭜} \text{𐭝} \text{𐭞} \text{𐭟} \text{𐭠} \text{𐭡} \text{𐭢} \text{𐭣} \text{𐭤} \text{𐭥} \text{𐭦} \text{𐭧} \text{𐭨} \text{𐭩} \text{𐭪} \text{𐭫} \text{𐭬} \text{𐭭} \text{𐭮} \text{𐭯} \text{𐭰} \text{𐭱} \text{𐭲} \text{𐭳} \text{𐭴} \text{𐭵} \text{𐭶} \text{𐭷} \text{𐭸} \text{𐭹} \text{𐭺} \text{𐭻} \text{𐭼} \text{𐭽} \text{𐭾} \text{𐭿} \text{𐮀} \text{𐮁} \text{𐮂} \text{𐮃} \text{𐮄} \text{𐮅} \text{𐮆} \text{𐮇} \text{𐮈} \text{𐮉} \text{𐮊} \text{𐮋} \text{𐮌} \text{𐮍} \text{𐮎} \text{𐮏} \text{𐮐} \text{𐮑} \text{𐮒} \text{𐮓} \text{𐮔} \text{𐮕} \text{𐮖} \text{𐮗} \text{𐮘} \text{𐮙} \text{𐮚} \text{𐮛} \text{𐮜} \text{𐮝} \text{𐮞} \text{𐮟} \text{𐮠} \text{𐮡} \text{𐮢} \text{𐮣} \text{𐮤} \text{𐮥} \text{𐮦} \text{𐮧} \text{𐮨} \text{𐮩} \text{𐮪} \text{𐮫} \text{𐮬} \text{𐮭} \text{𐮮} \text{𐮯} \text{𐮰} \text{𐮱} \text{𐮲} \text{𐮳} \text{𐮴} \text{𐮵} \text{𐮶} \text{𐮷} \text{𐮸} \text{𐮹} \text{𐮺} \text{𐮻} \text{𐮼} \text{𐮽} \text{𐮾} \text{𐮿} \text{𐯀} \text{𐯁} \text{𐯂} \text{𐯃} \text{𐯄} \text{𐯅} \text{𐯆} \text{𐯇} \text{𐯈} \text{𐯉} \text{𐯊} \text{𐯋} \text{𐯌} \text{𐯍} \text{𐯎} \text{𐯏} \text{𐯐} \text{𐯑} \text{𐯒} \text{𐯓} \text{𐯔} \text{𐯕} \text{𐯖} \text{𐯗} \text{𐯘} \text{𐯙} \text{𐯚} \text{𐯛} \text{𐯜} \text{𐯝} \text{𐯞} \text{𐯟} \text{𐯠} \text{𐯡} \text{𐯢} \text{𐯣} \text{𐯤} \text{𐯥} \text{𐯦} \text{𐯧} \text{𐯨} \text{𐯩} \text{𐯪} \text{𐯫} \text{𐯬} \text{𐯭} \text{𐯮} \text{𐯯} \text{𐯰} \text{𐯱} \text{𐯲} \text{𐯳} \text{𐯴} \text{𐯵} \text{𐯶} \text{𐯷} \text{𐯸} \text{𐯹} \text{𐯺} \text{𐯻} \text{𐯼} \text{𐯽} \text{𐯾} \text{𐯿} \text{𐰀} \text{𐰁} \text{𐰂} \text{𐰃} \text{𐰄} \text{𐰅} \text{𐰆} \text{𐰇} \text{𐰈} \text{𐰉} \text{𐰊} \text{𐰋} \text{𐰌} \text{𐰍} \text{𐰎} \text{𐰏} \text{𐰐} \text{𐰑} \text{𐰒} \text{𐰓} \text{𐰔} \text{𐰕} \text{𐰖} \text{𐰗} \text{𐰘} \text{𐰙} \text{𐰚} \text{𐰛} \text{𐰜} \text{𐰝} \text{𐰞} \text{𐰟} \text{𐰠} \text{𐰡} \text{𐰢} \text{𐰣} \text{𐰤} \text{𐰥} \text{𐰦} \text{𐰧} \text{𐰨} \text{𐰩} \text{𐰪} \text{𐰫} \text{𐰬} \text{𐰭} \text{𐰮} \text{𐰯} \text{𐰰} \text{𐰱} \text{𐰲} \text{𐰳} \text{𐰴} \text{𐰵} \text{𐰶} \text{𐰷} \text{𐰸} \text{𐰹} \text{𐰺} \text{𐰻} \text{𐰼} \text{𐰽} \text{𐰾} \text{𐰿} \text{𐱀} \text{𐱁} \text{𐱂} \text{𐱃} \text{𐱄} \text{𐱅} \text{𐱆} \text{𐱇} \text{𐱈} \text{𐱉} \text{𐱊} \text{𐱋} \text{𐱌} \text{𐱍} \text{𐱎} \text{𐱏} \text{𐱐} \text{𐱑} \text{𐱒} \text{𐱓} \text{𐱔} \text{𐱕} \text{𐱖} \text{𐱗} \text{𐱘} \text{𐱙} \text{𐱚} \text{𐱛} \text{𐱜} \text{𐱝} \text{𐱞} \text{𐱟} \text{𐱠} \text{𐱡} \text{𐱢} \text{𐱣} \text{𐱤} \text{𐱥} \text{𐱦} \text{𐱧} \text{𐱨} \text{𐱩} \text{𐱪} \text{𐱫} \text{𐱬} \text{𐱭} \text{𐱮} \text{𐱯} \text{𐱰} \text{𐱱} \text{𐱲} \text{𐱳} \text{𐱴} \text{𐱵} \text{𐱶} \text{𐱷} \text{𐱸} \text{𐱹} \text{𐱺} \text{𐱻} \text{𐱼} \text{𐱽} \text{𐱾} \text{𐱿} \text{𐲀} \text{𐲁} \text{𐲂} \text{𐲃} \text{𐲄} \text{𐲅} \text{𐲆} \text{𐲇} \text{𐲈} \text{𐲉} \text{𐲊} \text{𐲋} \text{𐲌} \text{𐲍} \text{𐲎} \text{𐲏} \text{𐲐} \text{𐲑} \text{𐲒} \text{𐲓} \text{𐲔} \text{𐲕} \text{𐲖} \text{𐲗} \text{𐲘} \text{𐲙} \text{𐲚} \text{𐲛} \text{𐲜} \text{𐲝} \text{𐲞} \text{𐲟} \text{𐲠} \text{𐲡} \text{𐲢} \text{𐲣} \text{𐲤} \text{𐲥} \text{𐲦} \text{𐲧} \text{𐲨} \text{𐲩} \text{𐲪} \text{𐲫} \text{𐲬} \text{𐲭} \text{𐲮} \text{𐲯} \text{𐲰} \text{𐲱} \text{𐲲} \text{𐲳} \text{𐲴} \text{𐲵} \text{𐲶} \text{𐲷} \text{𐲸} \text{𐲹} \text{𐲺} \text{𐲻} \text{𐲼} \text{𐲽} \text{𐲾} \text{𐲿} \text{𐳀} \text{𐳁} \text{𐳂} \text{𐳃} \text{𐳄} \text{𐳅} \text{𐳆} \text{𐳇} \text{𐳈} \text{𐳉} \text{𐳊} \text{𐳋} \text{𐳌} \text{𐳍} \text{𐳎} \text{𐳏} \text{𐳐} \text{𐳑} \text{𐳒} \text{𐳓} \text{𐳔} \text{𐳕} \text{𐳖} \text{𐳗} \text{𐳘} \text{𐳙} \text{𐳚} \text{𐳛} \text{𐳜} \text{𐳝} \text{𐳞} \text{𐳟} \text{𐳠} \text{𐳡} \text{𐳢} \text{𐳣} \text{𐳤} \text{𐳥} \text{𐳦} \text{𐳧} \text{𐳨} \text{𐳩} \text{𐳪} \text{𐳫} \text{𐳬} \text{𐳭} \text{𐳮} \text{𐳯} \text{𐳰} \text{𐳱} \text{𐳲} \text{𐳳} \text{𐳴} \text{𐳵} \text{𐳶} \text{𐳷} \text{𐳸} \text{𐳹} \text{𐳺} \text{𐳻} \text{𐳼} \text{𐳽} \text{𐳾} \text{𐳿} \text{𐴀} \text{𐴁} \text{𐴂} \text{𐴃} \text{𐴄} \text{𐴅} \text{𐴆} \text{𐴇} \text{𐴈} \text{𐴉} \text{𐴊} \text{𐴋} \text{𐴌} \text{𐴍} \text{𐴎} \text{𐴏} \text{𐴐} \text{𐴑} \text{𐴒} \text{𐴓} \text{𐴔} \text{𐴕} \text{𐴖} \text{𐴗} \text{𐴘} \text{𐴙} \text{𐴚} \text{𐴛} \text{𐴜} \text{𐴝} \text{𐴞} \text{𐴟} \text{𐴠} \text{𐴡} \text{𐴢} \text{𐴣} \text{𐴤} \text{𐴥} \text{𐴦} \text{𐴧} \text{𐴨} \text{𐴩} \text{𐴪} \text{𐴫} \text{𐴬} \text{𐴭} \text{𐴮} \text{𐴯} \text{𐴰} \text{𐴱} \text{𐴲} \text{𐴳} \text{𐴴} \text{𐴵} \text{𐴶} \text{𐴷} \text{𐴸} \text{𐴹} \text{𐴺} \text{𐴻} \text{𐴼} \text{𐴽} \text{𐴾} \text{𐴿} \text{𐵀} \text{𐵁} \text{𐵂} \text{𐵃} \text{𐵄} \text{𐵅} \text{𐵆} \text{𐵇} \text{𐵈} \text{𐵉} \text{𐵊} \text{𐵋} \text{𐵌} \text{𐵍} \text{𐵎} \text{𐵏} \text{𐵐} \text{𐵑} \text{𐵒} \text{𐵓} \text{𐵔} \text{𐵕} \text{𐵖} \text{𐵗} \text{𐵘} \text{𐵙} \text{𐵚} \text{𐵛} \text{𐵜} \text{𐵝} \text{𐵞} \text{𐵟} \text{𐵠} \text{𐵡} \text{𐵢} \text{𐵣} \text{𐵤} \text{𐵥} \text{𐵦} \text{𐵧} \text{𐵨} \text{𐵩} \text{𐵪} \text{𐵫} \text{𐵬} \text{𐵭} \text{𐵮} \text{𐵯} \text{𐵰} \text{𐵱} \text{𐵲} \text{𐵳} \text{𐵴} \text{𐵵} \text{𐵶} \text{𐵷} \text{𐵸} \text{𐵹} \text{𐵺} \text{𐵻} \text{𐵼} \text{𐵽} \text{𐵾} \text{𐵿} \text{𐶀} \text{𐶁} \text{𐶂} \text{𐶃} \text{𐶄} \text{𐶅} \text{𐶆} \text{𐶇} \text{𐶈} \text{𐶉} \text{𐶊} \text{𐶋} \text{𐶌} \text{𐶍} \text{𐶎} \text{𐶏} \text{𐶐} \text{𐶑} \text{𐶒} \text{𐶓} \text{𐶔} \text{𐶕} \text{𐶖} \text{𐶗} \text{𐶘} \text{𐶙} \text{𐶚} \text{𐶛} \text{𐶜} \text{𐶝} \text{𐶞} \text{𐶟} \text{𐶠} \text{𐶡} \text{𐶢} \text{𐶣} \text{𐶤} \text{𐶥} \text{𐶦} \text{𐶧} \text{𐶨} \text{𐶩} \text{𐶪} \text{𐶫} \text{𐶬} \text{𐶭} \text{𐶮} \text{𐶯} \text{𐶰} \text{𐶱} \text{𐶲} \text{𐶳} \text{𐶴} \text{𐶵} \text{𐶶} \text{𐶷} \text{𐶸} \text{𐶹} \text{𐶺} \text{𐶻} \text{𐶼} \text{𐶽} \text{𐶾} \text{𐶿} \text{𐷀} \text{𐷁} \text{𐷂} \text{𐷃} \text{𐷄} \text{𐷅} \text{𐷆} \text{𐷇} \text{𐷈} \text{𐷉} \text{𐷊} \text{𐷋} \text{𐷌} \text{𐷍} \text{𐷎} \text{𐷏} \text{𐷐} \text{𐷑} \text{𐷒} \text{𐷓} \text{𐷔} \text{𐷕} \text{𐷖} \text{𐷗} \text{𐷘} \text{𐷙} \text{𐷚} \text{𐷛} \text{𐷜} \text{𐷝} \text{𐷞} \text{𐷟} \text{𐷠} \text{𐷡} \text{𐷢} \text{𐷣} \text{𐷤} \text{𐷥} \text{𐷦} \text{𐷧} \text{𐷨} \text{𐷩} \text{𐷪} \text{𐷫} \text{𐷬} \text{𐷭} \text{𐷮} \text{𐷯} \text{𐷰} \text{𐷱} \text{𐷲} \text{𐷳} \text{𐷴} \text{𐷵} \text{𐷶} \text{𐷷} \text{𐷸} \text{𐷹} \text{𐷺} \text{𐷻} \text{𐷼} \text{𐷽} \text{𐷾} \text{𐷿} \text{𐸀} \text{𐸁} \text{𐸂} \text{𐸃} \text{𐸄} \text{𐸅} \text{𐸆} \text{𐸇} \text{𐸈} \text{𐸉} \text{𐸊} \text{𐸋} \text{𐸌} \text{𐸍} \text{𐸎} \text{𐸏} \text{𐸐} \text{𐸑} \text{𐸒} \text{𐸓} \text{𐸔} \text{𐸕} \text{𐸖} \text{𐸗} \text{𐸘} \text{𐸙} \text{𐸚} \text{𐸛} \text{𐸜} \text{𐸝} \text{𐸞} \text{𐸟} \text{𐸠} \text{𐸡} \text{𐸢} \text{𐸣} \text{𐸤} \text{𐸥} \text{𐸦} \text{𐸧} \text{𐸨} \text{𐸩} \text{𐸪} \text{𐸫} \text{𐸬} \text{𐸭} \text{𐸮} \text{𐸯} \text{𐸰} \text{𐸱} \text{𐸲} \text{𐸳} \text{𐸴} \text{𐸵} \text{𐸶} \text{𐸷} \text{𐸸} \text{𐸹} \text{𐸺} \text{𐸻} \text{𐸼} \text{𐸽} \text{𐸾} \text{𐸿} \text{𐹀} \text{𐹁} \text{𐹂} \text{𐹃} \text{𐹄} \text{𐹅} \text{𐹆} \text{𐹇} \text{𐹈} \text{𐹉} \text{𐹊} \text{𐹋} \text{𐹌} \text{𐹍} \text{𐹎} \text{𐹏} \text{𐹐} \text{𐹑} \text{𐹒} \text{𐹓} \text{𐹔} \text{𐹕} \text{𐹖} \text{𐹗} \text{𐹘} \text{𐹙} \text{𐹚} \text{𐹛} \text{𐹜} \text{𐹝} \text{𐹞} \text{𐹟} \text{𐹠} \text{𐹡} \text{𐹢} \text{𐹣} \text{𐹤} \text{𐹥} \text{𐹦} \text{𐹧} \text{𐹨} \text{𐹩} \text{𐹪} \text{𐹫} \text{𐹬} \text{𐹭} \text{𐹮} \text{𐹯} \text{𐹰} \text{𐹱} \text{𐹲} \text{𐹳} \text{𐹴} \text{𐹵} \text{𐹶} \text{𐹷} \text{𐹸} \text{𐹹} \text{𐹺} \text{𐹻} \text{𐹼} \text{𐹽} \text{𐹾} \text{𐹿} \text{𐺀} \text{𐺁} \text{𐺂} \text{𐺃} \text{𐺄} \text{𐺅} \text{𐺆} \text{𐺇} \text{𐺈} \text{𐺉} \text{𐺊} \text{𐺋} \text{𐺌} \text{𐺍} \text{𐺎} \text{𐺏} \text{𐺐} \text{𐺑} \text{𐺒} \text{𐺓} \text{𐺔} \text{𐺕} \text{𐺖} \text{𐺗} \text{𐺘} \text{𐺙} \text{𐺚} \text{𐺛} \text{𐺜} \text{𐺝} \text{𐺞} \text{𐺟} \text{𐺠} \text{𐺡} \text{𐺢} \text{𐺣} \text{𐺤} \text{𐺥} \text{𐺦} \text{𐺧} \text{𐺨} \text{𐺩} \text{𐺪} \text{𐺫} \text{𐺬} \text{𐺭} \text{𐺮} \text{𐺯}$

ском и семитском — нет знаков для гласных ³⁰. Невнимание к тому, что это кажущееся совпадение еще само нуждается в доказательстве, отчетливо показывает степень ослепления исследователей результатами формального сравнения, проведенного ими при полном прене-

ПИСЬМО									
Транслитерация	Угаритское	Финикийское	Палестинское	Арамейское	Евр. кв.	Сирийское	Арабское	Ю.-арабск	Эфиопское
а	𐎀	𐤀	𐤁	𐤂	א	ܐ	ا	ሐ	ሐ
б	𐎁	𐤁	𐤂	𐤃	ב	ܒ	ب	ﺏ	ﺏ
в	𐎂	𐤂	𐤃	𐤄	ב	ܒ	ب	ﺏ	ﺏ
г	𐎃	𐤃	𐤄	𐤅	ג	ܓ	ج	ﻎ	ﻎ
д	𐎄	𐤄	𐤅	𐤆	ד	ܕ	د	ደ	ደ
е	𐎅	𐤅	𐤆	𐤇	ה	ܗ	ه	ሀ	ሀ
ж	𐎆	𐤆	𐤇	𐤈	ז	ܝ	ي	ሂ	ሂ
з	𐎇	𐤇	𐤈	𐤉	ז	ܝ	ي	ሂ	ሂ
и	𐎈	𐤈	𐤉	𐤊	ח	ܚ	ح	ሃ	ሃ
к	𐎉	𐤉	𐤊	𐤋	כ	ܟ	ك	ሄ	ሄ
л	𐎊	𐤊	𐤋	𐤌	ל	ܠ	ل	ህ	ህ
м	𐎋	𐤋	𐤌	𐤍	מ	ܡ	م	ሆ	ሆ
н	𐎌	𐤌	𐤍	𐤎	נ	ܢ	ن	ሐ	ሐ
п	𐎍	𐤍	𐤎	𐤏	פ	ܦ	پ	ሑ	ሑ
р	𐎎	𐤎	𐤏	𐤐	פ	ܦ	پ	ሑ	ሑ
с	𐎏	𐤏	𐤐	𐤑	צ	ܥ	ع	ሂ	ሂ
т	𐎐	𐤐	𐤑	𐤒	ץ	ܥ	ع	ሂ	ሂ
у	𐎑	𐤑	𐤒	𐤓	ק	ܩ	ق	ሃ	ሃ
ф	𐎒	𐤒	𐤓	𐤔	ק	ܩ	ق	ሃ	ሃ
х	𐎓	𐤓	𐤔	𐤕	ח	ܚ	ح	ሃ	ሃ
ц	𐎔	𐤔	𐤕	𐤖	ט	ܬ	ت	ሄ	ሄ
ч	𐎕	𐤕	𐤖	𐤗	י	ܝ	ي	ህ	ህ
ш	𐎖	𐤖	𐤗	𐤘	י	ܝ	ي	ህ	ህ
щ	𐎗	𐤗	𐤘	𐤙	י	ܝ	ي	ህ	ህ
ъ	𐎘	𐤘	𐤙	𐤚	י	ܝ	ي	ህ	ህ
ы	𐎙	𐤙	𐤚	𐤛	י	ܝ	ي	ህ	ህ
э	𐎚	𐤚	𐤛	𐤜	י	ܝ	ي	ህ	ህ
ю	𐎛	𐤛	𐤜	𐤝	י	ܝ	ي	ህ	ህ
я	𐎜	𐤜	𐤝	𐤞	י	ܝ	ي	ህ	ህ

Рис. 75. Сравнительная таблица знаков важнейших семитских письменностей*.

брежении к данным внутренней структуры. Дальнейший толчок к развитию египетской теории был дан открытием протосинайских надписей, выполненных семитами, жившими на территории, подвластной Египту. Эта находка натолкнула на мысль, что именно протосинайские знаки представляли собой то долго разыскиваемое

* Во 2-й колонке справа название письма ю.-арабск следует читать как ю.-аравийское.— Прим. редакции.

“недостающее звено“, которое соединило формы египетского письма с более поздними семитскими ³¹.

Так обстояло дело, пока лет пятнадцать тому назад происхождение семитского письма не стало изучаться группой исследователей, которые подошли к этой проблеме совершенно иначе. Они исходили из того, что при изучении различных систем письма не следует, как это делалось раньше, придавать преувеличенное значение сравнению формы знаков в ущерб внутренним структурным характеристикам. Такой подход не был совершенно нов. Уже в годы первой мировой войны и несколько позже Амелия Герц ³² и К. Ф. Леманн-Хаупт ³³ не только высказали эту мысль, но и показали на примере многих письменностей, созданных примитивными народами, что формы знаков были изобретены этими народами самостоятельно; при этом, однако, оказалось, что внутренние структурные характеристики письма свидетельствуют о стимулирующем воздействии на них европейских систем письма. Однако случилось так, что новый подход ³⁷ обрел силу лишь позже, в серии статей Иоганнеса Фридриха ³⁴, Рене Дюссо ³⁵ и Ганса Бауэра ³⁶. Из этих работ для понимания вопроса о происхождении семитского письма ценнее всего ясная и логичная трактовка, предложенная в посмертно изданной книге Г. Бауэра, которой я и следую в дальнейшем изложении. Весьма прискорбно, что консервативная позиция некоторых востоковедов привела к тому, что в ряде статей о происхождении семитского письма, опубликованных в США уже после выхода книги Г. Бауэра, новый подход к этой проблеме совершенно не был принят во внимание.

Выше говорилось, что в основе взглядов старой школы исследователей происхождения семитского письма лежало убеждение, что классическое семитское письмо (со времени Ахирама) состоит из определенного количества знаков, форма которых заимствована из какой-то другой системы письма. Нелишним будет напомнить, что, хотя из числа различных восточных систем, из которых могло произойти заимствование, предпочтение теперь отдается египетской, не существует подобной общности взглядов о том, какую именно формальную разновидность египетского письма — иероглифическую, иератическую или демотическую — следует принять за прототип семитских форм. И даже если бы удалось прийти к соглашению в пользу одной из этих формальных разновидностей, скажем, иероглифической, все равно оставался бы нерешенным вопрос, какой именно из нескольких сот иероглифических знаков послужил основой для образования каждого из двадцати двух семитских знаков. Отсюда ясно, что попытки возвести семитские знаки к какому-либо древневосточному письму, или к одной из форм египетского письма, или к определенной группе знаков в пределах такой формы столь уязвимы, что об их общем признании не может быть и речи. Полезно сравнить обрисованное положение с ситуацией, которая складывается всякий раз, когда происхождение письма выясняется легко и с полной очевидностью, как это было с бес-

спорным и общепризнанным фактом происхождения форм греческого алфавита от семитского письма, или хурритского клинописного письма от месопотамской клинописи, или японского силлабария от китайского письма, или даже кипрского силлабария от критского. Уже много лет тому назад я сделал наблюдение, что в тех случаях, когда существует развернутая дискуссия об истории какого-либо письма, охватывающая десятки расходящихся мнений о происхождении его форм от той или иной конкретной системы, сомнительной оказывается сама исходная концепция. На практике бывает так: либо дискуссия быстро прекращается, потому что возведение одного письма к другому оказывается делом несложным и сразу получает общее признание, как, например, в случае возведения греческого письма к определенной форме семитского, либо же обширный список противоречивых мнений лишь показывает, что еще не достигнуто правильное понимание того, каким именно образом формы данного письма могут быть возведены к другому, как это, например, имеет место с германскими рунами. Отсюда следует вывод, что, когда не удается достичь согласия о происхождении форм какой-либо системы письма, ее знаки оказываются обычно не заимствованными извне, а свободно и произвольно изобретенными. Насколько такого рода соображения применимы к семитскому письму, позволяют судить приводимые ниже данные.

Утверждают, что знаки древнефиникийского письма первоначально представляли собой рисунки: знак *'алеф* (*'āleph*) якобы изображал голову быка, знак *бет* (*bēth*) — дом и т. д. до конца списка. Но опять-таки, как и при выборе египетских знаков, среди специалистов нет согласия в том, к какому именно рисунку восходит каждый конкретный знак³⁸. Для несемитологов следует разъяснить, что ученые интерпретируют знак *'алеф* как голову быка не потому, что он похож на нее по виду, а потому, что его наименование *'āleph* в семитских языках означает 'бык', как бы подсказывая, что этот знак первоначально изображал быка. Ни один из знаков семитского письма не имеет формы, рисуночный характер которой обнаруживался бы сразу. Огромные трудности, связанные с интерпретацией знаков как рисунков, очевидны из следующих примеров. Ряд знаков, такие, как *хе* (*hē*), *хет* (*hēth*), *тет* (*tēth*), *цаде* (*ṣādhē*), носят названия, которые не могут быть объяснены при помощи слов какого-либо из семитских языков. Другие названия, такие, как *гимель* (*gīmel*), *ламед* (*lāmedh*), *самех* (*sāmekh*), *коф* (*qōph*), можно объяснить как слова семитских языков, но соответствующие им знаки нелегко возвести к рисункам, которые бы подходили к значению этих слов. По-видимому, наименования некоторых знаков в разные периоды существования этих знаков и в разных районах их распространения были различными. Например, знак, который по-ханаанейски называется *пип* 'рыба' (с изображением которой у этого знака сходства нет), по-эфиопски именуется *паһәš* 'змея'. Мало того, предлагали считать, что знак *зайин* (*zayin*) 'оружие?' первоначально назывался *зайит*

(zayit) 'оливковое дерево', потому что соответствующая греческая буква называется *дзета*; подобным же образом к греческому наименованию буквы *сигма* подобрали финикийское слово *šikm* 'плечо' в качестве наименования для знака, который обычно называется по-финикийски *šip* 'зуб'³⁹. Однако лучшим доказательством того, что по крайней мере некоторые знаки первоначально не представляли собой рисунков, а появились в результате свободного и произвольного выбора, может служить попарное сравнение аналогичных форм на рис. 76. Приведенные примеры показывают, что такие знаки, как *he* (hē) и *het* (hēth), не произошли от двух независимых рисунков; напротив, один знак был произвольно образован от другого, имевшего сходное с ним чтение, путем добавления или изъятия одного из линейных элементов⁴⁰.

Другим существенным доводом в пользу египетского происхождения семитского письма считается предположение, что семиты сначала дали свои названия знакам, выбранным из египетского письма, и только

𐤀	hē	и	𐤁	hēth
𐤅	nūn	и	𐤆	mēm
𐤇	zayin	и	𐤈	sāmekh
𐤊	tāw	и	𐤋	tēth

Рис. 76. Изменение формы как способ образования новых западносемитских знаков.

затем, следуя акрофоническому принципу, образовали из этих названий чтения соответствующих знаков. Иными словами, семитам приписывалось, что они давали названия тому, что еще не имело значения! В истории письма по крайней мере примеры такого развития отсутствуют. Исследуя различные типы письма, я сделал следующие наблюдения относительно названий знаков. Либо форма знаков, их чтения и названия прямо заимствуются из одной системы в другую, как, например, в греческую из семитской или в коптскую из греческой, либо заимствуется форма знаков и их чтения, как в латинском письме из греческого или в армянском из арамейского, а их названия произвольно придумываются и придаются им в последующие годы, либо, наконец, сперва произвольно изобретаются знаки и их чтения, а затем уже и их названия, как это было с глаголицей или с германскими рунами. Последний случай особенно поучителен для правильного понимания ситуации с семитским письмом. Названия знаков глаголического алфавита (именуется *азбукой* по первым двум буквам: *азъ* 'я', *буки* 'буква', *вѣди* 'знай, ведай', *глаголь* 'говори', *добро* 'хорошо' и т. д.) и англосаксонского рунического письма (именуется *futhorc* по начальным буквам наименований первых шести букв: *feoh* 'деньги', *īr* 'тур', *thorn* 'шип', *ōs* 'бог', *gād* 'путешествие', *sēp* 'факел' и т. д.) имеют одну общую черту: отсутствие видимой связи между формой знаков и их наименованием. Достойно упоминания и то, что наз-

вания знаков англосаксонского рунического алфавита иногда отличаются от соответствующих названий в скандинавской рунической системе, где третья буква называется *thurs* 'великан' вместо *thorn* 'шип', пятая — *kaup* 'опухоль' вместо *sēp* 'факел' и т. д. Выбор этих названий столь же произволен, как и в наших мнемонических приемах обучения детей азбуке: "А — аист, Б — барабан" и т. д. или "А — арбуз, Б — баран" и т. д. С таким же свободным выбором названий для знаков мы встречаемся в обиходе американской армии: 'able' ('умелый') — для А, 'baker' ('пекарь') — для В, 'Charlie' ('Чарли') — для С и т. д., или, соответственно, в британском флоте: 'able' — для А, 'boy' ('мальчик') — для В, 'cast' ('брось') — для С и т. д.

Если считать доказанным, что знаки древнефиникийского письма не представляют собой рисунков, то бесполезно говорить о получении чтения этих знаков из слов, соответствующих рисункам, с помощью так называемого "acrofonic principle". Согласно этому принципу, чтения знаков были якобы получены путем использования начальной части слова, выраженного данным знаком, и отбрасывания остатка, как если бы мы, например, решили употребить рисунок дома для *d*, потому что *дом* начинается с *d*. Мы уже видели раньше, на примере месопотамского и египетского письма, что акрофонический принцип как система не применялся и что даже случаи его спорадического употребления в некоторых других письменностях вызывают сомнение, потому что встречаются очень редко и с большим трудом поддаются истолкованию (см. с. 111 и сл.). Применительно к семитскому письму приходится констатировать, что раз знаки не представляли собой первоначально рисунков со словесным чтением, то, разумеется, не приходится говорить о том, что их слоговые или буквенные чтения были образованы по акрофоническому (или какому бы то ни было иному) принципу от словесных чтений, которых не существовало.

Теперь, после того как мы показали слабость старой, но поныне распространенной теории происхождения форм семитского письма из египетского, попытаемся предложить решение проблемы, опирающееся на новый подход, описанный выше, на с. 137 и сл. Чтобы облегчить понимание происхождения семитского письма с точки зрения его формы, рассмотрим сначала различные существующие возможности на примере других письменностей, не входящих в семитскую группу.

(1) Формы знаков и чтения знаков заимствованы, как в случае заимствования греческого письма из финикийского.

(2) Все формы знаков заимствованы, но их чтения частью заимствованы, частью произвольно изобретены, как в случае заимствования мероитского письма из египетского.

(3) И формы, и чтения знаков частично заимствованы, частично изобретены, как в случае заимствования южноаравийского письма из неизвестного нам северносемитского прототипа.

(4) Формы знаков заимствованы, но чтения знаков — новые,

как в случае систем письма, изобретенных индейцами племен саук или фокс, или в случае криптографии (в так называемых "шифрах замещения").

(5) Формы знаков частью заимствованы, частью изобретены вместе с новыми чтениями, как, например, в письме индейцев чероки, созданном на основе латинского алфавита.

ПИСЬМО							
Др. Фини- кийское	Брахми	Йезиди	Вен- герск. руны	Корейск.	Нуми- дийск.	Англо- сакс. руны	Сомалийск.
к ' ʾ							
9 b							
1 g		l t	1 i	7 k	Г j	ʌ l	7 r
4 d	ʔ a	Δ f		Δ z			
3 h			3 p	4 jz		ʃ w	
Y w			Y z			Y x	
I z	I m		Z ʔ		Ix; Z j		Z n
Н b			Н z	Н p	Н i	Н h	Н h
⊕ t			⊕ f				
z i							
v k							
l i	l u	l n		l a			l i
ʃ m							
ʃ n	ʃ a		4 u		Н j	(4 a)	ʃ m
ʔ s			ʔ d'	ʔ jz			
o ' ʾ	o pa	o h	⊙ r	o n	o r		o d
7 p	7 ka) n) m		
h s							
Φ q	ϕ za					(Φ j)	
q r		q i	q a			ʔ w	q i
w z	w za	w s			w z		w b
+ t	+ ka	+ s	+ d		+ t	+ j	

Рис. 77. Сравнение формы знаков западносемитского письма и семи других письменностей.

(6) Формы знаков изобретены произвольно вместе с новыми чтениями, как это имеет место в большом числе письменностей, таких, как письмо балти, брахми, кельтиберское, корейское,

глаголица, древневенгерское, нумидийское, огамическое, руническое, йезидское, а также во многих других, созданных уже в новое время, преимущественно в слабо развитых обществах (см. стр. 199 и сл.).

В свете сказанного выше нет нужды обсуждать возможность заимствования форм знаков семитского письма из какой-либо другой системы. Случаи внешнего формального сходства, отмеченные различными учеными, носят чисто случайный характер. Какие обманчивые результаты могут быть получены, если идти по пути некритического сравнения формы знаков, хорошо видно из рис. 77, где сравнивается форма знаков семитского письма и семи различных других письменностей, выбранных наудачу из числа тех, которые, как предполагают, используют произвольно изобретенные

Рис. 78. Образец письма, изобретенного школьником.

знаки. В то время как среди этих восьми письменностей нельзя выбрать такие, общность происхождения которых могла бы быть доказана, все они содержат некоторое количество знаков, полностью совпадающих или имеющих большое сходство между собой. Причина этого совершенно понятна. Хотя теоретически число линейных форм, пригодных для использования в качестве знаков, беспрельдно, практически чаще выбираются простые формы, имеющие вид прямых линий, треугольников, квадратов и кругов, потому что их легче запомнить. Число же подобных геометрических форм весьма ограничено. Так, Питри, исследуя метки и знаки различных доисторических и исторических систем, распространенных вокруг бассейна Средиземного моря, насчитал среди них всего лишь около шестидесяти разных форм⁴¹.

Мы можем дополнить эти наблюдения, приведя на рис. 78 образец письма, изобретенного школьником для тайной переписки⁴². Бросается в глаза, что некоторые геометрические знаки этого письма имеют поразительное формальное сходство с геометрическими знаками семитского письма, хотя никому не придет в голову предположить, что ребенок мог иметь какое-нибудь представление о семитской эпиграфике. Аналогичный результат дал эксперимент, о котором сообщает голландский ученый Йоханнес де Гроот⁴³. Девятилетнюю девочку попросили составить собственный алфавит, и она придумала двадцать шесть знаков, из которых семь точно соответствовали знакам финикийского письма, а остальные были похожи на синайские, критские и кипрские.

Отказавшись от теории иностранного происхождения знаков семитского письма и приняв теорию, отдающую предпочтение его

самостоятельному возникновению, мы все же сталкиваемся лицом к лицу с вопросом о том, какие именно формы лежат в основе репертуара семитских знаков — линейные или рисуночные. В том виде, в котором формы семитских знаков известны, начиная с Ахирама (Aḥîrâm), они носят отчетливо линейный характер. Но были ли они линейными тогда, когда впервые вводились создателями семитского письма? Или же их линейные формы являются результатом развития из первоначально рисуночных форм? С уверенностью можно сказать следующее. С одной стороны, как это видно из рис. 76, совершенно очевидно, что по крайней мере некоторые из семитских знаков развились не из рисуночных, а из линейных форм. В пользу линейного происхождения говорят параллели, которые можно обнаружить во многих письменностях, указанных в пункте 6 на с. 141. С другой стороны, мы должны помнить о различных протосемитских системах письма на Синайском полуострове и в Палестине, относящихся ко времени, предшествующему надписи Ахирама, и широко использующих в качестве знаков рисуночные формы. Развитие рисуночных форм с течением времени в линейные является для всех систем письма совершенно нормальным процессом. Однако возникает вопрос, существует ли какая-либо формальная связь между протосемитскими знаками Синайского полуострова и Палестины, с одной стороны, и семитскими знаками надписи Ахирама и знаками, восходящими к ним, с другой. На этот вопрос нельзя ответить окончательно, так как не хватает сравнительного материала. Мне кажется, что около середины второго тысячелетия до н. э. в районе распространения семитских языков возникло несколько систем письма, использовавших либо рисуночные, либо линейные формы. И совсем не исключено, что вследствие взаимного влияния в некоторых системах могли использоваться одновременно и рисуночные, и линейные формы знаков.

В целом, однако, весь вопрос о формальной стороне протосемитского и семитского письма по сравнению с вопросом о происхождении и внутренней структуре обеих систем письма представляется нам совершенно второстепенным. Сколь различными ни казались бы все перечисленные выше письменности по внешней форме, все они тождественны в наиболее существенной характеристике своей внутренней структуры: они состоят из ограниченного числа знаков (22—30), причем каждый знак определенно выражает согласный, но не указывает качества гласного. Эту характерную черту можно отчетливо продемонстрировать на примере таких общепринятых чтений, как B'lt на протосинайских стелах, или Bl' на прото-палестинских черепках из Телль эль-Хеси (Tell el-Hesi), или mlk на саркофаге Ахирама. Перед нами система письма, которую обычно называют "алфавитной", но которая, как мы попытаемся сейчас доказать, на самом деле является слоговой системой письма.

Прежде всего возникает следующий вопрос. Откуда семиты могли заимствовать идею применения таких знаков, которые передавали бы согласные, не указывая гласных? Ответ может быть най-

ден без труда. Из трех основных типов письма, существовавших на Ближнем Востоке и принимаемых здесь во внимание — месопотамской клинописи, эгейского и египетского письма, — только последнее идентично семитскому письму в отношении его неспособности передавать гласные. Исходя из сложной египетской системы, включающей несколько сот словесных, а также других фонетических знаков с числом согласных от одного до трех, семиты, создавая собственную систему письма, отбросили все словесные знаки и фонетические знаки с двумя и более согласными, сохранив только фонетические знаки с одним согласным. Действительно, двадцать четыре простых знака египетского письма совпадают по внутренней структуре с двадцатью двумя — тридцатью знаками различных семитских письменностей. Причина, по которой семиты в качестве прототипа для своего письма предпочли египетскую систему клинописной или эгейской, возможно, объясняется не только тесными культурными и торговыми связями, существовавшими во втором тысячелетии до н. э. между Сирией и Палестиной, с одной стороны, и Египтом, с другой. Главная причина, скорее всего, заключалась в том, что дух египетского письма оказался более подходящим для выражения структуры семитских языков. Не следует забывать, что египетский язык относится к числу языков, родственных семитским.

Раз идентичность египетской и семитских систем письма более не вызывает сомнения, неизбежным становится вывод, что все эти системы представляют собой либо алфавиты (как принято думать), либо силлабарии (как утверждается в настоящей работе.). Поэтому все данные, приведенные выше в пользу слогового характера египетского письма (см. с. 82 и сл.), могут быть использованы и по отношению к семитскому письму; и наоборот, любые данные в пользу слогового характера семитского письма послужат в поддержку выводов, сделанных выше относительно слогового характера египетского письма.

Нет ничего удивительного в том, что ученые рассматривают египетскую и семитские системы письма как алфавитные и чисто консонантные. Они рассуждают при этом приблизительно так: если, например, взглянуть на *ba*, написанное при помощи любого современного нам семитского алфавита, то есть посредством знака *bet* плюс диакритический значок, и затем проанализировать это написание, то окажется, что знак *bet* передает согласный *b*, а диакритический значок — гласный *a*. Отсюда, по их мнению, следует вывод, что более древние семитские письменности, которые в отличие от современных семитских алфавитов не пользовались диакритическими значками для передачи гласных, были чисто консонантными.

Однако ученым, которые так думают, очевидно, не приходит в голову, что структура современных семитских алфавитов может не быть идентичной структуре предшествовавших им древних систем, как семитских, так и египетской.

Хотя в древних семитских письменностях гласные, как правило, и оставались необозначенными, все же были случаи, когда качество гласного выражалось при помощи так называемых "слабых" согласных. Здесь перед нами прием, который обычно называют *scriptio plena*, или полногласное написание, и о котором речь пойдет подробнее в другом месте (см. с. 162 и сл.). При полногласном написании слог *za*, например, может быть передан при помощи *zayin* плюс 'алеф, а слог *ti* — при помощи *taw* (*tāw*) плюс *yod* (*yōdh*). Ученые, которые считают семитское письмо консонантным, не колеблясь транслитерируют такие написания при помощи одного лишь знака, то есть соответственно только согласного *z* или только согласного *t*. При этом они не учитывают, что употребление приема *scriptio plena* не ограничивается семитскими письменностями, а встречается также во многих других системах письма, несомненно сллабических. Выше мы упоминали о существовании в месопотамской клинописи нескольких знаков, выражающих согласный без указания на определенный гласный. Здесь перед нами структурное совпадение с нормой египетской и семитских систем (см. с. 77, 84 и сл.). К числу таких знаков относится, например, знак, содержащий *w* плюс любой гласный. И ассириологи транслитерируют этот знак не при помощи *w*, как поступили бы египтологи или специалисты по семитской эпиграфике, а при помощи *wa*, *wi*, *we* или *wu*, в зависимости от того, как звучит соответствующее слово. Это противоречие выступает еще отчетливее в случаях, когда к знаку *wa*, *wi*, *we*, *wu* для обозначения нужного гласного дополнительно присоединяется знак, передающий этот гласный, как, например, в написаниях *wa_a* для [*wa*], *wi_i* для [*wi*] и т. д., систематически встречающихся в хаттских, хурритских и палайских текстах из Богазкёя (с. 167). Аналогичным образом и транслитерации *ia*-а для [*ya*] или *iu*-и для [*yu*] и т. д., употребляемые при воспроизведении месопотамской клинописи, подразумевают существование знака для альтернативной передачи *ia*, *ii*, *ie*, *iu*, а вовсе не знака для передачи отдельно взятого согласного [*y*]. Причина указанного разноречия в транслитерации ясна. Клинописные системы являются слоговыми, поэтому рассматриваемые знаки нельзя транслитерировать иначе, как *wa*, *wi*, *we*, *wu* или соответственно *ia*, *ii*, *ie*, *iu*. Семитские письменности считают алфавитными, поэтому знаки той же структуры здесь транслитерируют при помощи только одного согласного — соответственно *w* и *y*. Непоследовательность такой практики с точки зрения теории письма совершенно очевидна: раз все рассмотренные выше примеры из семитских и клинописных письменностей идентичны по структуре, то и все соответствующие транслитерации должны быть идентичными, то есть должны быть либо слоговыми, либо алфавитными. Если учесть тот факт, что клинописное письмо является бесспорно слоговым, то отсюда неизбежно следует, что и семитские написания, идентичные клинописным, должны также рассматриваться как слоговые, а не как алфавитные.

Другой довод в пользу слогового характера так называемого

"семитского алфавита" дает исследование написания "шва". Когда под греческим влиянием семиты вводили в свое письмо систему огласовки, они создали не только диакритические значки для полных гласных, то есть для а, і, е, о, u, но также и отдельный значок, называемый "šwā" ('шва'), который, будучи присоединен к знаку, указывал, что этот знак следует читать либо как согласный без гласного, либо как согласный со сверхкратким гласным э (вставленным для облегчения произношения группы согласных). Если бы знаки семитского письма были изначально консонантными, как обычно заявляют, то значок э был бы просто ни к чему. То обстоятельство, что семиты ощущали необходимость создания значка, который указывал бы на отсутствие гласного, свидетельствует о том, что для них каждый знак был первично слоговым, то есть состоял из согласного плюс гласный.

Еще более важные аргументы дает анализ эфиопского и индийского письма. Формы знаков эфиопского письма развились из форм южноаравийского (с. 82 и сл.), причем и те и другие в основном совпадают с формами семитских письменностей Севера. Когда в первые века нашей эры эфиопы решили ввести в свое письмо систему обозначения гласных, они придумали не только специальные значки для полных гласных ā, ī, ē, ū, ō, но и отдельный значок для "шва" — так же, как это было в северосемитских письменностях. Однако всего важнее здесь то обстоятельство, что основной знак, не снабженный каким-либо значком, выражает не согласный сам по себе, а слог, состоящий из согласного плюс гласный а⁴⁴. Между тем если бы семитское письмо было по происхождению консонантным, то следовало бы ожидать обратного, а именно, что основной знак без каких-либо специальных дополнительных значков должен был выражать согласный сам по себе, а для согласного плюс гласный а должен быть придуман особый знак⁴⁵. Ситуация в индийских письменностях точно такая же: существуют специальные значки для отдельных гласных и особый значок, указывающий на отсутствие гласного, а слог, состоящий из согласного плюс гласный а, представлен основным знаком без какого-либо дополнительного значка. Такое большое сходство или даже тождество эфиопской и индийской систем связано с тем фактом, что если не в формальном, то, во всяком случае, в структурном отношении все разнообразные индийские письменности восходят к общему семитскому прототипу (см. с. 181 и сл.).

Тот факт, что в индийских и эфиопских письменностях согласный плюс гласный а обозначается основным знаком без добавления каких-либо значков, позволяет сделать дальнейший вывод, а именно, что основным или, точнее, первым чтением всех знаков было чтение "согласный плюс гласный а". Такие основные чтения, состоящие из согласного плюс гласный а, превратились в некоторых системах, как, например, в индийских, в наименования знаков. Что касается наименований знаков в арабском письме, то они образовались в результате смешения двух систем: так, одни арабские

наименования, как, например, 'алиф ('alif), джим (ǧīm), даль (dāl), каф (kāf), лам (lām) и т. д., являются явными заимствованиями названий знаков северноеврейского письма, тогда как другие, такие, как ба (bā), ха (hā), за (zā), ха (hā), ха (hā), та (tā) и т. д., образовались, возможно, в те времена, когда по крайней мере в некоторых семитских письменностях существовали наименования знаков, образованные от первых чтений этих знаков, представлявших собой согласный плюс гласный *a*. Однако эта реконструкция может утратить силу, если окажется, что наименования арабских знаков, имеющие тип bā, hā, являются позднейшими инновациями, наподобие современных эфиопских наименований hā, lā и т. д., заменивших старые hōi, lawe и т. д. ⁴⁶

Различные наименования значков, указывающих на отсутствие гласного, представляют собой важные дополнительные свидетельства в пользу первоначального слогового характера семитского письма и производных от него письменностей. Так, например, современное еврейское наименование šwā образовано от слова šāw 'малое, малость', тогда как более раннее обозначение того же древнееврейского значка ḥṭpā восходит к корню ḥṭp, имеющему значение 'удалять'. Еврейскому šwā соответствует арабский значок, именуемый либо sukūn — от корня skn 'быть неслышимым, быть неподвижным', либо ǧezma — от ǧzm 'резать, отрезать'. Сирийский значок, именуемый marḥeʿānā — от корня rhṭ 'убегать', употребляется для указания не только на отсутствие гласного, но иногда также и на отсутствие согласного, исчезнувшего из разговорного употребления, как, например, в написании m^edittā вместо прежнего m^edintā (со штрихом (marḥeʿānā) над знаком n). Наконец, образование наименования санскритского значка virāma от корня gam- 'останавливать, отдыхать' строго параллельно образованию арабского наименования sukūn ⁴⁷.

Наблюдения над наименованиями значков, образованными от корней ḥṭp и ǧzm, подтверждают, что и значок «шва» применялся для обозначения отсечения гласного звука от знака, который по природе своей был слоговым. И названия, образованные от корня со значением 'отдыхать', следует рассматривать как указывающие на "отдых", то есть на "непроизнесение" гласного, входящего в слоговой знак.

На вопрос, существуют ли какие-либо свидетельства в пользу предложенной здесь теории за пределами западноеврейских письменностей, трудно дать категорический ответ. Возможно, что приводимые ниже соображения прольют свет на эту проблему. Уже давно было замечено, что в позднееврейских и позднеевизантийских текстах часто встречаются отступающие от нормы написания с гласными, интерполированными между согласными, как, например, pa-ta-ku-lu — для natkulū, a-pa-ta-lah — для aptalah, li-qi-bi — для liq-bī, i-hu-bu-tu — для ihbutu ⁴⁸. Особенно важно отметить очень часто встречающиеся в этот период написания нефункциональных,

"лишних" гласных после согласных в исходе слов, как, например, *ba-la-ṭa* — для *balāt*, *a-ra-ku* — для *arāk*, *na-di-na* — для *nādin*, *ku-ū-mu* — для *kūm* ⁴⁰. Сигурд Ильвисакер ⁵⁰ и Торкильд Якобсен ⁵¹ пытались объяснить подобные интерполяции как вставные гласные, которые вводят между любыми двумя согласными для облегчения их произношения. Теоретически нет оснований возражать против возможности развития вставных гласных в позднеассирийском и поздневавилонском, тем более что это явление существует во многих языках мира — приведем, например, английскую диалектную форму *eɪm* вместо *elm* ('вяз'). Но даже если принять предложенное объяснение введения гласных между согласными в позднеассирийском и поздневавилонском, все равно останется неразрешенной проблема появления "лишних" конечных гласных. Мне, однако, кажется, что оба вопроса — о гласных, интерполированных между двумя согласными, и о гласных, прибавленных в конце слова, — должны рассматриваться не порознь, а как одна проблема. Главным доводом в пользу этого моего предположения является тот факт, что написания обоих типов появились одновременно, в поздний ассиرو-вавилонский период. В связи с этим мне кажется, что, поскольку вопрос о конечных гласных не имеет фонетического объяснения, нужно отказаться от такого объяснения и применительно к интерполированным гласным. Следовательно, если оба явления, рассматриваемые здесь, не могут быть объяснены фонетически, то единственно возможным остается такое их понимание, которое опирается на закономерности графики ⁵². Однако в клинописной системе письма мы не находим фактов, которые бы объясняли необходимость графической интерпретации. Клинопись вполне способна правильно передать такие слова, как *natkulū* или *balāt*, при помощи написаний *pa-at-ku-lu* или соответственно *ba-la-aṭ*, так что засвидетельствованные в ней написания типа *pa-ṭa-ku-lu* или *ba-la-ṭa* остаются без объяснения. Но мы должны помнить, что в поздний ассиро-вавилонский период в Месопотамии употреблялось не только клинописное письмо. Это было время, когда в значительной части Ближнего Востока преобладающим становилось арамейское влияние. О том, сколь сильным оно было, особенно в Месопотамии, говорят многочисленные арамейские надписи, обнаруженные как в Ассирии, так и в Вавилонии и свидетельствующие с полной очевидностью, что страна в это время уже была двуязычной и двуписьменной. Если же рассматривать арамейское письмо, подобно другим семитским письменностям, как систему слоговых знаков, каждый из которых передает согласный плюс любой гласный, то отклоняющиеся от нормы клинописные написания, о которых шла речь выше, можно объяснить просто влиянием арамейской системы ⁵³.

В защите слогового характера семитского письма я не одинок. Уже много лет назад Франц Преториус, сравнивая ханаанейское письмо с кипрским силлабарием, был вынужден признать, что и первое также было слоговым ⁵⁴. И другой ученый, А. Зейдель, правда по не вполне ясным причинам, пользовался термином "фини-

кийский силлабарий”⁵⁵. С. Йейвин в короткой, но содержательной статье определил как египетское, так и западносемитское письмо как силлабарии⁵⁶. Дэвид Дирингер приводит высказывания ряда ученых, считающих, что семитский ”алфавит” не может рассматриваться как подлинный алфавит, потому что он не имеет гласных⁵⁷. Существенна точка зрения Эдуарда Швицера, который оценивал древнее, слоговое чтение *he* (наряду с *h*) греческой буквы *эта* «как пережиток слогового чтения, существовавшего в финикийском алфавите» (*kals Rest der silbischen Geltung im phönikischen Alphabet*)⁵⁸. Здесь следует также учесть мнение профессора Арно Пёбеля из Чикагского университета, рассматривавшего семитское письмо как силлабарий, а не как алфавит; он опирался при этом на характер эфиопского письма (см. с. 146 и сл.) и на интерполированные гласные в аккадском (см. с. 148 и сл.)⁵⁹. Однако профессор Пёбель никогда не допускал мысли, что египетское письмо могло быть слоговым; он также никогда не пытался найти место своим выводам в общей истории письма.

Уже после того, как настоящий раздел был мною написан, один из моих студентов привлек мое внимание к замечанию, содержащемуся в книге Э. Х. Стёртеванта⁶⁰, из которого я узнал, что знаменитый датский ученый Холгер Педерсен также воспринимал и египетское письмо, и семитские письменности как слоговые⁶¹. Здесь особенно интересно то, что Педерсен оказался в состоянии прийти к правильному, на мой взгляд, решению проблемы не на основе каких-либо особых фактических данных, а в результате правильной теоретической оценки самого процесса развития письма. Конечно, Педерсен и до сих пор говорит о ”семитском алфавите” и помещает его среди ”алфавитных систем”, но в своем понимании ”семитского алфавита” как «письма слогами, которое лишь кажется нам консонантным письмом»⁶², он выразил мнение, чрезвычайно близкое тому, которое защищает автор в настоящей работе⁶³.

ЭГЕЙСКИЕ СИЛЛАБАРИИ

Под вынесенным в заглавие названием «Эгейские силлабарии» мы подразумеваем кипрский, кипро-минойский, фестский и, возможно, библский силлабарии, возникшие под прямым или косвенным влиянием одной или нескольких критских письменностей. С типологической точки зрения главной характерной чертой эгейских силлабариев является наличие слоговых знаков, выражающих гласный или согласный плюс гласный.

На многих городищах острова Кипр были обнаружены надписи, сделанные при помощи системы письма, которую мы называем ”кипрским силлабарием”. Когда во второй половине прошлого века это письмо было дешифровано, оказалось, что большинство надписей написано на греческом языке и лишь некоторые представляют

Иерогл.	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	1	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌
Лин. А	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	𐤍
Лин. Б критск.	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	𐤍
Лин. Б элладские	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	𐤍
Кипро-минойск.	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	𐤍
Классич. кипрские	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	𐤍

Иерогл.	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	Иерогл.
Лин. А	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	Лин. А
Лин. Б критск.	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	Лин. Б критск.
Лин. Б элладские	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	Лин. Б элладские
Кипро-минойск.	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	Кл. кипр.

Рис. 79. Кипро-минойские знаки и их критские и классические кипрские параллели.

собой памятники недоступного пониманию местного языка Кипра. О происхождении этого своеобразного письма, которое явно не имело связи ни с греческой, ни с финикийской системой, сначала ничего не было известно.

Позже раскопки Энкоми (древнего Саламиса) и других городищ Кипра дали несколько коротких надписей, знаки которых также не поддавались чтению. Эти надписи бронзового века датируются теперь приблизительно 1500—1150 гг. до н. э. и, таким образом, являются значительно более древними, чем надписи, сделанные при помощи кипрского силлабария и относящиеся к железному веку, точнее, к промежутку между 700 г. и I в. до н. э. Относительно большой разрыв между письмом конца бронзового века и появлением кипрского силлабария до сих пор трудно поддается объяснению.

Сэр Артур Эванс доказал, и, на мой взгляд, вполне убедительно, что эти загадочные знаки бронзового века, которые он назвал "кипро-минойскими", несомненно, связаны с критским письмом⁶⁴.

Так как критское влияние на Кипр для этого времени хорошо заведено, он пришел к выводу, что кипро-минойское письмо представляло собой местное ответвление критского. Эванс также доказал, что знаки более позднего кипрского силлабария можно по их форме увязать с критскими, если принять кипро-минойские знаки за промежуточное звено между ними. Вся эта проблема заново рассматривается в обстоятельной статье Джона Франклина Даниэля⁶⁵, в которой он, в частности, указывает, что на сосудах сохранилась 101 кипро-минойская надпись. В этих надписях насчитывается 63 различных знака плюс 10 дополнительных знаков для числительных. Связь между кипро-минойским письмом, с одной стороны, и критским и более поздним кипрским, с другой, видна на рис. 79. На рис. 80 приведены три небольших текста из Энкоми, для которых, как и для других кипро-минойских надписей, характерна чрезвычайная краткость (1—8 знаков)⁶⁶.

Классический кипрский силлабарий состоит из 56 знаков, каждый из которых соответствует слогу, представляющему собой гласный или оканчивающемуся на гласный (рис. 81). Удвоение согласных, долгота гласных, носовые перед согласными, а также различие между звонкими, глухими и аспирированными согласными не обозначались. Этот силлабарий первоначально предназначался для негреческого языка и мало подходил для передачи греческого, для которого он был приспособлен впоследствии. Следующие примеры превосходно иллюстрируют возникшие трудности: to-ko-ro-ne пере-

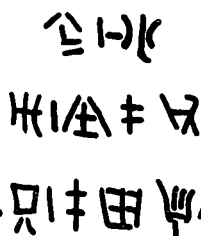

Рис. 80. Три кратких текста из Энкоми (Кипр).

дает τὸν χῶρον; a-ti-ri-a-se=ἀνδρία; sa-ta-si-ka-ra-te-se=Στασι-ράτης; a-га-ku-ro=ἀργύρω; a-to-ro-po-se=ἀνθρωπος или ἄτροπος, или ἄτροφος, или ἄδωρος. Типичная кипрская надпись приведена на рис. 82.

Совершенно уникален глиняный диск из Феста на Крите (рис. 83), датируемый по стратиграфическим соображениям XVII в. до н. э. Строчки письма на диске расположены по спирали. Так как в большинстве пиктографических письменностей рисуночные знаки обычно бывают обращены к началу строки, то естественно предположить, что надпись начинается на краю диска, а не в центре. Знаки представляют собой отчетливо узнаваемые рисунки людей,

	α, αι	ε, η	ι	ο, ω	υ
Гласные	✱	✱ ✱	✱	≡	Υ Υ
k	↑ ↑	✱ ↗ ↘	∇ Υ	∩ ∩	✱ ✱ ✱
t	└ ┘	⊥ ≡	Υ Υ ↑	F ↑ ∩	𐀀 𐀀
p	≡ ≡	∫	≡ ✱	∫ ∩ ∩	≡ ≡
l	∇ ∇	8 8 8	≡ ≡ ≡	+	∩ ∩
r	∇ ∇ d	∩ ∩ ∩	∫ ∫	8 8 8	∫ ∫ 8
m	∫	✱ ✱	∩ Υ	∩ ∩ ∩	✱
n	≡	∩ ∩ ∫	∫ ∫	∩ ∩ ∩	∩: K C(?)
j	0 Δ	8			
f, v	∫ ✱	≡	∫	∩ ↑ ∩	
s	∫ ∫	∩ ∩	∩ ∩	≡ ≡	∩ 𐀀
z	∫	∫ (?)		≡	
x	∩ (?)	∩ ∩			

Рис. 81. Кипрский силлабарий.

животных, предметов повседневной жизни и строений. Удивляет в этих рисунках то, что, хотя между ними и критскими знаками может быть обнаружено известное сходство, в целом формы их различны. Знаки Фестского диска явно представляют собой результат самостоятельного развития. На диске всего лишь сорок пять разных знаков, но, принимая во внимание относительную краткость этой надписи, можно полагать, что в целом данная система письма содержала около шестидесяти знаков. Общее количество исполь-

зованных знаков и то обстоятельство, что слова, отделенные друг от друга вертикальными разделительными линиями, содержат от двух до пяти знаков, позволяют предполагать, что мы имеем здесь дело со слоговым письмом эгейского типа.

Пожалуй, самым необычайным в Фестском диске является то, что отдельные знаки на нем не выдавлены стилем, как следовало бы ожидать, когда имеешь дело с письмом на глине, а сделаны при помощи штампов. Этот случай применения передвижных "литер" совершенно уникален в эгейской культурной области, хотя он имеет месопотамские параллели, относящиеся, однако, к значительно более позднему, ассирийскому периоду ⁶⁷.

·𐀀𐀁𐀂𐀃𐀄·𐀅𐀆𐀇𐀈𐀉𐀊𐀋𐀌𐀍𐀎𐀏𐀐𐀑𐀒𐀓𐀔𐀕𐀖𐀗𐀘𐀙𐀚𐀛𐀜𐀝𐀞𐀟𐀠𐀡𐀢𐀣𐀤𐀥𐀦𐀧𐀨𐀩𐀪𐀫𐀬𐀭𐀮𐀯𐀰𐀱𐀲𐀳𐀴𐀵𐀶𐀷𐀸𐀹𐀺𐀻𐀼𐀽𐀾𐀿𐁀𐁁𐁂𐁃𐁄𐁅𐁆𐁇𐁈𐁉𐁊𐁋𐁌𐁍𐁎𐁏𐁐𐁑𐁒𐁓𐁔𐁕𐁖𐁗𐁘𐁙𐁚𐁛𐁜𐁝𐁞𐁟𐁠𐁡𐁢𐁣𐁤𐁥𐁦𐁧𐁨𐁩𐁪𐁫𐁬𐁭𐁮𐁯𐁰𐁱𐁲𐁳𐁴𐁵𐁶𐁷𐁸𐁹𐁺𐁻𐁼𐁽𐁾𐁿𐂀𐂁𐂂𐂃𐂄𐂅𐂆𐂇𐂈𐂉𐂊𐂋𐂌𐂍𐂎𐂏𐂐𐂑𐂒𐂓𐂔𐂕𐂖𐂗𐂘𐂙𐂚𐂛𐂜𐂝𐂞𐂟𐂠𐂡𐂢𐂣𐂤𐂥𐂦𐂧𐂨𐂩𐂪𐂫𐂬𐂭𐂮𐂯𐂰𐂱𐂲𐂳𐂴𐂵𐂶𐂷𐂸𐂹𐂺𐂻𐂼𐂽𐂾𐂿𐃀𐃁𐃂𐃃𐃄𐃅𐃆𐃇𐃈𐃉𐃊𐃋𐃌𐃍𐃎𐃏𐃐𐃑𐃒𐃓𐃔𐃕𐃖𐃗𐃘𐃙𐃚𐃛𐃜𐃝𐃞𐃟𐃠𐃡𐃢𐃣𐃤𐃥𐃦𐃧𐃨𐃩𐃪𐃫𐃬𐃭𐃮𐃯𐃰𐃱𐃲𐃳𐃴𐃵𐃶𐃷𐃸𐃹𐃺𐃻𐃼𐃽𐃾𐃿𐄀𐄁𐄂𐄃𐄄𐄅𐄆𐄇𐄈𐄉𐄊𐄋𐄌𐄍𐄎𐄏𐄐𐄑𐄒𐄓𐄔𐄕𐄖𐄗𐄘𐄙𐄚𐄛𐄜𐄝𐄞𐄟𐄠𐄡𐄢𐄣𐄤𐄥𐄦𐄧𐄨𐄩𐄪𐄫𐄬𐄭𐄮𐄯𐄰𐄱𐄲𐄳𐄴𐄵𐄶𐄷𐄸𐄹𐄺𐄻𐄼𐄽𐄾𐄿𐅀𐅁𐅂𐅃𐅄𐅅𐅆𐅇𐅈𐅉𐅊𐅋𐅌𐅍𐅎𐅏𐅐𐅑𐅒𐅓𐅔𐅕𐅖𐅗𐅘𐅙𐅚𐅛𐅜𐅝𐅞𐅟𐅠𐅡𐅢𐅣𐅤𐅥𐅦𐅧𐅨𐅩𐅪𐅫𐅬𐅭𐅮𐅯𐅰𐅱𐅲𐅳𐅴𐅵𐅶𐅷𐅸𐅹𐅺𐅻𐅼𐅽𐅾𐅿𐆀𐆁𐆂𐆃𐆄𐆅𐆆𐆇𐆈𐆉𐆊𐆋𐆌𐆍𐆎𐆏𐆐𐆑𐆒𐆓𐆔𐆕𐆖𐆗𐆘𐆙𐆚𐆛𐆜𐆝𐆞𐆟𐆠𐆡𐆢𐆣𐆤𐆥𐆦𐆧𐆨𐆩𐆪𐆫𐆬𐆭𐆮𐆯𐆰𐆱𐆲𐆳𐆴𐆵𐆶𐆷𐆸𐆹𐆺𐆻𐆼𐆽𐆾𐆿𐇀𐇁𐇂𐇃𐇄𐇅𐇆𐇇𐇈𐇉𐇊𐇋𐇌𐇍𐇎𐇏𐇐𐇑𐇒𐇓𐇔𐇕𐇖𐇗𐇘𐇙𐇚𐇛𐇜𐇝𐇞𐇟𐇠𐇡𐇢𐇣𐇤𐇥𐇦𐇧𐇨𐇩𐇪𐇫𐇬𐇭𐇮𐇯𐇰𐇱𐇲𐇳𐇴𐇵𐇶𐇷𐇸𐇹𐇺𐇻𐇼𐇽𐇾𐇿𐈀𐈁𐈂𐈃𐈄𐈅𐈆𐈇𐈈𐈉𐈊𐈋𐈌𐈍𐈎𐈏𐈐𐈑𐈒𐈓𐈔𐈕𐈖𐈗𐈘𐈙𐈚𐈛𐈜𐈝𐈞𐈟𐈠𐈡𐈢𐈣𐈤𐈥𐈦𐈧𐈨𐈩𐈪𐈫𐈬𐈭𐈮𐈯𐈰𐈱𐈲𐈳𐈴𐈵𐈶𐈷𐈸𐈹𐈺𐈻𐈼𐈽𐈾𐈿𐉀𐉁𐉂𐉃𐉄𐉅𐉆𐉇𐉈𐉉𐉊𐉋𐉌𐉍𐉎𐉏𐉐𐉑𐉒𐉓𐉔𐉕𐉖𐉗𐉘𐉙𐉚𐉛𐉜𐉝𐉞𐉟𐉠𐉡𐉢𐉣𐉤𐉥𐉦𐉧𐉨𐉩𐉪𐉫𐉬𐉭𐉮𐉯𐉰𐉱𐉲𐉳𐉴𐉵𐉶𐉷𐉸𐉹𐉺𐉻𐉼𐉽𐉾𐉿𐊀𐊁𐊂𐊃𐊄𐊅𐊆𐊇𐊈𐊉𐊊𐊋𐊌𐊍𐊎𐊏𐊐𐊑𐊒𐊓𐊔𐊕𐊖𐊗𐊘𐊙𐊚𐊛𐊜𐊝𐊞𐊟𐊠𐊡𐊢𐊣𐊤𐊥𐊦𐊧𐊨𐊩𐊪𐊫𐊬𐊭𐊮𐊯𐊰𐊱𐊲𐊳𐊴𐊵𐊶𐊷𐊸𐊹𐊺𐊻𐊼𐊽𐊾𐊿𐋀𐋁𐋂𐋃𐋄𐋅𐋆𐋇𐋈𐋉𐋊𐋋𐋌𐋍𐋎𐋏𐋐𐋑𐋒𐋓𐋔𐋕𐋖𐋗𐋘𐋙𐋚𐋛𐋜𐋝𐋞𐋟𐋠𐋡𐋢𐋣𐋤𐋥𐋦𐋧𐋨𐋩𐋪𐋫𐋬𐋭𐋮𐋯𐋰𐋱𐋲𐋳𐋴𐋵𐋶𐋷𐋸𐋹𐋺𐋻𐋼𐋽𐋾𐋿𐌀𐌁𐌂𐌃𐌄𐌅𐌆𐌇𐌈𐌉𐌊𐌋𐌌𐌍𐌎𐌏𐌐𐌑𐌒𐌓𐌔𐌕𐌖𐌗𐌘𐌙𐌚𐌛𐌜𐌝𐌞𐌟𐌠𐌡𐌢𐌣𐌤𐌥𐌦𐌧𐌨𐌩𐌪𐌫𐌬𐌭𐌮𐌯𐌰𐌱𐌲𐌳𐌴𐌵𐌶𐌷𐌸𐌹𐌺𐌻𐌼𐌽𐌾𐌿𐍀𐍁𐍂𐍃𐍄𐍅𐍆𐍇𐍈𐍉𐍊𐍋𐍌𐍍𐍎𐍏𐍐𐍑𐍒𐍓𐍔𐍕𐍖𐍗𐍘𐍙𐍚𐍛𐍜𐍝𐍞𐍟𐍠𐍡𐍢𐍣𐍤𐍥𐍦𐍧𐍨𐍩𐍪𐍫𐍬𐍭𐍮𐍯𐍰𐍱𐍲𐍳𐍴𐍵𐍶𐍷𐍸𐍹𐍺𐍻𐍼𐍽𐍾𐍿𐎀𐎁𐎂𐎃𐎄𐎅𐎆𐎇𐎈𐎉𐎊𐎋𐎌𐎍𐎎𐎏𐎐𐎑𐎒𐎓𐎔𐎕𐎖𐎗𐎘𐎙𐎚𐎛𐎜𐎝𐎞𐎟𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏀𐏁𐏂𐏃𐏄𐏅𐏆𐏇𐏈𐏉𐏊𐏋𐏌𐏍𐏎𐏏𐏐𐏑𐏒𐏓𐏔𐏕𐏖𐏗𐏘𐏙𐏚𐏛𐏜𐏝𐏞𐏟𐏠𐏡𐏢𐏣𐏤𐏥𐏦𐏧𐏨𐏩𐏪𐏫𐏬𐏭𐏮𐏯𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿𐐀𐐁𐐂𐐃𐐄𐐅𐐆𐐇𐐈𐐉𐐊𐐋𐐌𐐍𐐎𐐏𐐐𐐑𐐒𐐓𐐔𐐕𐐖𐐗𐐘𐐙𐐚𐐛𐐜𐐝𐐞𐐟𐐠𐐡𐐢𐐣𐐤𐐥𐐦𐐧𐐨𐐩𐐪𐐫𐐬𐐭𐐮𐐯𐐰𐐱𐐲𐐳𐐴𐐵𐐶𐐷𐐸𐐹𐐺𐐻𐐼𐐽𐐾𐐿𐑀𐑁𐑂𐑃𐑄𐑅𐑆𐑇𐑈𐑉𐑊𐑋𐑌𐑍𐑎𐑏𐑐𐑑𐑒𐑓𐑔𐑕𐑖𐑗𐑘𐑙𐑚𐑛𐑜𐑝𐑞𐑟𐑠𐑡𐑢𐑣𐑤𐑥𐑦𐑧𐑨𐑩𐑪𐑫𐑬𐑭𐑮𐑯𐑰𐑱𐑲𐑳𐑴𐑵𐑶𐑷𐑸𐑹𐑺𐑻𐑼𐑽𐑾𐑿𐒀𐒁𐒂𐒃𐒄𐒅𐒆𐒇𐒈𐒉𐒊𐒋𐒌𐒍𐒎𐒏𐒐𐒑𐒒𐒓𐒔𐒕𐒖𐒗𐒘𐒙𐒚𐒛𐒜𐒝𐒞𐒟𐒠𐒡𐒢𐒣𐒤𐒥𐒦𐒧𐒨𐒩𐒪𐒫𐒬𐒭𐒮𐒯𐒰𐒱𐒲𐒳𐒴𐒵𐒶𐒷𐒸𐒹𐒺𐒻𐒼𐒽𐒾𐒿𐓀𐓁𐓂𐓃𐓄𐓅𐓆𐓇𐓈𐓉𐓊𐓋𐓌𐓍𐓎𐓏𐓐𐓑𐓒𐓓𐓔𐓕𐓖𐓗𐓘𐓙𐓚𐓛𐓜𐓝𐓞𐓟𐓠𐓡𐓢𐓣𐓤𐓥𐓦𐓧𐓨𐓩𐓪𐓫𐓬𐓭𐓮𐓯𐓰𐓱𐓲𐓳𐓴𐓵𐓶𐓷𐓸𐓹𐓺𐓻𐓼𐓽𐓾𐓿𐔀𐔁𐔂𐔃𐔄𐔅𐔆𐔇𐔈𐔉𐔊𐔋𐔌𐔍𐔎𐔏𐔐𐔑𐔒𐔓𐔔𐔕𐔖𐔗𐔘𐔙𐔚𐔛𐔜𐔝𐔞𐔟𐔠𐔡𐔢𐔣𐔤𐔥𐔦𐔧𐔨𐔩𐔪𐔫𐔬𐔭𐔮𐔯𐔰𐔱𐔲𐔳𐔴𐔵𐔶𐔷𐔸𐔹𐔺𐔻𐔼𐔽𐔾𐔿𐕀𐕁𐕂𐕃𐕄𐕅𐕆𐕇𐕈𐕉𐕊𐕋𐕌𐕍𐕎𐕏𐕐𐕑𐕒𐕓𐕔𐕕𐕖𐕗𐕘𐕙𐕚𐕛𐕜𐕝𐕞𐕟𐕠𐕡𐕢𐕣𐕤𐕥𐕦𐕧𐕨𐕩𐕪𐕫𐕬𐕭𐕮𐕯𐕰𐕱𐕲𐕳𐕴𐕵𐕶𐕷𐕸𐕹𐕺𐕻𐕼𐕽𐕾𐕿𐖀𐖁𐖂𐖃𐖄𐖅𐖆𐖇𐖈𐖉𐖊𐖋𐖌𐖍𐖎𐖏𐖐𐖑𐖒𐖓𐖔𐖕𐖖𐖗𐖘𐖙𐖚𐖛𐖜𐖝𐖞𐖟𐖠𐖡𐖢𐖣𐖤𐖥𐖦𐖧𐖨𐖩𐖪𐖫𐖬𐖭𐖮𐖯𐖰𐖱𐖲𐖳𐖴𐖵𐖶𐖷𐖸𐖹𐖺𐖻𐖼𐖽𐖾𐖿𐗀𐗁𐗂𐗃𐗄𐗅𐗆𐗇𐗈𐗉𐗊𐗋𐗌𐗍𐗎𐗏𐗐𐗑𐗒𐗓𐗔𐗕𐗖𐗗𐗘𐗙𐗚𐗛𐗜𐗝𐗞𐗟𐗠𐗡𐗢𐗣𐗤𐗥𐗦𐗧𐗨𐗩𐗪𐗫𐗬𐗭𐗮𐗯𐗰𐗱𐗲𐗳𐗴𐗵𐗶𐗷𐗸𐗹𐗺𐗻𐗼𐗽𐗾𐗿𐘀𐘁𐘂𐘃𐘄𐘅𐘆𐘇𐘈𐘉𐘊𐘋𐘌𐘍𐘎𐘏𐘐𐘑𐘒𐘓𐘔𐘕𐘖𐘗𐘘𐘙𐘚𐘛𐘜𐘝𐘞𐘟𐘠𐘡𐘢𐘣𐘤𐘥𐘦𐘧𐘨𐘩𐘪𐘫𐘬𐘭𐘮𐘯𐘰𐘱𐘲𐘳𐘴𐘵𐘶𐘷𐘸𐘹𐘺𐘻𐘼𐘽𐘾𐘿𐙀𐙁𐙂𐙃𐙄𐙅𐙆𐙇𐙈𐙉𐙊𐙋𐙌𐙍𐙎𐙏𐙐𐙑𐙒𐙓𐙔𐙕𐙖𐙗𐙘𐙙𐙚𐙛𐙜𐙝𐙞𐙟𐙠𐙡𐙢𐙣𐙤𐙥𐙦𐙧𐙨𐙩𐙪𐙫𐙬𐙭𐙮𐙯𐙰𐙱𐙲𐙳𐙴𐙵𐙶𐙷𐙸𐙹𐙺𐙻𐙼𐙽𐙾𐙿𐚀𐚁𐚂𐚃𐚄𐚅𐚆𐚇𐚈𐚉𐚊𐚋𐚌𐚍𐚎𐚏𐚐𐚑𐚒𐚓𐚔𐚕𐚖𐚗𐚘𐚙𐚚𐚛𐚜𐚝𐚞𐚟𐚠𐚡𐚢𐚣𐚤𐚥𐚦𐚧𐚨𐚩𐚪𐚫𐚬𐚭𐚮𐚯𐚰𐚱𐚲𐚳𐚴𐚵𐚶𐚷𐚸𐚹𐚺𐚻𐚼𐚽𐚾𐚿𐛀𐛁𐛂𐛃𐛄𐛅𐛆𐛇𐛈𐛉𐛊𐛋𐛌𐛍𐛎𐛏𐛐𐛑𐛒𐛓𐛔𐛕𐛖𐛗𐛘𐛙𐛚𐛛𐛜𐛝𐛞𐛟𐛠𐛡𐛢𐛣𐛤𐛥𐛦𐛧𐛨𐛩𐛪𐛫𐛬𐛭𐛮𐛯𐛰𐛱𐛲𐛳𐛴𐛵𐛶𐛷𐛸𐛹𐛺𐛻𐛼𐛽𐛾𐛿𐜀𐜁𐜂𐜃𐜄𐜅𐜆𐜇𐜈𐜉𐜊𐜋𐜌𐜍𐜎𐜏𐜐𐜑𐜒𐜓𐜔𐜕𐜖𐜗𐜘𐜙𐜚𐜛𐜜𐜝𐜞𐜟𐜠𐜡𐜢𐜣𐜤𐜥𐜦𐜧𐜨𐜩𐜪𐜫𐜬𐜭𐜮𐜯𐜰𐜱𐜲𐜳𐜴𐜵𐜶𐜷𐜸𐜹𐜺𐜻𐜼𐜽𐜾𐜿𐝀𐝁𐝂𐝃𐝄𐝅𐝆𐝇𐝈𐝉𐝊𐝋𐝌𐝍𐝎𐝏𐝐𐝑𐝒𐝓𐝔𐝕𐝖𐝗𐝘𐝙𐝚𐝛𐝜𐝝𐝞𐝟𐝠𐝡𐝢𐝣𐝤𐝥𐝦𐝧𐝨𐝩𐝪𐝫𐝬𐝭𐝮𐝯𐝰𐝱𐝲𐝳𐝴𐝵𐝶𐝷𐝸𐝹𐝺𐝻𐝼𐝽𐝾𐝿𐞀𐞁𐞂𐞃𐞄𐞅𐞆𐞇𐞈𐞉𐞊𐞋𐞌𐞍𐞎𐞏𐞐𐞑𐞒𐞓𐞔𐞕𐞖𐞗𐞘𐞙𐞚𐞛𐞜𐞝𐞞𐞟𐞠𐞡𐞢𐞣𐞤𐞥𐞦𐞧𐞨𐞩𐞪𐞫𐞬𐞭𐞮𐞯𐞰𐞱𐞲𐞳𐞴𐞵𐞶𐞷𐞸𐞹𐞺𐞻𐞼𐞽𐞾𐞿𐟀𐟁𐟂𐟃𐟄𐟅𐟆𐟇𐟈𐟉𐟊𐟋𐟌𐟍𐟎𐟏𐟐𐟑𐟒𐟓𐟔𐟕𐟖𐟗𐟘𐟙𐟚𐟛𐟜𐟝𐟞𐟟𐟠𐟡𐟢𐟣𐟤𐟥𐟦𐟧𐟨𐟩𐟪𐟫𐟬𐟭𐟮𐟯𐟰𐟱𐟲𐟳𐟴𐟵𐟶𐟷𐟸𐟹𐟺𐟻𐟼𐟽𐟾𐟿𐠀𐠁𐠂𐠃𐠄𐠅𐠆𐠇𐠈𐠉𐠊𐠋𐠌𐠍𐠎𐠏𐠐𐠑𐠒𐠓𐠔𐠕𐠖𐠗𐠘𐠙𐠚𐠛𐠜𐠝𐠞𐠟𐠠𐠡𐠢𐠣𐠤𐠥𐠦𐠧𐠨𐠩𐠪𐠫𐠬𐠭𐠮𐠯𐠰𐠱𐠲𐠳𐠴𐠵𐠶𐠷𐠸𐠹𐠺𐠻𐠼𐠽𐠾𐠿𐡀𐡁𐡂𐡃𐡄𐡅𐡆𐡇𐡈𐡉𐡊𐡋𐡌𐡍𐡎𐡏𐡐𐡑𐡒𐡓𐡔𐡕𐡖𐡗𐡘𐡙𐡚𐡛𐡜𐡝𐡞𐡟𐡠𐡡𐡢𐡣𐡤𐡥𐡦𐡧𐡨𐡩𐡪𐡫𐡬𐡭𐡮𐡯𐡰𐡱𐡲𐡳𐡴𐡵𐡶𐡷𐡸𐡹𐡺𐡻𐡼𐡽𐡾𐡿𐢀𐢁𐢂𐢃𐢄𐢅𐢆𐢇𐢈𐢉𐢊𐢋𐢌𐢍𐢎𐢏𐢐𐢑𐢒𐢓𐢔𐢕𐢖𐢗𐢘𐢙𐢚𐢛𐢜𐢝𐢞𐢟𐢠𐢡𐢢𐢣𐢤𐢥𐢦𐢧𐢨𐢩𐢪𐢫𐢬𐢭𐢮𐢯𐢰𐢱𐢲𐢳𐢴𐢵𐢶𐢷𐢸𐢹𐢺𐢻𐢼𐢽𐢾𐢿𐣀𐣁𐣂𐣃𐣄𐣅𐣆𐣇𐣈𐣉𐣊𐣋𐣌𐣍𐣎𐣏𐣐𐣑𐣒𐣓𐣔𐣕𐣖𐣗𐣘𐣙𐣚𐣛𐣜𐣝𐣞𐣟𐣠𐣡𐣢𐣣𐣤𐣥𐣦𐣧𐣨𐣩𐣪𐣫𐣬𐣭𐣮𐣯𐣰𐣱𐣲𐣳𐣴𐣵𐣶𐣷𐣸𐣹𐣺𐣻𐣼𐣽𐣾𐣿𐤀𐤁𐤂𐤃𐤄𐤅𐤆𐤇𐤈𐤉𐤊𐤋𐤌𐤍𐤎𐤏𐤐𐤑𐤒𐤓𐤔𐤕𐤖𐤗𐤘𐤙𐤚𐤛𐤜𐤝𐤞𐤟𐤠𐤡𐤢𐤣𐤤𐤥𐤦𐤧𐤨𐤩𐤪𐤫𐤬𐤭𐤮𐤯𐤰𐤱𐤲𐤳𐤴𐤵𐤶𐤷𐤸𐤹𐤺𐤻𐤼𐤽𐤾𐤿𐥀𐥁𐥂𐥃𐥄𐥅𐥆𐥇𐥈𐥉𐥊𐥋𐥌𐥍𐥎𐥏𐥐𐥑𐥒𐥓𐥔𐥕𐥖𐥗𐥘𐥙𐥚𐥛𐥜𐥝𐥞𐥟𐥠𐥡𐥢𐥣𐥤𐥥𐥦𐥧𐥨𐥩𐥪𐥫𐥬𐥭𐥮𐥯𐥰𐥱𐥲𐥳𐥴𐥵𐥶𐥷𐥸𐥹𐥺𐥻𐥼𐥽𐥾𐥿𐦀𐦁𐦂𐦃𐦄𐦅𐦆𐦇𐦈𐦉𐦊𐦋𐦌𐦍𐦎𐦏𐦐𐦑𐦒𐦓𐦔𐦕𐦖𐦗𐦘𐦙𐦚𐦛𐦜𐦝𐦞𐦟𐦠𐦡𐦢𐦣𐦤𐦥𐦦𐦧𐦨𐦩𐦪𐦫𐦬𐦭𐦮𐦯𐦰𐦱𐦲𐦳𐦴𐦵𐦶𐦷𐦸𐦹𐦺𐦻𐦼𐦽𐦾𐦿𐧀𐧁𐧂𐧃𐧄𐧅𐧆𐧇𐧈𐧉𐧊𐧋𐧌𐧍𐧎𐧏𐧐𐧑𐧒𐧓𐧔𐧕𐧖𐧗𐧘𐧙𐧚𐧛𐧜𐧝𐧞𐧟𐧠𐧡𐧢𐧣𐧤𐧥𐧦𐧧𐧨𐧩𐧪𐧫𐧬𐧭𐧮𐧯𐧰𐧱𐧲𐧳𐧴𐧵𐧶𐧷𐧸𐧹𐧺𐧻𐧼𐧽𐧾𐧿𐨀𐨁𐨂𐨃𐨄𐨅𐨆𐨇𐨈𐨉𐨊𐨋𐨌𐨍𐨎𐨏𐨐𐨑𐨒𐨓𐨔𐨕𐨖𐨗𐨘𐨙𐨚𐨛𐨜𐨝𐨞𐨟𐨠𐨡𐨢𐨣𐨤𐨥𐨦𐨧𐨨𐨩𐨪𐨫𐨬𐨭𐨮𐨯𐨰𐨱𐨲𐨳𐨴𐨵𐨶𐨷𐨹𐨺𐨸𐨻𐨼𐨽𐨾𐨿𐩀𐩁𐩂𐩃𐩄𐩅𐩆𐩇𐩈𐩉𐩊𐩋𐩌𐩍𐩎𐩏𐩐𐩑𐩒𐩓𐩔𐩕𐩖𐩗𐩘𐩙𐩚𐩛𐩜𐩝𐩞𐩟𐩠𐩡𐩢𐩣𐩤𐩥𐩦𐩧𐩨𐩩𐩪𐩫𐩬𐩭𐩮𐩯𐩰𐩱𐩲𐩳𐩴𐩵𐩶𐩷𐩸𐩹𐩺𐩻𐩼𐩽𐩾𐩿𐪀𐪁𐪂𐪃𐪄𐪅𐪆𐪇𐪈𐪉𐪊𐪋𐪌𐪍𐪎𐪏𐪐𐪑𐪒𐪓𐪔𐪕𐪖𐪗𐪘𐪙𐪚𐪛𐪜𐪝𐪞𐪟𐪠𐪡𐪢𐪣𐪤𐪥𐪦𐪧𐪨𐪩𐪪𐪫𐪬𐪭𐪮𐪯𐪰𐪱𐪲𐪳𐪴𐪵𐪶𐪷𐪸𐪹𐪺𐪻𐪼𐪽𐪾𐪿𐫀𐫁𐫂𐫃𐫄𐫅𐫆𐫇𐫈𐫉𐫊𐫋𐫌𐫍𐫎𐫏𐫐𐫑𐫒𐫓𐫔𐫕𐫖𐫗𐫘𐫙𐫚𐫛𐫜𐫝𐫞𐫟𐫠𐫡𐫢𐫣𐫤𐫦𐫥𐫧𐫨𐫩𐫪𐫫𐫬𐫭𐫮𐫯𐫰𐫱𐫲𐫳𐫴𐫵𐫶𐫷𐫸𐫹𐫺𐫻𐫼𐫽𐫾𐫿𐬀𐬁𐬂𐬃𐬄𐬅𐬆𐬇𐬈𐬉𐬊𐬋𐬌𐬍𐬎𐬏𐬐𐬑𐬒𐬓𐬔𐬕𐬖𐬗𐬘𐬙𐬚𐬛𐬜𐬝𐬞𐬟𐬠𐬡𐬢𐬣𐬤𐬥𐬦𐬧𐬨𐬩𐬪𐬫𐬬𐬭𐬮𐬯𐬰𐬱𐬲𐬳𐬴𐬵𐬶𐬷𐬸𐬹𐬺𐬻𐬼𐬽𐬾𐬿𐭀𐭁𐭂𐭃𐭄𐭅𐭆𐭇𐭈𐭉𐭊𐭋𐭌𐭍𐭎𐭏𐭐𐭑𐭒𐭓𐭔𐭕𐭖𐭗𐭘𐭙𐭚𐭛𐭜𐭝𐭞𐭟𐭠𐭡𐭢𐭣𐭤𐭥𐭦𐭧𐭨𐭩𐭪𐭫𐭬𐭭𐭮𐭯𐭰𐭱𐭲𐭳𐭴𐭵𐭶𐭷𐭸𐭹𐭺𐭻𐭼𐭽𐭾𐭿𐮀𐮁𐮂𐮃𐮄𐮅𐮆𐮇𐮈𐮉𐮊𐮋𐮌𐮍𐮎𐮏𐮐𐮑𐮒𐮓𐮔𐮕𐮖𐮗𐮘𐮙𐮚𐮛𐮜𐮝𐮞𐮟𐮠𐮡𐮢𐮣𐮤𐮥𐮦𐮧𐮨𐮩𐮪𐮫𐮬𐮭𐮮𐮯𐮰𐮱𐮲𐮳𐮴𐮵𐮶𐮷𐮸𐮹𐮺𐮻𐮼𐮽𐮾𐮿𐯀𐯁𐯂𐯃𐯄𐯅𐯆𐯇𐯈𐯉𐯊𐯋𐯌𐯍𐯎𐯏𐯐𐯑𐯒𐯓𐯔

Рис. 83. Фестский диск (одна сторона).

тями. Считается, что язык библских надписей — семитский, точнее — финикийский.

Датировка новых надписей все еще является спорной. В то время как Дюннан отнес их к последней четверти третьего тысячелетия или к первой четверти второго тысячелетия до н. э., Дорм сдвинул возможную дату до XIV в. до н. э. Для датировки важно иметь в виду, что на другой стороне статулы с надписью 'Азарба'ла (см. с. 130) начертаны знаки, для которых, с точки зрения самого Дюннана⁷¹, есть отличные параллели среди знаков десяти библских надписей, рассмотренных выше. Таким образом, время новооткрытого библского ("протобиблского") письма может оказаться значительно более поздним, чем считалось до сих пор.

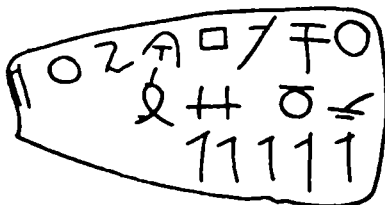

Рис. 84. Надпись из Библа.

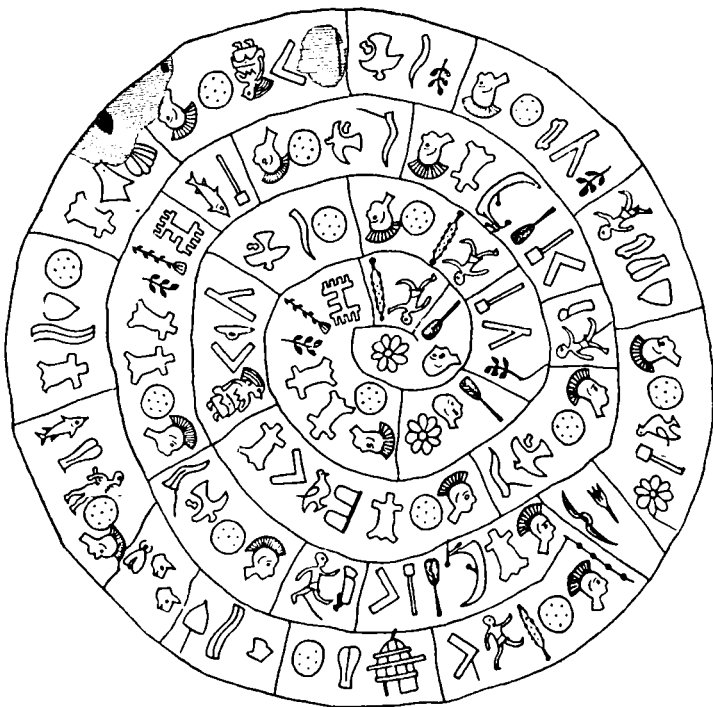

Рис. 83. Фестский диск (другая сторона).

ЯПОНСКИЙ СИЛЛАБАРИЙ

Китайская система письма появилась в Японии в V в. н. э. после нескольких веков культурных и торговых контактов между Китаем и Японией. Японцы просто позаимствовали китайские словесные знаки, причем они стали читать эти знаки не в соответствии с их китайскими чтениями, а по-японски. Так, например, китайский словесный знак *нань* 'юг' читался по-японски *минами* с тем же значением 'юг'. Китайское письмо вполне подходило для моносиллабического изолирующего языка, каким является китайский, где грамматические формы обычно выражаются через синтаксические позиции, а не с помощью специальных грамматических формантов. Однако такое письмо совершенно не подходило для японского — языка полисиллабического и агглютинирующего, выражающего грамматические формы посредством специальных формантов. Поэтому для выражения грамматических формантов японского языка вскоре было введено употребление китайских словесных знаков

в качестве слоговых. Первоначально выбор слоговых знаков был бессистемным; стабильный силлабарий с ограниченным числом знаков появился не раньше IX в.

Начиная с IX в. стали развиваться две формальные разновидности японского силлабария (так называемые *канá* — возможно, из *канна* < *кари на* ‘заимствованные имена’):

(1) *катакана* ‘боковая *канá*’, известная также под названием *яматогана* ‘японская *канá*’ (*Ямато*=‘Япония’, *гана*=*кана*), образовалась путем использования части знаков нормального китайского письма (*кай-шу*) и применяется преимущественно в научной литературе и официальных документах (рис. 85);

кай-шу	ката- кана		кай-шу	ката- кана		кай-шу	ката- кана	
阿	ア	a	千	チ	tsi (chi)	牟	ム	mu
伊	イ	i	門津	ツ	tu (lou)	女	メ	me
宇	ウ	u	天	テ	te	毛	モ	mo
江	エ	e	土	ト	to	也	ヤ	ya
於	オ	o	奈	ナ	na	勇油	ユ	yu
加	カ	ka	仁二	ニ	ni	與	ヨ	yo
幾	キ	ki	奴	ヌ	nu	良	ラ	ra
久	ク	ku	子	子	ne	利	リ	ri
个計	ケ	ke	乃	ノ	no	流	ル	ru
己	コ	ko	八	ハ	ja (ha)	礼	レ	re
草散左	サ	sa	比	ヒ	ji (hi)	呂	ロ	ro
之	シ	si (shi)	不	フ	fu	曰	ワ	wa
須	ス	su	皿邊	ヘ	je (he)	慧	エ	we
世	セ	se	保	ホ	jo (ho)	伊	井	wi
曾	ソ	so	末	マ	ma	乎	チ	wo
多	タ	ta	三美	ミ	mi	一	一	—

Рис. 85. Японское письмо катакана в сравнении с китайским письмом кай-шу.

(2) *хирагана* ‘простая *канá*’ образовалась из курсивного китайского письма (*цао-шу*) и широко применялась в газетах, изящной словесности, а также в повседневной жизни (рис. 86).

Японский силлабарий состоит из 47 основных знаков. *Катакана* — система простая, и выучить ее легко, так как знаки ее

единообразны. Иначе обстоит дело с системой *хирагана*, формы которой имеют более 300 вариантов, причем соединение знаков в виде различных лигатур значительно осложняет картину ⁷².

Чтения японских слоговых знаков обычно заимствуются из китайских, часто в их японском произношении: китайское *ну* 'раб' употребляется для слога *ну*; китайское *мао* 'волосы', произносимое по-японски *мо*, — для слога *мо*; китайское *тянь* 'небо', произносимое по-японски *те(н)*, — для слога *те*. Иногда китайскому знаку придается его переводное японское чтение; так, например, вместо китайского чтения *сань* 'три' берется его японское соответствие *ми* 'три', которое используется как слоговое *ми*, или вместо

Катакана

ア	カ	サ	タ	ナ	ハ	マ	ヤ	ラ	ワ	ガ	ザ	ダ	バ	パ
a	ka	sa	ta	na	ba	ma	ya	ra	wa	ga	za	da	ba	pa
イ	キ	シ	チ	ニ	ヒ	ミ		リ	ヰ	ギ	ジ	ヂ	ビ	ピ
i	ki	si	ti (tsi)	ni	hi	mi		ri	wi (i)	gi	zi	di	bi	pi
ウ	ク	ス	ツ	ヌ	フ	ム	ユ	ル		グ	ズ	ヅ	ブ	プ
u	ku	su	tu (tsu)	nu	fu	mu	yu	ru		gu	zu	du	bu	pu
エ	ケ	セ	テ	ネ	ヘ	メ	エ	ヱ	ヰ	ゲ	ゼ	デ	ベ	ペ
e	ke	se	te	ne	he	me	ye	re	we (e)	ge	ze	de	be	pe
オ	コ	ソ	ト	ノ	ホ	モ	ヨ	ロ	ヲ	ゴ	ゾ	ド	ボ	ポ
o	ko	so	to	no	ho	mo	yo	ro	wo	go	zo	do	bo	po
ン	(n)													

Хирагана

わ	か	さ	た	な	は	ま	や	ら	わ	が	ざ	だ	ば	ぱ
a	ka	sa	ta	na	ba	ma	ya	ra	wa	ga	za	da	ba	pa
い	き	し	ち	に	ひ	み		り	ゐ	ぎ	じ	ぢ	び	ぴ
i	ki	si	ti, (tsi)	ni	hi	mi		ri	wi	gi	zi	di	bi	pi
う	く	す	つ	ぬ	ふ	む	ゆ	る		ぐ	ず	づ	ぶ	ぷ
u	ku	su	tu, (tsu)	nu	fu	mu	yu	ru		gu	zu	du	bu	pu
え	け	せ	て	ね	へ	め	え	ゑ	ゐ	げ	ぜ	で	べ	ぺ
e	ke	se	te	ne	he	me	ye	re	we (e)	ge	ze	de	be	pe
お	こ	そ	と	の	ほ	も	よ	ろ	を	ご	ぞ	ど	ぼ	ぽ
o	ko	so	to	no	ho	mo	yo	ro	wo	go	zo	do	bo	po
ん	(n)													

Рис. 86. Японские письменности катакана и хирагана.

китайского *нюй* 'женщина' — японское *ме* 'женщина', из которого получается слоговое чтение *ме*.

В дополнение к сорока семи основным знакам *кан* было введено несколько значков для передачи фонетических различий. Так, значок *нигори* употребляется для обозначения звонких согласных

в отличие от глухих; значок *мару*, присоединяемый к слогам, содержащим *ф*, меняет его чтение на *п*; значок *цу* обозначает удвоение согласного; специальный знак для *н*, *нг* [ŋ] и *м* употребляется при слогах, оканчивающихся на эти согласные; и, наконец, имеются еще два значка, один из которых указывает на удвоение одного слога, а другой — на удвоение двух и более слогов.

Даже располагая двумя полностью развитыми слоговыми системами, японцы не могли решиться на отказ от старой китайской логографии. Слоговое письмо обычно употребляется в детских книжках, для всех же прочих целей японцы применяют тип письма, называемый *канамадзир* и состоящий из смеси словесных знаков, называемых *кандзи*, и слоговых знаков, называемых *кана*. В то время как *кандзи* употребляется главным образом для выражения имен, прилагательных и глаголов, *кана* применяется преимущественно для передачи имен собственных, иностранных слов, а также грамматических формантов, частиц и других чисто фонетических элементов. Различаются два класса сочетаний основных знаков *кандзи* со знаками *кана* как вспомогательными слоговыми средствами при чтении трудных словесных знаков: *окуригана* ('сопроводительная *кана*'), когда знаки *кана*, указывающие на грамматические форманты, помещаются под знаками *кандзи*, и *фуригана* ('разбросанная *кана*'), когда знаки *кана*, указывающие на произношение, помещаются справа (очень редко слева) от знаков *кандзи*.

Усилия некоторых японцев, направленные на упрощение своего письма путем полного устранения китайских словесных знаков, остаются пока бесплодными ⁷³.

ВЫВОДЫ

Из всего разнообразия систем письма легче всего поддаются оценке слоговые письменности, так что наши замечания могут быть сведены к следующему краткому выводу: *все слоговые письменности либо тождественны соответствующим силлабариям словесно-слоговых письменностей, от которых они образованы, либо представляют собой их упрощение*. Соображения, приводимые ниже, имеют целью более отчетливо показать существующие совпадения и расхождения.

В таблице (на рис. 87) приведены все четыре рассмотренных нами типа слогового письма, а именно: клинописный, семитский, кипрский и японский силлабарии. Различные клинописные силлабарии эламитов, хурритов, урартов и др. — все являются производными от месопотамской клинописи, как в отношении формы, так и в отношении структуры. Единственное отличие заключается в отсутствии двусложных знаков в производных системах — обстоятельство, которое не удивит того, кто помнит, что двусложные знаки являются редкостью и в месопотамской системе. Различные семитские силлабарии, сколь разнообразны они бы ни были с точки зрения

СИЛЛАБАРИИ					
	Производные клинописные	Западносемитские	Кипрский	Японский	
Знаки для одного открытого слога	a ta	ʔ ^a t ^a	a ta	a	ta
	i ti	ʔ ⁱ t ⁱ	i ti	i	ti
	e te	ʔ ^e t ^e	e te	e	te
	u tu	ʔ ^u t ^u	u tu	u	tu
	—	ʔ ^o t ^o	o to	o	to
Знаки для одного закрытого слога	at tam (или ta-am)	— (ʔ ^a -t ^a) (t ^a -m ^(a))	— (a-t(a)) (ta-m(a))	— (a-t(o/u)) (ta-m(o/u))	—
	it tim (или ti-im)	— (ʔ ⁱ -t ⁱ) (t ⁱ -m ⁽ⁱ⁾)	— (i-t(i)) (ti-m(i))	— (i-t(o/u)) (ti-m(o/u))	—
	en men (или me-en)	— (ʔ ^e -t ^e) (t ^e -m ^(e))	— (e-t(e)) (te-m(e))	— (e-t(o/u)) (te-m(o/u))	—
	ut tum (или tu-um)	— (ʔ ^u -t ^u) (t ^u -m ^(u))	— (u-t(u)) (tu-m(u))	— (u-t(o/u)) (tu-m(o/u))	—
	—	— (ʔ ^o -t ^o) (t ^o -m ^(o))	— (o-t(o)) (to-m(o))	— (o-t(o/u)) (to-m(o/u))	—

Рис. 87. Типы слоговых знаков в слоговых письменностях.

формы, в структурном отношении все являются производными от египетского силлабария; но в то время, как в египетском силлабаре используются как однослоговые, так и двухслоговые знаки, оканчивающиеся на произвольный гласный, семитский силлабрий ограничивается однослоговыми знаками. Кипрский силлабрий, формально связанный с критским письмом, состоит из одних только однослоговых знаков, различающихся в зависимости от конечного гласного, представляя, таким образом, структурный тип, хорошо известный из хеттской иероглифики, а также предполагаемый в других письменностях эгейской группы. Японский силлабрий по форме является производным от китайского письма. По структуре же он, однако, дальше отошел от своего китайского прототипа, чем ближневосточные силлабарии от соответствующих им словесно-слоговых образцов. Создание силлабария, состоящего исключительно из однослоговых знаков, оканчивающихся на гласный, возможно, было подсказано самим характером японского языка, который обычно требует открытых слогов, как, например, в словах *микадо*, *Хирохито*, *Нагасаки* и т. п. Поэтому нет никакой нужды предполагать влияние санскритского письма на японское, что делалось некоторыми учеными ⁷⁴.

При написании закрытых слогов в производных силлабарах обычно следуют методам, применяемым в силлабарах их словесно-слоговых прототипов. Например, последовательность фонем *tapta* может писаться как *tap-ta* или как *ta-ap-ta* в клинописном силлабрии, как *t^a-p^(a)-t^a* в семитском и как *ta-p(a)-ta* в кипрском. В японском силлабрии такая комбинация писалась бы *ta-p(o)-ta* или *ta-p(u)-ta*, потому что в этой системе конечный согласный закрытого слога (обычно в иностранных словах и именах) нормальным образом выражается слогом, оканчивающимся на *o* или *u*. Следует, однако, помнить, что японские закрытые слоги, оканчивающиеся на *p*, *ng* или *m*, выражаются специальным значком (см. с. 158 и сл.). Написание слога, оканчивающегося на два смежных согласных, аналогично написанию слога, оканчивающегося на один согласный. Например, сочетание *tap^t* может писаться в клинописном силлабрии как *tap-t(a)*, *ta-ap-t(a)*, *ta-pa-at* или *ta-ap-at*, в семитском — как *t^a-p^(a)-t^(a)*, в кипрском — как *ta-p(a)-t(a)* и в японском — как *ta-p(o)-t(o)* или *ta-p(u)-t(u)*.

Ниже приводится сравнительная таблица количества знаков, употребляемых в силлабарах всех четырех типов:

в производных клинописных силлабарах:	100—130 знаков
в семитских силлабарах:	22— 30 знаков
в кипрском силлабрии:	56 знаков
в японском силлабрии:	47 знаков ⁷⁵ .

Много нового можно узнать о структуре слоговых систем, если заняться изучением письменностей, которые были введены в туземных обществах под стимулирующим влиянием европейских письмен-

ностей (см. ниже, гл. VII). Но этот вопрос требует специального исследования, выходящего далеко за пределы настоящей работы.

Из четырех рассмотренных здесь систем только две используют исключительно одни лишь слоговые знаки, а именно семитская и кипрская. Производные клинописные системы заимствуют вместе со слоговыми знаками также и некоторое количество словесных знаков, и японская слоговая система (*кана*) сосуществует со значительной группой китайских словесных знаков (*кандзи*).

Аналогии, существующие соответственно между месопотамским, египетским и хеттским письмом, с одной стороны, и производными от них силлабариями, клинописными, семитскими и кипрским, с другой, столь поразительны, что остается только гадать о причинах, препятствовавших развитию словесно-слоговых систем в собственно слоговые системы письма прямо на месте. При сравнении будь то эламского, хурритского или урартского текста с текстом, выполненным месопотамским письмом в староаккадский или каппадокийский период, легко увидеть, как близки были некоторые фазы словесно-слогового письма к превращению в собственно слоговые системы. То же касается и любого западносемитского текста по сравнению с поздними египетскими текстами, рассмотренными здесь выше, или любого кипрского текста по сравнению с хеттской надписью, транслитерированной и переведенной нами выше (подробнее см. с. 115 и сл.). И все-таки, сколь бы ни были близки некоторые фазы словесно-слоговых письменностей к превращению в собственно силлабарии, это превращение так никогда полностью и не осуществилось. И причина этому не только в консервативной привязанности того или иного народа к своему письму. Дело, скорее, в другом: интересы защиты преимуществ, которыми была наделена та или иная особая каста, религиозная (Египет, Вавилония) или политическая (Китай), побуждали сохранять сложную и устаревшую форму письма, делая невозможным его всеобщее употребление народом. Именно поэтому часто оказывалось, что введение новых и важных изменений, существенных для исторического развития письма, осуществлялось чужестранцами, которые не были скованы местными традициями, а также местными религиозными или политическими интересами.

V

АЛФАВИТ

Если алфавит определять как систему знаков, передающих отдельные звуки речи, то первой системой, которую можно так назвать с полным правом, является греческий алфавит. Однако новый тип письма не возник на греческой почве внезапно, подобно вдруг распустившемуся неведомому экзотическому цветку. На предыдущих страницах мы не раз имели случай ссылаться на то важное обстоятельство, что для каждой новой черты, которая возникла в новом типе письма в процессе эволюции, можно найти параллели в более старых типах письма. Это относится и к греческому алфавиту: его корни и предпосылки следует искать на Древнем Востоке.

ДРЕВНЕВОСТОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АЛФАВИТА

Древнееврейское письмо, подобно всем другим западносемитским системам, знает только слоговые знаки, начинающиеся с согласного и оканчивающиеся на произвольный гласный. Для того чтобы точно передать долготу гласного, после слога с таким гласным часто прибавляли знак для слога, начинающегося с так называемого "слабого" согласного, используя тем самым прием, известный под названием *scriptio plena*, или "полногласное написание". Так, имя Давид по-древнееврейски писали не способом *scriptio defectiva* ('недостаточное написание') $D^aw'd^{(i)}$, а способом *scriptio plena* — в виде $D^aw'y'd^{(i)}$; здесь знак y^i не обозначает самостоятельного слога, его единственное назначение — показать, что предыдущий слог w^i следует читать как wi , а не как wa , we , wu или wo . Аналогичным образом полногласное написание слова $'aš^uw^ur^{(u)}$ (' $Aššūr$) 'Ассирия' с добавлением знака w^u в противоположность недостаточному написанию $'aš^ur^{(u)}$ гарантировало правильное чтение по крайней мере слога $šu$. Эти добавочные знаки, помогающие читать гласный предшествующего слога, называются *matres lectionis* — несомненно, термин-калька из древнееврейского $'immōth haqq'rī'ah$ 'матери чтения'. По мнению средневекового еврейского ученого Давида Кимхи, в древнееврейском языке представлено десять гласных — пять долгих (матери) и пять кратких (дочери), — без помощи которых нельзя прочесть ни одной буквы¹.

Каков возраст библейского полногласного написания, точно установить нельзя, поскольку датировка текста масоретов связана с рядом трудностей. Но что этот прием не был выдуман древними евреями, видно из его широкого употребления во многих системах письма, существовавших задолго до появления самых древних библейских источников.

Согласно общепринятой интерпретации, библейские *matres lectionis* восходят к первоначальным дифтонгам, которые в дальнейшем подверглись стяжению и превратились в долгие гласные². Так, библейское написание слова $u^xw^xm^x$ 'день' с w^x предположительно объясняется тем, что некогда это слово действительно произносилось наподобие $uawm$, и лишь после того, как оно редуцировалось в $u\ddot{m}$, у древних возникла мысль использовать такого рода полные написания для обозначения гласных. Против этой интерпретации говорит тот факт, что стяжение aw в \ddot{o} и au в \ddot{e} произошло в середине второго тысячелетия до н. э., задолго до введения в Палестине системы собственно письма. К тому же полногласное написание особенно часто встречается в окончаниях множественного числа $-im$, $-ot$ и в суффиксальном местоимении 1-го лица $-i$, которые не связаны со стяжением дифтонгов. Кроме того, как мы увидим ниже, прием *scriptio plena* засвидетельствован во многих письменностях, семитских и несемитских, в которых его никак нельзя объяснить как результат стяжения дифтонгов.

Если исключить сомнительные случаи полногласного написания в угаритских текстах из Рас Шамры (см. с. 129 и сл.) и в древнейших финикийских надписях из Библа (см. с. 130 и сл.), то первые достоверные случаи полногласного написания засвидетельствованы в IX в. до н. э. — в надписи Меша³ и в самых ранних текстах из Зинджирли (с. 133 и сл.)³. Первоначально полногласное написание встречается главным образом в конечной позиции, в таких, например, написаниях, как $^ab^i u^i$ для $^ab^i$ 'мой отец' или $w^a\acute{s}^am^uw^u$ для $wa\acute{s}^am\ddot{u}$ 'и они поместили'. Позднее оно часто появляется как в конце, так и в середине слова. Достаточно, например, сравнить написания $z^a\acute{a}t^{(a)}$ и $z^at^{(a)}$ для $z\ddot{a}t$ 'эта', или $z^e h^e$ и z^e для $z\ddot{e}$ 'этот', или $w^x u^x l^x k^u w^u$ 'они пошли' и $y^x z^x b^x h^u$ 'они пожертвуют', а также $b^an^t i^y$ и $b^an^y i^t$ для $ban\ddot{i}t\ddot{i}$ 'я построил', с одной стороны, и $b^an^t i^t$, с другой⁴. Кроме знаков 'алеф, *he*, *vav* и *yod*, в качестве *matres lectionis* в поздних письменностях семитов использовались также знаки *xet* и 'айин'⁵. С веками этот прием становился все более употребительным, пока не достиг довольно высокой степени систематизации в новопунической, мандейской и других поздних семитских системах письма. В какой мере этот чисто семитский способ обозначения гласных является результатом естественного развития и в какой мере он связан с влиянием классических письменностей (латинской или греческой), установить довольно трудно.

Принцип передачи гласных посредством *matres lectionis*, засвидетельствованный в семитских письменностях, соответствует тому, что в египетском письме известно под названием "слоговой орфо-

графии". Полностью соглашаясь с У. Ф. Олбрайтом⁶ и его предшественниками по вопросу о смысле и назначении египетской "слоговой орфографии", я все же не могу принять этот термин. Так как в моем понимании обычное египетское фонетическое, несемантическое письмо является слоговым, то так называемая "слоговая орфография" с ее полногласным написанием оказывается ступенью в процессе развития письма от силлабария к алфавиту. Однако называть эту египетскую систему алфавитом нельзя, так как обозначение гласных здесь все еще проводится весьма непоследовательно в сравнении с собственно алфавитами типа греческого. По этой причине я предпочитаю употреблять термин "полногласное написание", принятый для семитских письменностей, или даже термин "групповое написание", который вслед за Аланом Х. Гардинером отстаивает Уильям Ф. Эджертон⁷.

По данным Олбрайта, египетское полногласное или групповое написание впервые появилось около 2000 г. до н. э., во время Среднего царства, в так называемых «текстах проклятий», призывавших на голову правителей чужих стран гнев богов и разные кары. В последующие столетия употребление полногласных написаний быстро развивалось, пока не достигло своей вершины в Новом царстве, в эпоху XVIII и XIX династий, правивших в XVI—XIII вв. до н. э. Начиная с этого периода египетское полногласное написание постепенно деградировало, пока к X в. до н. э. его употребление не стало совершенно беспорядочным⁸. Из данных, приводимых Эджертеном, нам известно несколько примеров полногласных написаний, восходящих еще к Текстам пирамид времени первых египетских династий⁹. Это означает, что упомянутый прием не был "изобретен" вдруг где-то около 2000 г. до н. э., а появился в результате медленного и постепенного развития, совершенно аналогичного тому, которое впоследствии имело место в семитских письменностях. Достаточно хотя бы вспомнить, что в ранних семитских письменностях полногласное написание встречается редко, гораздо реже, чем в более развитой системе новопунического письма. В отношении египетского полногласного написания можно предположить, что в условиях часто возникавших в период между XII и XIX династиями интенсивных международных контактов как раз необходимость транслитерировать имена иноземных правителей и названия чужих стран и явилась тем главным стимулом, который способствовал систематизации приема, ранее употреблявшегося весьма нерегулярно.

Вот несколько характерных примеров полногласного написания в египетском: T^x-w^x-n^x-j^x-p^{x^{ox}ox} или T^x-w^x-n^x-p^x — название сирийского города Тунип; P^x-w^x-t^x-w^x-h^x-j^x-p^{x^{ox}} — имя хеттской царицы Путу-Хипы (Putu-Ḫipa); D^{x^{ox}}-p^x-w^x-n^{x^{ox}} — ханаанейское географическое название Šarūpa, Šarōn; Q^{x^{ox}}-r^(x)-q^{x^{ox}}-m^{x^{ox}}-š^{x^{ox}} или Q^{x^{ox}}-r^x-j^x-q^{x^{ox}}-m^{x^{ox}}-j^x-š^{x^{ox}} — сирийский город Каркемиш, в древности — Karḳamiša(š) или Karḳamiš; N^{x^{ox}}-h^x-r^x-j^x-n^{x^{ox}}, N^x-h^x-r^x-j^x-n^x, N^x-h^x-j^x-j^x-n^{x^{ox}} или N^x-h^{x^{ox}}-r^x-j^x-n^{x^{ox}} — Naharīna или Nahrīna

‘Месопотамия’; $Q^x \cdot \partial^x \cdot \underline{d}^x \cdot \partial^x \cdot w^x \cdot \partial^x \cdot d^x \cdot \partial^x \cdot n^x \cdot \partial^x$, $Q^x \cdot \partial^x \cdot \underline{d}^x \cdot w^x \cdot \partial^x \cdot d^x \cdot \partial^x \cdot n^x \cdot \partial^x$, $Q^x \cdot \hat{i}^x \cdot \underline{d}^x \cdot \partial^x \cdot w^x \cdot \partial^x \cdot d^x \cdot \partial^x \cdot n^x \cdot \partial^x$ — азиатская область Кизватна (Kiz(zu)wat(a)na).

В приведенных выше примерах мы видим слоговые знаки с начальными w^x и i^x , употребляемые в качестве *matres lectionis*. То, что w^x и i^x используются в этих примерах для обозначения гласных, соответственно u и i , совершенно очевидно. Что же касается знака, содержащего $'$ для передачи гласного a , то, кроме понятных случаев, таких, как, например, написание слова Nah(a)gipa, встречаются и другие, в которых этот знак фигурирует в групповых написаниях, по всей видимости, требующих только согласного. С какой целью писали конечный $'^x$ в названиях “Тунип” и “Каркемиш”? Даже тот аргумент, что этот знак передает гласный a в таких древнесемитских наименованиях, как *Катна*, *Кассана*, *Хацура* и многие другие, все-таки не объясняет, почему в названии «Каркемиш» после g^x пишется i^x . Вопрос о правильной интерпретации этих вставных гласных, срединных и конечных, в египетских групповых написаниях еще предстоит решить будущим исследователям, интересующимся этой проблемой ¹⁰.

Не обязательно быть египтологом, чтобы заметить функциональный характер египетских *matres lectionis*. Для историка письма достаточно параллелей между семитскими и другими системами, чтобы твердо убедиться в этом. Конечно, система в том виде, как ее реконструировал Олбрайт, вероятно, не во всех деталях верна, и есть много случаев непоследовательных написаний, которые противоречат его интерпретации тех или иных чтений. Я, например, отчетливо ощущаю, что предложенная Олбрайтом интерпретация некоторых групп знаков как простых согласных, таких, скажем, как k , или g , или же как слогов, начинающихся с гласного и оканчивающихся на согласный, таких, как ap , in , un , ag , ig , ug , подлежит пересмотру. Если признать, что исходное египетское фонетическое, несемантическое письмо состоит из одних только слоговых знаков, начинающихся с согласного (см. с. 83 и сл.), то и развившиеся из него групповые написания следует представлять себе как слоговые знаки идентичной структуры. Отпадает и надобность в транслитерациях типа g или ag , поскольку слог, оканчивающийся на немой гласный, по аналогии с такими слоговыми письменностями, как хеттская иероглифическая, можно транслитерировать как g^x , g^a и т. п. ¹¹

В статье, цитировавшей выше, на с. 164, профессор Эджертон заявляет: «Бесспорно, что теория Олбрайта о “силлабическом” характере египетских групповых написаний ничем не подтверждается. Все данные ясно и неопровержимо свидетельствуют против нее». Затем, приведя примеры, которые, пусть даже “с очень большой натяжкой”, можно было бы интерпретировать как случаи слоговых написаний, он заключает: «Я твердо убежден, что в эпоху XIX династии и до нее ни один египетский писец никогда осознанно не искал путей передачи гласных ни иероглифическим, ни иератичес-

ким письмом, ни каким бы то ни было иным способом¹².» Короче, Эджертон полагает, что различные знаки, добавляемые писцами при групповом написании, вообще не выполняют никакой специальной функции, а обязаны своим появлением исключительно пристрастиям тех или иных писцовых школ. При всем моем глубоком уважении к мнению столь авторитетного ученого, каковым является мой добрый друг и коллега, я не могу не поспорить с этим высказыванием. Конечно же, египетскому письму часто бывает свойственна непоследовательность, связанная с личными пристрастиями писцов, так же как она свойственна и другим письменностям, да, собственно говоря, и вообще всем сферам человеческого поведения и культуры. Но непоследовательность такого рода не должна служить основанием для огульного отрицания важных принципов или систем, управляющих основной массой случаев. Для всякого, кто, подобно мне, воспитан в убеждении, что все в жизни подчинено правилам и принципам, сколь непоследовательным бы ни было их осуществление на практике, заключение о "крайне несистематическом характере египетского письма" звучит почти как ересь. С этим заключением можно спорить не только исходя из общего принципа; еще более его ошибочность по отношению к египетскому письму отчетливо выступает как раз при сравнении последнего со многими другими системами. Что можно сказать по поводу таких примеров из новопунического, как написания $n^x d^x r^x$, $n^{x^x} d^x r^x$ и $n^x d^{x^x} r^x$ 'клятва', $\check{s}^x m^{x^x}$, $\check{s}^x m^{x^x}$, $\check{s}^x m^x m^x$ и $\check{s}^{x^x} m^{x^x}$ 'он услышал'¹³ или $b^{x^x} |^x$ и $b^{x^x} |^{x^x}$ 'хозяин, господин'? Ведь нельзя же отрицать, что в новопуническом письме существует общий принцип передачи гласных посредством особых знаков! Тот факт, что в новопунических текстах в одних случаях гласные обозначены, а в других — нет или что знаки для гласных порой фигурируют там, где в норме их быть не должно, свидетельствует лишь о том, что этот принцип проводился непоследовательно, даже с ошибками, но вовсе не ставит под сомнение его действие. А если этот принцип имеет силу для новопунического, то с точки зрения теории письма он должен быть справедливым и для параллельной системы обозначения гласных, представленной египетскими групповыми написаниями.

Система обозначения гласных обнаружена не только в тех письменностях, где гласные обычно не выражаются, как, например, в семитских и египетской, но и в чисто слоговых письменностях, таких, как клинопись и хеттская иероглифика, в которых нередки случаи неадекватной передачи гласных.

Обычным способом обозначения долготы гласных в месопотамской клинописи более поздней ассирийской поры было добавление знака для гласного к предшествующему слогу, оканчивающемуся на гласный. Так, слоги $d\dot{a}$ ($d\ddot{a}$) или $d\dot{i}$ ($d\ddot{i}$) пишутся da - a или di - i , в отличие от написаний da или di , обычно употребляемых для слогов с кратким гласным, соответственно da и di . Однако в таких написаниях, как $^m A\check{s}$ - $\check{s}u$ - ra - iu - \dot{u} ¹⁴ 'ассириец, ассирийский', сочетанием iu - \dot{u} передается не $u\dot{u}$ (или $u\ddot{u}$), а просто u . Аналогичным образом

написание liš-'a-a-lu 'пусть спросят', часто встречающееся в позднеассирийских письмах¹⁵, соответствует не форме liš'alū, а форме liš'alū. Еще более показательны написания wa-ša-ah, at-ta-an-pi-wi-na, wu-la-a-ši-na и многие другие, обнаруженные в хеттских, хурритских и палайских клинописных текстах из Богазкёя¹⁶. Здесь знак wa, wi, wu имеет начертание обычного размера, тогда как знаки для гласных a, i и u значительно мельче и размещаются так, чтобы образовать одно целое с предшествующим знаком wa, wi, wu. Отметим сразу, что во всех случаях знаки для гласных добавляются к слоговым знакам, которые в клинописной системе имеют значение согласного плюс любой гласный (см. с. 77 и сл.). Поскольку такой гласный не обозначается, был создан прием, позволивший устранить этот дефект клинописной системы путем соединения к слоговым знакам знаков для гласных.

На с. 77 и сл. уже говорилось о том, что в клинописи различия между гласными обычно передавались при помощи отдельных знаков, как, например, знаков da и du для слогов da и du соответственно. Часто, однако, эти гласные обозначались неадекватно, как это имеет место в знаках, допускающих двойное чтение, таких, как знаки, которые имеют чтения li или le, gi или ge, ig или eg, и многие другие. Эта неадекватность в сочетании с неадекватностью таких знаков, как знак wa, wi, we, wu, в котором гласный вообще не выражен, привела к созданию приема обозначения гласных, который наиболее последовательно проводится в хурритской клинописной системе, употреблявшейся в Месопотамии во второй половине II тысячелетия до н. э. (см. с. 121). Так, в написании i-i-al-le-e-ni-i-in для слова iyallenin знак для гласного e, добавленный к знаку li, служит гарантией того, что последний будет прочитан как le, а не как li; а знак для гласного i, добавленный к знаку ni, указывает на чтение pi, а не на чтение ne. Правда, в последнем случае знак i представляется излишним, так как правильное чтение знака pi уже предопределено гласным следующего за ним знака in. Многочисленные примеры этого типа говорят лишь о том, что прием, который первоначально возник из потребности адекватного обозначения гласных, постепенно развился в разветвленную систему, предусматривающую регулярное добавление знаков для гласных даже там, где гласные и без того передавались вполне точно. Однако, как свидетельствуют такие написания, как še-ha-la, še-ha-a-la или še-ha-la-a, этот принцип проводился весьма непоследовательно¹⁷.

Аналогичный прием обозначения гласных наблюдается и в системах, в которых различия между гласными проводятся постоянно. В хеттском иероглифическом слог ta в слове ayata 'он сделает' передается при помощи одного слогового знака ta. Но вместе с тем наряду с написанием a-i-a-ta встречается и написание a-i-a-ta-a. Конечный знак для гласного a употребляется здесь не для того, чтобы указать на произношение ayatā, ayataa и т. п., а с целью показать,

что это слово следует читать *ayata*, а не *ayut*. Этот прием был необходим в тех системах, где закрытые слоги можно было писать только при помощи слоговых знаков, состоящих из согласного и гласного.

Персидская клинопись употреблялась в период между VI и IV вв. до н. э., во время правления династии Ахеменидов. Будучи клинописным, персидское письмо могло возникнуть только под влиянием стимула, исходившего из Месопотамии, хотя форму отдельных знаков персидской системы нельзя возвести ни к одной из существовавших клинописных систем. Как и в угаритской системе (см. с. 129), форма персидских знаков явилась плодом свободного индивидуального творчества.

Персидское письмо является смешанной системой. Оно состоит всего лишь из 41 знака, из которых 36 являются слоговыми, 4 — словесными ('царь', 'страна', 'провинция' и 'Ахурамазда') и 1 знак представляет собой словоразделитель. Из 36 слоговых знаков три разных знака употребляются для передачи гласных *a*, *i* и *u* и шесть разных знаков — для слогов *da*, *di*, *du* и *ma*, *mi*, *mu*. Пять знаков обозначают согласный плюс гласный *a* или *i* (*ga=gi*, *ka=ki*, *pa=pi*, *ga=gi*, *ta=ti*), а еще пять знаков передают тот же согласный плюс гласный *u* (*gu*, *ku*, *pu*, *gu*, *tu*). Два знака выражают согласный с гласным *a* или *u* (*ja=ju*, *wa=wu*), а еще два знака — тот же согласный с гласным *i* (*ji*, *wi*). Во всех остальных случаях один знак соответствует определенному согласному (*b*, *č*, *ç*, *f*, *h*, *ḥ*, *y*, *l*, *p*, *s*, *š*, *t* и *z*) с любым из трех вышеуказанных гласных (рис. 88).

В персидской системе согласные в чистом виде выражаются слоговыми знаками, оканчивающимися на *a*, как в написании *a-da-m(a)* для *adam*, а также, по крайней мере теоретически, для **dm* или **d-ma*. Долгий гласный *ā* передается путем добавления знака для гласного *a*, например в написании *ha-ša-a* для *hašā*. Однако этот прием является результатом более позднего развития, так как первоначально знаки для гласных добавлялись вовсе не для обозначения долготы, о чем свидетельствуют примеры типа *u-ta-a=uta*. Судя по аналогичным примерам из хеттского иероглифического письма, о котором говорилось выше, знак *a* добавлялся к *ta* с целью указать, что это слово следует читать *uta*, а не *ut*. Еще поучительнее сравнение некоторых персидских написаний с хурритскими. Речь идет о таких написаниях, как *di-i* для *di* или *ku-u* для *ku*, где явно нет необходимости в написании знаков для гласных *i* и *u*, ибо в слоговых знаках *di* и *ku* гласные могут читаться лишь одним-единственным способом. Все эти особенности говорят о том, что персидское письмо находилось в стадии перехода от силлабической системы к алфавитной.

Проблема происхождения древнеперсидской клинописи сводится в основном к вопросу о том, была ли она создана сразу как законченная система или же явилась результатом медленной и постепенной эволюции. В пользу первой альтернативы говорят традицион-

	a	i	u		a	i	u
Гласные							
b				l			
c				m			
q				n			
d				p			
f				r			
g				a			
h				o			
h				t			
y				t			
j				w			
k				z			

Рис. 88. Древнеперсидский силлабарий.

ные аргументы, поддерживающие версию о создании персидского письма при царе Дарии ¹⁸. Если бы эта версия соответствовала действительности, то достаточно было бы констатировать сам факт, чтобы рассуждения по этому поводу стали излишними. Персидская клинопись представляет собой смешанную систему. Из 22 согласных персидского языка 13 представлены одним знаком каждый, 7 согласных — двумя знаками каждый и 2 согласных — тремя зна-

ками каждый. Поэтому создается впечатление, что древнеперсидское письмо является собой некую смесь, составленную на основе двух чуждых систем. Структура тринадцати персидских знаков, каждый из которых выражает согласный, но не передает гласного, в принципе идентична структуре знаков египетского письма и западно-семитских письменностей; хотя некоторое количество знаков той же структуры существует также в месопотамской клинописной системе, их так мало (см. с. 76 и сл.), что трудно было бы предположить, что они могли послужить основой для развития персидской системы. Остальные персидские знаки, которые передают не только согласный, но — более или менее точно — также и гласный, очевидно, следовало бы рассматривать как созданные по образцу месопотамского письма. Однако нельзя забывать и о наличии очень веских аргументов, опровергающих гипотезу о единовременном создании персидского письма при Дарии¹⁹; следовательно, мы должны считаться и с возможностью медленной и постепенной эволюции. Если бы эта вторая альтернатива оказалась верна, то мысленно можно было бы представить себе два вероятных пути эволюционного развития персидского письма, в зависимости от того, какая система служила его прототипом — западносемитская или месопотамская. Если за первооснову принять семитскую систему, то развитие персидского письма можно реконструировать следующим образом. Первоначальное древнеперсидское письмо должно было содержать 23 знака, каждый из которых передавал согласный звук, но не выражал гласного, или же, возможно, 22 таких знака и 3 специальных знака для гласных (как, например, в угаритском). С течением времени к этой основной системе прибавились 7 слоговых знаков, содержащих *i*, и 4 слоговых знака, содержащих *u*, а также, возможно, вышеупомянутые 3 знака для гласных. Окончательным результатом этой линии развития явился бы силлабарий из 69 знаков типа *ta*, *ti*, *tu*, в котором каждый знак точно выражал бы определенный согласный и соответствующий гласный. Нет необходимости доказывать, что такой путь развития был бы необычен в истории письма и что он явно противоречил бы принципу экономии, который требует, чтобы для фиксации языка употреблялось минимально возможное количество знаков. Таким образом, более правдоподобной представляется вторая линия эволюции, которая предполагает, что в основе персидского письма лежит месопотамская клинописная система.

В этом случае первоначальное персидское письмо должно было представлять собой силлабарий, состоящий из 69 знаков типа *ta*, *ti*, *tu*. Из этой исходной системы, в которой каждый знак выражал согласный и соответствующий гласный, постепенно была выработана новая система из 36 знаков, в которой гласные обозначались лишь частично. Мы можем только строить предположения по поводу причин, приведших к сокращению числа знаков; наиболее правдоподобным, пожалуй, окажется объяснение, опирающееся на применение полногласного написания, принятого во многих других

древневосточных письменностях. Особенно показательно сравнение с полногласным написанием в таких силлабариях, как месопотамский клинописный и хеттский иероглифический, использующие знаки с полным обозначением гласных. Возможно, что систематическое употребление полногласного написания постепенно привело бы персидское письмо к созданию собственно алфавита — этим путем шло в более поздние времена развитие письма бамум (см. с. 201). Читатель должен, однако, учитывать, что нарисованная нами картина целиком и полностью реконструирована и что ступени развития персидского письма, какими они представлены здесь, насколько мне известно, не поддаются проверке при помощи данных, которые можно извлечь из сохранившихся памятников персидской эпиграфики.

ГРЕЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Семитское происхождение греческого алфавита не требует особых доказательств. Уже сама греческая традиция, называвшая греческое письмо Φοινικία γράμματα или στήνεια, то есть 'финикийским письмом'²⁰, ясно указывает, где именно следует искать истоки этой системы. К тому же даже поверхностное знакомство с формой, названиями и порядком перечисления греческих знаков тотчас приводит к заключению, что все это должно было быть заимствовано из семитской системы письма.

То, что форма греческих знаков восходит к семитскому прототипу, устанавливается без особого труда. Даже человек, малоискушенный в эпиграфике, не может не заметить тождества или большого сходства формы знаков греческого алфавита и знаков семитских письменностей (рис. 89).

Названия знаков греческого алфавита нельзя объяснить, если исходить из греческого языка, зато они почти точно соответствуют названиям знаков различных семитских письменностей. Так, греческие *альфа*, *бета*, *гамма*, *дельта* и т. д. соответствуют семитским знакам '*алеф*', *бет*, *гимель*, *далет*, которые означают 'бык', 'дом', 'верблюд (?)' и 'дверь'. Из тех семитских языков, к которым теоретически могут восходить названия греческих знаков, несомненно, следует отдать предпочтение финикийскому, а не арамейскому. Нетрудно заметить, например, что греческое название *альфа* восходит к слову '*алеф* 'бык', которое имеется в финикийском и древнееврейском, но отсутствует в арамейском языке; точно так же греческие названия букв *йота*, *пи* и *ро* ближе к соответствующим финикийским и древнееврейским словам *йōd* 'кисть руки', *nē* 'рот' и *rōsh* 'голова', нежели к арамейским *йад*, *пум* и *рēш*. Окончание *-а* в греческих наименованиях *альфа*, *бета* и т. д., как указал Теодор Нёльдеке²¹, также не обязательно возводить к арамейскому языку, так как более убедительно рассматривать это *-а* как греческое добавление,

ЗАПАДНОСЕМИТСКОЕ ПИСЬМО										ГРЕЧЕСКОЕ ПИСЬМО		ЛАТИН-СКОЕ ПИСЬМО	
Ахирам	Руэйсе	Азарбаал	Йехимилк	Абибаал	Элибаал	Шафатбаал	Меша	Зинджирли	Сардиния	Кипр	Древнее		Новое
ק	ק	ק	ק, ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק	Α, Α	Α	Α
צ	צ	צ	צ, צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	Β, Β	Β	Β
ג			ג	ג	ג	ג, ג	ג	ג	ג	ג	Γ, Γ	Γ	Γ (и G на месте Z)
ד	ד		ד		ד	ד	ד	ד	ד	ד, ד	Δ	Δ	Δ
ה			ה			ה	ה	ה	ה	ה	Ε, Ζ, Υ	Ε	Ε
ו		ו	ו		ו	ו	ו	ו	ו	ו	Υ (в конце)	Υ (в конце)	Υ (и υ, γ в конце)
ז		ז	ז		ז	ז	ז	ז	ז	ז	Ζ, Υ, V	Ζ	Ζ (в конце)
ח	ח	ח	ח, ח		ח	ח	ח	ח	ח	ח	Η	Η	Η
ט						ט	ט	ט	ט	ט	Θ, Θ	Θ	
י	י	י	י		י	י	י	י	י	י	Ι	Ι	Ι
כ	כ	כ	כ	כ	כ	כ	כ	כ	כ	כ	Κ	Κ	Κ
ל		ל	ל	ל	ל	ל	ל	ל	ל	ל	Λ, Λ	Λ	Λ
מ		מ	מ	מ	מ	מ	מ	מ	מ	מ	Μ	Μ	Μ
נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	Ν	Ν	Ν
ס		ס	ס				ס	ס			Ξ	Ξ	(X в конце)
ע	ע	ע	ע	ע	ע	ע	ע	ע	ע	ע	Ο	Ο	Ο
פ		פ	פ		פ	פ	פ	פ	פ	פ	Π, Π	Π	Π
ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק	Τ, Τ	Τ	Τ
ר	ר	ר	ר	ר	ר	ר	ר	ר	ר	ר	Υ, Υ	(Υ)	(Υ)
ש		ש	ש		ש	ש	ש	ש	ש	ש	Φ, Φ	(Φ)	Q
ת		ת	ת	ת	ת	ת	ת	ת	ת	ת	Ρ, Ρ	Ρ	Ρ
נ		נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	Σ, Σ, Σ	Σ	Σ
ז		ז	ז	ז	ז	ז	ז	ז	ז	ז	Τ	Τ	Τ
ח		ח	ח	ח	ח	ח	ח	ח	ח	ח	Υ, Φ, Χ, Υ, Ω	Υ, Φ, Χ, Υ, Ω	U, V, X, Y, Z

Рис. 89. Сравнительная таблица знаков греческого письма и западносемитских письменностей*.

связанное с тем, что греческий язык не терпит конечных согласных (кроме п, г и s).

Даже порядок букв в алфавитах обеих письменностей один и тот же, о чем свидетельствует перечисление наименований первых букв, приведенное в предыдущем абзаце. Семитские знаки *вав*, *цаде*

* Во 2-й колонке слева в шапке табл. ошибочно напечатано Руэйсе; правильно — *Руэйсе*. В 8-й колонке слева вместо Меша должно быть *Меша*. В именах вместо ...баал следует читать ...ба'л. — Прим. редакции.

и *коф*, которых нет в греческом языке классического периода, в более ранние периоды греческого письма представлены буквами *вау*, или *дигамма*, *сан* и *коппа*. К тому же эти три знака продолжают употребляться и в дальнейшем, но уже только в составе греческой системы числовых знаков, в которой они имеют почти то же значение, что и их двойники в семитских системах.

Направление знаков в древнейших греческих надписях очень непостоянно, как непостоянно и направление письма: тексты пишутся то справа налево, то слева направо, то бустрофедоном, то есть с переменой направления от строки к строке. Лишь постепенно установился в греческой системе классический метод письма слева направо.

Так как факт заимствования греками их письма у семитов не подлежит сомнению, остается только установить, к какой именно семитской системе восходит греческое письмо. Теоретически прототипом греческой системы могла послужить любая из письменностей, которыми пользовались семитские народы, населявшие обширный ареал от юга Киликии до севера Синайского полуострова. На этой территории жили амореи, арамеи и ханаанеи, в том числе и финикийцы. Однако на самом деле область наших поисков следует ограничить финикийцами — этими мореходами древности, которые были единственным из всех семитских народов, отважившимся в поисках новых горизонтов пуститься в Великое море. Не греки прибыли

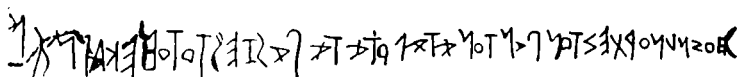

Рис. 90. Греческая надпись на дипилонской вазе из Афин.

на побережье Азии, чтобы позаимствовать у семитов систему их письма: таким путем письменности никогда не переходят от народа к народу. Это сами финикийцы, наводнив весь греческий мир своими торговыми факториями, принесли грекам свое письмо. Финикийское происхождение греческого письма подтверждается не только греческой традицией, но, как мы видели на с. 171, также и данными, полученными в результате изучения наименований знаков греческой и семитской систем.

Следующая проблема, требующая решения, — это время заимствования греками их письма у финикийцев. Эта проблема является до сих пор предметом горячих дискуссий, причем крайние из предлагаемых дат расходятся более чем на полтысячелетия. А. Менц, например, — сторонник даты около 1400 г. до н. э.²², Б. Л. Ульман указывает на конец Микенской эпохи или "темный период", который за ней последовал²³, а Рис Карпентер называет дату около 720 г. до н. э.²⁴ Если, решая проблему восприятия греками финикийского письма, мы не хотим увязнуть в рассуждениях, опирающихся на случайные данные, то должны начать с установления дат самых

ранних из дошедших до нас греческих надписей. А в этом вопросе расхождения в мнениях не намного превышают сотню лет.

Как считает преобладающее большинство специалистов по греческой эпиграфике, древнейшей из всех известных является надпись на сосуде дипилонской культуры из Афин (рис. 90)²⁶, которую датируют началом VIII²⁶ или началом VII²⁷ в. до н. э. К несколько более позднему времени, но тоже к VIII или VII в. до н. э. относятся наскальные надписи с острова Феры (рис. 91)²⁸, короткие тексты на

Рис. 91. Наскальные надписи с острова Феры.

глиняных сосудах геометрического стиля с горы Гиметт (рис. 92)²⁹ и надписи на двух черепках из Коринфа (рис. 93)³⁰.

Отдельные знаки этих раннегреческих надписей столь разнообразны по начертанию, что о существовании единого греческого алфавита в этот ранний период говорить не приходится. Можно, следовательно, предполагать, что заимствование и приспособление финикийского письма происходили независимо в различных районах греческого мира.

Νι[χό]δεμος Φ[...] ιδες καταλύον Λεο[...] δες ερι

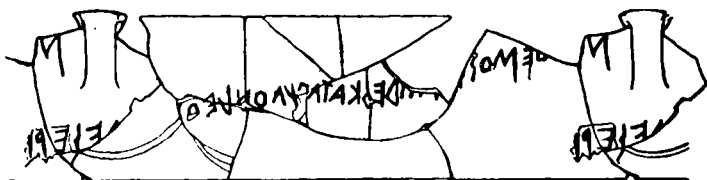

Рис. 92. Короткие надписи на глиняных сосудах геометрического стиля с горы Гиметт.

Теперь посмотрим, нельзя ли определить время введения письма в Греции, взглянув на эту проблему с точки зрения семитской эпиграфики. Финикийское письмо за период от Ахирама до Шафатба'ла

(около 1000—850 гг. до н. э.) развилось очень незначительно. Затем в самой Финикии след финикийской системы теряется на несколько столетий, но развитие семитского письма можно проследить в ряде других районов. К середине IX в. до н.э. относятся на юге знаменитая надпись царя Меша' из Моавы и на севере чуть более поздние первые надписи из Зинджирли (см. с. 134). Самые ранние финикийские надписи с Кипра и Сардинии не поддаются точной датировке, но и они, вероятно, относятся к IX столетию³¹.

Если теперь посмотреть на сравнительную таблицу семитских и греческих знаков (рис. 89), то можно сразу сделать несколько интересных наблюдений. Греческая буква *каппа* с ее "хвостом" не совпадает по форме с той же буквой из финикийских надписей вплоть до времени Шафатба'ла, но идентична соответствующему знаку из надписей, датируемых временем после 850 г. до н. э. И греческий знак *мю* по виду также значительно ближе к соответствующим формам из семитских надписей, датируемых временем после 850 г. до н. э., нежели к начертаниям этого знака в более ранних семитских

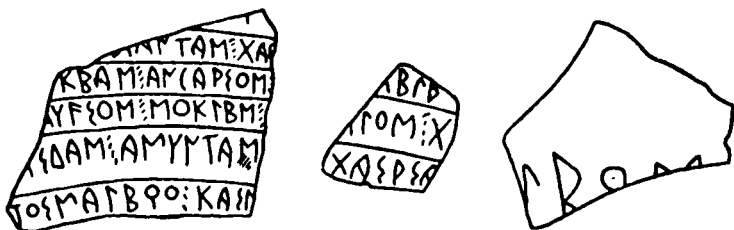

Рис. 93. Надписи на черепках из Коринфа.

надписях. С другой стороны, появление около 800 г. до н. э. семитского знака *далет* с "хвостом" заставляет нас предполагать, что "бесхвостая" греческая *дельта* восходит к письму, существовавшему до 800 г. до н. э. Выводы, которые можно сделать на основе этих сравнений, говорят, таким образом, в пользу IX столетия³² до н. э. как наиболее вероятного времени заимствования греками семитского письма. Этот вывод полностью согласуется с датировкой самых ранних из дошедших до нас греческих надписей, которые относятся к началу VIII в. до н. э.

Переходя от проблем внешней формы к проблемам внутренней структуры, мы видим, что наиболее важной чертой греческого письма, в отличие от любой из семитских письменностей, является полностью сложившаяся система передачи гласных. С самого древнего периода все гласные пишутся повсюду, где их следует ожидать. В этом без труда можно убедиться, сравнив транслитерацию древней надписи на сосуде дипилонской культуры из Афин (рис. 90):

НОΣ ΝΥΝ ΟΡΧΕΣΤΟΝ ΠΑΝΤΟΝ ΑΤΑΛΟΤΑΤΑ ΠΑΙΖΕΙ ΤΟΤΟ

ΔΕΚΑΝ ΜΙΝ — с соответствующей греческой классической формой: $\delta\varsigma\ \nu\acute{o}\nu\ \delta\rho\chi\eta\sigma\tau\acute{o}\omega\nu\ \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu\ \acute{\alpha}\tau\alpha\lambda\acute{o}\tau\alpha\tau\alpha\ \pi\alpha\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\ \tau\omicron(\ddot{\upsilon})\tau\omicron\ \delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\nu\ \mu\acute{\iota}\nu$ (ср. Ф р и д р и х. История письма, с. 330): 'Кто сегодня из танцоров прелестней всех сыграет, тот это получит' ³³. Помимо формы знаков, единственное различие между образцом письма, сохранившимся на афинской вазе, и письмом более позднего классического периода заключается в следующем: в древнем письме не указаны ударения и длительность гласных и согласных и, в то время как *spiritus lenis* вообще не обозначен, *spiritus asper* (h) передан буквой *эта*, которая впоследствии стала буквой *эта*.

Общепринятая интерпретация происхождения системы греческих гласных очень проста. Семитское письмо имело ряд знаков, передававших так называемые "слабые согласные", которые в греческом языке отсутствовали. Предполагают, что греки превратили эти с их точки зрения ненужные знаки в знаки для гласных. Так, семитский знак 'алеф, обозначающий мягкое придыхание — нечто вроде звука, возникающего между *о* и *э* при произношении слова *поэтому*, — был превращен в гласный *а* и стал буквой *альфа*; семитский знак *һе* был использован для передачи звука *е* и стал буквой *эпсилон*; семитский знак *ваз*, который в ранние периоды использовался греками для согласного *w* (*дигамма*), стал употребляться для передачи гласного *и* и стал называться буквой *ипсилон*, которая помещается в конце алфавита, после *тау*; семитский согласный *йод* в греческом стал гласным *і* (*йота*), и, наконец, семитский эмфатический звук 'айин был превращен в гласный *о* (*омикрон*).

То, что чтения отдельных греческих гласных обычно возводят к соответствующим семитским знакам, возражений не вызывает. Важно, однако, подчеркнуть, что греки не изобрели новой системы гласных, а просто использовали для передачи гласных те знаки, которые уже в различных семитских системах письма могли выполнять функцию гласных, принимая форму так называемых *matres lectionis* (см. с. 162 и сл.). Величие достижения греков заключается, следовательно, не в изобретении нового метода обозначения гласных звуков, а в систематическом использовании приема, которым древние семиты пользовались лишь нерегулярно и спорадически. Как мы видели, даже семитские и другие ближневосточные письменности с течением времени развили этот метод передачи гласных до столь высокого уровня, что и сами оказались на пути, ведущем к созданию собственно системы знаков для гласных, а следовательно, и к алфавиту.

Кажется совершенно невероятным, чтобы собственно система гласных, засвидетельствованная в самых древних из известных греческих надписей, могла быть спонтанно разработана неким талантливым греком на основе неупорядоченного способа передачи гласных в семитских письменностях. Я склонен, скорее, считать, что в древнейшем греческом письме гласные передавались так же бессистемно, как и в семитских письменностях, и что собственно система гласных возникла на письме лишь в результате постепенного

развития и систематизации. Меня нисколько не удивило бы, если бы были открыты древнегреческие надписи IX в. до н. э., в которых гласные либо совсем не были бы обозначены, либо передавались бы лишь изредка способом, аналогичным семитским *matres lectionis*.

Термин "полная система гласных" подразумевает регулярность обозначения гласных в греческом письме, но из этого не следует, что древняя система гласных должна была быть такой же, как система гласных более позднего классического периода. В действительности система передачи гласных, как уже упоминалось на с. 175, с течением времени подверглась значительным изменениям. Более старый метод даже не делал попытки передать долготу гласных звуков. В новой системе в результате постепенной эволюции остались лишь два знака — *альфа* и *йота*, — которые продолжали употребляться для обоих видов гласных, как для кратких, так и для долгих, — *a*, *ā* и *i*, *ī*. Когда же в некоторых греческих диалектах был утрачен согласный, передаваемый семитским знаком *хет*, этот знак приобрел чтение *ē* и превратился в букву *эта*, в отличие от буквы *эпсилон* для гласного *e*. Аналогичным образом был создан новый знак *омега* для *ō*, а буква *омикрон* стала обозначать только *o*. И наконец, когда свой старый звук *u*, передаваемый буквой *ипсилон*, греки начали произносить как *ū*, им пришлось для передачи звука *u* использовать буквосочетание *омикрон* и *ипсилон*, которое первоначально применялось для передачи дифтонга *ou*. Дальнейшая эволюция греческого алфавита постепенно привела к изъятию знаков *дигамма*, *сан* и *коппа* и добавлению знаков *ф*, *х* и *ψ*, которые в семитских письменностях не существовали и были изобретены самими греками.

После того как шесть семитских слоговых знаков в процессе развития греческого письма превратились в знаки для гласных, естественным стал следующий шаг — анализ, или разложение, слоговых знаков, то есть осмысление остальных слоговых знаков как знаков для согласных, что и произошло с помощью процесса редукции. Если в написании *t¹u¹* второй знак рассматривается как гласный *i*, помогающий правильному чтению первого знака, который теоретически может читаться как *ta*, *ti*, *te*, *tu* или *to*, то чтение первого знака неизбежно редуцируется, превращаясь из слога в простой согласный. Это и есть принцип редукции, имеющий немало precedентов в истории письма. Например, шумерский знак, изображающий женские груди, употребляется для многих связанных по значению слов, таких, как *dumu* 'сын', *banda* 'мальчик' и *tur* 'маленький'. Для того чтобы дифференцировать эти слова, использовались фонетические комплементы или индикаторы, как в написании *banda-da*, где фонетический знак *da* указывает, что эту логограмму следует читать *banda*, а не *dumu* или *tur*. Поскольку знак *da* в написании *banda-da* рассматривался как полный слог, чтение знака *banda* в результате редуцировалось и превратилось в *ban* (см. также с. 71 и 107).

Выше (см. с. 175 и сл.) мы констатировали, что введение греческой системы гласных следует рассматривать не как новое и оригинальное греческое творение, а как систематизацию приема, хотя и нерегулярно используемого, но уже хорошо известного многим древневосточным письменностям, таким, как семитские, египетская, месопотамская клинописная и хеттская иероглифическая.

Этот прием состоит в прибавлении слогового знака, содержащего "слабый согласный" (в письменностях египетско-семитского типа), или же знака для гласного (в клинописи и в хеттской иероглифике) с целью обеспечить правильное чтение гласного, совсем не выраженного или неточно выраженного предыдущим слоговым знаком. Любая из древневосточных слоговых письменностей, используя такой метод обозначения гласных, могла, по крайней мере теоретически, развиваться в чисто алфавитную систему. Написание *ma-a-li-i* для *malī* в клинописной и в хеттской иероглифической системах могло завершиться редукцией слоговых знаков *ma* и *li* соответственно в *m* и *l*, подобно тому как написание того же слова в виде *m^a.^a-lⁱ-yⁱ* в египетско-семитских письменностях в конце концов привело к разложению этих слоговых знаков с образованием алфавитных знаков в греческой системе. О том же свидетельствует развитие слогового письма бамум в направлении к алфавиту (см. с. 201). Тот факт, что ни одна из древневосточных систем не превратилась самостоятельно в алфавит, объясняется непоследовательным употреблением обозначения гласных во всех этих письменностях. Поэтому и случилось так, что только грекам, которые регулярно пользовались приемом, полученным ими с Древнего Востока, а также применяли принцип редукции, впервые удалось таким путем прийти к алфавитной системе письма.

Создание собственно алфавита, который передает отдельные звуки языка при помощи знаков для согласных и для гласных, — это последний важный шаг в истории письма. Со времен античной Греции и до наших дней в развитии внутренней структуры письма не произошло более ничего нового. В сущности, мы передаем согласные и гласные точно так же, как это делали древние греки.

С течением времени семиты восприняли у греков принцип употребления знаков для гласных и связанное с ним разложение слогов, ведущее к образованию алфавита, так что греки честно вернули семитам свой долг за первоначальное заимствование. Так возник алфавит, который впоследствии завоевал весь мир. Как бы сильно ни различались между собой сотни алфавитов мира по своему внешнему виду, всем им присущи те особенности внешней формы или внутренней структуры или и той и другой, вместе взятых, которые некогда возникли на небольшом куске земли в восточном Средиземноморье. Действительно, за исключением разного рода предписьменностей, рассеянных по всему свету, небольшой группы

П И С Ь М О

Греческое	Латинское	Еврейское квадратное	Арабское	Кхароштки	Брахми	Деванагари	Эфиопское
α	a	א	ا	𑀓	𑀲	अ	አ = a
ι	i	י	ي	𑀔	𑀴	इ	ኢ = i
ε	e	אֵ	—	𑀕	𑀵	ए	ኣ = e
υ	u	ו	و	𑀖	𑀶	उ	ኦ = u
ο	o	אֹ	—	𑀗	—	—	ኦ = o
α	ae	אֶ	اَ	𑀘	𑀷	अ	ተ = ae
ι	ti	יִ	يِ	𑀙	𑀸	इअ	ተ = ti
ε	te	אֵ	—	𑀚	𑀹	ए	ተ = te
υ	tu	וִ	وِ	𑀛	𑀺	उ	ተ = tu
ο	to	אֹ	—	𑀜	𑀻	अ	ተ = to

Рис. 94. Способы обозначения гласных в разных алфавитных письменностях.

письменностей Восточной Азии, которые восходят к китайскому письму, и по преимуществу слоговых систем, изобретенных уже в новое время для примитивных обществ (эти системы будут рассмотрены в гл. VII), сегодня употребляется фактически всего лишь одна система письма. И этой системой является алфавит семитическо-греческого происхождения.

С точки зрения внутренней структуры главным признаком алфавита является наличие специальных знаков как для согласных, так и для гласных. Поскольку употребление знаков для согласных во всех алфавитах мира приблизительно совпадает, типы алфавитов различаются между собой только способом обозначения гласных. Подразделяя все алфавиты на три типа, я хотел бы заметить, что это идеальные типы. На практике наблюдается такое глубокое взаимовлияние многочисленных письменностей, что определение их типа оказывается подчас затруднительным. Различные типы обозначения гласных приведены на рис. 94.

Тип I, представленный греческим алфавитом, самый простой. Здесь гласные наравне с согласными выражаются специальными знаками, как, например, при написании слога *ta* с помощью знаков *t* и *a*. Этот тип огласовки характерен для всех западных письменностей, как бы сильно они ни различались между собой по внешней форме: для греческого, латинского, рунического, всех видов славянского письма, для азбуки Морзе и т. д. В некоторых восточных письменностях, таких, как новопуническая или мандейская, в результате эволюции также сложился такой тип огласовки, но ни в одной из них он не употреблялся с той же последовательностью, что и в греческом письме. Трудно сказать, чем была вызвана систематизация огласовки в этих двух семитских письменностях: естественной эволюцией широко распространенного на Ближнем Востоке приема *scriptio plena* или же влиянием латинского ³⁴ или греческого письма. Нужно сказать, что вообще семитские письменности не терпят, чтобы вводимые вновь знаки для гласных размещались рядом со знаками для согласных; их предпочитают располагать над знаком для согласного или под ним. Когда в VIII в. н. э. в западно-сирийское, или яковитское, письмо были введены греческие знаки для гласных, их стали писать не как в греческом, то есть рядом со знаком для согласного, а над или под ним. По-видимому, аналогичным образом вавилонские иудеи первоначально писали свои "слабые согласные" для передачи гласных. Это неприятие семитами способа записи знаков для гласных рядом со знаками для согласных объясняется, вероятно, несколькими причинами. Одной из причин является, по-видимому, верность традиционной орфографии текстов священных книг. А вторая, возможно, еще более важная причина могла состоять в том, что благодаря размещению знаков для гласных над или под знаками для согласных консонантная структура письма оставалась ненарушенной, что позволяло каждому, кто этого пожелает, по-прежнему писать одними согласными, не затрудняя себя гласными. Общеизвестно, что даже в наше время

такие письменности, как арабская и еврейская, и в печатных, и в рукописных текстах прекрасно обходятся без знаков для гласных. Именно нежелание загромождать консонантную структуру внедрением знаков для гласных, которые в семитских письменностях совпадают по форме со знаками для согласных, и могло в конце концов привести к созданию огласовки нового типа, для которой использовались уже не "слабые согласные", а особые диакритические значки.

Это и есть II тип огласовки, впервые введенный, по-видимому, в восточносирийском, или несторианском, письме, откуда он проник в палестинское древнееврейское, а позднее и в арабское письмо. Гласные во всех этих письменностях обозначаются маленькими черточками, точками или кружочками, которые помещаются над или под знаком для согласного.

III тип огласовки, существующий в индийских письменностях и в эфиопском письме, ставит нас перед рядом трудных проблем.

Индийские письменности как собственно системы письма впервые засвидетельствованы в III в. до н. э. в знаменитых эдиктах Ашоки (правившего с 272 по 231 г. до н.э.), хотя есть данные, указывающие, что письмо в Индии было известно несколькими столетиями раньше. Мы не принимаем в расчет протоиндское письмо, которое употреблялось в III тысячелетии до н. э. (см. с. 93 и сл.) и, следовательно, слишком отдалено во времени, чтобы повлиять на новоиндийские письменности, возникшие во второй половине первого тысячелетия до н. э. Надписи Ашоки известны в двух редакциях: одна выполнена письмом кхароштки, другая — письмом брахми.

Письмо кхароштки, судя по форме знаков и по направлению справа налево, по-видимому, восходит к арамейскому. Основной знак всегда имеет чтение "согласный плюс а", тогда как все другие гласные передаются посредством коротких черточек, которые всегда присоединяются к основному знаку, составляя с ним одно целое. Даже качество гласных, с которых начинается слово (или которые образуют самостоятельный слог), передаются теми же диакритическими значками. Таким образом, этот тип огласовки обнаруживает большое сходство с тем, который выше был назван типом II, с одним лишь существенным отличием: при огласовке типа II знаки для гласных пишутся отдельно, тогда как при огласовке типа III они всегда присоединяются к соответствующим слоговым знакам.

Письмо брахми в своем развитии делает еще шаг вперед. Различия между гласными выражаются здесь обычно так же, как и в системе кхароштки, но для начальных гласных (или гласных, образующих самостоятельный слог) был придуман комплект новых знаков. Отдельные знаки письма брахми по своей форме не обнаруживают отчетливой связи с какой-либо другой системой, так что, скорее всего, они были произвольно изобретены. Направление письма брахми — слева направо. Все более поздние индийские письменности

сти, в том числе деванагари (письмо санскрита), являются потомками брахми, хотя в них преобладает метод огласовки, соответствующий типу II.

Знаки эфиопского письма, если иметь в виду их форму, произошли непосредственно от южноаравийских (см. с. 133 и сл.). Аналогично остальным семитским системам письмо древнейших эфиопских надписей было неогласованным. Затем, около 350 г. н. э., появилась система огласовки, которая по своей структуре фактически во всем идентична системе огласовки в письме кхароштки. Различие между гласными здесь обычно передается присоединяемыми к знакам маленькими диакритическими значками. В эфиопском письме есть лишь одна дополнительная особенность: для передачи различия между гласными видоизменяется и форма основного знака. Маловероятно, чтобы метод обозначения гласных, который обнаружен как в индийских, так и в эфиопской письменностях, мог быть независимо изобретен в каждой из этих двух стран, тем более что, как нам известно, прием дифференциации гласных в такой форме больше нигде не известен. Таким образом, многое говорит в пользу предположения Фридриха, что эфиопская система гласных была разработана по индийскому образцу ³⁵.

Главная проблема возникает в связи с классификацией индийских и эфиопской письменностей: слоговые они или алфавитные? С точки зрения обозначения гласных между письменностями семитского типа и письменностями индийско-эфиопского типа различий, по существу, не так уж много. Пишутся ли диакритические значки отдельно от основного знака, как в еврейском и в арабском письме, или присоединяются к нему, как в древнеиндийских письменностях или в эфиопском письме, все равно их функция во всех случаях одна и та же — дифференциация гласных. Но как определить отдельные знаки эфиопской и индийских письменностей, передающие целые слоги без помощи диакритики, как, например, слог, кончающийся на а? Как классифицировать знаки эфиопской и многих стенографических систем, передающих изменение гласных путем модификации формы основного знака? В стенографических системах основной знак, выражающий согласный звук, является, конечно, знаком для согласного и, следовательно, алфавитным знаком; но знак в своей полной форме, выражающий, скажем, ка,— это уже не алфавитный, а слоговой знак. Тем не менее вряд ли мы назовем стенографические системы слоговыми ³⁶. А как нам классифицировать современные семитские письменности, такие, как арабская и еврейская, которые вполне способны выразить дифференциацию гласных, однако часто пренебрегают этим и передают только согласные? Вряд ли есть основания называть их слоговыми в том смысле, в каком этот термин употреблялся для древних семитских письменностей, которые не знали, как выразить дифференциацию гласных. Это все наболелые вопросы, которыми еще предстоит заняться будущим теоретикам письма; более точные типологические определения, наверное, позволят в дальнейшем устранить те неясности,

которые сегодня затрудняют классификацию некоторых письменностей.

Вопрос о дальнейшем формальном развитии алфавита начиная с его греческой ступени выходит за рамки теории письма. Лучшее, что мы можем предложить читателю, интересующемуся данным вопросом,— это обратиться к хорошим работам по истории письма Ганса Йенсена³⁷, Дэвида Дирингера³⁸ и Джемса Г. Феврие³⁹. К сожалению, после уже устаревшей работы Айзека Тейлора⁴⁰ на английском языке долго не появлялось ни одной публикации, которую стоило бы порекомендовать. Английская книга Дирингера⁴¹ лишь частично удовлетворяет требованиям, поскольку она лишена научного аппарата. Ряд полезных иллюстраций, воспроизводящих различные письменности, с краткими очерками можно найти в книге, изданной Шарлем Фоссэ⁴². Основополагающей в отношении истории письма, особенно в социологическом ее аспекте, является книга Марселя Козна⁴³.

VI

ЭВОЛЮЦИЯ ПИСЬМА

СТУПЕНИ РАЗВИТИЯ

В предыдущих четырех главах мы рассматривали письмо с описательной и сравнительной точки зрения. Ниже мне бы хотелось представить историю письма в его эволюции от древнейших ступеней семасиографии, на которых значение передается рисунком, до последней ступени, фонографической, на которой письмо уже выражает язык. Различные ступени развития письма представлены в виде таблицы на рис. 95. Сколь абсурдным ни казалось бы на первый взгляд обозначение основных ступеней письма как "не-письмо", "предписьменности" и "собственно письмо", для такой классификации имеются веские причины.

РИСУНКИ

Когда я отношу рисунки к первой ступени, названной "не-письмом", то тем самым предполагаю, (1) что то, что мы обычно подразумеваем под рисунками, то есть предметы искусства, представляющие собой результат художественно-эстетического побуждения, не подпадает под категорию письма и (2) что письмо берет свое начало от обыкновенных рисунков. Примером, параллельным описываемой ситуации, было бы включение пара как исходной ступени в таблицу, иллюстрирующую развитие парового двигателя: конечно, пар, вырывающийся из гейзера или из чайника, сам по себе еще не паровой двигатель, но это основа, на которую должны опираться последующие ступени, с тем чтобы развитие могло привести к окончательному результату.

ПРЕДПИСЬМЕННОСТИ

К "предписьменностям" следует отнести разнообразные приемы, с помощью которых человек впервые пытался передать свои мысли и чувства. Все эти приемы, вместе взятые, я обозначаю термином "семасиография" (от греческого *σημασία* 'смысл, значение' и *γραφή* 'письмо'). В соответствии со словами, из которых составлен этот термин, рисунки могут на данной ступени развития письма передавать общий смысл, подразумеваемый пишущим. При этом видимые рисуночные формы выражают значение непосредственно,

Не-письмо: *Рисунки*

Предписьменности: *Семасиография*

1. Описательно-изобразительный прием
2. Идентифицирующе-мнемонический прием

Собственно письмо: *Фонография*

1. <i>Словесно-слоговое письмо:</i>	Шумерское
(Аккадское)	Египетское	Хеттское
(Эгейское)	Китайское
2. <i>Слоговое письмо:</i>	Эламское
Хурритское
и т. д. | Западное-
митское
(Финикийское)
(Древнеевр.)
(Арамейское)
и т. д. | Кипро-ми-
нойское

Кипрское
Фестское?
Библское? | Японское |
| 3. <i>Буквенное письмо:</i> | | Греческое
Арамейское (огласованное)
Еврейское квадратное (огласованное)
Латинское
Индийское
и т. д. | | |

без вмешательства языковых форм, точно так же, как это происходит в языке жестов.

Наиболее примитивные способы коммуникации при помощи зримых символов были достигнуты путем применения описательно-изобразительного и идентифицирующе-мнемонического приемов. Так как оба эти приема часто переплетаются между собой, то строгое определение принадлежности отдельных примитивных письменностей к одной из этих категорий вызывает трудности.

К числу описательно-изобразительных приемов относятся такие средства коммуникации, которые аналогичны рисункам, выполненным по художественно-эстетическому побуждению, но в отличие от них содержат только элементы, существенные для передачи сообщения; к тому же рисунок как средство коммуникации лишен эстетического оформления, составляющего существенную часть рисунка или картины как произведения искусства. Для идентифицирующе-мнемонического приема характерно использование символа как способа, помогающего зафиксировать или отождествить лицо или предмет, наподобие того, как это происходит, когда рисунок иголки со вдетой в нее ниткой изображает поговорку "Куда иголка, туда и нитка" (с. 56). Стремление запечатлеть события для потомства с помощью символов, используемых в качестве мнемонических средств, представляет собой важный фактор, подводящий непосредственно к развитию подлинного письма.

Поверхностному наблюдателю из двух приемов, названных выше, более развитым может показаться описательно-изобразительный, потому что он как будто бы лучше приспособлен для передачи сообщения, чем прием, связанный с использованием символов идентифицирующего или мнемонического характера. И действительно, если, например, сообщение касается битвы, то применение описательно-изобразительного приема выражается в том, что делается рисунок, изображающий битву, а применение идентифицирующе-мнемонического приема — в том, что изображаются один-два знака, которые должны напоминать о битве; ясно, что рисунок как таковой выразительнее пары мнемонических знаков. К тому же выводу можно прийти, сравнивая, например, ранние образцы египетского письма, вроде так называемой "палетки Нармера", где применен главным образом описательно-изобразительный прием (с. 79 и сл.), с древнешумерскими учетными табличками, выполненными при помощи идентифицирующе-мнемонического приема (см. с. 70 и сл.).

Однако применение описательно-изобразительного приема не имеет никакого отношения к развитию письма в собственном смысле слова. Рисунки, выполненные с помощью этого приема, следуют условным принципам искусства, ограничивающим их возможности как средства взаимной коммуникации людей. Сковывающие традиции искусства, сложившиеся за сотни и даже тысячи лет до того, как человек сделал первую попытку коммуникации посредством условных знаков, были слишком сильны, чтобы допустить возможность развития описательно-изобразительного приема в нужном направлении.

При употреблении идентифицирующе-мнемонического приема, как и при применении описательно-изобразительного приема, тоже делаются рисунки, но их назначением является не описание события, а помощь при воспоминании о нем, при отождествлении предмета или существа. Таким образом, устанавливается постоянное соотношение (связь) между определенными символами, с одной стороны, и определенными предметами и существами, с другой. Постепенно эта связь становится все более прочной и все более условной. А так как изображаемые предметы и живые существа имеют наименования в устной речи, то со временем между символами и их устными двойниками также устанавливаются соответствия. Потом обнаруживают, что слова могут быть выражены письменными символами, и тогда находят новый и гораздо более совершенный способ взаимной коммуникации людей. Исчезает необходимость выражать предложение 'Человек убил льва' при помощи рисунка, изображающего человека с копьем в руке в момент, когда он убивал льва. Все три слова можно теперь написать при помощи трех условных символов, представляющих соответственно человека, копье (убивающее) и льва. Также и '5 овец' можно теперь выразить при помощи двух символов, соответствующих двум словам языка, вместо того чтобы изображать пять овец, как это пришлось бы сделать на рисунке как произведении искусства или при применении описа-

тельно-изобразительного приема (см. с. 79). Дополнение идентифицирующего приема требованием строгого соблюдения порядка знаков, соответствующего порядку произносимых слов, резко противопоставляет этот прием описательному приему и методам художественного изображения, которые передают значение при помощи совокупности мелких рисунков без каких-либо условных правил относительно начала послания или порядка его интерпретации.

Прием, который предусматривает передачу отдельных слов, должен естественным образом привести к развитию законченной системы словесных знаков, то есть к словесному письму, или логографии. Вопреки общему мнению специалистов я глубоко убежден, что полностью развитая система такого рода никогда не существовала — ни в древности, ни в более поздние времена. Создать и запомнить тысячи знаков для тысяч слов и наименований, существующих в языке, а также постоянно изобретать новые знаки для новоприобретенных слов и наименований — дело настолько неосуществимое, что либо логографическое письмо должно было употребляться только как система ограниченных возможностей, либо ему следовало найти новые способы преодоления возникших трудностей, с тем чтобы превратиться в действительно полезную систему. Опыт со словесными письменностями народов Аляски и чероки, искусственно созданными в новое время для туземцев Америки, наглядно демонстрирует непрактичность такого рода неполноценных систем. Даже китайское письмо, наиболее логографическое из всех письменностей, не представляет собой логографической системы в чистом виде, так как с древнейших времен оно использовало словесные знаки в функции знаков слоговых. И это обстоятельство, справедливое для китайской системы, еще более справедливо для других древневосточных систем, таких, как шумерская, египетская и хеттская.

Примитивное логографическое письмо может развиться в систему собственно письма только при том условии, что его знаки приобретут фонетическое чтение, независимое от значения, которое они имеют в качестве слов. Это и есть фонетизация — наиболее важный, исключительный по своему значению шаг в истории письма. В современном словоупотреблении этот прием именуется "ребусным письмом". Показывая как он применяется, можно, например, воспользоваться изображениями глаза (eye [ai]) и пилы (saw [sɔ:l]) для передачи английской фразы I saw [ai sɔ:l] ('я видел') или изображениями человека (man [mæn]) и финиковой пальмы (date [dɛɪt]) для передачи английского слова mandate [mændɛɪt] ('мандат'). С введением фонетизации и ее последующей систематизацией развились полноценные системы письма, благодаря которым стало возможно выражение любых языковых форм при помощи постоянных символов, имеющих условные слоговые чтения. Так возникло собственно письмо — в отличие от тех слабых попыток, которые названы нами семасиографией и которые не заслуживают лучшей участи, как быть отнесенными к числу предписьменностей.

Именно шумерам мы обязаны теми важными сдвигами, которые привели к созданию собственно письма. Организация шумерского государства и экономики вызвала необходимость в письменном учете того, что доставлялось из сельской местности в город, и наоборот. Учет осуществлялся в виде кратких учетных записей типа "5 овец" или в виде таких же записей с присоединением имени собственного: "10 луков, Х". Подбор отдельного знака для отдельного слова привел к возникновению логографической системы. А логографическая система вскоре превратилась в фонографическую систему. Это произошло из-за необходимости точно передавать личные имена, чтобы избежать путаницы в документах отчетности. Величие этого достижения заключалось в том, что, создавая на основе старого идентифицирующе-мнемонического приема словесно-слоговую систему в собственном смысле слова, шумеры оказались в состоянии полностью порвать со стесняющими условностями описательно-изобразительного приема. Они развили письмо на мнемонической основе, продолжая пользоваться чисто изобразительным приемом при изготовлении печатей. Индейцы также располагали обоими этими приемами как средствами коммуникации, но предпочтение, которое они отдали описательному приему в ущерб идентифицирующему, направило их попытки по ложному пути, что привело к тому, что из всех индейских систем, включая даже такие, как системы майя и астеков, ни одна не поднялась в своем развитии выше ступени предписьменностей. Возможно, что и египтяне додинастического периода из-за чрезмерного предпочтения, которое они в своих попытках передачи сообщений отдавали принципам изобразительного искусства, никогда бы не создали собственного письма, если бы не чужеземное влияние. Вполне вероятно, что это влияние исходило от шумеров.

Самой ранней из всех древневосточных систем письма является шумерская, засвидетельствованная в Южной Месопотамии около 3100 г. до н. э. Отсюда основные принципы шумерского письма могли распространиться в восточном направлении, сначала по соседству, к протоэламитах, а затем, возможно через посредство протоэламитов, к протоиндийцам, в долину Инда. Далее, одна из ближневосточных письменностей могла в свою очередь оказаться тем стимулом, который привел к созданию китайского письма. Около 3000 г. до н. э. шумерское влияние предположительно проникло и на запад, в Египет. Египетское влияние в свою очередь распространилось на эгейские области, где около 2000 г. до н. э. возникло критское письмо, а несколько веков спустя, в Анатолии, хеттское иероглифическое письмо.

Так как из семи систем три — протоэламская, протоиндская и критская — не дешифрованы или дешифрованы лишь отчасти, мы можем рассматривать принципы письма только в том виде, в каком

мы их застаем в остальных четырех системах — шумерской, египетской, хеттской и китайской.

В отношении внутренних принципов письма общей чертой, характерной для всех четырех систем, является то, что все они едва ли не с самого начала своего развития являются фонографическими и содержат знаки следующих трех классов: словесные знаки, или логограммы, слоговые знаки и вспомогательные знаки.

Образование словесных знаков во всех четырех системах идентично или очень сходно. Один знак или одна комбинация знаков выражает одно слово или одну комбинацию слов. Идентичны также и принципы употребления вспомогательных знаков, таких, как детерминативы, разделительные и пунктуационные знаки, хотя между различными системами могут быть расхождения по внешней форме. Только в отношении употребления слоговых знаков расхождения столь значительны, что позволяют нам провести точное деление по типам.

В четырех перечисленных древневосточных системах употребляются силлабарии четырех разных типов ¹.

Тип I — шумерский. Знаки для одного слога, оканчивающегося на гласный или на согласный: ta, ti, te, tu; at, it, et, ut; tam, tim, tem, tum; чрезвычайно редко встречаются также знаки для двух слогов типа ata; tama.

Тип II — египетский. Знаки для одного или двух слогов, оканчивающихся на гласный, без обозначения различия между гласными: t^x; t^xm^x.

Тип III — хеттский. Знаки для одного слога, оканчивающегося на гласный: ta, ti, te, tu.

Тип IV — китайский. Знаки для одного слога, оканчивающегося на гласный или на согласный: ta, ti, te, tu, to; at, it, et, ut, ot; tam, tim, tem, tum, tom.

СЛОГОВЫЕ СИСТЕМЫ

Из четырех словесно-слоговых систем со временем развились четыре силлабария, достигшие различной степени упрощения.

Тип I — эламский клинописный и т. п. Знаки для одного слога, оканчивающегося на гласный или на согласный: ta, ti, te, tu; at, it, et, ut; tam, tim, tem, tum.

Тип II — западносемитский. Знаки для одного слога, оканчивающегося на гласный, без обозначения различия между гласными: t^x.

Тип III — кипрский. Знаки для одного слога, оканчивающегося на гласный: ta, ti, te, tu, to.

Тип IV — японский. Знаки для одного слога, оканчивающегося на гласный: ta, ti, te, tu, to (da, di, de, du, do).

Относительно новых слоговых письменностей можно сделать любопытное наблюдение: все они были созданы неместными, чуждыми первоначальной письменности народами. Так, в то время как ва-

вилоняне и ассирийцы Месопотамии приняли шумерскую систему письма почти без изменений, чужеземцы — эламиты, хурриты и урарты — почувствовали, что овладение сложной месопотамской системой будет для них слишком обременительно; они переняли только упрощенный силлабарий и исключили почти полностью громоздкий логографический аппарат. Семиты Палестины и Сирии в своей тенденции к упрощению пошли даже еще дальше. Единственное, что они приняли у египтян, был принцип письма знаками для одного слога без обозначения различия между гласными. Подобным же образом поступили и киприоты, которые создали на основе эгейской системы письма силлабарий и полностью отказались от употребления словесных знаков. Японцы не были столь радикальны. Они тоже создали простой силлабарий, принципиально очень близкий кипрскому, хотя звонкие согласные в нем отличаются при помощи специальных значков от глухих; однако наряду с этим силлабарием они пользуются словесными знаками, заимствованными из китайского письма. Таким образом, во всех случаях именно чужеземцы не побоялись покончить со священной традицией и оказались в состоянии ввести реформы, которые повлекли за собой новые революционные преобразования.

Общее наименование "западное семитские силлабарии", данное мною различным формам письма, употреблявшимся финикийцами, древними евреями и другими семитскими народами со второй половины второго тысячелетия до н. э., отчетливо выражает мою уверенность в том, что эти письменности являются именно силлабариями, а не алфавитами, как принято думать. Эти семитские письменности в точности следуют модели своего египетского прототипа, а последний с точки зрения развития письма не может быть ничем иным, как только силлабарием.

АЛФАВИТНЫЕ СИСТЕМЫ

Теперь законно будет задать вопрос: если эти древние семитские письменности не алфавиты, то что же такое тогда алфавит? Ответ ясен. Если под словом "алфавит" мы понимаем письмо, выражающее отдельные звуки языка, то первый алфавит был создан греками. Хотя на протяжении второго тысячелетия до н. э. было сделано несколько попыток найти способ обозначения гласных в силлабариях египетско-семитского типа, ни одна из таких попыток не развилась, однако, в последовательную систему передачи гласных. В этих случаях шли, как правило, по пути присоединения фонетических индикаторов в качестве вспомогательных средств при чтении гласных, обычно остававшихся в семитских системах письма необозначенными. Но в то время, как семиты употребляли так называемые *matres lectionis* (см. с. 162 и сл.) лишь sporadически, как, например, при написании $m^a-l^a-k^a-t^l-u^l$ для *malakti* 'я правил', греки пользовались ими систематически, в каждом слоге. Далее,

следуя принципу редукции (см. с. 177 и сл.), они вскоре смогли прийти к заключению, что раз в написании t^i - y^i второй знак представляет собой не слог y^i , а гласный i , то и первый знак должен означать не слог t^i , а согласный t .

В итоге именно греки, полностью восприняв формы знаков западносемитского силлабария, создали систему гласных, которые, будучи присоединены к слоговым знакам, превратили их просто в знаки для согласных. Таким образом, греками впервые была создана собственно алфавитная система письма. И именно от греков семиты в свою очередь научились употреблению значков для гласных и в результате развили свои собственные алфавиты.

Существует три типа алфавитов, которые различаются по методу обозначения гласных.

Тип I — греческий, латинский и т. д. Гласные обозначаются отдельно стоящими знаками: t -a, t -i, t -e, t -u, t -o.

Тип II — арамейский, еврейский, арабский и т. д. Гласные обозначаются отдельно стоящими диакритическими значками:

\dot{t} , \ddot{t} , \acute{t} , \grave{t} , t^* и т. п.*

Тип III — индийский, эфиопский. Гласные обозначаются диакритическими значками, слитыми со знаками, или при помощи внутренней модификации знаков.

За последние двадцать пять веков алфавит завоевал весь цивилизованный мир, достигнув самых отдаленных уголков земли; однако за весь этот период в принципах письма не произошло никаких изменений. Сотни алфавитов во всем мире, как бы различны они ни были по внешней форме, все без исключения следуют принципам, раз и навсегда установленным еще в греческом письме.

ВЫВОДЫ

При взгляде на простые буквы нашей скорописи или нашего печатного шрифта едва ли может прийти в голову мысль о промежулке во много тысяч лет, который разделяет современные буквы и знаки, которые являются их прямыми предками. Англичане или американцы называют свое письмо "английским", потому что оно служит средством выражения английского языка. Но известно, что его называют также "латинским", поскольку даже в современной своей форме это письмо мало отличается от латинского письма, каким оно было две тысячи лет тому назад. Но велико ли число тех, кто мог бы проследить путь развития латинского письма вспять, кто знает, что латинский алфавит представляет собой развитие греческого алфавита, а последний в свою очередь является результатом

* Следует сказать: "факультативно обозначаются отдельно стоящими диакритическими значками", так как эти системы письма чаще всего функционируют без диакритических значков для гласных, пользуясь лишь *matres lectionis*, главным образом для долгих гласных.— *Прим. перев.*

приспособления письма древних семитов, живших в Сирии в середине второго тысячелетия до н. э.? Но и это не конец. История нашего письма уходит еще дальше в глубь времен. Хотя по внешней форме это первое семитское письмо кажется творением оригинальным и индивидуальным, не возводимым ни к какому другому известному письму, тем не менее принципы его структуры, несомненно, те же, что и у египетского силлабария. Последний в свою очередь представляет собой часть египетской системы письма, которая совместно с шумерской, хеттской, китайской и др. принадлежит к большой семье древневосточных систем письма. Наконец, история древнейшей из этих систем, шумерской, которая, возможно, является их общей прародительницей, прослеживается начиная приблизительно с 3000 г. до н. э.

Как в научных, так и в популярных книгах часто говорится об изобретении письма. Но было ли письмо в самом деле изобретено? Иными словами, уместно ли здесь вообще говорить об "изобретении"? Если мы рассмотрим, например, такое "изобретение", как деньги, то легко будет понять, что я имею в виду. Считается, что деньги изобрел Крез, царь лидийцев. Однако на самом деле он всего лишь воспринял имевшую широкое распространение на Ближнем Востоке уже за несколько веков до него практику использования драгоценных металлов как средства обмена, дополнив, однако, эту практику гарантией точного соответствия цены каждого куска металла его весу, которую он дал от своего имени и от имени своего государства. В том же свете следует рассматривать все другие достижения, обычно именуемые "изобретениями"; например, паровоз Стефенсона не что иное, как соединение паровой машины Уатта с колесами, сама же паровая машина представляет собой практическое применение многовековых наблюдений ряда поколений.

Рассматривая этот пример, нетрудно увидеть, что любое так называемое "изобретение" на деле является не более как усовершенствованием чего-либо известного ранее. Письмо, подобно деньгам или паровой машине, не было изобретено определенным человеком в определенном месте и в определенное время. История и предыстория письма делятся столько же, сколько длится сама цивилизация ².

Разумеется, во всех великих культурных достижениях всегда следует учитывать решающий вклад гениальных людей, сумевших либо порвать со священными традициями, либо придать практическую форму тому, о чем другие могли только рассуждать. К сожалению, нам не известен ни один из тех гениев, которым мы обязаны наиболее важными реформами в истории письма. Их имена, как и имена других великих людей, тех, кому принадлежат решающие усовершенствования в практическом применении колеса, или лука, или стрелы, или паруса, исчезли во мраке древности и утрачены для нас навеки.

Прежде чем перейти к ключевым моментам эволюции письма, следует сделать несколько замечаний относительно терминов и оп-

ределений, используемых в таблице на рис. 95 (с. 185). Нам неизвестны чистые системы письма, точно так же, как антропологам неизвестны чистые расы, а лингвистам — чистые языки. Подобно тому как в языке определенного периода могут быть обнаружены элементы, сохранившиеся от более древнего периода, и инновации, опережающие данное состояние, так и в системе письма могут в определенный период содержаться элементы разных фаз ее развития. В схематическом построении, каким является таблица, невозможно учесть все мелкие расхождения такого рода. Если же создать длинную и сложную терминологию, способную отразить все характерные особенности системы, будет затмлена суть дела. По этой причине термины, употребляемые в таблице, имеют целью передать лишь самые важные характеристики письма. Поясню свою мысль примером. Английское письмо, подобно латинскому, называется алфавитным, несмотря на то что оно содержит некоторое количество словесных знаков, как, например, в написаниях 3 lb или £3 для 'three pounds' ('три фунта'). Значительно большее количество словесных знаков используется в эламском силлабарии и в пехлевийском алфавите. Хеттский иероглифический силлабарий, помимо нормальных слоговых знаков, содержит несколько знаков типа tra, ara³. Во всех фонографических письменностях, в особенности в китайском письме, представлены элементы, которые при других обстоятельствах естественно было бы отнести к семасиографической ступени письма.

В предыдущих главах различные типы письма рассмотрены по группам, в последовательности ступеней реконструированного внутреннего развития письма. Сначала даны семасиографические письменности, а за ними следуют три группы собственно письма, включающие словесно-слоговую (лого-силлабическую), слоговую (силлабическую) и буквенную (алфавитную) ступени. Главный упор в моей классификации делается на внутренние принципы письма, что прямо противоречит усилиям тех ученых, которые пытаются классифицировать письменности по формальным или географическим признакам. Разбивка письменностей на группы в соответствии с их внешней формой — например, на рисуночные и линейные — или в соответствии с их географическим положением — например, на восточные, африканские, индийские и т. д. — является для моей трактовки вопросом второстепенным.

Другим моментом, который следовало бы подчеркнуть в предлагаемой реконструкции различных фаз письма, является принцип однонаправленного развития. Термин "однонаправленный", употребляемый здесь, подразумевает, что письмо развивалось в одном определенном направлении; и этот термин не следует смешивать с термином "однолинейный", который обозначал бы, что письмо прогрессировало в одном направлении, следуя прямой линии развития. Однако ничто не было бы так противно истине, как стремление доказать, что письмо развивалось прямолинейно, так как нам хорошо известно, что долгое историческое восхождение письма со ступени

на ступень совершалось путем проб и ошибок. Зато в защите однонаправленного развития нет ничего странного, так как сходное направление эволюции засвидетельствовано во многих других аспектах нашей культуры, таких, как язык, искусство, религия и теория экономики. В области языкознания, например, известна тенденция языков развиваться от изолирующей стадии к агглютинативной и затем к флективной. В более частной области, такой, как фонетика, мы часто можем наблюдать тенденцию глухих согласных переходить в аспирированные, а аспирированных в свою очередь в звонкие (см. также с. 195). Постепенная эволюция определенного и неопределенного артикля и постепенное исчезновение старого двойственного числа представляют собой другие примеры однонаправленного развития в языке ⁴.

В истории письма этот принцип проявляется в том, что для достижения своего высшего развития письмо, к каким бы предписменностям оно ни восходило, должно пройти через ступени логографии, силлабографии и алфавита, притом именно в таком и ни в каком другом порядке. По этой причине никакое письмо не может начаться со слоговой или алфавитной ступени, если только оно не является заимствованием, прямым или косвенным, другой системы, уже прошедшей все предыдущие ступени. Система письма, разумеется, может остановиться на какой-либо ступени и не развиваться дальше. Так, многие письменности остановились на логографической или на силлабической ступени. Утверждение "*natura non facit saltus*" ('природа не делает скачков')* применимо и к истории письма — в том смысле, что никакая ступень развития не может быть пропущена. Поэтому если считать признанным, что из логографии сперва развивается силлабография, то так называемый египетский "алфавит", который развился из логографии, не может быть алфавитом, а должен быть слоговым письмом. Обратного развития быть не может: из алфавита не может развиться слоговое письмо, так же как развитие слогового письма не может привести к логографии. По этой причине абсурдно говорить о развитии эфиопского (или санскритского) силлабария из семитского алфавита. Как показано в другом месте (см. с. 181 и сл.), оба письма — эфиопское и санскритское — представляют собой формы дальнейшего развития семитского слогового письма, которое в свою очередь представляет собой систему, созданную по образцу египетского силлабария.

Трудно предсказать будущее нашего письма, то есть определить, какой будет та следующая ступень, на которую вступит наша алфавитная система в грядущие годы. Если бы наше письмо случайно изменилось в направлении семасиографии, то есть системы письма, не имеющей определенного соответствия в разговорном языке (см. с. 230 и сл.), это не было бы аргументом в пользу обрат-

* Речь идет в данном случае не о скачке в диалектическом понимании, а об обязательности, по мнению автора, всех стадий развития любого процесса.—
Прим. ред.

ного развития. Подобно параллельному явлению, которое имеет место в развитии языков, когда они проходят изолирующую > агглютинирующую > флективную > изолирующую стадии и т. д. ⁵, или в развитии фонетики индоевропейских языков, когда оно совершается по "правилу ТАМ-ТАМ" (то есть «*tenuis* > *aspirata* > *media* > *tenuis* > *aspirata* > *media*») ⁶, дальнейшее развитие письма в направлении семасиографии лишь показало бы, что развитие это может проходить различные ступени, продвигаясь по кругу или, скорее, по спирали. Только непосредственное превращение нашего нынешнего алфавита в словесное или в слоговое письмо могло бы послужить доводом против принципа однонаправленного развития.

На основании сказанного выше мы были бы вправе надеяться, что нам удастся проследить нормальное развитие письма от словесного к слоговому и от слогового к алфавитному, засвидетельствованное в рамках одного письма, употребляемого в определенном районе. Однако *привычка человеку неизменно милей прогресса*, поэтому письмо чрезвычайно редко проходит весь путь своего развития в пределах какого-либо одного района. Направление развития от преимущественно логографического к преимущественно слоговому письму можно наблюдать в пределах хеттской иероглифической системы. С другой стороны, хотя на ранних ступенях своего развития месопотамская клинописная и египетская системы и проявляли отчетливые тенденции развития в направлении силлабографии, они затем на протяжении веков все более перегружались огромным количеством дополнительных словесных знаков. Обратная эволюция отдельных письменностей часто облегчалась тем, что они подпадали под контроль жреческой или политической касты. В подобных случаях системы письма оказывались до такой степени обремененными различными искусственными и причудливыми отклонениями, что их усвоение становилось непосильным для широких масс. В конце концов это часто приводило к тому, что такое деградировавшее письмо отвергалось народом и заменялось совершенно новой системой, заимствованной за пределами страны (см. также с. 161 и 190). Так, например, в отличие от относительно простых и легких для заучивания клинописных систем староаккадского, староассирийского и старовавилонского периодов позднеассирийская и поздневавилонская системы оказались до такой степени усложненными, что были в конце концов заменены арамейским письмом. И иероглифические системы египетских пирамид и династического периода были значительно более доступны, чем развившиеся из них усложненные, иногда до загадочности, системы птолемеевского Египта, которые в конце концов и уступили место коптскому письму. Почти неправдоподобное развитие логографии в китайском письме представляет собой хорошо известный феномен. Благодаря своему пограничному положению в древнем мире Китай не был в такой мере затронут иноземными вторжениями, как страны Ближнего Востока. Поэтому поступательное движение эволюции китай-

ского письма длилось тысячелетиями, не подвергаясь вмешательству иностранных влияний, и привело в результате к типу письма, идеально соответствующему потребностям тесной бюрократической клики, но совершенно недоступному девяноста процентам населения.

История нашего письма, насчитывающая тысячелетия, строго параллельна истории некоторых современных письменностей, созданных в слабо развитых обществах под стимулирующим влиянием более развитых цивилизаций. Таковы, например, письменности индейцев чероки или африканцев бамум, рассматриваемые более подробно ниже, на с. 199 и сл. и на с. 201 и сл. Оба эти письма, начавшиеся с бессистемной семасиографии, в процессе своего дальнейшего развития сначала превратились в логографические системы, где каждый отдельный знак выражал отдельное слово языка. Из-за неадекватности чистой логографии оба письма были вскоре вынуждены выработать слоговые системы, причем письмо бамум в своем последующем развитии как будто проявляет определенные тенденции в направлении алфавитизации, тогда как письмо чероки, аналогично многим другим подобным письменностям, остановилось на слоговой ступени. Эта последовательность ступеней письма отражает стадии развития психологии. Так как первоначально человек умел улавливать преимущественно такие части речевого потока, как высказывание или отрезок предложения, то вполне естественно, что ему часто бывало трудно выделять отдельные слова. Умение разделять слово на составляющие его слоги представляет собой большой шаг вперед в понимании речи, и носители языка часто обучаются ему под внешним влиянием. Разделение слогов на отдельные звуки обычно оказывается за пределами их возможностей. Естественность именно такой последовательности развития анализа речи подтверждается тем фактом, что почти все письменности, введенные в новое время в слабо развитых обществах, остановились на слоговой ступени. Западными исследователями неоднократно отмечалась эффективность слоговых систем и та исключительная легкость, с которой удавалось обучать чтению и письму с их применением, в отличие от трудностей, возникающих при усвоении алфавитных письменностей ⁷.

Наш краткий обзор развития письма показывает, что в поступательном движении от примитивных ступеней к собственно алфавиту письмо прошло три важных этапа; в хронологическом порядке это были: (1) шумерский принцип фонетизации, (2) западносемитское слоговое письмо и (3) греческий алфавит.

Принцип фонетизации, ведущий к полностью систематизированному силлабарии, впервые исторически засвидетельствован у шумеров, а позже — во многих других письменностях Старого Света. Отдельные случаи фонетизации, встречающиеся в различных частях как Старого, так и Нового Света (с. 16, 49 и 62), показывают, что этот принцип мог быть выработан в разных местах совершенно независимо.

Вторым важным этапом было создание западносемитского силлабара, включающего двадцать два знака и в принципе полностью совпадающего с соответствующим египетским силлабарием, который также состоял из двадцати двух знаков. Величие достигнутого заключается не в введении какого-либо революционного новшества, а в том, что из египетской системы были исключены словесные знаки и знаки, содержавшие больше одного согласного, а сама эта система была сведена к ограниченному числу открытых слоговых знаков. В известном смысле это достижение не выше того, которое привело к созданию кипрского силлабара, развившегося из эгейского словесно-слогового письма путем отказа от словесных знаков, хотя, разумеется, значение семитского силлабара для истории письма неизмеримо больше, чем значение параллельных новообразований в других местах,— по той простой причине, что этому письму посчастливилось стать родоначальником всех алфавитов, тогда как кипрская система умерла, не оставив прямых потомков.

Наконец, третьим важным этапом было создание греческого алфавита, связанное с введением систематического употребления приема *matres lectionis*. Этот прием и прежде имел значительное распространение на Ближнем Востоке, но употреблялся нерегулярно, от случая к случаю. Систематическое присоединение гласных к слоговым знакам привело к превращению их слоговых чтений в буквенные, а самих слоговых знаков — в алфавитные. Таким образом был создан подлинный алфавит. Как показано выше (см. с. 162 и сл.), многие другие восточные письменности тоже находились на пути, который вел к развитию алфавитного письма, весьма близкого к тому, какое было в систематическом виде впервые создано греками.

Здесь необходимо подчеркнуть, что ни один из трех названных важных этапов не был подлинно революционным в том смысле, чтобы представлять собой что-то совершенно новое. В соответствии с тем, что было сказано выше о так называемых "изобретениях" вообще (см. с. 192 и сл.), единственным типом развития, который можно реально наблюдать в истории письма, является осуществляемая на определенной ступени систематизация ранее известных приемов, употреблявшихся sporadически.

Таким образом, мы проследили эволюцию письма от примитивных семасиографических опытов до словесно-слоговых, слоговых и алфавитных систем собственно письма. Сколь простым ни казалось бы на первый взгляд это развитие, не следует упускать из виду, что до настоящего времени оно толковалось вкривь и вкось. Как иначе можем мы оценить точку зрения ученого, который признает последовательную эволюцию от словесного письма к слоговому и от слогового к алфавитному⁸ и в то же время называет египетское несемантическое фонетическое письмо консонантным⁹, а в другом месте рассуждает о слоговом письме как о тупике (*Sackgasse*), из которого не может быть пути к алфавитному письму?¹⁰ Как нам примирить между собой противоречивые суждения другого

ученого, который считает, что письмо развивалось от пиктографическо-идеографической ступени через слоговую ступень к алфавитной¹¹, но в то же время рассматривает египетское несемантическое письмо как смесь многосогласных и односогласных знаков¹² и приходит к заключению, что отсутствие гласных в египетском и западносемитском письме еще не получило удовлетворительного объяснения?¹³ Мне кажется, что изжить эти противоречивые высказывания можно только путем строго логических рассуждений, опирающихся на следующие две основополагающие предпосылки.

Предпосылка I. *С точки зрения теории письма эволюция происходит от словесно-слогового письма через слоговое письмо к алфавитному письму.*

Предпосылка II. *С исторической точки зрения развитие идет от египетского письма через западносемитское письмо к греческому письму.*

Если мы принимаем эти две предпосылки — а среди ученых как будто нет разногласий относительно состоятельности каждой из них в отдельности, — то мы должны прийти к очевидному выводу о том, что еще прежде, чем произошла эволюция, давшая греческий алфавит, в пределах египетской или семитской системы должна была существовать какая-то разновидность слогового письма. В этом вся проблема, и она может быть полностью решена только при условии принятия теоретически и исторически обоснованного понимания развития письма, предложенного в данном исследовании, а именно: *от египетской словесно-слоговой системы к чисто слоговому западносемитскому письму и от западносемитского слогового письма к греческому алфавиту.*

VII

ПИСЬМЕННОСТИ СЛАБОРАЗВИТЫХ ОБЩЕСТВ В НОВОЕ ВРЕМЯ *

Помимо неполноценных систем ограниченного применения, употреблявшихся в недавнее время в слабо развитых обществах и рассмотренных нами в главе II, существует множество более развитых письменностей, которые были введены у разных народов в новое время под влиянием миссионеров. В нижеследующем кратком обзоре все эти письменности сгруппированы по континентам, на которых они возникли. Полноты ради сюда включены также письменности, изобретенные самими миссионерами и введенные ими для нужд народов, населяющих эти континенты. Ввиду важности вопроса литература указывается с максимально возможной полнотой.

ОПИСАНИЕ

Важнейшим и, очевидно, самым старым на Американском континенте является письмо чероки, которое изобрел индеец Сиквайи (более известный под именем Секвойя) для своих соплеменников, живших на территории, входящей теперь в состав штата Северная Каролина. Знание о существовании книг на английском языке было стимулом, побудившим Секвойю взяться за изобретение письма. Ни читать, ни писать по-английски он не умел. Около 1820 г. он приступил к своим опытам по созданию нового письма: на основе примитивной индейской семасиографии (см. с. 38 и сл. и с. 48 и сл.) он начал разрабатывать систему пиктографических знаков, каждый из которых должен был соответствовать слову его наречия. Постепенно, уяснив себе, как нелегко будет убедить соплеменников изучать трудное словесное письмо, он отказался от своей первоначальной затеи и стал разрабатывать систему, в которой отдельные знаки передавали бы не целые слова, а их составные части, то есть слоги. Тогда же он отверг и свое первоначальное намерение сделать знаки рисуночными и решил вместо этого принять за основу для знаков своего силлабария форму букв, взятых им из принадлежавшей ему английской книги. Например, знаку Н он придал

* Автор имеет в виду доклассовые и докапиталистические общества.—
Прим. ред.

чтение *mi*, знаку *A* — чтение *go* и т. д. Остальные знаки Секвой частично придумал сам, а частично создал на основе английских букв, видоизменив их форму. Так Секвой разработал силлабарий, который первоначально содержал примерно двести знаков. Около 1824 г. Секвой значительно упростил свой силлабарий, сократив число знаков до восьмидесяти пяти. Это и было письмо, которым с той поры стали печататься книги и газеты на языке племени чероки ¹.

Меньшее значение имеет силлабарий, который вскоре после 1840 г. изобрел английский миссионер Дж. Эванс для канадских индейцев племени кри и для соседних с ним других племен алгонкинской группы. Этот силлабарий содержит 44 знака простой геометрической формы. Различия между гласными передаются разной ориентацией основного знака. Дополнительный набор знаков служит для обозначения конечных согласных. Известно несколько систем этого письма ².

Письмо с громоздкой системой словесных знаков, изобретенное миссионером Кристианом Каудером для восточноканадских индейцев племени микмак (или мегум), имело лишь самое ограниченное распространение. В 1866 г. в Вене этим письмом был напечатан полный текст Катехизиса ³; количество разных знаков, которые пришлось для этого изготовить, составило ни мало ни много 5701 знак — все они представляли собой произвольное изобретение Каудера. Абсурдность этой системы нагляднее всего проявляется в том, что она содержала особые знаки даже для таких малоупотребительных наименований, как Вена и Австрия.

Чисто алфавитное письмо представлено различными системами, употребляемыми юго-западными алгонкинскими племенами сауков, фокс и кикапу. Алфавит состоит из 15 знаков, все они представляют собой слегка видоизмененные заимствования курсивных форм латиницы. Одиннадцать знаков имеют приблизительно те же значения, что и в английском, и лишь в четырех случаях чтения букв произвольно изменены ⁴. Очень мало что известно об алфавите, который племя виннебаго заимствовало у индейцев сауков. Предположительно этот алфавит состоит из 17 латинских букв и двух новых, произвольно изобретенных знаков. Есть сведения, что из этих 17 латинских букв (прописных или строчных?) десять сохранили свое латинское чтение (то есть пишется, например, *m* и произносится *m*), а семь получили новое чтение (то есть пишется, например, *r*, а произносится *s*) ⁵.

Особый интерес представляют различные письменности эскимосов Аляски. Здесь в самом конце XIX в. из примитивной семасиографии (см. с. 42) было разработано словесное письмо со знаками как рисуночного, так и линейного характера. С течением времени это письмо приобрело известные признаки фонетизации, хотя собственно фонетический силлабарий типа черокского эскимосам создать так и не удалось. Существует несколько типов эскимосского письма, бытующих в различных районах Аляски, причем в некото-

рых из этих письменностей наблюдаются известные тенденции к алфавитизации ⁶.

Обратимся теперь к Африке. Первым здесь появилось письмо негров племени *ваи*, живущих в Сьерра-Леоне и в Либерии. Согласно одному источнику, за несколько лет до 1848 г. туземец по имени *Букеле* разработал на основе примитивной семасиографической системы (см. с. 56 и сл.) рисуночное словесное письмо, а затем и слоговую систему. Часть слоговых знаков он образовал от соответствующих словесных знаков, остальные изобрел произвольно. С годами рисунки постепенно утратили свой пиктографический характер, число же словесных знаков так сильно сократилось, что на своей конечной ступени письмо *ваи* насчитывало примерно 226 слоговых знаков и очень небольшое число словесных знаков ⁷.

С письмом *ваи* тесно связана группа слоговых письменностей, преобладающая часть которых возникла, скорее всего, под влиянием более раннего письма *ваи*:

слоговое письмо *менде* содержит примерно 190 знаков; его создателем был туземец по имени *Кисими Камала* ⁸;

силлабарий *гбасса* в Либерии известен только по сообщениям общего характера ⁹;

письмо *капелле*, или *кпелле*, распространенное севернее района *гбасса*, еще не опубликовано ¹⁰;

силлабарий *тома* в Гвинее и Либерии состоит из 187 знаков; его близкое родство с письмом *ваи-менде* совершенно очевидно ¹¹;

письмо *герге* в Гвинее содержит всего лишь 87 знаков ¹².

Значительно позднее письма *ваи* появилось столь же важное для нас письмо *бамум*, изобретенное в Камеруне около 1895—1896 гг. местным султаном по имени *Нджойя* под влиянием европейцев или торговцев из народа *хауса* ¹³. Как и письмо *ваи*, письмо *бамум* началось как рисуночное словесное письмо, содержавшее около 510 знаков. Постепенно знаки теряли свой первоначальный пиктографический характер, причем одновременно уменьшалось и их число: сначала с 510 до 437 знаков, затем — до 381, до 295 и, наконец, до 205. На завершающей ступени развития письма *бамум* появляется силлабарий *бамум*, содержащий около 70 знаков, причем в нем обнаруживается известная тенденция к алфавитизации — совершенно уникальное явление среди письменностей современных африканских племен ¹⁴. Этот новый тип письма обязан своим появлением самым необычайным обстоятельствам. Султан *Нджойя*, по-видимому, проникся завистью к своим коллегам-царькам из соседних стран, говорившим на своем собственном придворном языке, который отличался от языка их подданных, и решил придумать новый язык для употребления при своем дворе. В этом новом языке, составленном с помощью женщины-миссионера из Европы, были причудливо перемешаны французские, немецкие и английские слова, произносившиеся на туземный манер и имевшие произвольно приданные им значения. Поскольку существовавшая силлабическая система не годилась для записи иностранных слов, был введен прием, известный

во многих письменностях Ближнего Востока, а именно прием полногласного написания (см. с. 162 и сл.): к открытым слогам стали добавлять знаки для гласных. Так что слово *fête* 'пустяки, ничего особенного' (от англ. fate 'судьба') пишется f(è)-é-t(è)-é, а слово *atol* 'вот именно' (от англ. at all 'вообще') — a-t(è)-o-l(i). Но этот прием употреблялся несистематически, и настоящий алфавит на основе письма бамум так и не был создан. Хотя специалисты, которые приводят алфавитное написание вышеуказанных слов в виде f-é-t-é и a-t-o-l, делают это, пожалуй, без достаточных на то оснований, все же развитие письма бамум имеет неоценимое значение для теории письма, так как оно неопровержимо доказывает, что алфавит может развиться не только из силлабария семитского типа, состоящего из знаков, которые не различают гласных, но и из такого силлабария, как силлабарий бамум, который состоит из знаков с последовательным различением гласных ¹⁵ (см. с. 170 и сл. и с. 178 и сл.).

Единственным достоверным примером алфавитного письма, самостоятельно сложившегося в новое время в Африке, является сомалийский алфавит. Изобретатель этого письма, по имени 'Исман Юсуф, отнюдь не был безграмотным человеком: он хорошо владел арабским и в какой-то мере — итальянским. На основе своего знакомства с системами письма этих языков 'Исман Юсуф разработал собственный алфавит из 19 согласных и 10 гласных. Согласные он расположил в том же порядке, что и в арабском алфавите. Форма знаков не была заимствована ни из арабского, ни из итальянского письма, а, по всей видимости, была произвольно изобретена, быть может, частично под влиянием пошиба эфиопского письма ¹⁶.

Единственная система, изобретенная в новое время в Азии, принадлежит чукотскому пастуху *Теневилю*. Его письмо состоит из нескольких сот рисуночных знаков, имеющих условное начертание, причем каждый знак соответствует определенному слову. Поскольку это письмо так и не было доведено до фонетическо-слоговой ступени, им трудно было овладеть, и круг пользовавшихся им людей ограничивался семьей и знакомыми *Теневиля* ¹⁷.

Несколько слоговых систем с линейными знаками изобрели предшественники Британской библейской миссии для записи различных языков Юго-Западного Китая. Мне ничего о них не известно, кроме образцов письма, которые приведены в каталоге, изданном Британским и зарубежным библейским обществом ¹⁸.

В заключение следует упомянуть о слоговом письме, которое предположительно употреблялось на одном из Каролинских островов и о котором известно лишь одно: как и в письме чероки, образцом для начертания знаков силлабария послужила форма латинских букв ¹⁹. Силлабарий, применяемый на острове Олеан, или Улеан — тоже входящем в Каролинский архипелаг, — как утверждают, содержит знаки, часть которых образовалась из рисунков, а часть была изобретена произвольно, так что это письмо, возможно, было создано независимо от предыдущего ²⁰.

ВЫВОДЫ

Даже этого краткого обзора достаточно, чтобы ясно представить себе, насколько трудно хотя бы перечислить все письменности, созданные в новое время для нужд слаборазвитых обществ. Некоторые из этих письменностей изучены еще очень мало, другие известны лишь понаслышке, а третьи, должно быть, бытуют в укромных уголках земного шара, но еще не попали в поле зрения специалистов. Все это благодарный материал для исследований, которыми долго полностью пренебрегали в трудах о письме. Большой интерес к изучению этих важных письменностей пробудил известный ориенталист Иоганнес Фридрих.

Исследование этих письменностей позволяет сделать выводы, которые имеют первостепенное значение для общей истории письма. Вот некоторые из них:

1) Все письменности, предавшие достаточно длительный процесс эволюции, развились, подобно системам чероки и эскимосов Аляски в Северной Америке или системам ваи и бамум в Африке, из примитивной семасиографии и постепенно прошли через ступени логографии и силлабографии, временами обнаруживая на последних ступенях известные тенденции к алфавитизации. Таким образом, последовательность ступеней развития письменностей, изобретенных для первобытных народов, полностью параллельна истории письма на протяжении его естественной эволюции, описанной выше, на с. 184 и сл.

2) Письменности, созданные в среде слаборазвитых обществ под влиянием других цивилизаций, в течение жизни одного-двух поколений претерпели эволюцию, для которой письму вообще потребовались тысячи лет. Это дает нам возможность проследить процесс развития письма, который был необычайно ускорен стимулирующим воздействием извне (см. также с. 209 и сл.).

3) Судьба самобытного словесного письма чероки, сначала изобретенного Секвойей, а потом заброшенного им, так же как и ограниченность употребления аляскинской и чукотской словесных письменностей, подтверждает высказанную на с. 187 мысль о непригодности словесного письма вообще для того, чтобы служить системой коммуникации.

4) Преобладающее большинство письменностей из числа рассмотренных в настоящей главе свидетельствует о том, что для менее развитых обществ наиболее пригодно письмо, находящееся на слоговой ступени. Этот вывод согласуется с мнением, высказанным выше, на с. 196.

5) Тенденция развиваться в направлении к алфавиту, проявляющаяся в таких письменностях, как бамум и аляскинская, опровергает утверждение К. Зете²¹ о том, что слоговое письмо — это тупик (Sackgasse), из которого нет пути к алфавитному письму. В настоящем исследовании автор защищает противоположный взгляд: алфавит не мог развиваться ни из чего иного, кроме как из силлабария (см. с. 197 и сл.).

VIII

МОНОГЕНЕЗ И ПОЛИГЕНЕЗ ПИСЬМА

Приступая к рассмотрению поставленной проблемы, нужно сразу подчеркнуть следующее: невозможно говорить о моногенезе письма, если пользоваться термином "письмо" в широком смысле слова, подразумевая под ним все способы коммуникации человека посредством зримых знаков. Письмо в таком понимании, как и вообще рисунок, могло применяться разными народами в разных частях света, и говорить об общем происхождении письменностей в этом смысле слова было бы так же бессмысленно, как пытаться вывести из одного источника все искусство. Таким образом, проблема моногенеза и полигенеза письма может касаться только того, что мы называем собственно письмом или фонетическим письмом.

Нам известны семь великих систем письма, каждая из которых теоретически могла бы претендовать на независимое происхождение: шумерская, протоэламская, протоиндская, китайская, египетская, критская и хеттская. Так как все эти системы представляют собой фонетическое письмо, то некоторые ученые, как, например, Альфред Шмитт ¹ и Артур Унгнад ², полагали, что они должны иметь общее происхождение, потому что такое важное свойство, каким является фонетизация, не могло возникнуть независимо в разных частях света. Я лично не слишком убежден в обоснованности такого хода мыслей. Фонетизация действительно может считаться самым важным шагом в развитии подлинного письма, однако нет оснований утверждать, что такой шаг мог быть сделан лишь однажды и в одном определенном месте (см. с. 196). К тому же важнейшая роль в эволюции собственно письма принадлежит вовсе не изобретению принципа фонетизации, а систематизации этого принципа.

Прежде чем углубиться в проблему моногенеза или полигенеза письма, необходимо коротко обсудить условия и культурный фон развития семи древневосточных систем, а также выяснить, какие имеются данные о культурных контактах между ними.

КУЛЬТУРНЫЙ ФОН СЕМИ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ СИСТЕМ ПИСЬМА

Наиболее древней из семи древневосточных систем письма является шумерская, возникшая в Южной Месопотамии около 3100 г. до н. э. Лишь несколькими веками позже датируются первые образцы нешифрованного протоэламского письма, обнаруженные в Сузах — столице древнего Элама. Как бы то ни было, но применительно к протоэламским надписям говорить о независимом происхождении трудно. Элам находился так близко от Шумера и на протяжении всей своей истории так сильно зависел от своего западного соседа в культурном отношении, что вывод о возникновении протоэламского письма под стимулирующим воздействием шумерского почти неизбежен. Именно эта культурная зависимость Элама от Шумера привела в конце концов к полному отказу от протоэламского письма и к его замене месопотамским типом клинописи (см. с. 122).

Сам по себе тот факт, что протоиндская цивилизация располагала цилиндрическими печатями, недвусмысленно указывает на культурное заимствование из Месопотамии. Это обстоятельство, как и существование других культурных черт вероятного месопотамского происхождения, приводит к весьма правдоподобию выводу, что и протоиндское письмо может быть обязано своим происхождением месопотамскому влиянию³.

Из долины Инда наша проблема ведет нас в Северный Китай, где около 1300 г. до н. э., во времена династии Шан, появились первые письменные документы в виде кратких надписей на кости, раковинах и бронзе. Хотя сохранившиеся китайские надписи представляют собой почти исключительно гадательные тексты, это совершенно не значит, что китайское письмо употреблялось тогда только для названной цели. Само присутствие в наиболее ранних надписях периода Шан знака для 'книги', представляющего собой изображение табличек, связанных шнурком, свидетельствует об употреблении для письма какого-то непрочного материала вроде дерева. Эта книжная литература теперь полностью утрачена, но кто знает, не посчастливится ли когда-нибудь в будущем найти при раскопках какие-либо новые свидетельства ее существования. Проблема происхождения китайского письма неразрывно связана с проблемой происхождения шанской культуры. Изыскания последних лет убедительно показали, что культура Шан в Северном Китае пришла на смену весьма примитивным культурам крашеной керамики и черной керамики. По сравнению с этими примитивными культурами период Шан так богат нововведениями, что, по мнению некоторых выдающихся китаистов, культура периода Шан производит впечатление импортированной, полученной в готовом виде. Высокоразвитая техника обработки бронзы, боевые колесницы, запряженные лошадьми, большое количество нового оружия, одомашненных животных и культурных растений и, наконец, письмо — вот те новые главные черты,

которые резко выделяют культуру Шан на фоне общей культурной бедности предыдущих периодов.

Существуют две различные теории, которые пытаются объяснить происхождение культуры Шан. Одна из них, представленная главным образом китайскими учеными и профессором Хэрли Крилом в Америке, пытается доказать, что культура Шан возникла на местной почве и соответственно должна рассматриваться как естественное развитие предыдущих культур ⁴; другая, представленная преимущественно западными учеными, склонна рассматривать внезапное появление высокоразвитой культуры шанского периода как результат иноземного влияния ⁵. Откуда пришло это влияние, предположить невозможно, так как не может быть и речи ни об одной из высокоразвитых цивилизаций Ближнего Востока. Особенно важным с точки зрения проблемы культурных заимствований является существование в Китае боевой колесницы, очень похожей по виду на боевые колесницы, обнаруженные по всему Ближнему Востоку в середине второго тысячелетия до н. э. ⁶ Возможно, это ярчайший и вернейший пример диффузии элемента культуры на обширных пространствах, простирающихся от Средиземноморского побережья до Желтого моря.

Предположение о происхождении китайского письма непосредственно из месопотамского, высказанное некоторыми учеными на основании формальных сравнений китайских и месопотамских знаков ⁷, так и не было доказано строго научным методом. Как мы покажем ниже (с. 209 и сл.), такого рода формальные сравнения заведомо обречены на провал.

Если мы вернемся теперь к Ближнему Востоку, то первойшей нашей задачей будет выяснение происхождения египетского письма. Всего тридцать или сорок лет тому назад было бы невозможно дать определенный ответ на этот вопрос, но с тех пор наша задача сильно облегчилась благодаря обширному сравнительному материалу, обнаруженному как в Египте, так и в Месопотамии. Новые данные убедительно показывают, что около 3000 г. до н. э., именно в то время, когда было введено египетское письмо, наблюдается очень сильное месопотамское влияние на египетскую культуру. Наличие цилиндрических печатей и гончарного круга, непосредственно импортированных из Месопотамии, а также сильного влияния на гончарное производство и на сооружение кирпичных построек — все это свидетельства того, что месопотамская культура в этот ранний период наложила свой заметный отпечаток на египетскую культуру. Вес приведенных доводов окажется еще существеннее, если учесть, что первичность месопотамской культуры утверждается здесь не панвавилонистами, которые в прошлые годы своими преувеличенными представлениями о важности месопотамской цивилизации нанесли столь большой вред ассириологии, а выдающимися учеными-египтологами, которые не должны бы быть склонны к тому, чтобы ратовать за второстепенную роль предмета собственных занятий ⁸.

Наконец, необходимо сослаться еще на последние исследования А. Шарффа, доказавшего, что форма знаков, изображающих предметы, в самых ранних египетских надписях соответствует форме предметов, бывших в употреблении около 3000 г. до н. э. А это, по мнению Шарффа, свидетельствует о том, что египетское письмо возникло около 3000 г. до н. э., то есть именно в период, когда влияние Месопотамии было наиболее сильным; тем самым доводы в пользу возникновения египетского письма под месопотамским влиянием получают дополнительное подкрепление⁹.

Проблема происхождения письменностей эгейской группы поддается разрешению гораздо проще, чем проблема происхождения других восточных письменностей. К письменностям эгейской группы мы относим критское письмо с его ответвлениями в Греции и на прилегающих островах, письмо Фестского диска, кипро-минойское слоговое письмо и хеттское иероглифическое письмо. На протяжении всей своей истории критская цивилизация находилась под сильным египетским влиянием. Находки предметов египетского происхождения встречались в различных слоях критских городищ; практически вся критская хронология реконструируется почти исключительно на основании синхронизмов с привозными египетскими предметами, найденными в критских слоях.

Так как кипрская, фестская и библская письменности уже были рассмотрены выше (см. с. 149 и сл.), я хотел бы коснуться здесь лишь того факта, что по крайней мере с формальной точки зрения кипрское слоговое письмо могло произойти от критского письма через промежуточную ступень так называемых "кипро-минойских" надписей, то есть «критских» надписей, найденных на Кипре.

Древнейшие хеттские иероглифические тексты, дошедшие до нас, как, например, надписи из Эмиргази, написаны письмом, в основных своих чертах совпадающим с системой, известной по последующим периодам. Сохранились хеттские надписи и более древние, чем тексты из Эмиргази, например на печатях, но и они едва ли представляют наиболее древние фазы письма: слишком хорошее развитие формы их знаков не позволяет допустить такую возможность. Таким образом, мы должны остановиться на одном из двух выводов: либо хеттское иероглифическое письмо было создано на месте, но его древнейшие ступени недоступны нам, либо оно было откуда-то заимствовано. Абсолютно независимое происхождение хеттского письма в середине второго тысячелетия до н. э. кажется заведомо невероятным, так как в это время Анатолия была окружена высокоразвитыми цивилизациями, уже располагавшими письменностями в собственном смысле слова, которые легко было заимствовать. Из числа этих письменностей нужно исключить клинопись, так как она уже не была рисуночным письмом. Египетское письмо было слишком отдалено географически и слишком сильно отличается от хеттской иероглифики. Поэтому правильнее всего будет, действуя методом исключения, обратиться к западным параллелям, и в частности к эгейской культурной области, где критское письмо и другие эгейские

системы представляют самую благоприятную почву для сравнения.

Еще в 1931 г., пытаясь доказать общее происхождение хеттского иероглифического и критского письма, я составил таблицу, в которую вошло около сорока поддающихся сравнению знаков этих двух систем¹⁰. Так как я перестал верить в целесообразность количественного сравнения формы знаков двух разных письменностей, то результаты, которые дает эта таблица, не кажутся мне более такими уж убедительными. Многие из рисуночных знаков, обнаруженных как в критском, так и в хеттском иероглифическом письме, как, например, знаки, изображающие части тела, животных или геометрические фигуры, могут встречаться и действительно встречаются во всех пиктографических или иероглифических системах письма. Однако в этой таблице имеется группа знаков, которые, насколько мне известно, встречаются только в этих двух системах письма, а для другой группы знаков свойственно такое специфическое развитие рисуночных форм¹¹, которое подводит к мысли о том, что они должны восходить к общему источнику.

Однако значительно более важным, чем сравнение внешних форм, является сравнение внутренних характеристик. Хотя мы и не можем сравнивать принципы хеттской иероглифики с принципами критской иероглифики — из-за того, что последняя все еще не дешифрована, — мы в полном праве проводить сравнение системы хеттского иероглифического силлабария с силлабариями линейного письма Б и кипрского, тем более что нам известно, что на Ближнем Востоке слоговые письменности такого типа нигде более не употреблялись. Далее, мы знаем, что формы отдельных знаков кипрского силлабария, несомненно, образованы от соответствующих знаков критского письма. Таким образом, учитывая связь формы знаков хеттского и критского иероглифического письма, а также структурную связь между хеттским силлабарием, силлабарием линейного письма Б и кипрским силлабарием и, наконец, формальную связь знаков кипрского и критского письма, мы можем прийти к выводу, что все эти письменности каким-то образом связаны между собой, так что их возведение к общему источнику, находящемуся где-то в районе Эгейского моря, может считаться вполне оправданным.

ВОЗМОЖНЫЕ ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ МОНОГЕНЕЗА ПИСЬМА

Из семи древневосточных систем письма шумерская является наиболее древней; но этот факт сам по себе никак не доказывает, что она была прототипом всех других древневосточных письменностей: ведь не считаем же мы, что изобретенные в Китае бумажные деньги и порохи непременно были прототипом соответственных достижений, осуществленных в Европе много веков спустя. Поэтому, если мы хотим поставить решение проблемы моногенеза на прочный фундамент, необходимо искать другие доказательства.

Одним из возможных подходов к решению поставленной проблемы может считаться сравнение внешней формы. Как уже говорилось, некоторые ученые пытались много лет тому назад вывести китайское письмо из шумерского путем сравнения формы их знаков. Подобные попытки были сделаны и применительно к ряду других восточных письменностей. В этой книге уже неоднократно подчеркивалось, что я вообще весьма настороженно отношусь к выводам об общем происхождении письменностей, опирающимся исключительно на сравнение внешней формы. Знаки всех оригинальных систем письма имеют рисуночный характер и употребляются для изображения предметов окружающего мира. Ввиду того что во всем мире люди и окружающие их предметы имеют много общего, вполне естественно было бы предположить, что и рисунки, используемые для письменностей, тоже должны иметь много сходных черт. И действительно, люди и части тела, животные и растения, орудия и оружие, здания и постройки, небо, земля, вода и огонь повсюду, где они представлены в виде рисунков, имеют большое сходство по форме, потому что их формы в реальной действительности также похожи. И нет необходимости искать для этих знаков общий источник.

Гораздо более важным, чем сравнение внешней формы, является сравнение внутренних структурных характеристик, таких, как фонетизация или вокализация. Но даже и здесь развитие может в разных местах принимать сходные формы. В качестве примера достаточно привести хотя бы тот факт, что ряд письменностей, созданных в примитивных обществах под стимулирующим влиянием белых (см. с. 199 и сл.), прошли через аналогичные процессы развития внутренних структурных характеристик, хотя эти письменности и развивались совершенно независимо друг от друга.

Если взглянуть на самую раннюю историю семи древневосточных систем письма, то можно сразу сделать следующее наблюдение. В то время как период развития шумерского письма от его примитивных истоков до развитой фонетической системы был весьма длительным — он продолжался, возможно, более пяти веков, — ситуация с другими древневосточными письменностями совсем иная. Так, например, уже в древнейших из сохранившихся китайских и хеттских текстов обнаруживается вполне развитая фонетическая система, которая едва ли сколько-нибудь отличается по своим основным структурным характеристикам от системы более поздних периодов. Определяющий период развития египетского и критского письма был, по-видимому, тоже очень кратким. И наконец, как бы мало мы ни знали о протоэламском и протоиндском письме, даже беглого взгляда на рис. 45 и 47 достаточно, чтобы убедиться в том, что по крайней мере с формальной точки зрения эти два письма сразу создают впечатление систем письма в собственном смысле слова. Эти факты могут иметь двойное объяснение: либо все остальные древневосточные системы имели долгую предысторию, сравнимую по длительности с шумерской, но теперь утраченную, либо эти системы развились быстро, потому что испытали на себе непосредственное или стимули-

рующее чужеземное влияние. *Argumentum e silentio*, возможно, не является сильным аргументом, но трудно защищать предположение об утрате предыстории в условиях, когда такая утрата касается всех древневосточных систем, кроме одной лишь шумерской.

Наиболее плодотворным подходом к проблеме моногенеза письма является подход, опирающийся на предположение о стимулирующем влиянии, основанном на культурных контактах. Конечно, проблема эта очень трудна, поскольку доводы, приводимые в пользу моногенеза письма, опираясь на одни лишь данные об общих культурных контактах, не достаточно сильны для того, чтобы дать нам окончательное решение. Однако есть обстоятельство, достаточно ясно говорящее в пользу моногенеза: все древневосточные системы, кроме шумерской, появились в периоды сильных культурных влияний извне. Далее следует отметить, что, хотя ясные доказательства общего происхождения всех семи систем и отсутствуют, есть убедительные данные в пользу того, что по крайней мере часть из них восходит к общему источнику. Таким образом, культурные контакты в сочетании с географической близостью делают общее происхождение шумерской, протоэламской и протоиндской систем весьма вероятным. Те же соображения в сочетании с общностью формальных и структурных свойств позволяют объединить воедино письменности эгейской группы с включением критского и хеттского письма; серьезными кажутся также и некоторые доводы в поддержку теории египетского влияния на критское письмо. Что же касается египетского письма, то оно возникло, по всей вероятности, в период, когда месопотамское влияние в Египте было сильнее, чем в какой бы то ни было другой период до или после этого решающего отрезка времени, длившегося несколько веков. Наконец, китайское письмо, по всей видимости, возникло в период династии Шан, для которого характерно появление такого количества иноземных новшеств, что многие ученые считают культуру этого периода заимствованной в готовом виде.

Как должны мы оценивать важность стимулирующего влияния, основанного на культурных контактах? Разумеется, проблема не сводится к одному лишь письму, а касается многих других аспектов нашей культуры. Возьмем, например, проблему происхождения греческой астрономии. Насколько мне известно, считается установленным, что многие элементы греческой астрономии были заимствованы у вавилонян. А каковы доказательства? Во-первых, существование аналогичных элементов в Греции и в Вавилонии, во-вторых, хронологический приоритет месопотамских элементов по сравнению с греческими и, в-третьих, правдоподобное предположение о культурных контактах между обоими районами. Мне кажется, что аргументы, приведенные в пользу моногенеза письма, не сильнее и не слабее тех, которые выдвинуты в пользу зависимости греческой астрономии от вавилонского прототипа ¹².

ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМА

Джеймс Г. Брестед, знаменитый чикагский историк и востоковед, сказал однажды: «Изобретение письма и удобной системы для записи на бумаге имело большее значение для дальнейшего развития человеческого рода, чем какое бы то ни было другое интеллектуальное достижение в истории человека»¹. К этому утверждению можно присоединить мнение многих других великих людей, среди них Карлейля, Канта, Мирабо и Ренана, веривших, что изобретение письма положило подлинное начало человеческой цивилизации. Такого рода взгляды получили поддержку этнографов, неоднократно утверждавших, что, подобно тому как язык отличает человека от животного, так письмо отличает цивилизованного человека от варвара.

Как выглядят эти положения в свете истории? Верно ли, что именно письму мы главным образом обязаны теми решительными переменами, которые привели человека к цивилизации? Ответ непрост. Повсюду в древнем мире письмо появляется в период внезапного роста всех тех разнообразных элементов, совокупность которых мы обычно называем цивилизацией. Когда бы оно ни произошло, появление письма совпадает по времени с таким всплеском в развитии государства, ремесел, торговли, промышленности, металлургии, средств и путей сообщения, сельского хозяйства и одомашнивания животных, по сравнению с которым культуры всех предыдущих периодов, бывших бесписьменными, кажутся чрезвычайно примитивными. Однако нет нужды ратовать за то, что появление письма было *единственным* фактором, которому мы обязаны возникновением цивилизации. Скорее, можно считать, что совокупность факторов — географических, социальных и экономических, — ведущих к возникновению развитой цивилизации, одновременно создавала комплекс условий, при которых нельзя было обходиться без письма. Или, говоря другими словами, *письмо существует только в условиях цивилизации, а цивилизация не может существовать без письма*.

В нашем современном обществе трудно представить себе интеллигентного и культурного человека, который не умел бы читать и писать. Искусство письма стало столь распространенным, что оно составляет теперь органическую и необходимую часть нашей культуры. Мы прошли долгий путь с той поры, когда гордые, но негра-

мотные короли средневековья ставили вместо своего имени крест. В наши дни неграмотный человек не может рассчитывать на успешное участие в прогрессе человечества, и это касается как отдельных индивидуумов, так и любых групп индивидуумов, а также целых социальных слоев или этнических единиц.

Значение письма нетрудно понять, если попытаться представить себе наш мир без письма. Что бы мы делали без книг, газет, писем? Что бы произошло с нашими средствами коммуникации, если бы мы вдруг утратили способность писать, или с нашими знаниями, если бы мы не смогли прочесть о достижениях прошлого? Письмо имеет такое значение в нашей повседневной жизни, что я готов утверждать, что наша цивилизация скорее могла бы существовать без денег, металлов, радио, парового двигателя или электричества, нежели без письма.

Однако здесь нельзя не поделиться также одним наблюдением отрицательного свойства. Вследствие широкого распространения письма нанесен непоправимый ущерб устной традиции. Если мы сравним то, что мы знаем о наших собственных предках, кроме разве непосредственных дедушек и бабушек, с тем, что знают о своих предках неграмотные бедуины, этого окажется достаточно, чтобы увидеть огромную разницу. Средний бедуин не может обратиться к письменным документам, чтобы получить сведения о своей семье или о своем племени; знания о прошедших событиях он должен хранить в своей памяти и передавать эти знания другим исключительно из уст в уста. Широкое применение устной традиции представляет собой важный фактор, стимулирующий обострение и развитие способностей к запоминанию. Хорошо известно, что мудрецы древней Индии учили Веды наизусть, так же как древние греки "Илиаду" и "Одиссею". Нам же не приходится заучивать наших великих классиков наизусть. Мы можем прочесть их в книгах. Выражение "*ex libro doctus*" ('книжный ученый') вполне применимо к подавляющему большинству из нас. Современное знание состоит не только в *знании* как таковом, но также и в *умении найти факты* в книгах и библиотеках. Поэтому проведенная Бэконом дифференциация этих двух видов знания сегодня еще актуальнее, чем в его время.

ПИСЬМО И ЯЗЫК

Взаимосвязь между языком и письмом очень тесна, и их влияние друг на друга чрезвычайно сильно. Часто бывает трудно изучать язык без знания соответствующего письма, и совершенно невозможно понять письмо без знания языка, для которого оно применяется.

Письмо более консервативно, чем язык, и оказывает могущественное сдерживающее влияние на естественное развитие языка. Письменный язык часто сохраняет более старые формы, которые уже не употребляются в повседневном языке. Мы часто употребляем на

письме формы, уже не применяемые в языке, на котором говорим. Разница между литературным и повседневным языком заметна, например, и в древней Вавилонии. Мало того, что исторические, религиозные и эпические сочинения написаны языком более архаичным, чем язык писем, известные архаические тенденции проявляются также в языке официальных, царских писем по сравнению с письмами частными, написанными на разговорном языке. Письмо упрямо сопротивляется каким бы то ни было языковым изменениям, часто называемым "порчей". Вполне возможно, что такие английские разговорные обороты, как *ain't* (вместо *is not* 'не является') или *po good* (вместо *not good* 'нехорошо'), давно бы считались "правильным" английским языком, если бы не сопротивление письменной традиции.

Наглядные примеры сдерживающей силы письма можно почерпнуть из наблюдений над фонетическим и морфологическим развитием любого языка. Тот факт, что изменения, происшедшие в английском языке за последние четыреста или пятьсот лет, по сравнению со значительными изменениями предыдущего периода относительно малы, можно в известной мере приписать широкому распространению грамотности именно в этот промежуток времени. С другой стороны, можно наблюдать весьма быстрые изменения, происшедшие в наше время в языках примитивных обществ, лишенных настоящего, фонетического письма. Некоторые из индейских языков изменяются так быстро, что молодежи бывает трудно, если не невозможно, общаться с людьми на три или четыре поколения старше себя. Непрерывное изменение языков приводит к их превращению в новые языки и диалекты. Существование сотен языков и диалектов у индейцев Америки и у банту в Африке — прекрасный тому пример.

Письмо часто сохраняет старые, исторические написания, что прекрасно иллюстрируется французской орфографией. Написания *sain* [sɛ̃], *saine* [sɛ̃n] показывают, что когда-то эти французские слова действительно имели произношение *наподобие* [sain], [saine], если прочесть эти слова на условный латинский манер. Историческая орфография, употребляемая систематически, как это имеет место во французском, бесспорно, представляет собой большую ценность для лингвистов, так как помогает при реконструкции языковых форм. Современная английская орфография является лишь отчасти исторической; так, например, написания *night* и *knight* показывают, что прежнее произношение было аналогично произношению соответствующих немецких слов *Nacht* и *Knecht*. Однако английская орфография не отличается такой же систематичностью, как французская. Многие из наших современных написаний представляют собой пережитки тех времен, когда слово могло писаться по-разному, в зависимости от прихоти пишущего. Нет никаких причин для английских написаний *height* [hait] в отличие от *high* [hail], или *speak* [spi:k] в отличие от *speech* [spi:tʃ], или *proceed* [prə'si:d] в отличие от *precede* [pri'si:d], или *attorneys* [ə'tə:nɪz] в отличие от *stories* [stɔ:rɪz]. Сохранение этих непоследовательных написаний в современной анг-

лийской орфографии можно, пожалуй, объяснить старинным индивидуалистическим привычным отвращением к любым оковам, налаженным систематизацией. Примером такого отношения к делу является манера ученойшего доктора Крона (Crown), который в различных книгах, публиковавшихся им во второй половине XVII в., писал свое имя как придется: Cron, Croon, Croun, Crone, Croone, Croune; более новым примером, относящимся к нашему времени, может служить ответ знаменитого Лоуренса Аравийского своему сбитою с толку издателю, который попросил его писать иностранные слова и имена более единообразно: «Я пишу имена как попало, чтобы показать, что все системы — вздор»².

Непоследовательность английского письма может быть проиллюстрирована хотя бы тем фактом, что оно допускает одиннадцать разных способов написания звука *i* и долгого [i:] (*me, fee, sea, field, conceive, machine, key, quay, people, subroena, Caesar*), а также по меньшей мере пять разных чтений алфавитного знака *a* (*man, was, name, father, aroma* [mæn, wɔ:z, neim, fɑ:ðə(r), ə'roumə]). До чего может довести английская орфография, видно из истории, которая якобы произошла с одним иностранцем, имя которого звучало как английское *Fish*. Раздосадованный колебаниями английской орфографии, он принял для своего имени английское написание *Ghotiugh*, составив его звук за звуком из орфограмм, допускаемых английскими правилами правописания, а именно: *gh* = звуку *f* в слове *tough*; *o* = звуку *i* в слове *women*; *ti* = звуку *sh* [ʃ] в слове *station*; *ugh*, как в слове *dough*, не произносится.

Во многих европейских письменностях проведены реформы старой орфографии, приблизившие написание к современным разговорным формам. В итальянском и испанском из числа романских языков и в хорватском и польском из числа славянских формы написаний почти полностью совпадают с формами разговорного языка. Нанлучший путь был избран чешским письмом, в котором при реформе орфографии были введены диакритические значки. Чехи пишут *čech*, тогда как поляки пишут *czech*, — в обоих случаях начальный звук соответствует английскому *ch* в слове *chess* (русскому "ч"). Следует обратить внимание на непоследовательность английского написания *Czech* с начальным *cz* и конечным *ch*, находящегося в полном противоречии с нормальным написанием этих двух звуков соответственно как *ch* и *kh*.

В письмо часто вводятся написание, связанные с разного рода искусственными и ошибочными толкованиями. Например, английские слова *debt* ('долг') и *doubt* ('сомнение') произносятся и всегда произносились без *b*. Как по-французски, так и по-английски оба слова писались соответственно *dette* и *doute*, а современные английские написание с *b* были некогда придуманы писцами, которым были известны латинские формы, предшествовавшие этим словам (*debitum, dubitum*). Подобным же образом и написание с *s* слов *isle* и *island* (от староанглийского *iegland*) связано с воспоминанием о латинском *insula*, а не с действительным произношением с *s* в какой бы то ни

было исторический период английского языка ³. В некоторых случаях такие ошибочные написания проникли даже в разговорный язык. Так как диграмма *th* в транслитерации греческих слов произносилась средневековыми писцами как *t*, они часто писали с *th* также и слова, в которых этой диграммы никогда не было. Так появились написания *author* (ср. лат. *au(c)tor*, франц. *auteur*), *Gothic* (ср. лат. *Goti*, нем. *Goten*), *Lithuania* (ср. лат. *Lituania*), которые в дальнейшем, в современном английском языке, стали произноситься с [θ] ⁴. Подобным же образом английское произношение в словах *Mexico* и *Don Quixote* буквы *x* как *ks* в отличие от ее произношения как "ш" в старом испанском и как "х" в современном испанском является еще одним примером влияния орфографии на произношение. В том же свете следует рассматривать частые случаи произношения с *t* слов *often*, *soften*, в которых *t* не произносилось уже многие века, или же произношения слова *forehead* как *fɔ:ɪg-hed* вопреки тому, что традиция длительное время отдавала предпочтение произношению *fored*.

Наши словари часто обогащаются выражениями, представляющими собой сокращенные письменные формы. Такие слова имеют обычно прикладной или временный характер. В словаре американских солдат слово *гесоп* (рифмующееся с *ресан*) употребляется вместо *гесопnaissance* ('разведка'), а в языке британских солдат ему соответствует *гессе* (рифмующееся с *Беcky*). Аналогичным образом *ампо* употребляется вместо *ammunition* ('боеприпасы'), *арты* — вместо *artillery* ('артиллерия'), *диварты* (пишется *Div Arty*) — вместо *divisional artillery* ('дивизионная артиллерия'). Немцы в нацистский период проявили огромное рвение в деле создания новых слов из сокращенных письменных форм. Число письменных и устных аббревиатур возросло до такой степени, что потребовались тома с обширными дополнениями, чтобы охватить список сокращений, применявшихся в различных областях политической, экономической и военной жизни. Во время второй мировой войны информационная служба Объединенных вооруженных сил выпустила два тома различных сокращений, употреблявшихся в одной лишь германской армии. Из тысяч примеров таких сокращений, вошедших в язык, можно назвать хотя бы *Агi* вместо *Artillerie* ('артиллерия'), *Јаво* вместо *Jagdbomber* ('истребитель-бомбардировщик'), *Рак* вместо *Panzerabwehrkanone* ('противотанковое орудие') и его двойник *Flak* вместо *Flugzeugabwehrkanone* ('зенитное орудие'), ну и, конечно, слово *Nazi*, за которым неизбежно последовало слово *Entnazifizierung* ('денацификация'). Между прочим, здесь следует сделать несколько замечаний относительно типов письменных аббревиатур, которым отдается предпочтение в разных странах. Нормальный тип сокращения — отсечение последней части слова — мы имеем в американских написаниях *Ресоп* вместо *reconnaissance*, *Див* вместо *division*, *Со* вместо *company* и иногда также в немецких написаниях, как, например, в употреблении слова *Мунi* вместо *Munition* ('боеприпасы'). Англичане, следуя средневековой традиции, предпочитают опускать сред-

ную часть слова, как, например, в Recse вместо reconnaissance или в Соу вместо Company. Немцы в свою очередь отдают предпочтение созданию слов путем соединения первых слогов сложных слов, как, например, Jabo; в качестве примеров другого типа немецких сокращений можно привести Pak и Flak *. Естественно, что, кроме этого, повсюду встречаются смешанные типы сокращений. Разговорные выражения типа prof вместо professor, prexu вместо president, varsity вместо university, natch вместо naturally, скорее, возникли не под влиянием соответствующих сокращенных письменных форм, а вследствие тенденции английского языка к сокращению длинных слов.

О привязанности народа к своему письму лучше всего свидетельствуют наблюдения, касающиеся евреев и арабов в Испании. Первые на протяжении арабского господства в Испании говорили преимущественно по-арабски и оставили значительную литературу, написанную на арабском языке, но их собственным, еврейским письмом (так называемым "квадратным"). С другой стороны, арабы после испанской реконкисты приняли испанский язык в качестве родного и создали знаменитую литературу aljamiado, написанную на испанском языке, но арабским письмом. Здесь уместно вспомнить, что и евреи Средиземноморья, говорившие на ладино (диалект испанского), а также евреи Восточной Европы, говорившие на идиш (диалект немецкого), на обоих этих языках писали, пользуясь все тем же еврейским алфавитом. Сюда же относится и пример, касающийся польских татар и их литературы, написанной на белорусском и польском языках, но арабскими буквами.

Обычно язык пользуется на данном отрезке времени только одним письмом. Так, в древние времена шумерский, египетский, китайский, греческий и латынь имели соответственно по одному письму, подобно тому как в наше время английский, французский или арабский выражаются только одним типом алфавита каждый. И если поздне-вавилонские таблички писались на вавилонском языке клинописью, которая выдавливалась стилем, то приписки к ним, делавшиеся на арамейском языке, наносились арамейским алфавитом при помощи кисточки. Можно привести и другие примеры. Так, на Розеттском камне одна из надписей сделана на египетском языке разновидностями египетского письма (иероглифической и демотической), другая же — на греческом языке греческим письмом; а Бисутунская надпись написана на трех различных языках (персидском, эламском и вавилонском), причем каждому соответствует своя разновидность клинописи.

Случаев, когда бы один язык выражался одновременно разными письменностями, мало, и они не слишком выразительны. Например, для арамейских документов, которые обычно писались арамейским же письмом, иногда использовалась также и клинопись. Хурриты

* Перевод см. на стр. 215.— *Прим. ред.*

Северной Месопотамии пользовались для своего языка вавилонской клинописью, однако хурритские документы из Рас Шамры (в Сирии) написаны своеобразной угаритской формой клинописи, созданной в этом городе.

Разумеется, на протяжении длительного времени язык может пользоваться несколькими письменностями. Например, персидский язык пользовался первоначально разновидностью клинописи, затем пехлевийским и авестским письмом и, наконец, арабским алфавитом. Если Иран последовал бы примеру Турции, то, возможно, мы еще когда-нибудь увидели бы персидские тексты, написанные латинскими буквами. Евреи сначала пользовались ханаанейской системой письма, а позже создали на основе арамейского письма свое собственное — *scriptura quadrata* ('квадратный шрифт'). Древний египетский язык имел собственное письмо, однако коптский язык, прямой потомок египетского, пользовался письмом, созданным на основе греческого алфавита.

Пока длится переходный период, две различные системы письма могут употребляться одновременно для одного и того же языка. Так, введение латинского алфавита в Турции в 1928 г. не отменило употребления арабского алфавита. Но в то время, как старшее поколение оказывается в состоянии пользоваться и пользуется обоими алфавитами, младшее знает только латинский. Нет никакого сомнения, что в ближайшем будущем прежний арабский алфавит исчезнет в Турции окончательно.

Хотя совершенно справедливо, что язык обычно избирает в качестве средства своего выражения одно-единственное письмо, каких-либо ограничений для употребления одного и того же письма любым количеством языков не существует. Культурное превосходство той или иной страны часто приводит к тому, что ее письмо заимствуется соседями, менее развитыми в культурном отношении. В древние времена вавилонский язык был *lingua franca* всего Ближнего Востока, и его распространение вполне сравнимо с распространением латыни в средние века. Вместе с вавилонским языком ширилось и употребление месопотамской клинописи. Многие грамотные и неграмотные народы Ближнего Востока приняли клинопись для своих языков, развив затем ряд местных ее разновидностей. Так, клинописью пользовались для своих языков эламиты, хурриты, урарты и богазкёйские хетты. В более поздние времена греческий, латинский, русский и арабский алфавиты широко использовались (и используются поныне) для многих различных языков.

В одних случаях сказанное слово сильнее и выразительнее написанного, в других, наоборот, написанное бывает эффективнее и больше соответствует поставленной задаче, чем сказанное. Известно сильное влияние, оказываемое словом, произнесенным с амвона или с политической трибуны. С другой стороны, есть науки, такие, как математика, столь насыщенные сложной символикой, что только письмо может выразить ее достаточно кратко и полно. Действенность

речи часто увеличивается благодаря применению письменных символов. Так, в классе мы часто пользуемся доской, чтобы с ее помощью сделать более наглядными и понятными вещи, трудно воспринимаемые на слух.

Письмо часто бывает более выразительным, чем речь. Это особенно верно по отношению к рисуночному письму, то есть такому письму, которое, подобно египетскому, сохраняет облик рисунков. Так, например, в предложении 'Я ставлю цветы в вазу' нет указания ни на размер, ни на форму вазы. В рисуночном же письме можно изобразить вазу или сосуд большего или меньшего размера, определенного цвета и формы, так, чтобы стало ясно, какие качества имеются в виду. Иногда дополнительная информация может сообщаться при помощи произносимых детерминативов. как, например, при постановке детерминатива для предметов из камня или из металла, присоединяемого к рисунку сосуда.

ПИСЬМО КАК ИСКУССТВО

Изучением письма с художественной точки зрения до сих пор сильно пренебрегали ⁵. Хотя основным назначением письма является не достижение художественного эффекта, а запись и передача сообщения, все же письмо во все времена включало в себя элементы эстетического воздействия. Письмо в этом отношении сходно с фотографией, так как первичными для них обоих являются практические задачи, но они, кроме того, могут оказывать и эстетическое воздействие.

Эстетическая сторона письма бывает иногда так преувеличена, что письмо начинает служить только целям орнаментации в ущерб своему основному назначению быть средством коммуникации: достаточно, например, взглянуть на арабское орнаментальное письмо, такое красивое, но такое трудное для чтения ⁶, или на вычурные надписи некоторых вывесок и реклам нашего времени.

Письмо в своем эстетическом, а не утилитарном аспекте является одной из форм искусства вообще. В этом качестве оно разделяет общие закономерности развития искусства и часто проявляет свойства, которые присущи другим формам последнего. Нетрудно заметить, что, например, округлые линии каролингского почерка идут рука об руку с округлыми линиями романской архитектуры, тогда как для более позднего готического почерка характерны угловатые и остроконечные формы, свойственные готической архитектуре ⁷.

Во всех развитых системах письма можно выделить два основных типа письменных пошибов: тщательно выполненное каллиграфическое письмо, применяемое для публичных и монументальных целей, и сокращенное курсивное письмо, употребляемое в частной жизни, прежде всего в письмах. Эстетически совершенное исполнение, разумеется, полнее проявляется в каллиграфическом письме, чем в

курсивном. Рука об руку с преобразованием каллиграфического письма в курсивное идет и превращение рисуночных форм, в которых изображение отчетливо узнаваемо, в линейные, где первоначальный рисуночный характер знаков уже неразличим.

Эстетическое впечатление, которое производит письменный памятник, зависит от большого количества факторов: от исполнения отдельных знаков (их формы, размера и т. д.), от отношения знаков к надписи в целом (размещение, расстояние между знаками и между строками, направление письма и т. д.) и, наконец, от связи надписи и самого памятника (рельефное исполнение, нанесение краской, структура и т. д.).

Наиболее важный из всех факторов, форма отдельных знаков, наилучшим образом позволяет нам судить об эстетических качествах письменного памятника. Эстетический эффект зависит также от группировки знаков. Допустим, надлежащий порядок знаков имеет вид xXx (x обозначает маленький знак, а X — большой); этот порядок можно изменить, придав ему вид $\frac{x}{x}X$: здесь два маленьких знака $\frac{x}{x}$ размещены таким образом, чтобы они зрительно уравнивали большой знак X . Такая группировка знаков помогает также избежать образования пустого пространства после маленького знака, которое образовалось бы, если бы знаки были написаны в правильном порядке. Ноггор васси ('боязнь пустого пространства') оказывает сильное влияние на размещение знаков.

Писцовые школы, имеющие каждая свои характерные особенности, известны во все периоды существования письма. Нетрудно, например, определить принадлежность к лагашской школе маленьких шумерских глиняных табличек периода III династии Ура, написанных очень мелкими клинописными знаками, а в выполненных с особой тщательностью хеттских иероглифических надписях относительно легко узнаются ведущие черты богазкёйской писцовой школы. Роль индивидуального творчества писцов в древние периоды нам мало известна, хотя они иногда и подписывали свои имена в конце надписей и документов. Этот вопрос мог бы стать в дальнейшем благодарной темой для исследования.

ПИСЬМО И РЕЛИГИЯ

Представление о божественном происхождении письма засвидетельствовано повсеместно, как в древности, так и в наше время, как среди цивилизованных, так и среди примитивных народов. Оно связано главным образом с широко распространенной верой в магическую силу письма⁸.

Повсюду, как на Востоке, так и на Западе, введение письма приписывается божеству. У вавилонян письмо изобрел бог *Набу* — покровитель наук и писец богов, который тем самым занял место, отводившееся в более древней месопотамской традиции отчасти богине

Нисабе. Египтяне верили, что изобретателем письма был бог *Тот*, и письмо свое они называли *m^xd^xw^x-n^xč^xг^x* 'язык богов'. В китайских легендах изобретателем письма считался либо *Фу-си* — основоположник торговли, либо мудрец *Цан Цзе* с ликом четырехглазого дракона. По представлениям древних евреев, у них, помимо более позднего "человеческого" письма (Ис. VIII:1), некогда имелось более древнее "божественное" письмо (Исх. XXXI:18). По исламской традиции, сам бог был создателем письма. С точки зрения индусов, им был *Брахма*; считалось, что именно он дал людям знание букв. Скандинавская сага приписывает изобретение рун *Одину*, а в ирландских легендах изобретателем письма является *Огме*. Продолжить этот перечень не составило бы труда ⁹.

Очень интересный случай "изобретения" письма якобы под влиянием божественного вдохновения был недавно описан в связи с введением нового письма у племени тома в Гвинее и в Либерии ¹⁰. *Видо*, туземному изобретателю письма, было видение:

«Разве богу не жалко людей тома? Другие народы умеют писать. Только люди тома погрязают в невежестве». Бог ответил ему: «Я опасаясь, что, если вы сможете выразить себя [письменно], вы перестанете уважать веру и традиции вашего народа.» «Вовсе нет,— ответил Видо.— Мы будем продолжать жить, как жили в минувшие дни. Я обещаю это.» «Если так,— сказал бог,— я согласен одарить вас знанием письма, но будьте осторожны, чтобы женщины ничего о нем не узнали.»

Есть и другие версии происхождения этого письма, но ни одна из них не объясняет такого специфического отношения к женщинам. Понимай, как хочешь.

Вера в священный характер письма особенно сильна в странах, где знание письма является привилегией особого класса или особой касты писцов. Древний Ближний Восток, где писать обычно умели только жрецы-писцы, особенно богат всякими мистическими легендами о происхождении письма. С другой стороны, Греция, где знание письма не было привилегией жрецов, а представляло собой достоинство всех граждан, почти совершенно не знает мифов такого рода ¹¹. Образованным грекам было известно, что их письмо, подобно многим другим практическим достижениям, пришло к ним с Востока, и им не было нужды гадать о его божественном происхождении. Разумеется, и у греков существовали разного рода мистические объяснения появления письма, вроде пифагорейских теорий, но они возникали обычно под восточным влиянием и оставались вне нормального русла греческой философии.

У примитивных народов письмо и книги вызывают удивление и становятся поводом для самых фантастических догадок ¹². По книге можно гадать. Книга может предсказать будущее и раскрыть тайное, она может указать путь и дать совет и вообще обладает мистической силой. Обучение чтению и письму для примитивного человека равносильно посвящению в новый религиозный ритуал, обращению в новую религию. Книга рассматривается как живое существо,

которое может "говорить". Примитивный человек боится магической силы ее "слов". Рассказывают, что туземный гонец отказался взять письменное послание, опасаясь, что письмо будет разговаривать с ним, пока он будет его доставлять. В другом случае гонец не соглашался взять письмо, пока не пронзил его своим копьем, чтобы оно не смогло разговаривать с ним в пути. Письменное послание представляет собой таинственное существо, обладающее способностью все видеть. Известен рассказ об индейце, который был послан одним миссионером к другому с четырьмя караваем хлеба и письмом, в котором указывалось их количество. Индеец съел один каравай и, разумеется, был обличен. Когда через некоторое время его опять послали с таким же поручением, он снова украл каравай, но на этот раз из предосторожности положил письмо под камень, чтобы оно не видело, как он ест хлеб¹³. Известен аналогичный случай, имевший место в Австралии. Туземец, укравший часть табаку из пакета с сопроводительным письмом, был удивлен, что его обличили: ведь когда он брал табак, письмо лежало в дупле, куда он нарочно спрятал его на это время. Туземец выместил свой гнев на письме, яростно избив его¹⁴.

Другой интересный пример приведен Эрландом Норденшельдом:

Когда Рубен Перес Кантуле учился рисуночному письму, он, как известно, записывал легенды также и латинским шрифтом, который, разумеется, позволял это сделать более полно и выразительно, чем индейское письмо. Но, как ни странно, песни и заклинания он записывал рисуночным письмом, хотя ему гораздо легче было бы сделать это латинскими буквами. Дело здесь в том, что рисуночное письмо как таковое несет магическую нагрузку, или, иными словами, действие магических заклинаний усиливается тем, что они выражены при помощи рисуночного письма¹⁵.

Вера в универсальные символы в том виде, в каком она исповедуется пифагорейцами, гностиками, астрологами, чернокнижниками и кабалистами, восходит к мистической интерпретации алфавита. Здесь будет уместно привести цитату из недавно опубликованной книги на эту тему: «*Nous voulons montrer que l'Alphabet latin... est la représentation idéographique des grands mythes grecs, et qu'il nous offre de ce chef... la "signification" maniable des vérités fondamentales contenues en l'homme et dans l'Univers, vérités vivantes, "Dieux", qui manifestent la Vérité Une, créatrice et souveraine*». («Мы хотим показать, что латинский Алфавит... является идеографическим отражением великих греческих мифов... и что по этой причине он преподносит нам... удобное для пользования "выражение" фундаментальных истин, содержащихся в человеке и во Вселенной, истин живых, "Божеств", которые представляют собой манифестацию Единой Истины, созидательной и суверенной») ¹⁶.

Сила талисмана или амулета зависит в значительной мере от письменных знаков, которые в нем заключены. Это касается и вавилонских амулетов с нанесенными на них формулами, представлявшими собой абракадабру. Даже в наше время мы постоянно сталкиваемся

с широким использованием веры в магическую силу письма. Здесь уместно вспомнить о филактериях с текстом из Писания, которые надевают евреи во время молитвы, а также о надписях на дверных косяках еврейских домов, якобы предохраняющих жителей от беды. Магометане носят амулеты с заключенными в них стихами из Корана. У христиан мы встречаемся с обычаями обмахивания больного человека страницами Библии или глотания больным катышка, свернутого из листка бумаги с написанной на нем молитвой.

Любопытным пережитком веры в священный характер письма является ритуал, которым сопровождалась церемония освящения Вестминстерского собора в 1910 г.

На полу обширного церковного нефа, от главного входа к алтарю, были проведены две широкие белые дорожки; каждая из них соединяла два противоположных угла; пересекаясь в центре нефа, дорожки образовывали огромное изображение буквы Х, или Андреевский крест. На пересечении дорожек был установлен аналой; здесь архиепископ, все еще в ризе и в митре, преклонил колена в молитве, а в это самое время хор пел в унисон из «*Sagum Antiphoner*». Тем временем служители посыпали пол нефа пеплом. Они располагали маленькие кучки пепла на расстоянии двух шагов одну от другой вдоль дорожек, образуя Андреевский крест. Рядом с каждой кучкой пепла был положен кусочек картона с написанной на нем буквой алфавита — греческого вдоль одной дорожки и латинского вдоль другой. Затем архиепископ направился к главному входу, сопровождаемый диаконом и предшествуемый распятием, которое несли между зажженными свечами. Начав с левого угла, доктор Бурн (архиепископ) прошествовал по одной из дорожек Андреевского креста, чертя концом своего пастьерского посоха буквы греческого алфавита на кучках пепла; затем, вернувшись снова к главному входу, он повторил те же действия, идя по другой дорожке и чертя на сей раз на кучках пепла буквы латинского алфавита. Эту любопытную церемонию интерпретируют по-разному: то как символизирующую единство Западной и Восточной церкви, то как преподающую начала христианства, то как пережиток действий римских авгуров при начертании ими плана сооружаемого храма, то как имитацию процедуры, которая производилась римскими землемерами при отмеривании земель для фискальных целей¹⁷.

Современный Ближний Восток полон суеверных представлений о силе письма, они распространяются часто даже на неизвестные письменности. Из многих примеров я хотел бы привести один, который я наблюдал сам. В 1935 г. я посетил маленькую деревушку в Центральной Анатолии, называемую Эмиргази. Здесь лет за тридцать до этого было найдено несколько хеттских и иероглифических надписей, перевезенных в дальнейшем в Стамбульский музей. Расспросы позволили мне выяснить, что других древностей в округе с тех пор обнаружено не было, но, даже если бы их удалось найти — сказали мне жители деревни, — они ни за что не отдали бы их, потому что после того, как хеттские надписи были увезены, в деревне была эпидемия. О магической силе, приписываемой надписям на камне, говорится во многих отчетах путешественников по всему миру ислама. Представления о мистической силе письма — их причина остается подчас совершенно непонятной, как в случае с хеттскими иероглифическими надписями, о котором только что шла речь, — по-видимому, параллельны представлениям о магической силе устного

слова. Существует «широко распространенный обычай употреблять при магических церемониях и даже при ритуальных и религиозных церемониях песнопения и формулы, непонятные тем, кто их слышит, а иногда даже и тем, кто их поет или произносит»¹⁸.

Письмо и язык представляют собой внешние символы нации. Именно поэтому первой задачей завоевателя при истреблении покоренного им народа является уничтожение сокровищ его письменного слова. По этой причине Кортес, завоевав Мексику в 1520 г., приказал сжечь все атекские книги — ведь они служили бы туземному населению напоминанием о его былой славе. По этой же причине испанская инквизиция, посылая евреев на костер, сжигала вместе с ними и их Талмуд. По этой же причине нацисты, стремившиеся уничтожить идеологии, враждебные их собственной, сжигали книги своих противников.

Х

БУДУЩЕЕ ПИСЬМА

Исследуя, каково то или иное явление, трудно не коснуться того, почему оно таково. Поэтому вполне естественно, что при восстановлении истории нашего письма постоянно возникает вопрос, почему письмо развивалось от одной ступени к другой. Общий ответ на этот вопрос, казалось бы, прост: письмо переходило с одной ступени на другую потому, что в какой-то момент новая система оказывалась более приспособленной к местным нуждам, чем та, которая была в ходу до тех пор. Иными словами, целью эволюции является улучшение, и письмо, развиваясь от ступени к ступени, постоянно прогрессирует, стремясь превратиться в совершенное средство взаимной коммуникации людей. Но действительно ли письмо прогрессирует? Имеем ли мы основания считать, что всякая новая система письма лучше той, которая ей предшествовала? Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, следует сначала рассмотреть некоторые относящиеся сюда примеры из истории письма.

Сравнивая западносемитскую систему письма с египетской иероглификой, из которой она развилась, легко заметить, что западносемитская система проще египетской. Разумеется, нет нужды доказывать, что небольшое количество семитских знаков (от 22 до 30) легче выучить и проще писать, чем много сотен знаков египетской системы. Нельзя также не признать, что введение гласных в греческое письмо сделало эту систему более точной по сравнению с предшествовавшим ей западносемитским письмом, для которого характерно отсутствие обозначения гласных. Но может ли по этой причине западносемитское письмо считаться лучше египетского или греческое лучше западносемитского? При сравнении египетского письма с семитским можно указать на такие качества египетского письма, которыми не обладает семитская система, как, например, выразительность рисуночного знака. Так, рисунок сосуда не только может употребляться для слова 'сосуд', но может быть нарисован таким образом, что будет подсказывать, какой размер и какая форма сосуда имеются в виду; а в семитском письме слово 'сосуд' будет написано фонетическими слоговыми знаками, причем любая дополнительная информация здесь сможет быть выражена только с помощью введения дополнительных слоговых знаков. Далее, при сравнении семит-

ского письма с греческим можно выдвинуть аргумент, что семитское письмо прекрасно может обходиться без указания гласных и оканчивается благодаря этому гораздо более быстрым и кратким, чем греческое или любое другое письмо, употребляющее знаки для гласных. А что мы можем сказать о точке зрения тех специалистов и неспециалистов, которые считают китайское письмо лучшим в мире и даже слышать не хотят о том, чтобы заменить китайское словесно-слоговое письмо какой-либо алфавитной системой? Как можем мы осудить энтузиазм по отношению к слоговому письму, который, как пожар, охватил всех чероки, потому что им удавалось овладеть новой системой за один день, тогда как обучение английскому письму требовало четырех лет? ¹ А как следует нам расценивать поверхностный вывод о том, что арабское письмо превосходит латинское, потому что пожилые турки, пользуясь для своего языка арабским письмом, пишут под диктовку значительно быстрее своих молодых соотечественников, употребляющих латинский алфавит?

Мы видим, таким образом, каким деликатным делом является оценка качества и как легко попасть впросак, если, делая выводы, опираться на какие-либо одни соображения, забывая взвесить все остальные. Очень может быть, что и в самом деле семитское письмо легче выучить и писать при его помощи можно скорее, чем при помощи египетской иероглифики, но зато египетское рисуночное письмо более выразительно, чем семитские системы. Однако эти свойства не лежат в одной плоскости. Какова может быть цена такому письму, как египетское, при всей его красоте и выразительности, если оно остается полной тайной для подавляющего большинства населения страны из-за своей сложности и трудности? Это еще более справедливо для китайской системы, возможно, самой трудной в мире для усвоения. Нужно учиться годы и годы, чтобы прочесть наиболее доступных классиков. Разумеется, правда, что китайское письмо прекрасно удовлетворяет нужды эгоистической бюрократии, сидящей наверху, и что ничтожный процент населения, умеющий читать и писать, может общаться друг с другом при помощи письма, даже если говорит на разных взаимно непонятных диалектах. Но пытался ли кто-нибудь логически взвесить кажущиеся преимущества китайского письма по сравнению с его огромными недостатками? Только эгоистичный и узколобый человек может защищать китайское письмо за его кажущиеся достоинства и пренебрегать тем, что вследствие трудностей, с которыми связано обучение китайскому письму, девяносто процентов населения остаются неграмотными. Что ценнее — система, которая удовлетворяет десять процентов населения, или система, доступная всем? И что важнее — сохранить существующее письмо и предоставить вершить судьбы страны правящей клике, составляющей десять процентов населения, или реформировать письмо, создав простую систему, и привлечь к участию в прогрессе страны все сто процентов населения?

Непредубежденная оценка всех факторов покажет, что и для других письменностей более интенсивная эволюция даст больше преиму-

ществ, чем менее интенсивная. Хотя при помощи семитских письменностей можно писать скорее, чем при помощи греческого письма, но лишь последнее создало развитую систему обозначения гласных и тем самым подарило всему миру возможность обозначения гласных, столь важную для точной передачи оттенков языка, мало известных диалектных форм, новых слов и иноязычных имен и слов. А преимущество в скорости, которое дает арабское письмо применительно к турецкому языку, сводится на нет орфографическими трудностями; латинский же алфавит в том виде, в каком он введен в Турции, точно передает почти каждый звук, к тому же для его усвоения школьникам нужна лишь половина того времени, которое требовалось для овладения арабским письмом. Наконец, переходя к оценке достоинств письма чероки, мы должны признать, что оно идеально подходило для передачи языка чероки. Но подходило ли оно для народа, живущего в англоязычном окружении? В какой мере письмо чероки подходило для передачи сотен и тысяч слов и имен, которые попали к чероки от окружающего населения, говорившего по-английски? Как раз неприспособленность письма чероки для выполнения этой задачи оказалась главной причиной того, что это индейское письмо впоследствии уступило место латинской системе, которая лучше соответствовала более широко понимаемым нуждам народа чероки.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале этой главы, а именно к вопросу о том, прогрессирует ли письмо, когда переходит в процессе эволюции с логографической ступени на силлабическую и с силлабической на алфавитную, я бы сказал — да, прогрессирует! Глядя на письмо с самой широкой точки зрения, я бы сказал без колебаний, что алфавитные системы лучше служат целям взаимной коммуникации людей, чем слоговые, а последние больше соответствуют этим целям, чем логографические или лого-силлабические. И все же здесь нет предмета для похвалы. Непоследовательность английской орфографии в сравнении с почти полной адекватностью передачи звуков греческой и латинской системами или же отклоняющееся от нормы развитие формы знаков в некоторых письменностях современной Индии по сравнению с простыми по форме знаками древних индийских письменностей показывают, что в отдельных конкретных случаях письмо не всегда идет по пути к совершенству. Сковывающее влияние традиции, религии и национализма мешает прогрессу, срывая или задерживая реформы, осуществление которых при нормальных обстоятельствах привело бы к естественной эволюции письма.

При сравнении любой из употребляемых западной цивилизацией алфавитных письменностей с греческим алфавитом сразу видно, что с точки зрения внутренней, структурной, различие между западными алфавитами и греческим отсутствует. Иными словами, несмотря на колоссальные достижения западной цивилизации во многих сферах человеческой деятельности, письмо со времени греческого периода совершенно не прогрессировало. Достаточно вспомнить

о современных средствах массовой коммуникации, таких, как радио, кино, телеграф, телефон, телевидение и пресса, и при этом взглянуть на современное английское написание DADA в сравнении с латинским DADA и греческим ΔΑΔΑ, чтобы в глаза бросился огромный разрыв между методами массовой коммуникации нашего времени и греческой поры, с одной стороны, и почти полным совпадением английского, латинского и греческого алфавитов, с другой. И дело не в том, что письмо так совершенно, что не нуждается ни в каком улучшении. И не из-за недостатка в предложениях разумных и практических реформ мы так цепляемся за устаревшие приемы письма. Совокупность причин, обуславливающих наш консерватизм, возможно, находится за пределами нашего разумения. И все же будет нелишним ознакомиться с современным состоянием дел и немного поразмыслить о возможностях, которые нам предстоит рассмотреть или даже реализовать в будущем.

Предложения и попытки реформы письма часто идут рука об руку с предложениями и попытками осуществить реформы языка. И это вполне естественно, в особенности если вспомнить, что письмо зависело от языка на протяжении всей истории.

Простейшая форма языковых изменений происходит при наложении одного языка на другой. Аккадский, арамейский, греческий, латинский, испанский, французский, русский и английский принадлежат к тем языкам, которые в связи с культурным престижем или политическим преобладанием получили широкое распространение на обширных пространствах за пределами их родной страны. Рука об руку с распространением языков шло распространение соответствующих письменностей, что хорошо засвидетельствовано широким употреблением клинописной системы в древности и семитского, греческого и латинского письма в более поздние времена. Превосходство современной западной цивилизации проявляется в широком распространении более или менее удачных попыток внедрить латинское письмо во всем мире. Принятие латинского письма турками, его широкое распространение среди африканских и американских туземцев, а также предложения латинизировать китайское, японское, арабское и персидское письмо представляют собой яркие проявления этой тенденции.

Однако широкое распространение латинского алфавита в наше время не привело к единству. Во многих случаях знаки латинского алфавита приобрели в разных странах совершенно различные фонетические чтения. Турки, например, употребляют латинский знак *c* для звука [dʒ] (русск. *дж*), что не имеет аналогии ни в одном западном письме. Ничем не ограниченную омофонию знаков латинского алфавита можно прекрасно проиллюстрировать существующим разнообразием в написании имени знаменитого русского писателя Чехова в разных системах письма, пользующихся латинскими знаками, так, начальный звук этого имени может писаться *Ch*, *Tch*, *C*, *Tsch*, *Tsj*, *Tj*, *Cz*, *Cs* или *Č*, средний согласный — *kh*, *ch*, *k*, *h* или *x*, а конечный — *v*, *f* или *ff*. Уже не один век потребность реформы ла-

тинского алфавита признается всеми, и было предпринято много попыток найти какой-то выход ². Лучшим из всех предложений является алфавит, известный под сокращенным названием МФА (Международная фонетическая ассоциация = IPA (International Phonetic Association)). Он состоит из латинских знаков, дополненных некоторым количеством искусственно созданных букв и несколькими диакритическими значками ³. Этой системой теперь пользуются все лингвисты. Она так проста и практична, что вполне заслуживает, чтобы ее употребление вышло за пределы узких научных рамок и получило значительно более широкое признание.

Наибольшим успехом в национальных письменностях пользовались реформы, касавшиеся упрощения написаний и систематизации соответствия между звуками и знаками. Некоторым народам, как, например, финнам, удалось создать систему письма, почти идеально соответствующую фонемам языка, тогда как другие, как, например, англичане, продолжают нести бремя традиционной орфографии. Однако будущее письма нельзя уже более сводить к реформам национальных письменностей. Как выразился однажды Марк Твен, пользуясь несколько странной орфографией: «The da ma ov koars kum when the publik ma be expektd to get rekonsyld to the bezair asspekt of the Simplified Kombynashuns, but — if I may be allowed the expression — is it worth the wasted time?» ⁴ ('The day may of course come when the public may be expected to get reconciled to the bizarre aspect of the Simplified Combinations,...') 'Конечно, придет день, когда публика, будем надеяться, примирится со странным видом Упрощенных (орфографических) Сочетаний, но — пусть мне простят вульгаризм — будет ли игра стоить свеч?'. В настоящее время уже слишком поздно проповедовать реформы различных национальных орфографий. Теперь нужно иное — единая система письма, знаки которой точно или почти точно соответствовали бы всем имеющимся в мире фонемам. Именно этому требованию и соответствует алфавит МФА.

Националистические и религиозные установки были причиной ожесточенного сопротивления принятию того или иного языка в качестве языка всемирного. Англичане боролись против французского языка, французы — против английского, протестанты — против латыни, православные русские — против всех трех. Даже упрощенные искусственные языки, такие, как бэйсик инглиш *, имели относительно малый успех. Если в дополнение к этому учесть отклонения от нормы и непоследовательность, свойственные всем естественным языкам, то станет ясна причина возникновения в наше время множества искусственных языков. По крайней мере некоторые из них, такие, как эсперанто, идо, оксиденталь, интерлингва, новиаль и волапюк, пользовались в свое время известной популярностью.

* Особый английский язык, в котором используется минимальный запас лексики и простейшие правила грамматики. Широко применялся в учебных целях, в том числе в СССР. — *Прим. ред.*

Вообще же мы должны признать, что попытки создания универсального языка привели лишь к тому, что наше вавилонское столпотворение пополнилось еще несколькими языками. И в области письма были предложения заменить национальные системы новыми формами письма. Различные подходы к проблеме привели к различным конкретным предложениям, которые мы сейчас рассмотрим.

Заимствовано ли письмо извне или создано в данной стране, оно сначала всегда употребляется преимущественно для официальных целей. При этом форма знаков часто выбирается с полным пренебрежением к вопросам экономии места и времени. Лишь постепенно происходит развитие курсивных письменностей для повседневного, практического употребления. При этом знаки претерпевают разную степень упрощения типа того, которое видно, например, при сравнении нашего рукописного курсива с наборным шрифтом. Но часто оказывается, что даже курсивные формы недостаточно упрощены для того, чтобы с успехом служить своему назначению — скорому письму. По этой причине начиная с классической поры предпринимались неоднократные попытки создать новые формы письма, в которых выбор отдельных знаков и способов их соединения обеспечивал бы максимально возможную экономию времени и места. К их числу относятся и современная форма быстрого письма, которую называют поразному: то стенография (то есть "тесное письмо"), то брахиграфия (то есть "краткое письмо"), то тахиграфия (то есть "быстрое письмо"). Именно она из всех реформ такого рода имела наибольший успех. Хотя можно назвать несколько систем быстрого письма, претендующих на международное признание, на самом же деле ни одна из них не может считаться принятой во всем мире. Бывает, что одна и та же система употребляется в нескольких странах, но тогда в ней обнаруживаются отклонения, вызванные местными требованиями. Удобные системы быстрого письма применяются повсюду наряду с национальным письмом. Ни одной системе быстрого письма не удалось до сих пор вытеснить из употребления национальное письмо.

Совершенно другой подход к условной записи звуков речи представляют собой "Visible Speech" ('зримая речь') Бэлла⁵ и "Alphabetic Notation" ('безалфавитная нотация') Отто Эсперсена. В основе указанного подхода лежит представление о том, что все звуки имеют два аспекта: органический (или артикуляторный) и акустический. Когда мы говорим, например, о звуке s, то можем судить о его органической артикуляции по форме рта и положению языка, при помощи которых он образуется, а также о достигаемом акустическом эффекте, каковым является свист, возникающий в результате продувания воздуха через щель, получившуюся вследствие соответствующего положения артикулирующих органов⁶. Названные нами здесь новые методы в большей степени пытаются отразить артикуляцию звука, чем его акустическую сторону.

Метод, именуемый "Visible Speech", был впервые предложен Мелвиллом Бэллом, отцом и изобретателем телефона, однако этот

метод стал известен уже в переработанном виде в качестве системы, которую Генри Суит назвал "органической" ⁷. В этой системе используются геометрические знаки. С их помощью имитируется форма органов речи, которую последние приобретают в момент произнесения различных звуков. Исследователями, работающими в "Bell Telephone Laboratories" (Телефонные лаборатории фирмы "Бэлл"), разработан электронный прием превращения звуков речи в видимые знаки, которые можно научиться читать и анализировать. Этот прием также назван "Visible Speech" ⁸ (в русском принят термин 'видимая речь'). Однако, кроме названия, этот новый прием ничего общего с приемом записи звуков Бэлла — Суита не имеет.

Другой метод условной записи артикуляции звуков речи — "безалфавитная нотация" ⁹. Эта система даже более точна, чем система "Visible Speech". В то время как "Visible Speech" пользуется символами для обозначения простых артикуляций, эта нотация представляет собой попытку выразить всю сумму тесно связанных между собой движений органов речи, результатом которых является звук. В этой системе Есперсена каждый звук представлен серией греческих и латинских букв, арабских цифр и некоторых других символов, имеющих определенное значение: греческая буква указывает артикулирующий орган (губа, язык, и т. д.); цифра употребляется для обозначения того, открыто или закрыто отверстие и какова его форма; латинская буква, размещаемая как показатель степени, фиксирует артикуляционную позицию (переднюю, среднюю, заднюю и т. д.). Например, звук *и* по этой системе обозначается $\alpha^3 \beta \gamma \gamma^i \delta o \epsilon l$, так что форма записи сильно напоминает химическую формулу. Другая безалфавитная система, разработанная Кеннетом Л. Пайком ¹⁰, еще сложнее. По этой системе звук *t*, например, выражается следующим образом: *MaIlDeCVveIcAPpaatdtltlnransfsSiFSs*. Эти две системы имеют известные преимущества для узконаучного употребления, так как при записи отдельных звуков позволяют избежать длинных определений, требующих многих строк обычного письма, заменяя их небольшим количеством символов, но обе системы не предназначены для записи высказываний и по этой причине совершенно неприемлемы как практическая система письма.

Как подробно говорилось в главе III, китайское словесно-слоговое письмо использует словесные знаки в значительно большей мере, чем любое письмо того же типа, например шумерское или египетское. В стране, где существует множество разных и часто взаимно непонятных диалектов, это свойство китайской системы превращает ее в своего рода универсальное письмо. В подражание китайской системе в Европе не раз делались предложения создать универсальную систему, в которой знаки и символы стояли бы вместо слов и грамматических показателей и читались бы в разных языках мира по-разному, а понимались бы одинаково. Таким образом, система в целом выглядела бы как результат обобщения приема, который обычно используется нами при написании цифр, соответствующих в разных языках разным словам. Со времен средневековья неоднократно

но предлагались разные системы такого рода, но ни одна из них так и не получила признания¹¹. Недостатки этих пасиграфических систем те же, что и у рассмотренных выше словесных письменностей: неточность и трудность овладения тысячами знаков для разных языковых элементов. Все же возможность создания практически приемлемой пасиграфической системы не может быть полностью исключена. Успешное создание интернационального языка жестов для глухонемых, в котором каждый знак-жест в разных странах имеет одно и то же основное значение, указывает на возможность создания в будущем параллельных пасиграфических систем для определенных ограниченных целей.

Другой пасиграфической системой является система, именуемая "изотайп" (Isotype — сокращение названия International System Of Typographic Picture Education)¹². Система "изотайп" не претендует на превращение в универсальную систему, которая заменила бы фонетические письменности. Она просто пытается создать некоторое количество рисуночных знаков, понятных *per se*, т. е. сами по себе, без специально разработанных соответствий между знаком и словом. Система предназначается для употребления при преподавании и обучении, но она также может быть применена в ограниченной мере для некоторых международных средств коммуникации, в частности при перевозках. Например, в инструкции для пользования телефоном может быть приведена короткая серия всем понятных рисунков вместо длинных письменных объяснений, доступных только лицам, знающим соответствующий язык.

Наступило время подвести итоги. Как обстоит дело с реформой письма сегодня и каково ее будущее? Рассмотрим сначала реформы, которые кажутся нам нецелесообразными и непрактичными. Можно считать общепризнанным, что пересмотр национальных письменностей с целью упрощения написаний нецелесообразен и не стоит затраченных на него усилий. Заниматься этим в национальных рамках имело смысл в XVIII—XIX вв., в период возникновения национального самосознания и достижения им своей вершины, но не в XX в., когда актуальным стало стремление достигнуть всемирного содружества наций. По этой причине мы не стали бы одобрять навязывание латинского алфавита странам, находящимся под влиянием Запада. Тем более что с точки зрения теории письма латинский алфавит, в том виде, в каком он применяется в странах Запада, не имеет никаких преимуществ по сравнению, скажем, с арабским, греческим или русским алфавитами. То обстоятельство, что латинский алфавит связан с западной цивилизацией, воспринимается его сторонниками как преимущество, полностью заслоняющее его очевидные недостатки. В чем действительно есть потребность, так это либо в какой-нибудь системе письма, приспособленной для международного употребления, либо в совершенно новом типе всемирного письма.

Из систем, которые надлежит рассмотреть в свете возможности их всемирного применения, мы должны сразу исключить типы, пред-

ставленные "зримой речью" и "безалфавитной нотацией". Оба типа могут иметь международное применение для символического обозначения элементов речи, но только в ограниченных рамках. Они очень точны и потому очень полезны в научной области, но по практическим соображениям не могут приниматься в расчет в качестве систем письма, пригодных для повседневного употребления. Также по практическим соображениям из числа возможных всемирных письменностей должны быть исключены различные пасиграфические системы с их сотнями и тысячами разных знаков.

Существует одно письмо латиницей, которое широко употребляется лингвистами для транскрипции и транслитерации целого ряда различных языков мира,— это МФА — алфавит Международной фонетической ассоциации (IPA=International Phonetic Association). Этот алфавит относительно точно передает соответствие между знаком и звуком и в то же время настолько прост, что с его помощью ребенок может постигнуть искусство письма гораздо быстрее, чем это происходит при обучении национальному письму обычного типа.

Хотя между реформированными алфавитами и алфавитом МФА существует различие, которое выражается в том, что первые переработаны для национальных нужд, тогда как алфавит МФА сразу создан с целью применения в любом языке мира, все же как против реформированных алфавитов, так и против алфавита МФА могут быть выдвинуты одинаково серьезные возражения. Прежде всего это реакция широкой публики, которую так хорошо выразил Марк Твен¹³ в своем комментарии к "Simplified Spelling" ("Упрощенной орфографии"), где он приводит следующий ее образец: «La on, Macduf, and damd be he hoo first krysh hold, enuff!» («Lay on, Макдуф, и будь проклят тот, кто первым закричит "Стой, довольно!"»). Марк Твен утверждает, что «видеть наши буквы в сочетаниях, непривычных для нас, оскорбляет наш глаз, а также лишает слова выразительности (expression)... и вообще не заставляет вас трепетать, как бывало. Упрощения выжали из него (из письма) все то, что вызывало трепет». По этой причине сам Марк Твен был против реформы существующего английского письма, а предпочитал ей введение совершенно новой формы письма, которая бы не оскорбляла глаз так сильно, как "Упрощенная орфография", и потому была бы охотнее принята широкой публикой. Такая новая система не только была бы более приемлемой из общих психологических соображений, но могла бы обладать столь ценными качествами, как скорость и компактность, которых так досадно недостает нашему латинскому письму. Многие ли отдадут себе отчет в том, какая уйма времени и места расходуется впустую вследствие употребления латинского письма, а также в том, что отдельные знаки излишне сложны, что начертание букв не совпадает с направлением письма, что часто буквы нельзя написать непрерывным движением руки, что дифференциация прописных и строчных букв не имеет никаких ра-

зумных оснований? Все эти пороки латинского алфавита могли бы быть устранены путем введения новой системы быстрого письма нынешней стенографии. Однако простое принятие такой системы не удовлетворило бы нашей потребности во всемирном письме. Существуют две причины для возражений против систем стенографии в том виде, в котором они употребляются в настоящее время. Во-первых, они введены с целью достичь максимальной скорости в определенных практических ситуациях и потому неточны; во-вторых, они приспособлены для употребления в конкретных языках, а не во всех языках мира.

Нам следовало бы создать систему письма, сочетающую в себе точность алфавита МФА с простотой форм системы быстрого письма. Такая полная и точная система нотации, которую можно было бы в нужных случаях сокращать и упрощать, соответствовала бы требованиям как теории, так и практики. Она должна была бы содержать знаки для всех звуков всех языков мира в пределах алфавита МФА, а форма знаков для этих звуков должна была бы быть заимствована из стенографической системы. Из полной системы такого типа можно было бы извлекать меньшие алфавиты для применения в отдельных языках. Вместе с тем полная система должна оставлять открытой возможность дальнейших упрощений, в том числе и в пределах национальных письменностей. Такого рода сочетание МФА и стенографии будет, разумеется, короче и позволит достичь большей скорости, чем алфавит МФА, который пишется латинскими буквами, но все же оно не будет в такой степени удовлетворять потребности в скорости и компактности, как уже существующие системы стенографии. С этой целью должны были бы осуществляться дальнейшие упрощения системы МФА + стенография. Ради сохранения исходного единства полной системы и частных систем, разработанных для практического употребления, я бы не рекомендовал вводить в последние какие-либо новые знаки для слов или отрезков предложения, подобно тому как это делается в чисто стенографических системах. Практически удобную систему вполне можно было бы создать путем сокращения и изъятия тех элементов, которые в определенных условиях не являются абсолютно необходимыми для достижения понимания записи или сообщения. Некоторые семитские письменности со свойственными им сокращениями и произвольным пропуском гласных могли бы послужить хорошим образцом для возможных упрощений предлагаемой системы МФА + стенография. Так, например, при сквозном употреблении стенографических форм слово *simplification* в полной системе писалось бы, допустим, как *simplifikeyšn*, а в практических вариантах системы — как *smplfkyšn* (с пропуском гласных), или как *simplifik.* — в сокращенном виде, или даже как *smplfk.*, с применением обоих приемов, то есть и сокращения, и пропуска гласных.

Итак, наши рассуждения о будущем письма подходят к концу. Я отдаю себе отчет в том, насколько эта глава уязвима для критики с разных сторон. Традиционалисты осудят ее как еще одно беспо-

лезное предложение изменить status quo. Ученые упрекнули меня в поверхностном подходе к важной теме. Но меня мало волнуют выпады традиционалистов против сторонников реформ. Если бы не было реформаторов, то традиционалисты до сих пор разгуливали бы в шкурах и перьях и жили бы в пещерах и у них не было бы возможности говорить или писать о "чумной ереси реформ". Более серьезными, возможно, окажутся обвинения в том, что данная глава слишком поверхностно трактует такой важный предмет, как будущее письма. В свою защиту я хотел бы сказать, что не имел намерения предложить в готовом виде новую систему универсального письма. В этой главе я хотел лишь свести воедино некоторые мысли, которые возникли у меня при работе с письменностями прошлого, и попытаться выяснить, что может оказаться в них полезного для будущего. Только в этом и может состоять ценность настоящей главы.

XI

ТЕРМИНОЛОГИЯ НАУКИ О ПИСЬМЕ

Здесь предлагается первая попытка собрать термины науки о письме * и дать их определение. При попытке такого рода оказалось невозможным строго следовать традиции. Чтобы придать определениям необходимую типологическую стройность, пришлось ввести новые термины, а старые изменить и уточнить. Закономерности, управляющие письмом, сведены воедино, чтобы дать читателям возможность оценить *in toto*, т. е. в целом, что именно я считаю в настоящем исследовании наиболее важным. Надеюсь, что эта первая попытка окажется полезной как фундамент, на основе которого в дальнейшем можно будет создать строгую и последовательную терминологию науки о письме **.

ТЕРМИНЫ В ПОРЯДКЕ РУССКОГО АЛФАВИТА

* *Акрофония* *** — см. *Принцип акрофонии*.

Аллограмма ****. Логографические (словесные), силлабические (слоговые) или алфавитные (буквенные) знаки или написания какого-либо заимствованного письма, употребляемые как словесные или даже как фразовые знаки для другого языка. Например, шумерское написание *in-lá-e* 'он отвесит', которое читается по-аккадски *išaqqa*l 'он отвесит', или арамейское написание *malkā* 'царь', которое читается по-среднеперсидски (χ)šāh 'царь'.

Алфавит, или *Алфавитное (буквенное) письмо*. Письмо, в котором один знак соответствует какой-либо одной или более чем одной фонеме языка. Например, в английском языке алфавитный

* В настоящем русском издании книги И. Е. Гельба "Опыт изучения письма" английское *writing* (ед. ч.) систематически переводится словом "письмо", слово *writings* (мн. ч.) — словом "письменности" (слово "письменность", имеющее в ед. ч., кроме значения "письмо", еще и другие значения, нами вообще не употребляется. — *Прим. перев.*

** Здесь термины даются в переводе с соответствующими объяснениями автора. Список английских терминов см. ниже, с. 243 и сл. — *Прим. перев.*

*** Звездочкой перед словом автор поместил термины, которые он считает неприемлемыми. — *Прим. перев.*

**** В литературе встречается более употребительный синоним термина "аллограмма" — "гетерограмма". — *Прим. перев.*

знак *b* соответствует фонеме *b*, тогда как знак *c* соответствует фонемам *k* и *s*. См. также *Логография*, *Силлабография*.

Ассоциативный знак. Знак, представляющий собой рисунок конкретного предмета, соответствующий слову, связанному с этим предметом, исключительно по ассоциации. Таким образом рисунок солнца может соответствовать слову 'день'.

Внешнее развитие — см. *Принцип внешнего развития*.

Внутреннее развитие — см. *Принцип внутреннего развития*.

Вспомогательный знак. Нефонетический знак, как, например, нефонетический знак препинания или применяемый в некоторых системах письма детерминатив или классификатор, присоединяемый к слову с целью помочь пониманию письма.

Грамматология. Наука о письме.

Детерминатив — см. *Семантический индикатор*.

Дивергенция — см. *Принцип дивергенции*.

Знак. Условно употребляемый *символ*, представляющий собой часть системы, как, например, слово в системе знаков, именуемой "языком", или письменное начертание в системе знаков, именуемой "письмом". В узком смысле слова — только письменное начертание, письменный знак.

Значение. Мысленная ассоциация между знаком и его соответствием (референтом), то есть чем-либо подразумеваемым, как, например, ассоциация между словом и референтом или между зримым знаком и референтом (через посредство слова или непосредственно) *.

Идентифицирующе-мнемонический прием. Семасиографический прием передачи сообщений при помощи рисунков или зримых начертаний, которые помогают отождествить или запечатлеть те или иные лица или предметы. Например, изображение ягуара на щите может приблизительно передавать такого рода общее сообщение: "Этот щит принадлежит человеку, убившему ягуара".

* *Идеограмма.* Термин, часто и притом ошибочно употребляемый филологами вместо нашего "логограмма".

* *Идеографическое письмо.* Система письма, якобы употребляющая так называемые * *Идеограммы*.

Иероглифика. Словесно-слоговая система письма, использующая рисунки в качестве знаков, как, например, египетская иероглифика или хеттская иероглифика.

Классификатор — см. *Семантический индикатор*.

Конвенционализация — см. *Принцип набора условных правил*.

Конвергенция — см. *Принцип конвергенции*.

* *Консонантное письмо.* Так называемые «консонантные знаки» египетской и западносемитской письменностей рассматриваются в данной книге как слоговые знаки с неопределенными гласными.

Контекст ситуации — см. *Принцип контекста ситуации*.

* Слово сочетание *meaning of the sign* из-за нежелательной тавтологии "значение знака" всюду переводится словосочетанием "чтение знака". В ассириологии принят термин *value* (англ.), чтение (русск.).

Курсивное письмо или *Скоропись*. Беглая форма письма, употребляемая для повседневных практических целей. Иногда курсивное письмо становится монументальным, причем в то же время развивается вторичная курсивная форма этого письма. Противоположно *Монументальному письму*.

Лингвистический перенос или *Языковой перенос*. Отождествление знаков какой-либо системы со знаками языка, приводящее к тому, что первые становятся средством выражения вторых. Иными словами, когда знаки письма условно ассоциируются с языковыми элементами, письменность превращается во вторичный перенос (вторичную передачу) языка.

Линейное письмо. Форма письма, использующая в качестве знаков линейные начертания или неотожествляемые рисунки. Противоположно *Рисуночному письму*.

Логограмма. Словесный знак, употребляемый в логографии (словесном письме). Не **Идеограмма*! В английском, например, такими знаками являются знаки 2 ('два, второй'), \$ ('доллар'), ° ('градус'). См. также *Первичный, Ассоциативный и Начертательный знак, Семантический индикатор, Фонетический перенос* и *Фонетический индикатор*.

Логография, или *Словесное письмо*. Письмо, в котором один знак, как правило, соответствует одному или нескольким словам языка. См. также *Силлабография, Алфавит*.

Механическое письмо. Письмо, выполненное при помощи механических средств, например при помощи типографских средств или пишущей машинки. Противоположно *Рукописному письму*.

Мнемонический — см. *Идентифицирующе-мнемонический прием*.

Монументальное письмо. Тщательная форма письма, как правило представленная на общественных памятниках и употребляемая по торжественным официальным случаям. Противоположно *Курсивному письму*.

Начертательный знак. Знак, выраженный при помощи геометрической фигуры, как, например, круг для слова 'всё, совокупность' или вертикальная черта (штрих) для числительного 'один'.

Однонаправленное развитие — см. *Принцип однонаправленного развития*.

Описательно-изобразительный прием. Семасиографический прием для передачи сообщений при помощи рисунков, изображаемых или размещаемых в соответствии с нормами изобразительного искусства.

Омофония. Способность нескольких письменных знаков выражать одну и ту же фонему. Например, по-английски написания too, two, to одинаково произносятся [tu:]. Противоположна *Полифонии*.

Пасиграфия. Система письма, предназначенная для универсального (всемирного) употребления и использующая знаки, выражающие значения, но не соответствующие непременно языковым элементам.

Первичный знак. Знак, передаваемый при помощи рисунка конкретного предмета и употребляемый для обозначения конкретного предмета или действия. Например, рисунок, изображающий человека, может употребляться для слова 'человек', а рисунок, изображающий человека, держащего хлеб в руке, поднесенной ко рту, может употребляться для слова 'есть, питаться'.

Петроглиф. Примитивная наскальная пиктограмма, вырезанная или высеченная.

Петрограмма. Примитивная наскальная пиктограмма, нарисованная или написанная красками.

Пиктография. Предписьменности, использующие в качестве знаков пиктограммы, то есть рисунки типа тех, которые известны, например, у индейцев.

Письмо. Система взаимной коммуникации, осуществляемая при помощи условных зримых начертаний (знаков) (мн. ч. — *Письменности*) *. См. также *Предписьменности* или *Семасиография* и *Фонография*.

Письменности — см. *Письмо*.

Позиция — см. *Принцип позиции*.

Полифония. Способность одного письменного знака выражать более одной фонемы данного языка. См., например, полифонический характер алфавитного знака *a* в таких английских написаниях, как *man* [æ] 'человек', *mane* [ei] 'грива' и *malt* [ɜ:] 'солод'. Противоположна *Омофонии*.

Предметное письмо, или *Предметный язык*. Система, использующая в качестве знаков предметы, как, например, узелковое письмо кипу или язык цветов **.

Предметный язык — см. *Предметное письмо*.

Предписьменности ***. Различные средства, приведенные под рубрикой *Семасиография* и служащие для осуществления взаимной коммуникации при помощи зримых начертаний, передающих значение, но не обязательно соответствующих языковым элементам. Противоположны *Фонографии*.

* *Принцип акрофонии.* Принцип, согласно которому слоговые (силлабические) и буквенные (алфавитные) знаки якобы произошли путем использования первой части слова и отбрасывания остальной его части. Этот принцип мог бы быть проиллюстрирован на английском материале, если бы рисунок дома был использован для передачи буквенного знака *h* на том основании, что слово *house* 'дом' начинается с *h*. За единичными исключениями, акрофония в каче-

* По мнению редактора и переводчиков, *письмо* есть система знаков, фиксирующая речь и предназначенная для сообщения (коммуникации) во времени и в пространстве. См. также прим.* к с. 235.

** Лучше говорить о *предметных предписьменностях*. — *Прим. ред.*

*** Автор объясняет выше (с. 34), почему он вынужден пользоваться неудовлетворительным с его точки зрения английским термином *forerunners of writing*; приводимые им соображения для русского языка не имеют силы, что позволяет нам ввести точный и удобный термин "*предписьменности*". — *Прим. перев.*

стве принципа какой-либо роли в истории письма, по-видимому, не играла.

Принцип внешнего развития. Принцип, согласно которому письмо развивается от одной формальной ступени к другой, например от рисуночной формы к линейной. Параллелен *Принципу внутреннего развития*.

Принцип внутреннего развития. Принцип, согласно которому письмо развивается от одной ступени внутренней структуры к другой, например от слоговой системы к буквенной (то есть от силлабария к алфавиту). Параллелен *Принципу внешнего развития*.

Принцип дивергенции. Принцип, согласно которому для новых слов создаются новые знаки, как, например, в китайском. Противоположен *Принципу конвергенции*.

Принцип конвергенции. Принцип, согласно которому разные словесные знаки устраняются и заменяются слоговыми написаниями, как, например, в шумерском и хеттском. Противоположен *Принципу дивергенции*.

Принцип контекста ситуации. Принцип, согласно которому понимание знака может зависеть от контекста ситуации. Например, сокращение m может в одном контексте заменять слово minute 'минута', а в другом — слово meter 'метр'.

Принцип набора условных правил. Принцип, согласно которому как форма, так и значение всех знаков и символов зависят от сложившихся условных правил.

Принцип однонаправленного развития. Принцип, согласно которому общее развитие письма идет в направлении от словесного письма к слоговому (силлабическому) и затем к буквенному (алфавитному).

Принцип позиции. Принцип, согласно которому чтение и значение знаков могут зависеть от их позиции, как, например, в написаниях '32' и '3²'.

Принцип редукции. Принцип, согласно которому чтение знака может быть сокращено, если за ним следует фонетический несемантический знак. Так, например, шумерское сочетание til-la 'жизнь', состоящее из словесного знака til и фонетического комплемента/индикатора la, было воспринято аккадцами как ti(l)-la, что привело к восприятию первого знака как соответствующего только слогу ti. Подобным образом написание слова bi при помощи двух словесных знаков bⁱ-i было воспринято греками как b(i)-i, что привело к интерпретации первого знака, по происхождению своему слогового, как буквенного (алфавитного) знака b.

Принцип фонетизации. Чаше именуется теперь ребусным. Согласно этому принципу, знаки для слов, которые трудно нарисовать, пишутся знаками для других слов, которые идентичны или близки им по звучанию и которые легко нарисовать. Так, в шумерском слово ti 'жизнь' передается при помощи рисунка стрелы, которая по-шумерски также звучит ti.

Принцип экономии. Принцип, согласно которому письмо стремится достигнуть максимальной эффективности минимально возможным числом знаков. Например, одни слоговые письменности не проводят различия между звонкими, глухими и эмфатическими согласными, а другие не дифференцируют различных гласных.

Принцип эстетической условности. Принцип, согласно которому начертание или расположение знака может изменяться в соответствии с набором условных эстетических правил, то есть в соответствии с нормами изобразительного искусства. Например, правильный порядок знаков $\overset{xx}{X}$ (x обозначает маленький знак, X — большой знак) может быть заменен неправильным xx ради того, чтобы такое размещение маленьких знаков зрительно уравновесило бы большой знак.

Просодический знак. Знак для обозначения просодического признака, как, например, количества, ударения, тона, паузы. См., например, написания $\text{d\acute{e}mos}$ или ku_3^* .

Ребусный принцип — см. *Принцип фонетизации*.

Редукция — см. *Принцип редукции*.

Репертуар знаков. Полный перечень знаков данного письма. См. также *Силлабарий*.

Репрезентационный прием — см. *Описательно-изобразительный прием*.

Рисуночное письмо. Форма письма, использующая в качестве знаков узнаваемые рисунки. Противоположно *Линейному письму*.

Рукописное письмо. Письмо, выполненное от руки. Противоположно *Механическому письму*.

Семантический индикатор. Знак, часто называемый детерминативом и выражающий семантический, но не фонетический элемент, присоединяемый к основному знаку, как, например, в китайском БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ. ДЕРЕВО означает *цунь* 'деревня' в противоположность знаку БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ (без детерминатива) для слова *цунь* 'вершок'. В некоторых письменностях детерминативы становятся классификаторами, то есть вспомогательными знаками для обозначения принадлежности к определенному классу тех слов, к которым их присоединяют. Например, в аккадском все имена богов помечались детерминативом/классификатором божества.

Семасиография. Предписьменности, в том числе идентифицирую-

* В научной латинской транскрипции китайского и других сино-тибетских языков цифровым показателем обозначается тон слога (восходящий, ровный, нисходящий и т. д.). В транскрипции же шумерских текстов действует принцип, введенный Ф. Тюрро-Данженом, по которому омофоничные клинописные знаки механически получают цифровой показатель в порядке убывающей частоты встречаемости знаков; кажущаяся омонимия знаков связана и здесь скорее всего с дифференциацией *по тону*, а следовательно, с просодическими признаками, хотя объективно классифицировать шумерские знаки по тонам мы пока не можем. — *Прим. перев.*

ще-мнемонический и описательно-изобразительный приемы, служащие для осуществления взаимной коммуникации посредством зримых начертаний, передающих значение, но не являющихся непременно языковыми элементами. Противоположна *Фонографии*.

Силлабарий. Набор или система знаков данного слогового письма. (Русский термин *силлабарий* не покрывает всех значений английского термина *syllabary*, которому в русском, кроме того, соответствуют термины *силлабография*, или *силлабическое письмо*, или *слоговое письмо*.) См. также *Логография*, *Алфавит*, *Репертуар знаков*.

Силлабический знак, или *Слоговой знак*, или *Силлабограмма*. Знак, употребляемый в силлабическом, или слоговом, письме.

Силлабическое письмо — см. *Силлабография*.

Силлабограмма — см. *Силлабический знак*.

Силлабография, или *Силлабическое письмо*, или *Слоговое письмо*. Письмо, в котором один знак обычно соответствует одному или нескольким слогам языка. Например, в шумерском один знак имеет слоговое значение *ba*, другой — *gi* или *dal*, третий — *bala* и т. д. См. также *Логография*, *Силлабарий*, *Алфавит*.

Символ. Отличается от знака тем, что не является частью системы, как, например, символ христианства — крест, или символ надежды — якорь.

Система знаков. Набор органически связанных между собой знаков, применяемых в соответствии с условными правилами для целей взаимной коммуникации, таких, как, например, язык, письмо, язык жестов.

Скоропись — см. *Курсивное письмо*.

Словесно-слоговое письмо. Письмо, подобное, например, шумерскому или египетскому, в котором употребляются логографические (словесные) и силлабические (слоговые) знаки.

Словесное письмо — см. *Логография*.

Словесный знак — см. *Логограмма*.

Слоговое письмо — см. *Силлабография*.

Слоговый знак — см. *Силлабический знак*.

*Транскрипция**. Форма графического переноса (графической передачи), предусматривающая употребление одного знака (или одной комбинации алфавитных знаков со специальными различительными значками) для каждой фонемы передаваемого языка. Так, три клинописных знака, транслитерируемые как *i-din-nam* или *i-di(n)-nam*, могут быть протранскрибированы как *iddinam*.

*Транслитерация**. Форма графического переноса (графической передачи), предусматривающая употребление одного знака (или

* Заметим, что в русском письме иноязычные имена собственные транскрибируются, и при том обычно непоследовательно (например: Washington, Wilson, Наас, Неине, Goethe = Вашингтон, Уилсон, Хааз, Гейне, Гёте), а в большинстве языков, пользующихся латиницей, русские имена собственные только транслитерируются, например Tolstoy (а не *Talstoy) и т. п. — *Прим. ред.*

одной комбинации алфавитных знаков со специальными различительными значками) для каждого письменного знака передаваемого письма. Так, например, три определенных клинописных знака могут быть протранслитерированы как i-din-pam или i-di(n)-pam.

Фонетический знак. Любой знак собственно письма, выражающий языковые элементы при помощи зримых начертаний, будь то алфавитный (буквенный), силлабический (слоговой) или словесный знак (логограмма); к фонетическим знакам в некоторых системах относятся также просодические знаки и знаки для отрезков предложения. Фонетические знаки могут быть разделены на две группы: 1) фонетические семантические знаки * и 2) фонетические несемантические знаки, такие, как алфавитные, силлабические и просодические знаки.

Фонетический комплемент/индикатор. Знак, выражающий фонетический, но не семантический элемент, приданный основному знаку. Например, в шумерском основной знак, изображающий женскую грудь, может читаться dumu 'сын', bànda 'мальчик' и tug 'маленький', но прибавление к этому основному знаку знака да делает единственно возможным чтение bànda, но не dumu или tug.

Фонетический индикатор — см. *Фонетический комплемент*.

Фонетический перенос — см. *Принцип фонетизации*.

Фонография **. Собственно *письмо*, то есть система знаков, выражающих языковые элементы при помощи зримых начертаний. Противоположна *Семасиографии*.

Фразеография, или Фразовое письмо. Тип письма, в котором знак соответствует отрезку предложения или целому предложению. Хотя фразеография неизвестна как система письма, множество фразеографических знаков употребляется в стенографии и в исчислении высказываний (в математической логике).

Фразовое письмо — см. *Фразеография*.

Чтение. Значение знака письма (только в русской терминологии; в английском в том же значении употребляется value).

Экономия — см. *Принцип экономии*.

Эстетическая условность — см. *Принцип эстетической условности*.

Языковой перенос — см. *Лингвистический перенос*.

* В словесно-слоговой системе, такой, как шумерская, логограмма (идеограмма) принципиально передает синонимы одним и тем же знаком; выбор синонима отчасти предоставляется читателю (главным образом исходя из контекста ситуации), отчасти определяется фонетическим комплементом. Поэтому считать логограмму (идеограмму) "фонетическим семантическим знаком" можно только условно.— *Прим. ред.*

** При нашем определении термина *письмо* (см. примечание * на с. 238) он непосредственно противостоит семасиографии, или предписьменности, и надобность в особом термине "фонография" отпадает.— *Прим. ред.*

Термины в порядке английского алфавита

*Acrophony *	*Акрофония
Aesthetic Convention	Эстетическая условность
Allogram	Аллограмма, или Гетерограмма
Alphabet, Alphabetic Writing	Алфавит, или Алфавитное (буквенное) письмо
Associative Sign	Ассоциативный знак
Auxiliary Mark или Sign	Вспомогательный знак
Classifier	Классификатор
*Consonantal Writing	*Консонантное письмо
Context of Situation	Контекст ситуации
Conventionalization	Конвенционализация
Convergence	Конвергенция
Cursive Writing	Курсивное письмо, или Скоропись
Descriptive-Representational Device	Описательно-изобразительный прием
Determinative	Детерминатив
Diagrammatic Sign	Начертательный знак
Divergence	Дивергенция
Economy	Экономия
Forerunners of Writing	Предписьменности
Grammatology	Грамматология, Наука о письме
Hieroglyphic	Иероглифика
Homophony	Омофония
Identifying-Mnemonic Device	Идентифицирующе-мнемонический прием
*Ideogram	*Идеограмма
*Ideography	*Идеографическое письмо
Inner Development	Внутреннее развитие
Linear Writing	Линейное письмо
Linguistic Transfer	Лингвистический перенос, или языковой перенос
Logogram	Логограмма
Logography, Word Writing	Логография, или Словесное письмо
Logo-Syllabic	Словесно-слоговое письмо
Manual Writing	Рукописное письмо
Meaning	Значение, Чтение (знака)
Mechanical Writing	Механическое письмо
Mnemonic	Мнемонический прием
Monumental Writing	Монументальное письмо

* Звездочкой перед словом автор поместил термины, которые он считает неприемлемыми.— *Прим. перев.*

Object Writing, Object Language	Предметное письмо, или Предметный язык
Outer Development	Внешнее развитие
Pasigraphy	Пасиграфия
Petroglyph	Петроглиф
Petrogram	Петрограмма
Phonetic Complement/Indicator	Фонетический комплемент/индикатор
Phonetic Sign	Фонетический знак
Phonetic Transfer	Фонетический перенос
Phonetization	Фонетизация, или Ребусное написание
Phonography	Фонография
Phraseography, Phrase Writing	Фразеография, или Фразовое письмо
Pictography	Пиктография
Pictorial Writing	Рисуночное письмо
Polyphony	Полифония
Position	Позиция
Primary Sign	Первичный знак
*Principle of Acrophony	*Принцип акрофонии
Principle of Aesthetic Convention	Принцип эстетической условности
Principle of Context of Situation	Принцип контекста ситуации
Principle of Conventionalization	Принцип набора условных правил
Principle of Convergence	Принцип конвергенции
Principle of Divergence	Принцип дивергенции
Principle of Economy	Принцип экономии
Principle of Inner Development	Принцип внутреннего развития
Principle of Outer Development	Принцип внешнего развития
Principle of Phonetization	Принцип фонетизации
Principle of Position	Принцип позиции
Principle of Reduction	Принцип редукции
Principle of Unidirectional Development	Принцип однонаправленного развития
Prosodic Sign	Просодический знак
Rebus Principle	Ребусный принцип
Reduction	Редукция
Representational	Репрезентационный прием
Semantic Indicator	Семантический индикатор
Semasiography	Семасиография
Sign	Знак
Signary	Репертуар знаков
Syllabary, Syllabic Writing	Силлабарий, Силлабография
Syllabic Sign, Syllabogram	Силлабический знак, или Слоговой знак, или Силлабограмма

Symbol
System of Signs
Transcription
Transliteration
Unidirectional Development
Word Sign
Writing

Символ
Система знаков
Транскрипция
Транслитерация
Однонаправленное развитие
Словесный знак
Письмо, (мн. ч.) Письменности

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

¹ См. Adolf Noreen. Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Halle/Saale, 1923, с. 1 и сл., а также O. Krückmann. Sethe's Buch über die Entstehung der Schrift.— "Orientalia", n. s. X, 1941, с. 255.

² L. A. Rosa. Espressione e mimica. Milano, 1929; Giuseppe Coccia. Il linguaggio del gesto. Torino, 1932; Macdonald Critchley. The Language of Gesture. London, 1939; J. Venderyes. Langage oral et langage par gestes.— "Journal de Psychologie", XLIII (1950), с. 7—33; David Abercrombie. Gesture.— "English Language Teaching", IX, 1954—1955, с. 3—12; William P. Stokoe. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. Buffalo, 1960. Систему нотации, предназначенную для анализа телодвижений и жестов, см. в основополагающей работе Рея Л. Бэрдуистелла: Ray L. Birdwhistell. Introduction to Kinesics. Louisville, Kentucky, 1952.

³ Lucien Lévy-Bruhl. How Natives Think. London, 1926, с. 158—159.

⁴ Cp. Dietrich Westermann. Zeichensprache des Ewevolkes in Deutsch-Togo.— "Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen", Vol. X, Abt. 3, с. 1—14; George Herzog. Drum-Signalling in a West African Tribe.— "Word", 1945, с. 217—238; George M. Cowan. Mazateco Whistle Speech.— "Language", XXIV, 1948, с. 280—286; J. F. Carrington. A Comparative Study of Some Central African Gong-Languages. (*Institut Royal Colonial Belge. Section des Sciences Morales et Politiques. Mémoires. Collection in-8°, tome XVIII, fasc. 3. Bruxelles, 1949*); он же. Talking Drums of Africa. London, 1949.

⁵ Marcel Cohen. Sur l'écriture libyco-berbère.— См. "Comptes rendus du Groupe Linguistique d'Études Chamito-Sémitiques", V (1948—1951); на стр. 40 автор сообщает, что молодые влюбленные берберы часто пользуются в качестве средства коммуникации приемом начертания знаков на ладонях друг друга.

⁶ L. Leland Locke. The Ancient Quipu, a Peruvian Knot Record.— "American Anthropologist", n. s. XIV, 1912, с. 325—332; он же, The Ancient Quipu or Peruvian Knot Record, New York, 1923; André Eckardt. Das Geheimnis der Knotenschriften.— "Forschungen und Fortschritte", XXXII, 1958, с. 340—342; Porfirio

Miranda R i v e r a. Quipus y jeroglíficos.— "Zeitschrift für Ethnologie", LXXXIII, 1958, с. 118—132.

⁷ Garrick M a l l e r y. Picture-Writing of the American Indians (Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnology, Smithsonian Institution). Washington, 1893, с. 228—231.

⁸ "Zur Entstehung der Schrift".— "Zeitschrift für ägyptische Sprache", XLIX, 1911, с. 2 и сл.

⁹ "West African Studies", 2nd ed., London, 1901, с. 126 и сл.

¹⁰ C. A. G o l l m e r. On African Symbolic Messages.— "The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland", XIV, 1885, с. 169—181.

¹¹ Как сообщил мне профессор Джон Лотц.

¹² G o l l m e r, ук. раб., с. 173 и сл.

¹³ R. S t ü b e. Ein türkischer Liebesbrief aus Zentralasien in "Markenschrift".— "Zeitschrift des Deutschen Vereins für Buchwesen und Schrifttum", I, 1918, с. 3, с упоминанием книги A. v o n L e C o q. Volkskundliches aus Ost-Turkistan. Berlin, 1916, с. 5.

¹⁴ Karl W e u l e. Vom Kerbstock zum Alphabet, 20th ed., Stuttgart, 1926?, с. 16; Hans J e n s e n. Die Schrift. Glückstadt und Hamburg, 1935, с. 10 и сл.

¹⁵ Относительно всех этих выражений и многих других см. статью "Schreiben und Lesen" в раб. O. S c h r a d e r. Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde, II. Berlin und Leipzig, 1929.

¹⁶ См., например, Alan H. G a r d i n e r. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1932; Rudolf C a r n a p. Introduction to Semantics. Cambridge, Mass., 1942, с. 3; Charles M o r r i s. Signs, Language, and Behavior, New York, 1946, с. 36 и сл. Относительно систем коммуникации, помимо устной речи, говорится в программной статье Джорджа Л. Трейгера (см. George L. T r a g e r. Paralinguistic: A First Approximation.— "Studies in Linguistics", XIII, 1958, с. 1—12, с обширной библиографией.)

¹⁷ Относительно других терминов см. Allen W. R e a d. An Account of the Word "Semantic".— "Word", IV, 1948, с. 78—97.

¹⁸ Например, Leonard B l o o m f i e l d. Language. New York, 1933, chapters 9 and 17; о н ж е. Language or Ideas? — "Language", XII, 1936, с. 89—95; о н ж е. Linguistic Aspects of Science.— "International Encyclopedia of Unified Science", vol. 1, № 4. Chicago, 1939, с. 6 и сл.; о н ж е. Secondary and Tertiary Responses to Language.— "Language", XX, 1944, с. 45—55; Edward S a p i r. Language. New York, 1939, с. 19; B. L. W h o r f.— In: "Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the year 1941". Washington, 1942, с. 483; George S. L a n e. Changes of Emphasis in Linguistics with Particular Reference to Paul and Bloomfield.— "Studies in Philology", XLII, 1945, с. 465—483.

¹⁹ Относительно общих положений см. также следующую содержательную статью: Margaret S c h l a u c h. Early Behaviorist Psychology and Contemporary Linguistics.— "Word", II, 1946, с. 25—36.

²⁰ C. K. O g d e n. The Meaning of Psychology. New York and London, 1926, с. 221 и сл.

²¹ Eduard M a r t i n a k. Psychologische Untersuchungen zur Bedeutungslehre. Leipzig, 1901, с. 3 и сл. См. также V. P a n f i l o v. A propos des rapports entre la langue et la pensée.— "Recherches internationales à la lumière du marxisme", N 7. Linguistique, 1958, с. 74—93. О письме под углом зрения психологов см. Friedrich K a i n z. Psychologie der Sprache. IV. Stuttgart, 1956, глава 1. "Das Schreiben" (с. 1—161) и библиографические примечания (с. 493—506).

²² Карнап полагает, что разговорный язык является наиболее важной из всех знаковых систем, но признает, что имеются также и другие системы, которым можно обучиться и которые можно использовать независимо от речи.

²³ Например, Peter A. B o o d b e r g.— См. "Harvard Journal of Asiatic Studies", II, 1937, с. 332, прим. 5; и в: "T'oung Pao", XXXV, 1940, с. 269, прим. 1.

²⁴ О н ж е.— см. "Harvard Journal of Asiatic Studies", указ. место.

²⁵ Например, B l o o m f i e l d. Language, указ. место; о н ж е. Linguistic Aspects of Science, указ. место.

²⁶ S a p i r, указ. место.

²⁷ Например, William F. E d g e r t o n. Ideograms in English Writing.— "Language", XVII, 1941, с. 148 и сл.; Herrlee G. C r e e l. On the Nature of Chinese Ideography.— "T'oung Pao", XXXII, 1936, с. 85—161; о н ж е, On the Ideographic Element in Ancient Chinese, там же, XXXIV, 1938, с. 265—294.

²⁸ Мне кажется, что точка зрения Блумфилда, в соответствии с которой "рисуночное письмо" индейцев не представляет собой подлинного письма (потому что не имеет закрепленных связей с языковыми формами), противоречит его собственному утверждению о том, что всякое письмо является вторичным дериватом языка; см. его "Language", с. 283 по сравнению со с. 144.

²⁹ Даже для китайского ученого, жившего шестьсот лет назад, «письмо — это рисуночная речь, а речь — озвученное дыхание» («writing is pictured speech, and speech is vocalised breath»). См. T a i T' u n g. The Six Scripts, Or the Principles of Chinese Writing. A translation by L. C. Hopkins, Cambridge, 1954, с. 31.

³⁰ Строго говоря, употребление символа X вместо слова 'крест' в приведенном выше примере не входит в условную систему, а должно рассматриваться как шуточное употребление символа, аналогичное употреблению знака + вместо 'plus' во французском написании "voici le + important" или букв "G" и "a" в другом, более сложном случае, когда вместо J'ai grand appetit пишется G, а (читай: "G" grand "a" petit, то есть 'G большое, а маленькое').

³¹ Слоговой знак обычно выражает гласный — либо как таковой, либо в сопровождении согласного, стоящего перед ним или за ним. Это определение иногда толкуют расширительно, включая, кроме

гласного, также и дифтонг — либо как таковой, либо в сопровождении согласного, стоящего перед дифтонгом или за ним *.

³² Примеры заимствованы из раб.: Dwight L. Bolinger. Visual Morphemes.— "Language", 1946, с. 333—340.

³³ Еще пример, относящийся к этой группе, представляет собой написание типа "£3" или "3 lb".

³⁴ "The Cultural Basis of Emotions and Gestures".— "Journal of Personality", XVI, 1947, с. 49—68, в частн. с. 59.

³⁵ Kurt Sethe. Das hieroglyphische Schriftsystem. Glückstadt und Hamburg, 1935, с. 10 и сл.; он же. Vom Bilde zum Buchstaben. Leipzig, 1939, с. 18 и сл.

³⁶ Там же.

³⁷ Garrick Mallery. Picture-Writing of the American Indians (Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnology, Smithsonian Institution). Washington, 1893, с. 624. В египетском иероглифическом письме для различения отдельных знаков прибегают к различной их окраске; цветными являются и значки для гласных в ранних корейских рукописях, а также пунктуационные значки (такие, как разделительные значки для слов и предложений) в эфиопском письме.

³⁸ Другие комплексы этого типа приведены в книге Kurt Sethe. Das hieroglyphische Schriftsystem. Glückstadt und Hamburg, 1935, с. 13.

³⁹ C. K. Ogden and I. A. Richards. The Meaning of Meaning, 2nd ed. New York, 1927, Supplement 1, с. 306 и сл.

⁴⁰ Я обнаружил и другие употребления PG: для Post-Gazette (газета в Питтсбурге), для primary grade 'первая ступень' (в одном из учебных заведений Чикагского университета), для poison gas 'ядовитый газ' (в радиопередаче), для Плезент Гров (населенный пункт в Техасе), для paying guest 'платный гость' [то есть жилец, оплачивающий квартиру, но принятый в семье] (в романе), для prison graduate 'заключенный, отсидевший свой срок' (в журнале "Life"), для Peoples Gas 'Бензин для народа' (название компании), для Procter and Gamble 'Проктер и Гэмбл' (название компании), а также для Predynastic Graves (додинастические гробницы в Шумере).

⁴¹ Научные исследования взаимосвязей между письмом и языком осуществлялись в последние годы преимущественно учеными, являющимися специалистами по общему языкознанию. Обзор вопроса содержится в соответствующих главах вводных курсов по общему языкознанию, таких, как Leonard Bloomfield. Language. New York, 1933, chap. 17; H. A. Gleason, Jr. An Introduction to Descriptive Linguistics. New York, 1955, chap. 21 и 22; W. Nelson Francis. The Structure of American English. New York, 1958, chap. 8; Archibald A. Hill. Introduction to Linguistic Struc-

* Следует заметить, что так называемые слоговые знаки могут выражать и полслога (в клинописном письме) и более одного слога (в египетском письме).—
Прим. ред.

tures. New York, 1958, с. 442 и сл.; Charles E. H o c k e t t. A Course in Modern Linguistics. New York, 1958, chap. 62; H. M. H o e n i g s w a l d. Language Change and Linguistic Reconstruction. Chicago, 1960, с. 4—12. Более подробно эта проблема рассмотрена в следующих статьях: Josef V a c h e k, Zum Problem der geschriebenen Sprache. — "Travaux du Cercle Linguistique de Prague", VIII, 1939, с. 99—104; о н ж е. Some Remarks on Writing and Phonetic Transcription. — "Acta linguistica", V, 1945—1949, с. 86—93; о н ж е. Written Language and Printed Language. — См. "Mélanges J. M. K o f i n e k". Bratislava, 1948? (мне недоступна), а также в статьях H. J. U l d a l l. Speech and Writing. — "Acta linguistica", IV, 1944, с. 11—16; Ernst P u l g r a m. Phoneme and Grapheme: A Parallel. — "Word", VII, 1951, с. 15—20; Angus M c I n t o s h. The Analysis of Written Middle English. — "Translations of the Philological Society", 1956, с. 26—55; о н ж е. "Graphology" and Meaning. — "Archivum linguisticum", XIII, 1961, с. 107—120. В то время как Ульдалл и Пулгрэм описывают взаимосвязь письма и речи и зависимость письма от речи, Вахек и Мак-Интош подчеркивают большую независимость письма. Общей чертой всех этих исследований является опора на современные письменности, зато доалфавитные системы, если вообще и принимаются в расчет, то лишь в весьма малой степени. Между тем настоятельно необходимо тщательное изучение взаимосвязей между письмом и речью во всех их исторических фазах.

⁴² Я сознательно употребляю термин "primitive" ('примитивный'), хотя и отдаю себе полный отчет в том, какое отвращение испытывают к нему этнографы. Некоторые из обществ, которые я называю "примитивными", может быть, не являются примитивными, если судить по тщательно разработанным ритуалам или способам изготовления корзин, но они примитивны, если их рассматривать с точки зрения их достижений в целом. Термин "дописьменный", употребляемый некоторыми этнографами вместо термина "примитивный", свидетельствует о той же узости подхода, которая проявляется в возражениях против термина "примитивный" *.

⁴³ G. H. L u q u e t. Les dessins d'un enfant. Paris, 1913.

⁴⁴ Kurt G o l d s t e i n, On Naming and Pseudonaming, from Experiences in Psychopathology. — "Word", II, 1946, с. 1—7; о н ж е. L'analyse de l'aphasie et l'étude de l'essence du langage. — В книге: "Psychologie du langage par H. Delacroix", etc. Paris, 1933, с. 430—496; Adhemar G e l b. Remarques générales sur l'utilisation des données pathologiques la psychologie et la philosophie du langage, ук. паб., с. 403—420; Roman J a k o b s o n. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze (Uppsala Universitets Årsskrift, 1942, N 9, с. 1—83); Kurt G o l d s t e i n. Language and Language Disturbances. Aphasic Symptom Complexes and Their Significance for Medicine and Theory of Language. New York, 1948; Roman J a k o b s o n.

* Термин "примитивный" у И. Е. Гельба соответствует термину "доклассовый" в нашей литературе. — *Прим. ред.*

son and Morris Halle. *Fundamentals of Language*. 's-Gravenhage, 1956, Part 2: "Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances"; A. R. Luria. *Differences between Disturbances of Speech and Writing in Russian and in French*.— "International Journal of Slavic Linguistics and Poetics", III, 1960, с. 13—22; см. также А. Р. Лурия. Факторы и формы афазии.— В сб.: "Физиологические механизмы нарушения речи", Москва, 1967.

⁴⁵ David Diringier. *The Alphabet*. London, 1949, с. 35 и сл.

⁴⁶ Friedrich Ballhorn. *Grammatography. A Manual of Reference to the Alphabets of Ancient and Modern Languages*. (Translated from German). London, 1861. В немецком оригинале этот термин не употребляется.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

¹ См. Henri Breuil. *Four Hundred Centuries of Cave Art*. Перевод с французского (Montignac, 1952); Herbert Kühn. *Die Felsbilder Europas*. Stuttgart, 1952; André Varagnac и др. *L'homme avant l'écriture*. Paris, 1959.

² См., в частности, Garrick Mallery. *Pictographs of the North American Indians. A Preliminary Paper* (Fourth Annual Report of the Bureau of Ethnology, Smithsonian Institution). Washington, 1886, с. 1—256; и он же. *Picture-Writing of the American Indians* (Tenth Annual Report). Washington, 1893, с. 1—822. Из новейших публикаций с обширной библиографией см. Julian H. Steward. *Petroglyphs of California and Adjoining States*.— "University of California Publications in American Archaeology and Ethnology", XXIV, 1929, с. 47—239; L. S. Cressman. *Petroglyphs of Oregon*. Eugene, 1937; A. T. Jackson. *Picture-Writing of Texas Indians*. Austin, 1938; Theodor Koch-Grünberg. *Südamerikanische Felszeichnungen*. Berlin, 1907. См. также В. И. Равдоникас. *Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря*, ч. 1—2. М.—Л., 1936—1938; А. А. Формозов. *Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР*. М., 1969; Ю. А. Саватеев, Залавруга. *Археологические памятники низовья реки Выг*, ч. 1, Петроглифы. Л. 1970.

³ Julian H. Steward. *Petroglyphs of the United States* (Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the Year 1936). Washington, 1937, с. 405—425.

⁴ В работе Max Ebert. *Reallexikon der Vorgeschichte*, VII, 1926, с. 156 и сл.

⁵ Mallery. *Picture-Writing*, с. 353 и сл.

⁶ Henry R. Schoolcraft. *Historical and Statistical Information, Respecting the History, Condition, and Prospects of the Indian Tribes of the United States*, Part I. Philadelphia, 1851, табл. 57B, напротив с. 406.

⁷ Mallery. Picture-Writing, с. 363 и сл.; он же. Pictographs, с. 160 и сл.

⁸ Mallery. Picture-Writing, с. 362 и сл.

⁹ James Bonwick. The Last of the Tasmanians. London, 1870, с. 83 и сл.

¹⁰ Mallery. Picture-Writing, с. 332 = он же. Pictographs, с. 147 и сл. = Walter James Hoffman. The Graphic Arts of the Eskimos (Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the Year 1895). Washington, 1897, с. 904 и сл.

¹¹ Mallery. Picture-Writing, с. 352 и сл. = он же. Pictographs, с. 154 и сл. = Hoffman, ук. раб., с. 907.

¹² В "Reallexikon der Assyriologie", II, 1938, с. 91.

¹³ Karl Weule. Vom Kerbstock zum Alphabet, 20th ed. Stuttgart, 1926?, с. 13; Alfred Schmitt. Die Erfindung der Schrift. Erlangen, 1938, с. 4.

¹⁴ Mallery. Pictographs, с. 174—176; и он же. Picture-Writing, с. 419—425.

¹⁵ Mallery. Pictographs, с. 176—181.

¹⁶ Mallery. Picture-Writing, с. 447 и сл.

¹⁷ Ук. раб., с. 380 и сл.

¹⁸ Ср. подробное описание в раб. Mallery. Pictographs, с. 89—146; и он же. Picture-Writing, с. 266—328. Дополнительная литература и примеры см.: James H. Howard. Dakota Winter Counts as a Source of Plains History (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, "Bulletin" 173), 1960, с. 273—416.

¹⁹ Как отмечал Лезлау в "Word", XI, 1955, с. 282, на связь между понятиями 'зима' и 'год' указывает также сравнение древнееврейского *ḥōḡerh* 'зима' с эфиопским *harif* 'текущий год'; относительно южноарабского *ḤRF*, которое означает и 'зима' (или 'осень'), и 'год', см. С. Conti Rossini. *Chrestomathia Arabica meridionalis epigraphica*, Roma, 1931, с. 158; ср. акк. *harpī*, что означает '(ранний) урожай' и 'лето'.

²⁰ Собраны и описаны Маллери: Mallery. Pictographs, с. 82—84, и он же. Picture-Writing, с. 231—250.

²¹ Mallery. Pictographs, ук. место.

²² Mallery. Picture-Writing, с. 233—236.

²³ William Tomkins. Universal Indian Sign Language of the Plains Indians of North America. San Diego, 1927, с. 79—85.

²⁴ См. с. 266, прим. 27.

²⁵ "La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité" (Verhandelingen der K. Nederlandsche Akademie van Wetenschappen. Letterkunde, N. R. XLIV). Amsterdam, 1940, с. 120 и сл. Аналогичное неверное истолкование фактов обнаруживается в иллюстрации из работы: Oscar Ogg. The 26 Letters (New York, 1948, с. 24 и сл.), которая, якобы, точно воспроизводит подлинные изображения, сделанные доисторическим человеком. На самом же деле иллюстрация представляет собой реконструкцию на основе

подлинных находок в Испании и Франции, причем сцены обрядового охотничьего танца, отправления на охоту, выслеживания дичи, окружения дичи, победы над жертвой и возвращения домой размещены в указанной последовательности в процессе реконструкции. Но уже в самой книге Огга (напр., на с. 23) приведены параллели, которые показывают, что в доисторические времена не могли существовать изображения, расположенные в каком-либо определенном порядке. Доисторический человек, изображая целый комплекс сцен, не ощущал необходимости и не был в состоянии расположить их в порядке, соответствующем реальному ходу событий.

²⁶ По раб.: Carl Meinhof. Zur Entstehung der Schrift.— "Zeitschrift für ägyptische Sprache", XLIX, 1911, с. 1—14, табл. I b.

²⁷ R. E. Dennett. At the Back of the Black Man's Mind. London, 1906, с. 71 и сл.

²⁸ "Pictographs", с. 17.

²⁹ Erland Nordenskiöld. Picture-Writings and Other Documents by Néle and Ruben Pérez Kantule. Göteborg, 1928; David Diringer. L'alfabeto nella storia della civiltà. Firenze, 1937, с. 605.

³⁰ Diringer, ук. раб., с. 600 и сл. C. F. Lehmann Haupt.— "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", LXXIII, 1919, с. 58 и сл.; Johannes Friedrich, ук. раб., XCI, 1937, с. 333 и сл. Уже скопилась и продолжает расти обширная литература об этих южноамериканских системах. См., в частности, Dick Edgar Ibarra Grassó. La escritura indígena Andina. La Paz, 1953; Porfirio Miranda Rivera. Quipus y jeroglíficos.— "Zeitschrift für Ethnologie", LXXXIII, 1958, с. 118—132. Эти записи, используемые для воспроизведения современных песен, церковных гимнов и катехизисов, под влиянием Запада развиваются в логографические системы с выраженной тенденцией к фонетизации.

³¹ Diringer, ук. раб., с. 600.

³² Diringer, ук. раб., с. 56 и сл.; Hans Jensen. Die Schrift. Glückstadt und Hamburg, 1935, с. 112.

³³ Marcel Griaule et Germaine Dieterlen. Signes graphiques soudanais. (L'Homme. "Cahiers d'ethnologie, de géographie et de linguistique", III. Paris, 1951); D. Zahan. Pictographic Writing in the Western Sudan.— "Man", L, 1950, с. 136—138.

³⁴ О настоящих фразеограммах, какие употребляются в стенографических системах, см. выше, с. 25.

³⁵ Eduard Seler. Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Alterthumskunde, II. Berlin, 1904, с. 35.

³⁶ Theodor-Wilhelm Danzel. Handbuch der präkolumbischen Kulturen in Lateinamerika. Hamburg und Berlin, 1927, с. 51.

³⁷ Jensen, ук. раб., с. 122.

³⁸ Seler, ук. раб., I. Berlin, 1902, с. 383.

³⁹ Насколько я могу судить о существующем положении вещей, это утверждение справедливо для серьезных попыток расшифровки-предпринятых в последние годы американским лингвистом Бенджа,

мином Ли Уорфом и русским этнологом Ю. В. Кнорозовым. Работы Уорфа (B. L. W h o r f. *Maya Writing and Its Decipherment*.— "Maya Research", II, 1935, с. 367—382, и *Decipherment of the Linguistic Portion of the Maya Hieroglyphs* (Annual Report of the Smithsonian Institution), 1941, с. 479—502) подверглись критике со стороны Дж. Эрика С. Томпсона (в: "Maya Hieroglyphic Writing". Washington, D. C., 1950, с. 311 и сл.), но получили благожелательный отзыв Арчибальда А. Хилла в "International Journal of American Linguistics", XVIII, 1952, с. 184 и сл. Труды Кнорозова "Древняя письменность Центральной Америки" ("Советская этнография", 1952, вып. 3, с. 100—118), "Письменность древних майя. Опыт расшифровки" (ук. журн., 1955, вып. I, с. 94—125), "The Problem of the Study of the Maya Hieroglyphic Writing" ("American Antiquity", XXIII, 1958, с. 284—291) и "New Data on the Maya Written Language" ("Journal de la Société des Américanistes", n. s. XLV, 1956, с. 209—216 (Proceedings of the Thirty-Second International Congress of Americanists [Copenhagen, 1958], с. 467—475)) получили благожелательный отзыв Тура Ульвинга в работе: Tor U l v i n g. Russian Decipherment of the Maya Glyphs.— "International Journal of American Linguistics", XXII, 1956, с. 184 и сл., и в другой работе: Tor U l v i n g. A New Decipherment of the Maya Glyphs.— "Ethnos", XX, 1955, с. 152—158, но подверглись критике со стороны Т. С. Бартеля (в работе: T. S. B a r t h e l. Die gegenwärtige Situation in der Erforschung der Maya-Schrift.— "Journal de la Société des Américanistes", n. s. XLV, 1956, с. 219—227) и со стороны Дж. Эрика С. Томпсона (в: "Yan", II, 1953, с. 174—178, и в раб.: J. E r i c S. T h o m p s o n. Systems of Hieroglyphic Writing in Middle American and Methods of Deciphering Them.— "American Antiquity", XXIV, 1959, с. 349—364.) Предварительными отчетами Евреинова, Косарева и Устинова о "новосибирской" дешифровке письма майя при помощи вычислительных машин автор не располагает. О критике их работы см. К н о р о з о в, Машинная дешифровка письма майя.— "Вопросы языкознания", XI, 1, 1962, с. 91—99.

⁴⁰ S e l e r, ук. раб., I, табл. напротив стр. 289.

⁴¹ J. Leslie M i t c h e l l. The End of the Maya Old Empire.— "Antiquity", IV, 1930, с. 285—302.

⁴² Paul S c h e l l h a s. Probleme der Mayaforschung.— "Forschungen und Fortschritte", XVI, 1940, с. 122.

⁴³ См., например, написание '3 дня' при помощи трех знаков 'день' на рис. 9 этой книги и написание '5 кунц' посредством пяти знаков 'куница' на рисунке с Аляски, опубликованном в раб.: M a l l e r y. Picture-Writing, с. 581 и сл. Аналогичный характер носят написания '51 человек' на рис. 9 и '53 доллара' на рис. 10 этой книги.

⁴⁴ Richard C. E. L o n g. Maya and Mexican Writing.— "Maya Research", II, 1935, с. 24—32, в частн. с. 31.

⁴⁵ P. S c h e l l h a s. Fifty Years of Maya Research.— "Maya Research", III, 1936, с. 129—139, в частн. с. 138.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

¹ Заметка об этих надписях вскоре будет опубликована автором. Предварительно см. R. D. Barnett, N. Gökcе. The Find of Urartian Bronzes at Altintepe, Near Erzincan.— "Anatolian Studies", III, 1953, с. 121—129 *.

² Так называемые "надписи" с острова Пасхи были в ряде случаев всерьез приняты за письмо; см. H. Jensen. Die Schrift, 2. Aufl. Berlin, 1958, с. 334—338; James G. Février. Histoire de l'écriture (nouv. ed.). Paris, 1959, с. 147—149; D. Düringer. The Alphabet. London, 1948, с. 136—140.

В работе M. Cohen. La grande invention de l'écriture et son évolution, Paris, 1958, с. 31—33 "надписи" с острова Пасхи впервые помещены среди "предписьменностей"; затем под впечатлением работ Бартеля (см. Thomas Barthel. Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift. Hamburg, 1958), а также Бутинова и Кнорозова (см. N. A. Butinov and Y. V. Knorozov. Preliminary Report on the Study of the Written Language of Easter Island.— "The Journal of the Polynesian Society", LXVI, 1957, с. 5—17) Коэн изменил точку зрения и в другой своей работе ("Documentation", с. 49 и сл.) отнес эти "надписи" к пикто-идеографической ступени вместе с письменностями астеков и майя. На самом же деле отнесение "надписей" с острова Пасхи к какой бы то ни было ступени письма, пусть самой примитивной, связано с признанием существования типа письма, совершенно уникального как в отношении формы, так и в отношении репертуара знаков. Поскольку целью письма является коммуникация, то форма знаков в письме, приемлемом для практического употребления, должна быть такой, чтобы она позволяла легко и быстро распознавать различные знаки. А знаки с острова Пасхи, наоборот, так похожи друг на друга (и если различаются, то лишь в отношении столь мелких деталей), что попытка дифференцировать отдельные знаки наталкивается на огромные трудности. Необходимо отметить, что исследователям, подвизавшимся на поприще изучения памятников с острова Пасхи, так и не удалось снабдить нас достаточно определенным списком знаков. Бартель, например, говорит о примерно "120 основных составных частях" (120 Grundbestandteile) и о "приблизительно 1500—2000 разных сочетаниях" ("etwa 1500—2000 verschiedene Kompositionen", ук. раб., с. 314), а затем пытается сгруппировать их под "790 индексами" ("790 Kennziffern"), которые он приводит в своих таблицах 1—8 (Formentafeln). См. также J. Imbelloni. Las "tabletes parlantes" de Pascua, monumentos de un sistema gráfico indo-oceánico.—

* Статья автора так и не была опубликована. Как показал Джеффри Дж. Клейн (см. его статью «Урартские иероглифические надписи из Алтынтепе» в сб. «Древний Восток», III. Ереван, 1978, с. 127—149), это хеттские (лувийские) иероглифы, использованные для урартского языка. Но, кроме этого, существуют надписи, выполненные особой, не "хеттской" иероглификой, обнаруженные в Урарту.— *Прим. ред.*

"Runa", IV, 1951, с. 89—177; Alfred Métraux. Easter Island (перевод на английский, Oxford, 1957), в частности, с. 183—207 *.

³ Таблички, опубликованные и изученные А. Фалькенштейном: A. Falkenstein. Archaische Texte aus Uruk, Berlin, 1936.

⁴ P. Delougaz and S. Lloyd. Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region, Chicago, 1942, с. 135.

⁵ F. Wachsmuth.— См.: "Archiv für Orientforschung", XIII, 1939—1941, с. 203; S. N. Kramer.— См.: "American Journal of Archaeology", LII, 1948, с. 164.

⁶ Ук. раб., с. 32 и сл.

⁷ Ук. раб., табл. 1, №№ 1—3, 7—8.

⁸ Ук. раб., табл. 31, № 339. Текст воспроизводится здесь в форме, знакомой нам по более позднему времени, когда ориентация табличек была уже изменена их поворотом на 90° против часовой стрелки.

⁹ E. A. Speiser.— См.: "Studies in the History of Science" (University of Pennsylvania Bicentennial Conference). Philadelphia, 1941, с. 57 и сл.; а также в "Journal of the American Oriental Society", Supplement to vol. LIX, № 4, 1939, с. 20 и сл. и с. 26.

¹⁰ Как справедливо замечено Фалькенштейном (ук. раб., с. 32) и Фридрихом в журн. "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", XCI, 1937, с. 325.

¹¹ Индейцы выражают при помощи рисунков понятия, которые не связаны или мало связаны с языковыми элементами; шумеры производят слова, то есть знаки языка. В индейских начертаниях рисунки часто размещаются без соблюдения какого-либо уловимого порядка, в шумерской системе письменные знаки располагаются в последовательности соответствующих языковых форм **. Согласно нормам изобразительного искусства, индейцы передают считающиеся предметы при помощи того количества рисунков, которое соответствует числу предметов, подлежащих счету, тогда как шумеры употребляют в таких случаях только два знака: один для числа и другой для обозначения считаемых предметов.

¹² C. K. Ogden and I. A. Richards. The Meaning of Meaning, 2nd ed. New York, 1927, Supplement I, с. 306 и сл.

¹³ Полный фонетический перенос, часто называемый ребусным принципом, встречается в геральдической символике. См. A. C. Mohrhouse. The Triumph of the Alphabet. New York, 1953, с. 18.

¹⁴ Falkenstein. Ук. раб., с. 33 и 38.

¹⁵ Ук. раб., с. 34 и 40.

¹⁶ Ук. раб., с. 112, № 408.

¹⁷ Ук. раб., с. 43, с упоминанием №№ 340, 539, 594 и сл., и т. д.

* Возможно, "надписи" с о-ва Пасхи являются рядом мнемонических обозначений, применявшихся при исполнении культовых песнопений и ритуалов.— *Прим. ред.*

** Эти два утверждения несправедливы в отношении древнейших протошумерских учетных документов.— *Прим. ред.*

¹⁸ В статье, опубликованной мною в "Journal of Near Eastern Studies", XX, 1961, с. 194 и сл., я привел дополнительные данные, показывающие, что клинописный знак WA имеет, помимо чтений wa, wi, wu, также чтения aw, iw, uw.

¹⁹ Adolf E r m a n. Ägyptische Grammatik, 2. Aufl. Berlin, 1902, §§ 11 и сл.; приводимая здесь точка зрения позже, в третьем и четвертом издании, пересмотрена. Некоторые египтологи до сих пор следуют старой терминологии Эрмана.

²⁰ Kurt S e t h e. Zur Reform der ägyptischen Schriftlehre.—"Zeitschrift für ägyptische Sprache", XLV (1908—1909), с. 36—43.

²¹ Ук. раб., с. 37 и сл.; также mēne, mīne, mno, на которые Зете не указывает с достаточной ясностью.

²² В египтологических работах можно по практическим соображениям рекомендовать дальнейшее употребление транслитерации при помощи одних только согласных, но если моя теория принимается, то в общих работах, посвященных письму, такая практика может привести к недоразумениям.

²³ В работе Эджертона (см. W. F. E d g e r t o n.—См. "Journal of Near Eastern Studies", XI, 1952, с. 288) высказано сомнение в справедливости моего утверждения о существовании десятков слоговых письменностей, развившихся из письменностей, находившихся некогда на логографической ступени. В связи с этим следует сказать, что к такому числу я пришел, учтя данные следующих письменностей: шумерской и слоговых систем, опирающихся на клинопись, таких, как ассиро-вавилонская, эламская, хурритская, урартская и т. д.; персидской клинописи (отчасти); хеттской иероглифики; критского линейного письма Б; кипрской, а также, вероятно, и других систем, производных от критского письма, таких, как линейное письмо А, фестское письмо и кипро-минойское; китайского письма и производных от него систем, таких, как древнекорейская, японская и нескольких малоизвестных систем, употребляемых главным образом в юго-западном Китае; индийского письма кхароштки, а также брахми и множества южноазиатских письменностей, основанных на нем; эфиопского письма и производных от него систем; иберийского письма А и Б (отчасти); письма чероки и нескольких систем индейцев кри и фокс, а также систем Аляски; африканских систем ваи и бамум и нескольких систем, развившихся из последней, таких, как системы менде, гбасса, капелле и герзе.

²⁴ Знак ' означает слог, начинающийся с гласного, знак ѵ — слог, начинающийся с /й/, который передается по-русски в буквах я, е, ё, ю.

²⁵ Alan H. G a r d i n e r. Egyptian Grammar, Oxford, 1927, § 7.

²⁶ См. Curtius H. S e t h e. De aleph prosthetico in lingua Aegyptiaca verbi formis praeposito (диссертация; Berolini, 1892); о н ж е. Die Vokalisation des Ägyptischen.—"Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", LXXVII, 1923, с. 144—207, в особенности с. 201 и сл.

²⁷ Значительный шаг вперед в деле дешифровки хеттского иероглифического письма сделан благодаря открытию Боссертом и его сотрудниками двуязычных хеттско-финикийских * надписей из Каратепе в Киликии. См. G e l b. The Contribution of the New Cilian Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite.— "Bibliotheca Orientalis", VII, 1950, с. 129—141.

²⁸ Другие примеры этого типа приведены в работах: O. F r a n k e. Grundsätzliches zur Wiedergabe fremder Länder- und Ortsnamen im Chinesischen.— См. "Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Kl.", 1934, с. 244—280; Otto M a e n c h e n - H e l f e n. History in Linguistics.— "Journal of the American Oriental Society", LXVIII, 1948, с. 120—124. В работе Абеля Ремюза (Abel R é m u s a t). Remarques sur quelques écritures syllabiques tirées des caractères chinois, et sur le passage de l'écriture figurative à l'écriture alphabétique ("Mémoires de l'Institut Royal de France, Académie des Inscriptions et Belles-Lettres", VIII, 1827, с. 43) рассказывается история об одном китайце, который (попав во Францию) написал название своей страны фонетическим способом при помощи знака *шань* 'прекрасный', объяснив такое свое написание тем, что Китай—самая прекрасная страна в мире. Чжао Юань жень Чао (Yuen Ren Chao) в журнале "Journal of the American Oriental Society" (LXXXI, 1961, с. 175) сообщает, что некоторые китайские писатели называют Чикаго (произносится *Шикаго*) *Шицзягунь* 'Долина поэтов'. В первые десятилетия нашего века было предложено несколько реформ, имевших целью упрощение китайского письма или его замену фонетическим алфавитом на основе латиницы; однако ни одна из этих реформ не имела успеха. В 1956 г. китайская комиссия по реформе китайского письма опубликовала проект замены старого китайского письма латинскими алфавитными знаками, имеющий как будто шансы на успех. Реформа письма в Китае идет рука об руку с "реформой языка", то есть с замещением многочисленных китайских диалектов одним, пекинским, диалектом. См. Wou Yu-Tchang. La reforme de l'écriture chinoise.— "Recherches internationales à la lumière du marxisme", № 7, Linguistique, 1958, с. 127—135; Lo Tchang-Pei and Liu Chou-Shiang. Vers la unification de la langue chinoise.— Указ., журн., с. 94—126.

²⁹ A. F o r k e. Neuere Versuche mit chinesischer Buchstabenschrift.— "Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen", Band IX, Abt. 1, 1906, с. 401—408.

³⁰ Лишь совсем немного места можно уделить здесь рассмотрению письменностей, созданных народами не китайского происхождения, то есть, с одной стороны, письменностям народов ло-ло, мо-со (или на-си) и яо, т. е. письменностям носителей языков тибето-бирманской семьи (юго-западный Китай, а также Бирма и Индокитай) и, с другой стороны, письменностям киданей, ньюн-чжи (или чжурчжэней) и тангутов (или си-ся), то есть письменностям носителей

* Лувийско-финикийских.— *Прим. ред.*

языков тюркской или монгольской семьи (центральный и северный Китай). Хотя некоторые из названных систем письма имеют формы, напоминающие китайские, другие, как, например, системы ло-ло и мо-со, развили собственные независимые формы, опирающиеся на совершенно самостоятельные пиктографические знаки. Другой характерной чертой этих систем является весьма значительное развитие силлабографии. Все эти письменности очень мало известны * и остро нуждаются во всестороннем изучении как с формальной точки зрения, так и с точки зрения их структуры. См. Hans Jensen. Die Schrift. Glückstadt und Hamburg, 1935, с. 144—152; David Diringer. The Alphabet. London and New York, 1949, с. 141—148; James G. Février. Histoire de l'écriture. Paris, 1948, с. 82—85. Эти письменности, часть которых существует со времен средневековья, не имеют ничего общего с письменностями по системе Полларда, которые вводились миссионерами среди не китайского населения Китая в новое время и упомянуты нами на с. 277, прим. 18.

³¹ Относительно характера протоэламского письма см. в предварительном порядке в: Max Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, III, 1925, с. 83 и сл. (статью К. Франка).

³² О протоиндском письме см. G. R. Hunter. The Script of Harappa and Mohenjodaro and Its Connection with other Scripts. London, 1934. Надписи, как правило, очень краткие, содержащие в среднем около шести знаков. Направление письма — обычно бустрофедон, причем первая строка начинается справа **.

³³ Arthur J. Evans. The Palace of Minos (4 vols. and index) (1921—1936); он же. Scripta Minoa, I, Oxford, 1909.

³⁴ Michael Ventris and John Chadwick. Evidence for Greek Dialects in the Mycenaean Archives.— "Journal of Hellenic Studies", LXXIII, 1953, с. 84—105; Ventris. King Nestor's Four-Handled Cups.— "Archaeology", VII, 1954, с. 15—21; Chadwick and Ventris. Greek Records in the Minoan Script.— "Antiquity", XXVII, 1953, с. 196—206; Ventris and Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956; Chadwick. The Decipherment of Linear B. Cambridge, 1958; Michel Lejeune. Mémoires de philologie mycénienne, Première série. Paris, 1958, в частности с. 321—330.

³⁵ G. Pugliese Carratelli. Le iscrizioni preelleniche di Haghia Triada in Creta e della Grecia peninsulare.— "Monumenta Antichi", XI, 4^a, 1945, с. 422—610; он же. La decifrazione dei testi micenei

* Кроме тангутского, хорошо изученного Н. А. Невским (см. Н. А. Невский. Тангутская филология, кн. 1—2. М., 1960), а также позже — М. В. Софроновым и Е. И. Кычановым.— *Прим. ред.*

** О систематической работе по дешифровке протоиндского письма, проводимой под руководством Ю. В. Кнорозова в СССР, см. «Сообщение об исследовании протоиндийских текстов», I. Москва, 1972, а также И. М. Дьяконов. Предисловие к книге И. Фридриха "История письма" (Москва, 1979, с. 21—23).— *Прим. ред.*

е il problema della lineare A.— "Annuario della Scuola Archeologica di Atene", XIV—XVI (1952—1954), с. 7—21; G. P. Gould and M. P o p e. Preliminary Investigations into the Cretan Linear A Script (mimeographed, University of Cape Town), 1955; Arne Furumark. Linear A und die altkretische Sprache. Entzifferung und Deutung (2 Teile, multigr.). Berlin, 1956; P. Meriggi. Primi elementi di Minoico A. Salamanca, 1956; W. C. Brice. Inscriptions in the Minoan Linear Script of Class A. Oxford, 1961.

³⁶ Для четырех письменностей, рассмотренных выше, это означает следующее: в шумерском и в китайском письме знаки обеих форм,— монументальной и курсивной,— преимущественно линейные, тогда как в египетском и в хеттском письме знаки монументальной формы — преимущественно рисуночные, а в курсивной форме они преимущественно линейные.

³⁷ T a i T'ung. The Six Scripts, Or the Principles of Chinese Writing (a translation by L. C. Hopkins). Cambridge, 1954; T'chang Tcheng-Ming. L'écriture chinoise et le geste humain. Changhai — Paris (без даты), с. 5 и сл. О классификации словесных знаков, предложенной в настоящей книге, см. T a i Chün-Jên. Mr. Gelb's six Principles of Writing.— "Academic Review Quarterly", IV/1, 1955, с. 37—42 (по-китайски).

³⁸ Alan H. Gardiner. Egyptian Grammar. Oxford, 1927, § 266.

³⁹ E. T. Peet. The Rhind Mathematical Papyrus... Liverpool, 1923, с. 25 и сл. См. также O. Neugebauer.— В журн. "Zeitschrift für ägyptische Sprache", LXV, 1930, с. 42—48.

⁴⁰ Несколько примеров индейских пиктографических знаков, восходящих к жестам, приведены выше, при рассмотрении предписменностей (с. 42, 48 и 49). Дополнительные примеры знаков, связанных с жестами и позами, см. в книге Garrick Mallery. Picture-Writing of the American Indians (Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnology). Washington, 1893, с. 637—648.

Исчерпывающее исследование китайских словесных знаков, восходящих к жестам, можно найти в работе T'chang Tcheng-Ming. L'écriture chinoise et le geste humain. Shanghai, Paris (без даты); знаки такого рода он называет "дактилограммами". Вряд ли следует принимать во внимание доведенную до крайности позицию Жака ван Гиннекена, рассматривающего разговорные языки как нечто производное одновременно от жестов и от пиктографии; см. Jacques van Ginneken. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité.— "Verhandelingen der K. Nederlandsche Akademie van Wetenschappen". Letterkunde, N. R. XLIV. Amsterdam, 1940; он же. Die Bilderschrift-Sprachen.— "Travaux du Cercle Linguistique de Prague", VIII, 1939, с. 247—254.

⁴¹ Alan H. Gardiner. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1932, с. 122.

⁴² R. O. Faulkner.— См. "Antiquity", XVII, 1943, с. 207.

⁴³ Термин "шумерограмма" введен в употребление несколько

лет назад чикагскими ассириологами; теперь уже невозможно установить, кто именно был его автором.

⁴⁴ См. ниже, с. 207 и сл., а также Johannes Friedrich.— В: "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", XCV, 1941, с. 381 и сл.

⁴⁵ Это отчетливо показано в работе: Siegfried Schott. Hieroglyphen. Untersuchungen zum Ursprung der Schrift. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1950, № 24, с. 115 и сл.); согласно автору, то, что египтянин "должен учить" (muss lernen) и "должен знать" (muss wissen),— это знаки, которые условно ассоциируются с определенными словами, а вовсе не с какими-то смутными представлениями или значениями.

⁴⁶ Следует, однако, учесть убедительные рассуждения в вышедшей недавно книге Шотта, упомянутой выше.

⁴⁷ I. J. Gelb. Hittite Hieroglyphs, II. Chicago, 1935, с. 3.

⁴⁸ Он же. Hurrians and Subarians. Chicago, 1944.

⁴⁹ См. Yuen Ren Chao.— В: "Harvard Journal of Asiatic Studies", V, 1940, с. 189—191; Franklin Edgerton.— В: "Proceedings of the American Philosophical Society", LXXXVII, 1944, с. 29.

⁵⁰ См. "T'oung Pao", XXXII, 1936, с. 85—161; "T'oung Pao", XXXIV, 1938, с. 265—294.

⁵¹ См. "Harvard Journal of Asiatic Studies", II, 1937, с. 329—372; "T'oung Pao", XXXV, 1940, с. 266—288.

Об истории термина "логография" и противопоставляемого ему термина "идеография", а также об их современном употреблении см. Gelb.— В: "Language", XXXVIII, 1962, с. 208—211.

⁵² См. рис. 40.

⁵³ См. по этому вопросу Gelb.— In: "Memorandum on Transliteration and Transcription of Cuneiform", submitted to the 21st International Congress of Orientalists. Paris (Chicago, 1948), §§ 80—87.

⁵⁴ Например, Alan H. Gardiner. Egyptian Grammar. Oxford, 1927, § 17; Gustave Lefebvre. Grammaire de l'Egyptien classique. Le Caire, 1940; сказанное в § 14 частично ограничивается положением, сформулированным в § 15.

⁵⁵ "Vom Bilde zum Buchstaben". Leipzig, 1939, с. 28 и сл.

⁵⁶ Как справедливо отмечено Зигфридом Шоттом (см. у Зете, ук. раб., с. 78 и сл.). См. также в превосходном исследовании Н. В. Fairman. An Introduction to the Study of Ptolemaic Signs and Their Values.— "Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire", XLIII, 1945, с. 51—138, автор которого, называя акрофонию "мертвым делом" ("a very dead horse" — с. 52), выражает явное сомнение в возможности существования акрофонического принципа даже в период позднего (Птолемеевского) Египта.

⁵⁷ Автор рассматривает вопрос о предполагаемой акрофонии в хеттской иероглифике, ссылаясь на египетские и критские данные; см. "Language", XXXVIII, 1962, с. 199.

⁵⁸ Сюда не относятся значки (вертикальные штрихи, точки или пробелы), употребляемые для обозначения словоразделов. Такие значки для пауз или стыков, часто называемых "супрасегментными фонемами", следует рассматривать в связи с просодическими явлениями языка.

⁵⁹ См. J. Friedrich. Die Parallel-Entwicklung der drei alten Schrift-Erfindungen.— "Analecta Biblica", XII, 1959, с. 95—101.

⁶⁰ См. также Battiscombe Gunn.— В журн. "Journal of Egyptian Archaeology", XXIX, 1943, с. 55—59 (любезно указано профессором Китом Силом).

⁶¹ Этот вопрос был выяснен в старой работе Абеля Ремюза; см. Abel R é m u s a t. Remarques sur quelques écritures syllabiques tirées des caractères chinois, et sur le passage de l'écriture figurative à l'écriture alphabétique (Mémoires de l'Institut Royal de France, Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, VIII, 1827, с. 34—59).

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

¹ Friedrich Wilhelm König. Corpus inscriptionum Elamica-rum, I. Hannover, 1928; в конце книги дан список знаков ("Schrifttafel").

² F. H. Weissbach. Die Keilinschriften der Achämeniden. Leipzig, 1911, с. XXXIX и сл. Результаты подсчета подлежат уточнению в соответствии с данными, приведенными в книге: George C. Cameron. Persepolis Treasury Tablets ("Oriental Institute Publications", LXV). Chicago, 1948, глава IX.

³ Johannes Friedrich. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. Berlin, 1932, с. 8 и сл. Вводная часть письма написана почти исключительно одними аккадскими словесными знаками.

⁴ "The Egyptian Origin of the Semitic Alphabet".— "Journal of Egyptian Archaeology", III, 1916, с. 1—16.

⁵ "The Early Alphabetic Inscriptions from Sinai and Their Decipherment".— "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", № 110, 1948, с. 6—22.

⁶ J. Leibovitch. Sur quelques inscriptions indéchiffrables. — "Bulletin de l'Institut d'Égypte", XVI, 1934, с. 177—183.

⁷ J. Leibovitch. Les inscriptions Protosinaïtiques.— "Mémoires présentés à l'Institut d'Égypte", XXIV, 1934, табл. IV—VI.

⁸ Все эти тексты рассмотрены в работах Д. Дирингера "The Origins of the Alphabet" ("Antiquity", XVII, (1943), с. 77—90 и 208 и сл.) и в "The Palestinian Inscriptions and the Origin of the Alphabet" ("Journal of the American Oriental Society", LXIII, 1943, с. 24—30). [См. также Д. Д и р и н г е р. Алфавит. Москва, 1963, с. 284.]

⁹ Наконец, черепок из Телль эс-Сарема (Tell es-Şārem) и очень важные с точки зрения эпиграфики наконечники копий с надпися-

ми, найденные крестьянином из Эль-Хадра (El-Ḥaḍr), деревни, расположенной в непосредственной близости к Вифлеему, датируются примерно 1100 г. до н. э. См. Ruth B. Kallner. Two Inscribed Sherds.— "Kedem", II, 1945, с. 11—14 и VII, а также E. L. S u k e n i k. Note on the Sherd from Tell eṣ-Šārem.— Указ. раб., с. 15 и VII; J. T. M i l i k, Frank M. C r o s s Jr. Inscribed Javelin-Heads from the Period of the Judges: A Recent Discovery in Palestine.— "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", № 134, 1954, с. 5—15, а также C r o s s. Указ. раб., с. 15—24.

¹⁰ По поводу расхождения в мнениях относительно датировки и чтений различных протопалестинских надписей см. работы авторов, упомянутых в примечаниях 8 и сл., а также книги: Frank M. C r o s s Jr., David N. F r i e d m a n. Early Hebrew Orthography. New Haven, Connecticut, 1952, с. 8 и сл.; G. R. D r i v e r. Semitic Writing from Pictograph to Alphabet (rev. ed.). London, 1954, с. 98—103 и 198 и сл.

¹¹ W. M. Flinders P e t r i e. The Alphabet in the XIIth Dynasty.— "Ancient Egypt", VI, 1921, с. 1—3.

¹² G. H o r s f i e l d et L. H. V i n c e n t. Une stèle Égypto-Moabite au Balou'a.— "Revue Biblique", XLI, 1932, с. 417—444.

¹³ "À propos de la stèle du Balou'a", указ. журн., XLII, 1933, с. 353—365.

¹⁴ Maurice D u n a n d.— В сб.: "Mélanges Maspero", I (Le Caire, 1935—1938), табл. напротив с. 570. Он же. Byblia grammata. Beyrouth, 1945, с. 135 и сл. Интерпретируется как западносемитская Олбрайтом (см. W. F. A l b r i g h t.— In: "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No 116, 1949, с. 12 и сл.), в чем он следует за Гримме; см., однако, трудные моменты, рассмотренные Франком М. Кроссом мл. в "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No 134, 1954, с. 22 и сл.*

¹⁵ "Byblia grammata", с. 143.

¹⁶ Рассмотрено в общем виде в книге Hans B a u e r. Das Alphabet von Ras Schamra. Halle, 1932.

¹⁷ См. исследование этого вопроса в работе A. H e r d n e r. A-t-il existé une variété palestinienne de l'écriture cunéiforme alphabétique? — "Syria", XXV (1946—1948), с. 165—168. Одной из наиболее важных находок, сделанных за последние годы в Рас Шамре, является обнаружение древней азбуки, порядок знаков в которой

* Протобиблиские надписи изучались редактором совместно с А. М. Кондратовым. Статистическое исследование их структуры в сопоставлении со структурой раннесемитских текстов показало: 1) что протобиблиские тексты написаны по-семитски, вероятно, по-западносемитски; 2) что по совпадению частотности некоторых знаков с частотностью различных слогов в раннесемитских текстах можно отождествить чтение около пяти протобиблиских знаков; 3) что по крайней мере четыре из них совпадают с соответствующими западносемитскими алфавитными. См. I. M. D i a k o n o f f. Ancient Writing and Ancient Written Languages.— In: «Summerological Studies in Honor of Th. Jacobsen». = «Assyriological Studies», 20, Chicago, 1975, p. 104 ff.

См. также ниже, Комментарий, с. 303 и сл.—. Прим. ред.

оказался тем же самым, что и в более поздних (финикийской, древнееврейской и других) западносемитских письменностях, но со следующими оговорками. Среди первых двадцати семи знаков угаритской азбуки имеется пять знаков (H, Š, D, Z, Ġ), которые в более позднем западносемитском письме исчезли; знаки №№ 28 и 29 — 'i и 'u, — представляющие собой структурную эволюцию знака № 1 (первоначально '), как и знак № 30 (употребляемый преимущественно в хурритском), являются результатом местного развития и были помещены в конце азбуки. См. Cyrus H. Gordon. The Ugaritic "A B C".— "Orientalia", n. s., XIX, 1950, с. 374 и сл.; W. F. Albright. Some Important Recent Discoveries: Alphabetic Origins and the Idrimi Statue.— "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No 118, 1950, с. 11—20; он же.— В указ. журн., No 119, 1950, с. 23 и сл.; E. A. Speiser.— В указ. журн., No 121, 1951, с. 17—21; Frank M. Cross, Thomas O. Lambdin.— В указ. журн., № 160, 1960, с. 21—26; William W. Hallo. Isaiah 28:7—13 and the Ugaritic Abecedaries.— "Journal of Biblical Literature", LXXVII, 1958, с. 324—338; Gelb.— In: "Bibliotheca Orientalis", XV, 1958, с. 6 и сл.

¹⁸ P. Montet. Byblos et l'Égypte. Paris. 1928—1929 (тексты (с. 215—238) и атлас, таблицы CXXVI—CXLI); S. Ronzevalle. L'alphabet du sarcophage d'Ahîrâm.— "Mélanges de l'Université Saint Joseph", XII, 1927, с. 3—40.

¹⁹ D un a n d. Spatule de bronze avec épigraphie phénicienne du XIIIe siècle.— "Bulletin du Musée de Beyrouth", II, 1938, с. 99—107; он же. Fouilles de Byblos. Paris, 1937 (атлас, табл. XXXII, № 1125); он же. Byblia grammata, с. 155 и сл. и табл. XIII, № 2.

²⁰ Он же. Nouvelle inscription phénicienne archaïque.— "Revue Biblique", XXXIX, 1930, с. 321—331.

²¹ P.-É. Guigès. Pointe de flèche en bronze à inscription phénicienne.— "Mélanges de l'Université Saint Joseph", XI, 1926, с. 325—328; и S. Ronzevalle. Note sur le texte phénicien de la flèche publiée par M. P.-É. Guigès.— Указ. сб., с. 329—358. Кросс и Фридман в работах, упомянутых на стр. 262 (прим. 10), относят надпись 'Азарба'ла и надпись из Рувэйсе ко времени до Ахирама (Ahîrâm), то есть к XI в. до н. э.

²² René Dussaud. L'inscription du roi Abiba'al.— "Syria", V, 1924, с. 145—147.

²³ René Dussaud. Dédicace d'une statue d'Osorkon I par Eli-ba'al, roi de Byblos.— "Syria", VI, 1925, с. 101—117.

²⁴ D un a n d. Byblia grammata, с. 146 и сл.

²⁵ Как замечено У. Ф. Олбрайтом в "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No 102, 1946, с. 20, где он датирует эти две надписи началом IX в. до н. э.

²⁶ Более поздняя датировка надписи Ахирама (примерно 1000 г. до н. э.), предложенная несколько лет назад некоторыми учеными и затем поддержанная У. Ф. Олбрайтом (см. "The Phoenician

Inscriptions of the Tenth Century B. C. from Byblos".— "Journal of the American Oriental Society", LXVII, 1947, с. 153—160), подтверждается также археологическими данными; см. D u n a n d. *Byblia grammata, Post-scriptum*, с. 197 и сл.

²⁷ A. T. O l m s t e a d. *Excursus on the Cuneiform Alphabet of Ras Shamra and Its Relation to the Sinaitic Inscriptions*.— В книге: Martin S p r e n g l i n g. *The Alphabet*. Chicago, 1931, с. 57 и сл. Точки зрения западносемитского происхождения угаритского письма придерживаются Бухман (H. B u c h m a n. *Die Entstehung der Formen des Keilschriftalphabets von Ras Shamra*.— См. "Przełąd Historyczny", 1934, с. 213—234), Э. Барроуз (E. B u r r o w s. *The Origin of the Ras Shamra Alphabet*.— "The Journal of the Royal Asiatic Society", 1936, с. 271—277), а также Б. Розенкранц (B. R o s e n k r a n z. *Der Ursprung des Alphabets von Ras Shamra*.— "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", XCII, 1938, с. 178—182.).

²⁸ E. E b e l i n g. *Zur Entstehungsgeschichte des Keilschriftalphabets von Ras Shamra*.— См. "Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Kl.", 1934, с. 10—15.

²⁹ A. J a m m e. *An Archaic South-Arabian Inscription in Vertical Column*.— "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No 137, 1955, с. 32—38; автор датирует одну недавно обнаруженную надпись IX или X в. до н. э.

³⁰ Heinrich S c h ä f e r. *Die Vokallösigkeit des "phönizischen" Alphabets*.— "Zeitschrift für ägyptische Sprache", LII, 1914, с. 95—98.

³¹ Эта теория лучше всего представлена в книге Мартина Шпренглинга (см. Martin S p r e n g l i n g. *The Alphabet*. Chicago, 1931).

³² A. H e r t z. *Ein Beitrag zur Entwicklung der Schrift*.— "Archiv für die Gesamte Psychologie", XXXVI, 1917, с. 359—390; она же. *Die Entstehung der Sinaischrift und des phönizischen Alphabets*.— "Journal of the Society of Oriental Research", XII, 1928, с. 131—145; она же. *Les débuts de l'écriture*.— "Revue archéologique", Série VI, Tome IV, 1934, с. 109—134.

³³ C. F. L e h m a n n - H a u p t. *Zur Herkunft des Alphabets*.— "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", LXIII, 1919, с. 51—79.

³⁴ Johannes F r i e d r i c h. *Einige Kapitel aus der inneren Geschichte der Schrift*.— "Archiv für Schreib- und Buchwesen", n. F. II, 1935, с. 8—18; он же. *Schriftgeschichtliche Betrachtungen*.— "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", XCI, 1937, с. 319—342; он же. *Zu einigen Schrifterfindungen der neuesten Zeit*.— Там же, XCII, 1938, с. 183—218; он же. *Noch eine moderne Parallele zu den alten Schrifterfindungen*.— Там же, XCV, 1941, с. 374—414. [См. также И. Ф р и д р и х. *История письма*. М., 1979, с. 95—119.]

³⁵ René D u s s a u d. *L'origine de l'alphabet et son évolution première d'après les découvertes de Byblos*.— "Syria", XXV (1946—

1948), с. 36—52, и еще раньше в "Syria", XI, 1930, с. 185 и сл., а также XIX, 1938, с. 88 и сл.

³⁶ Hans Bauer. Der Ursprung des Alphabets.— "Der Alte Orient", XXXVI, 1—2. Leipzig, 1937.

³⁷ См. также Vittore Pisani. Origini dell'alfabeto.— In: "Annali della R. Scuola Normale Superiore di Pisa. Lettere, Storia e Filosofia", serie II, vol. V, 1936, с. 267—277; он же, рецензия на: D. Diringer. L'alfabeto nella storia della civiltà.— Там же, VI, 1937, с. 371—376.

³⁸ См. подробный разбор в книге G. R. Driver. Semitic Writing. London, 1948, с. 152—171.

³⁹ Некоторые названия знаков могут быть сгруппированы вместе не потому, что знаки восходят к общим рисуночным формам, а скорее вследствие того, что названия созданы по определенным фонетическим образцам. Здесь можно указать на группу, включающую названия *waw* (wāw), *taw* (tāw) и даже *saw* (sāw), *kaw* (qāw), засвидетельствованные в Is. 28:9—10 (ср. Driver. Указ. раб., с. 89 и сл., 155, 167 и сл., 230), и на группу, включающую *het* (ḥeth), *tem* (ṭeth) и, возможно, даже *bet* (bēth) (если не считать, что *bet* (bēth) значит 'дом') и *zet* (zēth) (в соответствии с греч. zēta). Структура названий западносемитских знаков, оканчивающихся на гласный, знакома нам из грузинского, где наименования букв оканчиваются обычно (но не исключительно) на -н, как, например: *ан*, *бан*, *ган*, *дон*, *эн* и т. д.

⁴⁰ Трудности, связанные с интерпретацией названий семитских знаков, лучше всего проанализированы в следующих работах: Th. Nöldke. Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft. Strassburg, 1904, с. 124—136; Mark Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik, II. Giessen, 1908, с. 125—139.

⁴¹ W. M. Flinders Petrie. The Formation of the Alphabet. London, 1912, таблицы II—IV.

⁴² Пример заимствован у Ганса Бауэра; см. "Der Alte Orient", XXXVI, 1/2, с. 36.

⁴³ Статья опубликована в "Nieuwe Theologische Studiën", XIV, 1931, с. 137 и сл.

⁴⁴ Этот вопрос рассмотрен в статье Йейвина (см. S. Yevivn.— В: "Archiv Orientální", IV, 1932, с. 77), а также в книге Пёбеля (см. A. Pöebel. Studies in Akkadian Grammar. Chicago, 1939, с. 62 и сл.)

⁴⁵ Позиция Вольфа Лезлау (Wolf Leslau) по этому вопросу, изложенная в "Word", XI, 1955, с. 281 и сл., в соответствии с которой изобретатель эфиопской системы передачи гласных якобы рассматривал гласный *a* как основной, потому что последний часто встречается в языке, при проведении соответствующих подсчетов утрачивает свою убедительность: так, подсчитав число случаев в четырех образцах, заимствованных из книги G. Bergsträsser. Einführung in die semitischen Sprachen (München, 1928, с. 104 и сл.),

я обнаружил 126 слоговых знаков, содержащих *a*, при 139 знаках, содержащих ш^{ва} (или нуль).

⁴⁶ В своих работах Э. Литман (см. Enno Littmann.— В: "Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. "Philos.-hist. Kl.", 1917, с. 677) и Э. Уллендорф (Edward Ullendorff. Studies in the Ethiopic Syllabary.— "Africa", XXI, 1951, с. 207—217) утверждают, что наименования *hā, lā* были в эфиопском исконными, тогда как наименования типа *hōi, lāwī*, по всей вероятности, заимствованы из древнееврейского.

⁴⁷ Следует обратить внимание, что форма значка *сукун* (*sukūn*) представляет собой заимствование цифры "ноль".

⁴⁸ Sigurd C. Ylvisaker. Zur babylonischen und assyrischen Grammatik. Leipzig, 1912, с. 15 и сл.

⁴⁹ Указ. раб., с. 13, а также James Philip Hyatt. The Treatment of Final Vowels in Early New-Babylonian. New Haven, 1941, с. 20.

⁵⁰ Указ. раб., с. 15.

⁵¹ В его рецензии на книгу Хайатта (Hyatt), опубликованной в "Classical Weekly", XXXVI, 1942, с. 100.

⁵² См. у Пёбеля (указ. раб., с. 61 и сл.).

⁵³ Дополнительные соображения в пользу слогового характера западносемитского письма, опирающиеся на данные, извлеченные из иберийского, этрусского и раннего греческого письма, приводятся в статье И. Е. Гельба "New Evidence in Favor of the West Semitic Writing".— "Bibliotheca Orientalis", XV, 1958, с. 2—7, в особенности с. 4—6. Данные, касающиеся угаритского, приведены в указ. раб., на с. 6 и сл., а также в статье Уильяма У. Халло (William W. Hallo) "Isaiah 28:9—13 and the Ugaritic Abecedaries".— "Journal of Biblical Literature", LXXVII, 1958, с. 324—338.

⁵⁴ Franz Praetorius. Über den Ursprung des kanaanäischen Alphabets. Berlin, 1906, с. 1 и сл.

⁵⁵ A. Seidel. Sprachlaut und Schrift. Wien und Leipzig, 1920, с. 130 и 133.

⁵⁶ S. Yeivin. The Sign ; and the True Nature of the Early Alphabets.— "Archiv Orientalní", IV, 1932, с. 71—78.

⁵⁷ David Diringier.— См. "Antiquity", XVII, 1943, с. 89.

⁵⁸ Eduard Schwyzer. Griechische Grammatik, I. München, 1939, с. 145.

⁵⁹ Arno Poebel. Studies in Akkadian Grammar. Chicago, 1939, с. 61—64.

⁶⁰ Edgar H. Sturtevant. An Introduction to Linguistic Science. New Haven, 1947, с. 22.

⁶¹ Holger Pedersen. Linguistic Science in the Nineteenth Century. Cambridge, 1931, с. 142 и сл. и с. 180 и сл.

⁶² Указ. раб., с. 142.

⁶³ Кроме Преториуса, Зейделя, Йейвина, Пёбеля, Швицера, Стёртеванта и Педерсена, упомянутых в предыдущих примечаниях, в защиту слогового характера западносемитского письма выступали

также Роланд Кент, Дональд Свенсон, Марсель Коэн, Эдмон Сольберже, Антуан Мейе, Герберт Пейпер, Э. А. Спайзер, Пауль Кречмер и Альфред Шмитт; все они упомянуты в моей статье в "Bibliotheca Orientalis", XV, 1958, с. 4; сюда нужно еще прибавить статьи Уильяма У. Халло (в "Journal of Biblical Literature", LXVII, 1958, с. 324—338) и Элизабет Боумэн (в "Journal of Near Eastern Studies", XIX, 1960, с. 46—48). Противоположная точка зрения приведена в статьях: Stanislaw Segert. Charakter des westsemitischen Alphabets, eine Entgegnung an Ignace J. Gelb; о н ж е, статья "Charakter des westsemitischen Alphabets".— "Archiv Orientalní", XXVI, 1958, с. 243—247 и 657—659.

⁶⁴ Об этом он в последний раз упоминает в работе: "Scripta Minoa", I. Oxford, 1909, с. 68—77.

⁶⁵ John Franklin Daniel. Prolegomena to the Cypro-Minoan Script.— "American Journal of Archaeology", XLV, 1941, с. 249—282.

⁶⁶ Недавние находки новых коротких текстов, а также больших табличек, содержащих сотни знаков, значительно расширили наши представления о кипро-миноинском письме. См. Olivier Masson. Nouvelles inscriptions en caractères chypro-minoens.— В книге: C. F. A. Schaeffer. Enkomi-Alasia, I. Paris, 1952, с. 391—409; Porphyrios Dikaios.— In: "Antiquity", XXVII, 1953, с. 103 и сл., 233—237; XXX, 1956, с. 40 и сл.; Claude F. A. Schaeffer, там же, XXVIII, 1954, с. 38 и сл. См. также P. Meriggi. I primi testi ciprominoici e l'eteociprio.— "Athenaeum", n. s. XXXIV, 1956, с. 3—38; кроме того, статьи П. Мериджи, О. Массона и др. опубликованы в сб. "Études mycéniennes" (ed. Michel Lejeune). Paris, 1956, с. 193—206 и 268—271.

⁶⁷ Otto Schroeder. Gesetzte assyrische Ziegelstempel.— "Zeitschrift für Assyriologie", XXXIV, 1922, с. 157—161.

⁶⁸ Maurice Dunand. Byblia grammata. Beyrouth, 1945, chap. IV.

⁶⁹ Edouard Dhorme. Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres, 1946, с. 360—365 и с. 472—479; о н ж е. Déchiffrement des inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos.— "Syria", XXV, 1946—1948, с. 1—35.

⁷⁰ По М. Dunand. Byblia grammata, с. 88 и сл.

⁷¹ Указ. раб., с. 85 и сл., 155 и сл. и табл. XIII, 2.

⁷² В новое время достигнута значительная унификация формы знаков.

⁷³ В соответствии с декретом японского Министерства Народного Образования от 1900 г. число словесных знаков было сильно сокращено, но все же 1200 словесных знаков были сочтены тем минимальным числом, которое обязательно для изучения в начальной школе. 16 ноября 1946 г. японское Министерство Образования издало список из 1850 знаков *кандзи*, рекомендованных для всеобщего употребления, тем самым, по-видимому, отменив употребление приблизительно четырех или пяти тысяч других знаков, входивших

в комплект, которым располагали издательства. Ученые обычно выражают сомнение в успехе этой реформы. См. Joseph K. Yamagata. Reforms in the Language and Orthography of Newspapers in Japan.— "Journal of the American Oriental Society", LXVIII, 1948, с. 45—52, а также F. J. Daniels.— In: "Bulletin of the School of Oriental and African Studies", XVI, 1954, с. 393 и сл. Замечания Дэниэлса относительно первого издания данной книги, сделанные им в упомянутой выше заметке, равно как и полезные советы профессора Ямагивы, содействовали улучшению японских разделов настоящего издания.

⁷⁴ S. Kanazawa. Über den Einfluss des Sanskrits auf das japanische und koreanische Schriftsystem. Tokio, 1907.

⁷⁵ Менее хорошо изученные письменности эгейской группы содержат следующее количество слоговых знаков: кипро-минойская — около шестидесяти трех, фестская — около шестидесяти, библская — примерно от восьмидесяти до девяноста, а силлабарии линейного письма А и Б (рассмотренные нами среди словесно-слоговых письменностей) содержат соответственно восемьдесят и восемьдесят восемь знаков.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

¹ Hans Bauer, Pontus Leander. Historische Grammatik der hebräischen Sprache des Alten Testaments. Halle, 1918, с. 92; цитату следует исправить в соответствии с работой: David Kimhi's Hebrew Grammar (Mikhlol) (ed. by William Chomsky). Philadelphia, 1933, с. 12.

² См., напр., S. Yeivin. The Sign and the True Nature of the Early Alphabets.— "Archiv Orientalní", IV, 1932, с. 71—78; Frank R. Blake. The Development of Symbols for the Vowels in the Alphabets Derived from the Phoenician.— "Journal of the American Oriental Society", LX, 1940, с. 391—413; William Chomsky. The History of Our Vowel-System in Hebrew.— "The Jewish Quarterly Review", XXXII, 1941—1942, с. 27—49.

³ Подробнее см. в работе: Frank Moore Cross, Jr., and David Noel Freedman. Early Hebrew Orthography. A Study of the Epigraphic Evidence. New Haven, Connecticut, 1952.

⁴ Все примеры взяты из работы: Mark Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik. Weimar, 1898.

⁵ Обозначение гласного о знаком 'айин, обнаруженное в таких новопунических написаниях, как В^{хх}м^хl^хq^хг^хt^х (= лат. Vomilcar), весьма показательно: оно свидетельствует о том, что в некоторых семитских диалектах этот согласный влиял на переход а в о, что, возможно, привело в дальнейшем к образованию из знака для согласного 'айин в греческом письме знака для гласного о.

⁶ "The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography". New Haven, 1934. Новые материалы по этому вопросу см.: Elmar

Edel.— В журн.: "Journal of Near Eastern Studies", VII, 1948, с. 11—24; он же — там же, VIII, 1949, с. 44—47; W. F. Albright.— В журн.: "Journal of the American Oriental Society", LXXIV, 1954, с. 222—233; и, в частности, W. F. Albright and T. O. Lambdin. New Material for the Egyptian Syllabic Orthography.— "Journal of Semitic Studies", II, 1957, с. 113—127.

⁷ "Egyptian Phonetic Writing, from Its Invention to the Close of the Nineteenth Dynasty".— "Journal of the American Oriental Society", LX, 1940, с. 473—506, в частности с. 486.

⁸ Albright. Vocalization, с. 6—15.

⁹ Edgerton. Указ. раб., с. 486—990.

¹⁰ Даже в клинописи мы встречаем такие анапктические написания, как Ki-iz-zu-wa-ta-na, Ki-iz-wa-ta-na и т. д. (Gerhard Rudolf Meyer.— См. "Mitteilungen des Instituts für Orientforschung", I, 1953, с. 121.)

¹¹ По Олбрайту (см. "Journal of the American Oriental Society", LXXIV, 1954, с. 224), слоговых групп, употреблявшихся в Новом царстве, было около шестидесяти, что вполне согласуется с числом слоговых знаков в слоговых системах, о которых шла речь выше, на с. 160 и в прим. 75 на с. 269.

¹² Указ. раб., с. 506.

¹³ Иоганнес Фридрих (в работах: Johannes Friedrich. Phönizisch-punische Grammatik (см. "Analecta Orientalia", XXXII. Roma, 1951, с. 42 и сл.) и "Vulgärpunisch und Vulgärlatein in den neupunischen Inschriften" (см. "Cahiers de Byrsa", III, 1953, с. 100 и сл.)) попытался установить два различных способа обозначения гласных в поздних новопунических (по Фридриху — "вульгарно-пунических") надписях: один прием — это когда ' = е, о, ' = а, Y = i, W = u, а другой, значительно более редкий прием — это когда ' = а, H = e, ' = о, Y = i, W = u.

¹⁴ Erich Ebeling. Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts. Leipzig, 1927, № 121 а, об. 2, и др.

¹⁵ Leroy Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire, I. Ann Arbor, 1930, №№ 258:4, 263:5, 345:3 и т. д.

¹⁶ E. Forrer.— См. "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", LXXVI, 1922, с. 227, 231 и т. д., а также Н. Оттен.— См. "Zeitschrift für Assyriologie", XLVIII, 1944, с. 123.

¹⁷ Примеры приведены в раб.: E. A. Speiser. Introduction to Hurrian. New Haven, 1941, с. 15 и сл.

¹⁸ Этот вопрос рассматривается И. Фридрихом в "Archiv für Schreib- und Buchwesen", n. F. II, 1935, с. 15. К более новым исследованиям, разделяющим гипотезу возникновения древнеперсидского силлабария ad hoc, в отличие от мнения, что он был потомком более полного, пока еще не обнаруженного силлабария, относятся работы: Herbert H. Parker. The Old Persian /L/ Phoneme.— "Journal of the American Oriental Society", LXXVI, 1956, с. 24—26, и Walther Hinz. Die Einführung der altpersischen Schrift.— "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft",

СII, 1952, с. 28—38 (с иной аргументацией) *.

¹⁹ Там же; позднее, с изменениями,— в: "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", XCII, 1938, с. 207 и XCV, 1941, с. 414.

²⁰ См. обширную библиографию в раб. M. D u n a n d. Byblia grammata. Beyrouth, 1945, с. 189—192, а также G. R. D r i v e r. Semitic Writing. London, 1948, с. 128 и сл.

²¹ "Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft". Strassburg, 1904, с. 135.

²² "Die Urgeschichte des Alphabets".— "Rheinisches Museum für Philologie", n. F., LXXXV, 1936, с. 347—366.

²³ "How Old is the Greek Alphabet?"— "American Journal of Archaeology", XXXVIII, 1934, с. 359—381.

²⁴ "The Antiquity of the Greek Alphabet".— В этом же журн.: XXXVII, 1933, с. 8—29.

²⁵ "Handbuch der Archäologie" (hrsg. von Walter Otto), I. München, 1939, с. 195. Греческие надписи, о которых говорится в сносках 25—30, равно как и ряд других раннегреческих надписей, опубликованы и описаны в работе: L. H. J e f f e r y. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961.

²⁶ Ульман (Ullman, цит. раб. с. 365) и многие другие ученые.

²⁷ C a r p e n t e r, цит. раб., с. 24.

²⁸ Указ. раб., с. 26.

²⁹ Carl W. B l e g e n, Inscriptions on Geometric Pottery from Hymettos.— "American Journal of Archaeology", XXXVIII, 1934, с. 10—28.

³⁰ Agnes N. S t i l l w e l l. Eighth Century B. C. Inscriptions from Corinth.— Указ. журн., XXXVII, 1933, с. 605—610.

³¹ W. F. A l b r i g h t. New Light on the Early History of Phoenician Colonization.— "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", № 83, 1941, с. 14—22.

³² В последнее время Маргит Фалькнер (в работе: Margit F a l k n e r. Zur Frühgeschichte des griechischen Alphabets.— In: "Frühgeschichte und Sprachwissenschaft", hrsg. von Wilhelm Brandenstein, Wien, 1948, с. 110—133) склонилась в пользу IX в., а Франклин П. Джонсон (в работе: Franklin P. J o h n s o n. Notes on the Early Greek Writing.— "American Journal of Philology", LXXVII, 1956, с. 29—37) — в пользу X в.; Р. М. Кук и А. Г. Вудхед (в раб.: R. M. C o o k and A. G. W o o d h e a d. The Diffusion of the Greek Alphabet.— "American Journal of Archaeology", LXIII, 1959, с. 175—178), а также Л. Х. Джеффри (в работе: L. H. J e f f e r y. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961, с. 1—21) датируют появление греческого алфавита соответственно второй половиной VIII в. до н. э. и серединой VIII в. до н. э. Они полагают, что

* Cp. I. M. D i a k o n o f f. The Origin of the "Old Persian" Writing System.— In: "W. B. Henning Memorial Volume". London, 1970, pp. 98—124 (относит происхождение этого письма к VII — началу VI в. до н. э.).—Прим. ред.

алфавит был заимствован греками, жившими в прибрежных городах Сирии и Финикии и занимавшимися там торговлей.

³³ Эта ваза, по-видимому, вручалась на состязаниях плясунов в качестве приза самому веселому из них.

³⁴ Иоганнес Фридрих в двух исследованиях, упоминавшихся нами в примечании 13, считает само собой разумеющимся, что развитие огласовки в новопуническом письме произошло под влиянием латыни.

³⁵ В "Archiv für Schreib- und Buchwesen" (n. F. II, 1935, с. 17 и сл.). Адольф Громан (в работе: Adolf G r o h m a n. Über den Ursprung und die Entwicklung der äthiopischen Schrift.—"Archiv für Schriftkunde", I, 1915, с. 57—87, в частн. с. 80 и сл.) отверг идею происхождения эфиопской системы гласных от индийской, руководствуясь тем, что ряд значков для гласных по внешней форме отличается от индийских; он, однако, полностью пренебрег структурной общностью, которая указывает на связь обеих систем.

³⁶ Или же следует сделать вывод, что в стенографических системах даже знак для *ka* является алфавитным, и тогда рассматривать его как основной знак для *k* плюс усложнение для обозначения гласного *a*? Подобным образом в случае эфиопского письма аналогичное обозначение гласных мы могли бы рассматривать как основной знак плюс определенная модификация формы. Эфиопские и индийские основные знаки, обозначающие согласный плюс *a*, можно рассматривать как основной знак плюс нулевая модификация, передающая гласный *a*.

³⁷ "Die Schrift" (Glückstadt und Hamburg, 1935) и более старое издание под заглавием "Geschichte der Schrift" (Hannover, 1925).

³⁸ "L'alfabeto nella storia della civiltà" (Firenze, 1937).

³⁹ "Histoire de l'écriture" (Paris, 1948).

⁴⁰ "The Alphabet" (2 тома, London, 1883) = "The History of the Alphabet" (2 тома, New York, 1899).

⁴¹ "The Alphabet. A Key to the History of Mankind" (London and New York, 1948, изд. 2-е — в 1949 г.). [Русск. перев.: Д. Д и р и н г е р. Алфавит. Москва, 1963.]

⁴² "Notices sur les caractères étrangers anciens et modernes". Rédigées par un groupe de savants, réunies par Charles Fossey. (Paris, 1927); новое издание вышло в 1948 г.

⁴³ Marcel C o h e n. La grande invention de l'écriture et son évolution (Три тома: Texte, Documentation et Index, Planches). Paris, 1958.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VI

¹ Об определении слогового знака см. с. 248, прим. 31.

² Я не могу согласиться с точкой зрения, высказанной в работе Ральфа Линтона (см. Ralph L i n t o n. The Study of Man. An Introduction. New York, 1946, с. 304 и сл.). Автор ее определяет открытие

как "добавление к знанию", а изобретение, будь то фундаментальное или представляющее собой усовершенствование,— как "новое применение знания".

³ Коптский алфавит, заимствованный в основном из греческого, содержит один знак, имеющий слоговое чтение *ti* и заимствованный из египетской демотики.

⁴ См. Giuliano Bonfante. *Semantics* (Encyclopaedia of Psychology). New York, 1946, с. 844; он же. *On Reconstruction and Linguistic Method*.— "Word", I, 1945, с. 85 и сл.

⁵ Следует учесть эволюцию китайского языка, первоначально изолирующего, теперь же преимущественно агглютинирующего, а также тенденцию развития английского языка, первоначально флективного, а ныне развивающегося в направлении превращения в изолирующий язык.

⁶ Ср. и.-е. **pəter* (лат. *pater*) : др.-сканд. *faðir* (англ. *father*) : др.-сакс. и гот. *fadar* : нем. *Vater*; или и.-е. **dheu* : англ. *dead* : нем. *tot* : диалектн. нем. *thot*.

См. C. Meinhof. *Die moderne Sprachforschung in Afrika*. Berlin, 1910, где на с. 59 указано, что "закон Гримма" распространяется на восемнадцать различных языков банту.

⁷ Это обстоятельство особенно подчеркивается учеными, которые исследовали типологию систем, созданных в новое время в таких примитивных обществах, как общество эскимосов Аляски или африканцев бамум. См. J. Friedrich.— In: "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", CIV, 1954, с. 322, 325, 328 и сл.; он же.— В: "Archiv Orientalni", XIX, 1951, с. 256 и сл.; Alfred Schmitt. *Die Alaska-Schrift und ihre schriftgeschichtliche Bedeutung* ("Münstersche Forschungen", Heft 4). Marburg, 1951, с. 100, 107; он же.— В: "Indogermanische Forschungen", LXI, 1954, с. 225; Egerton R. Young. *The Apostle of the North*.— In: "Rev. James Evans". New York, 1899, с. 181 и сл.; Louis-Philippe Vaillancourt. *L'origine des caractères syllabiques*.— "Anthropologica", V, 1957, с. 127 и сл.; K. L. Pike. *Phonemics*. Ann Arbor (Michigan), 1947, chap. 16; J. Berry. *The Making of Alphabets*.— In: "Proceedings of the VIII International Congress of Linguistics". Oslo, 1957, с. 752—764.

⁸ Kurt Sethe. *Vom Bilde zum Buchstaben*. Leipzig, 1939, с. 66.

⁹ Указ. раб., с. 26 и сл.

¹⁰ Указ. раб., с. 44 и 52; это несоответствие, как отмечает Зете, было отчетливо показано Шоттом; см. Kurt Sethe, указ. раб., с. 71. Мнение, совпадающее с мнением Зете, было высказано Драйвером, заметившим, что «слоговое письмо — это тупик, из которого нет выхода»; см. G. R. Driver. *Semitic Writing*. London, 1954, с. 138.

¹¹ David Diringer. *L'alfabeto nella storia della civiltà*. Firenze, 1937, с. 704.

¹² Указ. раб., с. 88; Дирингер употребляет термин "syllabic"

(‘слоговой’) в значении термина “multiconsonantal” (‘многосогласный’), который был подвергнут критике на с. 83 и сл. настоящей работы.

¹³ См. статью Дирингера в “Antiquity”, XVII, 1943, с. 88.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VII

¹ Hans Jensen. Die Schrift. Glückstadt und Hamburg, 1935, с. 166; David Diringер. L’alfabeto nella storia della civiltà. Firenze, 1937, с. 602 и сл. [Д. Дирингер. Алфавит. Москва, 1963]; C. F. Lehmann-Haupt.— См. “Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft” (в дальнейшем именуется “Zeitschrift”), LXXIII, 1919, с. 60—65; Johannes Friedrich.— См. “Zeitschrift”, XCI, 1937, с. 331 и сл. [И. Фридрих. История письма. Москва, 1979, с. 194—205.].

² Jensen. Указ. раб., с. 168 и сл.; Diringер. Указ. раб., с. 604; Louis-Philippe Vaillancourt. L’origine des caractères syllabiques.— “Anthropologica”, V, 1957, с. 125—129. Из “The Gospel in Many Tongues Published by the British and Foreign Bible Society” (London, 1954) я узнал, что системы, подобные употребляемым индейцами кри, бытуют среди эскимосов Баффиновой Земли (№ 199) и реки Невольничьей, или Атабаски, в долине Маккензи (№ 708). См. также статью “Eskimo in Print” в журнале “Time” за 29 июня 1959 г. (с. 37).

³ Diringер. Указ. раб., с. 601 и сл.; Garrick Mallery. Picture-Writing of the American Indians (Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnology, Smithsonian Institution). Washington, 1886, с. 666—671. Обычные пособия никаких существенных сведений о действительном употреблении письма микмак не содержат. Однако в статье Вильгельма Шлага (Wilhelm Schlag) “Austrian Missionaries to American Indians”, опубликованной в органе Австрийской службы информации в Нью-Йорке (“Austrian Information”, Vol. XV, № 2 за 31 января 1962 г., с. 5) (перепечатка из недоступной мне книги под ред. Отто Хитча: Otto Hietzsch (ed.). Österreich und die angelsächsische Welt. Wien — Stuttgart, 1961), мы читаем следующее: «В Австрийской национальной библиотеке можно увидеть два подаренных автором экземпляра изданию одного однотомика, содержащего катехизис, молитвенник и сокращенную библейскую историю, напечатанные рисуночным письмом. Книгу написал Кристиан Каудер для своих прихожан — индейцев микмак в Новой Шотландии. Эти два экземпляра — всё, что осталось от целого издания, выпущенного бесплатно венским издательством “Imperial and Royal Government Printing Office”. Судно, которое должно было доставить книги в Новый Свет, затонуло». Хранящаяся в Парижской национальной библиотеке двустрочная выдержка из рукописи на языке микмак, воспроизведенная в работе М. Коэна (см. M. Cohen. La grande invention de l’écriture, таб-

лицы 86А) и описанная в его же "Documentation" (с. 123 и сл.), очевидно, написана письмом микмак неизвестного происхождения.

⁴ William J o n e s. An Algonquin Syllabary.— In: "Boas Anniversary Volume". New York, 1906, с. 88—93. Джонс называет алгонкинское письмо силлабарием, а не алфавитом. Свое утверждение он обосновывает так: «Согласные обычно мыслятся в сочетании с гласными, и, заучивая силлабарий, сначала перечисляют гласные, а затем согласные в сочетании с этими гласными. При этом не называют данный гласный, а затем последовательно все согласные один за другим в сочетании с этим гласным; поступают иначе: сперва называют все гласные, а затем по одному все согласные с каждым из четырех гласных.» В подтверждение такого восприятия силлабария дальше приводится в качестве примера развитая форма алгонкинского силлабария, в которой ряд знаков для согласного плюс гласный u (= нечто вроде э) выражен символом без обозначения гласного, в отличие от остальных слоговых рядов, в которых гласные передаются адекватно.

⁵ Alice C. F l e t c h e r. A Phonetic Alphabet Used by the Winnebago Tribe of Indians.— "The Journal of American Folk-Lore", III, 1890, с. 299—301 (справка получена от д-ра Томаса Сибеока из Индианского университета). О другой слоговой системе фокс сообщают, что она «использует вместо букв и символов наши обычные арабские цифры». См. Truman M i c h e l s o n. Fox Linguistic Notes. An Unknown Fox Syllabary.— In: "Festschrift Meinhof". Hamburg, 1927, с. 405—406.

⁶ Alfred S c h m i t t. Untersuchungen zur Geschichte der Schrift. Eine Schrifterfindung um 1900 in Alaska (3 тома). Leipzig, 1940; F r i e d r i c h.— См. "Zeitschrift", XCV, 1941, с. 374—414; H. D e w e y A n d e r s o n и Walter Crosby E e l l s. Alaska Natives (Stanford University), 1935, с. 191 и сл.; W. J. H o f f m a n. The Graphic Art of the Eskimos. (Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the Year 1895). Washington, 1897, с. 739—968. Много новых и важных сведений о письме Аляски можно найти в работах: Alfred S c h m i t t. Die Alaska-Schrift und ihre schriftgeschichtliche Bedeutung ("Münstersche Forschungen", Heft 4). Marburg, 1951; F r i e d r i c h.— См. "Zeitschrift", CIV, 1954, с. 325—329; он же.— См. "Archiv Orientalní", XIX, 1951, с. 252—259. Ввиду неадекватности чисто словесного письма с течением времени письмо Аляски приобрело некоторые черты фонетизации. применяемой в словах, которые было трудно выразить рисунками (например, в написании имени Peter (произносившегося pita) при помощи рисуночного знака, который обычно означает pitá 'он ловит (это)'). Употребление силлабофонетических знаков неуклонно возрастало, так что на конечных ступенях развития они полностью заменили логографические написания. Одновременно письмо утрачивало свой рисуночный характер и приобретало линейные формы. В окончательном виде эти силлабарии имеют примерно семьдесят

восемьдесят знаков; некоторые из них используются как алфавитные, в форме, весьма близкой той, которая достигнута в письме бамум (с. 201). Так, слово qáner-toq 'он говорит', передававшееся первоначально при помощи рисуночного знака, стали писать сначала слоговым образом в виде qa-ner-tuq, а затем как qa-n-ner-tuq, qa-n-ner-r-tuq, qa-a-n-ner-r-t-tu-q и qa-a-n-ner-r-i-t-tu-q.

⁷ J e n s e n. Указ. раб., с. 115 и сл.; D i r i n g e r. Указ. раб., с. 222 и сл.; A. K l i n g e n h e b e n. The Vai Script.—"Africa", VI, 1933, с. 158—171; F r i e d r i c h.—См. "Zeitschrift", XCI, 1937, с. 328 и сл.

⁸ J e n s e n. Указ. раб., с. 118; F r i e d r i c h.—См. "Zeitschrift", XCI, 1937, с. 329 и сл. и с. 505; о н ж е. Указ. журн., XCII, 1938, с. 189—208.

⁹ F r i e d r i c h.—См. "Zeitschrift", XCI, 1937, с. 328, прим. 2 и с. 508; Joseph J o f f r e.—См. "Man", XLIII, 1943, с. 112; цитата из раб.: H. B a u m a n n, D. W e s t e r m a n n, R. T h u r n w a l d. Völkerkunde von Afrika. Essen, 1940, с. 380, которой мы не располагаем.

¹⁰ С м. F r i e d r i c h.—См. "Zeitschrift", XCI, 1937, с. 331 и указ. журн., XCII, 1938, с. 185, прим. 1.

¹¹ Joseph J o f f r e. A New West-African Alphabet: Used by the Toma...—"Man", XLIII, 1943, с. 108—112; о н ж е. Sur un nouvel alphabet ouest-africain: le Toma (frontière franco-libérienne).—"Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire", VII, 1945, с. 160—173.

¹² С м. J o f f r e в "Man", XLIII, с. 112 и A. L a s s o r t. L'écriture guerzée. (Première conférence internationale des africanistes de l'ouest, Comptes rendus, II). Paris, 1951, с. 209—215. Очень мало известно об употреблении письма бете на Берегу Слоновой Кости, которое изобрел в 1956 г. или примерно в это время туземец Фредерик Брюли-Буабре, получивший образование во французском учебном заведении. В сложившейся форме это письмо состоит из 401 слогового знака, по преимуществу пиктографического происхождения. Очень интересный документ с написанным Брюли-Буабре от руки описанием характера нового, изобретенного им письма опубликован в работе Моно (см. Th. M o n o d. Un nouvel alphabet ouest-africain: le bété (Côte d'Ivoire).—"Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire", XX, 1958, с. 432—553).

¹³ J e n s e n. Указ. раб., с. 112—115; D i r i n g e r. Указ. раб., с. 206 и сл.; F r i e d r i c h.—См. "Zeitschrift", XCI, 1937, с. 326 и сл.; Maurice D e l a f o s s e. Naissance et évolution d'un système d'écriture de création contemporaine.—"Revue d'ethnographie", III, 1922, с. 11—36; O. G. S. C r a w f o r d. The Writing of Njoya.—"Antiquity", IX, 1935, с. 435—442; I. D u g a s t et M. D. J e f f e r e y s. L'écriture des Bamum, sa naissance, son évolution, sa valeur phonétique, son utilisation (Mémoires de l'Institut Français d'Afrique Noire. Centre du Cameroun. Série: Populations, No 4), 1950; F r i e d r i c h.—См. "Zeitschrift", CIV, 1954, с. 317—325.

¹⁴ В новой системе слово mf'n 'царь', которое первоначально писали логографическим способом при помощи одного знака, теперь пишется четырьмя знаками: m-fu-'-n, точно таким же образом, как слово lam 'замужество, женитьба', которое пишется la-a-m. Описание этой системы дал Деллафосс (указ. раб., с. 17 и сл. и с. 33—36), однако в прекрасной во всем остальном работе Дюга и Джеффри, упомянутой в предыдущем примечании, она не рассматривается.

¹⁵ Р. Ф. Г. Адамс сообщил о новом искусственном языке и письме под названием "обери окайме", которому с 1936 г. обучали в школе одной христианской секты на крайнем юго-востоке Нигерии. Согласно работе Р. Ф. Г. Адамса (см. R. F. G. Adams. Oberi okaimé, a New African Language and Script.— "Africa", XVII, 1947, с. 24—34), «в письме, по-видимому, имеется 32 основных символа, в большинстве своем весьма странной формы, причем сюда входят также диакритические значки и специальные буквы. Все тридцать два символа имеют как строчную, так и прописную форму». Описание Адамса недостаточно, чтобы составить ясное представление о характере этого силлабария. Две слегка отличающиеся друг от друга разновидности нубийского алфавита, созданные, по всей видимости, на основе арабского алфавита, воспроизведены и описаны в работах Мак-Микаэля (см. H. A. MacMichael. A History of the Arabs in the Sudan. Cambridge, 1922, II, с. 328), М. Деллафосса (см. M. Delafosse в "Revue d'ethnographie et des traditions populaires", IV, 1923, с. 106 и сл.), М. Козна (см. M. Cohen. Inscriptions arabes en caractères séparés recueillies en Mauritanie par P. Boëry.— "Hespéris", XIV, 1932, с. 17—21, в частн. с. 18 и сл.). Письмо неизвестного характера и происхождения употребляется народностью оромо (галла) в Эфиопии. См. раб. A. d'Abbadie в "Bulletin de la Société de Géographie", 1842 (мне недоступна); цитируется Козном в "Hespéris", XIV, с. 20 и сл.

¹⁶ E. Cerulli. Tentativo indigeno di formare un alfabeto somalo.— "Oriente Moderno", XII, 1932, с. 212 и сл.; Friedrich.— "Zeitschrift", XCII, 1938, с. 186—189; Mario Maino. L'alfabeto "osmania" in Somalia.— "Rassegna di Studi Etiopici", X, 1951, с. 108—121.

¹⁷ Friedrich.— См. "Zeitschrift", XCII, 1938, с. 209—218, со ссылкой на публикацию русского исследователя В. Г. Богораз (автору недоступна)*.

¹⁸ "The Gospel in Many Languages" (Specimens of 665 Languages in Which the British and Foreign Bible Society Has Published or Circulated Some Portions of the Word of God. London, 1933, №№ 286 (Кору), 308 (Лак), 322 и сл. (Лису), 387 и сл. (Мяо), 442 (Носу), and 656 (На-хси)). Д. Дирингер в недавно опубликованной книге (D. D i-

* См. В. Г. Богораз в кн.: "Языки и письменность народов Севера" ("Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера. Труды по лингвистике", т. III, ч. 3, Ленинград, 1934, с. 5—46). В настоящее время найдено несколько тетрадей с записями Теневиля.— *Прим. перев.*

ringer. The Alphabet. London, 1948, с. 184 и сл. [Русск. перев.: Д. Д и р и н г е р. Алфавит. Москва, 1963, с. 173 и сл.]) коротко останавливается на некоторых из этих систем. Эти современные письменности отличаются от гораздо более старых письменностей некийтайских народностей¹ Китая, о которых кратко говорилось в прим. 30 к гл. III. Очень мало известно о письме, употребляемом в горах Чин в Бирме, которое, как утверждает вождь сектантского движения По Чин Хо, было ему открыто во сне божеством. Примерно с 1900 г. он стал предпринимать попытки создания различных вариантов письма; его третья и последняя редакция относится к 1931 г. Письмо состоит из 21 знака, имеющих структуру согласный плюс *a*, типа *pa*, *ka*, *la*; а различие между гласными передается при помощи семи дополнительных знаков; так, например, *pi* пишется *p(a)-i*. Письмо содержит девять знаков необычного типа, которые имеют структуру гласный плюс согласный, типа *ab*, *ag*, *ad*. Все знаки имеют линейную форму, очевидно, изобретенную произвольно, хотя некоторые знаки напоминают латинские буквы. См. "Census of India", 1931, vol. XI: Burma, part I (Report by J. J. Bennigon). Rangoon, 1933, с. 194 и сл. и с. 217 и сл.

¹⁹ Theodor-Wilhelm D a n z e l. Die Anfänge der Schrift. Leipzig, 1912, с. 219.

²⁰ J. M a c m i l l a n B r o w n. A New Pacific Ocean Script.— "Man", XIV, 1914, с. 89 и сл.; о н ж е. Peoples and Problems of the Pacific, I. London, 1927, с. 117—120. В работе Ризенберга (Saul H. R i e s e n b e r g) и Канесиро (Shigeru K a n e s h i r o) "A Caroline Islands Script" (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, Bulletin 173 (1960), с. 273—333) содержатся следующие сведения об этом письме: на островах бытуют два типа письма: более старое, письмо 2, состоящее из 19 знаков, форма которых разработана по образцу латинских букв, и более новое, письмо 1, насчитывающее минимум 78 знаков, которые изобретены произвольно. Эти знаки соответствуют слогам типа согласный плюс гласный. Распространение обоих типов письма, введенных на островах в период между 1907 и 1909 гг. в результате стимулирующего влияния с Запада, в настоящее время весьма ограничено. Сведениями о письменностях Каролинских островов я обязан г-дам Эрику П. Хэмпу и Саулу Х. Ризенбергу.

²¹ "Von Bilde zum Buchstaben". Leipzig, 1939, с. 44 и 52; это мнение поддержали И. Фридрих (в "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft" (XCV, 1941, с. 405)) и Г. Р. Драйвер (в раб.: G. R. D r i v e r. Semitic Writing. London, 1948, с. 138).

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VIII

¹ Alfred S c h m i t t. Die Erfindung der Schrift. Erlangen, 1938, с. 8.

² Arthur U n g n a d.— См.: "Reallexikon der Assyriologie", II,

1938, с. 92, и еще раньше — в: "Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes", XXXIV, 1927, с. 79 и сл.

³ См. W. Norman Brown. The Beginnings of Civilization in India.— "Journal of the American Oriental Society", Supplement to vol. LIX, No 4 (1939), с. 32—44; Henri Frankfort.— В книге: "Annual Bibliography of Indian Archaeology for the Year 1932", с. 1—12; он же. Cylinder Seals. London, 1939, с. 304—307; Heinz Mode. Indische Frühkulturen und ihre Beziehungen zum Westen. Basel, 1944.

⁴ Herlee Glessner Creel. Studies in Early Chinese Culture. Baltimore, 1937; он же. The Birth of China. London, 1936.

⁵ Такой подход мы видим, например, в работе Карла Бишоп (см. Carl W. Bishop. The Beginnings of Civilization in Eastern Asia.— "Journal of the American Oriental Society", Supplement to vol. LIX, No 4 (1939), с. 45—61.

⁶ Согласно точке зрения профессора Людвиг Баххофера; см. в предварительном порядке его статью: Ludwig Bachhofer. Zur Frühgeschichte Chinas.— "Die Welt als Geschichte", III, 1937, с. 257—279, в частности с. 279.

⁷ Например, Terrien de Lacouperie. Western Origin of the Chinese Civilization. London, 1894; он же. The Old Babylonian Characters and Their Chinese Derivates.— "The Babylonian and Oriental Record", II, 1887—1888, с. 73—99, а также C. J. Ball. Chinese and Sumerian. Oxford, 1913.

⁸ H. Frankfort. The Origin of Monumental Architecture in Egypt.— "American Journal of Semitic Languages and Literature", LVIII, 1941, с. 329—358; A. Schaff. Die Frühkulturen Ägyptens und Mesopotamiens.— "Der Alte Orient", XLI. Leipzig, 1941. См. также Helene J. Kantor. The Early Relations of Egypt with Asia.— "Journal of Near Eastern Studies", I, 1942, с. 174—213, а также работы "The Aegean and the Orient in the Second Millenium B. C." — "American Journal of Archaeology", LI, 1947, с. 1—103.

⁹ См. A. Schaff. Die Entstehungszeit der ägyptischen Hieroglyphenschrift in archäologischer Beleuchtung.— "Forschungen und Fortschritte", XVIII, 1942, с. 172 и сл., а также более подробно у него же в "Archäologische Beiträge zur Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift" (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Abt., 1942, Heft 3).

¹⁰ I. J. Gelb. Hittite Hieroglyphs, I. Chicago, 1939, с. 81.

¹¹ Helmuth Th. Bossert. Santaš und Kupapa. Leipzig, 1932, с. 7 и сл.

¹² Мой подход к проблеме моногенеза письма в основе своей полностью совпадает со взглядом, выраженным в работе А. Л. Крёбера (см. A. L. Kroeber. Stimulus Diffusion.— "American Anthropologist", n. s. XLII, 1940, с. 1—20), которая стала мне известна лишь после завершения рукописи. Я, однако, не могу претендовать на абсолютную оригинальность, так как вполне возможно, что стимулирующее влияние, побудившее меня написать о зна-

чении стимулирующего влияния, оказал на меня косвенно Крёбер через коллег в Отделе Антропологии, с которыми я беседовал на эту тему.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IX

¹ James H. Breasted. *The Conquest of Civilization*. New York, 1926, с. 53 и сл.

² T. E. Lawrence. *Seven Pillars of Wisdom*. London, 1935, с. 25.

³ Leonard Bloomfield. *Language*. New York, 1933, с. 292 и сл. [Русск. перев.: Л. Блумфилд. *Язык*. Москва, 1968.]

⁴ Указ. раб., с. 448 и 494.

⁵ См. F. W. von Bissing, Albert Rehm, Helmut Arntz, статьи о художественном значении письма, опубликованные в справочном издании Walter Otto. *Handbuch der Archäologie*, I, München, 1939, с. 174 и сл., 213 и сл., 348 и сл.; см. также статью "Schrift als Ornament" в ежегоднике "Buch und Schrift" (*Jahrbuch des Deutschen Vereins für Buchwesen und Schrifttum*), II, 1928.

⁶ См., например, Samuel Flury. *Le décor épigraphique des monuments fatimides du Caire*. — "Syria", XVII, 1936, с. 365—376; Ernst Kühnel. *Islamische Schriftkunst*. Berlin — Leipzig, 1942, с. 77 и сл.; Kurt Erdmann. *Arabische Schriftzeichen als Ornamente in der abendländischen Kunst des Mittelalters*. Wiesbaden, 1953.

⁷ B. L. Ullmann. *Ancient Writing and Its Influence*. New York, 1932, с. 118 и сл.

⁸ См. полные данные в книге: A. Bertholet. *Die Macht der Schrift in Glauben und Aberglauben* ("Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philos.-hist. Klasse". Jahrgang 1948, No 1; Berlin, 1949); об отношении к письму в мусульманской традиции см.: H. A. Winkler. *Siegel und Charaktere in der muhammedanischen Zauberei*. Berlin und Leipzig, 1930.

⁹ Другие примеры см. в книге: Franz Dornseiff. *Das Alphabet in Mystik und Magie* (2. Aufl.). Berlin, 1925, с. 2—10.

¹⁰ Joseph Joffre, Théodore Monod. *A New West-African Alphabet: Used by the Toma, French Guinea and Liberia*. — "Man", XLIII, 1943, с. 108—112.

¹¹ Как замечено Дорнзейфом (указ. раб., с. 5).

¹² Lucien Lévy-Bruhl. *La mentalité primitive* (4e ed.). Paris, 1925, с. 424—433.

¹³ "Annual Report of the Smithsonian Institution for the Year 1864", с. 379.

¹⁴ Baldwin Spencer. *Native Tribes of the Northern Territory of Australia*. London, 1914, с. 36.

¹⁵ Erland Nordenskiöld. *Picture-Writing and Other Documents by Nélé and Ruben Pérez Kantule*. Göteborg, 1928, с. 18 и сл.

¹⁶ François H a a b. Divination de l'alphabet latin. Paris, 1948, с. 9.

¹⁷ Церемония освящения описана в газете "The Times" от 29 июня 1910 г. Пересказ этого сообщения см. у S. H. Нооке в "Antiquity", XI, 1937, с. 261. Такой обычай известен и в других местах; см. сообщение Мадзони, изложенное в книге: David D i r i n g e r. L'alfabeto nella storia della civiltà (Firenze, 1937), с. XLIII и сл.

¹⁸ Lucien L é v y - B r ü h l. How Natives Think. London, 1926, с. 179.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ X

¹ Marion L. S t a r k e y. The Cherokee Nation. New York, 1946. с. 85.

² См. "L'adoption universelle des caractères latins" (ed. par La Société des Nations. Institut International de Cooperation Intellectuelle). Paris, 1934.

³ (Otto J e s p e r s e n, Holger P e d e r s e n). Phonetic Transcription and Transliteration. Supplement to "Maître phonétique". Oxford, 1926.

⁴ Mark T w a i n. What is Man? and Other Essays (New York and London, 1917), с. 262.

⁵ Профессор Джордж Леви Делла Вида обратил мое внимание на то, что выражение "зримая (видимая) речь" заимствовано у Данте; ср. "visibile parlare" в "Purgatorio", 10, 95, где Данте предвосхищает кинематограф.

⁶ Henry S w e e t. A Primer of Phonetics (3rd ed.). Oxford, 1906, с. 1.

⁷ S w e e t. Указ. раб. и Wilhelm V i ë t o r. Elemente der Phonetik (6. Aufl.). Leipzig, 1915, с. 16 и сл.

⁸ Ralph K. P o t t e r. Visible Patterns of Sound.— "Science", CII, 1945, с. 463—470; R. K. P o t t e r, G. A. К о р р, H. C. G r e e n. Visible Speech. New York, 1947.

⁹ Otto J e s p e r s e n. Lehrbuch der Phonetik (2. Aufl.). Leipzig und Berlin, 1913, а также V i ë t o r. Указ. раб., с. 17 и сл.

¹⁰ Kenneth L. P i k e. Phonetics. Ann Arbor, 1943, с. 155.

¹¹ Th. W. D a n z e l. Die Anfänge der Schrift. Leipzig, 1912, с. 212—218.

¹² Otto N e u r a t h. International Picture Language. London, 1936; он же. Basic by Isotype. London, 1937.

¹³ Указ. раб., с. 263.

ХII.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ

- Philippe Berger. Histoire de l'écriture dans l'antiquité (2-е изд.). Paris, 1892.
- Aloys B ö m e r. Die Schrift und ihre Entwicklung.—In: "Handbuch der Bibliothekswissenschaft", hrsg.von F. Milkau, I. Leipzig, 1931, S. 27—149 (2-е изд., ред. Walter Menn; Wiesbaden, 1952).
- Joseph B o ü ü a e r t. Petite histoire de l'alphabet. Bruxelles, 1949.
- P. E. C l e a t o r. Lost Languages. London, 1959.
- Edward C l o d d. The Story of the Alphabet (3-е изд.). New York, 1938.
- Marcel C o h e n. L'écriture. Paris, 1953.
- Marcel C o h e n. La grande invention de l'écriture et son évolution. (Три тома: Texte, Documentation et index, Planches). Paris, 1958.
- Th. W. D a n z e l. Die Anfänge der Schrift (2-е изд.). Leipzig, 1929.
- Hermann D e g e r i n g. Die Schrift, Atlas der Schriftformen des Abendlandes vom Altertum bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1929 (3-е изд.— в 1952).
- Hermann D e l i t z s c h. Geschichte der abendländischen Schreibschriftformen. Leipzig, 1928.
- David D i r i n g e r. L'alfabeto nella storia della civiltà. Firenze, 1937.
- David D i r i n g e r. The Alphabet. A Key to the History of Mankind. London and New York, 1948 (2-е изд.— в 1949). Русский перевод: Д. Д и р и н г е р. Алфавит. Москва, 1963.
- David D i r i n g e r. The Story of the Aleph Beth. London, 1958.
- David D i r i n g e r. Writing. London, 1962.
- Ernst D o b l h o f e r. Voices in Stone. The Decipherment of Ancient Scripts and Writings. London and New York, 1961. (Перевод соч. D o b l h o f e r. Zeichen und Wunder. Wien, Berlin, Stuttgart, 1957).
- Franz D o r n s e i f f. Das Alphabet in Mystik und Magie (2-е изд.). Leipzig und Berlin, 1925.
- Max E b e r t.—"Reallexikon der Vorgeschichte", XI (1927—1928), S. 315—366: article "Schrift" by Thurnwald, Sundwall, Roeder, J. Pedersen, F. Hiller von Gaertringen und J. de C. Serra-Ràfols.
- Ben E n g e l h a r t, Frans de C l e r c q. 50 eeuwen schrift. Een inleiding tot de geschiedenis van het schrift. Utrecht, 1956.
- Carl F a u l m a n n. Illustrierte Geschichte der Schrift. Wien, Pest, Leipzig, 1880.
- James G. F é v r i e r. Histoire de l'écriture. Paris, 1948. Новое издание — в 1959.
- Charles F o s s e y. Notices sur les caractères étrangers anciens et modernes, rédigés par un groupe de savants. Paris, 1927. Новое издание — в 1948.
- J. F r i e d r i c h. Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen. Berlin, 1954. А также американское издание: Extinct Languages. New York, 1957. Русский перевод: И. Ф р и д р и х. Дешифровка забытых письменностей и языков. Москва, 1961. См. также перевод более поздней книги того же автора: И. Ф р и д р и х. История письма. Москва, 1979.

I. J. Gelb. Von der Keilschrift zum Alphabet. Grundlagen einer Sprachwissenschaft. Stuttgart, 1958. Перевод и исправленное издание книги: I. J. Gelb. A Study of Writing.

Walter James Hoffman. The Beginnings of Writing. New York, 1895. Lancel of Hogben. From Cave Painting to Comic Strip. New York, 1949.

В. А. Истрин. Развитие письма. Москва, 1961.

Hans Jensen. Geschichte der Schrift. Hannover, 1925.

Hans Jensen. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. Glückstadt und Hamburg, 1935 (2-е изд.— в 1958.)

Frederic G. Kenyon. Ancient Books and Modern Discoveries. Chicago, 1927.

Wilhelm H. Lange. Schriftfibel. Geschichte der abendländischen Schrift von den Anfängen bis zur Gegenwart (3-е изд.). Wiesbaden, 1952.

С. R. Lepsius. Standard Alphabet (2-е изд.). London and Berlin, 1863.

С. Lоukоtkа. Vývoj písma. Praha, 1946. Русский перевод: Ч. Лоукотка. Развитие письма. Москва, 1950.

William A. Mason. A History of the Art of Writing. New York, 1920.

Annelise Modrzejewski. Zum Problem der Schrift. Ein Beitrag zur Theorie der Entzifferung (Dissertation). Breslau, 1930.

A. C. Moorhouse. Writing and Alphabet. London, 1946.

A. C. Moorhouse. The Triumph of the Alphabet. A History of Writing. New York, 1953.

Hubert Nélis. L'écriture et les scribes. Bruxelles, 1918.

George F. von Ostermann and A. E. Giegengack. Manual of Foreign Languages for the Use of Printers and Translators (3-е изд.— Washington, 1936; 4-е изд.— в 1952).

Walter Otto. "Handbuch der Archäologie", I. München, 1939. S. 147—356: статьи: F. W. von Bissing'a, A. Rehm'a, E. Pernice'a и H. Arntz'a.

Holger Pedersen. Linguistic Science in the Nineteenth Century. Cambridge, 1931, chap. VI, pp. 141—239: "Inscriptions and Archaeological Discoveries. The Study of the History of Writing".

Alfred Petráň. Schrift und Schriften im Leben der Völker. Essen, 1939 (2-е изд.— в 1944.)

W. M. Flinders Petrie. The Formation of the Alphabet (British School of Archaeology in Egypt. Studies Series, III). London, 1912.

Paul Sattler, Götz v. Selle. Bibliographie zur Geschichte der Schrift bis in das Jahr 1930.— "Archiv für Bibliographie", Beiheft 17, Linz a. D., 1935.

Alfred Schmitt. Die Erfindung der Schrift (Erlanger Universitäts-Reden, 22). Erlangen, 1938.

O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, II. Berlin und Leipzig, 1929, S. 338—353: статья "Schreiben und Lesen".

Kurt Sethe. Vom Bilde zum Buchstaben. Die Entwicklungsgeschichte der Schrift. (Mit einem Beitrag von Siegfried Schott).— "Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens", XII. Leipzig, 1939.

R. Stübe. Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Schrift. ("Monographien des Buchgewerbes", VI). Leipzig, 1913.

R. Stübe. Der Ursprung des Alphabets und seine Entwicklung. Berlin, 1921.

Isaac Taylor. The Alphabet (2 тома). London, 1883.

Isaac Taylor. The History of the Alphabet (2 тома). New York, 1899.

Jan Tschichold. Geschichte der Schrift in Bildern. Basel, 1940. (2-е нем. изд.— в 1946 г.: "An Illustrated History of Writing and Letters". London, 1946.)

B. L. Ullman. Ancient Writing and Its Influence. New York, 1932.

Karl Weule. Vom Kerbstock zum Alphabet (20-е изд.; Stuttgart, 1926?).

H. S. Williams. The History of the Art of Writing. Manuscripts, inscriptions and monuments, etc. (4 тома). London and New York, 1901—1908.

Heinrich Wuttke. Die Entstehung der Schrift. Die verschiedenen Schriftsysteme. Leipzig, 1877.

Н. В. Юшманов. Ключ к латинским письменностям земного шара. М.—Л., 1941.

ПРИМИТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

Henri Breuil. Four Hundred Centuries of Cave Art. Montignac, 1952 (Перевод с французского).

L. S. Cressman. Petroglyphs of Oregon. Eugene, 1937.

Daniel S. Davidson. Aboriginal Australian and Tasmanian Rock Carvings and Paintings.—"Memoirs of the American Philosophical Society", V. Philadelphia, 1936.

Selvyn Dewdney and Kenneth E. Kidd. Indian Rock Paintings of the Great Lakes. Toronto, 1962.

G. B. M. Flamand. Les pierres écrites. Gravures et impressions rupestres du Nord-Africain. Paris, 1921.

Leo Frobenius and Douglas C. Fox. Prehistoric Rock Pictures in Europe and Africa. New York, 1937.

W. G. Hellinga. Péetroglyphes caraïbes: problème sémiologique.—"Lingua", IV, 1954, pp. 121—165.

A. T. Jackson. Picture-Writing of Texas Indians. Austin, 1938.

Theodor Koch-Grünberg. Südamerikanische Felszeichnungen. Berlin, 1907.

Herbert Kühn. Die Felsbilder Europas. Stuttgart, 1952.

E. Lohse. Versuch einer Typologie der Felszeichnungen (Dissertation). Leipzig, 1934.

Garrick Mallery. Pictographs of the North American Indians (A Preliminary Paper). (Fourth Annual Report of the Bureau of Ethnology, Smithsonian Institution). Washington, 1886, pp. 1—256.

Garrick Mallery. Picture-Writing of the American Indians (Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnology). Washington, 1893; pp. 1—822.

Erland Nordenskiöld. The Secret of the Peruvian Quipus ("Comparative Ethnographical Studies", 6, Part 1). Göteborg, 1925.

Erland Nordenskiöld. Picture-Writings and other Documents by Nèle and Ruben Pérez Kantule ("Comparative Ethnographical Studies", 7, Part 1). Göteborg, 1928.

E. B. Renard. Indian Petroglyphs from the Western Plains.—In: "Seventieth Anniversary Volume Honoring Edgar Lee Hewett", Albuquerque, New Mexico, 1939, pp. 295—310.

Henry R. Schoolcraft. Historical and Statistical Information Respecting the History, Condition and Prospects of the Indian Tribes of the United States, Part I. Philadelphia, 1851.

Julian H. Steward. Petroglyphs of California and Adjoining States.—In: "University of California Publications in American Archaeology and Ethnology", XXIV, 1929, pp. 47—239.

Julian H. Steward. Petroglyphs of the United States.—In: "Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the Year 1936". Washington, 1937, pp. 405—425.

André Varnaguet et al. L'homme avant l'écriture. Paris, 1959.

ПИСЬМЕННОСТИ АСТЕКОВ И МАЙЯ

T. S. Barthel. Die gegenwärtige Situation in der Erforschung der Maya-Schrift.—"Journal de la Société des Américanistes", n. s. XLV, 1956, pp. 219—227.

Hermann Beyer. The Analysis of the Maya Hieroglyphs.—"Internationales Archiv für Ethnographie", XXXI, 1932, pp. 1—20.

Daniel G. Brinton. A Primer of Mayan Hieroglyphics (Publications of the University of Pennsylvania Series in Philology, Literature and Archaeology, III, 2). Boston, 1895.

Th. W. Danz. Handbuch der präkolumbischen Kulturen in Lateinamerika. Hamburg und Berlin, 1927.

Ю. В. Кнорозов. Древняя письменность Центральной Америки.—"Советская этнография", 1952, вып. 3, с. 100—118.

Ю. В. Кнорозов. Письменность древних майя, опыт расшифровки.— "Советская этнография", 1955, вып. 1, с. 94—125.

Yuriy V. Knorozov. New Data on the Maya Written Language.— "Journal de la Société des Américanistes", n. s. XLV, 1956, pp. 209—216. (Proceedings of the Thirty-second International Congress of Americanists, Copenhagen, 1958, p. 467—475).

Yuriy V. Knorozov. The Problem of the Study of the Maya Hieroglyphic Writing.— "American Antiquity", XXIII, 1958, pp. 284—291.

Richard C. E. Long. Maya and Mexican Writing.— "Maya Research", II, 1935, pp. 24—32.

Richard C. E. Long. Maya Writing and Its Decipherment.— "Maya Research", III, 1936, pp. 309—315.

Sylvanus G. Morley. An Introduction to the Study of the Maya Hieroglyphs. Washington, 1915.

Sylvanus G. Morley. The Ancient Maya (Stanford University Press, 1947).

P. Schellhas. Fifty Years of Maya Research.— "Maya Research", III, 1936, pp. 129—139.

Eduard Seler. Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Altertumskunde (5 томов). Berlin, 1902—1923.

J. Eric S. Thompson. Maya Hieroglyphic Writing. Introduction. Washington, D. C., 1950; 2-е изд.— Norman, Oklahoma, 1960.

J. Eric S. Thompson. A Catalogue of Maya Hieroglyphs. Norman, Oklahoma, 1962.

Alfred M. Tozzer. The Value of Ancient Mexican Manuscripts in the Study of the General Development of Writing.— In: "Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the Year 1911". Washington, 1912, pp. 493—506.

Alfred M. Tozzer. Maya Research.— "Maya Research", I, 1934, pp. 3—19.

Benjamin L. Whorf. Maya Writing and Its Decipherment.— "Maya Research", II, 1935, pp. 367—382.

Benjamin L. Whorf. Decipherment of the Linguistic Portion of the Maya Hieroglyphs.— "Annual Report of the Smithsonian Institution", 1941, pp. 479—502.

Günter Zimmermann. Die Hieroglyphen der Maya-Handschriften. Hamburg, 1956.

МЕСОПОТАМСКАЯ КЛИНОПИСЬ

G. A. Barton. The Origin and Development of Babylonian Writing (2 тома). Leipzig, 1913.

Franz Baye r. Die Entwicklung der Keilschrift.— "Orientalia", XXV. Roma, 1927.

Cumberland Clark. The Art of Early Writing. With Special Reference to the Cuneiform System. London, 1938.

G. Contenau. Les débuts de l'écriture cunéiforme.— "Revue des études sémitiques", 1940, pp. 55—67.

Anton Deimel. Keilschrift-Palaeographie. Roma, 1929.

E. Dhorme. L'écriture et la langue assyro-babyloniennes.— "Revue d'assyriologie", XL (1945—1946), pp. 1—16.

A. Falkenstein. Archaische Texte aus Uruk. Leipzig, 1936.

Charles Fossey. Manuel d'assyriologie (2 тома). Paris, 1904—1926.

I. J. Gelb. Memorandum on Transliteration and Transcription of Cuneiform, submitted to the 21st International Congress of Orientalists. Paris (Chicago, 1948). Отпечатано на поратопе.

René Labat. Manuel d'épigraphie akkadienne. Paris, 1948.

L. Messerschmidt. Die Entzifferung der Keilschrift.— "Der Alte Orient", V, 2, Leipzig, 1903.

M. Ritten. Notes de paléographie cunéiforme.— "Revue des études sémitiques", 1940, pp. 1—53.

F. Thureau-Dangin. Recherches sur l'origine de l'écriture cunéiforme. Paris, 1898.

Eckhard Ung er. Die Keilschrift. Leipzig, 1929.

Eckhard Ung er. Keilschrift-Symbolik. Berlin, 1940.

ЕГИПЕТСКАЯ ИЕРОГЛИФИКА

W. F. Alb right. The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography. New Haven, 1934.

W. F. Edgerton. Egyptian Phonetic Writing, from Its Invention to the Close of the Nineteenth Dynasty.—"Journal of the American Oriental Society", LX, 1940, pp. 473—506.

A. E r m a n. Die Hieroglyphen (Neudruck). Berlin und Leipzig, 1917.

H. W. F a i r m a n. An Introduction to the Study of Ptolemaic Signs and Their Values.—"Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire", XLIII, 1945, pp. 51—138.

A. H. G a r d i n e r. The Nature and Development of the Egyptian Hieroglyphic Writing.—"Journal of Egyptian Archaeology", II, 1915, pp. 61—75.

H. K e e s, S. S c h o t t, H. B r u n n e r, E. O t t o, S. M o r e n z. Ägyptische Schrift und Sprache. (Handbuch der Orientalistik, hrsg. von B. Spuler, Erste Abt., Erster Bd., Erster Abschnitt). Leiden, 1959.

Pierre L a c a u. Sur le système hiéroglyphique (Institut Français d'Archéologie Orientale. Bibliothèque d'Étude, T. XXV), Le Caire, 1954.

E. N a v i l l e. L'écriture égyptienne. Paris, 1926.

A. S c h a r f f. Archäologische Beiträge zur Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift (Sitzungsberichte der Bayer. Akad. d. Wiss., Philos.-hist. Abt., 1942, Heft 3).

Siegfried S c h o t t. Untersuchungen zur Schriftgeschichte der Pyramidentexte (Dissertation). Heidelberg, 1926.

Siegfried S c h o t t. Hieroglyphen. Untersuchungen zum Ursprung der Schrift (Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, "Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse", Jahrgang 1950, Nr. 24).

Kurt S e t h e. Das hieroglyphische Schriftsystem.— In: "Leipziger Ägyptologische Studien", Heft 3. Glückstadt und Hamburg, 1935.

H. S o t t a s, E. D r i o t o n. Introduction à l'étude des hiéroglyphes. Paris, 1922.

Walter T i l l. Vom Wesen der ägyptischen Schrift.—"Die Sprache", III, 1956, S. 207—215.

ХЕТТСКАЯ ИЕРОГЛИФИКА

H. Th. B o s s e r t. Šantaš und Kupapa.— In: "Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft", VI, 3, Leipzig, 1932.

E. O. F o r r e r. Die hethitische Bilderschrift.—"Studies in Ancient Oriental Civilization", No. 3, Chicago, 1932.

J. F r i e d r i c h. Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift (Sonderheft 3 der Zeitschrift "Die Welt als Geschichte", Stuttgart, 1939).

Ignace J. G e l b. Hittite Hieroglyphs.—"Studies in Ancient Oriental Civilization", Nos. 2, 14, 21. Chicago, 1931—1942.

Ignace J. G e l b. The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite.—"Bibliotheca Orientalis", VII, 1950, pp. 129—141.

B. H r o z n ý. Les inscriptions hittites hiéroglyphiques (3 тома). Praha, 1933—1937.

Emmanuel L a r o c h e. Les hiéroglyphes hittites. Première partie: L'écriture. Paris. 1960.

P. M e r i g g i. Die längsten Bauinschriften in "hethitischen" Hieroglyphen nebst Glossar zu sämtlichen Texten.— In: "Mitteilungen der Vorderasiatisch-ägypt-

tischen Gesellschaft“, XXXIX, 1, Leipzig, 1934. Глоссарий был переиздан под заглавием: „Hieroglyphisch-hethitisches Glossar“ (2-е изд.). Wiesbaden, 1962.

P. Meriggi. Listes des hiéroglyphes hittites.— „Revue hittite et asianique“, IV, 1937, pp. 69—114 и 157—200.

КИТАЙСКОЕ ПИСЬМО

Peter Boodberg. Some Proleptical Remarks on the Evolution of Archaic Chinese.— „Harvard Journal of Asiatic Studies“, II, 1937, pp. 329—372.

Peter Boodberg. „Ideography“ or Iconolotry? — „T'oung Pao“, XXXV, 1940, pp. 266—288.

Herrlee G. Creel. On the Nature of Chinese Ideography.— „T'oung Pao“, XXXII, 1936, pp. 85—161.

Herrlee G. Creel. On the Ideographic Element in Ancient Chinese.— „T'oung Pao“, XXXIV, 1938, pp. 265—294.

Bernhard Karlgren, Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923.

Bernhard Karlgren. Sound and Symbol in Chinese. London, 1923.

Bernhard Karlgren. Philology and Ancient China. Oslo, 1926.

Bernhard Karlgren. Grammatica Serica, Script and Phonetics in Chinese and Sino-Japanese.— „Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities“, No. 12. Stockholm, 1940.

P. Pelliot. Brèves remarques sur le phonétisme dans l'écriture chinoise.— „T'oung Pao“, XXXII, 1936, pp. 162—166.

A. von Rosthorn. Zur Geschichte der chinesischen Schrift.— „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“, XLVIII, 1941, S. 121—142.

Bruno Schindler, несколько статей в „Ostasiatische Zeitschrift“, 1914—1918.

Tai T'ung. The Six Scripts, Or the Principles of Chinese Writing (Перевод L. C. Hopkins'a). Cambridge, 1954.

Tchang Tcheng-Ming. L'écriture chinoise et le geste humain. Shanghai—Paris (без даты, около 1939 г.?)

ПРОТОЭЛАМСКОЕ ПИСЬМО

F. Bork. Die Strichinschriften von Susa. Königsberg, 1924.

William C. Brice. The Writing System of the Proto-Elamite Account Tablets of Susa.— „Bulletin of the John Rylands Library, Manchester“, XL, 1962, pp. 15—39.

C. Frank. Elam. Schrift.— В изд.: Max Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, III, 1925, S. 83 f.

Walther Hinz. Zur Entzifferung der elamischen Strichschrift.— „Iranica Antiqua“, II, 1962, S. 1—21.

ПРОТОИНДСКОЕ ПИСЬМО

H. Heras. La escritura proto-Indica y su desciframiento.— „Ampurias“, I, 1939, pp. 5—81.

B. Hrozný. Inschriften und Kultur der Proto-Inder... — „Archiv Orientální“, XII, 1941, S. 192—259; XIII, 1942, S. 1—102.

G. R. Hunter. The Script of Harappa and Mohenjodaro and Its Connection with Other Scripts. London, 1934.

Ernest J. H. Mackay. Further Excavations at Mohenjo-Daro (2 тома). Delhi, 1937—1938.

Ernest J. H. Mackay. Chanhu-Daro Excavations 1935—1936. New Haven, 1943.

John Marshall. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization (3 тома). London, 1931.

P. Meriggi. Zur Indus-Schrift.— "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", LXXVII, 1934, S. 198—241. [Русский перевод: П. Мериджи. О письменности долины Инда.— В сб. "Тайны древних письмен", Москва, 1976, с. 488—494.]

Heinz Mode. Indische Frühkulturen und ihre Beziehungen zum Westen. Basel, 1944.

Madho Sarup Vats. Excavations at Harappā (2 тома). Calcutta, 1940.

КРИТСКОЕ ПИСЬМО

Emmett L. Bennett. The Pylos Tablets. Texts of Inscriptions Found 1939—1954. Princeton, 1955.

W. C. Brice. Inscriptions in the Minoan Linear Script of Class A. Oxford, 1961.

John Chadwick. The Decipherment of Linear B. Cambridge, 1958. [Русск. перевод второго издания: Джон Чэдвик. Дешифровка линейного письма Б.— В сб.: "Тайны древних письмен", Москва, 1976, с. 105—251].

John Chadwick and Michael Ventris. Greek Records in the Minoan Script.— "Antiquity", XXVII, 1953, pp. 196—206.

Fernand Chautier. Les écritures minoennes au palais de Mallia (École Française d'Athènes. Études crétoises, II). Paris, 1930.

Sterling Dow. Minoan Writing.— "American Journal of Archaeology", LVIII, 1954, pp. 77—129.

Arthur J. Evans. Scripta Minoa (2 тома). Oxford, 1909—1952.

Arthur J. Evans. The Palace of Minos (4 тома и указатель). London, 1921—1936.

Arne Furumark. Linear A und die altkretische Sprache, Entzifferung und Deutung (2 части, опечатано на портоге). Berlin, 1956.

G. P. Gould and M. Pope. Preliminary Investigations into the Cretan Linear A Script (опечатано на портоге; University of Cape Town, 1955).

A. E. Kobber. The Minoan Scripts: Fact and Theory.— "American Journal of Archaeology", LII, 1948, p. 82—103, а также указ. журнал, XLVIII, 1944, pp. 64—75; XLIX, 1945, pp. 143—151 и L, 1946, pp. 268—267.

Michel Lejeune (ed.). Études mycéniennes.— In: "Actes du Colloque International sur les Textes Mycéniens". Paris, 1956.

Michel Lejeune. Mémoires de philologie mycénienne. Première série. Paris, 1958, в частн. с. 321—330.

P. Meriggi. Primi elementi di Minoico A. Salamanca, 1956.

Leonard R. Palmer. Mycenaean and Minoan. London, 1961.

Axel W. Persson. Schrift und Sprache in Alt-Kreta (Uppsala Universitets Årsskrift, 1930, No. 3).

Emilio Peruzzi. Le iscrizioni minoiche. Firenze, 1960.

G. Pugliese Carratelli. Le iscrizioni preelleniche de Haghia Triada in Creta a della Grecia peninsulare.— "Monumenti Antichi", XI, 4^a, pp. 421—610.

G. Pugliese Carratelli. La decifrazione dei testi micenei e il problema della lineare A.— "Annuario della Scuola Archeologica di Atene", XIV—XVI, 1952—1954, pp. 7—21.

J. Sundwall. Die kretische Linearschrift.— "Jahrbuch des K. Deutschen Archäologischen Instituts", XXX, 1915, S. 41—64.

J. Sundwall. Der Ursprung der kretischen Schrift. (Acta Academiae Aboensis. Humaniora, I, 2, 1920).

J. Sundwall. Kretische Schrift.— In: Max Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, VII. Berlin, 1926, S. 95—101.

J. Sundwall. Methodische Bemerkungen zur Entzifferung minoischer Schriftdenkmäler.— "Eranos", XLV, 1947, S. 1—12.

Michael Ventris. King Nestor's Four-Handled Cups.— "Archaeology", VII, 1954, pp. 15—21.

Michael Ventris and John Chadwick. Evidence for Greek Dialects in the Mycenaean Archives.—"Journal of Hellenic Studies", LXXIII, 1953, pp. 84—105.

Michael Ventris and John Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956.

ПРОИЗВОДНЫЕ КЛИНОПИСНЫЕ СИЛЛАБАРИИ

George C. Cameron. Persepolis Treasury Tablets.— In: Oriental Institute Publications, LXV, Chicago, 1948.

Johannes Friedrich. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. Berlin, 1932.

Friedrich Wilhelm König. Corpus inscriptionum Elamitarum. Hannover, 1928.

C. Lehmann-Haupt. Corpus inscriptionum Chaldaicarum. Berlin und Leipzig, 1928—.

E. A. Speiser. Introduction to Hurrian. (In: "The Annual of the American Schools of Oriental Research", XX, New Haven, Conn., 1941).

ЗАПАДНОСЕМИТСКИЕ СИЛЛАБАРИИ

W. F. Albright. New Light on the Early History of Phoenician Colonization.—"Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No. 83, 1941, pp. 14—22.

W. F. Albright. The Phoenician Inscriptions of the Tenth Century B. C. from Byblos.—"Journal of the American Oriental Society", LXVII, 1947, pp. 153—160.

W. F. Albright. The Early Alphabetic Inscriptions from Sinai and Their Decipherment.—"Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No. 110, 1948, pp. 6—22.

H. Bauer. Zur Entzifferung der neuentdeckten Sinaischrift und zur Entstehung des semitischen Alphabets. Halle, 1918.

H. Bauer. Das Alphabet von Ras Shamra. Halle, 1932.

H. Bauer. Der Ursprung des Alphabets.—"Der Alte Orient", XXXVI, 1/2, Leipzig, 1937.

Augustin Bea. Die Entstehung des Alphabets. Eine kritische Übersicht.—"Miscellanea Giovanni Mercati", vol. VI=Studi e Testi, 126 (Città del Vaticano, 1946), pp. 1—35.

A. van den Branden. L'origine des alphabets protosinaïtiques, arabes pré-islamiques et phéniciens.—"Bibliotheca Orientalis", XIX, 1962, p. 198—206.

Frank M. Cross. The Evolution of the Proto-Canaanite Alphabet.—"Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No. 134, 1954, pp. 15—24.

Frank M. Cross and Thomas O. Lambdin. An Ugaritic Abecedar and the Origins of the Proto-Canaanite Alphabet.—"Bulletin of the American Schools of Oriental Research", No. 160, 1960, pp. 21—26.

E. Dhorme. Langues et écritures sémitiques. Paris, 1931.

D. Drieger. The Origins of the Alphabet.—"Antiquity", XVII, 1943, pp. 77—90 и 208 и сл.

D. Drieger. The Palestinian Inscriptions and the Origin of the Alphabet.—"Journal of the American Oriental Society", LXIII, 1943, pp. 24—30.

D. Drieger. Problems of the Present Day on the Origin of the Phoenician Alphabet.—"Journal of World History", IV/1, 1957, pp. 40—58.

G. R. Driver. Semitic Writing. From Pictograph to Alphabet. London, 1948. Испр. изд.—в 1954.

M. Dunand. Byblia grammata. Documents et recherches sur le développement de l'écriture en Phénicie. Beyrouth, 1945.

R. Dussaud. L'origine de l'alphabet et son évolution première d'après les découvertes de Byblos.—"Syria", XXV (1946—1948), pp. 36—52.

James G. Février. La genèse de l'alphabet.— In: Conférences de l'Institut de Linguistique de l'Université de Paris, VI, 1938, pp. 21—39.

- James G. F é v r i e r. Les fouilles de Byblos et la date de l'alphabet phénicien.— "Journal asiatique", CCXXXVI, 1948, pp. 1—10.
- John W. F l i g h t. The Present State of Studies in the History of Writing in the Near East (The Haverford Symposium on Archaeology and the Bible). New Haven, 1938, pp. 111—135.
- J. F r i e d r i c h. Einige Kapitel aus der inneren Geschichte der Schrift.— "Archiv für Schreib- und Buchwesen", n. F. II, 1935, S. 8—18.
- A. H. G a r d i n e r. The Egyptian Origin of the Semitic Alphabet.— "Journal of Egyptian Archaeology", III, 1916, pp. 1—16.
- T. H. G a s t e r. The Chronology of Palestinian Epigraphy.— In: Palestine Exploration Fund Quarterly Statement, 1935, pp. 128—140 и 1937, pp. 43—58.
- I. J. G e l b. New Evidence in Favor of the Syllabic Character of West Semitic Writing.— "Bibliotheca Orientalis", XV, 1958, pp. 2—7.
- J. L e i b o v i t c h. Les inscriptions Protosinaitiques.— "Mémoires présentés à l'Institut d'Égypte", XXIV, 1934.
- M. L i d z b a r s k i. Ephemeris für semitische Epigraphik (3 toma). Giessen, 1902—1915.
- B. M a i s l e r. Zur Urgeschichte des phönizisch-hebräischen Alphabets.— "Journal of the Palestine Oriental Society", XVIII, 1938, pp. 278—291.
- B. M a i s l e r. Phoenician Inscriptions from Byblos and the Development of the Phoenician-Hebrew Alphabetic Writing.— "Leshonenu", XIV, 1946, pp. 166—181 (на иврите).
- Julian O b e r m a n n. The Archaic Inscriptions from Lachish.— "Journal of the American Oriental Society", Supplement to vol. LIX, No. 2, 1938.
- Vittore P i s a n i. Origini dell'alfabeto.— "Annali della R. Scuola Normale Superiore di Pisa". Lettere, Storia e Filosofia. Serie II, vol. V, 1936, pp. 267—277.
- Alfred S c h m i t t. Die Vokallosigkeit der ägyptischen und semitischen Schrift.— "Indogermanische Forschungen", LXI, 1954, S. 216—227.
- Kurt S e t h e. Der Ursprung des Alphabets (Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philos.-hist. Kl.), 1916, S. 87—161.
- Kurt S e t h e. Die neuentdeckte Sinai-Schrift und die Entstehung der semitischen Schrift (Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philos.-hist. Kl.), 1917, S. 437—475.
- Martin S p r e n g l i n g. The Alphabet. Its Rise and Development from the Sinai Inscriptions (Oriental Institute Communications, No. 12, Chicago, 1931).
- B. L. U l l m a n. The Origin and Development of the Alphabet.— "American Journal of Archaeology", XXXI, 1927, pp. 311—328.
- S. Y e i v i n. The Palestino-Sinaitic Inscriptions, Palestine Exploration Quarterly, 1937, pp. 180—193.

КИПРО-МИНОЙСКОЕ И КИПРСКОЕ ПИСЬМО

- Hans-Günther B u c h h o l z. Zur Herkunft der kyprischen Silbenschrift.— "Minos", III/2, 1954, S. 133—151.
- Stanley C a s s o n. The Cypriote Script of the Bronze Age.— "Iraq", VI, 1939, pp. 39—44.
- John Franklin D a n i e l. Prolegomena to the Cypro-Minoan Script.— "American Journal of Archaeology", XLV, 1941, pp. 249—282.
- Olivier M a s s o n. Nouvelles inscriptions en caractères chypro-minoens.— В паб.: C. F. A. S c h a e f f e r. Enkomi-Alasia, I, Paris, 1952, pp. 391—409.
- Olivier M a s s o n. Les écritures chypro-minoennes et les possibilités de déchiffrement.— В паб.: "Études mycéniennes" (ed. M. Lejeune). Paris, 1956, pp. 199—206.
- Olivier M a s s o n. Les inscriptions chypristes syllabiques. Recueil critique et commenté. Paris, 1961.
- Piero M e r i g g i. I primi testi ciprominoici e l'eteociprio.— "Athenaeum", n. s., XXXIV, 1956, pp. 3—38.

E. Sittig. Hellenische Urkunden des 2. vorchr. Jahrtausends von Cypern.— "La Nouvelle Clío", VI, 1954, pp. 470—490.

E. Sittig. Zur Entzifferung der minoisch-kyprischen Tafel von Enkomi.— "Minos", IV/1, 1956, S. 33—42.

ФЕСТСКИЙ ДИСК

Ernst Grumach. Die Korrekturen des Diskus von Phaistos.— "Kadmos", I, 1962, S. 16—26.

G. Ipsen. Der Diskus von Phaistos.— "Indogermanische Forschungen", XLVII, 1929, S. 1—41. [Русский перевод: Г. Ипсен. Фестский диск (опыт дешифровки).— В сб.: "Тайны древних письмен". Москва, 1976, с. 32—65.]

Ernst Sichertel. Der Diskos von Phaistos. Wege zu seiner Entzifferung.— "Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft", III, 1948, S. 334—365.

Benjamin Schwarz. The Phaistos Disk.— "Journal of Near Eastern Studies", XVIII, 1959, pp. 105—112 и 227 и сл.

БИБЛСКОЕ ПИСЬМО

John Pairman Brown. The Pseudo-Hieroglyphic Texts of Byblos (отпечатано на ротаторе; American University of Beirut, 1962).

E. Dhorme. Déchiffrement des inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos.— "Syria", XXV, 1946—1948, pp. 1—35.

M. Dunand. Byblia grammata. Beyrouth, 1945, гл. IV.

G. Janssens. Contribution au déchiffrement des inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos.— "La Nouvelle Clío", VII—IX, 1955—1957, pp. 361—377.

M. Martin. Revision and Reclassification of the Proto-Byblian Signs.— "Orientalia", n. s., XXXI, 1962, pp. 250—271 и 339—363.

Harvey Sobelman. The Proto-Byblian Inscriptions — a Fresh Approach.— "Journal of Semitic Studies", VI, 1961, pp. 226—245.

ЯПОНСКОЕ ПИСЬМО

Basil Hall Chamberlain. A Practical Introduction to the Study of Japanese Writing (2-е изд.). London, 1905.

N. E. Isemonger. The Elements of Japanese Writing (2-е изд.). London, 1943.

R. Lange. Einführung in die japanische Schrift (2-е изд.). Berlin, 1922.

Joseph K. Yamagiwa. Introduction to Japanese Writing. Ann Arbor (Michigan), 1943.

ПЕРСИДСКАЯ КЛИНОПИСЬ

J. Friedrich. Einige Kapitel aus der inneren Geschichte der Schrift.— "Archiv für Schreib- und Buchwesen", n. F. II, 1935, S. 14 и сл.

F. H. Weissbach. Die Keilinschriften der Achämeniden. Leipzig, 1911.

ГРЕЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Rhys Carpenter. The Antiquity of the Greek Alphabet.— "American Journal of Archaeology", XXXVII, 1933, pp. 8—29.

Rhys Carpenter. The Greek Alphabet Again.— "American Journal of Archaeology", XLII, 1938, pp. 58—69.

Margit Falkner. Zur Frühgeschichte des griechischen Alphabets ("Frühgeschichte und Sprachwissenschaft", hrsg. von Wilhelm Brandenstein). Wien, 1948, S. 110—133.

V. Gardthausen. Griechische Palaeographie (2 тома: 2-е изд.). Leipzig, 1911—1913.

J. Penrose Harland. The Date of the Hellenic Alphabet.— "University of North Carolina Studies in Philology", XLII, 1945, pp. 413—426.

F. Hiller von Gaertringen. Griechische Epigraphik; W. Schubart. Papyruskunde; P. Maas. Griechische Palaeographie ("Einleitung in die Altertumswissenschaft", hrsg. von A. Gercke und E. Norden, Band I, Heft 9; Leipzig und Berlin, 1924).

L. H. Jeffery. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961.

W. Larfeld. Handbuch der griechischen Epigraphik (2 тома). Leipzig, 1902—1907.

W. Larfeld. Griechische Epigraphik (3-е изд.). Berlin 1914.

Arthur Mentz. Geschichte der griechisch-römischen Schrift bis zur Erfindung des Buchdrucks mit beweglichen Lettern. Leipzig, 1920.

E. S. Roberts and E. A. Gardner. An Introduction to Greek Epigraphy (2 тома). Cambridge, 1887—1905.

Wilhelm Schubart. Das Buch bei den Griechen und Römern (2-е изд.). Berlin und Leipzig, 1921.

Edward Maunde Thompson. Handbook of Greek and Latin Palaeography (3-е изд.). London, 1906.

Edward Maunde Thompson. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. London, 1912.

B. L. Ullman. How Old Is the Greek Alphabet? — "American Journal of Archaeology", XXXVIII, 1934, pp. 359—381.

Weinberger und Gaerte. Die Schrift.— В паб.: Pauly-Wissowa. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1921.

ЛАТИНСКОЕ ПИСЬМО

Rhys Carpenter. The Alphabet in Italy.— "American Journal of Archaeology", XLIX, 1945, pp. 452—464.

H. Dessau. Lateinische Epigraphik; P. Lehmann. Lateinische Paläographie ("Einleitung in die Altertumswissenschaft", hrsg. von A. Gercke und E. Norden, Vol. I, Heft 10; Leipzig und Berlin, 1925).

James C. Egbert. Introduction to the Study of Latin Inscriptions (испр. изд.). New York, 1923.

M. Ihm. Palaeographia Latina, Series I (2-е изд.). Lipsiae, 1931.

Jean Mallon. Paléographie romaine. Madrid, 1952.

J. Mallon, R. Marichal, C. Perrat. L'écriture latine de la capitale romaine à la minuscule. Paris, 1939.

M. Prou. Manuel de paléographie latine et française (4-е изд.). Paris, 1924.

J. E. Sandys and S. G. Campbell. Latin Epigraphy (2-е изд.). Cambridge, 1927.

Franz Steffen. Lateinische Paläographie (2-е изд.). Trier, 1909.

ПИСЬМЕННОСТИ СЛАБОРАЗВИТЫХ НАРОДОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ

J. Friedrich. Schriftgeschichtliche Betrachtungen.— "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", XCI, 1937, S. 319—342.

J. Friedrich. Zu einigen Schrifterfindungen der neuesten Zeit.— Указ. журн., XCII, 1938, S. 183—218.

J. Friedrich. Noch eine Parallele zu den alten Schrifterfindungen. Eine Schrifterfindung bei den Alaska-Eskimos.— Указ. журн., XCV, 1941, S. 374—414.

J. Friedrich. Schriftsysteme und Schrifterfindungen im Alten Orient und bei modernen Naturvölkern.— "Archiv Orientalní", XIX, 1951, pp. 245—259.

J. Friedrich. Alaska-Schrift und Bamum-Schrift.— Указ. журн., CIV, 1954, pp. 317—329.

Alfred Schmitt. Die Alaska-Schrift und ihre sprachgeschichtliche Bedeutung (Münstersche Forschungen, Heft 4). Marburg, 1951.

КОММЕНТАРИЙ

Как мы уже говорили в Предисловии, наука грамматология настолько продвинулась вперед, что уже теперь можно сделать некоторые уточнения и исправления к изложенному автором в его труде. Многие свои взгляды, как мы отметили, автор пересмотрел в своей новой работе.

Настоящий комментарий не учитывает изменений во взглядах автора, нашедших отражение в его последней работе, которая дает материал для дальнейших раздумий и перевод которой помещен в конце настоящей книги.

К главе II

1. Мы и сейчас, тридцать лет спустя, должны согласиться с мнением Гельба о том, что всякая знаковая система, основанная на семасиографическом принципе (передача понятий без четкой связи с фонемами речи), есть предписьменность. Но если *письмо* — это «система взаимной коммуникации людей при помощи условно применяемых зримых меток», тогда, как считает и Гельб, «предписьменности» (Forerunners of writing) — это первая стадия письма, по крайней мере в той степени, в какой они вообще являют замкнутую *систему*. С этой точки зрения к *письму* следовало бы отнести, во всяком случае, знаки майя и даже знаки североамериканских индейцев, если они действительно достигли высокой степени «систематизации и унификации», как полагает Маллери и вслед за ним Гельб. Однако *письмом* в собственном смысле слова И. Е. Гельб считает только такую систему зримых знаков, которая передает речь.

Развивая мысль автора, мы предложили бы следующие дефиниции. По нашему определению, «предписьменности» представляют собой системы знаков (непосредственно изображающих какие-либо предметы или чисто условных), имеющих напоминательное, мнемоническое значение, включающее цепь определенных ассоциаций и поэтому позволяющее воспроизвести сообщение на протяжении времени и пространства в соответствии с заданным содержанием, но не предопределяющее его языкового оформления. «Письмом» же, по нашему определению, будет являться коммуникативная знаковая система, предназначенная для возможно более точного для данных условий воспроизведения речи через пространство и время. Но с этой точки зрения не только астекские и майянские письма, но и ранние ступени писмен египетских, шумерских или китайских должны считаться предписьменностями.

2. Следует, однако, заметить, что, в какой бы словесной форме ни воспроизводилось сообщение, переданное мнемоническими предписьменностями, оно все же, как правило, бывает рассчитано на передачу средствами какого-либо одного определенного языка. Поэтому там, где передающий затрудняется создать необходимую ассоциацию с помощью рисунка предмета, он может, конечно, даже на самой ранней стадии предписьменностей прибегнуть к способу ребуса. Это значит, что понятие, не воспроизводимое или с трудом воспроизводимое рисунком, может быть передано с помощью омонимов, то есть слов, звучащих одинаково, но означающих иное понятие, легче воспроизводимое рисуночным путем. 'Храмо-

вый персонал' (астек. *teocaltitlan*) очень трудно изобразить четким и лаконичным рисунком, необходимым для мнемонического письма; но это понятие можно передать с помощью знаков для других понятий, выражаемых словами, омонимичными частям слова, которое требуется передать: *ten*¹ 'губы', *o* - 'дорога', *cal* - 'дом' и *tlap* - 'зубы'. Это явление И. Е. Гельб не вполне правомерно выделяет под названием "фонетизации": пользуясь этим приемом, древние меньше всего думали о фонетике и о противопоставлении произносительного принципа мнемонически-ассоциативному. Ведь каждый знак передавал не одно какое-либо слово, а все, что могло быть вызвано данным рисунком по ассоциации (реже по ассоциации метафорической, то есть выделяющей общий признак разных предметов, гораздо чаще — по ассоциации метонимической, как, например, являя часть вместо целого: след ноги вместо самой ноги, рисунок вместо самого предмета, имя предмета вместо самого предмета). Омонимия, ребус есть лишь один из видов сопоставления по ассоциации, и если он в истории письма сыграл совсем особую по своей важности роль, то в предписменностях мы еще не имеем основания выделять его в качестве особого приема "фонетизации" из других ассоциативно-мнемонических приемов.

3. Соответственно этому не встает вопроса о том, было ли майяское письмо фонетическим или нет, во всяком случае, если мы сопоставляем его с древнейшим протошумерским, протоегипетским или протокитайским. Ребусный элемент неизбежно содержался как в майянской, так и в древнейших письменностях Востока. Последние принимали "фонетический" характер лишь постепенно, а шумерское письмо (в собственном смысле, не считая производных письменностей) так никогда и не достигло подлинно "фонетической" стадии: основа слова здесь всегда обозначалась многозначным по происхождению рисуночным знаком, а служебные морфемы выражались ребусными знаками только в той мере, в какой это было необходимо для избежания двусмысленности текста (более или менее последовательно лишь тогда, когда шумерские тексты стали писаться преимущественно аккадоязычными писцами).

Нам лишь кажется, что мы фонетически адекватно прочитываем майянский или шумерский текст; отчасти это объясняется тем, что современные транскрипции стремятся "фонетизировать" воспроизведение древнего текста с его неоднородными письменами. При этом шумерское письмо кажется более продвинутым, чем майяское, но так ли это в действительности — судить трудно. До наших дней сохранился не древнемайянский язык создателей надписей, а уже сильно отличающиеся от него новомайянские диалекты, которые лишь с трудом могут служить квазибилингвой для расшифровки майянского письма. Между тем шумерское письмо за нас дешифровали древние вавилоняне, оставившие нам словари, которые содержат почти для каждого шумерского знака все многочисленные чтения и значения, вызываемые ассоциативной ролью этого знака.

4. Наличие ребусных знаков уже в предписменности однозначно указывает на то, каким языком пользовались в быту ее изобретатели. Ведь ясно, что *мукá* и *мúка*, *пар* (испаряющаяся горячая вода) и *пар* (отдыхающая земля), *гол* (не одет) и *гол* (забитый в ворота мяч) являются омонимами, а потому годны для ребусного употребления только в русском, но не в английском, где эти слова звучат 'flour' (или 'meal') и 'torment', 'steam' и 'fallow' и 'goal', и не в немецком ('Mehl' и 'Pein, Schmerz', 'Dampf' и 'Brachfeld', 'nackt' и 'Treffer'). Сейчас обнаружено уже несколько ребусных знаков в протошумерской иероглифике, и они могут быть объяснены только из шумерского, а не из "языка х". Шумеры, стало быть, и явились действительными изобретателями приписываемого им письма.

К главе III

1. Позиция И. Е. Гельба, настаивающего на полном исключении терминов "идеограмма" и "идеография" и на замене их терминами "логограмма" и "лого-

¹ Древнейшие системы предписменностей и письма обыкновенно игнорируют носовой звук в исходе слога.

графия", несколько уязвима. Она, эта позиция, объяснима и оправдана тем злоупотреблением термином "идеография" ("Bildschrift", "Bilderschrift" и т. д.), на которое справедливо указывает сам автор и при котором классификационные границы совершенно разных коммуникативных (семиотических) систем распыляются и стираются. Конечно, Гельб прав, считая, что никогда не существовало системы письма, где "идеограммы" не имели бы границ применимости ко вполне определенным словам языка. Но следует иметь в виду, что в так называемом "словесно-слоговом" письме "словесные" знаки (то есть то, что Гельб называет "логограммами", а его предшественники называли "идеограммами") обычно не бывают жестко прикреплены к выражению только одного определенного слова (не говоря уже о словоформах). На стадии предписменностей, а затем при выработке "словесно-слоговой" системы поле значений изобразительного или начертательного знака всегда распространяется на *все* слова и понятия, ассоциативно связанные с данным начертанием (по внешнему виду, по смежности с изображенным, по причинной связи, по омонимии, то есть способности создавать ребусное значение). Ассоциативные значения не "вскоре" развились из прямых, как утверждает Гельб, а сосуществовали с ними с самого начала, ибо в этом самая суть ассоциативно-мнемонической начертательной коммуникативной (знаковой) системы. Граница же смысловый каждого данного знака проходит только там, где начинаются ассоциации с другим смежным знаком системы. Поэтому даже в развитой "словесно-слоговой" системе каждый знак в его "словесном" значении нормально выражает не одно, а несколько слов (и соответственно имеет несколько "фонетических", то есть, собственно говоря, ребусных звучаний). Следовательно, если мы не будем понимать под идеографией некое никогда не существовавшее "письмо идеями", то термин "идеограмма", при соответствующей дефиниции, даже может иметь некоторые преимущества перед термином "логограмма". Мы определим "идеограмму" как знак, передающий пучок ассоциативно связанных понятий, выражаемых определенными словами. Лишь на более поздних стадиях развития "словесно-слоговой" письма появляется привычка прикреплять идеографический знак к одному-единственному понятию, и "идеограмма" становится "логограммой" в строгом смысле слова (так в китайском письме, менее последовательно — на более поздних этапах развития клинописи). Это нередко было связано с восприятием письменности людьми иного языка; они оставляли написание для слова первоначального языка, а на месте последнего произносили слово своего собственного языка, выражающее то же понятие. Такая "логограмма" (знак, передающий одно определенное слово или его основу) выступает здесь, таким образом, как "гетерограмма" (знак, передающий слово данного языка с помощью написания в той же знаковой системе однозначного с ним слова в другом языке). Так, мы говорим о "шумерограммах" в аккадском, хеттском или урартском, об "аккадограммах" в хеттском и урартском, об "арамеограммах" в среднеиранских квази-алфавитных письменностях.

2. И. Е. Гельб правильно выделяет определенный, исторически крайне важный тип письма, который он называет "словесно-словесным", как нечто отличное от всех других типов. Но при этом полезно помнить, что, строго говоря, этот тип письма и не "словесный" в смысле существования однозначных соответствий "знак ↔ слово", и даже не "слоговой", потому что якобы "фонетические" последовательности, передаваемые теми же самыми якобы "словесными" знаками по ребусному способу, могут быть и больше, и меньше слога в лингвистическом значении термина.

Здесь следует предостеречь от применения начавшего с недавнего времени появляться в литературе термина "морфемное письмо". Древние плохо умели вычленять морфемы (понятие языковедческой науки XX в. н. э.), и "морфемного письма" никогда не существовало. Знак для основы слова нередко покрывал и соседнюю служебную морфему, а ребусные знаки, использовавшиеся для выражения словоизменения, сплошь и рядом вместе со служебным морфом захватывали и часть основы.

3. Из вышеизложенного ясно, что о "введении принципа фонетизации" вговную письменную или предписменную систему говорить вряд ли можно. Развитие "фонетических" (ребусных) написаний, с нашей точки зрения, шло равномерно по мере расширения круга сообщений, подлежащих фиксации во времени

и пространстве². В процессе "фонетизации" Гельб, как нам кажется, придает преувеличенное значение необходимости передачи имен собственных. По-видимому, ошибочно представление о том, что первоначально написание имени собственного могло заменяться оттискиванием личной печати. Как справедливо указала В. К. Афанасьева³, древнешумерские плоские и цилиндрические печати были по большей части мало индивидуализированы, изображая на них были типовыми и не приспособленными для отождествления личности владельца. К тому же, вероятно, они были не столько личными, сколько должностными. Поэтому оттиск печати не мог заменить имени собственного, а был лишь магической связью между опечатанным предметом и опечатавшим его должностным лицом. Эта связь делала должностное лицо ответственным за предмет, а прочих, имевших дело с предметом, — ответственными перед должностным лицом.

В настоящее время можно сказать довольно уверенно, что на протошумерских учетных табличках чаще указывалась должность лица, получающего или сдающего продукт, чем его собственное имя. Но даже если во многих случаях в ведомостях стоят собственные имена, нельзя утверждать, будто проблема написания собственных имен имела решающее или даже сколько-нибудь особое значение для "фонетизации" письма. Ведь имена собственные — будь то у шумеров, египтян или североамериканских индейцев — представляли собой чаще всего развернутые именные или глагольные предложения. Проблема написания таких предложений ничем не отличалась от проблемы написания любых сообщений, возможных в данном языке; ничто не мешало передавать их ассоциативно-мнемоническими рисуночными или "зачертательными" (условными) знаками, с привлечением, где было наиболее необходимо, также и знаков, применимых в данном конкретном случае по омонимической (ребусной) ассоциации. Лишь в уменьшительных или иностранных именах собственных могла возникнуть потребность писать их целиком "фонетическими" (ребусными) знаками, поскольку такие имена ничего не значили на языке пишущего. Что фонетические написание вообще не обязательно возникают в именах собственных, наглядно показывает пример, взятый Гельбом из астекской протописменной рукописи, где целиком ребусным способом написан социальный технический термин "храмовый персонал" (ср. выше замечание к гл. II, пункт 2). Как возникает "фонетизация" в архаическом письме, наглядно показывают этнографические наблюдения за процессом создания писем эскимосов Аляски, обобщенные А. Шмиттом⁴.

4. Школьные списки знаков, впервые составленные в Шумере не позже периода Урук IV (самое начало третьего тысячелетия до н. э.), просуществовали без больших изменений в течение столетий и сохранялись и тогда, когда сами знаки приняли уже упрощенный "клинообразный" вид. Это помогает отождествлять протошумерские рисуночные ("иероглифические") знаки со знаками позднейшей клинописи, звучания и значения которых в свою очередь даются шумеро-аккадскими словарями уже II тысячелетия до н. э. В составе этих списков — большие перечни названий должностей и профессий, обнаруживаемых также на протошумерских учетных табличках. Первые шаги по расшифровке протошумерского рисуночного письма были сделаны советским ученым А. А. Вайманом, который исходил из внутренней структуры учетного документа и анализа его цифровых знаков (были обнаружены обозначения для скота, площадей полевых угодьев, емкостей — причем имелись особые обозначения для учета ячменя и особые — для пшеницы, — для ряда должностных лиц, рабов и рабынь)⁵. А. А. Вайману удалось также выяснить определенные закономерности видоизменения единообразных элементов знаков при их скорописном сокращении от периода к периоду и тем самым уточнить ряд отождествлений протошумерских рисуночных знаков

² См. D i a k o n o f f I. M. Ancient writing and ancient written languages.— In: "Sumerological Studies in Honor of Th. Jacobsen".— «Assyriological Studies», 20, Chicago, 1975, p. 104 ff.

³ А ф а н а с ь е в а В. К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979, с. 64—68, 180.

⁴ Ф р и д р и х И. История письма. М., 1979, с. 196 и сл. (там же указана литература).

⁵ В а й м а н А. А. О протошумерской письменности.— В кн.: "Тайны древних писем". М., с. 578—585.

с шумерскими клинописными. Позже Н. И. Ниссен и М. Грин, разрабатывая материалы школьных списков знаков в сопоставлении, с одной стороны, с позднейшими (клинописными) версиями тех же списков, а с другой — с архаическими учетными документами, еще несколько далее продвинули расшифровку. В настоящее время около 10% протошумерских текстов поддается интерпретации. Интерпретации, заметим, но не прочтению, потому что знаки носят ассоциативно-мнемонический характер и (за исключением небольшой группы знаков, где используются принципы ребусной омонимии) не соответствуют каким-либо определенным звучаниям словесных основ, не говоря уже о полных словоформах. К тому же в протошумерском письме возможности ребусного использования знаков (очень большие в шумерском)⁶ еще не использовались для воспроизведения служебных слов и морфологических элементов имен и глаголов, и даже порядок размещения знаков совершенно не обязательно соответствовал размещению слов в предложении.

5. Ни в одной из так называемых "словесно-слоговых" систем письма не существует специальных фонетических (слоговых) знаков, отличных от знаков словесных: "слоговые" знаки не более как случаи ребусного употребления тех же "словесных" знаков (в том смысле, как это оговорено в пункте 1). Для создания ребусного написания, естественно, берутся основы соответствующих слов. Поэтому знаки в их "слоговом", то есть ребусном, значении воспроизводят не обязательно слоги того или иного типа, а отрезки звукосочетаний, соответствующие по форме основам соответствующих слов. Например (если обозначать гласный как Г и согласный как С), ребусный знак может иметь в письменностях шумерского происхождения значения Г, СГ, ГС, СГС. Но если он имеет форму ГСГ, СГС или СГСГС, то мы (не шумеры!) считаем его уже не слоговым знаком, а одним из альтернативных чтений "словесного" знака. (О "слоговых" значениях знаков в египетском и китайском письме см. ниже.) Впоследствии знаки со значением СГ и особенно Са стали во многих системах применяться также со значением С + нуль гласного (так, по-видимому, уже в записях шумеро-аккадской клинописью на древнесемитском эблаитском языке III тысячелетия до н. э.).

6. Ребусное написание применяется в шумерском в двух случаях: если для основы слова нет специально своего рисунка и для выражения служебных слов и морфологических элементов. В первом случае, естественно, применимы любые знаки, соответствующие согласному и гласному составу воспроизводимой основы, однако существует еще прием передачи основы частого типа C_1GC_2 знаками с ребусными (фонетическими) значениями $C_1G_1 + G_1C_2$, например: $Ti-ga-\dot{a}š$, по-видимому, для словосложения / $ti-gaš$ /, означающего название местности, или $ba-al$ 'копать' (чтение / bal /, не / $*baal$ /). Это тем более странно, что в системе знаков есть знаки как для $gaš$, так и для bal , и применение двух знаков там, где можно употребить один, не дает никакой экономии. Предположительно фонетическая разница между bal 'переходить' и $ba-al$ 'копать' могла бы заключаться в тоне: скажем, восходящий тон $b\acute{a}l$ в первом и обеленный $b\bar{a}l$ во втором случае. Дело в том, что число омонимов в шумерском языке чрезвычайно велико, и это заставляет предположить в нем наличие смысловоразличительных тонов (как в китайском). В подавляющем большинстве случаев шумеры выходили из положения, применяя для омонимичных слов различные рисунки (в соответствии со значением, а не звучанием их основ). Таким образом, было ли тоновое ударение простым (восходящим, нисходящим или ровным) или составным (восходяще-нисходящим, восходяще-ровным, ровно-нисходящим или нисходяще-восходящим), это не требовало особого выражения на письме, так как произношение знака диктовалось смыслом рисунка. Лишь в тех редких случаях, когда и ударение было

⁶ Это связано с характером шумерского языка, где основы слов, совпадающие с корнями, по большей части односложны. Легко подсчитать, что число таких простых основ при наличии в шумерском всего четырех гласных (во всяком случае, четырех графически различаемых) и менее полутора десятков согласных не превышает тысячи, что значительно меньше необходимого даже в очень примитивном языке словарного запаса. Средств именного словообразования путем аффиксации словообразовательных морфем в шумерском тоже очень мало. О возможном различии омонимов в живом языке см. ниже.

сложным, и рисунка для данного значения не было выработано, применялся указанный выше способ составного написания. При этом для написания *ba-al* 'копать', вероятно, было существенно, что второй знак, *al*, сам по себе означал 'лопата', так что данное написание можно было рассматривать и как *ba*ЛОПАТА, т. е. 'знак "лопата" в значении «копать» *ba*l' с "подсказывающим" произношение знаком *ba*.

Все же следует заметить, что написания типа *baAL* = */bal/* 'копать' или приводимого Гельбом написания *GUL*^{ul}, которое применялось для различения от *GUL-GUL*^{un}, что читалось */sun/*, были очень редки. Описанный Гельбом прием встречается преимущественно в учебных текстах. Чаще же всего писали просто *GUL* и представляли чтецу решать по контексту, выбрать ли ему чтение */gul/* или */sun/*. Поэтому такому способу написания (с так называемыми глоссами-комплементами) в истории развития клинописи не следует придавать значения в качестве проявления "принципа редукции" (существование самого такого принципа, конечно, отрицать нельзя).

Во втором случае (выражение морфологических формантов) в основном применялись знаки с фонетическими (ребусными) значениями типа *СГ*; это объясняется тем, что фонетическая система шумерского языка обычно требует гласного исхода слова и редукции большинства конечных согласных. Поэтому в собственно шумерской клинописи знаков с фонетическими (ребусными) значениями типа *ГС* очень мало.

Прибавляя гласную флексию к основе в виде суффиксов, шумеры часто использовали знаки типа *СГ* таким образом, чтобы одновременно помочь выбору нужного знака для основы слова из ряда возможных в пределах ассоциативного пучка. Таким образом, если основы глаголов 'стоять', 'ходить' и 'приносить' одинаково передавались знаком *НОГА*, то прибавление морфемы -а, образующей причастие состояния ('поставленный', 'идущий', 'принесенный'), выражается чаще всего не прибавлением знака *ВОДА* (чтение */a/*), а знаком *ba* 'куча', па 'гиря' и па 'род дерева (?)' соответственно. В транскрипции эти обозначаются как *gub-ba*, *gen-na*, *tum-pa*. Удвоение согласного здесь только мнимое, возникающее лишь в транскрипции: согласный в "слоговом" (ребусном) знаке служит здесь лишь "фонетическим компонентом" (определителем конечного согласного основы). Основа должна читаться *gub* 'стоять', *gin* 'ходить', *tum* 'приносить', а причастия от этих глаголов читаются */guba/*, */gina/*, */tuma/*.

7. Иное дело в аккадской клинописи. Вначале аккадцы пользовались той же шумерской ассоциативно-мнемонической системой, лишь располагая знаки в порядке, свойственном собственному синтаксису (впрочем, при кратких учетных записях порядок слов, существовавший в языке, как уже упоминалось, не обязательно учитывался). С усилением роли "фонетических" (ребусных) написаний уже можно было отличать текст, предназначенный для чтения по-аккадски, от шумерского. Например, чтобы написать 'его жена' (шумер. *dam-ani*, аккад. *'attat-su*), шумерский писец после знака 'женщина + сидение' (употреблявшегося для понятия "ЖЕНА", может быть, потому, что только жене дозволялось сидеть в присутствии хозяина) приписывал знак 'сосуд для масла' (шумер. *ni*), а аккадский писец — знак для неизвестного кожного предмета, название которого по-шумерски читалось *zu*. Таким образом, *ЖЕНА-ni* читалось по-шумерски *damani*, а *ЖЕНА-zu* — по-аккадски *'attatsu*. Затем аккадские писцы стали использовать в ребусном значении и аккадские чтения слов, например знак для жеста прикосновения руки к устам — шумер. *sub* — можно было употребить как "фонетический" знак *ru*, потому что *ra'u*, *ru'u* по-аккадски значило 'уста'; или (позже) знак для 'горы' — шум. *kur* — применялся как "фонетический" знак *šad*, потому что по-аккадски 'гора' — *šadda'um*, *šadû*. К старовавилонскому периоду (начало второго тысячелетия до н. э.) аккадцы выработали собственную систему применения клинообразного письма. В ней стало возможным писать, при желании, весь текст одними "фонетическими" слоговыми знаками (по происхождению, конечно, ребусными, по звуковому значению чаще всего типа *СГ* и *ГС*, реже — *СГС*). Однако альтернативно тот же текст можно было писать и по-прежнему, т. е. выписывая слово тем же ассоциативно-мнемоническим знаком, что и в шумерском, но читая его по-аккадски. При этом, как в протошумерском, одного мнемонического

нического знака обычно было достаточно для передачи любой словоформы, хотя для ясности часто приписывался "фонетический комплемент", а именно тот знак, который стоял бы последним в написании словоформы, если бы все слово было написано ребусными ("слоговыми") знаками. Например, поскольку ЦАРЬ (чит. /šagru/) можно было написать фонетически šag-ru или ša-ag-ru, то это же слово можно было написать либо одним "словесным" знаком ЦАРЬ (в транскрипции обычно для единообразия ставится шумерское чтение LUGAL при воспроизведении клинописного текста на любом языке), либо тем же словесным знаком, но с "комплементом": ЦАРЬ^{ru} (LUGAL^{ru}), — во всех трех случаях читалось одинаково /šagru/; или слово 'гора' (аккад. /šadû/) можно было написать либо фонетически ša-du-û, либо одним знаком ГОРА (шумер. KUR), либо тем же знаком плюс комплемент, в данном случае û: KURû, читай: /šadû/. Чтение было во всех трех случаях одинаково.

Набор "слоговых" знаков (вернее, знаков, употребляемых не только в прямом словесном, но и в ребусном значении) сначала был тот же, что и в шумерском. Большей частью в качестве "слоговых" применялись знаки со звучанием типа СГ; по условиям принятой орфографии знаки типа ГС требовались реже, но затем стали широко привлекаться в качестве ребусных и знаки этого типа, а позже и типа СГС. В результате с начала II тысячелетия до н. э. аккадская клинопись стала в принципе чисто "слоговой" письмом, применявшим фонетические слоговые⁷, первоначально ребусные знаки типа СГ, ГС и СГС. Но при этом факультативно могли применяться не только "словесные" знаки ассоциативно-мнемонического происхождения (один знак для целой аккадской словоформы), но и целые полностью выписанные со всеми слоговыми знаками шумерские словоформы и даже фразы, которые при чтении переводились на аккадский. Такие "иноязычные написания" (либо написания отдельных слов одним знаком — логограммой по Гельбу, идеограммой по другим ученым — либо целых иноязычных словоформ или фраз, предназначенных, однако, для чтения на своем языке) называются гетерограммами (в данном случае — шумерограммами). Цель их применения заключалась главным образом в экономии места на небольшом пространстве тяжелой глиняной таблички.

8. Из позднейших видов клинописи хурритская (III—II тысячелетия до н. э.) очень мало пользовалась шумерограммами и была почти чисто "слоговой"; хеттская (XVII—XII вв. до н. э.) пользовалась двумя видами гетерограмм — шумерограммами и аккадограммами. В чтении для "потребителя" (царя, чиновника, адресата письма) весь текст читался по-хеттски, но между собой писцы, вероятно, читали "гетерографические" написания соответственно по-шумерски и по-аккадски. Хеттская клинопись применялась и для других древних языков Малой Азии: хаттского, палайского и лувийского.

Урартская клинопись (IX—VI вв. до н. э.) была потомком хурритской⁸, но находилась под сильным влиянием новоассирийского варианта аккадской клинописи IX в. до н. э. В ней употреблялись (в небольшом числе) как шумерограммы, так и аккадограммы. Знаки типа ГС употреблялись довольно редко.

Эламская клинопись III—I тысячелетий до н. э. является, подобно хурритской и хеттской, развитием аккадского клинописного письма. Любопытной чертой является превращение в первом тысячелетии до н. э. слоговых знаков типа ГС в "буквенные" знаки типа С. Однако они употребляются лишь в конце слога и могут рассматриваться как слоговой знак типа ГС с произвольным Г. (Как мы уже знаем из пункта 6, в шумерской и аккадской письменностях "слоговые" знаки типа ГС означают нередко не слог, а вторую половину закрытого слога.)

9. Египетское письмо вряд ли можно рассматривать как возникшее под влиянием шумерского: при общем типологическом сходстве, характерном для любых двух впервые образующихся систем письма, слишком велики различия. Так, во-первых, в египетском письме ребусные знаки применяются с игнорированием

⁷ Такие знаки могли означать и не слог, а, например, половину слога; ср. пункт 6.

⁸ См. Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М.-Л., 1963, с. 21—25.

гласного состава слова (как если бы мы употребили в ребусе рисунок ДОМ для слов 'Дима', 'дама', 'дума', 'дым', 'дам'). В древнейшее время (как, впрочем, и в шумерском письме) даже некоторые значимые согласные элементы слов вообще оставались без всякого обозначения. Во-вторых, ни одно слово не может, как правило, быть написано только ребусным способом, без прибавления рисунка, обозначающего либо то же самое понятие прямым (рисуночным) способом ("идеограмма"), либо семантическую категорию, к которой относится слово, — например, рисунок свитка папируса обозначает абстрактное понятие и т. п. ("детерминатив"). В шумерском письме детерминативы появляются поздно и употребляются сравнительно редко и лишь в строго определенных случаях. В египетском же письме без детерминатива в широком смысле (включая сюда и знаки, повторяющиеся в виде рисунка то, что уже целиком или частично написано "фонетическими" знаками) практически не писалось почти ни одно слово.

Египетские "фонетические" знаки (как содержащие один, так и несколько согласных), конечно, являются точно так же ребусными, как и шумерские "фонетические" знаки и даже как шумерские написания целых слов с помощью рисунка для омонимичного понятия. Как и в каждом ребусе, воспроизведение фонетического облика слова не обязательно было быть вполне точным; достаточно было, чтобы ребус вызывал нужные ассоциации. Поскольку в древнеегипетском, как и в семитских языках, согласный костяк выражал основной, корневой смысл слова, а гласные — либо морфологические изменения, либо если словословие, то лишь второстепенные (см. примеры у Гельба на с. 84 и сл.), постольку в условиях египетского языка изменение гласных не обязательно выводило слово из круга семантически ассоциирующихся понятий. Следовательно, можно было позволить себе и при ребусном написании игнорировать гласные. Это не означает, что для египтян гласные были менее важны, чем для шумеров, но чем-то надо было жертвовать, чтобы не увеличивать бесконечно число знаков в системе. В шумерском языке господствовал корень из двух согласных (плюс один или два гласных) и было множество омонимов, различавшихся, вероятно, тонами. Поэтому можно было, с одной стороны, различать омонимы, употребляя каждый раз различный рисунок, соответствовавший значению слова, а не один и тот же, соответствовавший бы звучанию гласных и согласных, а с другой, можно было использовать омонимы как ребусные знаки там, где нарисовать понятие или грамматический элемент было невозможно. В египетском же языке господствовал корень из трех согласных с двумя-тремя гласными, а полные омонимы были редки. Использование чистых омонимов для фонетических (слоговых) написаний было почти невозможным делом, поэтому использовались омонимы неточные. Неточностям в согласных (что иногда допускали аккадцы) египтяне предпочитали неточность в гласных: по уже упоминавшимся причинам для их языка это было меньшим злом. Но в то же время, не воспроизводя гласных, египтяне увеличивали количество омонимов, которыми теперь являлись все слова, совпадавшие по согласным независимо от гласных. Поэтому после ребусного написания слова обязателен был детерминатив — ключ, либо изображающий рисунок то же самое слово, либо указывающий на семантическую категорию, к которой данное слово относится.

Египетский язык не являлся семитским, но вместе с семитскими входил в единую афразийскую ("семито-хамитскую") семью языков и типологически очень сходен с семитскими, в том числе и с аккадским. Особенности египетского письма часто прямолинейно выводятся из типологических особенностей той языковой семьи, к которой он принадлежал, но при этом обычно забывают указать, почему те же типологические черты, которые считаются определяющими при создании египетского письма, не играли той же роли при создании письма аккадского.

Действительно, аккадский язык, будучи семитским, был построен по тем же структурным принципам, что и древнеегипетский. Однако аккадцы восприняли уже готовую шумерскую систему письма и должны были приспособлять ее к своему языку. В шумерском письме они нашли готовые "фонетические" знаки в виде ребусных написаний, различавших гласные, их они восприняли и для своего письма; редкость омонимов позволяла им, при желании, не пользоваться вообще "словесными" рисуночными знаками, столь важными именно для преодоления трудностей, создаваемых омонимией, поэтому "логограммы", или "идеограммы" они применяли главным образом для экономии места на глиняной таб-

лично⁹, нечитаемые же детерминативы — только для выделения специальных терминов.

Столь различные пути развития египетского и аккадского письма указывают, скорее, на спонтанное, независимое происхождение шумеро-аккадского письма, с одной стороны, и египетской иероглифики¹⁰, с другой, или же, во всяком случае, свидетельствуют о дальнейшем развитии египетской иероглифики в условиях полного отсутствия контактов с месопотамской цивилизацией. В самом деле, история иероглифики свидетельствует о полном незнакомстве с тем, как совершенно аналогичные проблемы письменного воспроизведения языка решали аккадцы, обладавшие языком, структурно чрезвычайно похожим на египетский, включая и специфическую роль гласных. Но если дальнейшее развитие как клинописи, так и египетского письма, безусловно, происходило изолированно друг от друга, то почему мы должны постулировать наличие достаточных контактов в начале этих параллельных процессов? Условия создания классового общества и государства и необходимость хозяйственного учета, а затем и "вечных" посвящений божествам должны были вызвать потребность в системе фиксации речи в пространстве и во времени и у египтян, даже если никаких контактов с Месопотамией не было. Заметим также, что еще не доказано, что протошумерское письмо вообще древнее протоегипетского, и, может быть, даже вернее обратное предположение.

10. Так называемая "хеттская иероглифика" (середина II — первая четверть I тысячелетия до н. э.) напоминает египетскую, но типологически (если не считать того, что рисуночные формы знаков сохранились в ней для монументального письма до самого конца) она гораздо более сходна с аккадским и, вероятно, с критским письмом. Так, в ней применяются почти исключительно "фонетические" знаки типа СГ, причем знаки Са означают также и С + нуль гласного. Техника письма и чтения менее разработана и менее удобна, чем в аккадской и производных клинописных системах.

Термин "хеттская иероглифика", "хеттское письмо" теперь более не употребляется, так как установлено, что эта письменность применялась для фиксации не индоевропейского хеттского (неситского), а для одного из диалектов индоевропейского языка — языка, родственного хеттскому, но не очень близкого. Поэтому сейчас принят термин "лувийское иероглифическое письмо". Дешифровка его до сих пор не полностью завершена.

11. К месопотамским письменностям тяготеет и так называемое протоэламское письмо. Элам находился в ближайшем соседстве с Месопотамией, и, исходя из того немногого, что мы знаем о протоэламском письме, кажется, что оно сложилось под воздействием идеи ассоциативно-мнемонического протописма в том виде, в каком оно возникло в Шумере, и далее проходило все те же стадии развития, что и месопотамское письмо, вплоть до эламского слогового письма конца III тысячелетия до н. э., правда, линейного, а не клинописного, но типологически весьма похожего на аккадскую клинопись старовавилонского периода.

12. Подобно египетскому, несомненно, спонтанно и независимо возникло китайское письмо. Структурно китайский язык во многом похож на шумерский (неизменяемый, преимущественно односложный корень-основа, отсутствие внутреннего словозменения путем перемени гласных, огромное количество омонимов, различающихся только тонами), но есть и существенные различия. В шумерском

⁹ Позже некоторые специфические тексты, например посвященные гаданиям и сопровождавшим их ритуалам, а также хроники, генетически связанные с записями результатов гаданий (опіпа), аккадцы почти сплошь зашифровывали шумерограммами, — здесь уже задача была сделать текст недоступным для непосвященных. Зато письма обычно писались почти сплошь слоговыми знаками.

¹⁰ Как известно (см. в тексте Гельба, с. 82), древнеегипетское письмо имело три формы — иероглифическую, иератическую и демотическую. Иероглифическое письмо употреблялось для монументальных и парадных надписей. Иератика — это то же самое письмо, но в нем знакам придана курсивная форма. Демотика — тоже курсив, но обилие лигатур (связных и слитных написаний) и новых графических и орфографических условностей делают ее все же особым письмом, хотя типологически и генетически связанным с иероглифическим, но несводимым к ней.

мерском языке, особенно в глаголе, сильно развита префиксальная и суффиксальная флексия. Ее можно было воспроизвести на письме только путем развития через ребус системы "фонетических" знаков. В древнекитайском языке аффиксация не играла почти никакой роли, а возникавшие аффиксы могут в известном смысле рассматриваться как подчиненные, но отдельные слова. Поэтому в китайском письме подсистема знаков, часто или преимущественно употребляемых в ребусном ("фонетическом") значении, не развилась. Однако создаются комбинированные иероглифы, где одна часть — ребусная, а другая — детерминирующая по смыслу (например: соединение *хуа*¹ в ребусном значении (прямое словесное значение 'цветок') с иероглифом с прямым словесным значением 'речь' передает омоним *хуа*¹ 'кричать'). Система составных иероглифов позволила китайскому письму избавиться от применения одних и тех же знаков для слов разного звучания (при общности ассоциативного поля)¹¹, что так затрудняет чтение шумерских текстов. Ребусный знак, как и в других письменностях подобного рода, может передавать звучание и неточно, не только по тону (например, слово *ма*¹ 'мать' имеет составной иероглиф из "ключа" ЖЕНЩИНА и "фонетика" ЛОШАДЬ, но последний знак читается не *ма*¹, а *ма*²), но и по согласному (например, "фонетик" *ба* может указывать на чтение не *ба*, а *па*). Однако не все знаки употребляются с "ключами", поэтому китайское письмо не полностью избавлено от многозначности знаков, передающих омонимы; например, знак НОГА (*цзу*²) применяется в порядке ребуса и для *цзу*² 'достаточно'.

13. Протоиндское иероглифическое письмо, до сих пор почти не интерпретированное по причине недостатка письменных текстов и отсутствия билингв, типологически, по-видимому, было сходно с шумерским и эламским; число ребусных знаков, вероятно, было значительно; отождествление некоторых из них в независимых произведенных работах финских и советских ученых¹² позволило отождествить язык протоиндского письма как древнедравидский (современные дравидские языки распространены на юге полуострова Индостан, а один из них, язык брауи, сохранился в Западном Пакистане и на юге Афганистана).

14. К сказанному Гельбом о крито-микенских системах письма и сейчас почти ничего невозможно прибавить. Отметим лишь, что тот факт, что -п (а также -s и т. п.) не обозначалось на конце слога, характерен едва ли не для большинства архаических письменностей (в шумерском письме III тысячелетия до н. э., в лувийском иероглифическом, в кипрском слоговом письме, в древнеперсидском письме, нередко в германских рунах и т. д.). Линейное письмо А и другие письменности эгейского мира, кроме греческого (ахейского) линейного письма Б, так и остаются нерасшифрованными. Ясно, что в линейном письме А, как и в письме Б, "фонетические" знаки передавали только последовательности СГ, однако неправильно было бы искать (как это делает, например, проф. Г. Нойман) происхождение этих письменностей в некоем неизвестном языке, в котором все слоги были открытые, как в полинезийском: прием употребления знаков типа СГ вместо С + нуль настолько распространен в истории письма, что вполне можно допустить его самостоятельное изобретение в эгейском мире (тем более что этот прием фактически существовал уже и в древнеегипетском).

К г л а в а м IV—V

1. И. Е. Гельб в своей книге уделил мало места протобиблскому письму (с. 153), между тем для проблемы происхождения предалфавитов оно имеет, как нам представляется, немаловажное значение. Подобно финикийскому, это письмо — слоговое, но более раннего типа; оно было распространено до него и, возможно, параллельно с ним в той же Финикии и имеет с финикийским много об-

¹¹ Например, по-шумерски 'крик, звук' (*gú*), 'речь' (*inim*) и 'рот' (*ka*) пишутся одним и тем же знаком; по-китайски в аналогичном случае употребляются разные составные ("ключ" + "фонетик") или несоставные знаки.

¹² См. подробнее статьи в сборнике "Тайны древних писмен". М., 1976, с. 484—530.

шего и по внешним формам. Поэтому оно заслуживает более подробного изучения.

Его попытался в свое время дешифровать Э. Дорм¹³, работа которого была затем развита А. Йирку и другими учеными. Дорм исходил из предположения, что несколько знаков перед цифрами в конце одной из надписей представляют собой дату и читаются по-семитски: bšnt... 'в год...'. Однако он рассматривал библское письмо как (теоретически маловероятную) смесь знаков типа С, СГ и ГС, и его дальнейшие реконструкции малоубедительны и в целом не были приняты наукой.

Несколько лет назад А. М. Кондратов и автор настоящего комментария произвели некоторые исследования в области протобиблского письма. В текстах были выделены повторяющиеся "блоки", очевидно, выражающие основы слов; было обнаружено, что ряд таких "блоков" сопровождается меняющимися, но познавательными и в других местах текста знаками или группами знаков, по-видимому, префиксами и суффиксами при этих "блоках"-основах. В этом предположении были выделены и другие группы знаков, хотя и не повторяющиеся, но могущие, судя по имеющимся при них аффиксам, быть определены как основы слов. Таким образом, мы смогли с довольно значительной степенью вероятности определить границы большого числа слов; этому помогло также и предположение о том, что в протобиблском письме не делалось переносов слов из строки в строку. Такое предположение основано, во-первых, на том, что концы строк в текстах — неравной длины, а начала одинаковые. Из этого можно заключить, что все начала строк являются и началами слов¹⁴, а все концы строчек — концами слов. (Направление письма, как и в финикийском, справа налево.) И действительно, группы знаков, принятые нами за суффиксы, никогда не начинают слов, а знаки, предположительно передающие префиксы, как правило, не кончают строку. Исключения здесь, конечно, возможны в тех случаях, когда знак употребляется для слога, встречающегося как в префиксах, так и в суффиксах (как, например, в западносемитских языках слоги ja и ti) или также в составе основы (как слог bi/a).

Установленная таким образом структура слова (односложные префиксы, от двух до трех — чаще три — согласные в составе основы, односложные и двусложные префиксы) однозначно указывала на семитский характер языка надписей.

В западносемитских языках II тысячелетия до н. э., судя по данным исторической лингвистики, должно было содержаться не менее 22 и не более 30 согласных и три гласных — а, i, u в кратком и долгом варианте; однако долгота гласных в течение длительного времени в архаических видах письма Ближнего Востока не обозначалась. Численность знаков в протобиблской системе (порядка восьмидесяти — ста) требует предположить, что письмо это — слоговое, причем различающее, по качеству содержащихся в нем гласных, только открытые слоги. Можно предположить, что согласный + нуль гласного передавался как согласный плюс какой-либо гласный — либо а, как в лувийской иероглифике, либо гласный соседнего слога, как в микенском линейном письме А, кипрском и других. Имея в виду приведенные И. Е. Гельбом в одной из его работ¹⁵ данные в пользу того, что еще и в финикийском и в производных от него видах письма первичный знак (буква) рассматривался не как согласный плюс нуль, а как согласный плюс гласный а, мы предположили, что и в протобиблском именно знаки для согласного плюс а совпадали с обозначением для согласного плюс нуль гласного.

Считая, что протобиблские тексты написаны на западносемитском языке II тысячелетия до н. э., мы затем взяли несколько наиболее архаичных западносемитских текстов, написанных читаемым квазиалфавитным письмом — финикийскую надпись царя Ахирама (XIII—X вв. до н. э.), эпический отрывок "Песнь

¹³ D h o r m e, E. Déchiffrement des inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos. — "Syria", XXV (1946—1948), p. 1—35.

¹⁴ К слову в семитских языках формально относятся и проклитические (как бы префиксальные) союзы и предлоги, что было нами также учтено.

¹⁵ I. J. G e l b, New Evidence in Favor of the West Semitic Syllabic Writing. — "Bibliotheca Orientalis", XV, 1958, pp. 4—6.

Деборы" на древнееврейском языке (XII в. до н. э.), несколько отрывков на угаритском языке (XIII в. до н. э.), — и переписали их в формах, реконструируемых по данным исторической лингвистики для II тысячелетия до н. э. (30 первичных семитских согласных, сохранение внешней флексии и архаичного типа огласовки с тремя гласными). Затем реконструированный текст был разбит на слоги типов Са или С + нуль, Сi и Си. После этого мы подсчитали частотность слогов (отдельно для начальных, для конечных слогов и для слогов внутри основы) и сравнили их с частотностью слоговых знаков протобиблского письма.

В результате оказалось, что частотность пяти слогов резко отличается как между собой, так и от частотности всех других слогов. Это слоги 'а, ба, 'а, та (или па, если перед нами диалект, образовавший множественное число мужского рода на -йпа, -йпа, а не на -йта, -йта, но последнее более обычно для западносемитских диалектов) и слог с согласным t, возможно та или ti (решение опять-таки зависит от известных предположений относительно того, что за диалект перед нами). Расхождение в частотности между остальными слогами, к сожалению, оказалось незначительным — в пределах возможной ошибки. При отождествлении этих пяти слогов среди протобиблских знаков оказалось, что знаки для ба и 'а совпадают и по форме со знаками b, ' в позднейшем западносемитском квазиалфавите. Знак та/па сходен по форме с квазиалфавитным п. Следует заметить, что около 20 знаков протобиблского силлабария близко совпадают по форме с финикийскими и еще несколько — с южноаравийскими (из чего, впрочем, еще вовсе не следует, что эти знаки совпадают и по звуковым значениям).

Разумеется, дешифровка четырех-пяти знаков недостаточна для прочтения протобиблских текстов, которые — поскольку расшифровка Дорма не была принята в науке — остаются нешифрованными. Однако представляется весьма вероятным, что протобиблское письмо как-то генетически связано с западносемитским квазиалфавитом. Быть может, последний образовался из первого путем отбрасывания знаков для слогов с гласными i и u и сохранения знаков для слогов с а, получивших значение "согласный плюс произвольный гласный или нуль".

2. Сделаны и другие шаги в сторону разрешения загадки рождения алфавита и его предшественника — квазиалфавита. Сейчас представляется вероятным, что синайское письмо; протопалестинское письмо, южноаравийское письмо, финикийское письмо и угаритское письмо одинаково восходят к общей слоговой прото-системе, либо уже квазиалфавитной (то есть к слоговому письму, которое строилось по принципу: "каждый знак выражает согласный плюс произвольный гласный или нуль"), либо типа протобиблской ("каждый знак выражает согласный плюс определенный гласный, а согласный плюс нуль гласного выражается так же, как согласный плюс гласный", скорее всего, гласный а).

Недавно А. Г. Лундин привел серьезные аргументы в пользу того, что названия знаков первичного семитского квазиалфавита были не произвольными (как славянские "аз, буки, веда" и названия германских рун), а выбирались в соответствии с формой знака по зрительной ассоциации; каждое название, таким образом, было все же акрофоническим. Это не обязательно значит, что форма знаков выбиралась по акрофоническому принципу — возможно, наоборот, мнемоническое название знака могло выбираться по ложной, мнимой зрительной ассоциации. Некоторым названиям знаков и Лундин не нашел убедительных объяснений, а одно из них — wāw, название знака w — даже и принципиально не может быть западносемитским акрофоническим названием, так как в западносемитском ни одно слово, кроме союза wa- 'и', не может начинаться с согласного w. Если мы сопоставим протобиблские письмена, то некоторые из них, безусловно, изобразительны, например 'рыба', 'птица', 'змея', но другие являются чисто геометрическими, хотя при некотором воображении можно подыскать сходство с головой быка, посохом, планом дома и т. п. Мне кажется все же, что названия давались буквам искусственно (как "а — арбуз, б — бык, ... я — яблоко"), но исходя из двух соображений: 1) слово должно было начинаться с данного согласного плюс гласный а (*'alp, *bait, *dalt, *gaml, *hai, *waw, *zai(n/t), *hait, *īait, *yad, *kapp, *lamd, *maim, *naḥs, *samk, *'ain, *pai, *gai, *qaw(p), *ra'š, *san, *law); 2) предмет, избранный для названия, по возможности (но не обязательно) должен был напоминать внешнюю форму знака. И то и другое условие впоследствии уже не соблюдалось, но список названий для

букв алфавита сохранился, с небольшими изменениями, у финикийцев, эфиопов, евреев и греков. Сами эти названия, с нашей точки зрения, были созданы в Финикии во II тысячелетии до н. э. Место определяется тем, что только финикийский разрешал двухсложное окончание слога¹⁶; время же определяется тем, что еще должны были сохраняться дифтонги в позициях, где они впоследствии превратились в долгие гласные (*bait > bêt, *pai > pē и т. п.).

3. Существует еще один неиспользованный источник информации для реконструкции прототипа семитских квазиалфавитов. Это древние малоазийские алфавиты. Большинство надписей, сделанных с их помощью, поздние — не ранее V в. до н. э., а то и гораздо позже. Поэтому в работах о происхождении алфавита они не учитывались и считалось, что все они являются производными от греческого алфавита. Против этого, однако, говорит, во-первых, то, что формы знаков этих алфавитов (лидийского, карийского и ликийского) весьма сильно отличаются от соответствующих греческих букв не только по начертанию, но и по значению; во-вторых, что в карийском и, реже, в лидийском знаки для гласных (кратких) все еще носят полуфакультативный характер¹⁷, то есть не потеряли еще характера *matres lectionis* (см. у Гельба, с. 176), а сами алфавиты — характера квазиалфавитов, между тем как в греческом алфавите уже с начала VIII в. до н. э. знаки для гласных являются обязательной частью любого текста; в-третьих, что формы знаков нередко по начертанию и звучанию сходны с очень ранними финикийскими и даже, что особенно поразительно, с южноаравийскими, между тем как достаточных контактов между Малой Азией и Южной Аравией в столь ранний период не засвидетельствовано. Так как для некоторых своих фонем карийцы и ликийцы не находили подходящих прототипов, они для сходно звучащих фонем иногда брали графические варианты финикийских букв. Можно допустить, что и южноаравийские буквы заимствовались ими не в Южной Аравии, а в Палестине — Финикии — Сирии в период, когда формы финикийского алфавита еще четко не отработались, а те варианты, которые были впоследствии отброшены в финикийском и использованы в южноаравийском или наоборот, еще использовались в одной и той же системе письма. По всей вероятности, это и был прототип всех семитских квазиалфавитов. Поздняя датировка древнемалоазийских надписей теперь уже не является столь решительным препятствием для предположения о раннем заимствовании письменной системы, так как стало известно, что лидийскому письму предшествовало "паралидийское" (по-видимому, квазиалфавитное), а карийскому — "паракийское", хотя даты их не установлены¹⁸.

4. Малоазийские письменности четко разделяются на две группы. К первой принадлежат квазиалфавиты и алфавиты "паралидийский", лидийский, "паракийский" и карийский. Именно о них возможно предположение об их возникновении из очень раннего семитского протоалфавита (квазиалфавита).

Ко второй группе принадлежит фригийское письмо, явно заимствованное из финикийского квазиалфавита IX—VIII вв. до н. э. (надписи засвидетельствованы со второй половины VIII в. до н. э.; более ранние надписи фригийских царей — лувийские иероглифические). Подобно греческому письму, фригийское — чистый алфавит; он даже более последователен, чем греческий: в нем отличается не только *w* (греческая "дигамма") от *u*, но также *j* от *i* (в обоих случаях использованы графические варианты финикийских *w* и *j*, которые, как известно, к VIII в. уже начинали использоваться и как *matres lectionis* для долгих *ū* и *ī*). По своим внешним формам фригийский алфавит почти полностью совпадает с некоторыми вариантами древнейших греческих алфавитов на побережье Малой Азии, и вполне возможно, что он заимствован отсюда, а не непосредственно у финикийцев (как другой древнейший вариант греческого алфавитного письма — "восточный", происходящий с островов, где были прямые контакты с тирянами и сидонянами).

Промежуточное звено между этими группами занимают алфавиты ликийский (ближе к первой, но воспринял кое-что и от фригийцев) и мисийский (ближе

¹⁶ Конечное -а в греч. "альфа, бета, гамма, дельта" возникло на греческой почве, как отметил еще 100 лет назад Т. Нёльдеке.

¹⁷ См. "Тайны древних письмен", с. 305.

¹⁸ "Тайны древних письмен", с. 304—334.

ко второй). Совсем поздним является сильно упрощенный в графическом отношении сидетский алфавит.

В ближайшие годы, надо надеяться, загадка древнейшего квазиалфавита будет решена.

К главе VIII

1. Собранный в настоящее время материал, а также ряд соображений, приводившихся нами выше, позволяют определенно высказаться в пользу полигенеза письма. Оно имело по крайней мере три центра возникновения (Египет, Шумер, Китай), а может быть, четыре (Крит?) или более.

К ГЛАВЕ X

1. Главным препятствием для коренных реформ современных орфографий является нежелательность потери контакта со всей прошлой письменной культурой народа.

И. М. Дьяконов

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. Е. ГЕЛЬБ

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМ ПИСЬМА В РАМКАХ ЗРИТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вводные замечания	311
2. Письмо как знаковая система	311
3. Коммуникация у животных	311
4. Знаковые системы	312
5. Определение термина "зрительная коммуникация"	312
6. Значение терминов "знаковая система" и "прием"	312
7. Значение паречия "условно" как термина	313
8. Процесс коммуникации	313
9. Коммуникация в отличие от художественного самовыражения	313
10. Двусторонняя коммуникация	314
11. Последовательный порядок в отличие от произвольного	314
12. Мгновенная коммуникация в отличие от стабильной коммуникации (или фиксации)	314
13. Понятие "широкого смысла" в отличие от "узкого"	315
14. Системы и приемы ограниченных возможностей	315
15. Смешанные системы и приемы	315
16. Первичные системы в отличие от вторичных переносов	316
17. Письмо и устная форма языка	316
18. Мое старое определение письма	317
19. Типология и структура письма	318
20. Рисуночные и начертательные знаки	318

* © I. J. Gelb. 1979.

21. Предписьменности	318
22. Развитие от предписьменностей до собственно письма	319
23. Словесно-слоговое письмо	320
24. Слоговое письмо	320
25. Алфавитное письмо	321
26. Параграфия	321
27. Области изучения	321
28. Пересмотр моего старого определения письма	322
29. Новое определение письма	329
30. Изучение письма в будущем	333
31. Избранная библиография	335

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМ ПИСЬМА В РАМКАХ ЗРИТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

1. Вводные замечания. Настоящая статья представляет собой расширенную и пересмотренную версию предварительного сообщения, распространенного среди заинтересованных лиц весной 1979 г.

В этой версии порядок изложения полностью изменен. Принципы и концепции, управляющие системами знаков вообще и зрительной коммуникацией в частности, рассматриваются в §§ 2—17; им предшествуют вводные замечания, которые представлены в § 1.

В §§ 18—27 я рассматриваю мое старое определение типологии письма и мое старое представление о ней (изложенное мною в книге "Опыт изучения письма" и в последующих работах). Их следует сопоставить с моими новыми взглядами на письмо, приведенными в §§ 28—30. Статья завершается § 31, содержащим избранную библиографию.

Я очень признателен Питеру Т. Дэниэлсу, прочитавшему рукопись настоящей статьи и сделавшему ряд ценных замечаний.

2. Письмо как знаковая система. Чтобы понять функцию письма как системы коммуникации, необходимо определить место письма среди других систем коммуникации, или знаковых систем, как я буду называть их впредь.

3. Коммуникация у животных. Со времени открытий русского физиолога Ивана Петровича Павлова приходится считаться с возможностью того, что различие между коммуникацией людей и коммуникацией животных имеет скорее количественный, нежели качественный характер **. Различными способами коммуникации, которые наблюдаются у животных, являются: визуальные [зримые] (жесты, поза, выражение морды, отдельные элементы-сигналы в круговых и виляющих танцах пчел), слуховые (крик, свист), обонятельные (запахи-сигналы, запахи-следы), осязательные (при-

* I. J. G e l b. Principles of Writing Systems within the Frame of Visual Communication (University of Chicago), 1979. Эта работа, любезно предоставленная проф. И. Е. Гельбом для публикации в настоящем издании, сопровождается новейшей избранной библиографией, также присланной нам автором.— *Прим. ред.*

** Известно, что коммуникация между животными и коммуникация между людьми одинаково построены на условных рефлексах, но у людей выработалась еще так называемая "вторая сигнальная система".— *Прим. ред.*

косновение лапой, носом и т. д.). Применение зримых меток человеком, возможно, имеет функциональную аналогию с применением мочи для подачи сигналов у собак. (Если память мне не изменяет, биолог Джулиан Хаксли полагал, что только около 10% коммуникаций животных обеспечиваются обычным чувственным восприятием, характер остальных 90% остается неясным; это, в частности, относится и к приемам, которые используют дельфины). См. также ниже, § 27, под терминами "этология" и "зоосемиотика".

4. Знаковые системы. Люди, подобно животным, общаются при помощи коммуникативного поведения, осуществляемого посредством условно применяемых знаков.

Знаковая система представляет собой набор органически связанных между собой знаков. Знаком является, например, слово разговорного языка или начертанная метка при письме.

Наиболее распространенными знаковыми системами у людей являются: язык, передаваемый устно и принимаемый на слух, язык жестов, осуществляемый движением рук и принимаемый зрительно, и письмо, осуществляемое движением руки при рисовании, письме краской, выпарапывании или вырезании меток на предметах или другом более или менее долговечном материале и принимаемое зрительно.

Удобного термина, который охватывал бы все условные средства коммуникации посредством знаков, не существует. Французские ученые иногда употребляют в этом смысле термин *le langage*, называя в то же время устный язык *langage parlé*, *langage articulé*, или просто *la langue*. В английском *language* может употребляться для всех средств коммуникации при помощи знаков, а *speech* — только для устной формы языка*.

См. ниже, § 27, под термином "семиотика".

5. Определение термина "зрительная коммуникация". Зрительная коммуникация может быть определена как система или прием, связанные с использованием условных знаков, которые передаются одним лицом или большим числом лиц при помощи любых возможных средств — естественных или искусственных — и принимаются зрительно одним лицом или большим числом лиц.

Некоторые моменты, входящие в определения, данные в §§ 4 и 5, будут рассмотрены в §§ 6—17.

6. Значение терминов "знаковая система" и "прием". В соответствии с определением, данным в § 4, знаковая система представляет собой набор органически связанных между собой знаков. Система знаков может быть полной, как, например, устная форма языка или письмо в собственном смысле слова, или же ограниченной, как, например, морской код, использующий флаги. См. также § 14. Коммуникация может осуществляться либо при помощи знаков,

* То же соотношение существует между русскими терминами "язык" и "речь"; соответственно мы будем переводить выражение автора *oral language* русским термином "устная форма языка", а не "устная речь", так как автор не употребляет здесь слова *speech*. — *Прим. перев.*

которые не являются частью строго организованной системы, таких, например, как усмешка или крест, установленный в память о человеке или событии, либо при помощи знаков, представляющих собой часть системы, например, такой, как алфавит.

"Приемами" я называю разнообразные способы коммуникации, которые не удастся легко свести в систему, как, например, телодвижения и жесты неаполитанцев в отличие от языка жестов глухонемых.

Ввиду бесконечного количества различных типов, подтипов и промежуточных типов коммуникативного поведения невозможно провести строгую границу между системами знаков и приемами.

7. Значение наречия "условно" как термина. Наречие "условно", вводимое мною как термин при описании коммуникативного поведения (например, "посредством условно применяемых знаков"), предполагает, что знаки, употребляемые одними индивидуумами при передаче коммуникации, обладают потенциальным свойством быть понятными другим индивидуумам при приеме ими коммуникации. А это означает, что акт выражения, который никому не понятен, не является знаком и не представляет собой части системы коммуникации. Таким примером являются хотя бы бессмысленные детские каракули. См. также § 10.

8. Процесс коммуникации. Процесс коммуникации состоит из трех элементов: передачи, приема и вовлеченных в этот процесс физических явлений, таких, например, как звуковые или световые волны.

Передача коммуникации осуществляется любыми возможными средствами — как естественными (жесты, телодвижения и т. п.), так и искусственными (огонь, дым, свет, электроника и т. п.).

Так как средства передачи коммуникации слишком разнообразны и многочисленны, чтобы их можно было подвергнуть сколько-нибудь систематической классификации, то, приступая к рассмотрению систем коммуникации в целом, мы вынуждены принять за исходный пункт аспект приема. Прием коммуникации бывает по преимуществу зрительным или слуховым, а также, хотя и в весьма ограниченной мере, осязательным. Сколько-нибудь развитой системы обонятельных и вкусовых знаков не возникло.

9. Коммуникация в отличие от художественного самовыражения. Человек как существо социальное всегда находится или полагает, что находится, в таком положении, когда его художественное самовыражение осуществляется только путем коммуникации. И наоборот, все формы коммуникации людей в то же время служат или могут служить целям личного художественно-эстетического выражения. Отсюда следует, что во всех формах человеческого поведения средства коммуникации и средства самовыражения так тесно переплетены, что обычно бывает невозможно говорить об одних, не будучи вынужденным рассматривать также и другие.

В качестве примера одновременного воплощения обоих названных элементов — художественного самовыражения и коммуни-

кации — может служить одна картина, допустим, "Герника" Пикассо, или целая серия изображений, расположенных в последовательном порядке, как, скажем, те, что мы видим на колонне Траяна, или те, что представлены гравюрами на дереве Линда Уорда, а также современными юмористическими рассказами в картинках, комиксами.

10. Двусторонняя коммуникация. Как вытекает из значения приставки "ком-" в слове "коммуникация" (com- — от лат. cum 'с'), коммуникация предполагает совместные действия двух участников — передающего и принимающего. См. §§ 4—9.

Участниками двусторонней коммуникации могут быть люди или животные, либо одновременно человек и животное. Даже сообщение от себя к себе (мнемонические приемы, личные заметки и т. п.) требует присутствия двоих: первого "я" — передающего — и второго "я" — принимающего. Рассмотрение в связи с коммуникацией вопросов об одушевленности (человек, животное) и неодушевленности (аромат цветов, молния) или о земном (человек, животное, цветок) и внеземном (молния) находится за пределами данной статьи.

11. Последовательный порядок в отличие от произвольного. Порядок размещения элементов коммуникации может быть либо последовательным (как в устной форме языка, в древних календарных записях (см. § 28), в повествовательных изображениях и т. п. (см. § 9)), либо произвольным (как в примитивных наскальных рисунках или на современной карте, где коммуникация достигается совокупностью визуальных помет разного типа, порядок размещения которых не подчинен какой-либо строгой последовательности).

Последовательный порядок размещения знаков характерен главным образом для фонографической ступени письма (см. § 18 и §§ 23—25). Произвольный порядок размещения засвидетельствован преимущественно на дописменной и протописменной ступенях (см. § 18 и § 26).

В современном английском письме, которому в основном свойственно соблюдение последовательного порядка размещения, можно найти также и черты произвольности, которые видны из сравнения таких написаний, как, например, 22, 2^a, $\sqrt[3]{27}$, £1, 1lb., an icebox ('холодильник'), a nice box ('хорошенькая коробочка') и т. д. Наука о порядке размещения знаков, как последовательном, так и произвольном, называется *графотактикой*.

12. Мгновенная коммуникация в отличие от стабильной коммуникации (или фиксации). Некоторые системы знаков, такие, как устная форма языка, язык жестов или сигналы, подаваемые барабаном или дымом, ограничены во времени и в пространстве. Их ограничение во времени вызвано тем, что, едва осуществившись, они исчезают и могут быть возвращены к жизни только путем повторения. Ограничение же в пространстве обуславливается тем,

что соответствующая коммуникация может осуществляться только между индивидуумами, находящимися достаточно близко друг к другу.

Только визуальные системы, опирающиеся на употребление предметов (например, "письмо" посредством кипу) или меток на предметах (письмо в собственном смысле слова), не связаны ограничениями во времени и в пространстве и могут употребляться для целей стабильной коммуникации, или фиксации.

13. Понятие "широкого" смысла в отличие от "узкого". Заимствованное мною у известного английского фонетиста Генри Суита весьма плодотворное противопоставление "широкого" смысла термина "узкому" его смыслу является органической частью моих исследований письма и других вопросов. Это противопоставление можно проиллюстрировать следующим примером: звуки языка в широком смысле слова "звуки" мы называем "фонами" (их число безгранично), тогда как звуки языка в узком смысле слова "звуки" мы называем "фонемами" (число их ограничено); другими примерами противопоставления термина в его широком смысле термину в его узком смысле могут служить наименования "саксы", с одной стороны, и "Саксония", с другой, или "славянские страны", с одной стороны, и "Словакия" или "Словения", с другой.

Я подчеркиваю здесь особое значение использования понятий в их "широком" и "узком" смысле в связи с недоразумением, которое произошло в свое время из-за того, что я ввел термин "предписменности" (см. § 18 и § 21). Именно в связи с этим некоторые ученые решили, что я исключаю предписменности из предлагаемого мною понятия письма. Мне, однако, кажется, что употребление термина "предписменности" (с префиксом "пред-") по отношению к подклассу обширного класса, именуемого письмом, не должно вызывать большего недоразумения, чем общепринятое употребление термина "предыстория" (с тем же префиксом) для периода, конечно же, включаемого в историю. См. "Опыт изучения письма", стр. 34.

14. Системы и приемы ограниченных возможностей. Небольшая группа знаков может представлять собой своего рода прием, или систему с ограниченными возможностями. Из многочисленных примеров приведем здесь такие, как сигналы, подаваемые барабанами, свистком или рогом; сигналы, подаваемые огнем, дымом или светом; счет с помощью предметов, таких, как веревки, узлы (например, "письмо" кипу); "язык" цветов и камней; нотная запись музыки, а также "язык" мимического танца.

15. Смешанные системы и приемы. Ученые могут реконструировать системы в чистом виде, но практически акт коммуникации обычно осуществляется путем применения знаков, восходящих не к одной системе, а к двум и более.

Проповедник может пользоваться одним только разговорным языком (и таким образом вгонять свою паству в сон). Но хороший проповедник сопровождает свою речь жестами, телодвижениями и соответственным выражением лица. Если память мне не изме-

няют, встречаются люди, которые умеют считать только до десяти, произнося при этом числительные и показывая их в то же время на пальцах рук.

Устоявшиеся сочетания языка, жестов и телодвижений всегда и повсюду играли важную роль в ритуальных действиях. Карты и таблицы часто представляют собой сочетание письма как такового, оттиснутого, помимо типографской краски черного цвета, также и типографской краской других цветов, со специальными начертательными приемами.

Смешанные типы могут быть также обнаружены в пределах какой-либо одной знаковой системы, такой, например, как письмо, и даже в пределах одной разновидности письма, такой, как наш алфавит. Так, в современной письменной практике мы пользуемся *рисуночными* формами (например, рисунком †, изображающим крест вместо слова 'умер') наряду с *линейными* знаками (составляющими слово 'крест') и *логографическими* или *словесными* знаками, такими, как 7 или †, заменяющими *алфавитные* написания 'семь' или 'умер'.

16. Первичные системы в отличие от вторичных переносов.

При классификации различных средств или систем взаимной коммуникации людей необходимо проводить различие между первичными и вторичными системами. Когда отец подзывает своего сына свистом, он выражает свою команду свистом прямо, без посредства устной формы языка. Это — первичное средство коммуникации. Если же, однако, отец зовет своего сына, высвистывая два тона, имитирующие падение и подъем тона, присущие слову 'сын' в их родном языке (как, например, в некоторых тональных африканских языках), то, поступая так, он прибегает к языковому переносу. Его команда, передаваемая при помощи языковых элементов, представляет собой вторичное средство коммуникации. Произнесенное слово 'сын' представляет собой знак, входящий в первичную систему знаков, называемую "языком". В написанном же слове 'сын' имеет место вторичный перенос языкового знака, превращаемого в три написанных буквы алфавита. Если затем эти три буквы письма передать при помощи трех сигнальных огней, то такие сигналы будут знаками знаков, или третичными знаками. Подобным переносам нет предела.

17. Письмо и устная форма языка. В предыдущем параграфе я рассматривал первичные системы и вторичные переносы. Степень их корреляции может значительно колебаться от очень сильной до весьма слабой. Так, степень корреляции между тремя фонемами произносимого слова 'сын', относящегося к первичной системе, именуемой языком, и тремя написанными буквами слова 'сын', относящимися ко вторичной системе, именуемой письмом, является весьма сильной. А степень корреляции между письмом и устной формой языка в системах письма, которые я включаю в число фонографических (см. § 18, с. 318 и § 23—25), может колебаться от сильной до весьма сильной. Однако полной корреляции

никогда не бывает, даже в фонографических системах, потому что и они обычно не в состоянии адекватно передать такие просодические характеристики устной формы языка, как количество звука, ударение, высота тона и т. д. В пределах фонографических систем степень корреляции в алфавитных и слоговых письменностях оказывается более сильной, а в словесно-слоговых письменностях менее сильной. На ранних ступенях данной системы письма степень корреляции также оказывается сильнее, чем на более поздних ступенях. Это вызвано тем обстоятельством, что, когда система письма вводится впервые, она, как правило, более добросовестно воспроизводит фонемную структуру передаваемого ею языка. В дальнейшем письмо, будучи более консервативным, чем язык, не следует за постоянными изменениями последнего и с течением времени все более отдаляется от него. Прекрасным примером здесь может служить сравнение латинского алфавита со свойственным ему в древности относительно полным соответствием между графемами и фонемами и современного французского или английского письма с присущим им обоим колоссальным расхождением между теми и другими. В отдельных случаях реформы орфографии в какой-то мере помогли улучшить ситуацию. Наиболее полное соответствие между фонемами и графемами достигнуто в трех письменностях — в корейском письме XVI в., а из современных систем — в финской и чешской.

Степень корреляции между письмом и устной формой языка колеблется от слабой до весьма слабой, какой она является на дописьменных и предписьменных ступенях письма (см. § 18, с. 317 и § 21), а также в пара- и мета-приемах письма (см. § 18, с. 318 и § 26).

См. также Gelb, 1968, p. 198—199; Gelb, 1974, p. 1041 b, а также Gelb, 1975, p. 64—65.

18. Мое старое определение письма. Как мною показано и сформулировано в моей книге "Опыт изучения письма" (см. наст. издание, с. 22—24 и 238—242), письмо в самом широком смысле представляет собой систему взаимной коммуникации людей при помощи условно применяемых "зримых меток". Определяющими в этой дефиниции являются "зримые метки" (или "знаки", или "буквы") — не предметы или форма предметов, а именно метки на предметах или на любом более или менее прочном материале.

В письмо в самом широком смысле включаются:

(а) *Семасиография* (некоторые называют ее "идеографией"), в которой зримые метки употребляются для выражения значения, но не обязаны передавать языковые элементы. Лучшими примерами семасиографической ступени являются разного рода пре- и прото-аспекты письма, включаемые мною в число предписьменностей с их описательно-изобразительными и идентифицирующе-мнемоническими приемами. В качестве примеров здесь уместно привести наскальные рисунки (их размещение не имеет последо-

вательного порядка) или примитивный лунный календарь, высеченный на камне (с последовательным порядком размещения рисунков). См. наст. издание моей книги "Опыт изучения письма", с. 13, 17 и сл., 22, 24, 34—58, 184—188, а также ниже, § 21.

(b) *Фонография*, или *собственно письмо*, в котором зримые метки выражают языковые элементы, как правило, в последовательном порядке. Соответствующими примерами могут служить шумерское словесно-слоговое письмо, силлабарий чероки, а также английский алфавит. См. наст. издание моей книги «Опыт изучения письма», с. 67—183, 188—192, а также ниже, §§ 23—25 наст. статьи.

(с) *Пара-графия*, включающая различные приемы, употребляемые в пределах письма как такового или вне его. Здесь, как и в прото- и пре-аспектах письма, степень корреляции между зримыми метками и устной формой языка оказывается очень слабой, а порядок элементов, используемых при соответствующих приемах, бывает обычно произвольным. В качестве примеров здесь следует привести статистические таблицы, а также бухгалтерские записи, вставленные в связный текст, или же карты с применяемыми в них начертательными знаками и цветовыми приемами. См. наст. издание книги "Опыт изучения письма", с. 24—30, а также ниже, § 26 наст. статьи.

Иными словами, мы можем сгруппировать три описанных типа в два класса: (1) фонографический класс, к которому относится собственно письмо с характерной для него сильной степенью корреляции между знаками письма и устной речью, и (2) семасиографический класс, включающий как пре-, так и прото-типы письма, равно как и его пара- и мета-типы, с характерной для всех них слабой степенью корреляции между зримыми метками и языковыми элементами.

19. Типология и структура письма. У меня нет причин особенно распространяться на эту тему, так как она подробно разработана в моей книге "Опыт изучения письма" и в многочисленных статьях, опубликованных с тех пор. Приведу лишь краткий обзор разных типов, насколько это возможно, в порядке их исторического развития.

20. Рисуночные и начертательные знаки. Всякое письмо является в самой своей основе рисуночным, изобразительным по происхождению. Имеется, однако, небольшое количество начертательных, неизобразительных знаков, которые не восходят к первоначальным рисункам, а просто представляют собой несложные геометрические фигуры, такие, как вертикальная черта, круг, треугольник или квадрат. Такого рода начертательные знаки употребляются преимущественно для обозначения чисел.

21. Предписьменности. Чертой, объединяющей все примитивные попытки визуальной [зрительной] коммуникации, является отсутствие систематической корреляции между зримыми метками и элементами языка. Во всех этих попытках используются приемы

и условные обозначения, связанные со значением или значениями известных зримых меток; но ни в одной из попыток не был создан набор знаков, регулярно соответствующих звукам.

Существует два основных типа предписанностей.

(а) *Описательно-изобразительные приемы* используют средства, аналогичные рисункам, возникшим как результат эстетической потребности, но эти средства отличаются от рисунков тем, что содержат только те элементы, которые необходимы для передачи коммуникации, но лишены всего, что может служить для их украшения и что является необходимой составной частью рисунка как произведения искусства. Четкое разграничение между рисунком как произведением искусства и рисунком как средством коммуникации отсутствует. Самые лучшие образцы применения описательно-изобразительных приемов обнаружены среди наскальных рисунков Старого и Нового Света, восходящих ко времени от палеолита до наших дней.

(б) *Идентифицирующе-мнемонические приемы* используют отдельные рисунки или знаки не для изображения или описания какого-либо события, а для отождествления или фиксации лица, животного, предмета, песни, пословицы и т. п. Отдельный рисунок не воспроизводит целого стиха или всей пословицы, но лишь делает намек на них. Так, например, рисунок иголки с ниткой у африканского племени эве подсказывает пословицу "куда иголка, туда и нитка".

22. Развитие от предписанностей до собственно письма. В процессе употребления рисунков для отождествления предметов и существ при помощи идентифицирующе-мнемонических приемов между рисунками предметов и существ и их наименованиями в разговорном языке постепенно устанавливается полное соответствие, имеющее силу условного обозначения. А как только удастся установить, что слова могут быть выражены написанными знаками, тут же выясняется, что найден новый и значительно более совершенный способ коммуникации. Уже нет более нужды выражать предложение типа 'человек убил льва' при помощи сложного рисунка, изображающего человека с копьем или луком в руке в процессе убивания льва, как это делалось при помощи описательно-изобразительного приема. Необходимые три слова можно теперь написать при помощи последовательности трех знаков, изображающих человека, копьё или лук (то есть убивание) и льва.

Прием, при котором отдельные знаки могут выражать отдельные слова, естественно, должен привести к развитию полной системы словесных знаков, то есть словесного письма, или логографии. Однако создать и запомнить тысячи знаков для тысяч слов и имен, существующих в языке, практически настолько трудно, что логографическое письмо либо может найти применение только как система с весьма ограниченными возможностями, либо должно претерпеть какие-то дальнейшие изменения, которые позволят ему развиваться в полезную, практически применимую систему.

Примитивное логографическое письмо может развиваться в полноценную систему лишь при условии, что она сумеет закрепить за знаком фонетическое чтение, независимое от значения данного знака как слова. Этот процесс, именуемый нами "фонетизацией", представляет собой самый важный, уникальный по своему значению шаг в истории письма. Теперь этот прием именуется обычно "ребусным письмом" и может быть проиллюстрирован употреблением рисунка глаза (eye [ai]) и пилы (saw [sɔ:l]) для передачи английского выражения 'I saw' [ai sɔ:l] ('я видел').

С введением фонетизации и последовавшей за ней систематизацией как правил орфографии, так и условных правил, касающихся письма в целом, были разработаны полноценные системы, позволившие выразить все языковые элементы при помощи двух типов знаков — логограмм, или словесных знаков, и силлабограмм, или слоговых знаков. Системы такого рода мы именуем "логосиллабическими", или "словесно-слоговыми".

23. Словесно-слоговое письмо. Существует семь оригинальных развитых систем словесно-слогового письма: шумерская (и аккадская, или ассиро-вавилонская) в Месопотамии (с 3100 г. до н. э. по 75 г. н. э.), египетская иероглифическая в Египте (с 3000 г. до н. э. по 400 г. н. э.), протоэламская в Эламе (с 3000 г. до н. э. по 2200 г. до н. э.), протоиндская в долине Инда (около 2200 г. до н. э.), критская (около 2000 г. до н. э.), хеттская иероглифическая в Анатолии и Сирии (с 1600 г. до н. э. по 800 г. до н. э.) и китайская иероглифическая в Китае (с 1300 г. до н. э. по настоящее время).

Из этих семи систем три, а именно протоэламская, протоиндская и критская, до сих пор не дешифрованы.

Система индейцев майя не представляет собой словесно-слогового письма в собственном смысле слова, так как даже на наиболее высокой своей ступени она не достигает фонографического уровня развития, присущего другим системам уже на ранних их ступенях.

24. Слоговое письмо. Из четырех словесно-слоговых систем, перечисленных в предыдущем параграфе, со временем развились четыре силлабрии, в которых наблюдается различная степень упрощения: клинописные силлабрии (эламский, хурритский и т. д.) — из аккадской клинописи; западносемитские силлабрии (угаритский, финикийский, древнеарамейский, древнееврейский и т. д.) — из египетской иероглифики; эгейские силлабрии (линейный А, линейный Б, кипрский и т. д.) — из критского письма; и, наконец, японский силлабарий — из китайского письма.

Употребляя термин "западносемитские силлабрии", я выражаю свое твердое убеждение в том, что эти письменности представляют собой именно силлабрии, а не алфавиты, как часто утверждают. Эти западносемитские письменности строго следуют образцу своего египетского прототипа, а последний, если его рассматривать с точки зрения структуры и типологии письма, не мог быть ничем иным, как силлабарием.

25. Алфавитное письмо. Если под словом "алфавит" понимать письмо, выражающее отдельные фонемы языка, то первый алфавит был создан греками. Именно греки, восприняв в полном объеме формы западносемитского силлабария, создали систему знаков для гласных, которые при присоединении к старым слоговым знакам свели чтения этих слоговых знаков к простым согласным; тем самым греками была впервые создана собственно алфавитная система письма. Затем от греков и семиты в свою очередь научились употреблению значков для гласных и создали свои собственные алфавиты.

В последующие три тысячелетия алфавит сумел охватить всю совокупность цивилизации; что же касается принципов письма, то за этот огромный промежуток времени они не подверглись никаким реформам. Сотни алфавитов во всем мире, как бы ни различалась их внешняя форма, используют всё те же принципы, установленные впервые раз и навсегда в греческом письме.

26. Параграфия. Трейгер (см. T r a g e r, 1958), в частности, на стр. 8 своей работы высказал предположение, что некоторые способы коммуникации, либо являющиеся предпосылкой для языка как такового (например, голос), либо сопровождающие его (например, свойства голоса и его выразительность), попадают в класс пара-языка. Хэмп (см. H a m p, 1959) указал на существование аналогичных свойств письма и назвал науку об этих свойствах "параграфемикой". Однако параграфемика все еще остается весьма туманной областью и ее соотношение как с семасиографией, так и с собственно письмом нуждается в дальнейшем уточнении.

Различные приемы, употребляемые в пределах или за пределами письма как такового, могут быть названы *пара-письмом*, или *параграфией*, *мета-письмом*, или *метаграфией*. Из числа разнообразных пара- и мета-приемов здесь необходимо привести следующие: знаки препинания для обозначения границ между словами, сочетаниями слов, предложениями и т. д.; форму знаков (например, две формы сигмы в греческом для указания на ее начальную и среднюю или конечную позицию в слове); форму букв (например, прописные буквы и строчные); тип шрифта (например, прямой шрифт и курсивный); различные условные приемы, включая цвет (например, на картах или в бухгалтерских книгах); и, наконец, статистические и приборные графики. Подробнее см. G e l b, 1968, pp. 195 и 198, а также G e l b, 1974, pp. 1037 и сл. и 1042.

27. Области изучения. *Семиотика* (или семиология, или семасиология) является общей наукой, имеющей дело с различными системами знаков. Семиотика охватывает значительно более широкую область, чем термин "семантика", который ограничен сферой значения элементов языка. См. S e b e o k, 1964; S e b e o k, 1974; S e b e o k, 1976; G e l b, 1968, pp. 194—196; G e l b, 1974, pp. 1033b и 1040b; G e l b, 1975, p. 66.

Грамматология является областью изучения письма в самом

широком смысле слова. См. Gelb, 1968, pp. 196—198; Gelb, 1974, p. 1041a; Gelb, 1975, p. 67.

Графика, будучи разделом грамматики в качестве дочерней науки, занимается соотношением собственно письма и языка. См. Gelb, 1968, pp. 197—198; Gelb, 1974, p. 1041 a; Gelb, 1975, p. 67.

Эпиграфика и палеография — также разделы грамматики — занимаются формальными аспектами письма. См. Gelb, 1968, p. 198; Gelb, 1973, p. 258; Gelb, 1974, p. 1042 a и b; Gelb, 1975, pp. 63 и сл.

Лингвистика (языкознание) занимается изучением языковых систем преимущественно по устным источникам. Относительно меньше внимания уделяет она изучению языка письменного, то есть языка письменных источников, хотя и такое изучение также является предметом лингвистики. См. Gelb, 1968, p. 198; Gelb, 1974, p. 1041 a; Gelb, 1975, p. 66.

Филология связана главным образом с изучением языковых источников того или иного народа или группы народов по всем имеющимся литературным данным (отсюда и буквальный смысл этого термина). Она чаще имеет дело с письменными источниками, чем с устными. См. Gelb, 1968, p. 198; Gelb, 1974, p. 1041 a; Gelb, 1975, p. 66.

Кинесика занимается анализом телодвижений и жестов, тогда как *хирология* ограничивается изучением языка жестов. См. Birdwhistell, 1952; Birdwhistell, 1970; Stokoe, 1960; Stokoe, 1972; Sebeok and Umiker-Sebeok, 1978.

Этология — термин, который употребляют применительно к своей области специалисты по изучению поведения животных; сюда относится и научная дисциплина, называемая "зоосемиотикой" или "биономикой". См. Sebeok, 1968; Sebeok, 1969; Sebeok, 1972; Gelb, 1974, p. 1043 b, а также выше, § 3.

28. Пересмотр моего старого определения письма. Нижеследующие строки представляют собой в некотором смысле продолжение §§ 18—27. Вместе с тем они имеют целью сообщить читателю некоторые новые мысли и материалы для будущего изучения письма.

Очень большое значение я придаю правильному пониманию употребляемых мною применительно к письму (§ 13) понятий "широкого", "более широкого" и "самого широкого" смысла. Как показано в § 18, письмо в широком смысле может рассматриваться в рамках двух "сверх"-классов. Это — фонографический класс, которому свойственна сильная степень корреляции между знаками письма и элементами языка, и семасиографический класс, включающий предписменности и все виды зримых приемов, применяемых наряду с фонографическим письмом; семасиографическому классу свойственна слабая степень корреляции зримых меток и языковых элементов.

В свое время я считал различие между фонографическим и семасиографическим классами настолько важным для развития

письма, что назвал "собственно письмом" только первый из этих двух классов, связав второй с пре- ('до'), прото- ('пред-'), пара- и мета-асpekтами письма.

Все это опирается на субъективные оценки и весьма спорно; спорно прежде всего потому, что вопрос о письме в более широком смысле еще никогда не рассматривался в целом.

Я полагаю, что воздал должное предписанностям в их пре- и прото-аспекте и что мне удалось создать приемлемую рабочую типологию. Однако мне никогда не приходилось систематически изучать и анализировать с точки зрения структурной и типологической различные пара- и мета-приемы, встречающиеся в пределах и за пределами письма как такового, хотя я нередко упоминал о них в своей книге "Опыт изучения письма" (см. наст. изд.) и в данной статье. Это, по всей видимости, весьма сложный вопрос. Достаточно заметить, что лингвистам, которые рассуждают о качестве звука и голосовой выразительности (например, о "полетном" и командирском голосе), так и не удалось дать нам полное представление о различных аспектах языка, которые они включают в область, иногда именуемую ими "пара-языком" или "мета-языком". См. § 26.

Некоторые ученые критиковали меня за то, что я в своей книге "Опыт изучения письма" превозношу собственно письмо в ущерб письму в более широком смысле. Однако мне и теперь кажется, что для филолога вполне естественно останавливаться более подробно именно на источниках, написанных системами собственно письма. Но все же не следует упускать из виду, что глава II (Предписанности) моей книги обширнее, чем глава V (Алфавит), и содержит больше информации на названную тему, чем удается обнаружить в классических трудах по письму.

И тем не менее уже наступила пора пересмотреть этот вопрос.

Свыше десяти лет назад я стал интересоваться коммуникативным поведением животных, а также более широкими аспектами письма и их местом в рамках зрительной коммуникации между людьми. Таким образом, импульсы для пересмотра трактовки более широких аспектов письма поступали ко мне с разных сторон.

Весной 1972 г. я отправился в Аризонский университет, в город Таксон, чтобы провести несколько бесед о письме и на другие темы. Из плодотворных выступлений во время этих моих бесед и из отдельных встреч с некоторыми этнографами, в особенности с Китом Бэссоу, я узнал о новых типах фиксации, употребляемых североамериканскими индейцами, в частности апачами. Возник вопрос о том, как сравнить эти чрезвычайно примитивные типы индейских записей с записями подобного рода из других мест и как их все учесть в моем определении письма в самом широком его понимании.

Две важных работы, вышедших в последние годы, не только показали, как именно человек считал в доисторические времена, но и позволили установить, что фиксация счета составляла неотъ-

емлемую часть человеческих умений задолго до того, как системы письма приобрели определенную форму. Я подразумеваю лунную нотацию Маршака и описанные у Амье и, в особенности, у Шмандт-Бессерат приемы, связанные с применением глиняных значков *, существовавшим на доисторическом и историческом Ближнем Востоке и в смежных районах.

Начиная с 1964 г. Александр Маршак опубликовал ряд статей, завершившихся книгой, вышедшей в 1972 г. Этим работам было суждено вызвать немалое смятение в ученом мире. Пристально изучая разного рода метки в виде вертикальных линий, точек и рисунков, встречающихся на движимых предметах и на стенах пещер и восходящих к началу верхнего палеолита, то есть имеющих примерно тридцатитысячелетнюю давность, Маршак значительно продвинул их интерпретацию и смог придти к выводу, что они не являются чисто орнаментальными, а связаны с фиксацией времени, например истекших дней или лунных месяцев, и сезонных событий, таких, например, как миграция рыбы.

Не опасаясь впасть в преувеличение, смело могу заявить: я убежден, что Маршаку удалось доказать, что уже в начале верхнего палеолита человек следил за сменой фаз луны, систематически нанося на камень соответствующие метки. Такая нотация засвидетельствована в различных формах не только по всей Европе, но в мезолитический период также и в Африке.

Интересно, что русский ученый Фролов, не будучи знаком с более ранними работами Маршака, подчеркнул важную роль чисел на предметах из палеолитических находок.

В двух основных своих исследованиях, опубликованных в 1977 и 1979 гг., Дениз Шмандт-Бессерат ввела в научный обиход и изучила найденные повсеместно при раскопках на Ближнем Востоке, в Иране, Ираке, Сирии, Палестине, Анатолии и Египте, а кроме того, также в Греции и Западном Туркестане сотни и даже тысячи значков, то есть мелких глиняных предметов в форме шариков, дисков, конусов, цилиндров и т. п. По мнению Шмандт-Бессерат, эти значки следует датировать периодом с IX по II тысячелетие до н. э. Изредка для изготовления значков, помимо глины, применялись и другие материалы, такие, как камень и кость. Значки различной формы встречаются как с разного рода вырезанными на них метками, так и без какого-либо узора. Некоторое число глиняных значков найдено в их первоначальной оболочке — небольшой шарообразной или цилиндрической глиняной емкости.

Считается, что эти значки применялись для обозначения количества и рода продуктов, таких, например, как зерно или растительное масло.

Шмандт-Бессерат предлагает весьма несложную картину эволюции письма: от простых глиняных значков, появляющихся впер-

* У автора — tokens. Это слово не имеет адекватного русского соответствия, означая "вещественный опознавательный знак" (билет, номерок, талон, значок); мы будем условно называть tokens *значками*. — *Прим. перев.*

вые в IX тысячелетии до н. э., к меткам на такого рода значках, засвидетельствованным около 3100 г. до н. э., и от последних к наиболее раннему шумерскому письму.

Выражая свое отношение к предложенной концепции, мы должны начать с того, что о функционировании значков, датируемых промежутком времени с IX тысячелетия до н. э. по первую половину IV тысячелетия до н. э., абсолютно ничего не известно. Можно, однако, строить догадки по этому поводу на основании того, что удастся узнать о значках, засвидетельствованных начиная со второй половины IV тысячелетия до н. э.

Наиболее понятный образец такого рода, датируемый серединой II тысячелетия до н. э., обнаружен в Нузи. Речь идет о небольшом полом глиняном цилиндре, первоначально содержавшем 48 камешков разного цвета (ныне утраченных) и имевшем на своей поверхности клинописную надпись, перечислявшую 48 разных овец и коз, которые были отданы на попечение некоему пастуху.

Функционально роль этих камешков была той же, что и роль различных приемов, которые используются безграмотными пастухами (не умеющими подчас считать далее пяти или десяти) во всем мире и во все времена, для того, чтобы представить себе количество и род животных, находящихся на их попечении, — овец и коз, самцов и самок, старых, зрелых и молодых. Но одно дело — сохранять сведения о животных при помощи разных камешков в мешке и другое — делать это посредством разного рода зарубок на палочке (так называемые "счетные палочки"). Это совершенно разные процедуры.

Так как камешки в первой процедуре имеют определенную форму или цвет, это позволяет сделать вывод, что дифференциация *формы* или *цвета* камешков (или любых других предметов) имеет ту же функцию, что и дифференциация *меток* во второй процедуре. Аналогичной по функции является система кипу перуанских инков, в которой простой *учет продуктов и живых существ фиксировался* при помощи шнуров и узлов разной формы и цвета.

Все эти пастушеские приемы нотации и другие условные приемы, основанные на употреблении предметов, я подробно рассмотрел в настоящей книге (сс. 13—18, а также с. 19). Относительно их места в истории письма см. ниже, § 29, с. 332 наст. статьи.

Именно универсальность распространения во времени и пространстве пастушеских приемов счета как при помощи заключенных в мешок камешков или других предметов, так и при помощи зарубок на палке делает весьма неправдоподобной гипотезу Шмандт-Бессерат о существовании единой общей системы, ограниченной во времени периодом между IX и II тысячелетиями до н. э., а территориально — ареалом Ближнего Востока и отдельных прилегающих районов. Меня нисколько бы не удивило, если бы подобные приемы обнаружили в каких-либо доисторических или исторических слоях, скажем, в Индии или в Китае.

Новые моменты в развитии системы значков начинают появляться в пределах обширного культурного ареала, включающего Ирак, Иран и Сирию, во второй половине IV тысячелетия до н. э. Это — период формирования шумерской и протоэламской систем письма (соответственно в Ираке и Иране). Ниже приводится обзор находок.

(а) Глиняные емкости с шумерскими надписями на них. Эти надписи дают некоторое представление о значении формы значков, содержащихся в соответствующих емкостях и не имевших на себе никакого узора. Возможно, что иногда форма некоторых значков могла получать отражение в форме знаков шумерского письма. Пока отождествлены только цифры: большой значок в форме округлого конуса соответствует на письме большому полукругу, обозначающему "60"; значок, имеющий форму шара, соответствует кругу, обозначающему "10"; а маленький значок, имеющий форму округлого конуса, соответствует маленькому полукругу, обозначающему "1".

(б) Значки с вырезанными на них начертательными метками в форме точек, кругов, вертикальных линий, крестов и т. п. Только одно соответствие между формой такого рода значков и формой знаков шумерского письма установлено с достаточной уверенностью, а именно — значок шара или диска с вырезанным на его поверхности изображением окружности со вписанным в нее крестом, соответствует шумерскому знаку 'овца', состоящему из круга с крестом внутри.

(с) Значки с вырезанными на них изобразительными метками в виде рисунков каких-либо предметов. Среди нескольких вероятных соответствий между такого рода метками на значках и шумерскими знаками выделяется одно, а именно — совпадение рисунка метки, обозначающей зерно, с начертанием знака для слова 'ячмень' (и 'зерно' вообще) в шумерском письме.

Что касается подавляющего большинства значков, то провести сколько-нибудь достоверное сопоставление их собственной формы и формы меток на них, с одной стороны, и формы знаков шумерского письма, с другой, по крайней мере в настоящее время не представляется возможным.

В дальнейшем еще предстоит исследовать значение соотношения формы значков с их значением, а также вопрос о возможном существовании нескольких систем значков в одном ареале, например официальной и высокоразвитой системы, употребляемой в урбанизованной среде, с примитивной системой, применяемой пастухами в сельской местности.

Соображение о том, что значки (а) и начертательные метки (б) предшествовали шумерским знакам, не вызывает сомнений, так как и те и другие были обнаружены не только в слоях второй половины IV тысячелетия до н. э., но и во многих значительно более древних слоях и областях за пределами Ирака, Ирана и Сирии.

Датировку значков с изобразительными метками (с) нельзя считать окончательной ввиду того, что они могут относиться ко времени более раннему, чем наиболее древнее шумерское письмо, или быть более или менее современными ему. Даже если окажется, что такие значки, как тот, что несет на себе изобразительную метку для слова 'ячмень', древнее шумерского письма, это не сможет считаться доказательством происхождения шумерских знаков от системы значков, так как в данном случае всего вероятнее, что форма как шумерского знака, так и метки на значке заимствована из общего репертуара меток, существовавшего на протяжении тысячелетий и в изобразительном искусстве, и для целей коммуникации. В конце концов, это не столь уж важно, так как происхождение отдельных шумерских знаков от системы значков столь же вероятно, как и происхождение отдельных знаков письма от знаков языка жестов. Едва ли стоит оспаривать, что форма некоторого количества, быть может, десятка или дюжины значков или меток на значках, соответствует или может соответствовать форме такого же числа знаков шумерской системы письма; в частности, это касается знаков для цифр. Однако Шмандт-Бессерат претендует на то, что к доисторической системе значков восходит вся шумерская система письма в целом, включая репертуар знаков и применение табличек, что кажется мне столь же необоснованным, как и попытки других ученых возвести письмо к иконографии печатей, языку жестов или символическим изображениям. Истина состоит в том, что весьма богатый инвентарь знаков раннего письма восходит не к какому-либо одному из перечисленных приемов, а ко всем названным приемам, вместе взятым.

Отвергая происхождение формы знаков шумерского репертуара от системы глиняных значков, я хотел бы подчеркнуть один положительный момент, подсказанный изучением последних. Учитывая очень широкое распространение глиняных значков на всем древнем Ближнем Востоке как до, так и во время формирования шумерского письма, вполне естественно предположить, что именно от системы значков исходил тот решающий стимул, который в конечном счете привел к созданию систем собственно письма. Я особенно счастлив подчеркнуть это обстоятельство, так как оно могло бы послужить как прямым, так и косвенным подтверждением двух выводов, к которым я пришел в своей книге: (а) что шумерское письмо обязано своим происхождением потребностям, выдвинутым экономикой общества, требовавшей учета продуктов, прибывавших в город и отправляемых из него (с. 70), и (b) что вовсе не описательно-изобразительный прием, а именно идентифицирующе-мнемонический прием находится на прямом пути, ведущем к развитию собственно письма (с. 185 и сл., а также выше, § 21).

Я бы хотел сказать в заключение, что настоящие замечания и дополнения мне удалось сделать лишь потому, что благодаря работам Д. Шмандт-Бессерат в круг исследования был включен целый ряд источников, которые раньше пребывали в пол-

ном небрежении. За это мы должны быть ей вечно благодарны.

Несколько месяцев тому назад я получил статью А. Форбса и Т. Кроудера (Forbes and Crowder, 1979) с сопроводительным письмом А. Форбса. Авторы занимаются преимущественно метками, которые встречаются во франко-кантабрском искусстве, датируемом примерно пятнадцатым тысячелетием до н. э., но они указывают, что аналогичные метки засвидетельствованы и ранее, в мустьерском периоде, за сорок пять тысяч лет до н. э., и даже в ашельском периоде, 150—300 тысяч лет назад. Вместо обычной классификации этих меток как мобилиарных, то есть как меток на мелких движимых предметах, и как парietальных, то есть как меток на стенах пещер и скальных убежищ, авторы вполне обоснованно выдвигают другую классификацию, различающую метки изобразительные (представляющие собой по преимуществу рисунки животных и людей) и неизобразительные (представляющие собой знаки в виде точек, линий и т. п.). В ряде случаев авторы подчеркивают важную роль последовательного порядка размещения неизобразительных меток. Однако формальная связь, которую они видят между неизобразительными метками, давность которых исчисляется многими тысячелетиями, и знаками письменностей в собственном смысле слова, существовавших в Средиземноморье в историческое время, вряд ли может считаться правдоподобной. В своем письме Форбс пишет: «Оба эти исследователя (подразумеваются Маршак и Шмандт-Бессерат) полагают, что счет предшествует письму, тем самым разделяя гипотезу, которая, по-видимому, преобладала на протяжении длительного времени. Статья, которую я посылаю Вам, пытается показать, что дело, вероятно, обстояло иначе и что, возможно, письмо предшествовало счету или возникло одновременно с ним».

Различные типы доисторических меток, не всегда связанных со счетом, рассматриваются в ряде весьма полезных статей советских авторов — Столяра, Журова, Формозова, Арутюнова и Иванова, — чьи резюме приведены в переводе в журнале "Soviet Anthropology and Archaeology", 1977—1978, с. 16.

Все сказанное нами в настоящем параграфе выше касалось письма в предисторическое и историческое время. Статьи же, опубликованные в журнале, который называется "Visible Language" ("Зримый язык") и издается Миральдом Э. Ролстэдом, знакомят нас с источниками совершенно другого рода, представляющими собой то, что я называю пара- и мета-аспектами письма. Как видно из подзаголовка журнала и краткого сообщения о нем в работе Wrolstad, 1971, журнал посвящен исследованиям разнообразных зримых приемов выражения — типографских, художественных, каллиграфических, поэтических и т. д. Почти каждый новый выпуск оказывается страной чудес для тех, кто прямо или косвенно интересуется вопросами коммуникации и фиксации.

Различные подходы к разрешению интересующих нас проблем,

приведенные выше, вынуждают нас по-новому взглянуть на структуру, типологию и определение письма в самом широком его понимании.

29. Новое определение письма. Ниже я прежде всего приведу перечень различных визуальных систем и приемов, доступных человеку. Хотя сводка примеров может оказаться неполной, я все же надеюсь, что она должным образом отражает все основные типы. Классификация типов учитывает не только все сказанное выше, но и те дополнительные соображения, которые будут приведены ниже, непосредственно за данным перечнем.

(а) Мгновенная коммуникация

Ухмылка, улыбка, жест
Язык жестов
Подражание
Мимический танец
Подача сигналов огнем,
дымом, светом, светофо-
ром

(b) Стабильная коммуникация

(I) Семасиографические приемы, или предписываемости. Применяются метки на предметах и на любом более или менее долговечном материале, а также используется форма и/или цвет предметов; в обоих случаях налицо лишь слабая степень корреляции с устной формой языка.

(1) Описательно-изобразительные приемы

(α) Применяются метки на предметах или на любом более или менее долговечном материале.

Рисуночная коммуникация
Изображения магического
и культового характера
Изобразительное искусство
Повествовательные изобра-
жения (например, колон-
на Траяна, рассказы
Линда Уорда в виде
серии гравюр на дереве)
Иконография печатей

(β) Используются форма и/или цвет предметов или любого более или менее долговечного материала

Скульптурные изображе-
ния в память умерших
(например, надгробные
камни)

Скульптурное искусство

(2) Идентифицирующе-мнемонические приемы

(α) Применяются метки на предметах или другом более или менее долговечном материале

Фиксация цифр, времени,
вида продуктов, имен,
поговорок, песен и т. д.

Знаки собственности

Геральдические знаки

Посохи гонимых

Метки каменщиков и гор-
шечников

Пояса-вампумы

Тавро и татуировка

- (б) Используются форма и/или цвет предметов или
любого более или менее долговечного материала

"Помощники памяти" (на-
пример, завязывание уз-
ла на носовом платке)

Фиксация цифр, вида про-
дуктов и т. п. при по-
мощи камешков, глиня-
ных значков, шнуров и
узлов (кипу) и т. д.

"Язык цветов"

"Язык камней"

- (II) Фонографические системы собственно письма. Применя-
ются метки, для которых характерна сильная степень
корреляции с устной формой языка.

Словесно-слоговые системы

Слоговые системы

Алфавитные системы

- (III) Параграфические приемы или системы с применением
меток, употребляемые в пределах и вне пределов письма
как такового и характеризующиеся слабой степенью корре-
ляции с устной формой языка.

Картографические приемы
Бухгалтерские книги, таб-
лицы и графики

Нотация, принятая в ма-
тематике, символической
логике и в других науках

Криптография (коды и ши-
фры)

Системы стенографии

Нотная запись в музыке

Нотация с использованием
мимических танцев

Серии юмористических кар-
тинок и комиксы

Приемы каллиграфии

Зримый язык Ролстэда

Я оставил без внимания многие системы и приемы, образованные вторично или третично от нормального алфавита. Таковы, например, азбука Морзе (зримая и соответственно как мгновенная, так и стабильная, либо слышимая и соответственно мгновенная), световые сигналы на основе азбуки Морзе (зримые, мгновенные), азбука Брайля (преимущественно тактильная и соответственно стабильная, но также и зримая и соответственно тоже стабильная), прочерчивание самолетом буквенных знаков (зримое, мгновенное). Для переносов такого рода (см. § 16) нет предела, в особенности, если включить сюда применение различных механических и электронных средств.

По поводу систем ограниченных возможностей и других систем, примыкающих к ним, см. соответственно §§ 14 и 15.

Можно выявить, с одной стороны, черты, характерные для визуальных знаковых систем вообще, с другой стороны, черты, выделяющие из числа этих систем письмо, в частности. Черты эти следующие:

Визуальные знаковые системы вообще	Письмо, в частности
Мгновенны или стабильны	Стабильно
Являются выражением или коммуникацией	Является коммуникацией
Выполняются любыми средствами	Выполняется двигательным действием руки

В §§ 12 и 17 мы различали коммуникацию мгновенного и стабильного типа. Мгновенной коммуникацией является, например, такая, как ухмылка или улыбка, жест, сигналы огнем или дымовые сигналы; стабильной коммуникацией является, например, такая, как письмо кипу, то есть письмо шнурами или узлами, или наш алфавит.

Если допустить в соответствии с изложенным в предыдущих параграфах, что письмо представляет собой зрительную коммуникацию со стабильным, длительным действием, то все системы и приемы мгновенного характера, ограниченные во времени и в пространстве, прежде всего язык жестов и подача сигналов при помощи огня и дыма, света и светофора, должны быть исключены из нашего определения письма. Останутся только приемы и системы, связанные с предметами и метками на предметах. Только такие приемы и системы выполняют функцию фиксации; иными словами, письмо есть фиксация.

В § 28 на с. 324 и сл. я упоминал о широком распространении пастушеских приемов нотации, опирающихся на употребление камешков в мешке или зарубок на палке; я говорил об этих приемах в связи с обсуждением недавно обнаруженных приемов, которые базируются на использовании глиняных значков на древнем Ближнем Востоке и в некоторых смежных районах.

В книге "Опыт изучения письма", публикуемой в настоящем издании, я подробно рассмотрел этот тип нотации (см. с. 15—18, а также с. 18—19), распространенный среди пастухов, и другие приемы, опирающиеся на употребление предметов.

В то время, когда я писал эту книгу, я считал, что так называемое "предметное письмо" (перевод *ad hoc* немецкого *Sachschrift* или *Gegenstandsschrift*) скорее относится к визуальной коммуникации вообще, чем к письму, в частности. Я пришел также к выводу, что «письмо осуществляется не посредством самих предметов, а при помощи меток на них», так как «значение и этимология слова "писать" во многих языках указывают на то, что письменные знаки обычно выполняются двигательными действиями руки, которая либо чертит, либо рисует кистью, либо выцарапывает, либо вырезает» (см. с. 18 и сл.).

В противоположность моему прежнему мнению, нотация, применяемая пастухами, и другие приемы, основанные на употреблении предметов, должны быть включены в понятие письма в его самом широком смысле, так как критерием становится не противоположность между предметом и метками на предмете, а *параллелизм, существующий между формой и/или цветом и метками на предметах.*

На примитивных стадиях развития человечества самым естественным способом сообщаться визуально было нанесение меток в виде рисунков. Рисунок или группа рисунков по мере возможности обеспечивали те нужды, которые впоследствии стало удовлетворять письмо. Со временем рисунки стали развиваться по двум направлениям: (а) как изобразительное искусство, в котором рисунок, появившись как результат художественно-эстетической потребности, продолжает более или менее добросовестно воспроизводить предметы и события окружающего мира в форме, независимой от языка; и (б) как письмо, в котором письменные формы, независимо от того, сохраняют они свои рисуночные начертания или нет, служат целям коммуникации и становятся в конце концов знаками для языковых элементов. Наряду с изобразительным искусством в узком смысле, мы должны при рассмотрении письма исключить также скульптуру и другие формы выражения, воспринимаемые зрительно и являющиеся результатом художественно-эстетической потребности, как, например, мимические танцы. См. также § 9.

Как указано в § 8, передача коммуникации может осуществляться любым доступным способом, будь то способ естественный (жест, телодвижение и т. п.) или искусственный (огонь, дым, свет, электроника и т. п.). Письмо же, при условии исключения вторичных переносов, о которых шла речь в начале данного параграфа, выполняется исключительно двигательным действием руки.

Если мы включим в понятие письма в широком смысле системы и приемы со стабильной, длящейся функцией, то есть те системы и приемы, которые основаны не только на употреблении меток на

предметах, но также и на использовании формы и/или цвета предметов, то мое старое определение письма, приведенное в § 18, которое звучит: «Письмо в самом широком смысле представляет собой систему взаимной коммуникации людей при помощи условно применяемых зримых меток», должно читаться следующим образом: «Письмо в его самом широком смысле представляет собой систему визуальной интеркоммуникации либо при помощи меток на предметах, либо путем использования формы и/или цвета предметов, причем и метки и форма и/или цвет предметов применяются условно».

В свете изложенного выше это определение следует несколько перефразировать, и тогда оно предстанет в том окончательном виде, в котором мне и хотелось бы его предложить: «Письмо в самом широком аспекте представляет собой систему или прием фиксации посредством условных меток либо условной формы и/или цвета предметов, осуществляемых двигательным действием руки одного индивидуума и принимаемых зрительно другим.»

В § 13 мною рассмотрены понятия "широкого" и "узкого" смысла, как вообще, так и в связи с задачами данной статьи.

Ниже приводятся свойства, характерные для письма в самом широком смысле, то есть для письма вообще, а также свойства, характерные для письма как такового, или собственно письма, то есть для письма в частности.

Письмо в самом широком смысле	Собственно письмо
= Семасиография, фонография и параграфия	= Фонография
Слабая и сильная степень корреляции с устной формой языка	Сильная степень корреляции с устной формой языка
Метки на предметах либо форма и/или цвет предметов	Метки на предметах
Последовательный или произвольный порядок	Последовательный порядок

Все эти свойства рассмотрены выше. Относительно семасиографии см. §§ 18 и 21; относительно фонографии см. §§ 18 и 22—25; относительно параграфии см. §§ 18 и 26; относительно корреляции с языком см. §§ 15 и 18—26; относительно предметов и меток см. сказанное в настоящем параграфе; относительно последовательного и произвольного порядка см. § 11.

30. Изучение письма в будущем. Около двадцати пяти лет назад под заглавием "A Study of Writing" ("Опыт изучения письма") вышло первое издание моей книги. Ее первоначальный подзаголовок "Foundations of Grammatology" ("Основы грамматиологии") был в дальнейшем заменен (издателями) описательной фразой: "Рассмотрение общих принципов, определяющих употребление и эволюцию письма".

Неопределенный артикль "А" в заглавии "A Study of Writing" воплощал не скромность автора, а надежду, что его первое исследование вскоре окажется превзойдено другим, которое будет лучше отвечать предъявляемым требованиям и будет более доскональным. Об этом было ясно сказано на с. 32: «Цель данной книги—заложить фундамент подлинной науки о письме, которую еще предстоит создать».

К сожалению, моей надежде не суждено было осуществиться. Я говорю это не столько в похвалу автору, старомодному филологу, посвятившему себя изучению древнего Ближнего Востока, сколько в укор тем лингвистам, которые склонны рассуждать о письме так, словно единственной областью его употребления являются англоязычные страны.

В будущем изучение письма должно начинаться с тщательного исследования всех разнообразных типов визуальной коммуникации — как древних, так и современных, как в широком смысле данного понятия, так и в узком, как типов, имеющих неограниченные возможности развития, так и типов с ограниченными возможностями, как типов первичных, так и типов вторичных,— и все это во имя установления структуры этих типов и уточнения их типологии.

Необходимо расширить наши горизонты во всех направлениях — вертикально и горизонтально. Вертикальное направление предусматривает проникновение в глубь времен, вплоть до верхнего палеолита, примерно на 30 тысяч лет назад, даже еще глубже, вплоть до ашельского периода, существовавшего примерно 150—300 тысяч лет тому назад (см. § 28, место, где рассматриваются работы Маршака, а также Форбса и Кроудера); горизонтальное направление подразумевает изучение всех видов пара- и мета-аспектов письма, которые встречаются в пределах и за пределами письма в собственном смысле слова и в наше время, и ранее. Теоретически здесь нет никаких границ: ребенок, рисующий на песке, и медведь, трущійся спиной о дерево, оставляют зримые метки, которые не могут не учитываться исследователем.

Кто же создаст будущую науку о письме, кто напишет новую грамматику? Не я. И не из-за возраста — я родился в сельской местности и полон сил,— а из-за других важных обязательств.

Arts longa, vita brevis, то есть, выражаясь попросту, работа эта велика и трудна, а жизнь коротка. Работа эта велика, потому что для нее необходимо учесть потрясающее количество данных, а трудна потому, что требует не только простой регистрации всех данных, но точного типологического мышления для их структурной классификации.

В заключение я хотел бы выразить свое твердое упование на то, что непременно найдется отважный молодой исследователь, будь то мужчина или женщина, который воспримет идеи, содержащиеся в этой статье, и построит на их основе новую и лучшую науку о письме.

31. Избранная библиография

Birdwhistell, Ray L. Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture. Louisville, Ky.: University of Louisville, 1952.

Birdwhistell, Ray L. Kinesics and context: Essays on body motion and communication. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1970.

Forbes Jr., Allen and Crowder, Thomas R. The problem of Franco-Cantabrian abstract signs: Agenda for a new approach.—"World Archaeology", 1979, 10, pp. 350—366.

Frolov, B. A. Numbers in paleolithic graphic art and the initial stages in the development of mathematics.—"Soviet Anthropology and Archeology", 1977, 16, issue 3—4, pp. 142—166; и 1978, 17, issue 1, pp. 73—93 (выборочный перевод книги, опубликованной в СССР в 1974 г.). [См. также Фролов Б. А. Числа в графике палеолита, 1974.]

Gelb, I. J. A Study of Writing: The foundations of grammatology. London: Routledge and Kegan Paul и Chicago: University of Chicago Press, 1952; исправленное и дополненное издание: Chicago: University of Chicago Press, 1963.

Gelb I. J. Grammatology and graphemics.— В паб.: Bill J. Darden, Charles-James N. Bailey, and Alice Davison (eds.). Papers from the Fourth regional meeting. Chicago Linguistic Society. Chicago: Department of Linguistics, University of Chicago, 1968.

Gelb, I. J. Written records and decipherment.—In: Thomas A. Sebeok (ed.). Current Trends in Linguistics (Vol. 2). The Hague: Mouton, 1973.

Gelb, I. J. Writing.—In: "Encyclopaedia Britannica", 15th ed., 1974, pp. 1033—1045.

Gelb, I. J. Records, writing, and decipherment.—In: Herbert H. Paper (ed.). Language and texts: The nature of linguistic evidence. Ann Arbor, Mich.: Center for Coordination of Ancient and Modern Studies. University of Michigan, 1975 (вариант статьи, опубликованной с незначительными изменениями в "Visible Language", 1974, 7, pp. 293—318).

Hamp, Eric P. Graphemics and paragraphemics.—"Studies in Linguistics", 1959, 14, pp. 1—5.

Marshack, Alexander. The roots of civilization: The cognitive beginnings of man's first art, symbol, and notation. New York: McGraw-Hill, 1972.

Schmandt-Besserat, Denise. An archaic recording system and the origin of writing.—"Syro-Mesopotamian Studies", 1977, 1, issue 2, pp. 1—32.

Schmandt-Besserat, Denise. An archaic recording system in the Uruk-Jemdet Nasr period.—"American Journal of Archaeology", 1979, 83, pp. 19—48.

Sebeok, T. A. (ed.). Animal communication: Techniques of study and results of research. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1968.

Sebeok, T. A. Contributions to the doctrine of signs. Indiana University Publications. Studies in Semiotics, Vol. 5. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1976.

Sebeok, T. A. Perspectives in zoosemiotics. The Hague: Mouton, 1972.

Sebeok, T. A. Semiotics: A survey of the state of art.—In: T. A. Sebeok (ed.). Current Trends in Linguistics (Vol. 12). The Hague: Mouton, 1974.

Sebeok, T. A., Hayes, A. S., and Bateson, M. C. (eds). Approaches to semiotics: Cultural anthropology, education, linguistics, psychiatry, psychology. The Hague: Mouton, 1964.

Sebeok, T. A., and Ramsey, A. (eds). Approaches to animal communication. The Hague: Mouton, 1969.

Sebeok, T. A., and Umler-Sebeok, D. J. (eds). Aboriginal sign languages: Gesture systems among native peoples of the Americas and Australia (2 vols). New York: Plenum Press, 1978.

Stokoe, W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf.—"Studies in Linguistics, Occasional Papers", Vol. 8, Buffalo, N.Y.: University of Buffalo, 1960.

Stokoe, W. C. Semiotics and human sign languages. Approaches to Semiotics, Vol. 21, The Hague: Mouton, 1972.

Trager, G. L. Paralanguage: A first approximation.—"Studies in Linguistics", 1958, 13, pp. 11—16.

Wroslad, M. E. Visible Language: The journal for research on the visual media of language expression.—"Visible Language", 1971, 5, pp. 5—12.

Wroslad, M. E. A Manifesto for Visible Language.—"Visible Language", 1976, 10, pp. 5—40.

И. Е. Гельб

Список иллюстраций

- Рис. 1.* Способы коммуникации идей (таблица).
Рис. 2. Способы написания языковых элементов (таблица).
Рис. 3. Примеры непоследовательности в фонетическом письме (таблица).
Рис. 4. Наскальные рисунки из Южной Африки, изображающие ритуал вызывания дождя.
 Из книги: Leo Frobenius and Douglas C. Fox. Prehistoric Rock Pictures in Europe and Africa (New York, 1937), с. 47.
Рис. 5. Петроглифы из штата Орегон.
 Из книги: L. S. Cressman. Petroglyphs of Oregon (Eugene, 1937), с. 31.
Рис. 6. Петроглифы из северо-западной Бразилии.
 Из: Theodor Koch-Grünberg. Südamerikanische Felszeichnungen (Berlin, 1907), табл. 5.
Рис. 7. Линейные рисунки из Испании и Франции.
 Из: Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, VII, табл. 114 и сл.
Рис. 8. Индейский наскальный рисунок из штата Нью-Мексико.
 Из: Garrick Mallery. Picture-Writing of the American Indians (Washington, 1893), с. 354.
Рис. 9. Индейский наскальный рисунок из штата Мичиган.
 Из: Henry R. Schoolcraft. Historical and Statistical Information, Respecting the History, Condition and Prospects of the Indian Tribes of the United States, Part I (Philadelphia, 1851), табл. 57 В — напротив с. 406.
Рис. 10. Письмо индейца-чейена.
 Из: Garrick Mallery. Picture-Writing, с. 364.
Рис. 11. Письмо девушки из племени оджибва к возлюбленному.
 Из: Garrick Mallery. Picture-Writing, с. 363.
Рис. 12. Декларация губернатора земли Ван-Димена (Тасмания).
 Из: James Bonwick. The Last of the Tasmanians (London, 1870), табл. напротив с. 84.
Рис. 13. Письменное сообщение об охоте (Аляска).
 Из: Garrick Mallery. Picture-Writing, с. 332.
Рис. 14. Письменное сообщение об уходе из дому (Аляска).
 Из: Garrick Mallery. Picture-Writing, с. 353.
Рис. 15. Клейма каменотесов из Анатолии.
 Из: A. Gabriel в журн. "Syria", X (1929), с. 265.
Рис. 16. Имена из Списка оглала.
 Из: G. Mallery. Pictographs of the North American Indians (Washington, 1886), табл. LII.
Рис. 17. Имена из Переписи Красной Тучи.
 Из: G. Mallery. Pictographs, табл. LIX.
Рис. 18. Обозначения наименований индейских племен.
 Из: G. Mallery. Picture-Writing, с. 380 и сл.

- Рис. 19.* Дакотские счеты зим.
Из: G. Mallery. Pictographs, табл. IX, XIV, XXXI и XXXII.
- Рис. 20.* Песни индейцев оджибва.
Из: G. Mallery. Pictographs, табл. IV.
- Рис. 21.* Песни индейцев оджибва.
Из: G. Mallery. Picture-Writing, табл. XVII.
- Рис. 22.* Рисунок, выдаваемый за образец индейского письма.
Из: William Tomkins. Universal Indian Sign Language of the Plains Indians of North America (San Diego, California, 1927), с. 82.
- Рис. 23.* Поговорки народности эве.
Из: C. Meinhold, в журн. "Zeitschrift für ägyptische Sprache", XLIX (1911), табл. I b напротив с. 8.
- Рис. 24.* Образец атекского письма (страница из Кодекса Ботурини).
Из: Eduard Seler. Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Alterthumskunde, II (Berlin, 1904), с. 35.
- Рис. 25.* Образец атекского письма (страница из Гамбургского кодекса).
Из: Theodor-Wilhelm Danzels. Handbuch der präkolumbischen Kulturen in Lateinamerika (Hamburg und Berlin, 1927), с. 51.
- Рис. 26.* Майянская надпись из Копана.
Из: S. G. Morley. An Introduction to the Study of the Maya Hieroglyphs (Washington, 1915), табл. 7, напротив с. 167.
- Рис. 27.* Атекский катехизис.
Из: Seler. Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Alterthumskunde, I (Berlin, 1902), табл. напротив с. 289.
- Рис. 28.* Древнейшие пиктографические таблички из Урука.
Из: A. Falkenstein. Archaische Texte aus Uruk (Berlin, 1936), табл. 1.
- Рис. 29.* Учетная табличка из Урука.
Из: A. Falkenstein. Archaische Texte aus Uruk, табл. 31, No. 339.
- Рис. 30.* Написание имен собственных в период Урука.
Из: A. Falkenstein. Archaische Texte aus Uruk, с. 24.
- Рис. 31.* Развитие рисуночных знаков в клинописные.
Oriental Institute, Photo No. 27875 (по A. Poebel).
- Рис. 32.* Два месопотамских метода образования слоговых знаков (таблица).
- Рис. 33.* Палетка Нармера.
Из статьи: J. E. Quibell.— в журн. "Zeitschrift für ägyptische Sprache", XXXVI (1898), табл. XII.
- Рис. 34.* Образцы иератического и демотического письма с иероглифической транслитерацией современным египтологическим почерком.
Из: A. H. Gardiner. Egyptian Grammar. (2-е изд.; Oxford, 1950), табл. II.
- Рис. 35.* Развитие формы некоторых знаков иероглифики, иератики и демотики.
Из: Gh. Möller.— В журн. "Zeitschrift des Deutschen Vereins für Buchwesen und Schrifttum", II (1919), с. 78.
- Рис. 36.* Односложный египетский силлабарий.
Из: Ch. Fosseu. Notices sur les caractères étrangers (Paris, 1927), с. 4.
- Рис. 37.* Египетские двусложные знаки.
Из: G. Lefebvre. Grammaire de l'Égyptien classique (Le Caire, 1940), с. 12 и сл.
- Рис. 38.* Образец древнего хеттского иероглифического письма.
Из: I. J. Gelb. Hittite Hieroglyphic Monuments (Chicago, 1939), табл. LXXIV.
- Рис. 39.* Курсивная форма хеттского иероглифического письма.
Из: I. J. Gelb. Hittite Hieroglyphic Monuments, табл. XXXVII.

- Рис. 40. Хеттский иероглифический силлабарий.
Из: I. J. Gelb. *Hittite Hieroglyphs*, III (Chicago, 1942), фронтиспис.
- Рис. 41. Китайский гадательный текст на кости животного.
Из: F. H. Chalfant.— В: "Memoirs of the Carnegie Museum", IV (1906), с. 33.
- Рис. 42. Китайский гадательный текст на панцире черепахи.
Из: F. H. Chalfant.— В: "Memoirs of the Carnegie Museum", IV, с. 32.
- Рис. 43. Современное китайское письмо.
Из: C. F. Kelley and Ch'ên Mêng-chia. *Chinese Bronzes from the Buckingham Collection* (Chicago, 1946), с. 155.
- Рис. 44. Силлабарий китайского письма фань-це.
Из: A. Forke.— В: "Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen", Vol. IX, Abt. 1 (1906), с. 404.
- Рис. 45. Древнейший тип протоэламского письма.
Из: V. Scheil.— В: "Mémoires de la Mission Archéologique de Perse", tome XXVI (Paris, 1935), табл. XL.
- Рис. 46. Протоэламская надпись староаккадского периода.
Из: V. Scheil. *Délégation en Perse*.—"Mémoires", tome VI (Paris 1905), табл. 2, No. 1.
- Рис. 47. Протоиндское письмо.
Из: John Marshall. *Mohendjo-Daro and the Indus Civilization*, III (London, 1931), таблицы CXVII и сл.
- Рис. 48. Критское иероглифическое письмо А.
Из: A. J. Evans. *Scripta Minora*, I (Oxford, 1909), с. 149.
- Рис. 49. Критское иероглифическое письмо Б.
Из: A. J. Evans. *The Palace of Minos*, I (London, 1921), с. 282.
- Рис. 50. Критское линейное письмо А.
Из: G. Pugliese Carratelli.— В: "Annuario della Scuola Archeologica di Atene", XIV—XVI (1952—1954), с. 21.
- Рис. 51. Критское линейное письмо Б.
Из: Emmett L. Bennett, Jr. *The Pylos Tablets* (Princeton, 1955), с. 201.
- Рис. 52. Развитие критских иероглифических знаков в линейные.
Из: A. J. Evans. *The Palace of Minos*, I, с. 643.
- Рис. 53. Надпись линейным письмом Б из Кносса.
Из: A. J. Evans. *The Palace of Minos*, IV, с. 703.
- Рис. 54. Рисуночные знаки в шумерском, египетском, хеттском и китайском письме.
- Рис. 55. Типы словесных знаков в словесно-слоговых письменностях (таблица).
- Рис. 56. Знаки для дробей в египетском письме.
Из: A. H. Gardiner. *Egyptian Grammar* (Oxford, 1927), с. 197.
- Рис. 57. Односложные знаки старовавилонского силлабария (таблица).
- Рис. 58. Типы слоговых знаков в словесно-слоговых письменностях (таблица).
- Рис. 59. Хеттская иероглифическая надпись из Эркилета.
- Рис. 60. Количественное соотношение словесных и слоговых знаков в словесно-слоговых письменностях (таблица).
- Рис. 61. Одно и то же предложение, написанное автором в соответствии с правилами разных словесно-слоговых письменностей.
- Рис. 62. Протосинайская надпись.
Из: Martin Sprengling. *The Alphabet* (Chicago, 1931), с. 28.
- Рис. 63. Протосинайское письмо.
Из: J. Leibovitch.— В журн. "Mémoires présentés à l'Institut d'Egypte", XXIV (1934), табл. IV—VI.
- Рис. 64. Протопалестинские надписи.
Из: D. Diringer.— В журн. "Journal of the American Oriental Society", LXIII (1943), с. 25—27.

- Рис. 65. Загадочные надписи из Кахуна в Файюме (Египет).
Из: W. M. Flinders Petrie.— В журн. "Ancient Egypt", VI (1921), с. 1.
- Рис. 66. Загадочная надпись на стеле из Балу'а (Иордания).
Из: G. Horsfield and L. H. Vincent.— В журн. "Revue Biblique", XLI (1932), с. 425.
- Рис. 67. Загадочная надпись из Библа (Финикия).
Из: M. Dupand. Byblia grammata (Beyrouth, 1945), с. 136.
- Рис. 68. Табличка из Рас Шамры.
Из: C. Virolleaud.— В журн. "Syria", XXI (1940), с. 250.
- Рис. 69. Силлабарий табличек из Рас Шамры.
- Рис. 70. Надпись Ахирама из Библа.
Из: R. Dussaud.— В журн. "Syria", V (1924), с. 137, рис. 2 и с. 143, рис. 4.
- Рис. 71. Финикийская надпись с Кипра.
Из: M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, табл. VI, 2.
- Рис. 72. Ханаанейская надпись Меша', царя Моава.
Из: M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, табл. 1.
- Рис. 73. Арамейская надпись Барракиба из Зинджирли.
Из: M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, табл. XXIV, 1.
- Рис. 74. Южноаравийская надпись.
Из: C. Conti Rossini. Chrestomathia Arabica Meridionalis Epigraphica (Roma, 1931), с. 46, No. 29.
- Рис. 75. Сравнительная таблица знаков важнейших семитских письменностей.
- Рис. 76. Изменение формы как способ образования новых западносемитских знаков.
- Рис. 77. Сравнение формы знаков западносемитского письма и семи других письменностей (таблица).
- Рис. 78. Образец письма, изобретенного школьником.
Из: H. Bauer.— В журн. "Der Alte Orient", XXXVI, 1/2 (1937), с. 36.
- Рис. 79. Кипро-минойские знаки и их критские и классические кипрские параллели.
Из: J. F. Daniel.— В журн. "American Journal of Archaeology", XLV (1941), с. 254 и 286.
- Рис. 80. Три кратких текста из Энкоми (Кипр).
Из: A. Evans. The Palace of Minos, IV (London, 1935), с. 760.
- Рис. 81. Кипрский силлабарий.
Из: H. Jensen. Die Schrift (Glückstadt und Hamburg, 1935), с. 97.
- Рис. 82. Кипрская надпись из Эдалиона.
Из: Fosseu. Notices sur les caractères étrangers (Paris, 1948), с. 57.
- Рис. 83. Фестский диск.
Из: A. J. Evans. Scripta Minoa, I (Oxford, 1909), табл. XII и сл.
- Рис. 84. Надпись из Библа.
Из: M. Dupand. Byblia grammata (Beyrouth, 1945), с. 72.
- Рис. 85. Японское письмо катакана в сравнении с китайским письмом кай-шу.
Из: Jensen. Die Schrift, с. 156.
- Рис. 86. Японские письменности катакана и хирагана.
Из: Fosseu. Notices sur les caractères étrangers (Paris, 1927), с. 314.
- Рис. 87. Типы слоговых знаков в слоговых письменностях (таблица).
- Рис. 88. Древнеперсидский силлабарий.
- Рис. 89. Сравнительная таблица знаков греческого письма и западносемитских письменностей.

- Рис. 90.* Греческая надпись на дипилонской вазе из Афин.
Из: "Handbuch der Archäologie" (hrsg. von Walter Otto), I (München, 1939), с. 195, рис. 8.
- Рис. 91.* Наскальные надписи с острова Феры.
Из: R. Carpenter.— В журн. "American Journal of Archaeology", XXXVII (1933), с. 26, рис. 7.
- Рис. 92.* Короткие надписи на глиняных сосудах геометрического стиля с горы Гиметт.
Из: C. W. Blegen.— В журн. "American Journal of Archaeology", XXXVIII (1934), с. 11.
- Рис. 93.* Надписи на черепках из Коринфа.
Из: A. N. Stillwell.— В журн. "American Journal of Archaeology", XXXVII (1933), с. 605.
- Рис. 94.* Способы обозначения гласных в разных алфавитных письменностях (таблица).
- Рис. 95.* Ступени развития письма (схема).

Приложение. Происхождение алфавита (схема) — см. на стр. 355.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббревиатуры 29, 48, 52, 89, 100, 215 и сл., 233, 239, 249
авестское письмо 217
австралийцы 14, 30, 221
Агия Триада 94
Азия Средняя 17 и сл.
аймара письмо 57
аккадограмма — см. гетерограмма
акроним 215 и сл.
акрофонии принцип 114, 135, 139 и сл., 235, 238 и сл., 243 и сл., 261, 304
алгонкинское письмо 200, 275
аллограмма — см. гетерограмма
Алтынтепе 255
алфавит 5 и сл., 24 и сл., 27, 62, 77, 84, 130, 135 и сл., 138—140, 143—146, 149, 153, 162—183, 185, 190 и сл., 193 и сл., 196—198, 200, 202, 225—228, 231, 233, 235—237, 239, 241, 243, 271—273, 277, 304 и сл., 317 и сл., 321, 330 и сл.
алфавитизация 196 и сл., 201—203, 277
Аляски письменности 30, 42 и сл., 108, 187, 200 и сл., 203, 257, 273, 275, 296
"Alphabetic Notation" — см. безалфавитная нотация
Анатолия 45, 67, 74, 86 и сл., 110, 122, 188, 207, 222, 320, 324
английское письмо 24, 26 и сл., 122, 191, 193, 213—216, 225 и сл., 228, 232, 235—238, 314, 317 и сл.
апачей письмо 323
арабское письмо 123, 134, 136, 146 и сл., 179—182, 191, 202, 216—218, 225—227, 231, 277
арамейское письмо 133 и сл., 136, 139, 148, 181, 185, 191, 195, 216 и сл., 235
арамеограмма — см. гетерограмма
Армения 67, 74, 122
армянское письмо 139
ассоциация вторичная 72 и сл., 101, 106, 293—295, 304
астекское письмо 23, 29, 58—66, 68, 73 и сл., 78, 114, 188, 284 и сл., 293 и сл., 296
астрономические понятия 58, 62, 210
афазия амнестическая 31
Афины 173, 175

Африка Западная 16
Африка Южная 34 и сл.
африканские письменности 16, 30, 35, 56—58, 83 и сл., 171, 178, 196, 201—203, 227, 257, 273, 276
Ахеменидов династия 168

Балти письмо 141
Балу'а 126, 129, 132
бамбара 57
бамум письмо 30, 83, 171, 178, 196, 201—203, 257, 273, 276
Баффинова Земля 274
бедуны 212
безалфавитная нотация (метод условной записи) 229—232
Берег Слоновой Кости 276
бете письмо 276
Бет-Шемеш 126, 129
Библия 67, 128—130, 132, 134 и сл., 153, 163
библское письмо 67, 121, 128—130, 132—134, 149, 153 и сл., 163, 185, 207, 269, 291
биномика — см. зоосемиотика
бирки 70
Бирма 258, 278
Бисутунская надпись 216
Богазкёй 86, 122, 145, 167, 217
богазкёйская писцовая школа — см. школы писцовые
Боливия 57
Ботурины кодекс 58—60
Бразилия 36
Брайля азбука 19, 331
брахиграфия 229
брахми письмо 141, 179, 181, 257
буквы — см. знаки алфавитные
бустрофедон 63, 173, 259
бушмены 30, 34 и сл.

Вав письмо 201, 203, 257
вампумы 15 и сл., 330
ванское письмо — см. клинопись урартская
Варка — см. Урук
виннебаго письмо 200

"Visible Speech" (система записи) 229—232, 281

вокализация — см. гласные, обозначение

Восточной Азии письменности 180

восточносирийское письмо 181

вывески 218

Галла письмо — см. оромо письмо

Гамбургский кодекс 60

гбасса письмо 201, 257

Гватемала 58

Гвинея 201, 220

Гезер 124—126, 131

герзе письмо 201, 257

гетерограмма 107, 235, 243, 260 и сл., 295, 299, 301

аккадограмма 107, 295, 299

арамеограмма 107, 235, 295

шумерограмма 107, 235, 260 и сл., 295, 299, 301

Гиметт гора 174

глаголица 139, 142

гласные

— аналитические — см. вставные

— вставные 147—149, 165, 270

— длительность 151, 162 и сл., 166, 168, 176 и сл., 191, 303, 305

— изменчивость 84 и сл.

— интерполированные — см. вставные

— качество 76, 143, 145, 167, 181 и сл., 189 и сл., 200, 202, 240, 278

— непоследовательность передачи 84, 164—167, 176—178, 305

— нулевые — см. согласные с нулевым гласным

— обозначение 76 и сл., 82—84, 99, 144—146, 149, 151, 162—168, 170, 175—177, 179—182, 190 и сл., 202, 209, 224, 226, 266, 269 и сл., 272, 275, 278, 300, 305

— отсутствие 83 и сл., 114, 136, 143—147, 149, 166, 170, 180 и сл., 189 и сл., 198, 202, 224 и сл., 233, 275, 300

— происхождение 176

— размещение 167, 180 и сл.

— система 146, 167, 175, 178, 180 и сл., 190 и сл., 224, 226, 266, 272, 321

глухонемые 14, 19, 21, 231, 313

Гондурас 58

готический почерк 218

грамматология 5 и сл., 9, 31—33, 235 и сл., 243, 321 и сл., 333 и сл.

графемика 322

графотактика 314

Греция 67, 94, 207, 220, 324

греческое письмо 6, 32, 84, 138—140, 151, 162 и сл., 171—177, 179 и сл., 185, 190 и сл., 196—198, 216 и сл.,

224—227, 231, 239, 267, 269, 271, 273, 291 и сл., 305, 321

грузинское письмо 266

Дакота 47—52, 57

дактилограмма 260

девантагари письмо 179, 182

демотика 80—82, 135, 137, 216, 273, 301

детерминатив — см. индикатор семантический

дешифровка 5, 62—64, 67 и сл., 73, 78, 82, 86, 89, 92—94, 97—99, 112, 116, 123, 126, 129, 132, 149, 153, 188, 205, 208, 253 и сл., 258 и сл., 294, 296 и сл., 301—304, 320

Джедмет-настр период 92

диакритика 25, 144, 146, 157 и сл., 160, 180—182, 190 и сл., 214, 228, 242, 249, 277

дивергенции принцип 117, 236, 239, 243 и сл.

дипилонской культуры сосуд 173—176, 272

догон 57

древнеарамейское письмо 320

древненевгерское письмо 141 и сл.

древнееврейское письмо — см. еврейское квадратное письмо

древнекорейское письмо 257

древнеперсидское письмо 169, 270, 302

древнефиникийское письмо — см. финикийское письмо

Еврейское квадратное письмо 76, 136, 147, 162, 179—182, 185, 190 и сл., 216, 264, 267, 304 и сл., 320

Египет 45, 67, 70, 110, 126, 128, 136, 144, 161, 188, 206, 210, 320, 324

египетское письмо 23, 28 и сл., 37 и сл., 67 и сл., 77—86, 100—110, 112—116, 118, 135—140, 144 и сл., 149, 160 и сл., 163—166, 170, 178, 187—190, 192, 194 и сл., 204, 206, 209, 216, 230, 241, 257, 260 и сл., 286, 293, 299—301

— демотическое — см. демотика

— иератическое — см. иератика

— иероглифическое — см. иероглифика египетская

Жестов язык 14, 19, 22, 29 и сл., 48 и сл., 53 и сл., 104, 184, 231, 241, 246, 260, 312—314, 322, 327, 329, 331

Загр 65

западноесемитские письменности 84, 114 и сл., 121, 123—149, 158—166, 170—178, 180, 182, 185, 189 и сл., 192, 194, 196—198, 202, 224 и сл., 227, 233, 236, 263 и сл., 266 и сл., 289 и сл., 304 и сл., 320 и сл.

западносирийское письмо 180

запись

— бухгалтерская 318, 321, 330

— нотная 25, 315, 330

— условная 229 и сл., 321

Зинджирли 134, 163, 172, 175

знаки

— алфавитные 25, 83, 107, 171, 178, 182, 190 и сл., 197, 228, 235, 238 и сл., 241—243, 276 и сл., 299

— ассоциативные 72 и сл., 101—103, 177, 236 и сл., 243, 293—299

— вспомогательные 101, 105, 115, 157 и сл., 160, 189, 236, 239 и сл., 243, 262

— геометрические — см. линейные

— геральдические — см. символы геральдические

— для гласных 146, 166—168, 170, 176—178, 180 и сл., 191, 202, 225, 248 и сл., 269, 272, 305, 321

— двухслоговые 113 и сл., 158, 160, 189, 241, 249

— двухсложные 82 и сл., 85, 112, 197

— диакритические — см. диакритика

— заимствованные 137, 139—142, 147, 155, 171, 181, 190, 199 и сл., 202, 208, 233, 267, 295, 305

— значение — см. чтение

— зримые 22 и сл., 204, 229 и сл., 236, 238, 241 и сл., 317, 334

— изобразительные — см. рисуночные

— изображение 132, 137—142, 168, 177, 181, 200—202, 228, 278

— классификация 101—103, 117, 189, 260

— клинописные — см. клинопись

— количество в системе 76 и сл., 82 и сл., 87, 89, 92 и сл., 98 и сл., 101, 116 и сл., 122, 129 и сл., 133 и сл., 137, 143 и сл., 151—153, 156, 160, 168—170, 197, 200—202, 224, 231, 259, 262, 268—270, 275—278, 302 и сл.

— латинские — см. латиница

— линейные 37 и сл., 45, 89, 97, 99, 102—104, 131, 142 и сл., 199 и сл., 202, 219, 230, 237, 260, 275, 278, 304

— мнемонические — см. мнемонические знаки

— многозначные — см. полифония

— многосложные 85, 112, 115, 197 и сл., 249, 274

— наименования 135, 138—140, 146 и сл., 171—173, 266 и сл., 304 и сл.

— направление 31, 74, 152, 173, 181, 200, 232

— наука о знаках — см. семиотика

— начертательные 58, 104, 236 и сл., 243, 295 и сл., 316, 318, 328

— односложные 113 и сл., 159 и сл., 189 и сл., 241

— односложные 81, 83, 85, 111 и сл., 115, 198

— омофоны — см. омофония

— основные 117, 146, 156 и сл., 181, 200, 240, 242, 272, 277, 294

— первичные 101 и сл., 237 и сл., 244, 303

— письменные 70, 236, 238, 242, 328

— полифонические — см. полифония

— порядок расположения

— — в системе 171 и сл., 202, 263 и сл.

— — в тексте 41—43, 74, 167, 180 и сл., 187, 219, 237, 240, 253, 256, 297 и сл., 314, 317 и сл., 328, 333

— препинания — см. пунктуация

— приемы создания 84, 99 и сл., 104—106, 114

— просодические — см. просодические признаки

— развитие 75, 97 и сл., 100 и сл., 106 и сл., 112, 135, 143, 146, 152, 156, 163, 176 и сл., 226, 264, 269, 275, 299

— разделительные — см. словоразделение

— различительные 241

— различия военные 44

— размер 167, 219

— ребусные 24, 87, 106, 293—300, 302

— репертуар — см. репертуар знаков

— рисуночные 18 и сл., 37, 57, 65, 68, 71—73, 75, 87, 89, 99—101, 104, 130, 138 и сл., 143, 152, 184 и сл., 199 и сл., 202, 208 и сл., 224, 231, 236—240, 259 и сл., 275 и сл., 293—297, 300 и сл., 304, 318

— силлабические — см. слоговые

— системы — см. системы знаковые

— словесные — см. логограмма

— слоговые 11, 25 и сл., 76 и сл., 83 и сл., 87—89, 92, 98 и сл., 101, 107, 109—116, 121 и сл., 143, 145—149, 151, 153, 156, 160—162, 165, 167 и сл., 170, 177 и сл., 182, 187, 189, 197, 199—201, 224, 235 и сл., 238 и сл., 241 и сл., 244, 248 и сл., 257, 269, 273—275, 295, 297—299, 320

— собственности 44, 70 и сл., 330

— для согласных 146, 168—170, 177 и сл., 180, 191, 200, 202, 269, 321

— составные 92, 101, 105 и сл., 117, 302

— структура 85—87, 159 и сл., 170, 272

— условные 13, 23, 28, 186, 296, 312

— утилитарные 71

— фонетические 83, 85, 98, 144, 157, 224, 239, 242, 244, 275, 296—302

— форма 5, 28, 32, 43, 58, 71, 74, 80—82, 93, 100 и сл., 133 и сл., 136, 139—143, 146, 151, 156—158, 160, 168, 171

и сл., 174 и сл., 180—183, 189, 199 и сл., 202, 206—209, 219, 226, 229, 232 и сл., 239, 267 и сл., 272, 277, 301—305, 321, 326 и сл.
 — фразовые 25, 107, 233, 235, 242, 253
 — функциональность 147 и сл., 165
 — для числительных 93, 104, 151, 173, 186, 267, 297, 326 и сл.
 значение 22, 28, 72, 108, 135, 184, 187, 236—239, 241, 262, 295, 317, 320, 324—326
 значки глиняные 324—327, 330 и сл.
 зоосемантика 312, 322

Иберийское письмо 257, 267
 идеограммы 24, 44, 98, 112, 236 и сл., 242 и сл., 294 и сл., 299 и сл.
 — сублингвистические 27 и сл.
 идеография 38, 43 и сл., 72, 108 и сл., 236, 243, 261, 294 и сл., 317
Иераконполис 78, 80
 иератика 80—82, 135, 137, 165 и сл., 301
 иероглифика 236, 243
 — египетская 32, 43, 69, 74, 78, 80—82, 99 и сл., 108, 121, 135, 137, 164 и сл., 188, 195, 207, 216, 218, 224 и сл., 236, 249, 286, 301, 320
 — китайская — см. китайское письмо
 — критская — см. крито-микенское письмо
 — лувийская 255, 301—303, 305; см. также хеттское письмо, иероглифическое
 — протоиндская — см. протоиндское письмо
 — протошумерская — см. протошумерское письмо
 — урартская 255
 — хеттская — см. хеттское письмо, иероглифическое
Иерусалим 126
 изображения
 — магического и культового характера 9, 35, 44, 67 и сл., 71, 89 и сл., 256, 296, 329
 — наскальные — см. рисунки наскальные
 — повествовательные 27, 30, 41, 314, 329 и сл.
 — символические 327
 — скульптурные 19, 329, 332
 "изотайп" (система записи) 231
 иллюстрация серийная — см. изображения повествовательные
 имена личные — см. имена собственные
 имена родовые — см. имена собственные
 имена собственные 44, 46—49, 58—61, 70—73, 78, 80, 89, 91, 99, 104 и сл., 112, 115—117, 120, 158, 160, 164 и сл., 188, 214, 226, 241, 258, 296, 330

Инда долина 67, 93, 188, 205, 320
 индексы цифровые 25, 240
 индийские письменности 146, 181 и сл., 185, 191, 226, 257, 272
 индикатор
 — семантический 98, 101—105, 107 и сл., 115, 117, 122, 189, 218, 236 и сл., 240, 243 и сл., 300—302
 — фонетический 73, 76, 102—104, 106—108, 117, 177, 190, 237, 239, 242, 244, 298 и сл.
Индокитай 258
 инки 15, 325
 информации источники 30 и сл., 305, 327 и сл.
Иордания 126, 129, 324
 искусство изобразительное 18 и сл., 34—36, 43 и сл., 80, 99 и сл., 184, 186—188, 204, 218, 237, 240, 256, 314, 317, 319, 327—329, 332
Испания 37, 216, 253
 испанское письмо 214
 итальянское письмо 202, 214
Йезидское письмо 141 и сл.
 йоруба 16 и сл.
Кай-шу письмо 156
 календарь 48—52, 64, 314, 318, 324
 Камерун 201
 камешки 15, 19, 325, 330 и сл.
 камней "язык" 15, 19, 29, 315, 330
 кана письмо 156—158, 161
 канадских эскимосов письменности 274
 канамадзири письмо 158
 кандзи 158, 161, 268
 капелле письмо 201, 257
 каппадокийское письмо — см. клинопись староассирийская
 Каратепе 258
 карийское письмо — см. малоазийские письменности
 Каролина Северная 199
 каролингский почерк 218
 Каролинских островов письменности 202, 278
 картинки юмористические — см. изображения повествовательные
 карты географические 29, 40, 314, 316, 318, 321, 330
 катакана письмо 156 и сл.
 катехизис 63 и сл., 200, 253, 274
 каури раковины 16, 19
 Кахун 126, 128, 132
 квазиалфавит — см. письмо консонантное
 кельтиберское письмо 141
 киданей письмо 258
 кикапу письмо 200
 кинесика 246, 322
 Кипр 132, 149, 151, 172, 175, 207

- кипро-минойское письмо 149—151, 185, 207, 257, 268 и сл., 290 и сл.
- кипрское письмо 77, 98 и сл., 116, 121, 135, 138, 148—153, 159—161, 185, 189 и сл., 197, 207 и сл., 257, 290 и сл., 302 и сл., 320
- кипу 15, 19, 29, 238, 315, 325, 330 и сл.
- Китай 67, 155, 161, 195, 205 и сл., 258 и сл., 278, 320
- китайское письмо 37 и сл., 67 и сл., 75 и сл., 83, 89—92, 99—103, 105 и сл., 108, 110, 112—114, 116—119, 121, 138, 155—157, 160, 180, 185, 187—189, 192 и сл., 195, 204—206, 209 и сл., 216, 225, 227, 230, 239 и сл., 257 и сл., 260, 287, 293, 295, 301 и сл., 320
- Китая Юго-Западного письменности 202, 257—259, 277 и сл.
- классификатор — см. индикатор семантический
- клейма
- гончаров 45, 330
 - каменотесов 45, 330
- клинопись 28, 32, 68, 74 и сл., 77, 84, 101, 104—106, 121, 132, 138, 140, 144 и сл., 148, 153, 158—161, 166 и сл., 170 и сл., 178—190, 195, 205—207, 210, 216 и сл., 219, 227, 241, 249, 270, 285 и сл., 289, 295 и сл., 298, 301, 320
- аккадская 74, 107, 112, 149, 185, 239 и сл., 257, 262, 295, 298—301, 320
 - ассирийская 135, 190
 - ассиро-вавилонская — см. аккадская
 - вавилонская 135, 190, 216 и сл.
 - лувийская 121 и сл., 299
 - новоассирийская 299
 - палайская 121 и сл., 145, 167, 299
 - персидская 74, 168—171, 216, 257, 270, 291
 - позднеассирийская 147 и сл., 166 и сл., 195
 - поздневавилонская 147 и сл., 195, 216
 - происхождение 74 и сл.
 - староаккадская 76, 115, 121, 161, 195
 - староассирийская 76, 110, 115, 121, 161, 195
 - старовавилонская 110 и сл., 195, 301
 - угаритская — см. угаритское письмо
 - урартская 74, 121 и сл., 158, 161, 190, 217, 257, 295, 299
 - хаттская 121 и сл., 145, 167, 299
 - хеттская — см. хеттское письмо, клинописное
 - хурритская 74, 121 и сл., 138, 145, 158, 161, 167 и сл., 185, 190, 216 и сл., 257, 264, 299, 320
 - шумеро-аккадская 297, 301
 - шумерская — см. шумерское письмо
 - эламская — см. эламское письмо, клинописное
- Кносс 94, 98
- комиксы — см. изображения повествовательные
- коммуникация 5, 13 и сл., 328
- визуальная (зрительная) 14 и сл., 19 и сл., 43 и сл., 185 и сл., 203 и сл., 218, 224, 226, 236, 238, 241, 293, 311—319, 323, 327—334
 - двусторонняя 314
 - животных 311 и сл., 323
 - массовая 227
 - мгновенная 14 и сл., 19, 314 и сл., 329, 331
 - международная 231
 - обонятельная 311, 313
 - осязательная 14 и сл., 19, 246, 311—313, 331
 - передача 13 и сл., 21 и сл., 43, 236 и сл., 312—314, 319, 332
 - предметная 15—19, 314; см. также письмо предметное
 - прием 13—22, 312—314
 - прямая 5
 - рисуночная — см. пиктография
 - слуховая 14, 19, 311—313, 331
 - средства коммуникации 15, 19 и сл., 185 и сл., 188, 204, 212, 247, 311—313, 316, 319, 321, 331 и сл.
 - стабильная 15 и сл., 19, 314 и сл., 324—326, 329—332
 - устойчивая — см. стабильная
 - элементы коммуникации — см. знаки
- комплемент — см. индикатор фонетический
- конвенционализация — см. условных правил набор
- конвергенции принцип 117, 236, 239, 243 и сл.
- Конго река 57
- контекста ситуации принцип 28—30, 72, 108 и сл., 236, 239, 242—244
- Копан 61
- коптское письмо 83, 139, 195, 217, 273
- копу письмо 277
- корейское письмо 141, 249, 317
- Коринф 174 и сл.
- кпелле письмо — см. капелле письмо
- кри письмо 200, 257, 274
- криптография — см. тайнопись
- Крит 67, 94, 152
- критерий
- практический 74
 - эстетический — см. эстетической условности принцип
- крито-микенское письмо 67 и сл., 94—

99, 121, 135, 138, 149—151, 160, 188, 204, 207—210, 257, 259, 261, 288 и сл., 301 и сл., 320
 — нероглифическое А 94, 96
 — нероглифическое Б 95 и сл.
 — линейное А 96, 98, 257, 269, 302 и сл., 320
 — линейное Б 97 и сл., 208, 257, 269, 302, 320
 критское письмо — см. крито-микенское письмо
 куна письмо 57
 курсив 37 и сл., 82, 87, 96, 100, 156, 191, 200, 218, 229, 237, 241, 243, 260, 296, 301
 кхароштки письмо 179, 181, 257

Лагашская писцовая школа — см. школы писцовые
лака письмо 277
латинизация 217, 226 и сл., 231, 258
латиница 141, 199 и сл., 202, 221, 225—228, 231 и сл., 241, 258, 278
латинское письмо 9 и сл., 24, 139, 163, 172, 179 и сл., 185, 191, 193, 214, 216 и сл., 225—227, 231 и сл., 272, 292, 317
Лахиш 126
Либерия 201, 220
Ливан 130
лидийское письмо — см. малоазиатские письменности
ликийское письмо — см. малоазиатские письменности
лингвистика 5, 11, 20—24, 44, 83—85, 109, 194, 213, 228, 249 и сл., 295, 303 и сл., 322 и сл.
линейное письмо А — см. крито-микенское письмо, линейное А
линейное письмо Б — см. крито-микенское письмо, линейное Б
лису письмо 277
литеры передвижные 153
логограмма 24 и сл., 44, 71, 87, 91, 98 и сл., 101—103, 107—109, 112, 115 и сл., 121 и сл., 144, 155, 158, 161, 168, 187, 189 и сл., 193, 195, 197, 199—202, 230, 233, 235—237, 239, 241—243, 245, 260, 268, 275, 294 и сл., 297, 299 и сл., 319 и сл.
логография 25, 72, 89, 105, 108, 116, 158, 187 и сл., 190, 194 и сл., 199—201, 203, 226, 230 и сл., 236 и сл., 241, 243, 253, 261 и сл., 275, 277, 294 и сл., 319 и сл.
ло-ло письмо 258
луристанские бронзы 64

Майя письмо 23, 58, 61—66, 68, 73, 188, 253 и сл., 284 и сл., 293 и сл., 320

Маккензи долина 274
Маллия 94
малоазиатские письменности 305 и сл.
манейское письмо 163, 180
Мас д'Азиль 37, 45
математические понятия 28 и сл., 58, 62, 100, 217, 242, 330; см. также символы математические
материалы писчие 32, 45, 58, 70, 74—76, 78, 89, 93 и сл., 123, 126, 128, 152 и сл., 205, 318, 324, 329 и сл.
matres lectionis 162 и сл., 165, 177, 190 и сл., 197, 305
Мегиддо 126
мегум письмо — см. микмак письмо
Международной Фонетической Ассоциации (МФА) алфавит 227 и сл., 232 и сл.
Мексика Центральная 58, 223
мексиканское письмо — см. астекское письмо
менде письмо 201, 257
мероптское письмо 140
Месопотамия 67 и сл., 74 и сл., 86, 101, 105, 122, 129, 148, 167 и сл., 188, 190, 205—207, 217, 301, 320
месопотамское письмо — см. клинопись
метаграфия 321; см. также параграфия
метки 18 и сл., 23, 34, 45, 238, 241, 315, 317, 324 и сл., 329—333; см. также клейма, эмблемы, знаки различия — доисторические 328
 — зримые 18 и сл., 30, 45, 293, 312, 317—319, 322, 333; см. также письмо
 — изобразительные 19, 324, 326—328, 332
 — мобилиарные 37, 45, 324, 328 и сл., 332 и сл.
 — начертательные 45, 312, 324, 326, 328
 — неизобразительные — см. начертательные
 — парietальные 37, 324, 328
 — порядок размещения 328, 333
 — репертуар 327
 — условные 333
Мидиан 124 и сл.
микенское письмо — см. крито-микенское письмо
Микены 94
микмак письмо 200, 274 и сл.
мимика 14, 19, 329, 331
минойское письмо — см. кипро-минойское письмо
мисийское письмо — см. малоазиатские письменности
Мичиган штат 38
мнемонические знаки 15 и сл., 19, 44—58, 63 и сл., 185 и сл., 236 и сл., 243, 256, 293 и сл., 296—299, 330; см.

также прием идентифицирующе-мнемонический
Моавитский камень 130, 133, 175
модификация внутренняя 182, 191, 272
монгольские письменности 259
Морзе азбука 20, 180, 331
морфемы
— визуальные 27
— служебные 294 и сл.
мо-со письмо 258 и сл., 277
Мохенджо-Даро 93
мышление 20, 31
мяо письмо 277

Набатейское письмо 123
надписи 32, 58, 67—69, 82, 89 и сл., 93, 97—99, 122 и сл., 126 и сл., 130—136, 148 и сл., 152—154, 163, 173—176, 181, 205, 207, 219, 222, 258 и сл., 262—264, 271, 303, 305, 325
— энigmatические 9, 67 и сл., 114, 116, 126, 128 и сл., 132, 151, 255
написание
— аналитическое — см. гласные вставные
— групповое 164—166, 270
— недостаточное 162
— непоследовательное 165 и сл.
— полногласное 145, 162—164, 170 и сл., 180, 190, 202
— ребусное — см. ребусный принцип
— упрощенное 228, 231 и сл.
— фонетическое — см. фонетизации принцип

Нармера палетка 28, 78—80, 186
на-си письмо — см. мо-со письмо
немецкое письмо 213, 215 и сл.
несторианское письмо — см. восточно-сирийское письмо

Нигерия 57, 277
новопуническое письмо 163 и сл., 166, 180, 269 и сл., 272
носу письмо 277

нотация
— лунная 318, 324
— научная 330
— пастушеская 15, 325, 330—332

нубийское письмо 57
нубийское письмо 277
Нузи 325
нумидийское письмо 141 и сл.

Нью-Мексико 38
нуй-чжи письмо 258

Оберн okayme письмо 277
огамиическое письмо 142
оглала 46, 48
огласовка — см. гласные: обозначение и система
оджибва 40, 52—54

окуригана письмо 158
Олеан письмо 202
омонимия 240, 293 и сл., 297, 300 и сл.
омофония 110, 227, 237 и сл., 240, 243
Орегон 36
оромо письмо 277
орфография 213, 226, 301, 320
— историческая 180, 213, 228, 317
— непоследовательная 26 и сл., 213 и сл., 226 и сл.
— ошибочная 214 и сл.
— последовательная 213 и сл., 228, 317
— реформы 214, 226—228, 317
— слоговая 163 и сл.
— традиционная — см. историческая
— упрощенная 228, 232
Орхомен 94

Палеография 5, 22, 31 и сл., 322
Палестина 126, 129 и сл., 143 и сл., 163, 190, 324
палестинское письмо 133 и сл., 136, 181, 190

палочки счетные 15, 19, 325, 331
Панама 57
параграфемика 321
параграфия 318, 321, 323, 330, 333
паракарийское письмо — см. малоазийские письменности
паралидийское письмо — см. малоазийские письменности
pars pro toto условный принцип 48, 52, 100, 294
пасиграфия 29, 230—232, 237, 244
Пасхи острова "надписи" 9, 67 и сл., 255 и сл.

перенос
— вторичный 19, 101, 237, 248, 316, 331 и сл.

— графический 241
— фонетический 73, 103 и сл., 106, 237, 242, 244, 256; см. также фонетизации принцип
— языковой 20, 237, 243, 316

Перу 15, 57, 325
перуанское письмо — см. кипу
песни 16, 52—54, 253, 319, 330
петроглифы 34, 36, 238, 244
петрограммы 34, 238, 244
пехлеви письмо 107, 193, 217, 235
печати 70 и сл., 93 и сл., 188, 205—207, 296, 327, 329

пиктограммы — см. знаки рисуночные
пиктография 18 и сл., 22 и сл., 37—44, 57, 68—70, 75, 78—80, 86, 96, 99—101, 152, 184, 199, 201, 207 и сл., 218, 221, 224 и сл., 236, 238—240, 244, 248, 260, 274—276, 284 и сл., 296, 329, 332

Пилос 94
пирамид Тексты 115, 164, 195

- писцы 104, 108, 122, 165 и сл., 214, 219 и сл., 294, 298 и сл.
- письмо, письменности
- алфавитное — см. алфавит
 - ассоциативно-мнемоническое — см. прием идентифицирующе-мнемонический
 - безалфавитные системы — см. безалфавитная нотация
 - библиография 199, 282—292, 334 и сл.
 - будущее 194 и сл., 224—234
 - буквенное — см. алфавит
 - быстрое — см. брахиграфия, стенография, тахиграфия
 - влияние на язык 212—218
 - всемирное — см. универсальное
 - выразительность 218, 224
 - деградация 65 и сл., 110, 114, 164, 195
 - демотическое — см. демотика
 - дефиниция — см. определение
 - заимствование 10, 74, 86, 107, 122, 132, 137, 139—143, 155, 171—174, 178, 182, 189—191, 194 и сл., 200, 205, 207, 210, 216 и сл., 235, 271—273, 277, 295, 300, 305
 - значение 211 и сл.
 - идеографическое — см. идеография
 - иератическое — см. иератика
 - иероглифическое — см. иероглифика
 - изобразительное — см. прием описательно-изобразительный
 - изобретение 23, 30, 70, 74, 132, 134, 137, 140—142, 160, 163 и сл., 168—170, 176—180, 182, 187, 192, 196 и сл., 199—204, 209, 219 и сл., 266, 273, 276, 278, 292, 294
 - каллиграфическое 218 и сл., 330
 - квадратное 75 и сл.; см. также еврейское квадратное письмо
 - классификация 180—182, 189, 191, 193
 - клинописное — см. клинопись
 - консонантное 5 и сл., 83 и сл., 144, 146, 149, 180—182, 197, 236, 243, 268, 295, 300, 303—306
 - корреляция с устной формой языка 22—25, 27, 73 и сл., 77, 80, 134, 185—187, 194, 196, 213 и сл., 216, 226—228, 231 и сл., 237 и сл., 249 и сл., 256, 293—295, 316—319, 322, 329 и сл., 333
 - курсивное — см. курсив
 - линейное 37 и сл., 45, 96—99, 131, 133, 141—143, 193, 208, 219, 237, 239 и сл., 243, 257, 260, 269, 301
 - магическая роль 44, 71, 78, 90, 205, 219—223
 - механическое 237, 240, 243
 - моногенез 204, 208—210, 279
 - монументальное 101, 218, 237, 243, 260, 301
 - морфемное 295
 - МФА — см. Международной Фонетической Ассоциации (МФА) алфавит
 - МФА-стенография (система) 233
 - направление 74, 152, 173, 181, 218, 232, 259, 303
 - наука — см. грамматология
 - национальные 228 и сл., 231 и сл.
 - несемантическое 83—85, 164 и сл., 198
 - ограниченного употребления 57—66, 70, 72, 187, 199, 202 и сл.
 - определение 22—30, 34, 162, 190, 192 и сл., 204, 235, 238, 242, 293, 295, 311, 317 и сл., 321—333
 - органические системы — см. "Visible Speech" (система записи)
 - орнаментальное 218, 280
 - переходные 32, 168
 - полигенез 204, 301 и сл., 306
 - предметное 15—19, 57, 238, 244, 315, 324—326, 331 и сл.
 - предписьменности — см. предписьменности и семасиография
 - приемы — см. приемы письма
 - примитивные 17, 22, 30 и сл., 34—66, 72, 101, 104, 184—187, 199, 209, 318—320, 323, 332
 - производные 121, 158, 159, 160 и сл., 257, 289, 299, 301, 305
 - происхождение 30, 67, 69, 74 и сл., 78, 84, 87, 130—143, 146, 150 и сл., 162, 168, 171, 192, 204—209, 211, 219, 263, 265, 270, 272, 277, 294, 301 и сл., 304, 318, 326 и сл.
 - развитие — см. развитие письма
 - ребусное 60, 62, 80, 109, 187, 244, 294, 320; см. также фонетизации принцип
 - реформы 190, 225, 227—229, 231—234, 258, 268 и сл., 317
 - рисуночное — см. пиктография
 - рукописное 28, 181, 229, 237, 240, 243
 - руническое — см. руническое письмо
 - syllабические — см. слоговые
 - скорописное — см. курсив
 - scriptura quadrata — см. квадратное
 - словесные — см. логография
 - словесно-слоговые 5, 67—120, 158, 160 и сл., 185, 187—189, 193, 197, 225 и сл., 230, 236, 241, 243, 269, 295, 297, 317 и сл., 320, 330
 - слоговые 5 и сл., 25, 67, 76 и сл., 82—85, 91, 98, 115 и сл., 121—161,

- 164—166, 178, 182, 185, 189 и сл., 193—202, 207 и сл., 225 и сл., 236 и сл., 239, 241, 180, 244, 257—259, 267, 273, 275 и сл., 299, 302—305, 317, 320, 330
- собственно письмо — см. письмо фонетическое
- стимул возникновения 30, 35, 165, 69, 71, 80, 105, 137, 146, 149, 160, 164, 168, 180, 188, 195 и сл., 199, 201, 203, 205—207, 209 и сл., 272, 278—280, 299, 301, 327
- структура внутренняя 10, 43 58, 85, 89, 131—133, 136, 143 и сл., 146, 158, 160, 170, 175 и сл., 182, 209, 226, 263, 272, 318, 320 и сл., 329
- ступени развития — см. ступени развития письма
- терминология науки о письме 43 и сл., 57, 192 и сл., 204, 235—245, 294 и сл., 312—316, 333
- типология 9 и сл., 25 и сл., 32, 43 и сл., 57, 83, 85, 99—101, 110, 117—119, 121, 143—145, 149, 158—161, 166, 170, 178, 180—182, 184—194, 197, 203, 208 и сл., 224, 235, 257, 273, 299, 301 и сл., 311, 318—321, 323, 329, 333 и сл.
- узелковое — см. кипу
- универсальное 227—233, 237; см. также пасиграфия
- упрощение 158, 189 и сл., 200 и сл., 224, 228 и сл., 231—233, 306, 320
- утилитарное 44, 218
- фонетическое 22, 24, 26—28, 67, 74, 80—86, 89, 104 и сл., 135, 163—165, 181, 184 и сл., 187—189, 193, 197, 204, 208 и сл., 231, 238, 241 и сл., 244, 293, 299, 312, 316—318, 322, 327, 330, 333
- фразовое — см. фразеография
- эволюция — см. развитие письма
- этимология термина 18, 78, 332
- эстетический эффект письма 218 и сл., 224 и сл., 280
- позиции принцип 29, 108 и сл., 238 и сл., 244
- полифония 76, 227, 237, 244, 294, 302
- Полихромная Библия 29
- Полларда система 259, 277
- польское письмо 214
- "помощники памяти" 16, 330
- пословицы 16, 56, 319, 330
- посохи гонцов 330
- пошибы письменные 202, 218
- предписанности 34—66, 178, 184—187, 238, 240—242 и сл., 255, 284 и сл., 293—295, 315, 317—319, 322 и сл., 329 и сл.; см. также семасиография
- приемы письма 284, 313, 315
- ассоциативно-мнемонический — см. идентифицирующе-мнемонический
- визуальные 322, 328 и сл.
- идентифицирующе-мнемонический 15—18, 44—58, 185—188, 236 и сл., 240—243, 317; см. также предписанности и семасиография
- *matres lectionis* — см. *matres lectionis*
- мета-приемы — см. пара-приемы
- начертательные 316, 318
- ограниченных возможностей 58—66, 315
- описательно-изобразительный 16, 28, 38—44, 65, 74, 78—80, 185—188, 237, 241, 243 и сл., 317, 319, 327, 329 и сл.; см. также предписанности и семасиография
- пара-приемы 317 и сл., 321, 323, 328, 330, 334
- ребусный — см. ребусный принцип
- репрезентационный — см. описательно-изобразительный
- С + нуль — см. согласные с нулевым гласным
- семасиографические — см. предписанности и семасиография
- *scriptio plena* — см. написание полногласное
- смешанные 315
- условные 321
- устаревшие 227
- цветные — см. цвета условные
- проклятий тексты 164
- просодические признаки 25, 176, 240—242, 244, 262, 317
- протоармянские надписи 67, 255
- протобиблское письмо 128, 154, 263, 302—304
- протоегипетское письмо 69, 78—80, 115, 186, 188, 294, 301
- протоиндское письмо 67 и сл., 93 и сл., 181, 188, 204 и сл., 209 и сл., 259, 287 и сл., 302, 320
- протокитайское письмо 294
- протопалестинское письмо 121, 126 и сл., 131 и сл., 143, 263, 304
- протоиспанское письмо 121, 123—126, 130—132, 136, 143, 304
- протошумерское письмо 69, 80, 186, 256, 294, 296—298, 301, 326
- протоэламское письмо 67 и сл., 92 и сл., 122, 188, 204 и сл., 209 и сл., 259, 287, 301, 320, 326
- психология 84, 196, 232
- детская 31, 34
- примитивная 31
- тенденция к конкретности 31
- Птолемея династия 195, 261

пунктуация 25, 101, 115, 189, 236, 249, 321

пучок ассоциативный 294, 298, 302

Развитие письма

— внешнее 37 и сл., 43, 69, 74—76, 80—82, 89, 94—98, 100 и сл., 130—133, 136 и сл., 141, 143, 172, 174 и сл., 182, 191—193, 207—209, 219, 229, 236 и сл., 239, 244, 264, 275, 299

— внутреннее 30, 43 и сл., 69, 80, 82—84, 89, 110, 161, 163 и сл., 168, 170 и сл., 176—178, 180—182, 184—198, 202 и сл., 208 и сл., 224—226, 236, 239, 243 и сл., 257, 275, 301, 319—321, 324 и сл.

— однонаправленное 193—196, 224, 237, 239, 244 и сл.

— этапы 196 и сл., 203, 239

разговор безмолвный 20 и сл.

Рас Шамра 128, 131, 163, 217, 263

ребусный принцип 101, 106, 109, 187, 239 и сл., 244, 256, 293—300, 302, 320; см. также фонетизации принцип редукции принцип 76, 107, 177, 191, 239 и сл., 244, 298

репертуар знаков 143, 240 и сл., 244, 327; см. также силлабарии

речь — см. язык, устная форма

"речь зримая" — см. "Visible Speech"
— система записи

рисунки наскальные 34—39, 238, 314, 317, 328; см. также петроглифы и петрограммы

рисунки примитивные 18 и сл., 22—24, 34—37, 184—187, 314, 317, 332; см. также изображения и искусство изобразительное

ритуальные действия 14, 35, 301, 316

Розеттский камень 78, 216

романские письменности 202, 213 и сл., 216 и сл., 317

Рувэйсе 130, 172, 264

рукописи 29, 32, 58, 249

руническое письмо 135, 138—142, 180

— англосаксонское 139—141

— германское 135, 138 и сл., 302, 304

— скандинавское 140

русское письмо 139, 142, 217, 231, 241

Рюкю острова 15

Сайсский период 115

Саламис 151

Сальвадор 58

самовыражение художественное 13, 43, 184 и сл., 313 и сл., 319, 331 и сл.

санскрита письмо 147, 160, 182, 194

Сардиния 172, 175

саук письмо 141, 200

североамериканских индейцев письменности 29 и сл., 38—40, 43, 46—55, 57 и сл., 65, 72, 74, 83 и сл., 105, 141, 187 и сл., 199 и сл., 202 и сл., 226 и сл., 238, 248, 256 и сл., 260, 293, 296, 323

семантика 321

семасиография 22, 24, 27, 108, 184 и сл., 187, 193—197, 199—201, 203, 236—238, 240, 242, 244, 284 и сл., 293, 317 и сл., 322, 329 и сл., 333

семасиология — см. семиотика

семиология — см. семиотика

семиотика 20, 312, 321

семитские письменности — см. западносемитские письменности

Серабит эль-Хадем (Serābiṭ el-Ḥādem) 123

сигналы

— акустические 14, 19, 314 и сл.

— оптические 14, 19, 314 и сл., 329, 331

сидетское письмо — см. малоазийские письменности

Сикасика 57

силлабарии 76, 81—85, 87—89, 91 и сл., 98, 109—111, 114, 121—161, 164, 169—171, 189—191, 193 и сл., 196, 200—202, 239—241, 244, 269 и сл., 275—277, 289 и сл., 304, 318, 320

силлабограммы — см. знаки слоговые
силлабография — см. письменности
слоговые

символы 241, 245, 313

— вторичные 19

— геральдические 44, 256, 330

— зримые 21, 27, 44 и сл., 185 и сл.

— математические 28, 100, 217; см. также математические понятия

— научные 28, 217, 230, 232

— письменные 55—57, 71, 74, 78, 99, 185 и сл., 218, 236, 248

— универсальные 221

— условные 13, 186 и сл.

синаитское письмо 123

Синайский полуостров 123, 126, 135, 143

синайское письмо — см. протосинайское письмо

сирийское письмо 136, 147

Сирия 67, 86 и сл., 110, 122, 128 и сл., 135, 144, 190, 192, 217, 272, 320, 324

систематизация 57, 65, 121, 163 и сл., 167, 176—178, 180, 187, 190 и сл., 196 и сл., 204, 214, 228, 293, 320

системы

— ассоциативно-мнемонические — см. прием идентифицирующе-мнемонический

— визуальные 329 и сл.; см. также письмо, письменности

- замкнутые 293
- знаковые 5 и сл., 13, 21 и сл., 29 и сл., 199, 241, 245, 248, 293, 295, 311—313, 319—321, 331; см. также письмо, письменности
- коммуникативные — см. знаковые
- ограниченных возможностей 58—66, 312, 315, 319, 331
- параграфические 330
- первичные 316
- письма — см. письмо, письменности
- семиотические — см. знаковые
- смешанные 168—170, 315 и сл.
- фиксации — см. письмо, письменности
- си-ся письмо — см. тангутское письмо
- Сихем 126, 131
- скорось — см. курсив
- scriptio defectiva — см. написание недостаточное
- scriptio plena — см. написание полное
- scriptura quadrata — см. шрифт квадратный
- славянские письменности 139, 142, 180, 214, 217, 231, 241, 304, 317
- слепоглухонемые 14 и сл., 19
- слова иноязычные 89, 112, 116, 120, 158, 160, 164, 201, 214, 226, 241, 296
- словари шумеро-аккадские 294, 296
- словоразделение 25, 29, 105, 128, 153, 168, 189, 249, 262
- слоги закрытые 76, 113, 159 и сл., 168, 297—299
- согласные
 - длительность 176
 - качество 76—78, 87, 143 и сл., 151, 190, 240, 300
 - обозначение 76 и сл., 83 и сл., 99, 143, 151, 168, 180, 190, 200, 300
 - слабые 77, 85 и сл., 112, 145, 162, 176—178, 180 и сл.
 - с неопределенным гласным 82, 145, 148, 162, 167 и сл., 170, 236, 299, 304; см. также письмо консонантное
 - с нулевым гласным 83 и сл., 143, 146, 267, 297, 301—304
 - с определенным гласным 149, 151 и сл., 168, 170, 304
 - стабильность 84 и сл.
- сомалийское письмо 141, 202
- среднеиранские письменности 295
- стандартизация — см. унификация
- стенография 25, 182, 229, 233, 242, 253, 272, 330
- ступени развития письма
 - алфавитная — см. буквенная
 - буквенная 164, 185, 190 и сл., 193 и сл., 198, 226 и сл., 239
 - греческая 183

- дописьменная 34—36, 184 и сл., 314, 317, 323
- логографическая 83, 194, 203, 226, 257
- описательно-изобразительная — см. прием описательно-изобразительный
- пиктографическо-идеографическая 198, 255; см. также семасиография
- последовательность 30 и сл., 83, 193—198, 203, 224
- предписьменная — см. семасиографическая
- протописьменная 314, 317 и сл., 323
- семасиографическая 22, 27, 184—188, 193, 196, 203, 314, 317 и сл.; см. также предписьменности и семасиография
- словесно-слоговая 185, 188 и сл., 193, 198, 203, 226; см. также письменности словесно-слоговые
- слоговая 83, 164, 185, 189 и сл., 193 и сл., 196, 198, 203, 226, 239; см. также письменности слоговые
- фонографическая 22 и сл., 184 и сл., 189, 314; см. также письмо фонетическое
- формальные 239
- Судан 57
- Сузы 92, 205
- схематизация 37 и сл.
- счёт 15 и сл., 70 и сл., 256, 315, 323—325, 327 и сл., 331
- счёты зим 48—52
- Сьерра-Леоне 201

- Таблички учетные 58, 68—71, 73, 97 и сл., 186, 188, 219, 256, 296, 327
- тавро 45, 330
- тайнопись 141 и сл., 330
- тангутское письмо 258 и сл.
- танца мимического язык 19, 315, 329 и сл., 332
- Тасмания 41 и сл.
- татуировка 29, 330
- тахиграфия 229
- Тель эль-Аджул (Tell el-'Ajjul) 126
- Тель эль-Хеси (Tell el-Hesi) 126, 143
- Тель эс-Сарем (Tell es-Şārem) 126, 262
- тибето-бирманские письменности 258
- Тириф 94
- Того 56
- тома письмо 201, 220
- традиция устная 212
- транскрипция 11, 117—119, 232, 240 и сл., 245, 294, 298 и сл.
- транслитерация 11, 25, 77, 80, 83, 110—112, 114, 116—120, 136, 145, 161, 164 и сл., 175, 214, 232, 241 и сл., 245, 257
- трапписты 14
- Траяна колонна 314, 329

турецкое письмо 217, 225—227
Турция 217, 226; см. также Анатолия
тюркские письменности 259

Угаритское письмо 74, 128—132, 134,
136, 163, 168, 170, 217, 263—265,
267, 304, 320

Улеи письмо — см. Олеи письмо
унификация 57, 74, 113 и сл., 268, 293
Ур, III династия 219

Урарту 255

Урук 69—74, 116 и сл., 256, 296

урукское письмо — см. шумерское
письмо

условных правил набор 11, 24, 74, 100,
108 и сл., 186 и сл., 236, 239, 241,
243 и сл., 261, 312 и сл., 318—321,
325, 333

Фавор гора 130

фань-це письмо 91 и сл., 116

Фары период 117

Файюм 126, 128

Фера 174

Фестского диска письмо 67, 121, 149,
152—155, 185, 207, 257, 269, 291

Фивы (Греция) 94

Фивы (Египет) 78

фиксация — см. коммуникация ста-
бильная

филология 5, 10, 24, 32, 108 и сл., 112,
236, 322

финикийское письмо 121, 129, 132—134,
136, 138, 140—142, 148—151, 163,
171, 173 и сл., 185, 190, 264, 302—305,
320

финское письмо 228, 317

фокс письмо 141, 200, 257, 275

"фонемы супraseгментные" 262

фонетизации принцип 16, 23, 58—60, 62,
65, 73 и сл., 80, 82, 89, 105 и сл., 108
и сл., 114, 187, 196, 200, 204, 209,
239 и сл., 242, 244, 253, 275, 294—296,
298, 320

фонограммы 19, 112

фонография — см. письмо фонетическое
форма условная 324—326, 329 и сл.,
332 и сл.

форманты морфологические 155, 158,
297—299

фразеогаммы — см. знаки фразовые
фразеография 25, 57, 233, 242, 244

Франция 37, 253

французское письмо 213 и сл., 216, 317

фригийское письмо 6, 305

фуригана письмо 158

Хаммурапи законы 110

ханаанейское письмо 133, 138, 148, 217

Хараппа 93

хеттское письмо

— неероглифическое 37, 67 и сл., 77,
83, 86—88, 98—103, 105 и сл., 110,
112—119, 135, 160 и сл., 165 и сл., 168,
171, 177 и сл., 185, 187—189, 192 и
сл., 195, 204, 207, 209 и сл., 219, 222,
236, 255, 257 и сл., 260 и сл., 286
и сл., 295, 301, 320

— клинописное 74, 86, 107, 122, 217,
299

хирагана письмо 156 и сл.

хирология 322

хорватское письмо 214

Хэбэй 91

Цао-шу письмо 156

цвета условные 15 и сл., 28 и сл., 50,
249, 316, 318, 321, 325, 329 и сл.,
332 и сл.

цветов "язык" 15, 19, 29, 238, 315, 330
цифры — см. числительные

Чанху-даро 93

чейены 39 и сл.

чероки письмо 29 и сл., 83, 141, 187,
196, 199 и сл., 202 и сл., 225 и сл.,
257, 318

четки 15, 19

чешское письмо 214, 317

чжурчжэнь письмо — см. ньюн-чжи
письмо

Чин письмо 278

числительные 24, 55, 58, 65, 70 и сл., 93,
104, 151, 173, 187, 230, 254, 256,
297, 318, 323 и сл., 326 и сл., 330

чтение 21, 27, 73, 76 и сл., 83 и сл., 99,
104, 106—110, 112, 114 и сл., 123,
126, 134 и сл., 139—143, 146 и сл.,
149, 151, 155, 157 и сл., 162, 165, 167
и сл., 176 и сл., 181, 187, 190, 197, 199
и сл., 227 и сл., 236, 239, 242 и сл.,
257, 263, 294, 298 и сл., 305, 320

чукотское письмо 202 и сл., 277

Шан династия 89, 205 и сл., 210

Шандун 92

шва 146 и сл., 267

шифры замещения 141, 330; см. также
тайнопись

школы писцовые 74, 166, 219

— богазкёйская 122, 219

— лагашская 219

Шо-вэнь 117

шрифт

— квадратный 75 и сл., 217; см. также
еврейское квадратное письмо

— курсивный 321

— наборный 229

— печатный 28, 181, 191

— прямой 321

шумерограмма — см. гетерограмма

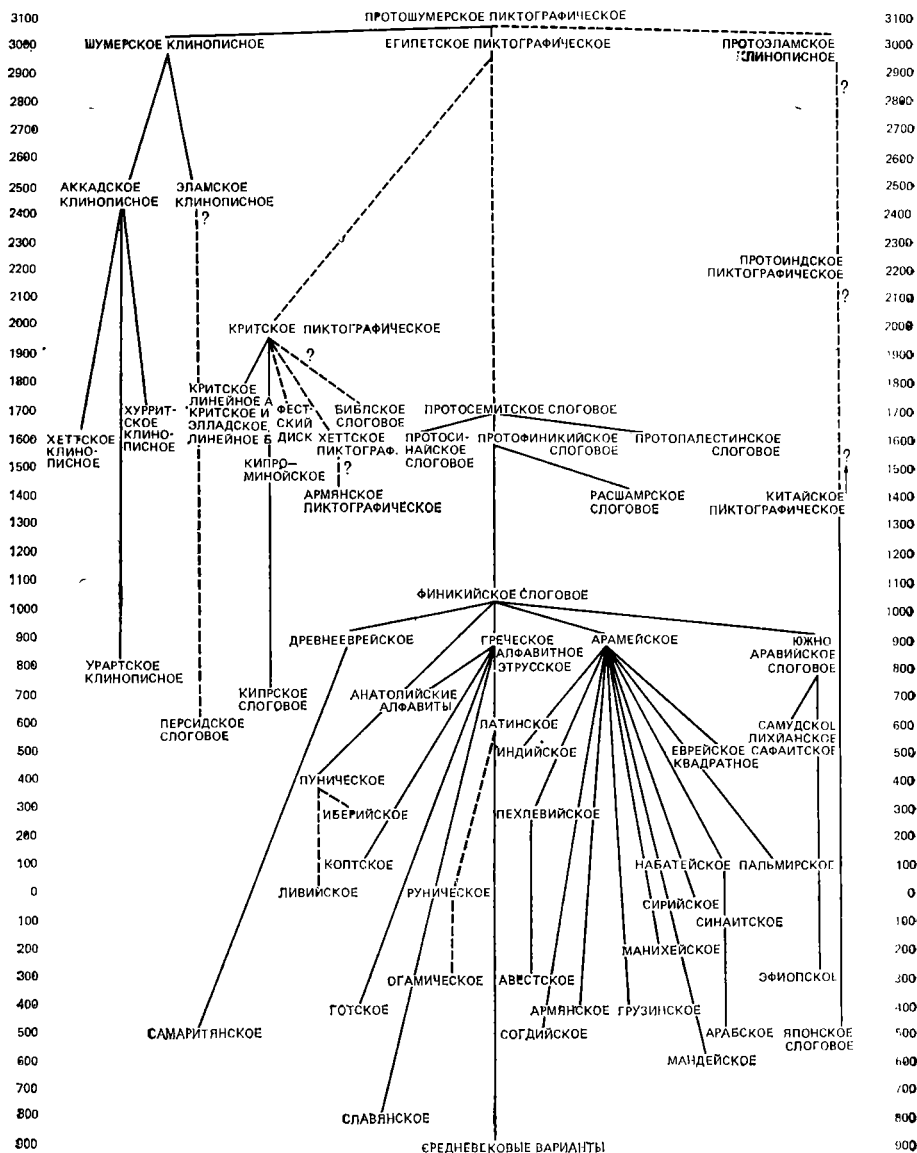
- шумерское письмо 23, 37 и сл., 43, 58, 67—78, 83, 99—103, 106, 108, 112 и сл., 115 и сл., 118 и сл., 135, 177, 185, 187—189, 192, 196, 204 и сл., 208—210, 216, 219, 230, 235, 239—242, 256 и сл., 260, 293 и сл., 296—302, 318, 320, 326 и сл.
- Эблаитское письмо 297
- эве 16, 56, 319
- Эгейского моря островов письменности 67, 87, 94, 128, 144, 149—152, 160, 185, 188, 190, 197, 207 и сл., 210, 269, 302, 320
- Эдалион 153
- экономии принцип 76—78, 84, 87, 99, 110, 170, 229, 232 и сл., 240, 242—244, 297
- Элам 67, 92, 205, 301, 320
- эламское письмо
- клинописное 74, 121 и сл., 158, 161, 185, 189 и сл., 193, 216 и сл., 257, 299, 302, 320
- линейное 301
- эль-Хадр (el-Haḍr) 126, 263
- эмблемы профессий 44 и сл.
- эме-саль 115, 121
- Эмиргази 207, 222
- Энкоми 151
- эпиграфика 5, 22, 31 и сл., 69, 130, 171, 174, 262, 322
- Эркилет 87, 116
- эскимосские письменности — см. Аляски письменности и канадских эскимосов письменности
- эстетической условности принцип 74, 218 и сл., 240, 242—244
- этология 312, 322
- этрускское письмо 267
- эфиопское письмо 134, 136, 138, 146, 149, 179, 181 и сл., 191, 194, 202, 249, 257, 266 и сл., 272, 305
- Южноазиатские письменности 257
- южноаравийское письмо 133—136, 140, 146, 182, 304 и сл.
- Юкатан 58, 62
- Язык, языки 20—22, 86, 148 и сл., 212—218, 227, 241, 294
- агглютинирующие 155, 194 и сл., 273
- афразийские 144, 300
- бесписьменные 213
- всемирный 227—229, 231
- детский 31
- жестов — см. жестов язык
- зримый Ролстэда 328, 330
- изолирующие 155, 194 и сл., 273
- индоевропейские 85, 195, 301
- интернациональный — см. всемирный
- искусственные 228, 277
- камней — см. камней "язык"
- литературный — см. письменный
- малоизученные 122, 151
- мета-язык — см. пара-язык
- монгольские 259
- моносиллабические 112, 155
- пара-язык 321, 323
- письменный 24, 213
- повседневный — см. устная форма
- полисиллабические 155
- предметный — см. письмо предметное
- примитивные 29, 31, 72
- развитие 194 и сл.
- разговорный — см. устная форма
- реформа 227, 258
- романские 214
- семитские 68, 74, 84—86, 112, 123, 129, 134, 144, 153, 171 и сл., 269, 300, 303 и сл.
- сино-тибетские 240
- славянские 214
- тибето-бирманские 258
- тюркские 259
- универсальный — см. всемирный
- упрощенные 228
- устная форма 14, 21 и сл., 24, 74, 186, 212 и сл., 217 и сл., 222, 247 и сл., 260, 312, 314, 316, 318
- фиксация 84 и сл., 170, 323, 328
- флективные 85, 194 и сл., 273
- цветов — см. цветов "язык"
- X 70, 294, 302
- языкознание — см. лингвистика
- яковитское письмо — см. западносирийское письмо
- яматогана письмо 156
- яо письмо 258
- японское письмо 77, 121, 138, 155—161, 185, 189 и сл., 227, 257, 268 и сл., 291, 320

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛФАВИТА

ДАТА

ПИСЬМО

ДАТА

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 'Абда'а 130
 Абиба'л 130, 172, 264
 Адамс, Р. Ф. Г. 277
 'Азарба'л 130, 154, 172, 264
 Амон 86
 Амье 324
 Аристотель 13, 24
 Арутюнов 328
 Афанасьева, В. К. 296
 Ахемениды — см. Ахеменидов дина-
 стия
 Ахирам 130, 132—134, 137, 143, 172,
 174, 264, 303
 Ашока 181
 Ашшур 104

 Ба'лат 123, 143
 Барракиб 134
 Барроуз, Э. 265
 Бартель, Томас С. 254 и сл., 284
 Бауэр, Ганс 129, 137, 263, 266, 269, 289,
 339
 Баххофер, Людвиг 279
 Бишоп, Карл 279
 Блумфилд, Леонард 247—249, 280
 Богораз, В. Г. 277
 Большая Дорога 46, 48
 Бонфанте, Джулиано 11, 273
 Боссерт, Хельмут Т. 86, 258, 279, 286
 Боумен, Элизабет 268
 Брайль — см. Брайля азбука
 Брахма 220
 Бребёф, Жорж де 24
 Брестед, Джеймс Г. 211, 280
 Брюли-Буабре, Фредерик 276
 Будберг, Питер 109, 248, 287
 Букеле 201
 Бурн 222
 Бутинов, Н. А. 255
 Бухман 265
 Бэкон 212
 Бэлл, Мелвилл 229 и сл.
 Бэрдуистелл, Рей Л. 246, 322, 334
 Бэссоу, Кит 323

 Вайман, А. А. 296
 Вахек, Йозеф 250
 Вейсбах, Ф. Х. 122, 262, 291
 Вентрис, Майкл 97—99, 259, 288 и сл.
 Видо 220
 Виролло, Шарль 129, 339
 Вольтер 24
 Вудхед, А. Г. 271

 Гардинер, Алан 123, 164, 247, 257,
 260—262, 286, 290, 337 и сл.
 Гельб, И. Е. 250, 258, 261, 264, 267,
 279, 283, 285 и сл., 290, 303, 311, 317,
 321 и сл., 335, 337 и сл.
 Геродот 17
 Герц, Амелия 137, 265
 Гиннекен, Жак ван 55, 260
 Гор 78, 104
 Гримме, Х. 263
 Грин, М. 297
 Грозный, Бедржих 86, 286 и сл.
 Громан, Адольф 272
 Гроот, Йоханнес де 142
 Гротенфенд, Георг Фридрих 68

 Даниэль, Джон Франклин 151, 268,
 290, 339
 Данте 281
 Дарий 169 и сл.
 Делафосс, Морис 276 и сл.
 Джеффри, Л. 271, 292
 Джеффри, М. 276 и сл.
 Джонс, Уильям 275
 Джонсон, Франклин П. 271
 Дириггер, Дэвид 149, 183, 251, 253,
 255, 259, 262, 266 и сл., 272 — 274,
 276—278, 281 и сл., 289, 338
 Дорм, Эдуард 129, 153 и сл., 268, 285,
 289, 291, 303 и сл.
 Дорнзейф, Франц 280, 282
 Драйвер, Г. Р. 10, 263, 266, 271, 273,
 278, 289
 Дриотон, Этьен 128, 263, 286

Дьяконов, И. М. 259, 263, 271, 296, 299, 303
Дэн Сыюй 11, 120
Дэниэлс, Питер Т. 311
Дэниэлс, Ф. 269
Дюга, И. 276 и сл.
Дюнан, Морис 130, 153 и сл., 263—265, 268, 271, 289, 291, 339
Дю Понсо, Петер-Стефен 109
Дюссо, Рене 137, 264 и сл., 289, 339
Евренинов 254
Есперсен, Отто 229 и сл., 281
Журов 328
Зейдель, А. 148, 267
Зете, Курт 83, 114, 203, 249, 257, 261, 273, 278, 283, 286, 290
Иванов, Вяч. Вс. 328
Ильвисакер, Сигурд 148, 267
Ипсен, Г. 291
Исман Юсуф 202
Истрин, В. А. 283
Иштар 104
Йейвин, С. 149, 266 и сл., 269, 290
Йенсен, Ганс 183, 247, 253, 255, 259, 274, 276, 283, 339
Йехимилк 130, 172
Йирку, А. 303
Йокаи, Мор 16
Канесиро, С. 278
Кант, Иммануил 211
Кантуле, Рубен Перес 221, 253, 280, 284
Карлейль, Томас 211
Карнап, Рудольф 247 и сл.
Карпентер, Рис 173, 271, 291 и сл., 343
Каудер, Кристиан 200, 274
Келлер, Элен 15
Кент, Роланд Г. 268
Кимхи, Давид 162, 269
Кингсли, Мери 16, 247
Кисими Камала 201
Клейн, Джеффри Дж. 255
Кнорозов, Ю. В. 254—255, 259, 284 и сл.
Кобер, Алиса 99, 288
Кондратов, А. М. 263, 303
Кортес, Фернандо 223
Косарев 254
Коэн, Марсель 183, 246, 255, 268, 272, 274, 277, 282
Красная Туча 47 и сл.
Крёбер, А. Л. 279 и сл.
Крез 192
Кречмер, Пауль 268
Крил, Хэрли Глесснер 109, 206, 248, 279, 287

Крон 214
Кросс, Франк Мур, мл. 263 и сл., 269, 289
Кроудер, Томас Р. 328, 334 и сл.
Ктистопулос, К. П. 99
Кук, Р. М. 271
Кычанов, Е. И. 259
Лабар, Уэстон 28, 249
Ланда, Диего де 62
Леви Делла Вида, Джорджо 11, 281
Лезлау, Вольф 252, 266
Лейбович, Й. 126, 130, 262, 290, 338
Леманн-Хаупт, К. Ф. 137, 253, 265, 274, 289
Линтон, Ральф 272
Литман, Э. 267
Лотц, Джон 11, 247
Лоукотка, Ч. 283
Лоуренс Аравийский 214, 280
Лундин, А. Г. 304
Лурня, А. Р. 251
Лэссё, Йорген 11
Мадзони, Гвидо 281
Мак-Интош, Ангус 250
Мак-Микаэль 277
Малиновский, Б. 29, 72
Маллери, Гаррик 48—52, 57, 247, 249, 251—254, 260, 274, 284, 293, 336 и сл.
Маркус, Ральф 11
Маршак, Александр 324, 328, 334 и сл.
Массон, Оливье 268, 290
Мейе, Антуан 268
Мейнхоф, Карл 16, 57, 247, 253, 273, 337
Менес 78, 80
Менц, Артур 173, 271, 292
Меньшиков, Л. Н. 7
Мериджи, Пьеро 86, 260, 268, 286—290
Меша' 130, 133, 163, 172, 175
Мирабо 211
Моно, Т. 276, 280
Морзе — см. Морзе азбука
Моррис, Чарльз 20, 247
Набу 219
Нармер — см. Нармера палетка
Нджоя 201
Невский, Н. А. 259
Нёльдеке, Теодор 171, 266, 305
Нисаба 219 и сл.
Ниссен, Н. И. 297
Нойман, Г. 302
Норденшельд, Эрланд 221, 253, 280, 284
Обермайер, Гуго 37
Огг, Оскар 252 и сл.
Огме 220
Один 220

Одинокый Пес 49 и сл.
Олбрайт, У. Ф. 126, 164 и сл., 262—264,
269—271, 286, 289
Ормузд 168
Осирис 86
Осоркон I 130

Павлов, Иван Петрович 311
Пайк, Кеннет Л. 230, 273, 281
Пёбель, Арно 109, 149, 266 и сл., 337
Педерсен, Холгер 149, 267, 281, 283
Пейпер, Герберт 268, 270, 335
Пикассо, Пабло 314
Питри, Уильям М. Флиндерс 123, 142,
263, 266, 283, 339
По Чин Хо 278
Поллард — см. Полларда система
Преториус, Франц 148, 267
Птолеми — см. Птолемея династия
Пулгрэм, Эрнст 250
Путу-Хипа 164

Равдоникас, В. И. 251
Рамессес II 28
Рамессес III 128
Раулинсон, Генри 68
Ремюза, Абель 258, 262
Ренан, Эрнест 211
Ризенберг, Саул 278
Розенкранц, Б. 265
Ролстэд, Миральд 328, 330, 335

Саватеев, Ю. А. 251
Свенсон, Дональд 268
Секвойя 199 и сл., 203
Сетх 104
Сибек, Томас 11, 275, 321 и сл., 335
Сиквайи — см. Секвойя
Сил, Кит 11, 262
Син 73 и сл.
Сольберже, Эдмон 268
Софронов, М. В. 259
Спайзер, Э. А. 256, 264, 268, 270, 289
Стёртевант, Эдгар 149, 267
Столяр, А. Д. 328
Стратановский, Г. А. 17
Стюард, Джулиан 35, 251, 284
Суит, Генри 230, 281, 315

Твен, Марк 228, 232, 281
Тейлор, Айзек 182, 283
Теневиль 202, 277
Томкинс, Уильям 54 и сл., 252, 337
Томпсон, Дж. Эрик С. 254, 285
Тот 220
Траян — см. Траяна колонна
Трейгер, Джордж Л. 247, 321, 335
Тушратта 122
Туро-Данжен, Ф. 240, 286

Уилсон, Джон 11
Уллендорф, Э. 267
Ульвинг, Тур 254
Ульдалл 250
Ульман, Б.Л. 173, 271, 280, 283, 290,
292
Унгнад, Артур 43, 204, 278
Уорд, Линд 41, 314, 329
Уорф, Бенджамин Л. 247, 253, 285
Устинов 254

Фалькенштейн, Адам 73, 109, 256, 285,
337
Фалькнер, Маргит 271, 291
Фаруэлл, Байрон 11
Феврие, Джеймс 10, 183, 255, 259, 282,
289 и сл.
Форбс, А. 328, 334 и сл.
Формозов, А. А. 251, 328
Форрер, Эмиль 86, 270, 286
Фоссэ, Шарль 183, 272, 282, 285, 337,
339
Франк, К. 259, 287
Франкфорт, Анри 11, 279
Франкфорт, Х. А. Грёневеген 11
Фридман, Дэвид Нозл 263 и сл., 269
Фридрих, Иоганнес 109, 137, 182, 203,
253, 256, 259, 261 и сл., 265, 270,
272—278, 282, 286, 289—292, 296
Фролов, Б. А. 324, 335
Фу-си 219

Хайатт, Джеймс Филип 267
Хаксли, Джулиан 312
Халло, Уильям 264, 267 и сл.
Халлок, Ричард 11
Халлок, Эрн 11
Хаммурапи — см. Хаммурапи Законы
Хатхор 78, 123
Хилл, Арчибалд 249, 254
Хитч, Отто 274
Хэмп, Эрик П. 278, 321, 335

Цан Цзе 220

Черепакха-Следующая-За-Своей-Женой
39 и сл.
Чжао Юань жень Чао 258, 261
Чэдуик, Джон 259, 288 и сл.
Чэнь Менцзя 11, 117, 120, 338

Шампольон, Франсуа 78
Шарфф, А. 207, 279, 286
Шафатбал 130, 172, 174 и сл.
Швицер, Эдуард 149, 267
Шешонк I 130
Шлаг, Вильгельм 274
Шмандт-Бессерат, Дениз 324 и сл.,
327 и сл., 335
Шмитт, Альфред 204, 252, 268, 273,
275, 278, 283, 290, 292, 296

- Шотт, Зигфрид 261, 273, 283, 286
 Шпренглинг, Мартин 265, 290, 338
 Эванс, Артур Дж. 151, 259, 268, 288,
 338 и сл.
 Эванс, Дж. 200
 Эджертон, Уильям Ф. 11, 117, 164 и
 сл., 248, 257, 270, 286
 Элиба'л 130, 172, 264
 Эрман, Адольф 83, 257, 286
 Якобсен, Торкильд 11, 148
 Ямагива, Джозеф 269, 291
 Abbadie, A. d' 277
 'Abda'a 130
 Abercrombie, David 246
 Abība'al 130, 172, 264
 Adams, R. F. G. 277
 Aḥirām 130, 132—134, 137, 143, 172,
 174, 264, 303
 Albright, W. F. 126, 164 и сл., 262—
 264, 269—271, 286, 289
 Anderson, H. Dewey 275
 Arntz, Helmut 280, 283
 Aśoka 181
 Aššur 104
 'Azarba'al 130, 154, 172, 264
 Bachhofer, Ludwig 279
 Bailey, Charles-James N. 335
 Ball, C. F. 279
 Ballhorn, Friedrich 251
 Barnett, R. D. 255
 Barrākib 134
 Barthel, Thomas S. 254 и сл., 284
 Barton, G. A. 285
 Bateson, M. C. 335
 Bauer, Hans 129, 137, 263, 266, 269, 289
 Baumann, H. 276
 Bayer, Franz 285
 Bea, Augustin 289
 Bennett, Emmett L. Jr. 288, 338
 Bennigon, J. J. 278
 Berger, Philippe 282
 Bergsträsser, G. 266
 Berry, J. 273
 Bertholet, A. 280
 Beyer, Hermann 284
 Birdwhistell, Ray L. 246, 322, 334
 Bishop, Carl W. 279
 Bissing, F. W. von 280, 283
 Blake, Frank R. 269
 Blegen, Carl W. 271, 340
 Bloomfield, Leonard 247—249, 280
 Bolinger, Dwight L. 249
 Bömer, Aloys 282
 Bonfante, Giuliano 11, 273
 Bonwick, James 252, 336
 Boodberg, Peter A. 109, 248, 287
 Bork, F. 287
 Bossert, Helmuth T. 86, 258, 279, 286
 Bouñaert, Joseph 282
 Branden, A. van den 289
 Brandenstein, Wilhelm 271, 291
 Breasted, James H. 211, 280
 Brébeuf, Georges de 24
 Breuil, Henri 251, 284
 Brice, William C. 260, 287 и сл.
 Brinton, Daniel G. 284
 Brown, J. Macmillan 278
 Brown, John Pairman 291
 Brown, W. Norman 279
 Brunner, H. 286
 Buchholz, Hans-Günther 290
 Buchman, H. 265
 Burrows, E. 265
 Butinov, N. A. 255
 Cameron, George C. 262, 289
 Campbell, S. G. 292
 Carnap, Rudolf 247 и сл.
 Carpenter, Rhys 173, 271, 291 и сл., 340
 Carrington, J. F. 246
 Casson, Stanley 290
 Cerulli, E. 277
 Chadwick, John 259, 288 и сл.
 Chalfant, F. H. 338
 Chamberlain, Basil Hall 291
 Chapouthier, Fernand 288
 Ch'ên Mêng-chia 11, 117, 120, 338
 Chomsky, William 269
 Clark, Cumberland 285
 Cleator, P. E. 282
 Clerq, Frans de 282
 Clodd, Edward 282
 Cocchiara, Giuseppe 246
 Cohen, Marcel 183, 246, 255, 268, 272,
 274, 277, 282
 Contenau, G. 285
 Conti Rossini, C. 252, 339
 Cook, R. M. 271
 Cowan, George M. 246
 Crawford, O. G. S. 276
 Creel, Herlee Glessner 109, 206, 248, 279,
 287
 Cressman, L. S. 251, 284, 337
 Critchley, Macdonald 246
 Cross, Frank Moore, Jr. 263 и сл., 269,
 289
 Crowder, Thomas R. 328, 334 и сл.
 Daniel, John Franklin 151, 268, 290, 339
 Daniels, F. J. 269
 Danzel, Theodor-Wilhelm 253, 278, 281
 и сл., 284, 337
 Darden, Bill J. 335
 Davidson, Daniel S. 284
 Davison, Alice 335
 Degering, Hermann 282
 Deimel, Anton 285
 Delacroix, H. 250

- Delafosse, Maurice 276 и сл.
 Delitzsch, Hermann 282
 Delougaz, P. 256
 Dennett, R. E. 253
 Dessau, H. 292
 Dewdney, Selwyn 284
 Dhorme, Edouard 129, 153 и сл., 268,
 285, 289, 291, 303 и сл.
 Diakonoff, I. M. 259, 263, 271, 296, 299,
 303
 Dieterlen, Germaine 253
 Dikaïos, Porphyrios 268
 Diringer, David 149, 183, 251, 253,
 255, 259, 262, 266 и сл., 272—274,
 276—278, 281 и сл., 289, 338
 Doblhofer, Ernst 282
 Dornseiff, Franz 280, 282
 Dow, Sterling 288
 Drioton, Étienne 128, 263, 286
 Driver, G. R. 10, 263, 266, 271, 273, 278,
 289
 Dugast, I. 276 и сл.
 Dunand, Maurice 130, 153 и сл., 263—
 265, 268, 271, 289, 291, 339
 Dussaud, René 137, 264 и сл. 289, 339
 Ebeling, Erich 265, 270
 Ebert, Max 251, 259, 282, 287 и сл., 336
 Eckardt, André 246
 Edel, Elmar 269
 Edgerton, Franklin 261
 Edgerton, William F. 11, 117, 164 и сл.,
 248, 257, 270, 286
 Eells, Walter Crosby 275
 Egbert, James C. 292
 Eliba'al 130, 172, 264
 Engelhart, Ben 282
 Erdmann, Kurt 280
 Erman, Adolf 83, 257, 286
 Evans, Arthur J. 151, 259, 268, 288,
 338 и сл.
 Fairman, H. W. 261, 286
 Falkenstein, Adam 73, 109, 256, 285, 337
 Falkner, Margit 271, 291
 Faulkner, R. O. 260
 Faulmann, Carl 282
 Février, James G. 10, 183, 255, 259, 282,
 289 и сл.
 Flamand, G. B. M. 284
 Fletcher, Alice C. 275
 Flight, John W. 290
 Flury, Samuel 280
 Forbes, A. 328, 334 и сл.
 Forke, A. 258, 338
 Forrer, Emil O. 86, 270, 286
 Fossey, Charles 183, 272, 282, 285, 337,
 340
 Fox, Douglas C. 284, 337
 Francis, W. Nelson 249
 Frank, C. 259, 287
 Franke, O. 258
 Frankfort, Henri 11, 279
 Friedman, David Noel 263 и сл., 269
 Friedrich, Johannes 109, 137, 182, 203,
 253, 256, 259, 261 и сл., 265, 270,
 272—278, 282, 286, 289—292, 296
 Frobenius, Leo 284, 337
 Frolov, B. A. 324, 335
 Furumark, Arne 260, 288
 Gabriel, A. 336
 Gaerte, Wilhelm Otto 292
 Gaertringen, F. Hiller von 282, 292
 Gardiner, Alan H. 123, 164, 247, 257,
 260—262, 286, 290, 337 и сл.
 Gardner, E. A. 292
 Gardthausen, V. 291
 Gaster, T. H. 290
 Gelb, Adhemar 250
 Gelb, I. J. 250, 258, 261, 264, 267, 279,
 283, 285 и сл., 290, 303, 311, 317, 321
 и сл., 335, 337 и сл.
 Gercke, A. 292
 Giegengack, A. E. 283
 Ginneken, Jacques van 55, 260
 Gleason, H. A., Jr. 249
 Göke, N. 255
 Goldstein, Kurt 250
 Gollmer, C. A. 247
 Gordon, Cyrus H. 264
 Gould, G. P. 260, 288
 Green, H. C. 281
 Griaule, Marcel 253
 Grohman, Adolf 272
 Groot, Johannes de 142
 Grumach, Ernst 291
 Guiges, P.-É. 264
 Gunn, Battiscombe 262
 Haab, François 281
 Halle, Morris 251
 Hallo, William W. 264, 267 и сл.
 Hamp, Eric P. 278, 321, 335
 Harland, J. Penrose 292
 Hayes, A. S. 335
 Hellinga, W. G. 284
 Heras, H. 287
 Herdner, A. 263
 Hertz, A. 137, 265
 Herzog, George 246
 Hietzsch, Otto 274
 Hill, Archibald A. 249, 254
 Hinz, Walther 270, 287
 Hockett, Charles E. 250
 Hoenigswald, H. M. 250
 Hoffman, Walter James 252, 275, 283
 Hogben, Lancelot 283
 Hooke, S. H. 281
 Hopkins, L. C. 248, 260, 287

- Horsfield, G. 263, 339
 Howard, James H. 252
 Hrozný, Bedřich 86, 286 и сл.
 Hunter, G. R. 259, 287
 Hyatt, James Philip 267

 Ibarra Grasso, Dick Edgar 253
 Ihm, M. 292
 Imbelloni, J. 255
 Ipsen, G. 291
 Isemonger, N. E. 291
 'Ismān Yūsuf 202
 Ištar 104

 Jackson, A. T. 251, 284
 Jacobsen, Thorkild 11, 148
 Jacobson, Roman 250 и сл.
 Jamme, A. 265
 Janssens, G. 291
 Jeffery, L. H. 271, 292
 Jeffreys, M. D. W. 276 и сл.
 Jensen, Hans 183, 247, 253, 255, 259, 272, 274, 276, 283, 339
 Jespersen, Otto 229 и сл., 281
 Joffe, Joseph 276, 280
 Johnson, Franklin P. 271
 Jones, William 275

 Kainz, Friedrich 248
 Kallner, Ruth B. 263
 Kanazawa, S. 269
 Kaneshiro, Shigeru 278
 Kantor, Helene J. 279
 Kantule, Ruben Pérez 221, 253, 280, 284
 Karlgren, Bernhard 287
 Kees, H. 286
 Kelley, C. F. 338
 Kenyon, Frederic G. 283
 Kidd, Kenneth E. 284
 Kimhi, David 162, 269
 Kingsley, Mary H. 16, 247
 Klingenberg, A. 276
 Knorozov, J. V. 253—255, 259, 284 и сл.
 Kober, A. E. 99, 288
 Koch-Grünberg, Theodor 251, 284, 336
 König, Friedrich Wilhelm 262, 289
 Kopp, G. A. 281
 Kořinek, J. M. 250
 Kramer, S. N. 256
 Kroeber, A. L. 279 и сл.
 Krückmann, O. 246
 Kühn, Herbert 251, 284
 Kühnel, Ernst 280

 Labarre, Weston 28, 249
 Labat, René 285
 Lacau, Pierre 286
 Lacouperie, Terrien de 279
 Lambdin, Thomas O. 264, 270, 289
 Lane, George S. 247

 Lange, R. 291
 Lange, Wilhelm H. 283
 Larfeld, W. 292
 Laroche, Emmanuel 286
 Lassort, A. 276
 Lawrence, T. E. 214, 280
 Leander, Pontus 269
 Le Coq, A. von 247
 Lefebvre, Gustave 261, 337
 Lehmann, P. 292
 Lehmann-Haupt, C. F. 137, 253, 265, 274, 289
 Leibovitch, J. 126, 130, 262, 290, 338
 Lejeune, Michel 259, 268, 288, 290
 Lepsius, C. R. 283
 Leslau, Wolf 252, 266
 Lévy-Brühl, Lucien 246, 280 и сл.
 Lidzbarski, Mark 266, 269, 290, 339
 Linton, Ralph 272
 Littmann, Enno 267
 Liu Chou-Shiang 258
 Lloyd, S. 256
 Lo Tchang-Pei 258
 Locke, L. Leland 246
 Lohse, E. 284
 Long, Richard C. E. 254, 285
 Loukotka, Č. 283
 Luquet, G. H. 250
 Luria, A. R. 251

 Maas, P. 292
 Mackay, Ernest J. H. 287
 MacMichael, H. A. 277
 Maenchen-Helfen, Otto 258
 Maino, Mario 277
 Maisler, B. 290
 Mallery, Garrick 48—52, 57, 247, 249, 251—254, 260, 274, 284, 293, 336 и сл.
 Mallon, Jean 292
 Marichal, R. 292
 Marshak, Alexander 324, 328, 334 и сл.
 Marshall, John 288, 338
 Martin, M. 291
 Martinak, Eduard 248
 Mason, William A. 283
 Masson, Olivier 268, 290
 McIntosh, Angus 250
 Meinhof, Carl 16, 57, 247, 253, 273, 337
 Menn, Walter 282
 Mentz, Arthur 173, 292
 Meriggi, Pierro 86, 260, 268, 286—290
 Meša' 130, 133, 163, 172, 175
 Messerschmidt, L. 285
 Métraux, Alfred 256
 Meyer, Gerhard Rudolf 270
 Michelson, Truman 275
 Milik, J. T. 263
 Milkau, F. 282
 Miranda Rivera, Porfirio 247, 253
 Mitchell, J. Leslie 254

- Mode, Heinz 279, 288
 Modrzejewski, Annelise 283
 Möller, G. 337
 Monod, Théodore 276, 280
 Montet, P. 264
 Moorhouse, A. C. 256, 283
 Morenz, S. 286
 Morley, Sylvanus G. 285, 337
 Morris, Charles 20, 247

 Nabû 219
 Naville, E. 286
 Nelis, Hubert 283
 Neugebauer, O. 260
 Neurath, Otto 281
 Nöldeke, Theodor 171, 266, 305
 Norden, E. 292
 Nordenskiöld, Erland 221, 253, 280, 284
 Noreen, Adolf 246

 Obermann, Julian 290
 Ogden, C. K. 248 и сл., 256
 Ogg, Oscar 252 и сл.
 Olmstead, A. T. 265
 Ostermann, George F. von 283
 Otten, H. 270
 Otto, E. 286
 Otto, Walter 271, 280, 283, 340

 Palmer, Leonard R. 288
 Panfilov, V. 248
 Paper, Herbert H. 268, 270, 335
 Pauly-Wissowa 292
 Pedersen, Holger 149, 267, 281, 283
 Pedersen, J. 282
 Peet, E. T. 260
 Pelliot, P. 287
 Pernice, E. 283
 Perrat, C. 292
 Persson, Axel W. 288
 Peruzzi, Emilio 288
 Petrau, Alfred 283
 Petrie, William M. Flinders 123, 142, 263, 266, 283, 339
 Pike, Kenneth L. 230, 273, 281
 Pisani, Vittore 266, 290
 Poebel, Arno 109, 149, 266 и сл., 337
 Pope, M. 260, 288
 Potter, Ralph K. 281
 Praetorius, Franz 148, 267
 Prou, M. 292
 Pugliese Carratelli, G. 259, 288, 339
 Pulgram, Ernst 250
 Putu-Hipa 164

 Quibell, J. E. 337

 Ramsay, A. 338
 Read, Allen W. 247
 Rehm, Albert 280, 283

 Rémusat, Abel 258, 262
 Renard, E. B. 284
 Richards, I. A. 249, 256
 Riesenberger, Saul H. 278
 Roberts, E. S. 292
 Roeder, Günther 282
 Ronzevalle, S. 264
 Rosa, L. A. 246
 Rosenkranz, B. von 265
 Rosthorn, A. von 287
 Rutten, M. 285

 Sandys, J. E. 292
 Šapašba'al 130, 172, 174 и сл.
 Sapir, Edward 247 и сл.
 Sattler, Paul 283
 Schaeffer, Claude F. A. 268, 290
 Schäfer, Heinrich 265
 Scharff, A. 207, 279, 286
 Scheil, V. 338
 Schellhas, Paul 254, 285
 Schertel, Ernst 291
 Schindler, Bruno 287
 Schlag, Wilhelm 274
 Schlauch, Margaret 247
 Schmandt-Besserat, Denise 324 и сл., 327 и сл., 335
 Schmitt, Alfred 204, 252, 268, 273, 275, 278, 283, 290, 292, 296
 Schoolcraft, Henry R. 251, 284, 336
 Schott, Siegfried 261, 273, 283, 286
 Schrader, O. 247, 283
 Schroeder, Otto 268
 Schubart, Wilhelm 292
 Schwarz, Benjamin 291
 Schwyzer, Eduard 149, 267
 Sebeok, Thomas 11, 275, 321 и сл., 335
 Segert, Stanislaw 268
 Seidel, A. 148, 267
 Seler, Eduard 253 и сл., 285, 337
 Selle, Götz v. 283
 Serra-Ràfols, J. de C. 282
 Sethe, Kurt 83, 114, 203, 249, 257, 261, 273, 278, 283, 286, 290
 Sittig, E. 291
 Sobelman, Harvey 291
 Sottas, H. 286
 Speiser, E. A. 256, 264, 268, 270, 289
 Spencer, Baldwin 280
 Sprengling, Martin 265, 290, 338
 Spuler, B. 286
 Starkey, Marion L. 281
 Steffens, Franz 292
 Steward, Julian H. 35, 251, 284
 Stillwell, Agnes N. 271, 340
 Stokoe, William P. 246, 322, 335
 Stübe, R. 247, 283
 Sturtevant, Edgar H. 149, 267
 Sukenik, E. L. 263

Sundwall, J. 282, 288
Sweet, Henry 230, 281, 315

Tai Chün-Jên 260
Tai T'ung 248, 260, 287
Taylor, Isaac 182, 283
Tchang Tcheng-Ming 260, 287
Thompson, Edward Maunde 292
Thompson, J. Eric S. 254, 285
Thureau-Dangin, F. 240, 286
Thurnwald, R. 276, 282
Till, Walter 286
Tomkins, William 54, 252, 337
Tozzer, Alfred M. 285
Trager, George L. 247, 321, 337
Tschichold, Jan 283
Tušratta 122
Twain, Mark 228, 232, 281

Uldall, H. J. 250
Ullendorff, Edward 267
Ullman, B. L. 173, 271, 280, 283, 290,
292
Ulving, Tor 254
Umiker-Sebeok, D. J. 322, 335
Unger, Eckhard 286
Ungnad, Arthur 43, 204, 278

Vachek, Josef 250
Vaillancourt, Louis-Philippe 273 и сл.
Varagnac, André 251, 284

Vats, Madho Sarup 288
Vendryes, J. 246
Ventris, Michael 97—99, 259, 288 и сл.
Viëtor, Wilhelm 281
Vincent, L. H. 263, 339
Virolleaud, Charles 129, 339
Voltaire 24

Wachtsmuth, F. 256
Waterman, Leroy 270
Weinberger, Wilhelm 292
Weissbach, F. H. 122, 262, 291
Westermann, Dietrich 246, 276
Weule, Karl 247, 252, 283
Whorf, Benjamin L. 247, 253, 285
Williams, H. S. 283
Winkler, H. A. 280
Woodhead, A. G. 271
Wou Yu-Tchang 258
Wrolstad, Meraid E. 328, 330, 335
Wuttke, Heinrich 283

Yamagiwa, Joseph K. 269, 291
Yehimilk 130, 172
Yeivin, S. 149, 266 и сл., 269, 290
Ylvisaker, Sigurd C. 148, 267
Young, Egerton R. 273
Yuen Ren Chao 258, 261

Zahan, D. 253
Zimmermann, Günter 285

Содержание

	И. М. Дьяконов. Предисловие	5
	От переводчиков	7
	Предисловие к первому изданию	9
	Предисловие ко второму изданию	12
Г л а в а I.	Письмо как система знаков	13
	Способы передачи мыслей	13
	Дефиниция письма	22
	Источники сведений о письме	30
	Изучение письма	31
Г л а в а II.	Предписьменности	34
	Примитивные рисунки	34
	Описательно-изобразительный прием	38
	Идентифицирующе-мнемонический прием	44
	Системы ограниченных возможностей	58
Г л а в а III.	Словесно-слоговые системы	67
	Шумерская система	68
	Египетская система	78
	Хеттская система	86
	Китайская система	89
	Протоэламская, протоиндская и критская системы	92
	О знаках вообще	99
	Словесные знаки	101
	Слоговые знаки	109
	Вспомогательные знаки	115
	Словесно-слоговое письмо	115
Г л а в а IV.	Слоговые письменности	121
	Клинописные силлабарии	121
	Западносемитские силлабарии	123
	Эгейские силлабарии	149
	Японский силлабарий	155
	Выводы	158
Г л а в а V.	Алфавит	162
	Древневосточные предпосылки алфавита	162
	Греческий алфавит	171
	Победа алфавита во всем мире	175

Глава VI. Эволюция письма	184
Ступени развития	184
Рисунки	184
Предписменности	184
Словесно-слоговые системы	188
Слоговые системы	189
Алфавитные системы	190
Выводы	191
Глава VII. Письменности слаборазвитых обществ в новое время . .	199
Описание	199
Выводы	203
Глава VIII. Моногенез и полигенез письма	204
Культурный фон семи древневосточных систем письма . .	205
Возможные доводы в пользу моногенеза письма	208
Глава IX. Письмо и цивилизация	211
Значение письма	211
Письмо и язык	212
Письмо как искусство	218
Письмо и религия	219
Глава X. Будущее письма	224
Глава XI. Терминология науки о письме	235
Термины в порядке русского алфавита	235
Термины в порядке английского алфавита	243
Примечания и дополнения И. Е. Гельба	246
Глава XII. Библиография	282
И. М. Дьяконов. Комментарий	293

П Р И Л О Ж Е Н И Е

И. Е. ГЕЛЬБ. Принципы систем письма в рамках зрительной коммуникации	309
Список иллюстраций	337
Предметный указатель. Составитель Л. С. Горбовицкая	342
Происхождение алфавита (схема)	355
Указатель имен. Составитель Л. С. Горбовицкая	357

И. Е. ГЕЛЬБ

Опыт изучения письма

ИБ № 6081.

Редактор *М. А. Оборина*

Художник *В. И. Астафьев*

Художественный редактор *В. А. Пузанков*

Технический редактор *О. Н. Черкасова*

Младший редактор *Р. И. Алимова*

Корректор *Н. И. Мороз*

Сдано в набор 21.06.81. Подписано в печать 22.11.82. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 23 печ. л. Уч.-изд. 22,17 л. Тираж 10000 экз. Заказ № 1753. Цена 1 р. 30 коп.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

Отпечатано в Ордена Трудового Красного Знамени Московской типографии № 7 «Искра революции» «Союзполиграфпрома» Государственного Комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 121019, пер. Аксакова, 13.

И. Е. ГЕЛЬБ

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПИСЬМА

Монография известного американского ученого И. Е. Гельба является одной из лучших работ, посвященных развитию письменностей. Эта книга знакомит читателя с историей развития письма во всем ее многообразии и во взаимосвязи с историей цивилизации. Анализируя письменности разных времен и народов, автор показывает, что существенным является не то, как письменности отличаются друг от друга своей графической формой, а то, на основе каких звуковых единиц и комплексов складываются те или иные виды письма.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАДУГА**